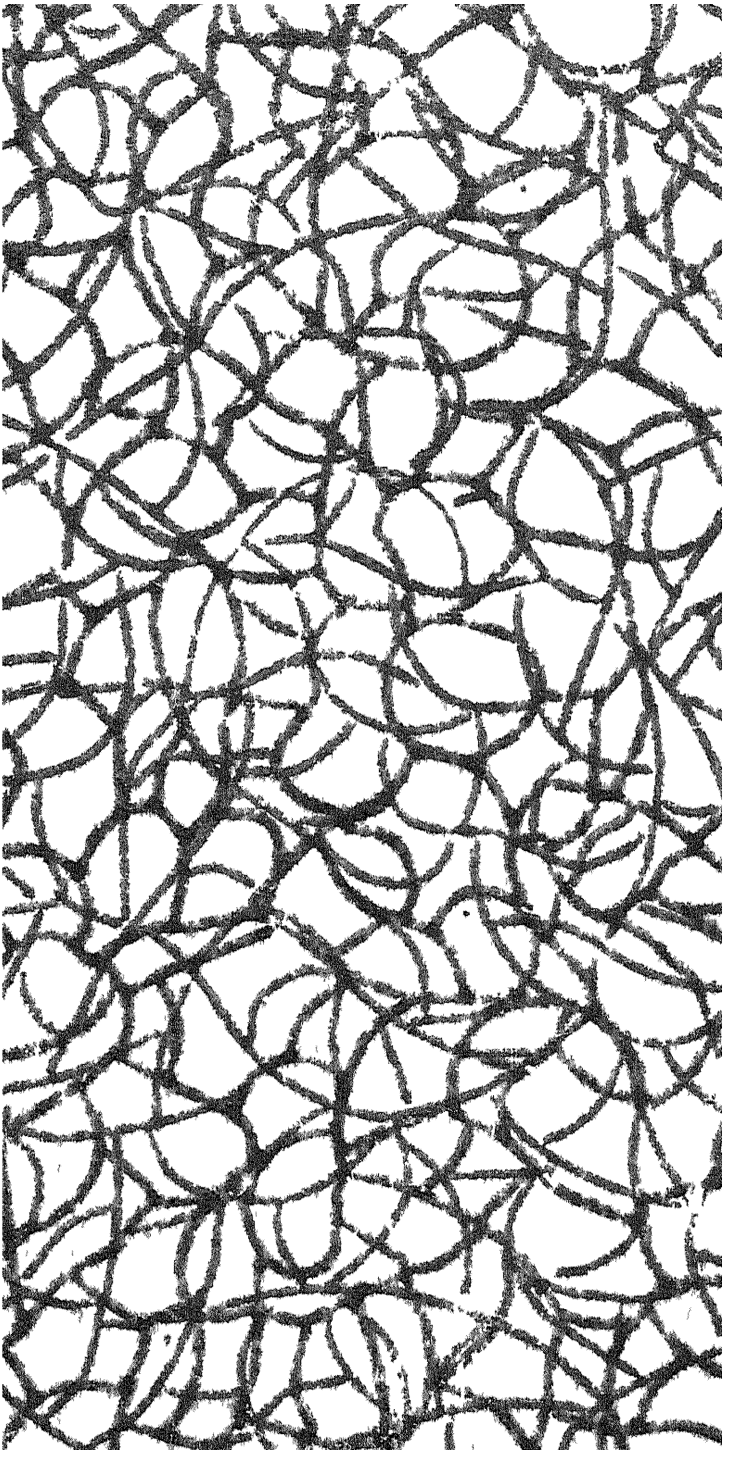

16783 ССLXXV 1/43.

ВХ 540

Протоіерей Алексѣй Поповъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

Изъ жизни духовенства Вологодской епархіи.

ЦѢНА 1 руб. 30 коп

ВОЛОГДА
Типографія Губернскаго Правленія.
1913.

ВХ
540

Протоіерей Алексѣй Поповъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

Изъ жизни духовенства Вологодской епархіи.

ВОЛОГДА.
Типографія Губернскаго Правленія
1913.

1г

Оттиски изъ Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1909—1913 г.г.
Редакторъ *Ив Суворовъ*.

423
37

Его Высокопреосвященству,

Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Никону,

БЫВШЕМУ

Вологодскому и Тотемскому.

ЧЛЕНУ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА

И

Государственнаго Совѣта,

усерднѣйшее приношеніе.

Какія-то мягкія, теплыя, искреннія, родныя движенія Вашей души, незабвенный Архипастырь, съ первой встрѣчи съ Вами, плѣнили и покорили меня. Я пошелъ, куда Вы призывали, и сталъ заниматься тѣмъ, чѣмъ Вамъ было угодно. По Вашему желанію, попробовавъ свои силы въ мелкихъ статьяхъ для Вологодскаго „Церковнаго Слова“, съ благословенія Вашего Высокопреосвященства, я рѣшился писать и „воспоминанія причетническаго сына“ о жизни духовенства Вологодской епархіи, за время съ 1845 по 1890 годъ, приблизительно. Прослушавъ первую главу, Вы милостиво благословили печатать ихъ въ Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ безъ цензуры. Не разъ за тѣмъ Вы удостоивали ихъ добраго слова предъ моими товарищами по Государственной Думѣ Анат. Арсеньевичемъ Кузьминымъ и Вас. Аѳиногеновичемъ Образцовымъ. Вамъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, какъ литературному вдохновителю и благосклонному цѣнителю, и осмѣливаюсь почтительнѣйше поднести свое малое, скромное, ничтожное приношеніе.

Не отвергните, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, бѣднаго дара моего почтительнѣйшаго усердія и сыновней преданности!

Вашего Высокопреосвященства

Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца

смиренный послушникъ

Лальскаго Воскресенскаго собора Вологодской епархіи

Настоятель, Протоіерей Алексій *Поповъ*.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

„Слава Богу за все".
(Златоустъ).

I.

Родился я въ 1841 году 5 мая въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, захолустныхъ мѣстечекъ Устюжскаго уѣзда Вологодской губерніи, находящемся въ 100 верстахъ отъ города уѣзднаго и и въ 350 верстахъ отъ г. губернскаго. Родитель мой былъ дьячкомъ въ приходѣ, гдѣ всего населенія насчитывалось тогда около 350 душъ мужескаго пола. Въ составѣ причта было 3 члена, — священникъ, дьячекъ и пономарь. Для всѣхъ ихъ на погостѣ было построено прихожанами 3 крестьянскихъ простыхъ черныхъ избы, а для священника съ холодною горенкою. Четвертое жилое помѣщеніе погоста — это маленькая хижина съ тремя волоковыми окошечками, какъ и у духовенства, для просфорни. Печи въ нихъ были глинобитныя, безъ дымовыхъ трубъ, съ однимъ только кожухомъ сверху надъ устьемъ печи. Мѣсто между кожухомъ и устьемъ печи, долженствующимъ пропускать дымъ, называлось челомъ, было всегда покрыто сажею, которая и служила источникомъ добыванія огня. Дѣлалось это такъ. — Нуждающійся въ огнѣ шелъ къ печи, бралъ здѣсь съ верхней полки (по мѣстному, „полицы") берестяную коробку, въ которой хранилось огниво, кремень, трутъ и сѣрныя спицы (березовыя, длиною вершка 3, 4) и начиналъ огнивомъ выбивать изъ кремня искры такъ, чтобы онѣ падали на печное чело, покрытое сажей. Сажа конечно не воспламенялась, но искру легко воспринимала Искра въ сажѣ такъ сказать реализировалась. Къ ней подносился тогда сѣрный конецъ спицы и получался огонь. Печи устраивались въ избахъ въ одномъ изъ заднихъ угловъ, такъ что заднею частью онѣ упиралась въ одну стѣну, а бокомъ прилегала къ другой Съ другой же стороны печи пристраивался голбецъ, ведущій въ подполье, гдѣ хранились нѣкоторые хозяйственные продукты и печеный хлѣбъ. Съ другой же стороны избы на-

раллельно съ печью и голбцемъ устраивались палати на высотѣ приблизительно 2 арш. 6 вершковъ отъ пола. На этой же высотѣ устраивались по стѣнамъ для домашняго обихода и полицы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей губерніи называемыя полавочниками, а за тѣмъ, для сидѣнья, и лавки. Въ переднемъ углу обыкновенно устраивалась божница, гдѣ помѣщались святыя иконы. Здѣсь же стоялъ обычный кухонный, бѣлый столъ, а передъ нимъ скамья. Столъ, скамью и лавки заботливыя хозяйки мыли каждую недѣлю, стѣны отъ лавокъ до полицъ разъ, или два въ годъ передъ великими праздниками, полъ также и въ тоже время, а стѣны выше полицъ и самая подволока, набиравшаяся изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, не мылись никогда, а только обметались, когда начинала уже висѣть сажа. Нѣтъ нужды поэтому говорить о цвѣтѣ подволокъ и стѣнъ выше полицъ. Онѣ были черны буквально, какъ сажа, а полы были грязны и волнообразны, грязны отъ того, что ихъ мыли очень рѣдко, а волнообразны отъ того, что когда покрывались они толстымъ слоемъ грязи, тогда ихъ только смачивали водою и за тѣмъ проскабливали лучевниками, тупицами и заступами. Понятно, что, при такой операціи, вмѣстѣ съ грязью, выскабливались годъ отъ года и мягкія части дерева, а болѣе твердыя, какъ сучья, тѣ не уступали сокрушительному способу промыванія и оставались, упрямо возвышаясь.

Святымъ украшеніемъ моей родины были два Божіихъ храма,—одинъ теплый одно-этажный каменный, правильно раздѣленный, кромѣ алтаря, на церковь и трапезу, съ полукаменной колокольней, и холодный деревянный. Храмы Божіи въ концѣ первой половины девятнадцатаго столѣтія обнесены были заплотикомъ, а позднѣе и деревянной приличной оградой. Посреди ограды между церквами стояла большая кудрявая береза. Кругомъ поля, за ними деревни, еще поля, а тамъ и лѣсъ и только лѣсъ, изъ котораго вытекаетъ одна ничтожная рѣчка, впадающая въ 5-ти верстахъ отъ церкви въ одну изъ судоходныхъ рѣкъ губерніи. А за этою послѣднею былъ и нынѣ есть почтовый трактъ, соединяющій между собою два уѣздныхъ города.

Бѣдна была наша церковь, не имѣвшая ничего изъ благородныхъ металловъ, кромѣ единственныхъ Богослужебныхъ сосудовъ серебряныхъ, но не золоченыхъ. Едва-ли было три перемѣны самыхъ дешевыхъ, заношенныхъ и уже порвавшихся священническихъ облаченій. Причетническихъ стихарей не было со-

вершенно. Купѣли для крещенія младенцевъ тоже не имѣлось. За то, по мнѣнію простодушнѣйшихъ прихожанъ, быть такъ хорошъ колокольный звонъ, что „лучше его не услышите нигдѣ, хотя поѣзжайте до Москвы". Этотъ же несравненный звонъ состоялъ изъ 5 колоколовъ, которые всѣ-то вмѣстѣ едва дистигали 40 пудовъ. Интересна была также купѣль для крещенія дѣтей. Изъ корней громадной сосны былъ выдолбленъ ковшъ, даже съ ручкою, въ который вливалось свободно 3 ведра воды. Въ этомъ ковшѣ, конечно не окрашенномъ ни въ какой цвѣтъ, и крестили дѣтей. *)

Жизнь духовенства, по внѣшней обстановкѣ, боле скудной, чѣмъ у большей части крестьянъ, вообще ничѣмъ не отличалась отъ жизни крестьянской.

Какъ крестьянинъ, такъ пономарь, дьячекъ и священникъ жили своимъ хозяйствомъ, трудомъ, работою; занимались они скотоводствомъ и земледѣліемъ, сѣяли ленъ, приготовляли дрова,— сами пахали, сѣяли, боронили, сами прятали навозъ, сами жали, косили, молотили. А бывали между ними и такіе, которые, за всѣмъ этимъ, умѣли сдѣлать топоромъ и стругомъ все, что угодно для хозяйства,—и борону сбить, и соху устроить, и ткацкій станокъ (кросна по мѣстному) соорудить.

Одного я только не дѣлывалъ, любитъ говорить и нынѣ здравствующій одинъ старецъ священникъ о. А Б...й—тто—гробовъ. Почему?—Да потому, что не было надобности, семья моя здравствуетъ. Съ какимъ-то мягкимъ, теплымъ чувствомъ и мнѣ вотъ припоминаются старыя, родныя картины изъ давняго прошлаго. И чѣмъ отдаленнѣе онѣ отъ настоящаго времени, тѣмъ оригинальнѣе и симпатичнѣе. Такъ онѣ кажутся мнѣ по крайней мѣрѣ. Но для полной точности я долженъ обозначить, что мои воспоминанія начинаются, съ достаточной отчеткивостію, не раньше 1845 - 1846 года. Позвольте, дорогой учитель, коснуться, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ въ настоящемъ блѣдномъ, не искусномъ очеркѣ.

Начало весны. Мартовское солнце по небу ходитъ уже выше, свѣтитъ ярче, и теплѣе. Въ переднемъ углу дьяческой избы, стоитъ уже не кухонный столъ, а ткацкіе кросна. Мать семьи сидитъ за ними за работой, а передъ нею съ боку на лавкѣ шестилѣтній ребенокъ съ азбукою и неизбѣжною „указкой"

*) Авторъ же настоящихъ воспоминаній, по разсказамъ покойныхъ его родителей, былъ крещенъ не въ этомъ ковшѣ почему-то, а просто „въ мучной сѣяльницѣ ковенькой". Что же? И то хорошо.

въ рукахъ, изучая славянскую грамоту.—Да развѣ жены причетниковъ тогдашняго времени были грамотныя? спросите вы.—Нѣтъ, отвѣчаю. Такъ какъ же неграмотная мать учитъ ребенка грамотѣ.—Она знала названія славянскихъ буквъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ, хотя и не знала ихъ очертанія. Называя же буквы ихъ именемъ, слѣдила глазами за указкою ребенка, долженствовавшаго направить указку на называемую букву, и заключала отсюда, правильно-ли знакомится съ буквами ея ученикъ. Учила и училась. А гдѣ же отецъ семьи, хозяинъ дома? Великимъ постомъ, а это былъ онъ, обыкновенно какъ крестьяне, такъ и духовенство были въ лѣсу, рубили дрова и лучину, сначала въ кряжи, а потомъ на полѣнья, кололи на плашки толстыя изъ нихъ и складывали въ полѣницы. Еслибы мы пошли за ними въ лѣсъ, то увидали бы, какъ утомившись въ тяжелой работѣ священникъ, дьячекъ и пономарь усѣлись на кряжикахъ въ однѣхъ рубашкахъ, сукманныхъ шароварахъ, да въ такихъ же жилетахъ, и разнюхиваютъ изъ своихъ берестяныхъ табакерочекъ табачекъ, угощая при томъ одинъ другаго. Но вотъ и весна пришла Снѣгъ уже стаялъ. Ручьи и рѣчки пообмелѣли. Земля просохла. Сохи и бороны готовы. Начался посѣвъ ячменя, овса и пшеницы. Выйдите на перковное поле и увидите, что на одной полосѣ пашетъ причетникъ, а на другой священникъ въ рубашкѣ, но въ жилетѣ уже суконномъ. А спустя 4—5 часовъ тамъ уже другая картина. На одной полосѣ сѣетъ священникъ, на другой пономарь, а на третьей женщина. Эта женщина жена дьячка, та самая, что, будучи неграмотною, умѣла обучать грамотѣ своего сына первенца,—это была моя родимая матушка. И не это только она умѣла дѣлать и дѣлала, кромѣ женскихъ работъ. Она и сѣяла, и вѣяла, и снопы на „кораса“ подавала, и овины садила и овины сушила, и сѣно въ стоги метала, не хуже любого мужчины. А дѣти духовенства подходящаго возраста,—кто бы онѣ ни были,—сыновья и дочери уже боронятъ. И весна, и поле, и дѣло, и раздолье,—о, какъ хорошо и весело было тогда намъ, дѣтворѣ сельскаго духовенства!

Въ-слѣдъ за весенними посѣвами хлѣба слѣдовала, безъ промежутка, другая, и тамъ третья, четвертая и такъ далѣе работа за работой до поздней осени. На моей родинѣ и тогда занималось, и нынѣ занимается еще мѣстное населеніе посѣвомъ льна не на поля, а на лѣсные подсѣки. И въ этомъ промыслѣ, дающемъ, при своемъ трудѣ, хорошій доходъ, не уступало кре-

стьянамъ духовенство, нуждавшееся въ средствахъ, при ничтожности доходовъ, получаемыхъ отъ прихожанъ, хотя на производство льна и затрачивалось много времени и силъ. Нужно въ первой половинѣ іюня каждаго года сдѣлать такое количество лѣсныхъ подсѣкъ, какое въ силахъ обработать то, или другое семейство въ слѣдующее лѣто. Нужно заготовить такое количество дровъ, которое въ достаточной мѣрѣ обезпечивало-бы выпрятку, прожиганіе почвы на подсѣкахъ. Нужно заготовленіе льняного, хорошаго сѣмени. Нужно въ маѣ своевременно заняться „выпряткою“ своихъ подсѣкъ тщательно, а не какъ-нибудь, такъ какъ чѣмъ лучше бываетъ прожжена почва и чѣмъ лучше она проборонена, тѣмъ лучше выростаетъ на ней ленъ, обыкновенно, при нормальномъ состояніи погоды, въ концѣ іюля. Нужно ленъ выгвать, высушить его сперва на „вѣшалахъ въ тѣхъ же подсѣкахъ, называемыхъ то „льницами“, то „новинками“, то „кулижками“, а потомъ на овинахъ; для того, чтобы легче отдѣлить отъ льняныхъ воложей „куглину“, т. е. головки съ сѣменемъ. Нужно за тѣмъ разостлать уже околоченный ленъ на скошенныя пожни, въ свое время снять, связавши въ вязанки, потомъ опять высушить, обмять съ него „костру“, отрепать, вычесать, связать въ кучки, повѣсмъ по 20 напр., и тогда уже продавать. И послѣ такихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ трудовъ, соединенныхъ съ льнянымъ промысломъ, и нынѣ радуется нашъ крестьянинъ, получивши рублей 8 за пудъ хорошаго льна. А какъ радовалось во дни оны наше горемычное сельское духовенство, когда, послѣ множества личнаго труда всѣхъ членовъ семьи, отъ малаго до стараго, оно получитъ бывало рублей 10 за пудъ льна, ассигнаціями, т. е. по нынѣшнему счету, 3 руб. за пудъ.—я не сумѣю и выразить. Но какое горе бывало для него, когда, при всѣхъ этихъ затратахъ времени и силъ, при всѣхъ многосложныхъ трудахъ и заботахъ, ленъ выйдетъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, плохимъ! И вѣсомъ то въ такомъ случаѣ, при отсутствіи „доброты“ оказывалось льна у хозяина мало и цѣна на него уменьшалась на половину. Кто изъ читателей имѣлъ случай хотя и не заниматься льноводствомъ, какъ занимался я, а только присматриваться къ нему, тотъ отлично поймет всю горькую правду моихъ словъ; а тѣхъ, кто совершенно не знакомъ ни съ этимъ промысломъ, ни съ жизнію сельскаго духовенства епархіи, за минувшее время, прошу вѣрить честному слову „причетническаго сына“, съ семилѣтняго возра-

ста призваннаго къ физическому труду посильному и не по сильному. Да, для меня, какъ сына бѣднаго сельскаго причетника, начавшаго помогать въ работахъ родителямъ съ семилѣтняго возраста, не всѣ труды были посильными, не всѣ и пріятными. Любилъ я боронить, любилъ жать, рвать, стлать и снимать ленъ, но непріятно было рвать ленъ въ дождливое время, не пріятно было по требованію покойной моей матушки вставать по утрамъ рано и идти на работу ту, или другую. Но все это было посильно. Не по силамъ же было мнѣ косить траву, не по силамъ и сносить на пожняхъ къ стогу копны скошеннаго сѣна и подволакивать при той или другой надобности, жердье тамъ, гдѣ батюшка не считалъ нужнымъ запрягать лошадь. До сихъ поръ я хорошо помню тотъ невыносимо жаркій лѣтній день, во время сѣнокоса, когда и безъ работы человѣкъ задыхался отъ зноя, распрѣлая трава острію косы не уступала, матушка изнемогала, я обезсилѣлъ, а батюшка косилъ и очень гнѣвался, что ни мать, ни сынъ косить не могутъ (мнѣ было тогда лѣтъ 9—10, а матушкѣ 29). Какъ ни боялся я родительскаго гнѣва, обнаруженія котораго могли быть печальными для меня и для матери, но, не смотря на это я положилъ косу, ушелъ въ тѣнь за кустъ и горько заплакалъ. заплакалъ сознательно не столько о своемъ безсиліи физическомъ, сколько о той несчастной долѣ духовенства, а особенно долѣ причетнической, въ какой тогдашнее духовенство находилось. И тутъ же, поднявъ глаза къ небу, перекрестился и далъ себѣ клятву учиться и учиться, хотя бы пришлось питаться Христовымъ именемъ, какъ вскорѣ потомъ и случилось, лишь-бы не надѣть и мнѣ на себя эту ужасную лямку труда и почти нищеты. При уборкѣ на пожняхъ сѣна, высохшая трава загребалась въ валы, изъ нихъ она копнилась въ небольшія копны, которыя и сносились мало по малу туда, гдѣ было избрано мѣсто для стога. Пока стогъ былъ низокъ, батюшка металъ сѣно одинъ изъ тѣхъ копенъ, которыя уже снесены имъ были къ „стожью“ съ матушкою А когда стогъ становился выше и не поддавался уже на верху его наблюденію, тогда обыкновенно матушка становилась на стогъ, принимала здѣсь съ вилъ подающаго граблями сѣно и укладывала пластами его равномѣрно, и симметрично. И вотъ, когда стогъ становился высокимъ, слѣзать съ него было уже неудобно для матушки, и принужденъ былъ я волей-неволей носить съ моимъ родителемъ на носилкахъ оставшіяся копны. Хотя онъ и дѣлалъ все возможное

для облегченія сравнительной тяжести, по отношенію ко мнѣ. копенъ сѣна, принимая какъ можно больше тяжести ихъ на себя, но все таки нѣкоторыя изъ нихъ были такъ тяжелы, что у меня разжимались пальцы рукъ, а изъ глазъ сыпались не слезы, нѣтъ, а какія-то разноцвѣтныя искры. Жерди же мнѣ приходилось волочить, положивши тяжелый конецъ на плечо, обычно правое, причемъ легкій конецъ жерди одной или двухъ, что зависѣло отъ неравномѣрной тяжести ихъ, скользилъ по землѣ. А такъ какъ эта гимнастика моя, по родительскому требованію, была очевидно не рѣдкою, то послѣдствіемъ ея оказалось то, что правая плечная ключица стала нѣсколько ниже, чѣмъ лѣвая. Другое же свидѣтельство того, что все-это было не во снѣ, а наяву пережито и переиспытано, при всякой даже легкой усталости, давно уже болятъ у меня обыкновенно плечи и спина. А когда я былъ такъ юнъ, что не годился ни на какую работу, тогда мнѣ, какъ старшему между дѣтьми семьи, поручалось нянчиться съ ними, завѣдывать домомъ во время отлучки родителей на работу въ поле, или на сѣнокосъ и въ тоже время приготовлять уроки по чтенію. Пища, состоящая изъ хлѣба и соли, оставлялась мнѣ, на столѣ подъ покровомъ скатерти. И сидишь, бывало, цѣлый лѣтній, красный день въ грязной и душной избѣ съ своими питомцами, одного изъ нихъ качая въ люлькѣ и кормя молокомъ изъ рожка, а за другимъ, еще не твердо ходящимъ по полу, слѣдя глазами, чтобы онъ гулялъ благополучно. Сидишь одинъ. Жужжатъ, да кусаютъ только злыя мухи. Скучно очень, тянетъ на улицу, а колыбельный ребенокъ спитъ. Заплачешь, бывало, и ребятишки, точно изъ сочувствія своей нянькѣ, закапризничаютъ и заплачутъ. Слезами однако горю не поможешь, что очевидно я уже понималъ. Надо поправлять дѣло иначе. Попоишь, покормишь ребятишекъ, да и самъ поѣшь. А потомъ, взявши маленькаго на руки, а того, который побольше, посадивши на плечи, выносишься съ ними на улочку подышать и посвѣжиться. А за тѣмъ опять забираешься въ свою убогую и скучную избушку. Однажды случилось, что родители мои, уйдя на цѣлый день въ лѣсъ на сѣнокосъ, по обычаю оставили мнѣ съ дѣтишками хлѣба, и соли, но хлѣба не нарѣзали и ножа не оставили. Пришла пора—захотѣлось ѣсть. Я къ столу. Соль и каравай хлѣба тутъ. Хлѣба однако не нарѣзано и ножа на столѣ нѣтъ. Какъ быть? Отломить изъ каравая хлѣба я не могъ, а грызть коровай не берутъ зубы. Ищу ножа возлѣ, а его нѣтъ.

Наконецъ, увидѣлъ я рукоятку ножа на полицѣ. Но это высоко. Встаю на лавку и достать ножъ никакъ не могу. Ѣсти уже очень хочется. Отошелъ, посмотрѣлъ еще разъ на желательный предметъ издали и сообразилъ, что если я встану на лавку и подпрыгну, то пожалуй могу схватить съ полицы ножъ. Иду и дѣлаю. Но вышло что-то не то, что ожидалось. Подпрыгнувши съ лавки вверхъ, я почувствовалъ, что только затронулъ пальцами ножъ, а схватить его не могъ. Гдѣ же онъ? Его не видно болѣе и на полицѣ, да нѣтъ его и на полу, куда бы долженъ былъ онъ по крайней мѣрѣ свалиться, не попавши мнѣ въ руки. Между тѣмъ начинаю чувствовать что-то теплое у себя на головѣ. Поднимаю руки и нахожу тамъ воткнувшимся въ самое темя головы моей ножъ. Ужасно сознавать это теперь, а тогда какія чувства волновали и волновали-ли меня — уже не помню кромѣ того, что, выдернувъ изъ головы ножъ, я облился кровью. Руки, лицо и рубашка у меня стали уже въ крови, а это не порядокъ, думалось мнѣ. Надо стало быть остановить теченіе крови. но чѣмъ и какъ? Кто же научитъ ребенка? Учителей не было, да и не нужно ихъ. Мнѣ мѣшала кровь. Я пошелъ въ сѣни къ кадкѣ съ водою, взялъ ковшикъ, зачерпнулъ воды и давай поливать голову водою. Кровь вскорѣ, или не вскорѣ, также не помню, остановилась. Вымылъ я ножъ, наколупалъ имъ изъ коровая хлѣба, поѣлъ съ дѣтишками и успокоился. А когда пришли родители, я разсказалъ имъ подробно о своемъ приключеніи. Они осмотрѣли голову, перекрестились и сказали, что меня „спасъ Богъ“. Да, именно Богъ, и потомъ многажды въ послѣдующей моей жизни спасавшій отъ бѣдъ различныхъ и „смерти напрасной“ Замѣчательно, что голова моя, ни мало не болѣла, а глубока-ли была на головѣ моей отъ ножа рана я не знаю, мои родители ничего мнѣ о томъ не сказали.

О такихъ работахъ духовенства, какъ пашня, бороньба, сѣнокосъ, жнитво, уборка въ гумнѣ съ полей хлѣба, я говорить не стану За этими работами, кромѣ пашни, можно увидѣть духовенство еще и нынѣ. А вотъ „прятка новинокъ“, или иначе „каченье кулижекъ“, какъ и „навозная прятка“ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ бытописателю. Для этихъ работъ люди одѣваются обыкновенно въ самую плохую одежду и обуваются въ лапти, или кожаные ступни, *) привязываемые къ ногамъ ремнями. Производятся работы — первыя въ маѣ, а послѣд-

*) Такъ называемые „уледи“.

нія въ іюнѣ. Выбирается для первыхъ ведряный день. Новинка срублена въ прошломъ году. Лѣсъ на ней высохъ. Дровъ навожено. Дрова это длинныя разныхъ породъ деревья. Онѣ завали ваются въ валъ, который и зажигается для того, чтобы почва полъ нимъ прогорѣла. И этотъ валъ постепенно перекатывается съ одного мѣста на другое, уголье подметается, дровъ прибавляется. Дымъ, жаръ отъ огня и солнца, а работать надо горячо, надо, чтобы лучше прожечь почву и не тратить напрасно дровъ. Людей, уже отъ грязи и сажи потерявшихъ ликъ человѣческій и забывшихъ о пищѣ, томитъ одна жажда. И они пьютъ и пьютъ воду, охлаждая ее притомъ снѣгомъ, или льдомъ, взятымъ изъ погреба. Хорошо, кто съ увлеченіемъ отдается этой тяжелой и опасной для здоровья работѣ. Утоленіе жажды холодною водою для нихъ безвредно. Но горе лѣнивымъ. Опиваясь, они тотчасъ же заболѣваютъ и скоро умираютъ. На такой-то работѣ, въ такомъ-то видѣ, любезный читатель, нашли-бы вы и сельскаго батюшку, и супругу его съ дѣточками—поповнами и поповичами, еслибы могли войти въ лѣсокъ, гдѣ, обливаясь потомъ и грязью, хуже всякихъ слезъ, ищутъ они себѣ средствъ пропитанія. Но это для васъ невозможно. Пусть такъ. Тогда пожалуйте въ скотскій дворъ, или загляните сюда хотя издали. Здѣсь другая, также интересная, если угодно, картина, вызываемая тою-же нуждою. Среди двора, въ группѣ мужчинъ средняго возраста всѣ грязно обутыхъ и грязно одѣтыхъ стоитъ опершись на вилы священникъ въ одной холщевой рубашкѣ и такихъ же, но уже порядочно загрязненныхъ кальсонахъ. На головѣ у него необъяснимой формы шляпа, а на ногахъ берестяныя ступни. Пришла въ телѣгѣ во дворъ лошадь. Заработали въ рукахъ людей вилы. А батюшка, какъ хозяинъ, стало быть человѣкъ преимущественно заинтересованный успѣхомъ работы, работаетъ пуще всѣхъ. Дѣтишки его ѣздятъ возчиками на коняхъ. А матушка гдѣ? Она, господа, въ полѣ, вся искусанная мошкою и паутами, работаетъ, также не покладая рукъ,—она огребаетъ съ телѣгъ тамъ навозъ, когда пріѣзжаютъ дѣти ея изъ двора съ навозомъ въ поле. А о причетникахъ уже и говорить не приходится. Эти несчастные паріи, всѣми забытые, если хотѣли сносно жить, и питаться хотя сколько нибудь почеловѣчески, работали буквально, ни днемъ, ни ночью не зная покоя. Покойнаго нашего поэта—народника тронула и вдохновила судьба Русской женщины, горѣвавшей на работѣ косулею „поженьку

голую", и — написалъ онъ свое чудное стихотвореніе: „въ полномъ разгарѣ страда деревенская"... Что написалъ-бы онъ, еслибы увидѣлъ то, что я видѣлъ, даже пережилъ непосредственно. — Какъ вамъ нравятся эти темы для поэта, или художника: „Девяти лѣтній ребенокъ (сынъ причетника) горько плачущій на сѣнокосѣ отъ изнеможенія", „семейство священника, обработывающее кулижку подъ посѣвъ льна", сельскій священникъ прячетъ навозъ, или „матушка — попадья сгребаетъ навозъ съ телѣгъ въ полѣ" подъ тучею овода, который, жаля, кусая, жужжа, уже истерзалъ давно ея лице, руки и ноги до крови..." Но Н. А. Некрасовъ не видалъ этихъ заурядныхъ картинъ нашего прошлаго, да и сами мы, угнетенные тяжкою долею, не понимали, что можно и должно бы лучше жить духовенству, пока не освѣтили дѣла нѣкоторымъ вниманіемъ добрые люди. Мы страдали и страдаемъ потезно, не помышляя даже о концѣ страданья, а мечтая лишь о его ослабленіи.

Осень проходила у нашего сельскаго духовенства за обработкою льна, часть котораго оставлялась для нуждъ семьи, а большая часть поступала въ продажу. Зимою духовенству жилось легче, работы было меньше, чѣмъ лѣтомъ, но все-же работа была. Нужно было подвозить кормъ для скота, солому и сѣно, дрова и лучину для отопленія и освѣщенія. Но это считалось такимъ легкимъ занятіемъ, что не называлось даже работой, а было какъ бы развлеченіемъ. Но я не могу оставить безъ вниманія тѣхъ зимнихъ дней, когда бывали большіе морозы. Въ самомъ началѣ моихъ воспоминаній я уже отмѣтилъ, что избы у духовенства были черныя, окна въ нихъ были волоковыя съ однимъ только окномъ въ срединѣ нѣсколько побольше остальныхъ двухъ съ той же лицевой стороны и еще одного со стороны боковой. Кромѣ однѣхъ лѣтнихъ рамъ, и то почему-то обычно ветхихъ съ разбитыми стеклами, другихъ не имѣлось. Для выхода изъ избы дыма, во время топки печи, на одинъ рядъ ниже потолка, или подволоки было въ задней стѣнѣ прорублено окно, замыкавшееся, по минованіи въ немъ надобности, отрепьями Когда зимою сравнительно была теплая погода, примѣрно не ниже 20°/₀, спальня духовенства устраивалась на полу быстро и просто Приносились изъ холодныхъ сѣней ковры, связанные изъ пучковъ ржаной соломы, постилались они на полъ среди избы, на нихъ стлались войлока, сдѣланные мѣстными мастерами изъ овечьей шерсти, въ изголовье же сначала закладывалось по полѣну дровъ,

а на нихъ уже подушки съ холщевыми наволочками, закрашенными въ темный кубовый цвѣтъ. *) Одѣяла же замѣняла всякая теплая обычная одежда, хотя у священника и зажиточныхъ крестьянъ, какъ слыхалъ я, имѣлись и шубныя одѣяла въ точномъ смыслѣ, сшитыя изъ простой русской овчины. На печи, или голбцѣ, обычно покоились старички и старушки, если таковые были въ семействѣ. А когда морозъ усиливался, тогда спальня во всей своей красотѣ и убранствѣ переносилась съ полу на палати, гдѣ конечно уже было теплѣе, чѣмъ на полу, а окна къ ночи затыкались на-глухо отрепьями. И ночь проводили мы тепло и покойно. Наставало утро „Ой, ой, кажись, проспали, чутьли не третьи пѣтухи уже пропѣли“, обыкновенно, перекрестившись и вскакивая съ постели, говорила моя матушка. Быстро, накинувъ на себя крашенинный, набивной сарафанъ, она умывалась, молилась Богу, ходила къ скоту и затопляла печь. Вотъ тутъ-то и начиналось наше дѣтское страданье. Чѣмъ болѣе разгорался въ печи огонь, тѣмъ сильнѣе и больше наша избушка наполнялась холодомъ и дымомъ. На полатяхъ, гдѣ намъ было такъ хорошо, уже дышать стало нельзя, дымъ густымъ облакомъ ходитъ выше и ниже палатей Надо спуститься на полъ, гдѣ приготовлена рукою матери намъ уже постелька экспромптомъ, и гдѣ уже распространился уличный холодъ отъ растворенныхъ широко дверей. Это для чего? А для того, чтобы усилить движеніе въ трубу дыма, который, безъ побудительнаго движенія холоднаго воздуха, спустился-бы до самого пола и вытѣснилъ бы изъ избы все ея населеніе. Хотя на полу на новой постели обыкновенно и берегли дѣтишекъ, забрасывая ихъ всяческимъ скарбомъ, но имъ тутъ уже не спалось, было не уютно и холодновато, то тотъ, другой изъ нихъ срывался съ постели и садился на шестокъ, чтобы тутъ онъ могъ погрѣться. А родители наши ходили и сидѣли въ это время неиначе, какъ въ шубной рабочей одеждѣ, называвшейся „полушубками“. Но вотъ изба протоплена, дыма въ ней уже нѣтъ и обледенѣвшія за ночь двери затворены. Сейчасъ будетъ и дымовое окно закрыто отрепьями. Тогда въ морозное время во всемъ нашемъ погостѣ начинался періодъ угаровъ. Стоило только на полчаса замѣшкаться дома, чтобы угорѣть до смерти, что и случалось не однажды съ моею покойной матушкой. А не спѣшить закрывать дымовое окно зна-

*) Не знаю, чѣмъ были набиты подушки эти, но онѣ также разнились отъ подушекъ добрыхъ людей, какъ ласки мачихи отъ нѣжной любви родной матери.

чило бы рисковать потерять часть съ такимъ самоотверженіемъ полученнаго тепла. И населеніе погоста спасалось отъ угара въ теченіе нѣкотораго времени, по крайней мѣрѣ до полудня, только въ церкви, гдѣ къ той порѣ и пріурочивалась топка печей; сидѣло оно иногда и въ церковной сторожкѣ, смотря по тому, гдѣ было лучше, въ отношеніи тепла и угара. По приходѣ домой окна отъ отрепей освобождались на время, пока было свѣтло, но скоро на стеклахъ оконныхъ рамъ жестокій морозъ начиналъ вырисовывать свои узоры, къ ночи же окна опять закрывались отрепьями и т. д. Но когда съ вечера было тепло, а подъ утро становилось холодно, при незакрытыхъ съ вечера отрепьями окнахъ, тогда за ночь покрывались онѣ такимъ толстымъ слоемъ льда и снѣга, что ихъ проскабливали ножами, чтобы сдѣлать возможнымъ хотя нѣкоторый доступъ съ улицы въ избу дневнаго свѣта. Такъ протекала изъ года въ годъ хозяйственная жизнь сельскаго духовенства въ половинѣ, раньше ея и нѣсколько позже половины прошлаго вѣка, по моимъ хотя и дѣтскимъ, но непосредственнымъ наблюденіямъ. Заканчивая ея описанія, я долженъ сказать что кто изъ сельскаго духовенства такъ жилъ и работалъ, тотъ былъ сытъ и одѣтъ не хуже по крайней мѣрѣ средняго достатка крестьянина. У него и пища была сносной; въ скоромные дни бывали и щи скоромные, съ забѣлой, или свининой и молоко всякое, а въ постное время рѣдька съ квасомъ, овсянка, или горохъ и картофель, въ смыслѣ пирожнаго. Что касается кушаній холодныхъ или жаркихъ, то это уже роскошныя блюда, подавались только по великимъ праздникамъ и состояли онѣ,—холодныя изъ студени или телятины, изъ сайды, или волнухъ (грузди росли не каждогодно, огурцы же не выростали, не росла и капуста), а жаркое—изъ баранины, или мороженой селедки.—Дѣлалась иногда и яичница, жарилась и картофель, даже варилась въ великіе праздники и каша пшенная. Имѣлась и одежда рабочая лѣтняя и зимняя, у моего родителя было даже два подрясничка, изъ дешевой матеріи воскресный, а изъ сукна, хотя тоже дешеваго, уже праздничный. А у священника, при такомъ же гардеробѣ, имѣлась еще и ряса, которую и воздѣвалъ онъ на свои изнуренныя работою рамена небольше разъ трехъ въ годъ, а именно въ праздники Св. Пасхи, Рождества Христова и въ храмовый, или престольный праздникъ. А у матушекъ—попадьи и моей родительницы было даже по ситцевому сарафану, кромѣ сарафановъ крашенинныхъ изъ домашняго холста;

о верхней женской одеждѣ ничего сказать не могу, ничего объ ней не помню и думаю, что таковой лѣтней онѣ не имѣли, а зимой, въ случаѣ надобности, одѣвали онѣ какія-то, страннаго покроя, не объяснимыя „шубейки", которыхъ уже я и описать не могу. На голову матушка попадья, уже старуха въ описываемое время, въ торжественныхъ случаяхъ, напр. приходя въ церковь на молитву, одѣвала кокошникъ, а моя матушка, какъ женщина сравнительно молодая, кокошниковъ уже не носила, а носила такъ называемую шапочку, во также старорусской извѣстной формы А кто изъ сельскаго духовенства не умѣлъ, или не хотѣлъ такъ работать, какъ работало духовенство моей родины, тѣмъ и жилось плохо, очень плохо. Въ этомъ я убѣдился тогда, когда, переходя или переѣзжая, въ послѣдствіи времени, съ родины въ училище и обратно на родину, останавливался и ночевалъ у того или другого изъ младшихъ членовъ духовенства находившихся на моемъ пути церквей.

На гумнѣ ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ
Хоть шаромъ покати.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И погнувшись изба,
Какъ старушка стоитъ.

Такъ описывая лѣниваго мужика, покойный А. В. Кольцовъ, въ тоже время близко къ правдѣ описалъ и лѣниваго помаря добраго стараго времени.

II.

Перехожу въ моихъ воспоминаніяхъ къ служебной сторонѣ въ жизни нашего сельскаго духовенства. Въ половинѣ прошлаго вѣка въ томъ благочинническомъ округѣ, гдѣ я родился, изъ 21 священника, было 10, или 11 священниковъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Остальные священники были частію изъ неокончившихъ курсъ семинарскаго образованія, частію изъ воспитанниковъ духовнаго училища Между ними доживали свой вѣкъ и такіе священники, которые удостоены священства были, безъ сомнѣнія, за достаточныя церковныя познанія и доброе поведеніе, послѣ причетнической службы, болѣе, или менѣе продолжительной, и съ домашнимъ образованіемъ, по сдачѣ экзамена въ архіерейскомъ домѣ. Такъ мой дѣдъ по батюшкѣ, опредѣленный на должность

пономаря, если не ошибаюсь, въ 1794 году къ Опоцкой Николаевской церкви, послѣ 25-ти лѣтней службы въ этой должности на Опокѣ, рукоположенъ былъ въ санъ священника къ Городищенской Всесвятской церкви того же уѣзда. А такъ какъ отецъ дѣда былъ взятъ на церковную службу изъ крестьянъ того же Опоцкаго прихода деревни Нижней Тозьмы (изъ рода Бѣляевыхъ), то онъ не только зналъ и любилъ крестьянское дѣло всякаго рода, но, будучи пономаремъ, въ тоже время былъ и лоцманомъ на баркахъ, весною каждаго года отправляемыхъ изъ Вологды въ Архангельскъ. Дѣлалось это просто. Стоило только подарить что нибудь своему благочинному, бывшему настоятелемъ тойже церкви, или таковый подарокъ сдѣлать въ Устюгъ въ Архіерейскій домъ,—и получался желаемый отпускъ. Обычнымъ подаркомъ была хорошая бѣлая рыба, которой въ Сухонѣ тогда было весьма много. Но это между прочимъ. Возвращаюсь къ дѣлу. Всякаго возраста и всякаго образованія духовенство того времени—церковную службу отправляло совершенно уставно. Случайныя ошибки въ этомъ отношеніи исправлялись тотчасъ-же открыто и гласно —Дьячекъ, ты что поешь? Или —„Батюшка, ты то ли евангеліе читаешь?“ Иногда случалось слышать такіе возгласы то изъ алтаря, то съ клироса,—и эти возгласы, конечно не часто имѣвшіе мѣсто, никогда никого не смущали, а скорѣе дѣлали честь духовенству.—„О, у насъ, братъ, церковники знаютъ свое дѣло твердо.—Чуть-что, сейчасъ одинъ другому скажутъ стой не ладно!“ Такъ обыкновенно, при свиданіи прихожанъ одной церкви съ прихожанами другой, отзывались они о своемъ знающемъ уставъ церковный причтѣ. Но не одинъ уставъ отлично знало тогдашнее духовенство, оно знало хорошо и нотное цефаутное пѣніе и многіе старинные роспѣвы. Дѣли и читали тогда не спѣшно. А когда въ причтѣ оказывались, какъ на моей родинѣ, или въ Стрѣльнѣ того-же округа, всѣ трое священникъ и причетники—знающими пѣніе и обладающими хорошими голосами, тогда человѣкъ, не лишенный вкуса къ церковному пѣнію, съ восторгомъ послушалъ-бы, какъ они догматикъ ли поютъ на память по нотамъ, или ирмосы, или „Преблагословенна еси...“ старицнаго напѣва. Гдѣ услышите нынѣ вы такое пѣніе?. Развѣ только въ захолустныхъ монастыряхъ, какъ замѣчаетъ въ Московскомъ сборникѣ К. П. Побѣдоносцевъ! А голоса-то какіе имѣли эти люди! Боже, ты мой! Судите сами. Стрѣленская церковь двухъ-этажная стоитъ на горѣ, подъ го

рою рѣчка. а за рѣчкой въ полугорѣ, на разстояніи версты отъ церкви, находится деревня Павловское. Были въ свое время здѣсь священникомъ о. Левъ Поповъ. дьячкомъ Аѳанасій Алексѣевичъ Кичановъ и пономаремъ Василій Степановичъ Поповъ. Всѣхъ ихъ я зналъ лично, а одинъ изъ нихъ былъ женатъ на родной сестрѣ моего родителя, стало быть родственникъ, у котораго я сталъ бывать съ семилѣтняго возраста.—„Такъ вотъ когда эта тройка могучихъ басовъ запоетъ что-нибудь въ церкви о праздникѣ“, такъ разсказывали мнѣ, при случаѣ, впослѣдствіи времени Павловскіе старички, „слышно было къ намъ въ деревню.“ —Да это что! Когда разойдется одинъ Аѳанасій Алексѣевичъ, читая шестопсаліе, или Апостолъ въ церкви, то и одного его хорошо было слышно въ нашу деревню.“ А мой предшественникъ, по службѣ благочиннаго, разсказывалъ, что одинъ изъ Преосвященныхъ Вологодскихъ, Епископъ Ѳеогностъ (Лебедевъ), умершій Епископомъ Псковскимъ, ревизуя духовенство въ проѣздъ по епархіи, обратилъ вниманіе на дьячка Кичанова, человѣка большаго роста, крѣпкаго сложенія, съ лицемъ ярко румянымъ и съ длинною полусѣдою бородою - „Нука, этотъ Геркулесъ пусть что-нибудь прочитаетъ“, обратившись къ благочинному сказалъ Владыка.—Я приготовилъ общую мнѣню, говорилъ благочинный. А Кичановъ между тѣмъ, не торопясь, доставалъ очки изъ кармана и спокойно устраивалъ ихъ на своемъ носу. Приготовившись, онъ спросилъ тихо меня,—что прикажете? Я указалъ на паремію. И вдругъ раздалось въ комнатѣ (это происходило въ Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ въ квартирѣ настоятеля) такое оглушительное: „Притчей чтеніе“, что Владыка вздрогнулъ, улыбнулся и сказалъ: „довольно“. Да, такіе голоса нынѣ можно слышать только развѣ въ столицахъ

Чтеніе въ церквахъ вездѣ было псалмодическое. Утрени служились не рано, а между утреней и литургіей обыкновенно бывалъ часовой и болѣе перерывъ, такъ что обѣдня кончалась обычно не раньше полудня. И вотъ, помнится мнѣ, что между утреней и обѣдней, при старомъ священникѣ, *) на моей родинѣ что-то происходило въ родѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Послѣ утрени скорѣ выходилъ изъ алтаря въ трапезу священникъ, гдѣ, поздоровавшись съ прихожанами, садился около стола на скамью, стоявшую у южной церковной стѣны. Садились на скамьяхъ и прихожане. И начиналась бесѣда съ вопросовъ какъ будто хо-

*) Новый священникъ поступилъ на службу въ 1847 году.

зяйственныхъ, или по поводу прочитаннаго по Четіи Минеѣ житія того или другаго святаго, какимъ либо книжникомъ изъ прихожанъ. А эти книжники были серьезные, повидимому. Такъ думаю я потому, что бесѣды не всегда проходили спокойно, и не всегда кончались благополучно. Пренія оживлялись, спорящія стороны горячились, священникъ какъ будто не всегда выдерживалъ натискъ совопросниковъ, горячился и наконецъ объявлялъ: „вы меня разстроили, возмутили, оскорбили, служить не могу, обѣдни не будетъ". И дѣйствительно уходилъ домой священникъ, расходились по домамъ и прихожане. Но такъ бывало не часто. Обыкновенно въ слѣдъ за бесѣдою служилась обѣдня, за которою читались иногда и проповѣди,— какія — не знаю, — на Славянскомъ языкѣ. Съ перемѣною же священниковъ, когда старый изъ нихъ вышелъ за штатъ и поступилъ на мѣсто его новый, со взятіемъ за себя его дочери, внѣбогослужебныя собесѣдованія совершенно прекратились, а во всемъ остальномъ и церковно-приходская служба и хозяйственная жизнь духовенства шла по старому. Старинные обычаи крещенія младенцевъ на домахъ, молебствій въ извѣстные праздники въ деревняхъ и хожденія со славой за праздники Рождества Христова и Пасхи остались не поколебленными. Не измѣненнымъ остался и порядокъ испрашиванія пономаремъ благословенія священника на благовѣстъ къ заутренѣ и полученія отъ него церковнаго ключа. Это происходило такъ. Когда наставало время благовѣста къ заутренѣ, пономарь долженъ былъ явиться въ домъ священника за ключемъ и принять отъ него благословеніе. Пономарь приходитъ, но домъ запертъ. Онъ стучитъ, но осторожно, чтобы не обезпокоить семью. Лѣтомъ еще ничего если и долгонько случится ему постоять у дверей, или подъ окнами священническаго дома, но зимой, когда стѣны трещатъ отъ мороза, положеніе пономарей было не завидное. Но вотъ наконецъ раздались шаги, скрипнула дверь, ключъ поданъ и сказано рѣдко самимъ священникомъ, а кѣмъ-нибудь изъ семьи: „благовѣсти!" И пономарь идетъ въ сторожку, беретъ огни и сторожей и отпираетъ церковь. А за тѣмъ уже, разложивши горно для угольевъ въ кадило, идетъ и, съ молитвою на устахъ, ударяетъ въ великое било, а когда будетъ шествовать въ храмъ настоятель его, то и во вся кампаны. О молебствіяхъ въ деревняхъ, совершаемыхъ и нынѣ, какъ прежде, особеннаго сказать нечего. Отмѣтить нужно только то, что хлѣбосольство крестьянъ прежде было искреннѣе и шире. Въ приглa-

шеніи къ празднику, кромѣ служащаго духовенства, матушки, дьячицы и пономарицы, даже просфорни звучало непритворное радушіе и угощеніе было самое искреннее. И это не у одного только хозяина, у котораго былъ оффиціальный обѣдъ для духовенства, а у всѣхъ домохозяевъ. — Пожалуйте ко всѣмъ, если угодно, и покушайте, чего только угодно. Помолятся, угостятся и пѣсенокъ, случалось, попоютъ, а вечеркомъ по домамъ, въ числѣ другихъ гостей, и духовенство со своими женами обычно идетъ пѣшкомъ. Молебствія эти бывали и нынѣ бываютъ въ лѣтніе праздники Въ приходахъ не большихъ и не разбросанныхъ эти путешествія были конечно пріятной прогулкой тѣмъ болѣе, что каждая деревня молебствовала одна въ избранный ею праздникъ. Но что не нравилось причетникамъ, такъ это то, что священнику, приглашаемому въ деревню, особенно отдаленную, для крещенія младенцевъ, въ лѣтнее время, подавалась лошадь, хотя верховая и безъ сѣдла, а причетникъ долженъ былъ сопутствовать ему пѣшкомъ, съ кисою на плечахъ. Не нравилось имъ и то, что предбрачные гостинцы, въ видѣ пива и водки, подавались одному священнику, какъ и подарки полотномъ, въ количествѣ 10 аршинъ, а дьячку и пономарю дарили только по полотенцу. Горечь младшихъ членовъ причта усиливалась еще и тѣмъ, что имъ казалось, что они обижены и въ раздѣлѣ земли полевой, сѣнокосной и даже подлѣсной. И они были правы. Нужно сознаться, что стремленіе къ захвату излишняго со стороны священниковъ и покровительствовавшихъ имъ о. о. благочинныхъ, за счетъ дьячковъ и пономарей, въ прежнее время имѣло мѣсто въ значительной части сельскаго духовенства епархіи. Обидѣли этихъ несчастныхъ нѣкоторые священники даже въ раздѣлѣ кружечныхъ доходовъ, даже въ раздѣлѣ печенаго хлѣба. Здѣсь заключается причина, почему моя покойная матушка, провожая меня въ послѣдствіи времени въ училище и въ семинарію, настойчиво твердила мнѣ: „учись, дитятко, учись хорошенько! Но когда будешь попомъ, не обижай бѣдныхъ причетниковъ“. Незабвенныя, святыя слова! Всю жизнь мою долгую я старался ихъ помнить и осуществлять на дѣлѣ, и нынѣ, во имя ихъ, я безпощадно отмѣчаю горькую правду.

Приглашалось въ старину сельское духовенство и на свадебные пиры и съ женами также, но я лично никогда на нихъ не бывалъ и непосредственно объ этихъ пирахъ ничего не знаю. А по разсказамъ, слишкомъ разнообразнымъ, описывать ихъ не

рѣшаюсь Другое дѣло „слава“. Со славой я въ дѣтствѣ и о святкахъ ѣзжалъ, и о Пасхѣ бывалъ многократно. Меня со славой брали охотно: священникъ потому, что я рано научился пѣть и помогалъ уже причту, и батюшка потому, что мнѣ въ каждомъ домѣ особый пирогъ подавали. За праздникъ Рождества Христова, въ первый же день его, объявивъ прихожанамъ, когда и въ какія деревни причтъ поѣдетъ со славой, и разговѣвшись дома, каждый изъ членовъ его запрягалъ свою лошадь, устанавливалъ въ саняхъ короба и ѣхалъ славить, вмѣстѣ съ сослуживцами, отъ Дѣвы Маріи Родшагося Господа Священникъ конечно бралъ съ собою крестъ и епитрахиль. Пѣли тропарь и кондакъ праздника, возглашался малый праздничный отпустъ, съ цѣлованіемъ креста — вотъ въ чемъ состояла слава. У св. иконъ обыкновенно горѣло нѣсколько свѣчей. На столѣ постлана была чистая скатерть и на ней лежало пять пироговъ яшныхъ или пшеничныхъ Тотчасъ послѣ славы носильщикъ священника бралъ со стола 3 пирога, а причетники по пирогу, а мнѣ любезныя хозяйки, по приказанію иногда главы дома, преподносили пирогъ особо, за что и научень я былъ благодарить добрыхъ людей словомъ и поклономъ. Слава такимъ образомъ шла быстро. Самоваровъ, отнимающихъ нынѣ не мало времени у трудящихся людей, въ приходѣ нашемъ тогда еще не было, кромѣ домовъ священника и помощника волостнаго писаря Е. М. Лоскутова. На этомъ я и кончилъ бы рѣчь о Рождественской славѣ, еслибы не припоминались два экстраординарныхъ случая. Однажды въ первый день праздника переходя изъ одного дома въ другой, въ одной изъ деревень прихода, всѣ мы видимъ, что въ другой деревнѣ у богатаго мужичка курится (работаетъ) дегтярный заводъ. Священникъ отмѣчаетъ предъ своими сослуживцами этотъ фактъ съ неудовольствіемъ. Спустя нѣкоторое время встрѣчается намъ на улицѣ въ той же деревнѣ хозяинъ завода.—Здравствуй Іовъ Онисимовичъ. Съ праздникомъ. Что это, не забылъ-ли ты, что сегодня праздникъ Рождества Христова, говоритъ ему священникъ.

— Нѣтъ, не забылъ, отвѣчаетъ мужичекъ, принимая благословеніе.

— Такъ почему же у тебя работаетъ заводъ?

— Да такъ, надо прикончить дѣло.

— А ну, если заводъ сгоритъ у тебя.

— Нѣтъ; если заводъ сгоритъ, то у тебя попадья сдуритъ, дерзко отвѣтилъ упрямый богачъ и пошелъ прочь.

Вотъ и учи тутъ нашъ народъ, съ грустью замѣтилъ священникъ и пошелъ съ нами въ слѣдующій домъ. Не помню, сколько было мнѣ тогда лѣтъ, но эта сцена произвела на меня отвратительное впечатлѣніе, которое живо до сего времени. Другой случай былъ слѣдующій. Заканчивая славу въ большой и богатой деревнѣ мы разъ порядочно позапоздали и ходили со славой уже при огняхъ. Войдя въ одинъ домъ, мы нашли его переполненнымъ молодежью того и другаго пола. Шла во всю пляска съ пѣснями, было такъ называемое настоящее „игрище“. Опнувшись на мгновеніе у порога, видимо въ нѣкоторомъ недоумѣніи, священникъ съ причтомъ и мною однако смѣло двинулся въ передній уголъ къ св. иконамъ. Молодежь затихла моментально и разступилась; явились хозяева. Слава пропѣта. Причту хозяинъ радушно предложилъ угощеніе Предложеніе принято. Усѣлись мы на заднюю лавку подъ полати, а молодежь, образовавъ кругъ, снова пѣла и плясала Нужно сказать, что составъ причта былъ очень молодой. И старшему изъ членовъ его было не больше 35 лѣтъ. Смотрю, священникъ и одинъ причетникъ сидятъ и угощаются водочкой. А гдѣ же другой? Оказалось, что этотъ другой великолѣпно отхватываетъ въ дѣвичьемъ кругу трепака.— Не утомила, видно, добра молодца слава! Никто его конечно не осудилъ, и я не для осужденія или осмѣянія, а только для характеристики нравовъ добраго времени, упоминаю объ этомъ случаѣ.

Пасхальная слава происходила гораздо торжественнѣе, чѣмъ слава Рождественская. Но прежде, чѣмъ говорить о ней, необходимо хотя кратко сказать о томъ, какъ совершалось богослуженіе въ седьмицу страстную и въ первый день Св. Пасхи. Если въ теченіе великаго поста церковное богослуженіе тогда было совершаемо только по пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ, то справедливость требуетъ отмѣтить, что на страстной недѣлѣ всѣ богослуженія отправляемы были каждодневно. Въ первые три дня совершаемы были преждеосвященныя обѣдни, съ прочтеніемъ, по уставу полностію, Евангелія всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Странно одно, что въ Великій Пятокъ вечерня соединялась съ часами и выноса плащаницы на ней не совершалось. Въ великую субботу утреня и литургійная службы отправлялись въ свое время, въ строгомъ согласіи съ церковнымъ уставомъ. Но вотъ и вечеръ на канунѣ Пасхи. Благословеніе на чтеніе „Дѣяній“ отдавалось священникомъ въ сумеркахъ. Часовъ для опредѣленія времени ни въ церкви, ни у священника не было. Полночь опредѣлялась

по пѣнію пѣтуховъ. И вотъ какъ запоютъ въ первый разъ ночью пѣтухи, начинался благовѣстъ къ заутрени, продолжавшійся около часу. Полунощница и утреня шла медленно. Ирмосы и тропари выпѣвались столько, сколько положено по уставу. Но все таки утреня кончалась за долго до восхода солнца, раньше чего настоятель не благословлялъ благовѣстить къ обѣднѣ. И вотъ этотъ длинный промежутокъ времени между утреней и обѣдней, безъ всякой нужды, ослабляя свѣтлое настроеніе празднующихъ, вынуждалъ ихъ или отдаваться празднословію, или спать, гдѣ попало, даже на полу церковномъ. Спалъ и священникъ будтобы дома. Но все приходитъ и все проходитъ. Заалѣлъ небосклонъ, зсіяло солнце, будятъ колокола. Идетъ уже обѣдня. Но при дневномъ свѣтѣ, и праздничное освѣщеніе храма, впрочемъ очень скудное, не усиливаетъ святыхъ минутъ свѣтоноснаго праздника. Утреннее богослуженіе производило на всѣхъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе и по существу, и по обстановкѣ. Кончилась и обѣдня. Но чудное дѣло! Никакъ не могу припомнить, чтобы наши священники ходили со славой къ младшимъ членамъ причта. А если они дѣйствительно не ходили, то это уже болѣе, чѣмъ странно, даже необъяснимо. Но хорошо помню, что я лично не бывалъ съ моимъ батюшкой ни о Рождествѣ, ни о Пасхѣ со славой ни въ домѣ священника, ни въ домахъ пономаря и просфорни. Какъ бы то ни было, но настала пора идти со славой въ деревню.—туда, куда распорядился идти священникъ. Взяты крестъ запрестольный и запрестольная же икона Божіей Матери съ рукоятію. А крестъ и евангеліе напрестольные несетъ съ сумкѣ съ ризою и епитрахилью одинъ изъ причетниковъ. А я, и матушки попадьи, старая и моя молодая, и моя матушка идемъ съ причтомъ. Пономарицы нѣтъ, а почему—не знаю. Деревня отъ церкви въ полуверстѣ. Вотъ мы и въ деревнѣ и въ томъ домѣ, куда принесены крестъ запрестольный и икона Божіей Матери, поставленные въ переднемъ углу въ чашѣ съ пшеницей. По всей лицевой сторонѣ избы поставлены покрытые скатертями столы и на нихъ наставлены миса различныя, холодныя и жаркія, яйца, яичницы, кисели и каши, обязательно же сыръ, приготовляемый хозяйками изъ молока, сметаны, масла и яицъ. И тутъ же на первомъ столѣ положены три ковриги хлѣба и пять пироговъ. Это и предназначено за славу причту въ благодарность, причемъ уже денежной платы не полагалось ни много, ни мало. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и ризу и служитъ пасхальный мо-

лебенъ, по окончаніи коего пропѣваются и стихиры Пасхи. По окончаніи молебна и славы духовенство съ супругами и гости усаживаются за столы и угощаются весьма радушно виномъ и кушаньемъ всякимъ. Отказаться будтобы значило обидѣть хозяевъ. На 5—10 минутъ сѣсть за столъ признавалось необходимымъ, хотя бы вы ни пить, ни ѣсть нетолько не хотѣли, но и не могли И не угодно ли вамъ цѣлый то день, съ утра до вечера выдерживать такое испытаніе, а человѣку выпивающему водку, или пиво (а это все было въ каждомъ почти домѣ), пить и не охмѣлѣть. Скажете, охмѣленіе духовенства не ставилось въ вину ему. Правда. Но вѣдь тому же духовенству все таки нужно было дѣлать свое святое дѣло, по крайней мѣрѣ, безсоблазненно, терпимо. И это продолжалось сегодня, завтра и такъ далѣе цѣлую недѣлю. Вотъ почему въ такомъ маленькомъ приходѣ, какой былъ на моей родинѣ, предусмотрительные батюшки раскладывали пасхальную славу на цѣлую недѣлю, тогда какъ при другихъ порядкахъ и другимъ людямъ легко можно было закончить ее въ два три дня. Нѣкоторые изъ пожилыхъ священниковъ, особенно любимыхъ за добродушіе прихожанами, преспокойно тамъ и отдыхали у нихъ, приказавши приготовить постельку въ другой избѣ, или въ чуланѣ, гдѣ почувствуютъ, бывало, себя уставшими. И никто никогда не ропталъ на нихъ за это, но даже тщательно оберегали прихожане покой своего отдыхавшаго „духовнаго батюшки“. Но большинство духовенства хотя и любило угощеніе, пило пиво и вино, но, ясное дѣло, умѣло пить и не напиваться, не говоря уже о совершенно ничего не пьющихъ. А вѣдь были и такіе. Я зналъ священниковъ, которые вмѣсто пива и вина, пили сусло и молоко, приговаривая,—„ходи коровушка по двору и давай молочка по ведру“. Но такъ, или иначе угощеніе священникомъ принято отъ радушныхъ прихожанъ, которые и оставались за то довольными и благодарными. Но вотъ первый день Свѣтлаго Праздника кончается. Солнце уже низко. Пора идти духовенству домой, пора служить вечерню. „Богоносцы“ (такъ назывались люди, взявшіе на себя обязанность, по усердію, пронести крестъ запрестольный и икону Богоматери по всему приходу) уступали свое право дѣвушкамъ, которыя всегда въ большой группѣ и въ праздничномъ нарядѣ, съ восторгомъ приближались къ хрістіанской святынѣ, съ крестомъ на челѣ принимали ее на свои дѣвственныя руки и, чередуясь, несли ее въ храмъ Божій, при колокольномъ звонѣ. За ними же шло ду-

ховенство и толпы боголюбцевъ. Много ходило въ прежнее время въ общественныхъ кругахъ (городскихъ впрочемъ, а не сельскихъ) некрасивыхъ разсказовъ о соблазнительномъ будтобы отправленіи духовенствомъ вечерни въ первый день Св. Пасхи. Можетъ быть что нибудь гдѣ нибудь и случалось со стороны духовенства неприличное и соблазнительное въ этомъ случаѣ. Пусть и говорятъ объ этомъ тѣ, кто знаютъ. А я ничего подобнаго утверждать не могу, ибо не знаю. Сохранилась въ моей памяти одна особенность въ службѣ этой вечерни. Съ соизволенія настоятеля, за вечернею всѣ клирошанки и другія женщины, умѣющія пѣть не дурно, вставали на лѣвый клиросъ и пропѣвали тамъ вечерню, чередуясь съ клиросомъ правымъ. Выходили ли эти импровизированныя тогда пѣвицы на средину церкви, для совокупнаго пѣнія стихиръ Пасхальныхъ,—никакъ не могу припомнить. Меня занимали тогда ихъ праздничные, красные сарафаны, да на головахъ ихъ кокошники и шапки. Не могу сказать я и того, худо или хорошо пѣли въ церкви эти пѣвицы, помню только, что онѣ пѣли, потому что это допускалось, видимо, какъ нѣкоторая вольность, только однажды въ теченіе цѣлаго года. На слѣдующій день въ свое время отправлялась заутреня и обѣдня, послѣдняя даже съ крестнымъ хожденіемъ кругомъ храма, послѣ часовъ, со свѣчами и съ пѣніемъ при этомъ Пасхальнаго молебна. Остановка дѣлалась у алтаря, гдѣ и прочитывалось Евангеліе. А потомъ, послѣ обѣдни опять приходская слава. Нужно сказать, что женщины духовенства ходили не каждый день, при этой славѣ, и нецѣлые дни, а только по нѣсколько часовъ иногда. Не всегда церковная служба бывала въ третій день Пасхи, а въ остальные дни Пасхальной недѣли не было ея уже совершенно. Все время отдавалось молитвѣ внѣцерковной, хожденію по деревнямъ со славой. Замѣчательно, что гдѣ было духовенство со славой, тамъ былъ и народъ, того и другаго пола, очевидно, не работавшій всю недѣлю. Ночевать же духовенство, за исключеніемъ двухъ отдаленныхъ деревень, возвращалось домой. И вотъ случилось однажды нѣчто особенное. Раннимъ утромъ, когда я еще спалъ, приходитъ неожиданно къ отцу моему священникъ, вызываетъ его въ сѣни и за тѣмъ уводятъ куда-то тотъ и другой.—Что случилось? спрашиваетъ матушка моего родителя, по возвращеніи его домой.—Погоди. Ужъ не знаю, и говорить-ли!—Но ребята еще спятъ, такъ слушай.—Знаешь, жила у попа и у насъ великимъ постомъ Устюж-

ская швейка? Она вчера весь день ходила съ нами „за Богоматерью“ и была немножко выпивши. Мы пошли вечеромъ домой, а она осталась тамъ въ деревнѣ. Попадья сегодня почему-то встала рано и пошла на колодецъ за водой, гдѣ и нашла эту швейку мертвою. Сама-ли она убилась, упавши напр. съ лѣстницы, или какіе-негодяи убили ее, кто знаетъ! Но ночью принесли ее къ намъ и уложили у колодца потому конечно, что она жила постомъ у насъ:—хитрецы разбойники! Но почему не бросили въ воду? Вѣдь рѣчка теперь изъ береговъ вышла.— Что же было дѣлать. Батюшка одинъ ни на что не рѣшился, а пономаря, какъ простофилю, не захотѣлъ призвать къ участью, остановился на мнѣ. Но куда мы съ покойницей? Похоронить ее опасно, да и хлопотливо, а объявить полиціи,—тутъ дѣлу и конца не будетъ, да чѣмъ оно еще и кончится, Богъ одинъ знаетъ. И вотъ мы, ладно-ли не ладно-ли, рѣшили снести ее подъ гору и бросить въ воду, рѣшили и сдѣлали. Далеко-ли только она уплыветъ, вода-то въ рѣчкѣ очень ужъ велика, того и смотри, выброситъ куда-нибудь, на грѣхъ къ намъ же на пожню“. Не помню, какъ взглянула на это обстоятельство моя матушка. Но брошенная священникомъ и дьячкомъ въ воду покойница, едвали не на Страстной недѣлѣ говѣвшая и вообще бывшая православной христіанкой, на отца духовнаго прогнѣвалась и не поплыла далеко, а остановилась на священнической пожнѣ. Здѣсь ее нашли—объявили полиціи, закопали временно въ землю. Началось слѣдствіе. Виновниковъ смерти ея не оказалось. Но покойница не была покойна и не давала покоя священнику за то, что онъ не схоронилъ ее по христіански. Она каждую ночь видѣлась священнику во снѣ, требовала объясненія и успокоилась только тогда, когда священникъ съ моимъ родителемъ, уславши куда-то церковныхъ сторожей и пономаря, отпѣли ее, по чину, въ пустомъ храмѣ, въ отсутствіи ея тѣла.

Но вотъ прошла и свѣтлая недѣля. Началось будничее, рабочее время, съ воскресными днями и нечастыми праздниками, о чемъ уже и было говорено въ своемъ мѣстѣ Теперь я долженъ коснуться тѣхъ обстоятельствъ, которыя такъ или иначе разнообразили и оживляли монотонную и трудовую жизнь сельскаго духовенства. Купитъ-ли богатый мужикъ самоваръ,—погостъ волнуется, оживаетъ, идетъ смотрѣть обнову и кушаетъ тамъ чай, гдѣ, скажу кстати, и автору этихъ воспоминаній въ первый разъ въ жизни пришлось увидѣть самоваръ, чай и са-

харъ и въ первый разъ въ жизни, неумѣло пользуясь сахаромъ, пить чай. Проѣдетъ-ли по погосту зимою торгующій рыбою съ воза крестьянинъ, крикнувъ подъ окнами—„рыбы не надо-ли?—всякая есть“. .—опять оживленіе. Весь причтъ окружаетъ торговца. Смотрятъ, нюхаютъ треску, сайду и сельди и покупаютъ—кто бочку сельдей, кто 10—15 фунтовъ трески, а больше всего покупаютъ сайду, которая продавалась тогда чуть-ли не по копѣйкѣ фунтъ. Даже разсыльный отъ благочиннаго составлялъ нѣчто значительное. Его нужно было прилично принять, напоить и накормить и проводить на лошади, или дать ему двугривенный вмѣсто подводы. И половину этой повинности несъ священникъ, а другую, по четвертямъ, несли причетники, т. е. дважды принималъ, угощалъ и награждалъ разсыльнаго священникъ, и дважды (по разу каждый) причетники. Но самую наибольшую сенсацію и оживленіе въ сельскомъ духовенствѣ производили консисторскіе сторожа, развозившіе на лошадяхъ бѣлыя метрическія книги, исповѣдные листы, разрѣшительныя молитвы и вѣнчики. Этихъ людей сельское духовенство принимало, какъ самыхъ желанныхъ гостей, угощало ихъ всячески, посылало даже, какъ на моей родинѣ, за полштофомъ водки для нихъ за 5 верстъ. А они, какъ нѣкоторымъ образомъ агенты Епархіальной Власти, не безъ сознанія своего достоинства принимали угощеніе, сообщали, на свой страхъ, губернскія и консисторскія новости, мѣшая были съ небылицей, получали всегда уже съ нѣкоторымъ плюсомъ таксированное, повидимому, вознагражденіе и уѣзжали, разсыпаясь въ благодарностяхъ передъ хлѣбосольнѣйшимъ и простодушнѣйшимъ сельскимъ духовенствомъ. Не помню я уже того, отпускалъ ли отъ себя этихъ гостей дорогихъ священникъ къ причетникамъ на содержаніе ихъ, съ лошадями, но знаю, что за принятіе и угощеніе ихъ высчитывалъ съ нихъ, сколько казалось ему справедливымъ, въ свою пользу изъ кружечныхъ скудныхъ доходовъ. А доходы кружечные на моей родинѣ были такъ скудны, что, за разными вычетами, то въ пользу благочинна, то за письмоводство, *) то на сторожей и разсыльныхъ, моему батюшкѣ въ среднемъ разсчетѣ едва приходилось по рублю въ мѣсяцъ. Но объ этомъ мимоходомъ. Возвращаюсь къ прерванной нити разсказа. Архіерейскихъ ревизій нашей церкви, удаленной отъ почтоваго тракта и находящейся при томъ за боль-

*) Находили, что мой родитель плохо писалъ, почему и писалъ за него документы самъ священникъ, за что и вознаграждалъ себя изъ кружечныхъ доходовъ батюшки по усмотрѣнію.

шою рѣкою. никогда не бывало. Въ какомъ состояніи содержалась церковь и какъ жило духовенство, объ этомъ зналъ одинъ мѣстный благочинный. Для священниковъ это былъ конечно свой человѣкъ, всегда мирволившій имъ, какъ самъ онъ, въ послѣдствіи времени, когда я сталъ благочиннымъ его, откровенно сознавался мнѣ. Но для причетниковъ — это былъ начальникъ не изъ тѣхъ, кто умѣетъ щадить человѣческія немощи и прекращать дрязги въ началѣ. Не мудрено, что его боялись, но не любили. Его прибытіе на ревизію ожидалось причетниками съ трепетомъ, хотя и бывало торжественно только зимою, но не лѣтомъ, по мѣстнымъ условіямъ. Лѣтомъ онъ или не заѣзжалъ къ нашей церкви, а вызывалъ причтъ къ церкви сосѣдней, верстъ за 7, или пріѣзжалъ верхомъ безъ сѣдла, бывалъ даже и пѣшкомъ, верстъ 5 отъ рѣки до церкви. Случалось, что, прибывъ къ церкви, онъ не находилъ на погостѣ ни души. Священникъ, причетники и сторожа — всѣ „прячутъ новинки". Тогда онъ идетъ къ церкви, беретъ въ руки бичевку, одинъ конецъ которой привязанъ къ языку большого колокола на церковной колокольнѣ, а другой, черезъ блокъ, спущенъ на землю, для благовѣста въ потребныхъ случаяхъ и вообще для благовѣста съ земли къ церковнымъ службамъ,—беретъ бичевку и начинаетъ благовѣстить *) А! значитъ Благочинный пріѣхалъ—догадывается духовенство, бросаетъ работу, идетъ домой, умывается, одѣвается, извиняется и представляется. Окончивъ осмотръ церкви, благочинный идетъ къ священнику, кушаетъ чай, иногда и закусываетъ и, если нѣтъ жалобъ, уѣзжаетъ скоро съ тѣмъ изъ членовъ причта, котораго значится очередь А если очередь священника, то благочиннаго увозитъ церковный сторожъ. Словесныхъ жалобъ, правда, благочинный не принималъ во вниманіе, требуя жалобы письменной которую однако же самъ онъ не разсматривалъ, а посылалъ къ Епископу, откуда и возвращалась она къ нему снова, для дознанія и въ результатѣ посылался грѣшникъ въ монастырь за такое иногда ничтожное дѣло которое можно было кончить на мѣстѣ словами: „прошу не ссориться и не кляузничать, если хотите, чтобы я уважалъ васъ. Виновный, извинись и впредь не дури!" Но у всякаго барона, изволите видѣть, своя фантазія. И вотъ, руководясь этой фан-

*) Этотъ же колоколъ съ бичевою служилъ сигнальнымъ призывомъ домой и членовъ семей духовенства, уходившихъ въ августовскія темныя ночи въ лѣсъ за коровами, которыя иногда, пока ихъ въ лѣсу ищутъ, и пожалуютъ домой, по собственному усмотрѣнію, совершенно однѣ Тог а-то вотъ голосъ церковнаго колокола и давалъ знать ищущимъ безуспѣшно коровушекъ, что коровы уже дома.

тавшей, о. благочинный, о которомъ идетъ рѣчь, зимою вознаграждалъ себя за скромную ревизію лѣтомъ. Во всякое время дня и ночи зимою онъ пріѣзжалъ по ревизіи, прямо въ церковь. Здѣсь одинъ изъ церковныхъ сторожей долженъ былъ оповѣстить причтъ о прибытіи о благочинномъ, а другой—принести отъ священника ключъ отпереть церковь и засвѣтить налѣпки. А пока одѣвался и приходилъ въ церковь причтъ, о. благочинный сидѣлъ или лежалъ у церковной печи. Духовенство явилось. Здороваются. Причетники, принявши благословеніе, начинаютъ пѣть входное „достойно есть“,.. о. благочинный надѣваетъ рясу, идетъ въ алтарь, осматриваетъ антиминсъ, престолъ, св. дары, св. муро, богослужебные сосуды и т. д., иногда еще что нибудь прикажетъ пропѣть, а иногда заставитъ читать которо нибудь изъ причетниковъ ставленную грамоту которую надо—ъолъ знать на память. И за тѣмъ удаляется въ домъ священника, куда слѣдуютъ за нимъ и младшіе члены причта, если только таковое слѣдованіе почему-либо не отклоняется. Здѣсь о. благочинному выдается гонораръ, по усмотрѣнію настоятеля, который, понятное дѣло, старался соразмѣрить степень вознагражденія о. благочиннаго со степенью своихъ слабостей и тѣхъ или другихъ служебныхъ упущеній. А отсюда уже понятнымъ становится и то, что чѣмъ слабѣе былъ священникъ, тѣмъ пріятнѣе онъ былъ для о. благочиннаго, какъ платежная единица, которая однакоже не стѣснялась раскладывать свои щедрые гонорары и на младшихъ членовъ причта. А гонорары эти въ нашемъ округѣ, незнаю только, какъ они были велики, преподносились о. благочинному четырежды въ теченіе года, дважды при ревизіяхъ, и по однажды, при сдачѣ исповѣдныхъ вѣдомостей въ октябрѣ и при сдачѣ отчетовъ въ январѣ. Но довольно объ этомъ. О. благочинный, напившись чаю и закусивши, уѣзжалъ обычно дальше. А я между тѣмъ припоминаю еще одно обстоятельство, оживлявшее сѣрую, трудовую жизнь сельскаго духовенства въ половинѣ прошлаго вѣка. То былъ пріѣздъ въ наше захолустье Вязниковцевъ, *) торговавшихъ краснымъ товаромъ и сукномъ съ возовъ Вязниковцы останавливались обыкновенно въ лучшихъ домахъ большихъ деревень, что скоро дѣлалось извѣстнымъ и на погостѣ, который окружали, на разстояніи одной версты, 6 деревень. Шли туда съ погоста частію поглазѣть, а иногда и купить что нибудь для себя или для своего семейства мужчины и женщины. Зайдемъ-ка и мы туда, дорогой читатель. Въ первомъ

*) Жители г. Вязниковъ, или Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ. (офени).

же ложкѣ, на пути отъ церкви къ деревнѣ, мы видимъ семилѣтняго ребенка, колѣнопреклоненно и горячо молящагося Богу. Что это значитъ? А это значитъ, что отецъ его, мѣстный дьячекъ, довольный успѣхами сына въ славянской и русской грамотѣ, сидя у Вязниковцевъ, надумалъ, въ качествѣ награды, купить сыну-первенцу ситцу на рубашку и послалъ его домой за матерью и за деньгами. — Обрадованный ребенокъ молится за родителей, благодаря за все Бога. Но вотъ и деревня, гдѣ торгуетъ бойкій Вязниковецъ. Передъ окнами одного изъ лучшихъ домовъ въ деревнѣ стоитъ большой возъ съ товаромъ, развязанный, но закрытый черною кожей. Торговля идетъ въ избѣ, гдѣ хозяинъ и его прислуга, изба переполнена людьми. А торговецъ со своимъ подручнымъ, раскидавъ товары по столамъ, поставленнымъ рядомъ по лицевой сторонѣ избы, стоитъ за ними, какъ за прилавкомъ, и расхваливая качество товара, веселый и довольный бойко торгуетъ. — „Купите! Товаръ прекрасный, платочекъ дѣтскій, ситецъ Аглецкій, сукну вѣку не будетъ!„ — Поносите, полюбуетесь, помянете и спасибо скажете, милая барыня“, обращается ловкій торговецъ къ деревенскимъ покупательницамъ. Бабы ухмыляются, мужики хохочутъ и покупаютъ. Здѣсь куплена была и дьяческому сыну первая ситцевая рубашка, розовая, съ горошинками, долго приводившая его въ неизъяснимый восторгъ.

Изъ этого періода времени припоминаются мнѣ двѣ грозныя тучи съ градомъ, пронесшіяся надъ моей родиной въ іюлѣ мѣсяцѣ, но въ которомъ именно году сказать не могу, въ недѣльный между ними срокъ. Первая туча съ вѣтромъ была особенно страшна и губительна. Градъ былъ неправильной формы, въ видѣ большихъ кусковъ сахара, даже сростихся вмѣстѣ. Онъ избилъ стѣны деревянныхъ построекъ, подобно тупымъ желѣзнымъ прутьямъ, сбилъ всю окраску съ каменныхъ стѣнъ церковныхъ, сравнялъ съ землею всѣ хлѣбныя растенія въ трехъ деревняхъ прихода и у духовенства, такъ что и косить потомъ его было не легко, а жать было нечего. Бурею же раскрыло домы, сорвало церковную крышу и раскидало доски по полямъ, на разстояніи полуверсты, какъ листья бумаги. Объ окнахъ и говорить не приходится. Онѣ были выбиты совершенно, да съ какою силою! Градины, выбивая стекла и рамы, отъ силы вѣтра стремительно падали на полъ, а отсюда разбрасывались во всѣ стороны, летѣли на печи и палати. Трудно было въ избахъ спа-

саться отъ ушибовъ. Я помню, какъ мой дѣдъ — старецъ, стоя на колѣняхъ на голбцѣ, молился Богу и говорилъ, что во всю жизнь свою не видалъ такой бѣды. О гибели скота однако ничего не было слышно. Но замѣчательно вотъ-что. Когда въ послѣдующіе дни прихожане закрывали временно кое-чѣмъ церковь, то серьезно, или шуточно жители пощаженныхъ бурею деревень оскорбляли пострадавшихъ укорами въ беззаконіяхъ такихъ, въ какихъ-молъ мы не повинны, почему и помилованы Богомъ. Если это были и шутки, то шутки неумѣстныя и весьма оскорбительныя для потерпѣвшихъ Но эти несчастные не оправдывались. За нихъ сказалъ, также бурею, слово божественной правды Самъ Господь. Ровно черезъ недѣлю прошла такая-же грозовая туча и надъ деревнями, пощаженными первою бурею, и у нихъ поразкрыла дома, повалила огороды и стога сѣна и уничтожила на поляхъ хлѣбъ. — Не судите, да не судими будете. — Ахъ, еслибы мы всегда помнили эти великія святыя слова вѣчной Правды Божіей!.

Надобно сказать наконецъ нѣсколько словъ и о страшномъ бичѣ тогдашняго времени, — холерѣ, свирѣпствовавшей въ нашемъ уѣздѣ, кажется, въ 1848 году съ особенною силою, если еще не раньше. Лѣто было чрезвычайно жаркое. Еще съ весны понеслись въ народѣ страшные слухи: идетъ холера. И она пришла нежеланная Человѣкъ, по утру совершенно здоровый и молодой, вдругъ заболѣвалъ тяжко и черезъ нѣсколько часовъ умиралъ въ мученіяхъ страшныхъ. Напутствовать больныхъ большею частію не удавалось. Болѣзнь эта разгоралась особенно сильно въ большихъ деревняхъ. Вымирала въ нихъ половина жителей, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка. У людей опустились руки. Никто не могъ работать. Выздоравливающихъ не было. Стоило заболѣть человѣку, сейчасъ же нужно было и гробъ ему дѣлать. О медицинской помощи люди того времени не имѣли понятія". Но искать помощи въ бѣдѣ людямъ такъ естественно. И выдумали наши старики какой-то особенный, такъ называемый „деревянный огонь," долженствующій очищать воздухъ и потому горѣть непрерывно день и ночь. Раскладывали его въ деревняхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, горѣлъ этотъ огонь и у насъ на погостѣ. Для меня же лично было большимъ удовольствіемъ скакать черезъ него, что не только мнѣ не возбранялось, но даже поощрялось. И возрастнымъ людямъ старики совѣтовали нѣсколько разъ въ день шагать че-

резъ него. Для того же, чтобы огонь не гаснулъ, а горѣлъ и дымилъ непрерывно, онъ обкладывался кругомъ навозомъ. Интересно, какъ этотъ огонь доставался. Два человѣка брали сухую плаху березовой лучины и, взявшись за концы ея, начинали срединою ея тереть усиленно по какой нибудь сухой доскѣ, поставленной, или положенной ребромъ, и терли до тѣхъ поръ, пока не загорало то, или другое дерево. Появившійся огонь и былъ огонь деревянный. Отъ этого же огня рекомендовалось брать огонь и для домашнихъ надобностей, напр. для топки печи въ избахъ и въ баняхъ. Но были и такіе люди, которые думали и говорили, что холеру разносятъ враги народа и для этого мол. между прочимъ отравляютъ воду въ рѣкахъ и колодцахъ. Много жертвъ унесла тогда холера въ могилу, но долго-ли она свирѣпствовала, сказать не могу.—Не помню.

III.

Въ 1849 году я записанъ былъ въ Устюжское духовное училище, въ число учениковъ перваго класса. А всѣхъ классовъ въ училищѣ было четыре, изъ коихъ второй классъ назывался еще иначе,—низшимъ отдѣленіемъ, третій среднимъ и четвертый, изъ котораго воспитанники переводились уже въ духовную семинарію, назывался высшимъ отдѣленіемъ. Училищное зданіе было каменное одноэтажное. Помѣщалось оно въ Архангельскомъ монастырѣ и стояло на томъ же мѣстѣ, гдѣ находится корпусъ и настоящаго духовнаго училища, съ тою лишь разницею, что зданіе училища нашего времени, въ которомъ учились и наши отцы, было очень небольшое, и входъ въ него былъ изъ монастыря. Кромѣ классовъ перваго, втораго и четвертаго, по размѣрамъ достаточныхъ для 50 учениковъ, а третьяго - для 70-ти, въ этомъ корпусѣ помѣщалось и правленіе училища съ канцеляріею и кухнею, для единственнаго при училищѣ сторожа, стараго солдата, которому школьное преданіе, кромѣ настоящаго христіанскаго имени, не знаю почему присвоило кличку „Пилата“. Изъ канцеляріи, гдѣ была и сборная комната для гг. наставниковъ, тянулись деревянные неширокіе мосточки во всѣ классы училища съ монастырской стороны его. А передъ входами въ классы на двухъ деревянныхъ же столбикахъ утверждены были навѣсы, или зонтики. Входъ въ классы былъ съ улицы, имѣлъ по двѣ, въ одно полотно, двери, снаружи плотничной работы закрашенныя охрой, какъ и самое зданіе, а изнутри классовъ—столярной, грязно-матоваго цвѣта. Высота въ классныхъ

комнатахъ казалась приличною и свѣта было достаточно, окна были не малы, и свѣтъ входилъ въ нихъ съ двухъ сторонъ, а въ четвертомъ классѣ, гдѣ окна были съ трехъ сторонъ, свѣта оказалось бы болѣе чѣмъ достаточно, даже при современныхъ требованіяхъ со стороны школьной гигіены. Это была самая веселая комната во всемъ училищѣ. Но описавши училищное зданіе, я не могу не описать и моей квартиры, гдѣ угодно было моему родителю водворить меня, хотя на первое время, и гдѣ однакоже прожилъ я всѣ семь годовъ тогдашняго нормальнаго училищнаго курса. Въ первый разъ приплыли мы съ батюшкою въ Устюгъ позднимъ вечеромъ, въ концѣ августа, на довольно большой, покрытой лодкѣ съ хмелевщиками, ѣхавшими водою на Богородскую ярмарку въ Тотлимъ. Мой батюшка разсчитывалъ поставить меня на квартиру къ своей родственницѣ Н. А. Поповой, бывшей городскою просфорней и имѣвшей свой домикъ. Пришли, постучались.—Что угодно? Н. Алексѣевну.—Ее уже здѣсь нѣтъ, ушла она въ монастырь около года —А вы кто?— Я просфорня, вмѣсто ея, купила у нея домикъ и живу въ немъ. —Пустите Бога ради хотя ночевать; я вотъ такой-то, сейчасъ приплылъ въ лодкѣ съ сынкомъ и куда-же я съ нимъ и съ хламишкомъ въ потьмахъ и такъ поздно дѣнусь, если откажете, заключилъ мой батюшка. Послѣ такого діалога мы были впущены въ домъ, посидѣли, поговорили и спать легли. Домикъ этотъ находился позади дома протоіерея Н. Румовскаго и Ильинской церкви, близъ дома дьякона Шаламова, гдѣ, сказать кстати, великолѣпно разрослись посаженныя мною во дни оны черемухи,— былъ не большой, въ одну комнату, съ полатями и окошечкомъ на печкѣ и содержался чисто. Принадлежалъ онъ тогда старой дѣвицѣ Аннѣ Александровнѣ Поповой, устюжской просфорнѣ, взятой на эту должность со Щекина, гдѣ она прослужила ранѣе больше 20 лѣтъ также просфорнею. Она была дочерью одного изъ несчастныхъ, который, окончивши семинарскій курсъ и женившись, надѣялся быть священникомъ, но едва угналъ и въ причетники и дальше этого не пошелъ. Преждевремено умерли какъ самъ онъ, такъ и жена его, оставивши сиротами трехъ малолѣтнихъ дочерей, изъ коихъ моя хозяйка была старшею. Оставшись круглою сиротою, лѣтъ 15 отъ роду, на первое время она съ малолѣтними сестренками была упріючена покойнымъ о. протоіереемъ В. И. Нордовымъ, бывшимъ тогда настоятелемъ Устюжскаго Успенскаго собора, которымъ и устроена за тѣмъ въ прос-

форми къ Близгородней Спасо-Щекинской церкви. Бывъ грамотною, она обучила грамотѣ и сестеръ и выдала отсюда обоихъ замужъ. Извиняюсь передъ читателемъ за это уклоненіе въ сторону отъ дѣла и надѣюсь, что вполнѣ поймете меня читатель, когда узнаете, что этому умному и доброму человѣку, не видавшему въ жизни красныхъ дней, но сохранившему въ душѣ своей живую вѣру и любовь, къ Богу и добрымъ людямъ, я обязанъ очень и очень многимъ. Она научила меня любить Бога, сама горячо молясь Ему едвали не каждую полночь, а меня пріучая читать сначала Св. Евангеліе, а за тѣмъ и житія святыхъ. Она возбудила въ душѣ моей любовь къ знанію, а еще болѣе къ доброму и честному поведенію, часто замѣчая, что „ученыхъ то дураковъ много, везлѣ цѣлыми кучами". Она научила меня и ученьемъ заниматься правильно; она поднимала мой упадающій духъ, когда я начиналъ порою сомнѣваться въ своихъ силахъ, не надѣясь быть и въ церкви и въ школѣ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ по успѣхамъ и поведенію, чего она отъ меня потребовала. Она умѣла возбудить во мнѣ святое соревнованіе, но отнюдь не зависть, которой она не жаловала. И она взала меня на квартиру, съ платою по 2 рубля въ годъ деньгами и по 1-му пуду солоду кормила меня рѣдькою капустою, огурцами, картофелью и молокомъ кислымъ. Говядины она не ѣла. Въ первую зиму въ баню меня не пускала (да своей бани у нея не было), говоря, что я тамъ угорѣю, или плохо вымоюсь. А согрѣетъ, бывало, воды дома въ печи, да и вымоетъ сама меня на печи въ корытѣ. А потомъ, когда я былъ уже въ четвертомъ классѣ, объ одномъ иногда намекала, чтобы я не забылъ молиться о ней, когда придетъ время. Она надѣялась, что, не смотря на бѣдность родителей, какъ-нибудь доучусь до священнаго сана. А когда располагала меня къ молитвѣ, не замѣчая иногда въ душѣ моей святой настроенности, она любила говорить: „молись, хотя-бы и не хотѣлось, душа согрѣется и умилится" и добавляла, что „Богъ не забудетъ дѣтской молитвы и потомъ въ жизни, что съ тобою ни случилось-бы." Вотъ почему располагаясь говорить о школьномъ періодѣ въ моей жизни, первыя строки моихъ воспоминаній я посвящаю моей „Тетушкѣ", какъ всегда звалъ я ее въ бытность ея постояльцемъ въ годы школьной жизни моей въ Устюгѣ. Умерла она въ 1857 году, когда я учился уже въ семинаріи, и погребена по ея завѣщанію, близь Устюга въ Яиковскомъ Знамено-Филипповскомъ монастырѣ. Царство небесное этой рабѣ Божіей Аннѣ.

Возвращаюсь къ продолженію повѣствованія. Порѣшивши благополучно съ хозяйкою дома, гдѣ ночевалъ я первую ночь по прибытіи въ Устюгъ, вопросъ о квартирѣ, повелъ меня батюшка въ училище. Здѣсь намъ сказали, что дѣтей принимаетъ и экзаменуетъ самъ о. ректоръ, дома. А ректоромъ Устюжскаго д. училища тогда былъ настоятель Успенскаго собора магистръ С.-Петербургской д. академіи протоіерей Тимоѳей Андреевичъ Скворцовъ, изъ профессоровъ Вологодской д. семинаріи. Вотъ и домъ о. ректора. Куда-же пройти къ нему? Парадный входъ въ него запертъ. Да о пути по этому входу мой батюшка не смѣлъ и думать. Вошли въ кухню, гдѣ и было приказано намъ подняться изъ сѣней въ верхъ по внутренней лѣстницѣ, да осторожнѣе отворять и затворять двери. Вотъ мы и въ передней ректорскаго дома, гдѣ никого не видно и не слышно. Стоимъ и покашливаемъ. Спустя нѣкоторое время отворилась дверь изъ закрытой комнаты (кабинета), откуда и появилась въ подрясникѣ духовная особа, средняго роста, худощавая, лѣтъ 40. Это и былъ о ректоръ. Благословивъ отца и сына, онъ мягкимъ баритономъ поставилъ вопросъ: — Что? Записывать въ училище сына? Читать умѣетъ? Да, послѣдовалъ робкій отвѣтъ моего батюшки. — А писать? — Писать не обученъ. — Ну ка, почитай по славянски сначала, а потомъ по русски, обратился ко мнѣ о. ректоръ, подавая мнѣ Евангеліе — Читывалъ эту книгу? — Я взглянулъ на оглавленіе и отвѣчалъ: „нѣтъ“. Ну, такъ вотъ читай главу сначала. Я сталъ читать. Послѣдовало замѣчаніе — „не спѣши“! Я продолжалъ тише. — Ну, а теперь по русски тоже самое, вотъ видишь тутъ рядомъ Прочелъ я не больше стиховъ пяти и услышалъ: „хорошо, довольно, принятъ.“ — Давай метрику, сказалъ тогда о. ректоръ батюшкѣ, но метрики у насъ не было. — Ну, пришли по почтѣ, замѣтилъ тогда начальникъ, назначилъ день, когда я долженъ явиться въ училище и отпустилъ съ миромъ, записавши мое имя, фамилію, чей сынъ и откуда. Оба мы веселые вернулись на свою квартиру, побесѣдовали съ хозяйкой, походили по городу, гдѣ все для меня было новое и все меня удивляло, начиная съ солдата въ киверѣ, стоящаго съ ружьемъ на часахъ у острога и кончая большими домами, большими храмами и колокольнями, а особенно колоколами, изъ коихъ тысячепудовый въ соборѣ казался такъ таки чѣмъ то положительно диковиннымъ. На слѣдующій день простился я съ моимъ родителемъ и остался одинъ восьмилѣтній ребенокъ въ чужомъ городѣ въ чужомъ

домѣ, съ чужимъ человѣкомъ, который однакоже понимая мое душевное состояніе, такъ бережно и симпатично относился ко мнѣ, что я плакалъ и тосковалъ не долго. Настало время ученья, открылись занятія и я взялся за дѣло со всѣмъ усердіемъ. О молебнѣ передъ ученьемъ ничего не помню и думаю, что его и не было. Замелькали дни, недѣли, мѣсяцы, годы, прошелъ и весь семилѣтній періодъ школьной жизни, такъ отдаленной отъ настоящаго времени и кажущейся теперь не болѣе, какъ сномъ. Но это былъ не сонъ, а жизнь, порою трудная, порою легкая, порою горькая, порою сладкая, та жизнь, которая поставила меня на опредѣленный путь и указала за тѣмъ мнѣ свое мѣсто, когда выйдя изъ школьныхъ рамокъ, развернулась она во всю ширину свою. Чѣмъ же я помяну эту жизнь, стоя на конечномъ пунктѣ ея, — старый и немощный? А помянуть хочется. Постараюсь припомнить то, что было своеобразнаго и характернаго въ этой жизни, а быть можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, положительно, или отрицательно, и поучительнаго. Еще не вся матушка Русь поетъ „отречемся отъ стараго міра“ и проч., еще многое множество людей любитъ родную старину и свято чтитъ ее, изучая ее во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ для этихъ то добрыхъ людей и пишу я мои воспоминанія.

Съ 1849 по 1856 годъ учителями Устюжскаго д. училища были въ первомъ классѣ Димитрій Ивановичъ *Рохлецовъ*, во второмъ Алексѣй Андреевичъ *Колпаковъ*, въ третьемъ Аристархъ Львовичъ *Поповъ* и Константинъ Андреевичъ *Мусниковъ* и въ четвертомъ Алексѣй Семеновичъ *Кулаковъ* и Александръ Ивановичъ *Дмитріевъ*. Этотъ послѣдній былъ инспекторомъ училища. Все это были достойные люди. Дѣло свое они знали относились къ нему внимательно. Говорили въ свое время о склонности одного изъ нихъ къ выпиванію и о нѣкоторой въ такомъ видѣ жестокости, за что этотъ учитель и уволенъ потомъ отъ должности. Это Аристархъ Львовичъ Поповъ. Но это были преувеличенія. Водку онъ выпивалъ, это правда, но выпивалъ при случаѣ, когда былъ въ гостяхъ; никогда, до самой смерти, онъ не опохмѣливался и водки у себя въ домѣ никогда не имѣлъ и имѣть не считалъ нужнымъ. Да, когда Аристархъ Львовичъ пожалуетъ въ классъ, бывало, „съ мухой“,—мы были на—сторожѣ. Шутить тогда онъ не любилъ, но и страшенъ былъ только для лѣнтяевъ завзятыхъ и шалуновъ грубыхъ. А такіе ученики у насъ имѣлись въ третьемъ классѣ, что имъ не учиться, а по-

ра было жениться. Ну, и вотъ если такой молодецъ попадетъ ему тогда на видъ и окажется не знающимъ урока — получи разсчетъ, по назначенію. 5, 10, даже 15 ударовъ розгами по мягкой части тѣла пониже поясницы А за шальство, если замѣтитъ Аристархъ Львовичъ, бывало, не осуди такой гусь, если онъ влѣпитъ и злоровую плюху. Что же касается умѣнья и способностей педагогическихъ, то это едвали былъ не самый лучшій изъ всѣхъ учителей. Всегда просто, наглядно и такъ хорошо онъ объяснитъ урокъ, что мало-мальски способному и внимательному ученику не оставалось ничего дѣлать. Преподавалъ онъ Русскій и латинскій языки и уставъ церковный. Учебникомъ по Русскому языку въ наше время была грамматика Н. И. Греча. по латинскому языку и церковному уставу авторовъ учебниковъ не помню. Пріучая своихъ учениковъ къ грамматическому разбору словъ и предложеній, Аристархъ Львовичъ любилъ давать игривыя предложенія, возбуждавшія въ насъ интересъ къ предмету. Напр. „съ этого стекла вода стекла,“ или „солнце выше ели, а вы еще не „ѣли“ и т. д. Или полатински двусмысленное изреченіе какой нибудь Цицеи: „Domine sedeas sedeas“ или тоже, но въ другомъ смыслѣ „Domi ne sedeas, sed eas.“ Онъ каждую недѣлю назначалъ намъ на квартиры и письменныя работы, которыя весьма способствовали твердому усвоенію грамматическихъ правилъ по тому и другому языку. А намъ было интересно видѣть письменный отзывъ учителя о нашихъработахъ въ родѣ „Laudabiliter“, „Laudabillime, особенно elegantissime. Отзывъ „Bene“ казался намъ недостаточнымъ и свидѣтельствовалъ онъ о посредственномъ достоинствѣ нашихъ трудовъ. Церковный же уставъ преподавалъ онъ намъ не по учебнику, а по церковнымъ книгамъ, практически, справедливо находя, что, заучивъ механически урокъ по уставному учебнику, ученикъ могъ механически же и забыть его и, при отправленіи церковной службы, растерялся-бы въ церковныхъ книгахъ и оказался-бы совершеннымъ невѣждою въ церковномъ уставѣ. Какой отдѣлъ устава проходился нами, такой и кругъ Богослужебныхъ книгъ у насъ былъ подъ руками. — „Ну,-ка ты, церковная задвижка, скажи мнѣ, когда читаются на утрени два Евангелія?“ — обращался въ особенныхъ случаяхъ ко мнѣ, бывало, Аристархъ Львовичъ. Тогда-то, скажешь въ отвѣтъ. — Не вѣрю Отъищи главу и укажи. Отъищешь и укажешь. И учитель и ученикъ оба сіяютъ. Хорошій былъ это учитель.

Александръ Ивановичъ Дмитріевъ и Константинъ Андреевичъ Мусниковъ также заботливо относились къ своему дѣлу, преподавали хорошо, особенно Дмитріевъ, но были всегда какъ-то сухи, важны и серьезны неестественно, какъ намъ казалось, чѣмъ отъ себя и отталкивали. Алексѣй Семеновичъ Кулаковъ держалъ себя проще и естественнѣе, но любилъ иронизировать, а это насъ оскорбляло. Онъ былъ учителемъ Греческаго языка, ариѳметики и географіи. Переводили разъ басню: „Астрологосъ". Я не слушалъ и держался разсѣянно. Вдругъ онъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „что значитъ по русски это слово?" Я растерялся, да и бухнулъ не въ попадь: „верхоглядъ".—Да вотъ ты-то, братецъ, верхоглядъ—огрѣзалъ онъ мнѣ, не безъ насмѣшки. Но, къ счастью, эта кличка ко мнѣ не прильнула. А что обидѣло насъ, такъ это какое-то шаловливое отношеніе его къ страданію человѣка. Наказываетъ, бывало, и смѣется. Г. г. Колпаковъ и Рохлецовъ были естественны и симпатичны, хотя также по временамъ, какъ и всѣ другіе, прибѣгали къ розгѣ. Дмитріевъ, такъ этотъ наказываетъ человѣка розгами бывало, и тутъ же убѣждаетъ и наказываемаго, и свидѣтелей наказанія, что по любви къ страдающему, изъ желанія добра, наноситъ раны ему. А мы, грѣшные люди, сидимъ и думаемъ иногда,—такъ ли ты, добрѣйшій человѣкъ, наказываешь дочерей и жену, когда онѣ бываютъ въ чемъ—либо виноваты,—интересно бы знать.. Но, говоря о тѣлесныхъ наказаніяхъ, я долженъ замѣтить, что онѣ были не часты и не слишкомъ суровы, наши „мастера" умѣли и облегчать ихъ, да при томъ и назначались они или за упорную лѣность, или же за грубое шальство въ церкви, въ классѣ, или на улицѣ, такъ что принципіальныхъ возраженій противъ тѣлесныхъ наказаній не приходило намъ и въ голову. А за неумѣренное шальство или своеволіе всѣмъ намъ попадало, надо сознаться, на калачи въ свое время и подъ кровомъ родительскимъ. Время ужъ было такое. Всѣхъ терпѣливѣе, изъ г. г. нашихъ учителей былъ конечно Константинъ Андреевичъ Мусниковъ, величавшій обыкновенно малоуспѣшныхъ учениковъ „бараньими головами". И мы у него всегда почти добивались помилованія, хотя и сознавали вину свою. Разскажу одинъ случай со мною, имѣвшій мѣсто на урокѣ Константина Андреевича, кажется, по ариѳметикѣ. Необходимо при этомъ пояснить, что входныя двери въ классы вводили человѣка въ средину комнаты, по боковымъ сторонамъ ея стояли ученическія парты, впереди же у лицевой стороны нахо-

дились учительскій столъ и кресло, а на стѣнѣ за ними, выше оконъ помѣщалась икона Спасителя. Ученики разсаживались, по успѣхамъ, по той и другой сторонѣ равномѣрно, такъ что первый ученикъ сидѣлъ за первымъ столомъ первымъ, на одной сторонѣ, а вторый ученикъ сидѣлъ первымъ за первымъ столомъ на другой сторонѣ, за нимъ рядомъ съ первымъ ученикомъ сидѣлъ ученикъ третій, а рядомъ со вторымъ четвертый и т. д. Одинъ изъ спрошенныхъ учениковъ рѣшалъ задачку у классной доски, учитель, занимаясь съ нимъ, сидѣлъ въ своемъ креслѣ, между которымъ и лицевою стороною стѣны оставалось съ аршинъ, или четвертей пять свободнаго мѣста, для прохода человѣка. Намъ не было дано никакой работы. Отъ нечего дѣлать одинъ изъ насъ, я-ли сидѣвшій на первомъ мѣстѣ второй парты, какъ вторый ученикъ, или покойный Александръ Ивановичъ Дементьевъ, *) сидѣвшій первымъ за первой партой, сдѣлалъ зайчика и швырнулъ его по полу другому. Этотъ другой тѣмъ же путемъ возвратилъ зайчика первому. Намъ казалось, что учитель нашихъ занятій не видитъ, мы ихъ продолжали и увлеклись Намъ уже не интересно было пускать зайчика по полу, захотѣлось пускать его по воздуху, повыше и повыше и довозвышали до того, что пущенный наконецъ очень высоко зайчикъ ударился въ икону и отлетѣлъ отъ нея прямо на столъ учителя. Дошалили. —Положеніе наше стало трагическимъ. Беретъ Константинъ Андреевичъ нашего зайчика за хвостъ и, поднимая его, взволнованно взываетъ: „бараньи головы“. Кто этимъ занимается, вставай и иди, пускай высѣкутъ! —Скрываться и запираться было бы безсовѣстно и немыслимо, потому что учитель вѣроятно давно уже замѣтилъ наше шальство и только терпѣлъ его до времени. И вотъ мы два шалуна рѣшительно и одновременно встали, признали себя виновными, и просили прощенія.— Нѣтъ, говоритъ учитель, ступайте, пусть высѣкутъ. Простите! взывали мы... И темная туча продолжалась минутъ 10 и кончилась, къ нашему благополучію, прощеніемъ. Понятное дѣло, изъ другихъ учителей, никто не простилъ-бы насъ, да мы никогда и не рѣшились-бы такъ испытывать ихъ терпѣніе. А у Аристарха Львовича это было уже совершенно не мыслимо. Его неизмѣннымъ правиломъ было на каждое „помилуйте“ отвѣчать прибавкою 5 ударовъ. Если бы вы позволили себѣ обратиться къ нему съ словомъ „помилуйте“ — трижды, то и получили-бы, вмѣсто 5-ти 20 ударовъ розгами. Ну и не повадно было взывать къ нему о милости.

*) Умеръ въ должности Смотрителя Устюжскаго уѣзднаго училища.

Ничего не сказалъ я еще о классныхъ трудахъ учителя перваго класса, на которомъ лежала если не ошибаюсь, обязанность пріучать насъ, не воспитанныхъ дѣтишекъ сельскаго большею частію духовенства къ школьной дисциплинѣ, и въ тоже время учить ихъ, иногда совершенно неграмотныхъ, Славянскому и русскому чтенію, письму и начальному счисленію. Сколько здѣсь нужно было положить трудовъ, къ нимъ надобно владѣть запасомъ терпѣнія и хладнокровія. *) И это, за 10 рублей въ мѣсяцъ, если не измѣняетъ мнѣ память. Возьмемъ напр. чистописаніе. Надобно было учителю и тетрадки наши на первое время сшивать, и паграфить ихъ, и перья для насъ чинить (писали тогда вѣдь гусиными, а не стальными перьями), и для образца на тетрадяхъ своею рукою написать тѣ, или другіе знаки письменные — палки, или буквы, научить какъ правильно сидѣть при этомъ, правильно руку, пальцы и перо держать. Работа эта если и не каторжная, то во всякомъ случаѣ Египетская. И вотъ иной изъ насъ, начинающихъ бумагомарателей, не успѣетъ и двухъ—трехъ письменныхъ знаковъ написать, какъ снова идетъ къ учителю съ жалобою, что у него перо что-то „попортилось“, то вотъ тутъ „сучекъ какой—то мѣшаетъ“, и т. д. И смѣшно, и грустно, какъ подумаешь. А учителю то каково было возиться съ нами! Но отъ Димитрія Ивановича [1]) я не слыхалъ и не помню ни одного слова ропота, ни тогда, ни позже. Правда, окончивъ курсъ однимъ изъ первыхъ студентовъ Вологодской Д. семинаріи въ 1848 году къ началу учебнаго 1849—1850 года онъ только что былъ опредѣленъ учителемъ, но нетерпѣливый и не достаточно умный человѣкъ могъ-бы и въ теченіе перваго года своей училищной службы обнаружить тѣ, или другія невыгодныя стороны своего характера, но съ нимъ этого не случилось. Я помню, что кромѣ умѣнья его обучать и удивительнаго терпѣнія онъ зналъ, что дать ребенку и для внѣкласснаго занятія. Онъ первый далъ мнѣ и первую книгу на Русскомъ языкѣ для внѣкласснаго чтенія и спрашивалъ потомъ меня, что я тутъ понялъ, и какъ понравилась она мнѣ. Книги этой я не встрѣчалъ потомъ въ жизни нигдѣ. Она была, думаю, переводная и называлась: „Гумаль и Лина“. Интересно-бы знать, сохранилась-ли она до настоящаго времени въ библіотекѣ Устюжскаго Д. училища, откуда она была взята Димитріемъ Ивановичемъ? Съ какимъ удовольствіемъ, кажется, прочелъ бы нынѣ эту книжку, возбудившую нѣкогда во мнѣ интересъ къ чтенію!

*) Умершаго настоятелемъ Успенскаго собора.

Занятія въ училищѣ въ наше время начинались съ 8-ми часовъ утра и продолжались, съ двухчасовымъ перерывомъ, — отъ 12 до 2 часовъ,—до 4-хъ часовъ по полудни, каждодневно, кромѣ субботъ, когда они прекращались въ полдень. Дневныхъ уроковъ было три, изъ нихъ два до полудня съ получасовымъ перерывомъ, и одинъ—послѣ полудня. Во время большаго перерыва занятій, между 12-ю и 2-мя, обыкновенно учителя и ученики расходились по своимъ квартирамъ для обѣда. Классныхъ журналовъ у насъ не было, а имѣлись у каждаго учителя списки, въ которыхъ и отмѣчались „спицикомъ“ (однимъ изъ учениковъ, ведшимъ этотъ списокъ, по назначенію учителя) степень знанія учениками каждодневно своего урока. Кто-же опредѣлялъ эту степень знанія уроковъ? А для этого существовалъ цѣлый рядъ почтенныхъ людей, изъ тѣхъ же учениковъ, которые обязаны были прослушать уроки извѣстнаго числа своихъ товарищей, опредѣлить степень знанія и сдѣлать соотвѣтственную отмѣтку въ спискѣ Назывались одни изъ нихъ „авдиторы“, а другіе „повѣряющіе“. Первому назначалось, для прослушанія уроковъ, 5 учениковъ. а второму, для повѣрки, въ случаѣ апелляціи, или въ цѣляхъ прокурорскаго надзора до 20 учениковъ. Но „повѣряющій“ отмѣтокъ въ спискѣ не дѣлалъ, что было исключительно обязанностью авдитора, и не имѣлъ права исправлять отмѣтку авдитора, въ частномъ своемъ спискѣ, о чемъ и докладывалъ потомъ учителю. Но этого никогда почти не случалось. Замѣчательно, что наши знанія отмѣчались не русскими, а латинскими словами: S (scit) значило твердо знаетъ, nb (nonbene)—не твердо, ms (malescit)—плохо, ns (nescit) ничего не понимаетъ. И вотъ учитель, по приходѣ въ классъ, послѣ краткой молитвы, садится въ свое кресло и развертываетъ уже находящійся на столѣ его списокъ, обращаетъ свое вниманіе на тѣхъ изъ учениковъ, которые ничего не знаютъ.—Почему не знаешь урока, говоритъ онъ спрошенному ученику.—Не могъ выучить Резолюція: поди, высѣкутъ. Ученикъ идетъ, молча получаетъ извѣстное число ударовъ розгою и садится на свое мѣсто. А если кто скажетъ; „я знаю“ или „я выучилъ“, —иди и отвѣчай. Хорошо отвѣтилъ —правъ, плохо—двойная порція назначается. И такъ далѣе до послѣдняго ученика, не твердо урокъ знающаго. За тѣмъ обычно спрашивался кто-нибудь, безъ всякой очереди изъ лучшихъ учениковъ, всегда знающихъ урокъ, учитель начинаетъ приходить болѣе или менѣе въ благодушное настроеніе и за тѣмъ начиналось объясненіе урока,

или переводъ по языкамъ, для слѣдующаго дня. Если же кто изъ отмѣченныхъ знающимъ отвѣчалъ иногда съ ошибками.— это уже въ вину не ставилось ни отвѣчающему, ни авдитору, изъ коихъ послѣдній иногда долженъ былъ отвѣчать урокъ самъ, вмѣсто не оправдывавшаго его отмѣтки ученика. И конечно было-бы плохо, еслибы и авдиторъ, по нашей школьной терминологіи, „схватилъ столба". Но такихъ случаевъ я право же не помню. Мы очень дорожили положеніемъ „авдитора", а особенно „провѣряющаго", а всего дороже намъ было довѣріе къ намъ учителей.

Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ на послѣднемъ урокѣ было зимою обыкновенно въ классахъ уже темно. Нужно было ихъ освѣщать, и они освѣщались. Для этого въ каждомъ классѣ были прикрѣплены къ подволокѣ на желѣзныхъ стержняхъ по два висячихъ желѣзныхъ же подсвѣчника съ мѣстами для четырехъ свѣчъ въ каждомъ. Когда становилось темно, приходилъ съ достоинствомъ нашъ „Пилатъ" (ужъ не потому ли его и окрестили этимъ именемъ наши остряки, что въ случаяхъ исключительныхъ, для позорной и жестокой казни училищныхъ грѣшниковъ, призывался училищною властію этотъ молчаливый человѣкъ?) и засвѣчалъ въ этихъ висячихъ канделябрахъ восемь не толстыхъ сальныхъ свѣчъ. Получался конечно полусвѣтъ, или полумракъ, что хотите, только не свѣтъ, но молодые глаза школьниковъ не только видѣли другъ друга, но видѣли даже и строки въ книгахъ. И вотъ въ эти именно часы послѣднихъ уроковъ случалось, навѣщалъ насъ и отецъ ректоръ. Посидитъ, поспрашиваетъ учениковъ, хорошихъ изъ нихъ похвалитъ, а лѣнивымъ большею частію только поугрожаетъ наказаніемъ „прутьями" и уходитъ въ слѣдующій классъ. Однажды онъ пожаловалъ на урокъ Александра Ивановича Дмитріева въ 4-мъ классѣ. Шла рѣчь объ 11 и 12 членахъ символа вѣры. Александръ Ивановичъ слылъ за знатока священнаго писанія и былъ человѣкъ безспорно умный. Передъ нимъ ли захотѣлъ блеснуть о. Ректоръ внушительностію своихъ богословскихъ познаній, или намъ показать на дѣлѣ, что онъ не напрасно носитъ на груди золотой магистерскій крестъ, но мы стали замѣчать, что онъ ставитъ отвѣчающимъ ученикамъ такіе вопросы, на которые отвѣтовъ мы не слыхали. Учитель инспекторъ спокойно докладывалъ что объ этомъ не говорено, не входитъ въ программу молъ.—Отчего же?—Ваши ученики уже, вижу я, мыслятъ, съ ними можно разсуждать", замѣчаетъ

о. Ректоръ. Заговорили о небѣ. Что такое небо видимое и невидимое? Есть-ли тамъ люди? Гдѣ они? Что дѣлаютъ? Гдѣ напр. наши Енохъ и Илія? Урокъ вышелъ у насъ преинтересный, на славу. Но только одинъ изъ насъ сказалъ, что Енохъ и Илія взяты живыми на небо, гдѣ и находятся.—Да развѣ такъ? обращается тогда о. Ректоръ къ учителю.—Совершенно вѣрно, отвѣчаетъ нашъ учитель.—„Такъ говоритъ православное исповѣданіе вѣры, такъ катихизисъ Филарета, такъ учитъ Церковь, на основаніи Библіи". „Да развѣ такъ сказано въ Библіи? ставитъ прямо вопросъ о. Ректоръ.—Такъ, кажется, уже какъ-будто неувѣренно, показалось намъ, отвѣчалъ нашъ учитель.—„Давайте Библію," сказавъ тогда о. Ректоръ. Библія принесена. Самъ онъ беретъ ее въ руки, находитъ нужное для него мѣсто и, подавая ее нѣсколько уже смутившемуся Александру Ивановичу, говоритъ:—читайте вотъ этотъ стихъ. Каково же было удивленіе не только наше, но и учителя, когда оказалось, что Илія взятъ „яко на небо." Потомъ о. Ректоръ пошутилъ съ учителемъ, посмѣялись тотъ и другой, и распорядился закончить урокъ тотчасъ же.

IV.

Поговоримъ теперь о нашихъ шалостяхъ, не безъ нихъ же мы росли и учились. Шалили мы на улицѣ, шалили въ училищѣ, шалили и въ церкви. Игры намъ не воспрещались на дворахъ квартиръ, даже и на улицахъ близъ квартиръ и при томъ безъ шума. Но въ игрѣ человѣкъ увлекается, забывается и переходитъ мѣру. То убѣжимъ въ однѣхъ рубашкахъ отъ квартиръ далеко, то нашумимъ много, то поразсоримся и растибемъ другъ друга. Замѣтитъ это квартирный старшій, запишетъ въ свой журналъ, или кто-либо изъ учителей замѣтитъ неприличіе нашего поведенія,—виновные подлежали наказанію. Въ классѣ преслѣдовались излишній, неумѣренный шумъ, борьба и ссора съ ушибами однимъ другого. А въ церкви неблаговѣйное стояніе, смѣхъ и разговоры, объ всякой надобности также заслуживали преслѣдованіе. И здѣсь слѣдили за нашимъ поведеніемъ тѣже старшіе, обязательно отмѣчая въ своихъ журналахъ, какъ вели себя въ извѣстный праздникъ, или воскресный день въ извѣстной церкви ввѣренные его вниманію ученики. Эти старшіе назначались изъ степеннѣйшихъ учениковъ четвертаго класса для того, чтобы слѣдить за поведеніемъ учениковъ извѣстнаго района на квартирахъ и въ церкви. Имъ выдавались журналы, въ которыхъ они

и писали каждодневно свои наблюденія, ходили они и по квартирамъ для своихъ наблюденій однимъ словомъ это были люди въ родѣ нынѣшнихъ надзирателей, исполнявшіе свой долгъ строго и безплатно. Подавали они эти журналы инспектору, по суббо тамъ, когда, за каждую, недѣлю, съ этими журналами и слѣдовалъ онъ, во время перерыва занятій, для расчета съ шалунами. Почему и называлась у насъ суббота днемъ очищенія, хотя нерѣдко и по цѣлому мѣсяцу не было этихъ очищеній, а стало быть не было замѣчено и грѣховъ нашихъ. Обычными играми школьниковъ нашего времени были осенью свайка, городки, и какая-то „егоза“, весною мячикъ и бабки, а зимою шалили мы въ классѣ, сражаясь между собою. Раздѣлимся на пополамъ и пойдемъ сторона на сторону. Вотъ тутъ то и попадало храбрецамъ и отъ наблюдателей, да иногда и отъ инспекціи, если продремлетъ караулъ на сторожевыхъ постахъ, или у побѣжденныхъ окажется кто либо съ чувствительными пораненіями, нѣкоторое время занимало насъ еще уженье крысъ. Но имъ занимались понятно, любители, а масса учащихся была зрителями. Полы въ классѣ были деревянные съ дырами въ углахъ, прогрызенными крысами, которыя не стѣснялись подъ часъ пройтись по классу даже во время урока. Это насъ смѣшило.—Надо ловить ихъ, говоритъ учитель. Но кому? Вѣдь не ученикамъ же, думали мы. Однако между нами нашлись охотники—артисты. Спустя нѣсколько дней сидимъ на урокѣ одного изъ уважаемыхъ учителей и съ полнымъ вниманіемъ слушаемъ объясненіе его. Вдругъ нѣкоторые изъ камчадаловъ начинаютъ смѣяться, а черезъ минуту и весь классъ почти, и даже почтенный учитель. Смотримъ. На поводку идетъ по классу крыса.— Какъ ты ее поймалъ? спрашиваетъ ловца учитель. „Сама поймалась, отвѣчалъ ловецъ, „а я только на рыболовный крючекъ, привязанный на бичевкѣ, насадилъ кусокъ мяса и отпустилъ его въ дыру подъ полъ“...— Молодецъ! только поведи скорѣе на улицу и казни тамъ ее, какъ знаешь, распорядился учитель. И за тѣмъ учебныя занятія въ классѣ шли своимъ обычнымъ порядкомъ. По возвращеніи же на квартиру изъ училища съ послѣдняго урока, я немедленно развязывалъ свой бѣлый мѣшокъ, въ которомъ носилъ книги, доску и тетради, перо, грифель и карандашъ (а чернильницу за пазухой), раскладывалъ все на свое мѣсто и тотчасъ же, безъ всякаго промежутка и роздыха, начиналъ готовить уроки къ слѣдующему дню,—сначала устные, а потомъ и пись-

менные и, послѣ того, какъ все было готово, отдавался я и игрѣ съ увлеченіемъ. Такъ пріучила меня моя квартирная хозяйка, то и дѣло твердившая мнѣ—„запасай къ завтрему хлѣба, а не лѣла, дѣло дѣлай сегодня“. Я охотно слушалъ эти практическіе ея уроки и справлялся со своимъ учебнымъ дѣломъ своевременно и легко, но хлѣбъ насущный давался мнѣ труднѣе. Батюшка мой, привезши меня къ началу учебнаго года въ Устюгъ, обыкновенно привозилъ пуда два-три муки ржаной и яшной, да фунтовъ пять скоромнаго масла. Это на содержаніе. А на учебныя принадлежности—бумагу, перья, чернила дастъ копѣекъ 30 и замѣтитъ, что тутъ тебѣ деньги и на молоко, разумѣется, кислое. И мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ всю эту скромную ассигновку отдавать въ опытныя руки моей хозяйки, въ ея безконтрольное распоряженіе, да помечтать порой о скоромныхъ щечкахъ и прѣсномъ молочкѣ. Но одна мечта человѣка не кормитъ Разжигая воображеніе, мечта нудитъ его пріискивать средства осуществлять себя на дѣлѣ, чтобы достигать желаемаго. Лично мнѣ понравилась игра въ бабки, которой я и посвящалъ весь мой досугъ, съ увлеченіемъ, пока не достигнулъ того, что сталъ выигрывать въ бабки гроши и копѣйки на покупку молока. Испытанъ мною былъ въ первые три года школьной жизни въ Устюгѣ и еще способъ улучшенія моего стола,—это милостыня. На милостыню натолкнули меня два обстоятельства. Во первыхъ я видѣлъ, что, въ числѣ моихъ товарищей по училищу, были люди бѣднѣе меня, одѣты они были въ дырявое лохмотье зимой и лѣтомъ, даже зимою плохо обуты и питались Христовымъ именемъ. А потомъ,—во вторыхъ,—одна знакомая моей хозяйки, изъ прислуги милліонера Грибанова, узнавши, что я учусь хорошо, а питаюсь плохо, посовѣтовала ей посылать меня иногда, по вечерамъ, на кухню этого дома за щами, которыхъ у нихъ-молъ всегда остается. И вотъ стали у меня на столѣ порою-то молоко прѣсное, а то и скоромные щечки. Мнѣ это улучшеніе стола конечно нравилось, я запохаживалъ такимъ образомъ за подаяніемъ и въ другіе дома, пока не нарвался въ одномъ домѣ на такихъ хозяевъ, которые не только не позволили прислугѣ ничего мнѣ дать, но и приказали прогнать меня метлою. Усердный слуга точно исполнилъ волю хозяевъ, спустивъ меня изъ втораго этажа каменнаго дома по лѣстницамъ метлою. Этотъ памятный мнѣ каменный двухъ-этажный домъ стоитъ и нынѣ на своемъ мѣстѣ,—въ первой ча-

сти г. Устюга по Успенской улицѣ первый отъ земляного моста, но принадлежитъ онъ уже кому-то другому, а не тому жестокому хозяину, пожалѣвшему для бѣднаго школьника милостыни, котораго не напрасно стало быть звали его сограждане въ свое время „Костяной яишницей“.

Надобно дать понятіе моимъ читателямъ и о нашихъ рекреаціяхъ. Онѣ давались намъ буквально для игры и отдыха каждогодно раза три—четыре въ маѣ мѣсяцѣ. Какъ только наступалъ мѣсяцъ май, мы избирали первый хорошій день и шли къ о. Ректору просить рекреаціи или in corpore всѣмъ составомъ учащихся, или отправляли депутацію въ числѣ трехъ лучшихъ учениковъ четвертаго класса. Но просьба выражалась почему-то на латинскомъ языкѣ. Написали однажды эту просьбу мы погречески, но она не понравилась ни намъ самимъ, ни нашему начальству. Депутація принималась конечно въ передней о. Ректора, бывала выслушиваема и удовлетворялась, или отклонялась словами: „Datur“, или „Non datur.“ А когда мы являлись съ просьбою о рекреаціи всѣ, тогда выстраивались на дворѣ о. Ректора и начинали пѣть, какъ поютъ псалмы простымъ напѣвомъ,—„Reuerendissime Pater, illustrissime Protoierea, nostrarumque scholarum Dignissime Rector, rogamus recreationem“. Если намъ позволялось пропѣвать нашу просьбу нѣсколько разъ, то мы догадывались, что она исполнена будетъ и вдохновлялись болѣе и болѣе,—и не напрасно. Раздавалось наконецъ восхитительное „datur“. А въ случаѣ неудачи, обыкновенно возглашала отвѣтъ намъ прислуга и уже по русски: „убирайтесь къ лѣшему, ничего не будетъ“, или и иначе, но въ томъ же родѣ. Бывало еще и такъ. Но случай, о которомъ хочу разсказать, имѣлъ мѣсто уже не въ Устюгѣ, а въ Вологдѣ. Рекреаціи давались и семинаристамъ. И вотъ однажды на просьбу ихъ о рекреаціи о. Ректоръ отвѣчалъ: „идите къ Архіерею, просите у него.“ Хорошо. Черезъ 20 минутъ семинарская депутація, съ просьбою о рекреаціи, уже у Владыки,—и принята благосклонно. Только, выслушавъ просьбу, Владыка неожиданно ставитъ вопросъ: „Скажите мнѣ, давалъ-ли І. Христосъ рекреаціи Своимъ ученикамъ? Если давалъ Онъ, и я дамъ, а если нѣтъ, то и я не дамъ.“ Послѣдовалъ отвѣтъ: „давалъ“. Но Владыка, не довольствуясь голословнымъ отвѣтомъ, требовалъ доказательствъ. Попросили Евангелія, которое и было подано. Желательный стихъ кое-кто припоминалъ, но никто не помнилъ, у

котораго изъ Евангелистовъ онъ находится. Но все-таки этотъ стихъ былъ найденъ скоро и прочитанъ Владыкѣ, который и сказалъ: „да, это именно была рекреація, даю ее и вамъ, — отдыхайте“ Я съ намѣреніемъ не выписываю стиха и не цитую его, думая, что любознательный читатель вспомнитъ этотъ стихъ и отыщетъ его въ Евангеліи самъ, а для нелюбознательнаго не много прибавилъ бы я интереснаго, еслибы и прочиталъ его. Какъ же однако и гдѣ проводился нами рекреаціонный день? Внимательные къ своему дѣлу ученики вечеръ наканунѣ рекреаціоннаго дня употребляли на приготовленіе уроковъ ко дню послѣ—рекреаціонному, а остальные, въ качествѣ предпраздненства, предоставляли себѣ свободу и наканунѣ рекреаціи и располагали временемъ, кто и какъ хотѣлъ и умѣлъ. Но въ день рекреаціи гуляли, играли и веселились всѣ. Для игры въ мячъ намъ указано было мѣсто на Ивановской горѣ между чертою города и кладбищемъ, нынѣ уже заселенное,—но то самое, гдѣ нынѣ находятся церковно приходская школа и домъ о. М. А. Соснина. А въ бабки, плитками и битками, играли мы подъ Ивановскимъ монастыремъ, на площади, часть которой нынѣ засѣвается, если не ошибаюсь, хлѣбомъ. Въ числѣ другихъ артистовъ—игроковъ въ бабки былъ не послѣднимъ и Вашъ покорнѣйшій слуга нѣсколько лѣтъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера, босикомъ, забывая о пищѣ и питьѣ, съ едва прикрытымъ чѣмъ-нибудь тѣломъ, я всѣми своими силенками и умишкомъ уходилъ въ игру бабками, выигрывалъ на нихъ иногда копѣекъ по 10 въ день и, очевидно, былъ настолько для своихъ конкурентовъ опасенъ, что одинъ изъ нихъ, разсерженный моимъ успѣхомъ, рѣшился однажды, конечно не намѣренно, пустить свою плиту не въ бабки, а прямо мнѣ въ ноги. Ударъ плиткою по берцовой кости причинилъ мнѣ страшную боль и облилъ меня кровью, такъ что едва я ушелъ на свою квартиру, гдѣ и получилъ еще хорошую головомойку отъ своей хозяйки, въ дополненіе. Не помню уже долго-ли она возилась съ моею ногой, не пуская въ училище, но вылѣчила успѣшно. Остался только знакъ на ногѣ отъ пораненія до сего времени. Не знаю, былъ ли наказанъ ранившій меня ученикъ, не знаю, что я на него не жаловался Мячемъ же играли ученики возрастные, а изъ подростковъ юркіе. Принимали участіе въ игрѣ мячемъ и наши г. г. наставники нѣкоторые, напр. А. А. Колпаковъ, К. А. Мусниковъ и инспекторъ А. И. Дмитріевъ. Интересно было смотрѣть

особенно на этого послѣдняго. Это былъ серьезный человѣкъ всегда и вездѣ, лѣтъ 50-ти, но совершенно сѣдой, видимо, любившій игру въ мячъ. Приходилъ онъ къ намъ часовъ около 5-ти вечера. Тотчасъ же мы просили его принять участіе въ нашей игрѣ и предлагали почетный постъ „матки". Онъ нашу просьбу принималъ, ни мало не ломаясь. А какъ стрекалъ онъ великолѣпно! Никогда не промѣтится и ударитъ палкою по мячу такъ сильно, что мячъ улеталъ, какъ говорили тогда, „изъ виду вонъ." Остальные двое были игроки въ мячъ не заправскіе, а только развѣ не важные диллетанты. Рекреаціонные же дни любили всѣ. Хотѣлось почувствовать себя на свободѣ не ученику только, а и учителю въ хорошій майскій день. Не угодно-ли припомнить, что учебный годъ нашего времени кончался 15-го іюля Слѣдовательно все лучшее лѣтнее время мы должны были проводить въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ грязнаго училища! А каникулы наши, шестинедѣльные, начинались чуть не осенью, за 5 только дней до Ильина дня, который нашъ народъ считаетъ осеннимъ праздникомъ и говоритъ: „Съ Ильина дня уже конь наѣдается и молодецъ высыпается."

Къ важнымъ событіямъ въ жизни уѣзднаго города, а вмѣстѣ съ нимъ и духовнаго училища надобно отнести архіерейскія посѣщенія и спеціальныя ревизіи училища. Архіерейскія ревизіи, или посѣщенія бывали въ Устюгѣ тогда, если не ошибаюсь, черезъ годъ, а спеціальная ревизія вашего училища, за время моего въ немъ обученія, была однажды въ 1851 или 1852 году, точно не помню. Ревизоромъ пріѣзжалъ тогда о. Ректоръ Вологодской Д. Семинаріи архимандритъ Ювеналій Знаменскій. Это былъ магистръ Московской Д. Академіи, человѣкъ еще молодой, сынъ одного изъ Московскихъ протоіереевъ и, какъ говорили тогда, строгій монахъ, о которомъ впослѣдствіи, одинъ изъ учениковъ его, а именно покойный Василій Ивановичъ Сиротинъ, отозвался въ одномъ изъ своихъ хлесткихъ стихотвореній, какъ о тиранѣ. По должности ректора семинаріи арх. Ювеналій былъ преемникомъ арх. Адріана, человѣка слабаго и порядочнаго чудака будтобы, который любилъ ученику ставить вдругъ по нѣсколько вопросовъ, на которые и любилъ получать отвѣты, какіе бы они ни были, но краткіе и ясные. Напр. однажды встрѣчается на семинарскомъ дворѣ Адріану одинъ изъ его отчаянныхъ учениковъ, нѣкто Василій Поповъ, такъ говорило семинарское преданіе, и вотъ о. Ректоръ спрашиваетъ Попова: „— Кто? — Куда? За

чѣмъ?“ У Попова моментально отвѣтъ на устахъ краткій и ясный: „Василій Поповъ,—въ кабакъ,—за виномъ“. Что же Вы думаете? о. Ректоръ вознегодовалъ, выбранилъ и вернулъ Попова обратно въ бурсу? Ничуть не бывало. Поповъ услышалъ отъ него только: „хорошо,—молодецъ, продолжай путь!“ Если это не легенда, а быль, то много-ли нужно было обнаружить преемнику оакого начальника учебнаго заведенія строгости, чтобы заслужить ттъ распущенныхъ учениковъ названіе хотябы и тирана.

„Друзья. Свобода наша пала,
„Какъ палъ нашъ славный Адріанъ,
„Неволя горькая настала,
„И мучитъ насъ лихой тиранъ.“

Такъ говоритъ Сиротинъ. Но я говорю только, что о. Ректоръ Ювеналій умѣлъ возстановить порядокъ, даже безъ жертвъ, въ распущенной семинаріи, но тираномъ онъ не могъ быть и никогда не былъ какъ увидимъ потомъ, далѣе. И ревизію нашего училища произвелъ будтобы онъ серьзную, но на нашихъ экзаменахъ о. Ювеналій былъ ласковъ и снисходителенъ. Необходимо при этомъ замѣтить, что для ревизіи училища прибылъ въ Устюгъ онъ въ началѣ іюля, остановился у тогдашняго архим. Августина въ Архангельскомъ монастырѣ, а экзамены производилъ въ Введенскомъ храмѣ того же монастыря, гдѣ конечно было воздуха больше, и мѣста и свѣта больше, и чище, и во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Замѣчательно, что по какому предмету ни производились-бы экзамены, на нихъ присутствовали всѣ наставники, за исключеніемъ о. Ректора, не имѣвшаго уроковъ, приходившаго и уходившаго всегда свободно, когда ему вздумается. Я учился тогда во второмъ классѣ и былъ первымъ ученикомъ, а когда, поступая въ Семинарію въ 1856 году, отвѣчалъ я ему снова, на пріемномъ экзаменѣ, ему угодно было сказать, что онъ знаетъ и помнитъ меня. Итакъ ревизія училища и наши экзамены—все закончилось хорошо и мы распущены были по домамъ на каникулы не только своевременно, но едвали даже не раньше нѣсколько 15 іюля. Въ семилѣтній періодъ времени моего обученія въ духовномъ училищѣ было нѣсколько Архіерейскихъ посѣщеній г. Устюга Преосвященнымъ Евлампіемъ Пятницкимъ и Ѳеогностомъ Лебедевымъ. Преосвященный Евлампій, впослѣдствіи Епископъ Тобольскій, скончавшійся на покоѣ въ Ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ, и въ то время былъ уже человѣкомъ почтеннаго возраста. Высокій, стройный, благообразный, съ длинною

сѣдою бородою, онъ говорилъ тихо, мягкимъ баритономъ и производилъ впечатлѣніе внушительное. А преосвященный Ѳеогностъ былъ средняго роста, брюнетъ, лѣтъ 50-ти, тощій, блѣдный, говорившій мало и тихо. Тотъ и другой, бывая въ Устюгѣ, посѣщали и наше училище, во время уроковъ. Для привѣтствія Высокихъ посѣтителей приготовлялись отъ учениковъ высшаго отдѣленія учителемъ А. И. Дмитріевымъ, а въ среднемъ Ар. Львовичемъ Поповымъ рѣчи, которыя и вручались, для произнесенія, тѣмъ изъ лучшихъ учениковъ, которые отличались благообразною наружностію, небольшимъ ростомъ и чистою одеждою. Эти избранники должны были твердо заучить на память эти рѣчи и произнести передъ Епископами. Епископы же иногда выслушивали такія рѣчи, иногда отклоняли. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько вопросовъ по тому, или другому предмету, двумъ—тремъ изъ лучшихъ учениковъ, и Высокіе посѣтители удалялись. За то мы старались бывать въ церквахъ за архіерейскими Богослуженіями, гдѣ поражали насъ своеобразная торжественность ихъ, могучіе голоса протодіакона и пѣвчихъ. Епископъ Ѳеогностъ служилъ просто и обычно, какъ служитъ большинство архіереевъ, конечно не спѣшно, но и не тянулъ, безъ нужды. Человѣкъ это, какъ говорили, былъ болѣзненный, кроткій и при томъ постникъ. Ему, понятно, не по силамъ была продолжительность церковныхъ богослуженій. Но не таковъ былъ Епископъ Евлампій. Обладая хорошими силами и здоровьемъ, онъ такъ любилъ торжественность и церковность богослуженій, что готовъ былъ цѣлый день служить напр. Божественную Литургію. И если за литургіей слѣдовалъ молебенъ, то, начавши ее по благовѣсту съ 9-ти часовъ, онъ кончалъ ее тогда, когда раздавался на колокольнѣ уже благовѣстъ къ вечернѣ, въ 4 часа по полудни. На всенощномъ же бдѣніи, если самъ онъ былъ въ церкви, стихиры на „Господи воззвахъ“, литійные, стиховные и „на хвалите“ выпѣвались всѣ, въ положенномъ по уставу количествѣ съ канонархомъ А голоса-то какіе были! Дисканты, альты и тенора, кажется, несравненные. Но не они увлекали насъ. Насъ поражали басы. Поговорю впрочемъ о нихъ потомъ, а пока отмѣчу, что особенно поражалъ насъ тогдашній протодіаконъ о. Александръ Іоанновичъ Яблонскій. И собою это былъ человѣкъ незаурядный. Прекрасно сложенный, богатырской комплекціи, блондинъ-шатенъ, съ хорошими волосами, съ румянцемъ во всю щеку, ростомъ 2 арш. 10 вершковъ, отличался при этомъ пріятностію, чистотою и равно-

мѣрною силою феноменальнаго баса на всѣхъ нотахъ, при большомъ его діапазонѣ и поражалъ, какъ извѣстно, не однихъ насъ, какихъ-то полуграмотныхъ школьниковъ, и не въ одномъ Устюгѣ, а повсюду, гдѣ онъ появлялся, и знатоковъ и компетентныхъ цѣнителей голосовъ и церковной службы и пѣнія. А какъ онъ начиналъ читать (всегда въ „до“ октавы, какъ узналъ я потомъ) и читалъ Евангеліе, такой прелести въ церковномъ Богослуженіи я не испытывалъ за всю мою жизнь, хотя и слыхалъ о.о. діаконовъ и протодіаконовъ не только Вологодскихъ, но и Кіевскихъ, и Московскихъ, и Петербургскихъ. А за нимъ слѣдовали также прекрасные голоса тогдашнихъ пѣвчихъ Образцова, Кубасова, Васильевскаго, *) и—нѣсколько позднѣе,—Изюмова, Кострова, Милославова, Сацердотова и несравненнаго солиста—артиста о. діакона Чулкова. Но этимъ людямъ я намѣренъ посвятит дальше, въ моихъ воспоминаніяхъ, особую главу.

V.

Время шло. Въ училищѣ я долженъ былъ уступить пальму первенства своему товарищу Александру Ивановичу Дементьеву, отличавшемуся желѣзной памятью, старше меня возрастомъ, больше меня читавшему и развивавшемуся поэтому быстрѣе. За то, къ концу училищнаго курса, я сталъ извѣстенъ среди Устюжскаго духовенства и церковныхъ богомольцевъ, какъ хорошій знатокъ устава и простого церковнаго пѣнія, а какъ чтецъ,-будтобы рѣдкій. Всегда нуждаясь въ деньгахъ и любя церковную службу, я успѣвалъ какъ то, въ одинъ и тотъ же день, и въ острогѣ пропѣть обѣдню за псаломщика и въ соборахъ Прокопьевскомъ и Успенскомъ отправить туже обѣдню на лѣвомъ клиросѣ. Я умѣлъ уже не только самостоятельно разбираться въ октоихахъ, минеяхъ, тріодяхъ, гласахъ, прокимнахъ и апостолахъ, но и пропѣть, что нужно, чистымъ звучнымъ альтомъ и прочитать апостолъ, если угодно. А между тѣмъ все еще ходилъ я въ крашенинномъ халатѣ, опоясавшись плохимъ кушакомъ, да въ дешевыхъ кубенскихъ сапогахъ, а то и босикомъ. Читывалъ по нуждѣ, босикомъ даже Апостолъ однажды въ Успенскомъ соборѣ. И за все это вознаграждали меня гривнами, пятачками, а гривенниками рѣдко. Наконецъ удостоили замѣтить полунищаго школьника супруга о. Ректора Елизавета Викторовна, супруга милліонера И. Я. Грибанова Павла Власовна, госпожа Аленева и другія дамы. Стали онѣ приглашать меня къ себѣ, угощать чаемъ и печеньями. Конечно какъ тогда,

*) Образцовъ и Васильевскій, послѣ Яблонскаго, въ послѣдствіи были, преемственно, оба протодіаконами въ Вологдѣ.

такъ и теперь, я безконечно имъ благодаренъ, но меня удивляло и удивляетъ то обстоятельство, почему, угощая парня чаемъ, онѣ не видѣли, какъ онъ обутъ и какъ одѣтъ и наконецъ почему онъ кулакомъ носъ себѣ утираетъ. Или дьяческаго сына одѣть и обуть почеловѣчески считалось баловствомъ непозволительнымъ? Какъ—никакъ все—таки, благодаря этихъ госпожъ за вниманіе, однажды я высказалъ свое недоумѣніе моей квартирной хозяйкѣ, принятой хорошо и во всякое время у Ректорши и Протоіерейши. Она такъ же какъ и я взглянула на дѣло и, при свиданіи, намекнула объ этомъ Елизаветѣ Викторовнѣ. Спохватилась тогда и эта дама и сообщила Грибановой, послѣдствіемъ чего было то, что у моей квартирной хозяйки появилось 5 рублей наличными деньгами, на которые и сдѣланы были мнѣ первые, по мѣркѣ, сапоги и сшитъ изъ какой то довольно крѣпкой коричневой матеріи халатикъ. Въ этомъ костюмѣ и поступилъ я въ Семинарію.

Нельзя оставить также безъ вниманія путешествій моихъ изъ училища на родину, за 100 верстъ, и съ родины въ училище. Въ училище увозилъ меня большею частью самъ батюшка, зимой и лѣтомъ, кромѣ Пасхи, когда приходилось уходить изъ дому въ Устюгъ пѣшкомъ, вслѣдствіе распутья, а изъ училища, какъ случится, и пѣшкомъ бывалъ даже зимою, бывалъ и на лошади съ какимъ либо мужикомъ изъ попутчиковъ. Зимой въ пути намерзнешься, отогрѣешься и опять идешь. Лѣтомъ до изнеможенія устанешь, выспишься, отдохнешь, и опять идешь. Вѣдь народину, домой, въ родную семью, къ отцу и матери тянетъ неудержимо. Начинаешь считать, бывало, недѣли, дни, часы наконецъ, до времени отпуска домой на тѣ, или другіе каникулы. Считаешь и дождаться какъ будто не можешь, такъ и улетѣлъ бы, кажется! Но вотъ онъ желанный мигъ насталъ, а лошади нѣтъ. Ну, и идешь, или съ саночками, зимою и съ палкою въ рукахъ, или съ котомкою на плечахъ, лѣтомъ, —обыкновенная картина. Хорошо еще, если есть товарищи; нѣтъ, такъ идешь и одинъ. Во время этихъ путешествій однако со мною дважды было нѣчто такое, о чемъ вспомнить не лишнее дѣло. Однажды, когда я былъ еще очень малъ, батюшка повезъ меня, послѣ святокъ, въ Устюгъ послѣ обѣдни 6-го января. Ночевали мы въ Стрѣльнѣ, у Аѳанасія Алексѣевича, моего дядюшки, [1]) гдѣ 6-го января храмовой праздникъ Здѣсь и прогостилъ мой батюшка до вечера 7 го января, когда пого-

[1]) Это—тотъ самый дьячекъ Кичановъ, котораго весь отвѣтъ на экзаменѣ данномъ ему Епископомъ Ѳеогностомъ по церковному чтенію и пѣнію заключался въ оглушительномъ возгласѣ „Притчей чтеніе“

да, все время бывшая мягкою, даже теплою, начала крѣпнуть. Въ саняхъ у батюшки ничего теплаго не было, во что онъ могъ бы меня укутать. Пришлось намъ ночевать въ деревнѣ Савинѣ, недоѣзжая 25 верстъ до Устюга. Я очень озябъ въ одной своей шубкѣ, сшитой изъ какого—то старья, съ выношенной шерстью и покрытой крашениной. Какъ только пустила насъ ночевать одна добрая старушка (многіе вѣдь не пустили), я тотчасъ же бросился на печь, гдѣ раздѣвшись и розувшись, свою шубенку положилъ подъ голову, а катаники свои бросилъ на печи же, какъ холодные, отъ себя подальше. Разбуженный по утру, нашелъ я одинъ катаникъ, а другого нѣтъ, какъ нѣтъ. Что за чудо! Пришла на помощь мнѣ, съ огнемъ въ рукахъ, хозяйка, и ахнула .. Что такое? Да катаникъ мой оказался брошеннымъ мною въ квашенку съ хлѣбнымъ растворомъ. Катаникъ нужно было, освободивши отъ тѣста, сушить. Разгнѣванная хозяйка неистовствовала и не пускала съ нимъ уже къ топившейся печи Но такъ, или иначе, дѣло наконецъ улажено. Мы поѣхали. По утру холодъ сталъ уже невыносимымъ. Я окоченѣлъ и едва могъ отвѣтить, когда батюшка спрашивалъ „живь ли?“ Наконецъ уткнулся я лицомъ въ подушку, или въ сѣно, котораго помню было уже мало, и лежалъ ни живой, ни мертвый, пока доѣзжали мы до Устюга. Ну, и досталось же моему батюшкѣ отъ моей хозяйки оттиравшей сначала меня снѣгомъ и холодной водою, а потомъ пустившей на печь. А морозъ то оказался такимъ, что воробьи налету замерзали и падали. А вотъ я, не лучше воробья одѣтый, какъ ни какъ, остался живъ. Значитъ, я иной породы птица. Какъ не вспомнить опять четверостишіе уже упоминавшагося В. И. Сиротина:

Мой прапрапрадѣдъ подъ Казанью
Животъ свой положилъ за Русь.
И я по этому сказанью.
Породы знаменитой... гусь.

А другой случай, бывшій со мною, относится уже къ 1855 г., когда было мнѣ уже 14 лѣтъ. Пришелъ я изъ Устюга на родину на праздникъ Пасхи по зимнему пути, а возвращаться долженъ былъ въ распутку, во время самаго ледохода. Родителямъ я заявилъ рѣшительно, что пойду въ Устюгъ въ субботу на Свѣтлой недѣлѣ И пошелъ. Они провожали меня до рѣки Сухоны. День былъ хорошій, теплый, солнечный. Звонъ церковный усиливалъ впечатлѣніе весенняго дня. Приближаемся къ Сухонѣ, а на ней начавшійся ледоходъ только что остановился, вѣроятно, вслѣд

ствіе запора гдѣ-нибудь пониже по теченію. Вотъ мы и въ деревнѣ Пустынѣ (иначе Монастырѣ, стоящей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была Негринская пустыня). Смотрю. До половины рѣка совершенно чиста, нѣтъ ни одной льдинки, а во всю другую половину ея стоитъ одна большая льдина, упершаяся краемъ своимъ, повидимому, прямо въ гору, на противоположномъ берегу. У меня моментально блеснула мысль, что еслибы меня вывезли на льдину на лодочкѣ, то я успѣлъ бы перебѣжать по льдинѣ за рѣку хотя бы и снова сдѣлался ледоходъ. Я заявилъ объ этомъ моему батюшкѣ, онъ поморщился, а матушка воспротивилась было рѣшительно, но не надолго, и только горько заплакала, когда я сказалъ, что домой я ни за что не вернусь, въ понедѣльникъ мнѣ надо явиться въ училище. Обратились за совѣтомъ къ бывшему на улицѣ мужичку и просили его вывезти меня на льдину. Дмитрій Акимовичъ (такъ звали мужичка) увѣрялъ меня и отца моего, что я затѣваю дѣло опасное, но когда я настойчиво и неотступно продолжалъ просить его, наконецъ сказалъ: если отецъ и мать скажутъ „вези“, то изволь, вывезу, а тамъ ужъ что Богъ дастъ, на меня молъ не гнѣвайтесь. Тогда я опять съ мольбою къ отцу и матери: отпустите и благословите—говорилъ я въ слезахъ и услышалъ наконецъ: „поѣзжай, съ Богомъ“. Лодка уже на водѣ и я, простившись съ родителями и получивъ благословеніе ихъ, сидѣлъ уже въ носу одновесельной лодочки, называемой челнокомъ, а по мѣстному „стружкомъ“. Плывемъ, а вода бурлитъ. Хозяинъ лодки, вижу, блѣднѣетъ. А когда носъ лодки сбѣжалъ нѣсколько на льдину, я былъ уже на ней Дмитрій Акимовичъ спросилъ меня—„не боишься-ли? убѣжишь-ли?“ Я еще не успѣлъ ему отвѣтить, какъ раздался въ деревнѣ ревъ и крикъ: —„убирайтесь! Ледъ пошелъ!“ Но я бросился не въ лодку, а по льдинѣ за рѣку и и бѣжалъ не оглядываясь. Подбѣгая же къ самому берегу, я замѣтилъ, что моя льдина идетъ и бороздитъ берегъ, но идетъ еще не скоро и, не раздумывая ни мало тотчасъ же соскочилъ на берегъ. Поднявшись здѣсь на такую высоту, гдѣ ледъ не могъ меня коснуться, перекрестившись, съ глубокимъ чувствомъ сказалъ я: слава Богу. Минутъ 10 стоялъ и смотрѣлъ я какъ опять заклокотала вода, затрещалъ ледъ, ломаясь на мелкія льдины, задрожала земля на берегу, и думалъ, что было бы со мною, еслибы я запоздалъ на льдинѣ минуты на три. Но этого не случилось, по милости Божіей. Дмитрій Акимовичъ также благопо

лучно успѣлъ вернуться въ лодочкѣ на свой берегъ, хотя и пониже деревни, саженъ на сто. А я въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ въ училище все таки успѣлъ явиться не смотря на то, что и въ Устюгѣ былъ ледоходъ Перевозилъ меня за Сухону здѣсь покойный Алексѣй Ивановичъ Говоровъ *) съ товарищемъ уже въ хорошей лодкѣ. Сѣли мы въ нее на Дымковѣ въ Добрынинѣ, а высадились подъ церковью Рождества Пр. Богородицы, въ Устюгѣ, благополучно, проплывъ такимъ образомъ, вмѣстѣ со льдомъ, внизъ по рѣкѣ версты полторы.

Въ періодъ моей школьной жизни въ Устюгѣ случилось еще не одно важное событіе. Одно изъ нихъ относится къ жизни сельскаго духовенства, а остальныя находятся въ зависимости отъ Крымской войны. Разскажу объ нихъ, что помню, и съ удовольствіемъ подѣлюсь съ читателями тогдашними моими впечатлѣніями. За все время, какъ только я сталъ сознавать себя, мнѣ часто приходилось слышать, какъ мои родители, а за ними и другіе члены нашего причта, со вздохомъ говорили: „скорели-то-жалованье намъ дадутъ! Ахъ, кабы дождаться! Неужели не доживемъ мы до такого счастія!.. “ А нашъ пономарь покойный Михаилъ Ивановичъ Куклинъ, уже побесѣдовавшій съ новопри бывшими со службы въ отставку солдатиками, съ видомъ знатока, глубокомысленно вѣщалъ: „Погодимъ еще не много; дадутъ и намъ жалованье Вотъ въ другихъ епархіяхъ, говорятъ солдаты, духовенство ужъ получаетъ. А Нечаевъ изъ Бобровой, **) вѣдь онъ какой пройдоха, на дняхъ видѣлъ я его, такъ онъ говоритъ, за чѣмъ не видно только нашего жалованья, еще не много, и оно у насъ будетъ въ рукахъ и проч. и проч.“ Уже много годовъ, изо дня въ день, такъ или иначе, на разные лады варіировало свои мечты о жалованьѣ наше бѣдное сельское духовенство. Мечты казались порою то близкими къ осуществленію, то безнадежными. Желанный часъ наконецъ насталъ. Это было, кажется, въ 1850 году, когда я учился еще во второмъ классѣ училища. Стало достовѣрно и оффиціально извѣстно въ Устюгѣ, что жалованье назначено сельскому духовенству и по Вологодской епархіи. Однажды по утру, просмотрѣвъ урокъ, я собирался идти въ училище, какъ вдругъ вижу, входятъ въ мою квартиру мой батюшка, пономарь и священникъ съ моей родины. —Здравствуйте!—Милости просимъ:—цѣлой тройкой... — ужъ не

*) Тогдашній басъ соборнаго хора, хорошо меня знавшій.

**) Дьячокъ Боброво Николаевской ц Устюжскаго уѣзда, давно уже умершій.

за жалованьемъ ли?" — спрашиваетъ вошедшихъ въ комнату гостей моя хозяйка. — Да, матушка Анна Александровна, именно за полученіемъ жалованья, вѣдь дождались, слава Богу, съ сіяющими лицами отвѣчаютъ вопрошаемые. — А когда мы получимъ его, говоритъ священникъ о. Іоаннъ Евгеньевичъ Чаловскій, позвольте намъ здѣсь у васъ и раздѣлить его. У васъ посторонихъ людей нѣтъ. Намъ было-бы здѣсь очень удобно". Хозяйка, вообще не любившая стѣснять себя посторонними людьми, однако къ просьбѣ счастливцевъ отнеслась благосклонно. Въ 12 часовъ дня, когда я шелъ изъ училища на квартиру обѣдать, мои земляки уже шли изъ казначейства съ полученнымъ жалованьемъ и несли на плечахъ то тотъ, то другой изъ причетниковъ, попеременно, порядочный мѣшокъ мѣдяковъ. Жалованье почему-то выдали счастливцамъ мѣдными деньги. Вотъ они и въ комнатѣ на моей квартирѣ. Мѣшокъ съ деньгами на столѣ. Всѣ крестятся, молятся. — „Дождались, говорятъ они, слава Тебѣ, Господи! Дай, Господи, многая лѣта Государю Императору. — Ну, а молебенъ мы отслужимъ уже дома" За тѣмъ счетъ и раздѣлъ. А за тѣмъ и полштофа водки, также съ разрѣшенія хозяйки, заявившей однако безъ церемоніи, что она вина не любитъ и пьяныхъ не выноситъ — „Пьяны не будемъ," отвѣчали просители и дѣйствительно пьяны они не были. Сколько же причиталось, за полгода, на долю каждаго изъ получателей жалованья? Священникъ получилъ 45 руб. 8 коп., дьячекъ — 17 руб. 64 к и пономарь — 11 руб. 76 коп. Ставлю точку и думаю, что здѣсь комментаріи излишни.

Во время Крымской войны въ Устюгъ было прислано военноплѣнныхъ Турецкихъ солдатиковъ человѣкъ - 40 — 50 приблизительно. Всѣ они были помѣщены въ каменномъ домѣ, занимаемомъ нынѣ, если не ошибаюсь, богадѣльнею, на берегу рѣки Сухоны, рядомъ съ домомъ причта Успенскаго собора. Стало быть, отъ моей квартиры квартира Турокъ была не дальше 100 саженъ. Понятное дѣло, я не замедлилъ навѣстить ихъ. Сначала они относились къ мѣстнымъ жителямъ недовѣрчиво, а потомъ, видя, что никто и не думаетъ ихъ оскорблять, стали держать себя просто, безъ всякихъ предосторожностей. Мнѣ захотѣлось съ ними во что бы ни стало познакомиться покороче. Но какъ? Они не знаютъ языка Русскаго, а я Турецкаго. Позвольте, думаю, да не знаютъ-ли они сколько нибудь языка Греческаго? Похаживаю между ними и произношу слова греческія,

Вдругъ одинъ изъ нихъ подбѣгаетъ ко мнѣ, радуется и отвѣчаетъ мнѣ погречески-же. Это былъ, взятый изъ Малой Азіи, молодой, красивый Турокъ „Али“,— симпатичнѣйшій человѣкъ. „Эврика“, думаю,— „Рубиконъ перейденъ“.—Теперь ужъ я познакомлюсь съ Турками по-настоящему. Этотъ Али (Алексѣй) хорошо зналъ языкъ новогреческій, а я смекалъ нѣсколько въ языкѣ старо-греческомъ (а между ними разность не большая), и оба мы были безконечно рады своимъ филологическимъ познаніямъ. Я сталъ бывать у нихъ во всякое время, даже во время молитвы и конечно держалъ себя корректно. Они меня, видимо, полюбили и угощали, чѣмъ могли. А я-то вотъ, не смотря на все мое желаніе отвѣтить имъ угощеніемъ, и не имѣлъ къ тому ни малѣйшей возможности. Это меня очень стѣсняло, что я имъ и объяснялъ. Ходилъ я и гулять съ моими друзьями Турецкими (такихъ было человѣка четыре, остальные казались равнодушными), показывалъ я имъ и мою квартиру. Но здѣсь вышелъ курьезъ. Хозяйка моя, увидѣвъ меня съ Турками, вообразила, что я приведу ихъ въ ея избушку, выбѣжала съ метлою и очень нелюбезно проводила меня съ моими гостями. Желая все-таки чѣмъ-нибудь доказать мои симпатіи къ нимъ, однажды предложилъ я имъ побывать у насъ въ Соборѣ за богослуженіемъ, предупредивъ однако, что если ихъ не пустятъ, или предложатъ выйти, то на меня не гнѣвались-бы. Никогда не бывавъ въ христіанскомъ храмѣ и не имѣя понятія о нашемъ православномъ богослуженіи, всѣ четверо моихъ турецкихъ друзей очень охотно приняли мое предложеніе. Сердце мое трепетно билось, хотя и не сознавалъ я, что въ простотѣ душевной велъ ихъ ко Христу и Богу моему. Пришелъ праздникъ. Обѣдню позднюю служитъ самъ настоятель собора и ректоръ нашего училища. Отзвонили во вся. Я уже у Турокъ. Посовѣтовавъ одѣться поприличнѣе, повелъ я ихъ въ соборъ, не предупредивъ однако ни старосту, ни причтъ соборный о своемъ намѣреніи изъ опасенія, что этого сдѣлать мнѣ не позволятъ. Вошли. Богомольцевъ полонъ соборъ. Нѣкоторые оглянулись не безъ изумленія, другіе не обращали вниманія, вообще никакого движенія не послѣдовало. Но такъ какъ всѣ турки были небольшаго роста и отъ входныхъ дверей ничего впереди моимъ посѣтителямъ было не видно, то я, оставивъ ихъ на мигъ однихъ, выпросилъ у старосты позволеніе поставить ихъ на скамью, стоявшую у западной стѣны собора; староста далъ мнѣ сторожа, который и отвелъ ихъ на

мѣсто. Здѣсь я ихъ оставилъ и поглядывалъ на нихъ съ клироса, куда ушелъ. Они стояли сосредоточенно и благоговѣйно въ своихъ фескахъ. Конецъ моей затѣи и на этотъ разъ однако вышелъ для поклонниковъ Магомета хотя и не обидный, но все-таки не желанный. О. протоіерей, выйдя на солею на великомъ входѣ, не могъ не увидѣть Турокъ и, войдя въ алтарь, по совершеніи входа, отдалъ распоряженіе удалить изъ храма Турокъ, которые и на этотъ разъ на меня не обидѣлись ни мало. Старался узнать о. ректоръ, кто привелъ Турокъ въ соборъ, но никто меня не выдалъ, хотя ни отъ старосты, ни отъ духовенства я не скрывался. Содержаніе Турокъ было не важное, пожалуй похуже порою и моего. Покупали они преимущественно кислое молоко, выливая его въ сдѣланные ими для того мѣшки, откуда жидкость вытекала, а твердыя части они жарили на огнѣ и ѣли руками. Мясо появлялось у нихъ не часто. А о родной сторонѣ они очень скорбѣли. - Скоро ли миръ? Вотъ постоянный вопросъ, которымъ они встрѣчали и провожали меня, скорбя не столько, повидимому, за родину, сколько лично за себя и за свои семейные очаги.

А каково было тогда нашей дорогой родинѣ, когда насѣли на насъ уже четыре державы! Въ 1855 году правительство принуждено было созывать народное ополченіе. Въ Устюгѣ сформированы были двѣ дружины ратниковъ, изъ коихъ одною командовалъ полковникъ Бердяевъ, а фамилію другаго я уже забылъ. Обучали ратниковъ на городской площади близъ вѣсоваго амбара каждодневно цѣлый мѣсяцъ, если не больше. Лѣто было необычно жаркое. Обученіе ратниковъ происходило поэтому раннимъ утромъ, да вечеромъ съ 4 — 5 часовъ. Бердяевъ былъ человѣкъ спокойный. Ратники имъ были довольны. Но командиръ другой дружины, по всѣмъ признакамъ, хорошій знатокъ военнаго дѣла но человѣкъ горячій, вѣчно волновался И, какъ на зло, у него въ дружинѣ были офицеръ Неустроевъ да рядовой Митяшинъ,— первый, видимо, человѣкъ не далекій и плохо знавшій службу, а послѣдній просто проказникъ Тотъ и другой постоянно раздражали горячаго командира, едва удерживавшагося отъ крылатыхъ словъ, или зуботычинъ. А публика всегда и вездѣ одна и таже. Ратники учились до изнеможенія, оставивъ дома, работы, семьи, женъ и дѣтей, а публика гуляла и ходила сюда поглядѣть на обученье ратниковъ, какъ на рѣдкое зрѣлище. Тутъ же бывали и мы школьники. Но при всемъ этомъ, какъ провожалъ Устюгъ

ратниковъ на службу,—я уже не помню Отъ того-ли это зависѣло, что насъ школьниковъ распустили по домамъ на каникулы а ратники оставались еще въ городѣ, или по другимъ причинамъ,—ничего сказать не могу кромѣ того, что ничего не знаю. Но вотъ прошелъ еще годъ. Опять настало лѣто. Миръ уже былъ заключенъ. Не стало въ Устюгѣ и Турокъ. Прошелъ уже и веселый для насъ школьниковъ мѣсяцъ май. Еще мѣсяцъ—и послѣдній экзаменъ. И тогда прощай, уже хорошо знакомый Устюгъ! Прощай мое первое училище! Прощайте добрые наставники! Прощай о. ректоръ! Прощайте, добрыя женщины, обратившія участливое вниманіе на меня бѣдняка! Прощай, моя хозяйка, порою добрая, порою строгая, но всегда неусыпная моя оберегательница отъ лѣности, праздности и всякой нравственной грязи и пошлости, на чужой сторонѣ, во дни ранней юности! А пока есть еще время, поналягу на книги, приготовлюсь къ экзамену такъ, чтобы не посрамить мнѣ себя и не огорчить моихъ добрыхъ почитательницъ, какъ зналъ я отъ хозяйки, уже давно внимательно слѣдившихъ за мною. И засѣлъ я за дѣло дѣйствительно толкомъ, очень мало удѣляя времени на отдыхъ днемъ и ночью. Но въ іюнѣ случился эпизодъ, возбудившій вниманіе Устюжанъ, а вмѣстѣ съ ними и насъ школьниковъ. Пронесся слухъ, что часть чиновъ Черноморскаго флота направляется въ Архангельскъ и прибудетъ изъ Вологды въ Устюгъ на баркахъ водою. Стали ждать дорогихъ гостей. Но оффиціально пока не было ничего извѣстно. Вдругъ какъ-то, во едину отъ субботъ, около полудня, если только не позже, прискакалъ откуда-то курьеръ съ извѣщеніемъ, что Черноморцы плывутъ уже не далеко отъ Устюга, куда и могутъ прибыть около 6-ти часовъ вечера того же дня. Поднялась кутерьма. Начались совѣщанія чиновъ духовныхъ и гражданскихъ о томъ, гдѣ и какъ встрѣтить героевъ. Было рѣшено выстроить на соборной площади (между соборомъ и соборнымъ причтовымъ домомъ) наскоро эстраду для духовенства и чиновъ флота, гдѣ и отслужить торжественно въ присутствіи всего градскаго духовенства, благодарный молебенъ, а представителямъ города встрѣтить гостей на пристани съ хлѣбомъ и солью. Закипѣла работа. Помчались мѣстовщики. Городъ зажилъ какою-то юною, новою жизнію. Вмѣсто 6-ти часовъ приказано было, кажется, благовѣстить ко всенощной въ 5 часовъ, а младшему священнику собора о. Василію Ивановичу Попову поручено было отслужить ее въ соборѣ съ однимъ мною, даже безъ діакона, почему-то. Видно, всѣмъ дана была иная неот-

ложная работа. Мы, разумѣется, сумѣли отслужить въ полчаса всенощную. Но и то, когда я, оттертый отъ о. Василія толпою, отсталъ отъ него, то не могъ попасть уже ни на набережную, ни къ эстрадѣ. Не могу сказать сколько тамъ было и духовенства. На соборной колокольнѣ одиноко, но гулко и давно уже раздававшійся густой бархатный басъ тысячепудоваго колокола, вдругъ подхваченъ былъ стройнымъ хоромъ колоколовъ великолѣпнаго соборнаго звона, [1]) а за нимъ звучно и весело загудѣли колокола и во всемъ Великомъ Устюгѣ. Но гдѣ же черноморцы? А вотъ барки ихъ уже поравнялись съ соборомъ. На нихъ играютъ музыканты. Публика машетъ шляпами, фуражками и платками. „Ура“ не умолкаетъ. Прошло съ полчаса, какъ моряки, встрѣченные депутаціей отъ города на пристани, окружали уже на соборной площади эстраду стройными рядами, слушая молебенъ. Тишина. Только прекрасный баритонъ Александра Ивановича Обнорскаго, молодого соборнаго діакона, звучно раздается на площади, отчетливо выговаривая эктенійныя прошенія. Прошли и эти минуты. Молебенъ конченъ. Возглашено многолѣтіе, по чину. Приложившись ко кресту, моряки съ музыкою направились на отведенныя имъ квартиры. На слѣдующій день всѣ они были въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ и привѣтствовалъ ихъ о протоіерей Т. А. Скворцовъ прочувствованнымъ словомъ, которое, къ сожалѣнію, едва-ли гдѣ было напечатано. Развѣ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ? Но я этого не знаю. Не знаю и того, какъ провожалъ Устюгъ дорогихъ гостей, пробывшихъ въ немъ помнится съ недѣлю, далѣе въ Архангельскъ. Свидѣтелемъ этой церемоніи мнѣ уже не пришлось быть.

Незамѣтно проходятъ въ далекомъ пути послѣднія версты незамѣтно мелькаютъ послѣднія минуты счастія, незамѣтно, прошли и послѣдніе дни школьной моей жизни въ Устюгѣ. Наступили экзамены, уже переводные въ семинарію. Они продолжались не долго, прошли благополучно. Изъ Устюжскаго д. училища въ 1856 году было переведено въ семинарію 50 человѣкъ, изъ коихъ первые три ученика Александръ Ивановичъ Дементьевъ, Александръ Тимоѳеевичъ Скворцовъ (сынъ о ректора) и Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ удостоены были рѣдкой въ то время въ нашемъ училищѣ награды Св. Евангеліемъ на Русскомъ и Славянскомъ языкѣ, „за отличные успѣхи и благонравное поведеніе“; за подписью о. ректора, прот. Т. А.

[1]) Постановка звона правильная въ до, ми, соль, съ октавой въ ми.

Скворцова, и инспектора А. И. Дмитріева. Происходило это такъ. По окончаніи нашихъ экзаменовъ намъ было объявлено, что мы теперь свободны и обязаны явиться въ извѣстный день только для прослушанія молебна и переводныхъ списковъ. Настали и этотъ день и этотъ часъ послѣдній. Послѣ молебна собрались мы уже дѣйствительно, какъ ученики, въ послѣдній разъ въ своемъ классѣ училища, гдѣ увидѣли, къ удивленію, кромѣ учительскаго кресла, еще нѣсколько стульевъ Обычнаго шума уже нѣтъ. Разговоры идутъ тихо. Отворяются двери. Входятъ о. ректоръ, инспекторъ и всѣ г.г. наставники, у которыхъ мы учились. Прочитана молитва. Начальники и наставники садятся. Садимся и мы Читается переводный списокъ. Чтеніе кончено Дементьевъ Скворцовъ и Поповъ вызываются къ столу, гдѣ имъ и выдаются въ награду Св. Евангелія съ совѣтомъ и далѣе быть также трудолюбивыми и благонравными Въ слѣдъ за этимъ, послѣ общаго привѣтствія всѣхъ насъ съ окончаніемъ училищнаго курса, о. ректоръ встаетъ и говоритъ: „Съ Богомъ! Теперь, по домамъ, а къ 1-му сентября уже въ Вологду на пріемные экзамены для поступленія въ семинарію, отправляйтесь“. И за тѣмъ уходитъ. Также простились мы и съ другими учителями, услышавъ отъ каждаго изъ нихъ по нѣсколько теплыхъ словъ. Еще разъ перекрестились, взглянувъ на св. икону Спасителя, и разошлись, чтобы немедленно убираться въ родныя гнѣзда на отдыхъ, „по образу пѣшаго хожденія“. Прощай-же, дорогое училище, гдѣ заложено основаніе для дальнѣйшаго образованія! Если ты и забудешь меня какъ ничего незначущую единицу изъ твоихъ многочисленныхъ питомцевъ, то я не забуду тебя до могилы!—Прощай!..

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, существовали два способа передвиженія семинаристовъ изъ Устюга въ Вологду, на разстояніи болѣе 450-ти верстъ,—горами на лошадяхъ и водою въ лодкѣ. Первый изъ нихъ былъ значительно успѣшнѣе, но почти вдвое дороже, а послѣдній былъ гораздо медленнѣе, особенно при малой водѣ въ Сухонѣ, за то дешевле. И мы раздѣлились. Одни изъ насъ, дѣти состоятельныхъ родителей, рѣшили ѣхать на коняхъ числа 21 -22 августа, а мы, бѣдняки, обязательно водою, хотя бы вода въ Сухонѣ оказалась самою малою. А для этого нами послѣдними рѣшено было собраться въ Устюгъ не позже 10 августа, нанять лодку на 20 - 25 человѣкъ, крытую, и выѣхать изъ Устюга не позже 13 августа. А къ тѣмъ изъ

насъ, родина которыхъ была на Сухонѣ, хотя бы даже и на значительномъ разстояніи отъ нея, добрые товарищи обѣщались зайти заблаговременно. Съ такимъ рѣшеніемъ и разошлись мы по домамъ. Вотъ и я дома. —Ну, что, какъ? Кончилъ? Переведенъ? спрашивали меня родители. — „Да, кончилъ хорошо, и переведенъ я въ семинарію высоко, отвѣчалъ я. —Дайте отдохнуть и пустите меня въ семинарію.“ —А не будетъ-ли учиться-то? Вѣдь содержать тебя тамъ намъ будетъ не по силамъ, понадобится много денегъ, а у насъ ихъ нѣтъ, вѣдь вотъ и одежда понадобится тамъ другая, продолжалъ возражать мой любезный батюшка. Но я не унывалъ. Матушка хотя и молчала, но я, зная ея сладкую мечту видѣть сына своего попомъ, надѣялся, что за время каникулъ успѣетъ уломать она не въ мѣру ужъ, казалось мнѣ, экономнаго родителя. Такъ и вышло. Батюшка наконецъ согласился хотя на годъ, а тамъ молъ видно будетъ. И то хорошо. Я успокоился и лихо распѣвалъ со своими сестрами подростками пѣсни, когда въ тихіе августовскіе вечера жали мы хлѣбъ на полосахъ —Эхъ, какіе это были счастливые дни, какіе веселые вечера! Запоемъ мы-дѣти (и мнѣ было только 15 лѣтъ), пристанетъ къ намъ матушка, запоетъ и батюшка, а пѣть они были мастера, и не видаемъ, какъ по суслончику нажнемъ. Ни скуки, ни устатка, а работа двигалась и двигалась впередъ успѣшно и легко. Сегодня дѣло, завтра тоже, или другое дѣло, дальше праздникъ, или день воскресный съ церковной службой, а тамъ опять работа. Такимъ образомъ дни моего отдыха промелькнули, какъ сладкій сонъ, пріятно и незамѣтно. Пришли и товарищи съ извѣстіемъ, что наша лодка идетъ уже близко и что вода въ Сухонѣ очень мала. Хорошо еще то, что близгородные товарищи наши наняли лодку заблаговременно, на что впрочемъ и дано имъ было право своевременно, и всѣ товарищи собрались въ Устюгъ аккуратно, вслѣдствіе чего и получилась возможность выѣхать оттуда раньше, чѣмъ предполагалось.

Вотъ и я, снабженный 5-ю рублями и, кромѣ моего кумачеваго халата и кушака, катаниками и дубленымъ тулупомъ для зимы, поѣхалъ уже въ Вологду учиться. Вотъ я принятъ и на лодку, которую на лошади догнали мы верстъ за 10 выше моей родины, по теченію Сухоны. Это была такъ называемая Дымковская лодка. Принадлежала она мѣщанину Макарову, длиною была арш. 15-ти, покрыта тонкимъ тесомъ со скалою съ оставленіемъ однако двухъ аршиннаго пространства не

покрытымъ на носу и кормѣ. для свободы дѣйствій ея алмини страціи. Діаметръ же лодки въ центрѣ былъ около сажени, а въ концахъ нѣсколько меньше. Пассажировъ было въ ней человѣкъ 26. Какъ же они устроились въ ней со своимъ багажемъ, состоявшимъ изъ сундучковъ, коробковъ, подушекъ и постелекъ? Сундучки установлены были въ правильномъ порядкѣ на днѣ лодки, имѣвшемъ конечно внутренній тесовый подбой, на нихъ разостланы наши постельки, къ бортамъ приставлены коробья, а къ нимъ положены подушки. Сидѣть можно было или полулежа или по турецки, но спать было очень удобно, при своеобразномъ однако размѣщеніи. Частію для соблюденія равновѣсія въ такой небольшой и не плоскодонной лодкѣ, частію для выигрыша въ свободѣ размѣщенія, ложились мы конечно правильными рядами поперекъ лодки, но не съ одной стороны головами, а по свипячьи, встрѣчнымъ порядкомъ, у ногъ моего визави была моя голова, а у моей головы его ноги. Комично, но удобно. Для входа въ лодку на срединѣ ея съ одной стороны было единственное отверстіе, или окно, называемое „льяло;“ это льяло, если не было дождя, днемъ было открыто, а ночью закрывалось ставнемъ. Лодку нашу тянули бичевою 2 лошади, которыхъ и кормили черезъ каждые 5 6 часовъ, независимо отъ того, какое прошли мы пространство. На привалѣ разводили огонь, на которомъ варилъ себѣ въ котелкѣ щи или кашу нашъ хозяинъ, научившій и насъ варить и яйца и кашу напр. сухарную, изъ домашняго разноднаго печенья, съ масломъ. Но вода была такъ мала въ рѣкѣ, что наша лодка часто вставала на мель, да не рѣдко и коноводъ переѣзжалъ на своихъ лошадяхъ въ бродъ съ одного берега рѣки на другой. Случалось и такъ, что и при выходѣ съ лодки всѣхъ пассажировъ въ берегъ, она, съ однимъ багажемъ, не могла двинуться впередъ по тонкому слою воды даже на фарватерѣ Тогда Макаровъ обращался уже къ живымъ силамъ своихъ пассажировъ, которые, снявши съ себя нижнее бѣлье, лѣзли въ холодную воду и соединенными силами, — лошадиными и человѣческими, едва едва проталкивали лодку впередъ, пока не достигали до необходимой глубины воды. Комиченъ былъ нашъ Макаровъ, когда шелъ онъ на своей ладьѣ по мелкимъ мѣстамъ, при неправильномъ фарватерѣ между подводными камнями. Коноводъ его звали Васильемъ, который, къ сожалѣнію, былъ кривой, давай подручнаго человѣка, замѣнявшаго иногда у руля Макарова, или служившаго въ другое время подъ бичевою, для „ссариванія“. т. е.

для сбрасыванія бичевы съ кустовъ, звали также Василіемъ. Въ такіе критическіе моменты самъ Макаровъ, съ шестомъ въ рукахъ, обычно вертѣлся въ носовой части лодки, а на кормѣ у руля былъ его подручный. Положеніе дѣла требовало то ускорить ходъ лодки, то замедлить, то быстро повернуть вправо, то исподволь направить влѣво. Слышимъ, Макаровъ уже волнуется И скоро, въ слѣдъ за тѣмъ раздается громко его скрипучій голосъ: „Васька кривой, оловянный глазъ, наряжай“.!—Моментъ. —„Васька, тише!“ За тѣмъ безостановочно и многократно: „Васька, тише!“ – „Васька, пуще!“ —„Васька, вправо!“ --„Васька, влѣво! — „Лѣшій!—говорилъ, что вправо“. За тѣмъ слѣдовалъ рядъ крылатыхъ фразъ, а наша лодка, уже стоявшая на мели, оглашалась гомерическимъ хохотомъ. Съ такими приключеніями лодка двигалась въ нижней Сухонѣ не больше 20-ти верстъ въ день, въ среднемъ разсчетѣ, а въ верхней, т. е. въ Сухонѣ выше Тотьмы, гдѣ она глубже и тише, мы пошли уже нормальнымъ ходомъ отъ 3 1/2 до 4 верстъ въ часъ. На полпути между Устюгомъ и Вологдой, какъ извѣстно, находится городъ Тотьма, не произведшая на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія за исключеніемъ загороднаго Спасо-Суморина монастыря, съ высокою колокольнею, гдѣ въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ открыто почивающими мощи преподобнаго Ѳеодосія, Тотемскаго чудотворца и, не безъ трепета и благоговѣнія, удостоился поклониться ему и облобызать руку угодника Не могу молчаливо пройти и мимо села Шуйскаго, съ двумя храмами, расположеннаго по обоимъ берегамъ рѣки Сухоны и находящагося уже только въ 90 верстахъ отъ Вологды. Здѣсь во дни оны въ верхней части села, на лѣвомъ берегу рѣки по теченію, стоялъ неболышой домикъ вдовы Ирины, у которой какъ на этотъ разъ, такъ и поточъ всегда мы останавливались, чтобы и чайку напиться и закусить по домашнему. Принимала она насъ и предшественниковъ нашихъ охотно, поила и кормила хорошо и цѣну брала за все умѣренную. За то и возвеличивали мы ее въ послѣдующее время всегда нарочитой пѣснію, причаливая лодочку къ берегу подъ окнами ея домика, куда бы ни ѣхали,—въ Вологду, или изъ Вологды: „Приворачивай ребята“, пѣли мы „Ко крутому бережечку, „Ко крутому бережечку, ко Аринину подворью“, на голосъ пѣсни „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“.., а можетъ быть быть даже и эту самую, только приспособленную къ интересующему насъ лицу, уже хорошо не помню.

Еще 20 верстъ,—и будетъ не важный погостъ „Наремы.“ А тамъ еще 42—43 версты по Сухонѣ, да верстъ 27—28 по р. Вологдѣ, при совершенно незамѣтномъ теченіи воды въ рѣкахъ той и другой, особенно при низкомъ ея уровнѣ *), и мы будемъ въ Вологдѣ уже скоро, успокоивалъ насъ Макаровъ Тоже говорила намъ и тетушка Арина, къ которой, по рекомендаціи ея старшими семинаристами, относились мы съ полнымъ довѣріемъ Прошу и меня удостоить Вашимъ довѣріемъ, дорогой читатель, если я скажу, что дальнѣйшее наше путешествіе не имѣло ни какихъ приключеній, не представляло собою особеннаго интереса и закончилось своевременно и благополучно.

VI.

Сравнительно скоро и благополучно прошли мы въ нашей ладьѣ послѣднія 90 верстъ и утромъ 30 августа были уже въ предмѣстьѣ Вологды, селѣ Турундаевѣ, т. е. въ двадцатый день по выходѣ изъ Устюга. Съ согласія и за отвѣтственностію Макарова, оставивъ въ его лодкѣ нашъ багажъ, всѣ мы пошли въ Вологду пріискивать квартиры. Счастливы были тѣ изъ насъ, кому указаны были родственниками, или хорошими знакомыми подходящія квартиры, а у кого никакихъ не было свѣдѣній и знакомствъ, для тѣхъ большой городъ, хотя и украшенный церквами, казался не веселѣе темнаго лѣса. Ко мнѣ присоединился одинъ изъ моихъ товарищей, также причетническій сынъ и почти такой же бѣднякъ, какъ и я. Это былъ Димитрій Васильевичъ Поповъ, сынъ многосемейнаго пономаря Пушемской Николаевской церкви Никольскаго уѣзда. Съ нимъ суждено было вмѣстѣ начать мнѣ трудную семинарскую жизнь въ смыслѣ бытовомъ, съ нимъ и окончить ее. Взялъ насъ на квартиру сынъ извѣстнаго дьячка Стрѣленской Богоявленской церкви Устюжскаго уѣзда Аѳанасья Алексѣевича Кичанова, слѣдовательно мой двоюродный братъ, причетникъ Казанской, что внутри града, церкви Яковъ Аѳанасьевичъ Кичановъ, за 5 руб. въ годъ съ человѣка. А о содержаніи мы не задумывались. На кислое молоко наживемъ денегъ,—хорошо; найдутся на крупянку копѣйки,—хорошо дважды. А если у насъ не хватитъ финансовъ ни на то, ни на другое—и то не бѣда. Посоленый ломоть хлѣба, да ковшъ съ холодною водою,—развѣ это не кусокъ насущнаго хлѣба, развѣ не молодецкое блюдо, названное нами по-

*) Почему на всемъ 70-ти верстномъ пространствѣ теченіе этихъ рѣкъ и называется вообще „озерами“.

томъ „холостою студенью“? Упріютившій насъ хозяинъ жилъ въ сторожкѣ Казанской церкви, имѣющей одну комнату съ однимъ окномъ на Казанскую площадь, да во всю комнату темныя палати, гдѣ за то было такъ высоко, что человѣкъ средняго роста могъ стоять во весь ростъ на ногахъ. Пока ходили мы въ Турундаево за своимъ багажемъ, который привезли на извощикѣ, нашъ заботливый хозяинъ заказалъ, чтобы знакомый ему мукомолъ привезъ намъ муки. Такъ счастливо и скоро устроились мы на квартирѣ и пріобрѣли себѣ кусокъ хлѣба. 31 августа сдали мы въ правленіе семинаріи билеты, гдѣ и получили приказаніе явиться 1 сентября своевременно въ семинарію. Теперь всѣ думы наши устремились въ одну сторону, въ сторону повѣрочныхъ экзаменовъ. Строги ли будутъ экзамены? Кто будетъ экзаменовать? Ужели по предметамъ всего училищнаго курса будутъ спрашивать? И что если о томъ и спросятъ, что я плоше всего знаю?.. Ахъ, эти мучительные вопросы нѣсколько сутокъ не давали намъ покоя ни днемъ, ни ночью. Возьмешь ту, или другую книжку поглядишь, поперелистываешь, да и махнешь иногда рукою. - Ну, что будетъ, то и будь! - Твори, Господи, волю свою! И вотъ экзамены начались съ Вологодскаго училища; въ которомъ было два отдѣленія. Экзаменаціонная коммиссія состояла изъ двухъ учителей, подъ предсѣдательствомъ о. ректора семинаріи архимандрита Ювеналія. Спрашивали безъ всякихъ билетовъ, а такъ просто, о чемъ вздумается, или даже летучими вопросами, и не по всѣмъ предметамъ и не за весь школьный курсъ, даже какъ будто и не особенно строго, какъ казалось намъ, по нашимъ наблюденіямъ сквозь дверную щелку изъ семинарскаго корридора.

Пришелъ день экзаменовъ и для учениковъ Устюжскаго дух. училища. Коммиссію составляли о ректоръ и гг. наставники Николай Ивановичъ Суворовъ и Ѳедоръ Павловичъ Испоминовъ. Меня спросили по русской исторіи о Лжедимитріѣ 1-мъ, по географіи названія и замѣчательности городовъ Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, да въ Португаліи. Отвѣтъ удалось мнѣ сдѣлать отчетливый и услышать отъ о. ректора — „довольно, хорошо, я тебя помню.“ Удовлетворительно очень отвѣтилъ и мой соквартирантъ и соратникъ по нищетѣ Димитрій Васильевичъ Обо оказались мы принятыми въ семинарію въ первомъ разрядѣ, а я даже подъ № 3. Наконецъ экзамены кончены, списки прочитаны, непринятыхъ въ семинарію оказалось человѣкъ 5—6 Про-

слушавъ въ семинарской церкви молебенъ, принялись мы, въ добрый часъ, и за ученье Но для того, чтобы учиться, нужны книжки, необходимы учебники, которыхъ было у насъ очень не много, —двѣ книжки для переводовъ съ греческаго и латинскаго языка на русскій, православное исповѣданіе Петра Могилы, если не ошибаюсь, да какая-то не особенно толковая алгебра. А тутъ дальше и по словесности, и по исторіи и слова нужно было писать и писать, или покупать старыя лекціи у нашихъ предшественниковъ, въ которыхъ иногда трудно бывало доискаться смысла, до такой степени онѣ были богаты ошибками и враньемъ. Но все ни почемъ, — и трудное становится легкимъ, когда человѣкъ хочетъ учиться. Весь семинарскій курсъ, по дѣйствовавшему тогда уставу комиссіи духовныхъ училищъ, дѣлился на три двухгодичныхъ класса, называвшихся отдѣленіями низшимъ, среднимъ и высшимъ, или иначе, классами риторическимъ, философскимъ и богословскимъ Въ классахъ богословскомъ и философскомъ было по два отдѣленія, а въ реторикѣ—три. Оба мы съ товарищемъ поступили на третье отдѣленіе. Здѣсь наставниками были по исторіи, прав. исповѣданію и греческому языку Николай Ивановичъ Суворовъ, довѣрившій мнѣ, скажу кстати, вести списокъ учениковъ, для отмѣтки учениковъ, явившихся на урокъ; по алгебрѣ и латинскому языку Иванъ Георгіевичъ Виноградовъ, а по словесности—была вакансія, которую и занималъ временно профессоръ Павелъ Тимоѳеевичъ Суворовъ, человѣкъ болѣзненный въ такой степени, повидимому, что ему говорить уже было трудно. Новыми науками мы конечно заинтересовались и занялись ими съ любовію, занимались и языками, а изученіе православнаго исповѣданія вѣры, составлявшаго, по нашему мнѣнію, перифразъ катихизиса Филарета, намъ уже претило, какъ не нужное дѣло, безцѣльно отнимающее у насъ дорогое время. Такъ смотрѣлъ, казалось намъ на этотъ предметъ и нашъ учитель Николай Ивановичъ Суворовъ, оставшійся довольнымъ и въ томъ случаѣ, когда спрошенный ученикъ давалъ удовлетворительные отвѣты, вмѣсто текста „исповѣданія“ по тексту катихизиса, или, еще лучше, своими словами, разумѣется, съ необходимыми доказательствами изъ священнаго писанія Такая уступка со стороны нашего добраго и благоразумнаго, всегда спокойнаго и уравновѣшеннаго, а для меня лично незабвеннаго, Николая Ивановича Суворова, была первымъ обстоятельствомъ, расположившимъ нашъ классъ въ его пользу. Иванъ Георгіевичъ Виноградовъ, человѣкъ

совершенно молодой, передъ началомъ уроковъ алгебры прочиталъ намъ по тетради большую академическую лекцію о значеніи математики въ ряду другихъ наукъ. Эта первая его лекція была для насъ невразумительна. Ничего я изъ нея не понялъ, ничего и не помню. А когда началось изученіе алгебры, то нашъ высокопарящій математикъ тотчасъ сталъ въ уровень съ обыкновенными преподавателями и даже едвали хорошо самъ зналъ и любилъ свою науку. Дѣло пошло вяло, сухо, шаблонно, но пошло потому, что нельзя было изучать дальнѣйшихъ математическихъ наукъ безъ знанія алгебры, какъ эту послѣднюю не возможно изучать безъ знанія ариѳметики. Нѣкоторые изъ насъ въ тоже время т. е. съ начала курса занялись и изученіемъ новѣйшихъ языковъ нѣмецкаго, или французскаго, которые преподавались тогда въ семинаріи только для желающихъ. Ну, и пусть ихъ изучаютъ тѣ, думалъ я, кто хочетъ и имѣетъ возможность учиться и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а мнѣ надобно думать лишь о томъ, чтобы окончить курсъ въ семинаріи. И изучать новѣйшіе языки я не сталъ, посвящая все время изученію предметовъ обязательныхъ. А такъ какъ, не смотря на порядочное количество дѣла, осложнявшагося списываніемъ лекцій и словъ греческихъ и латинскихъ, все-же оставались время отъ времени и часы досуга, то, пользуясь имъ, я займусь описаніемъ другихъ сторонъ семинарской жизни тогдашняго времени. Считаю при этомъ себя обязаннымъ отмѣтить и то впечатлѣніе, какое произвела на меня Вологда, при первомъ на нее взглядѣ. Большой городъ со множествомъ церквей и деревянныхъ домовъ, съ грязными улицами и площадями, рѣка въ немъ съ нетекущею водою, а притокъ ея „Золотуха“ съ поросшими бурьяномъ берегами и грязнымъ ложемъ, съ специфическимъ болотнымъ ароматомъ, при слабомъ движеніи людей на улицахъ,—все это, взятое вмѣстѣ, не производило на свѣжаго человѣка бодрящаго впечатлѣнія. Даже невысокіе храмы Божіи, съ большими не позолоченными главами, казались какъ-будто къ землѣ придавленными. Исключеніе въ лучшую сторону составлялъ тогда грандіозный Софійскій соборъ, большія главы котораго, видимо, не подавляютъ его, а составляютъ величественное украшеніе. А главы эти такъ велики, что, по вычисленію покойнаго Николая Ивановича Суворова, въ срединной изъ нихъ можно свободно поворотиться на тройкѣ лошадей съ экипажемъ. Даже храмъ Спасителя тогда былъ не этихъ какъ будто размѣровъ и далеко не такъ хорошо украшенъ, какъ

нынѣ. Іоанно-Предтеченская церковь, нынѣ одна изъ благоустроенныхъ, была мала и ничтожна. А о Свято-Духовскомъ монастырѣ и говорить нечего.—Храмы Божіи были хотя и каменные, но очень малы, а корпуса братскіе не исключая и настоятельскаго, деревянные ветхіе, и малопомѣстительные Здѣсь царила бѣдность вопіющая. Магазиновъ въ городѣ не было, да и въ свѣтлыхъ рядахъ, за исключеніемъ торговыхъ дней, казалось пусто. Гостинницъ было 4 около каменнаго моста за рѣчку Золотуху и назывались онѣ „Петербургъ“, „Москва“, „Вѣна“, „Парижъ“, да 5-ая гостинница, помѣщавшаяся въ сѣверозападномъ концѣ свѣтлыхъ рядовъ и называвшаяся „Свѣтлорядскою“. Отмѣчу кстати и то, что сюда обычно приглашало сельское духовенство канцелярскихъ чиновъ Консисторіи покушать чайку, когда нуждалось въ ихъ тѣхъ или другихъ совѣтахъ и услугахъ. Здѣсь же далѣе, по линіи къ женской гимназіи, находился театръ, это ветхое безобразное деревянное зданіе, напоминавшее скотскій дворъ неряхи—хозяина. Гулять-ли пойдете, осенью всюду встрѣчаются козы и козлы, а весною и лѣтомъ лягушки и лягушки Не знаю, гдѣ нынѣ любитъ прогуливаться Вологодская публика, а въ наше время излюбленнымъ мѣстомъ для прогулокъ былъ старый бульваръ, устроенный въ память посѣщенія Вологды въ 25 году Императоромъ Александромъ I, да соборная горка. Спасовсегрядская площадь была самая грязная, Брызгаловскаго дома не существовало, зданіе присутственныхъ мѣстъ только строилось. Зданія мужской и женской гимназій были очень скромныя, Реальнаго училища также не было. Зданіе же духовной семинаріи было двухъ-этажное, по двумъ линіямъ, – отъ плацъ-парадного мѣста къ рѣкѣ тянулся и нынѣ существующій старый корпусъ, а по набережной уже законченъ былъ постройкою новый корпусъ Ювеналіевскій (т. е. построенный при ректорѣ семинаріи архим. Ювеналіѣ Знаменскомъ). Во второмъ этажѣ, тамъ, гдѣ теперь находится квартира о. ректора семинаріи, была столовая, а внизу кухня и больница, дальше по лѣвой сторонѣ этого корпуса вверху были устроены ученическія спальни, съ надписью „дортуары,“ а внизу квартира эконома, а по правую сторону коридора, почти до самаго средняго подъѣзда, вверху и внизу комнаты или пустовали, или были въ нихъ устроены какія-то кладовыя. Со средняго же подъѣзда, бывшаго парадным, былъ входъ въ квартиру о. ректора и въ правленіе семинаріи, находившееся во второмъ этажѣ между угловою актовою залою и квартирою о. ректора

съ правой стороны коридора, а по лѣвой стороне все или спальныя комнаты, а внизу помѣщалась умывальня, квартира помощника инспектора, обязаннаго смотрѣть за поведеніемъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ и наконецъ комната для г.г. наставниковъ, куда былъ уже особый входъ, составлявшій третій подъѣздъ Въ новомъ же корпусѣ вверху помѣщались классы богословскій и философскій, занятныя комнаты казеннокоштныхъ воспитанниковъ и капитальная библіотека, а внизу—три отдѣленія риторическія, на здѣсь же, съ теченіемъ времени, устроена была и квартира для о инспектора, іеромонаха Григорія Воинова. И за всѣмъ этимъ еще было нѣсколько комнатъ пустовавшихъ.

Изъ вышесказаннаго уже нѣсколько разъ видно, что во главѣ семинаріи въ то время стоялъ о ректоръ ея настоятель Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря архимандритъ Ювеналій, по фамиліи Знаменскій. Онъ былъ сынъ одного изъ Московскихъ протоіереевъ, кончившій курсъ въ родной Академіи, со степенью магистра, вмѣстѣ съ Сергіемъ Ляпидевскимъ, если не ошибаюсь, бывшимъ потомъ ректоромъ Московской Д. Академіи и умершимъ въ санѣ Московскаго Митрополита Не знаю, когда принято было монашество о. Ювеналіемъ, но женатъ онъ не былъ и отличался строгостію своей жизни, по разсказамъ Вологжанъ. Наушничанья онъ не любилъ, не спѣшилъ онъ на заключенія о томъ или другомъ человѣкѣ, старался спокойно убѣждаться самъ во всемъ непосредственно и когда такъ, или иначе онъ убѣждался въ чемъ-либо, то разубѣждать его было дѣломъ не благодарнымъ и безполезнымъ. Никому онъ уже не повѣритъ и на какіе угодно навѣты на человѣка не обратитъ вниманія. Говорю это я, не зря, а на основаніи моихъ личныхъ наблюденій за нимъ и за самимъ собою, о чемъ рѣчь будетъ впереди. Это былъ человѣкъ съ хорошимъ, положительнымъ характеромъ, но, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ и кончившій свою незавидную карьеру въ санѣ архимандрита, въ одномъ изъ монастырей Крыма. Инспекторомъ семинаріи былъ настоятель Вологодскаго Свято-Духовскаго монастыря, кандидатъ Московской Д. Академіи архимандритъ Діонисій Аннинскій, лѣтъ уже подъ 60. Это была святая простота, добрѣйшей души человѣкъ. Онъ готовъ былъ сдѣлать и дѣлалъ все возможное для юныхъ грѣшниковъ семинаріи, только не запоздай явиться къ нему съ головою повинною. Третьимъ членомъ правленія семинаріи былъ учитель богословскихъ наукъ Павелъ Михайловичъ Добряковъ, кандидатъ, ка-

жется, С.-Петербургской Д. Академіи. Это былъ серьезный человѣкъ, съ характеромъ строго выдержаннымъ, корректный, деликатный и также добрый, но не до слабости. Секретаремъ же Семинарскаго Правленія былъ тогда кандидатъ С.-Петербургской Д. Академіи, Хергозерскій славившійся уже и въ наше время, какъ хорошій знатокъ священнаго писанія и какъ несравненный преподаватель, умѣвшій привлекать вниманіе къ своимъ урокамъ лѣнивыхъ и разсѣянныхъ учениковъ. И все шутками. Бывало, если замѣтитъ Алексій Никитичъ, что кто-нибудь не слушаетъ его бесѣды съ спрошеннымъ ученикомъ, а эта бесѣда была всегда разнообразною живою и полезною, читаетъ-ли книжку свою, или просто сидитъ разсѣянн , сейчасъ же скажетъ отвѣчающему ученику — „говорите пожалуйста потише, чтобы не помѣшать г ну N,— онъ занятъ своимъ дѣломъ и повнимому серьезно.“ Ну, и счастливъ ученикъ не слушавшій учителя, если онъ, будучи спрошенъ, сдастъ урокъ удовлетворительно. А если нѣтъ, то придется ему и покрасѣть и поблѣднѣть отъ шуточекъ Алексѣя Никитича. Нѣкто Добряковъ, одинъ изъ учениковъ Алексѣя Никитича, обратилъ на себя вниманіе этого послѣдняго тѣмъ, что иногда запаздывалъ и приходилъ на урокъ, когда учитель уже былъ на классномъ урокѣ. И вотъ, какъ только входитъ въ классъ Добряковъ, Алексѣй Никитичъ серьезно возглашаетъ: „господа, намъ надобно поспѣшать съ дѣломъ. Г. Добряковъ уже изволили пожаловать, значитъ, сейчасъ звонокъ, и мы должны будемъ кончить занятія“, такъ разъ, два, а дальше уже берегись шуточекъ Алексѣя Никитича, онѣ будутъ уже поострѣе. Ну, и были всегда и все его слушатели на сторожѣ. Все это я отмѣтилъ относительно преподаванія только такъ, какъ-то случайно и не со всѣмъ кстати. Необходимо замѣтить, что семинарская администрація нашего времени состояла еще изъ двухъ помощниковъ инспектора квартирныхъ, изъ преподавателей семинаріи и различныхъ старшихъ изъ учениковъ ея, благонравнѣйшихъ богослововъ. Квартирными помощниками инспектора были учителя Николай Ивановичъ Суворовъ и Ѳеодоръ Павловичъ Исполиновъ, если не ошибаюсь въ послѣднемъ. А старшіе были назначаемы о. инспекторомъ по участкамъ въ нѣсколько городскихъ кварталовъ, для наблюденія за поведеніемъ учениковъ, квартирующихъ въ городѣ, казеннокоштныхъ. Въ числѣ послѣднихъ одинъ назывался главнымъ другой коридорнымъ, третій номернымъ, по кругу своихъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ старцемъ инспекто-

ромъ, которому и предъявляли они свои журналы каждую недѣлю, если дѣло шло нормально установившимся порядкомъ. А если случалось что нибудь особенное, то каждый изъ нихъ долженъ былъ докладывать о случившемся прежде своему участковому помощнику, а за тѣмъ и о. инспектору, если нельзя было погасить случившееся въ первой инстанціи. Моимъ квартирнымъ старшимъ былъ Степанъ Ивановичъ Бѣлянкинъ, отецъ извѣстнаго Ивана Степановича Бѣлянкина. Разъ онъ побывалъ у меня на квартирѣ поговорилъ кое-о чемъ, спросилъ между прочимъ о томъ, куда буду ходить въ праздники къ Богослуженіямъ, и больше уже не безпокоилъ визитами ни себя, ни меня.

Я уже имѣлъ случай выше замѣтить, что у насъ, на третьемъ отдѣленіи въ риторикѣ. не было наставника по предмету словесности, но не удалось сказать мнѣ до сего времени, что не было въ Вологдѣ и епископа. Преосвященный Ѳеогностъ Лебедевъ, переведенный въ Псковъ, выѣхалъ изъ Вологды 29 августа, а вновь назначенный на архіерейскую каѳедру въ Вологдѣ изъ Петербургскихъ викаріевъ преосвященный Христофоръ Еммаусскій все еще не прибылъ. Ждали въ Вологдѣ епископа новаго, кажется до ноября мѣсяца, да не раньше прибылъ и нашъ новый профессоръ, только-что окончившій въ 1856 году курсъ въ Московской Д. академіи съ степенью магистра, Анемподистъ Іоничъ Малевинскій По происхожденію послѣдній былъ Вологодской епархіи Тотемскаго уѣзда Стрѣлицкой Спасопреображенской церкви діаконскій сынъ. А откуда былъ, по происхожденію, Преосвященный Христофоръ—не помню. По возрасту онъ былъ лѣтъ 60-ти, а по образованію кандидатъ Петербургской д. академіи. Этотъ Вологодскій владыка любилъ благовѣстъ къ обѣднямъ долгій, не менѣе часу, служилъ не спѣшно, но и не тянулъ, проповѣди говорилъ по тетради, но молитву о паствѣ „призри съ небесе, Боже! И виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же насади десница твоя“!—произносилъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такъ просто и выразительно, какъ никто изъ слышанныхъ мною епископовъ. Съ прибытіемъ новаго профессора (пора хотя теперь пояснить, что преподавателю сем. со степенью магистра было оффиціально усвоено званіе профессора, а со степенью кандидата—учителя, какъ и начальникамъ духовныхъ училищъ съ степенью магистра—наименованіе ректора, а со степенью кандидата—смотрителя), преподаваніе нашей словесности оживилось. Появились новыя записки, хотя и не

особенно важныя, стали изучаться литературные образцы, рекомендоваться чтеніе и указываться подходящія книги, ну, словомъ, мы ожили и стали развиваться и пописывать маленькія изложеньица описательныя и повѣствовательныя. А то надоѣло уже намъ составлять скучные шаблонные періоды и хріи, которыми угощалъ насъ почтеннѣйшій Павелъ Тимоѳеевичъ. Намъ стали завидовать наши товарищи, ученики перваго и втораго отдѣленій риторики. гдѣ г.г. преподаватели словесности о. Фавстъ Александровичъ Ржаницынъ, и Алексѣй Ивановичъ Поповъ (по происхожденію зырянинъ) кандидаты Московской д. академіи,— также давали уроки Русскаго языка съ его литературой схоластично и мертво, по запискамъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“. А мы, ликуя, съ замираніемъ сердца слушали уроки своего новаго профессора, читали и писали. Да, Апемподистъ Іоничъ быстро двинулъ наше развитіе. Передъ святками въ наше время производились экзамены, и мы готовились блеснуть на нихъ своими успѣхами по словесности. Не помню, въ какой мѣрѣ это намъ удалось, во всякомъ случаѣ мы не посрамили ни себя, ни своего любимаго профессора. Но до святокъ было сдѣлано преосвященнымъ Христофоромъ посѣщеніе семинаріи, которое и послѣдовало въ нашемъ отдѣленіи на урокѣ Апемподиста Іонича. Владыка вошелъ въ нашъ классъ, какъ и во всѣ другіе, въ сопровожденіи о.о. ректора и инспектора. Въ отвѣтъ на архипастырское благословеніе мы очень плохо и въ низкомъ тонѣ пропѣли „исъ полла эти, деспота“, почему владыка и отозвался объ насъ: „о, какіе здѣсь пѣвцы! они напоминаютъ митрополичьихъ пѣвчихъ стараго времени“. За первой партой стояли ученики, занимавшіе мѣста и здѣсь, какъ въ училищахъ, по успѣхамъ, въ порядкѣ списка Евграфъ Ливерьевичъ Прозоровскій, Димитрій Александровичъ Олеховъ, Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ, Александръ Димитріевичъ Тюрнинъ, Павелъ Александровичъ Кратировъ. Одинъ изъ нихъ, именно Поповъ, стоялъ въ дубленомъ тулупѣ, одѣтомъ на халатъ, подпоясанный кушакомъ. Къ нему и удостоился подойти владыка, взялъ за кушакъ, посмотрѣлъ на тулупъ и сказалъ: „ужъ надо-бы имѣть одежду здѣсь иную, почище! —А урокъ знаешь? Разскажи“. Удостоенный архипастырскаго вниманія ученикъ, безъ всякаго смущенія, сталъ разсказывать свой урокъ и заслужилъ одобреніе. Потомъ, по поводу урока, предложено было вопроса по два отрывочно, другимъ двумъ ученикамъ изъ лучшихъ, отвѣтами которыхъ также остался

владыка доволенъ и, благословивъ классъ общимъ благословеніемъ, удалился. А мы опять въ тотъ же тонъ и также неумѣло затянули „ись чолла“... Не взыщите молъ, владыка, лучше не умѣемъ,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Объ экзаменахъ какъ святочныхъ, такъ и годичныхъ особеннаго сказать нече о. Они производились однимъ о. ректоромъ, при участіи только того преподавателя, по предмету котораго шелъ экзаменъ Спрашивали учениковъ въ большею частію по одному предмету, а по двумъ, или тремъ въ исключительныхъ случаяхъ, хотя бы экзамены были и переводные Спрашивалъ обыкновенно учитель о чемъ ему вздумается. Въ первые два года нашего обученія въ семинаріи билетовъ при экзаменахъ еще не было въ употребленіи Немногихъ изъ малоуспѣшныхъ оставляли и на повторительный курсъ, а исключали только неисправимыхъ безобразниковъ по повеленію. А если ученикъ былъ хотябы и безталанный и малоуспѣшный, но благонравный и—трезвый, то для него была полная возможность закончить семинарское образованіе. Такъ, въ теченіе перваго года моего обученія въ семинаріи и не случилось болѣе ничего особеннаго въ ней. Все шло тихо, спокойно. ровно, по установившемуся порядку. Но позвольте познакомить Васъ, мой дорогой читатель, хотя нѣсколько, съ нашею квартирною жизнію, въ которой кое-чѣмъ быть можетъ и заинтересуетесь.

Хозяинъ и хозяйка нашей квартиры относились къ своимъ полунищимъ квартирантамъ очень добродушно и хорошо, что насъ даже нѣсколько удивляло. Удивляло насъ и то, что одинъ изъ Турундаевскихъ крестьянъ Иванъ Васильевичъ Сорокинъ, родной братъ и тогда уже извѣстнаго купца Александра Васильевича Сорокина, доставлялъ намъ ржаную муку, не справляясь о томъ, въ состояніи-ли мы уплатить за нее деньги. Таковыми же казались намъ и Вологодскіе купцы, охотно уступавшіе намъ по временамъ, въ долгъ бумагу и перья. Наши родные Устюжане, способные прогонять метлою бѣдныхъ школьниковъ, не отнеслись-бы такъ внимательно къ бѣднымъ семинаристамъ, какъ относились къ нимъ Вологжане Одно насъ иногда обезкураживало нѣсколько. На глазахъ нашихъ въ свое время хозяева попивали чаекъ, въ которомъ мы уже знали вкусъ, а у насъ, увы, на чаекъ „грошей“ не было. Чтобы утолить свою алчбу и жажду, мы приноравливались въ это именно время кушать свою „холостую студень“. Крѣпко посоливши по ломоточку

чернаго хлѣба и взявши одинъ изъ насъ ковшъ холодной воды, а другой какую нибудь чашку съ тою же водою, начинали и мы кушать словно-бы и чай, да съ такимъ аппетитомъ, что, помолясь за тѣмъ Богу, тотчасъ и пѣсенку своемъ такую напримѣръ иногда:

„На калинушкѣ соловьюшко сидитъ,
„Горьку ягоду калинушку клюетъ,
„Горьку ягоду калинушку клюетъ,
„Со малиною прикусываетъ.

— — —

„Прилетали къ Соловью два Сокола,
„Заставляли Соловейка пѣсни пѣть.
„Ужъ ты ной, воспѣвай Соловей,
„При кручинѣ утѣшай молодца!. .“

Тамъ и размычемъ, бывало, мы свое маленькое горе, потомъ — и за учебное дѣло свое со всѣмъ пыломъ юныхъ силъ. Но случалось и иначе. Иногда нѣтъ въ кадкѣ воды, а вода уже нужна. Хозяйка Лизавета Павловна ходитъ, да приговариваетъ: — „этакое горе! надо-бы воды принести, а послать некого, водоноса дождаться не можно“. Видимое дѣло, что ей котораго нибудь изъ насъ послать за водой хотѣлось-бы, а совѣстно Вѣдь какъ ни какъ, а ея квартиранты все-же семинаристы, хотя и бѣдные. Ну, и не выдержишь. Возьмешь коромысло и ведра и „айда“ на Вологду за водой. Не тяжелая и не грязная это была работа, но она вопервыхъ требовала умѣнья ходить, что бы не качались ведра и не плескалась вода, а во вторыхъ почему-то стыдно было чувствовать себя подъ ведрами съ водою, когда попадались добрые люди на встрѣчу. Особенно горалъ я отъ стыда, когда попадалась мнѣ, во-первыхъ, какая-нибудь изъ приличныхъ барышенъ, въ глазахъ которыхъ всегда читалъ я не то изумленіе, не то непритворное, но до глубины души смущавшее меня участіе, какъ будто такъ вотъ и скажетъ сейчасъ: „ахъ, бѣдный, молодой человѣкъ! — Въ какомъ ты странномъ положеніи! — Какъ тебя жаль“!... Но и это забывалось, когда иногда хозяева, напившись сами чаю, скажутъ: „садитесь, молодцы, пейте, чай еще достаточно крѣпокъ и воды въ самоварѣ довольно“. Что же? Спасибо. Мы не ломались, садились, пили и благодарили. Но вспоминать, такъ вспоминать уже все. Разъ какъ то у насъ случились деньжонки, на которыя и купили мы 5 пудовъ муки. Не прошло и полтора мѣсяца какъ хозяйка вдругъ объявила намъ,

что муки у насъ нѣтъ. Не важные были мы хозяева, но смутились и почувствовали, что тутъ что-то не такъ Сосчитали время покупки муки вмѣстѣ съ хозяевами; нашъ четъ оказался правильнымъ, почему хозяинъ и призналъ за лучшее поправить дѣло дипломатически —Не ошиблась-ли ты Лиза? Каково посмотрѣла? Посмотри —ка еще, сказалъ онъ своей супругѣ.— „Хорошо“, отвѣчала она, а потомъ сказала намъ, что она-молъ недосмотрѣла и извиняется, „муки еще довольно“. Вотъ и прекрасно! А былъ и такой случай. Какъ то среди зимы мнѣ батюшка прислалъ три рубля денегъ. Вечеромъ въ день полученія ихъ кто-то пришелъ къ хозяевамъ посидѣть Затѣяли игру въ преферансъ, для которой недоставало четвертаго игрока Не игрывая никогда въ карты, кромѣ дурачковъ, мельниковъ и своихъ козырей, я отъ игры въ преферансъ упорно отказывался, но отказаться не могъ. Успокоили, усадили, обучали, но такъ интересно, что всѣ мои 3 рублика за обученіе и взяли. Повѣсилъ я свою глупую головушку. Хозяину стало нехорошо. Онъ сказалъ мнѣ въ успокоеніе – „не тужи выручу“, и потомъ дѣйствительно во многомъ и много мнѣ помогъ своими услугами. А пока—все же мнѣ пришлось питаться милостыней. Въ семинаріи разсказалъ я своимъ близкимъ товарищамъ о томъ, какъ я безповоротно обанкрутился и просилъ совѣта, какъ быть мнѣ дальше? У отца снова просить денегъ и думать было нечего, начальство—какъ извѣстно, имѣющимъ родителей, хотябы и бѣдныхъ, воспитанникамъ не помогало, положеніе мое, по истинѣ, самое трагическое. Предстояло рѣшать ужасную дилемму—или ходить по дворамъ, или выходить изъ семинаріи, для поступленія въ монастырь. Для меня это было страшное Гамлетовское „быть, или не быть“! Вопросъ этотъ рѣшили за меня мои добрые товарищи бурсаки и спасли глупаго картежника отъ гибели. По окончаніи классныхъ уроковъ, они шли въ столовую обѣдать, а мнѣ посовѣтовали ожидать ихъ возвращенія изъ столовой въ классѣ По окончаніи обѣда человѣка два три изъ нихъ возвращались ко мнѣ въ классъ и приносили каждый изъ нихъ по ломтю хлѣба,—столько, сколько нужно было мнѣ на сутки. Погибавшій юноша, въ моемъ лицѣ, ожилъ, даже больше,—онъ воскресъ и зажилъ опять припѣвающи и припѣвающи, питаясь такимъ образомъ мѣсяца три. За то и возненавидѣлъ же онъ карты, на которыя лѣтъ 20 не могъ смотрѣть равнодушно. Живы ли вы, мои дорогіе друзья, мои спасители? Поглядите какъ, со

слезою на глазахъ, вспоминаетъ вашу любовь святую, ваши неоцѣненныя услуги спасенный нѣкогда отъ погибели вами, нынѣ уже 70-ти лѣтній старецъ, авторъ этихъ записокъ! Я помню Васъ, молюсь о Васъ, до сырой земли кланяюсь вамъ, живымъ и почившимъ спасибо вамъ, друзья, сердечное, вѣчное! Пришла весна. Понадобилась лѣтняя одежда, брючки, пиджачекъ, сапоги, да ножалуй и фуражечка. Вотъ въ этомъ то случаѣ и оказалъ мнѣ покойный Яковъ Аѳанасьевичъ неоцѣненную услугу. Не въ осужденіе, сохрани меня Богъ, а ради истины и въ объясненіе дѣла, я долженъ сказать, что онъ не стѣсняясь, выпивалъ водочку и былъ знакомъ едвали не со всѣми сидѣльцами Вологодскихъ кабаковъ, у которыхъ всегда имѣлись будто-бы въ закладѣ всякія безвозвратно пропитыя „золоторотцами“, по тогдашнему названію, вещи. Вотъ сюда-то и устремилъ мой двоюродный братецъ и хозяинъ свое заботливое вниманіе. И что же бы думали вы? Въ теченіе какого—нибудь мѣсяца, послѣ Пасхи, онъ обулъ и одѣлъ меня порядочно, буквально за безцѣнокъ. Вещь стоитъ 2 рубля, а пропита она за полштофа, т. е за 30 коп. Дайте за нее сидѣльцу 50 коп. и вещь ваша. Такимъ образомъ въ теченіе 1856 – 1857 учебнаго года я просуществовалъ въ Вологдѣ, обулся и одѣлся за 20 рублей. А на лѣтнюю вакацію поѣхалъ на родину съ товарищами въ некрытой лодьѣ „заозеркѣ“, уже въ качествѣ рабочаго, безплатно. Настроеніе даже у меня было приподнятое. Проучился я въ семинаріи уже годъ благополучно, расходами на меня моихъ родителей, казалось, не обременилъ, обулся и одѣлся сносно и, что всего дороже, удержалъ за собою третье мѣсто въ первомъ разрядѣ по списку. И всѣ мои маленькія непріятности начали забываться, только вспоминая каютежную игру въ своемъ умѣ, я все еще продолжалъ содрогаться .. Вѣдь что было-бы со мной, если-бы не нашли способа спасти меня отъ голода мои товарищи казеннокоштные,— и теперь подумать страшно! Я стоялъ надъ бездною, готовый погибнуть.— Ужасно.

Въ заключеніе этой главы моихъ воспоминаній, я долженъ еще разсказать объ одномъ не лишенномъ, думаю, нѣкотораго интереса случаѣ. Случай этотъ—мое первое знакомство съ тогдашней Вологодскою знаменитостью,—протодіакономъ Александромъ Ивановичемъ Яблонскимъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, послѣ обѣдни (ранней) у Казанской, я и товарищъ мой Димитрій Васильевичъ сидимъ за книжками, готовя уроки. А въ соборѣ уже заблаговѣстили къ обѣднѣ. Вдругъ рѣзко отворяется

въ нашу квартиру дверь и тотчасъ же раздается могучій голосъ протодіакона (это былъ онъ): „Яша дома?“—Его нѣтъ, отвѣчаетъ хозяйка.—„Такъ какъ же быть?“ говоритъ онъ.—„Мнѣ надо-бы достать водки, опохмѣлиться.—Да у васъ есть семинаристы; господа, не сходите ли за полштофомъ“? Я сейчасъ же вызвался и пошелъ за водкой. Возвратившись на квартиру съ водкой, я нашелъ о. протодіакона сидящимъ за столомъ, передъ нимъ стояла большая чашка, въ которую накрошено было до верху чернаго хлѣба. Взявъ у меня полштофъ со словомъ—„спасибо, Оля“, о. протодіаконъ вылилъ въ нее всю водку и, перекрестившись, сталъ ложкою кушать свое оригинальное блюдо и скушалъ все дочиста. Когда же кончилъ, то сказалъ: „вотъ теперь хорошо!—И опохмѣлился и позавтракалъ, теперь пойду скорѣе архіерея встрѣчать.—Пора уже. Спасибо.—Прощайте! Мы, никогда нетолько не видавшіе ничего подобнаго, но даже и не слыхавшіе разсказовъ о случаяхъ, подобныхъ видѣнному, изумлялись и недоумѣвали, какъ онъ будетъ служить, и то съ архіереемъ. Мы думали, что послѣ того, что произошло на нашихъ глазахъ, скандалъ въ соборѣ уже неизбѣженъ. и тотчасъ же, въ слѣдъ за протодіакономъ, пошли въ соборъ. Простоявъ тамъ еще минутъ 5, мы услышали звонъ „во вся“; служащее духовенство, по чину, вышло на встрѣчу Владыкѣ, отворилась дверь изъ корридора, вошелъ епископъ, а за нимъ и протодіаконъ съ совершенно яснымъ лицемъ и чистыми глазами. Смотря на него, можно было подумать, что онъ нетолько сегодня, но цѣлую недѣлю водки и въ ротъ не бралъ. И вдругъ загудѣло по всему собору чтеніе входнаго „достойно есть.“ въ „*до*“ октавы, да какое чистое, могучее, не слыханное нами раньше! Мы однако думали, что его разберетъ же наконецъ водка, и ошиблись. Такъ онъ и не охмѣлѣлъ ни мало, но служилъ великолѣпно. Молитву на умовеніе рукъ прочиталъ и на этотъ разъ, какъ всегда въ „*си*“ октавы, а Евангеліе началъ читать въ „*до*“ октавы же и окончилъ въ верхнее „*ре*“, такъ сильно и искусно сдѣлавъ заключительное „крещендо“, что только нужно было удивляться. Итакъ мы ожидали скандала, а получили одно высокое, художественное наслажденіе и были въ восхищеніи.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,—
Богатыри, какихъ ужъ нѣтъ.
Вздохнемъ о нихъ съ тобой поэтъ!...

Положимъ, вы въ правѣ замѣтить, благосклонный читатель, что храмъ — не театръ, что не для эстетическихъ наслажденій, а для молитвы въ него ходятъ. Но я отвѣчаю: такъ, да не такъ! Во первыхъ, не будь этого, если угодно гиганта — грѣшника, мы не пошли-бы въ соборъ къ обѣднѣ А потомъ, кто вамъ сказалъ, что люди, плѣняющіеся силою чуднаго голоса и искусствомъ пользованія имъ не умѣютъ Богу молиться? Если смѣете утверждать, что, съ глубочайшимъ вниманіемъ прослушавъ всю Божественную литургію въ соборѣ и насладившись красотами церковной службы и пѣнія, мы не сумѣли ни на одинъ мигъ проникнуться молитвеннымъ чувствомъ, то берите камни и побивайте насъ. Но и побиваемые мы говоримъ: вы ошибаетесь. Не судите же строго ни видимаго грѣшника, ни послѣдовавшихъ за нимъ въ храмъ Божій его юныхъ почитателей.

VII.

По уставу тогдашняго времени учебный годъ начинался съ 1-го сентября во всѣхъ духовно учебныхъ заведеніяхъ, и заканчивался 15 іюля. И какъ же ждемъ, бывало, этого вожделѣннаго дня, не бывавши въ родной семьѣ круглый годъ! Но вотъ онъ насталъ. Списки прочитаны, молебенъ отслуженъ, гардеробъ на плечахъ, хлѣбъ и соль у нѣсколькихъ человѣкъ въ одной корзинѣ, а на молоко если насчитывалась на 10 человѣкъ рублевка, то мы были въ восторгѣ. Сборнымъ пунктомъ и точкой отправленія было мѣсто около Краснаго моста. Усѣвшись въ лодку и устроившись, насколько было возможно, поудобнѣе въ ней, мы обычно на отвалѣ затягали „Нынѣ отпущаеши“..., а тамъ позднѣе и дальше уже пѣли все, что только въ голову придетъ. Ни лоцмана, ни рабочихъ намъ не требовалось. Сами мы были и хозяева, сами лоцмана, сами и рабочіе по очередно. Лодка была „тринадцатерикъ“, некрытая, четырехвесельная. Итакъ въ очередь вступало 5 человѣкъ, двѣ пары гребцовъ и одинъ изъ насъ стоялъ на кормѣ у рулевого весла. При такомъ составѣ рабочихъ силъ, хотя въ рѣкахъ Вологдѣ и верхней Сухонѣ было и тихое теченіе воды, но лодка двигалась прилично. Въ „озерахъ“ мелькали только ивовые кусточки, да рыбацкія лачужки. Плыли мы безостановочно, не останавливаясь ни изъ за погоды, ни изъ-за ночной темноты. Остановить насъ могла только буря и гроза, но, къ счастію, этого никогда не случалось. Интересно было и то, что чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ быстрѣе неслась наша лодка, потому что быстрѣе становилось само теченіе воды. А когда, случалось, подуетъ еще попутный намъ юго-

западный, южный или и западный вѣтеръ, тогда, при теплой, іюльской, солнечной погодѣ, наше плаваніе было восхитительно. При порядочной водѣ, наша лодка, въ нижней Сухонѣ, гдѣ теченіе воды уже очень быстрое, неслась какъ пароходъ, съ быстротою 10—12 верстъ въ часъ. Ночью же получалась другая прелесть. Тихо и тепло. Вода въ рѣкѣ не шелохнется, она лежитъ, какъ стекло. Непотухающая заря еще настолько освѣщаетъ путь что хорошо видно, куда направлять надо лодку Около полуночи все въ природѣ такъ затихаетъ, что какъ будто нѣтъ уже ничего живого въ ней, ни шелеста ни звука. А дремучій лѣсъ стоитъ надъ рѣкой, какъ богатырь очарованный. Отна лодочка наша скользитъ по рѣкѣ, оглашая воздухъ лишь легкими всплесками воды, подъ напоромъ веселъ, неутомимо работающихъ въ рукахъ молодыхъ гребцовъ.

Около же часу по полуночи начинаютъ раздаваться одинокіе звуки какой то маленькой птички, спустя нѣкоторое время слышатся голоса и другихъ птицъ, тихій вѣтерокъ начинаетъ сначала какъ будто бережно шелестить листочками на осинѣ, а за тѣмъ и на другихъ лиственичныхъ деревьяхъ Началось утро Залетали птицы. Выскочилъ изъ лѣсу заяцъ, посидѣлъ на берегу, посмотрѣлъ на рѣку, чоприслушался какъ будто къ чему то въ природѣ, поводилъ ушами и снова ускакалъ въ лѣсъ. Еще часъ, замелькали животныя, вышли на работу и люди. Наступилъ рабочій день, день жизни, работы и прозы. О немъ теперь я ничего не скажу. Но вечеръ въ водяномъ пути, вечеръ на лодкѣ мнѣ кажется какъ и ночь, также налишеннымъ нѣкоторой прелести Небо ясно. Тепло и тихо. Значительно склонившееся къ западу солнце освѣщаетъ золотистыми лучами уже одинъ берегъ съ дремучимъ лѣсомъ, а другой остается въ тѣни. На рѣкѣ плаваютъ утки, на берегу кричатъ чайки. А вонъ тамъ дальше люди на пожнѣ копнятъ сѣно и мечутъ его въ стогъ. —Богъ въ помощь вамъ, труженики! —„Господа, пѣсню“, раздается голосъ одного изъ старшихъ любителей пѣнія. —„Хорошо, начинайте“, слышится ему въ отвѣтъ. И вотъ изъ двадцати—пяти молодыхъ грудей раздаются хотя и не художественные, но иногда довольно стройные звуки молодыхъ голосовъ, грянувшихъ любимую пѣсню, конечно, общеизвѣстную, въ родѣ: „Дубрава шумитъ“.. „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“... „Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ“... и т. д. На пожнѣ работа моментально затихаетъ. И старый, и малый, мужчины и женщины, —всѣ устремляютъ вниманіе на лодку и слушаютъ, видимо, съ необычайнымъ внимані-

емъ. Мужичекъ, подававшій на стогъ сѣно, всталъ, упершись руками на вилы, и устремилъ все свое вниманіе на лодку, стоящій на стогѣ такъ и окаменѣлъ какъ будто, не положивши даже на мѣсто поданнаго ему пласта сѣна, а женщины дѣвушки и дѣти бѣгутъ къ самому берегу, что бы разсмотрѣть кто плыветъ и поетъ. А мы, польщенные такимъ вниманіемъ случайной аудиторіи, еще съ большимъ увлеченіемъ распѣвали наши пѣсни, что дѣйствительно выходило довольно сильно и эффектно на водѣ, въ лѣсу вечерней порой. А передъ селами и большими деревнями мы пѣли пѣсни только тогда, когда проплывали мимо ихъ вечерами въ праздничные дни и видѣли людей на улицѣ. Очень интересовали уже насъ эти неважные лавры.—Что это? солдаты что ли? „слышимъ говоритъ въ толпѣ кто-то“.—„Какіе солдаты! Вишь, какъ жарятъ! —Это, робя, семинаристы“, отвѣчаетъ другой. А намъ и смѣшно, и пріятно.

Но непріятно было то, когда, плывя въ лодочкѣ домой въ будніе дни, искали мы въ деревняхъ молока и не находили. Всѣ люди обыкновенно въ половинѣ іюля находились на пожняхъ, а дома оставалась только безпомощная старость. Боялись ли насъ старики и старухи, или не хотѣли хлопотать съ нами по другимъ причинамъ,—не знаю. Только обычно всегда они запирались отъ насъ и отвѣчали въ окно на наши просьбы всегда и вездѣ одно и тоже: „никого нѣтъ изъ хозяевъ дома, а я-молъ ничего не могу и не знаю. Не лучше относились къ намъ, къ удивленію, и въ семьяхъ духовенства отгуда получался такой же отвѣтъ— „нѣтъ хозяевъ дома, а я ничего не знаю“. Такъ было въ наше время, такъ позднѣе до пароходства, такъ и въ прежнее предшествующее нашему времени время. Однажды при этомъ случилось слѣдующее комическое обстоятельство, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ сосѣдъ, по мѣсту первой моей службы въ селѣ, священникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Поповъ, давно уже умершій. Нужно сказать, что онъ обладалъ такою физическою силою, что желѣзныя бабки, и донынѣ употребляемыя въ нашихъ краяхъ, для забивки въ землю свай, вѣсомъ отъ 24 до 28 пудовъ, могъ за уши поднимать отъ земли до высоты локтей своихъ рукъ „И вотъ“ говорилъ онъ „путешествуя изъ Вологды въ Устюгъ въ лодочкѣ домой, когда учился я уже въ богословскомъ классѣ, вздумали мы съ товарищами раздобыться молокомъ, для чего и пристали къ берегу въ селѣ Коченьгѣ, верстахъ въ 50-ти ниже Тотьмы. Обошли все село, и тогда имѣвшее домовъ 60, съ прось-

бою о продажѣ и вездѣ получили отказъ въ такой формѣ: „Хозяевъ нѣтъ дома, распорядиться некому, а на рукахъ у насъ ни чего нѣтъ“, говорили старики и старухи. —Меня разобрала злость, говорилъ о. Ѳеодоръ, увидѣвъ на высокомъ берегу, подъ окномъ одного дома желѣзную бабку, я схватилъ ее за уши, вытащилъ на край горы и спустилъ подъ нее. Товарищи аплодировали. Почему я, подбодренный ихъ овиціями, спустившись на берегъ, взялъ снова бабку за уши и уволокъ ее въ воду. Меня снова наградили товарищи аплодисментами и стали садиться въ лодку, чтобы ѣхать дальше. Въ это время подошолъ къ намъ старикъ со словами: —если вамъ надо молока, то мы просимъ ко мнѣ, я найду молока всѣмъ, только бабку ради Бога достаньте изъ воды-то хотя, я вѣдь караульщикъ и меня оштрафуютъ за то, что я не уберегъ ее. —„Ладно старичекъ“, раздалось ему въ отвѣтъ, давно бы такъ! А то нѣтъ и нѣтъ ни у кого молока, безстыдники! Я, разумѣется сейчасъ же въ воду, откуда и вытащилъ бабку на сухой берегъ со словами: „на, получай ее, —не размокла“. Нужно ли послѣ этого говорить, что старый караульщикъ бабки нашелъ у себя и въ другихъ домахъ на селѣ всякаго молока, за самую умѣренную цѣну, угостилъ имъ семинаристовъ и на прощанье со вздохомъ лишь замѣтилъ, что кажется на одной лошади не вывезти бабки въ гору, вѣдь она, сказываютъ, 28 пудовъ вѣситъ. —„Не осуди, дѣдушка“ отвѣчалъ ему богатырь, „что я немножко поосерчалъ и удернулъ бабку далеко“.

Въ нашемъ же присутствіи, при отличной погодѣ, ничего особеннаго на этотъ разъ не случилось. Тянули мы домой на отдыхъ, въ родныя гнѣзда веселые, довольные, жизнерадостные. Быстро мелькали передъ нами уже знакомыя села и деревни. Въ Тотьмѣ подумывали было нѣкоторые изъ насъ чайку напиться, но и это удовольствіе оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ гроши наши разсчитаны были на потребности болѣе существенныя. А путь въ родныя края для многихъ изъ насъ былъ очень далекій. Одинъ я только долженъ былъ выйти изъ лодки на Сухонѣ, нѣкоторые —въ Устюгѣ, а всѣ остальные должны были ѣхать въ уѣзды Сольвычегодскій, Яренскій, Устьсысольскій и частію Никольскій. Наша лодка Вологодская обыкновенно продавалась въ Устюгѣ, вырученныя за нее деньги дѣлились, а отсюда расходились, или разъѣзжались, кто какъ могъ, семинаристы въ разныя стороны. А я, счастливецъ, на третій день, по выѣздѣ изъ Вологды былъ уже дома у батюшки и у матушки,

окруженный братьями и сестрами. Много было отдано времени разспросамъ съ одной стороны и разсказамъ съ другой, но всему бываетъ конецъ. Кончилось и любопытство. Жизнь пошла обычнымъ темпомъ. Сѣнокосу я засталъ уже немного, да теперь его уже и не такъ боялся, какъ въ годы дѣтства. И косить уже могъ, могъ и копны носить съ батюшкою безъ утомленія. Только въ клиросномъ пѣніи за церковными богослуженіями въ эти каникулы былъ я плохъ: мой голосъ, сильный альтъ, былъ въ переходномъ состояніи Какъ ни любилъ я церковное и свѣтское пѣніе, но пѣть было нечѣмъ. Волей, неволей приходилось помалчивать. За то я нашелъ для себя другое праздничное развлеченіе. Съ дѣтства живя очень дружно со своими крестьянскими сверстниками изъ ближайшихъ деревень, я сталъ по праздникамъ, послѣ службы и обѣда, обязательно навѣщать моихъ деревенскихъ друзей и разсказывать имъ про города Вологду и Тотьму, не хуже иного врали-солдата, разсказывалъ и про науки и про ученье. Никому не говорилъ только о томъ, какъ трудно мнѣ жилось въ Вологдѣ и какъ я проигралъ три рубля въ карты. Очень ужъ стыдно было мнѣ за себя и свою глупость. Такимъ образомъ съ праздничными развлеченіями и будними работами время шло быстро. Приближалась пора подумывать и о возвращеніи въ Вологду. Однажды вечеркомъ, когда батюшка, матушка, сестры мои Елизавета и Наталья и я жали овесъ уже и всѣ молчали, вдругъ батюшка объявляетъ, что учить больше меня не будетъ и не можетъ, думай—молъ уже самъ о себѣ и иди куда хочешь. Такое категорическое рѣшеніе роднымъ отцомъ моей судьбы печальной такъ меня озадачило, что я ничего не могъ отвѣчать ему, ничего не возражалъ и ни о чемъ не просилъ. Страшнымъ призракомъ мгновенно всталъ въ душѣ моей вопросъ: ужели все кончено? ужели я долженъ бросить ученье, чтобы идти..., но куда? Мнѣ еще только 16 лѣтъ; въ чиновники идти? Но я молодъ, да, какъ причетническаго сына, туда меня и не пустятъ. Въ дьячки, пономари? Боже мой! Да ужели это случится? Да я еще и молодъ. Ужели суждено мнѣ идти въ монастырь и тамъ... (незнаю, что тамъ для юноши—недоучки, никогда не помышлявшаго о монастырѣ,—жизнь или смерть?!) . спасаться, или развращаться!... Съ полчаса еще поработавъ въ полѣ, я одинъ, глубоко опечаленный, пошелъ домой и безъ ужина легъ на свою постель на повѣти, чтобы въ тишинѣ уединенія всецѣло отдаться своимъ печальнымъ думамъ. Долго ли, коротко

ли угнетали мое сердце эти тяжкія думы, но онѣ закончились тѣмъ, что я рѣшилъ просить отца отправить къ началу учебнаго года меня въ Вологду, а если онъ и на это не согласится уйти туда пѣшкомъ. А тамъ уже что Богъ пошлетъ, то и принять. Но все таки надо учиться и учиться до послѣдней возможности. Съ этимъ рѣшеніемъ я заснулъ, съ нимъ проснулся по утру, съ нимъ продолжалъ работать и жить. Прошло нѣсколько дней въ нашей семьѣ тяжело, тоскливо. Родители молчали, притихли и дѣти. Но пора пришла уже окончить неопредѣленность моего положенія. Я обратился сначала къ матери съ просьбою отправить меня въ Вологду, гдѣ я стану учиться и работать, если вы не хотите, или не можете дать мнѣ и 30, даже и 20 р. въ годъ на мое содержаніе. Моя матушка заплакала и сказала, что она хлопочетъ, но пока все еще безуспѣшно. Вечеромъ опять же на полосѣ я заговорилъ съ батюшкою, еще разъ увѣряя его въ моемъ непреклонномъ намѣреніи учиться. Стала осторожно на мою сторону и матушка и просила вмѣстѣ со мною моего родителя только отправить меня въ Вологду, а ужъ тамъ молъ „дитятко“ на насъ не надѣйся и учись, если хочешь, какъ знаешь, или уходи, куда знаешь“. На этой мысли очевидно мои родители остановились заблаговременно, какъ я догадался, потому что мой батюшка тотчасъ-же сказалъ мнѣ тоже самое. Мнѣ оставалось принять и это родительское рѣшеніе, и я его принялъ покорно и благодарно. Окрыленный какой-то невѣдомой надеждой на лучшее будущее, я даже успокоился и сталъ готовиться къ возвращенію въ Вологду, въ ожиданіи, по примѣру минувшаго года, моихъ товарищей, ѣхавшихъ туда также лодкою. И они пришли и успокоили, что вода въ Сухонѣ нынѣ не „малая“, ходъ свободный на всѣхъ переборахъ, или перекатахъ, въ Вологду можно приплыть скоро. Я окончательно успокоился и ожилъ среди неунывающихъ товарищей, такихъ-же бѣдняковъ почти, какъ и я. Повеселѣли и мои родители. А мой соквартирантъ Димитрій Васильевичъ (одинъ изъ двоихъ пришедшихъ ко мнѣ былъ онъ) былъ въ ударѣ и смѣшилъ удачно всѣхъ своими разсказами. Одинъ изъ нихъ я помню и передамъ сейчасъ-же.

„Идемъ мы къ вамъ сейчасъ съ Сухоны“, говорилъ онъ,—и видимъ,—вблизи дороги мать и дочь, дѣвушка подростокъ въ новинкѣ рвутъ ленъ. Богъ на помощь, говорю.—Ладно-ли мы идемъ на погостъ?—Спасибо, отвѣчаетъ мать и добавляетъ—ладно.—А сынъ дьячка семинаристъ не уѣхалъ еще въ Вологду?—Нѣтъ, онъ, слышала, ждетъ товарищей съ лодки.—Прекрасно,

спасибо, досвиданья, заключаю я бесѣду, иду и слышу, какъ въ тоже время дочь ея, такая хорошенькая дѣвушка годовъ 12-ти, говоритъ матери: „Мама мама, посмотрика!—У школьника то ноги-то долгія, долгія, да и раздвоилися!“... Общій смѣхъ. Очевидно дѣвочка эта невидала людей въ пиджачкахъ и брюкахъ. Часъ два промелькнули не замѣтно. Закуска кончена. Запряжона лошадь, на которой и проводили меня съ товарищами родители до Сухоны. Воды въ ней дѣйствительно было довольно. Путешествіе наше въ такой-же Дымковской лодкѣ только не Макарова, а Маркова, кажется, совершилось скоро и благополучно съ обычными остановками для обѣдовъ и ужиновъ людей и для отдыха и корма лошадей. Снова и нынѣ, какъ въ прошломъ году, мы помолились у раки преподобнаго Ѳеодосія въ Тотьмѣ и поугощались у тетушки Арины въ Шуйскомъ, у которой были и въ передній путь. И вотъ мы снова и своевременно въ Вологдѣ и опять на той-же квартирѣ у Якова Аѳанасьевича, продолжавшаго жить въ сторожкѣ Казанской церкви. Денегъ отъ путевыхъ расходовъ, т. е. отъ уплаты за лодку у меня осталось не больше, какъ пуда на 2—3 муки. Надо ихъ было беречь, надо наживать дальше самому, уже не оглядываясь на родительскій домъ. Разсказавъ о своемъ трудномъ положеніи квартирному хозяину и двоюродному братцу моему, я просилъ его пріискать мнѣ письменныхъ работъ. Писалъ я хотя не бойко, но каллиграфично, чисто и хорошо. Онъ конечно не отказывался заботиться посильно обо мнѣ. А мои добрые товарищи, хищеніемъ казеннаго семинарскаго хлѣба значительное время питавшіе меня въ минувшемъ учебномъ году, сказали мнѣ: „не тужи, прокормимъ однимъ-то хлѣбомъ и нынѣ“. И зажили мы снова съ Димитріемъ Васильевичемъ, да присоединившимся къ намъ нашимъ товарищемъ по классу, также причетническимъ сыномъ Сарафской Троицкой церкви Никольскаго уѣзда, Семеномъ Петровичемъ Лобановымъ, „припѣваючи и припѣваючи“, не отказываясь, въ случаѣ надобности и отъ хожденія съ ведрами за водой на рѣку Вологду. Заниматься науками становилось интересно. Полюбилъ я словесность и исторію, а это были главные предметы на которые только и обращало вниманіе тогдашнее семинарское начальство, а алгебра, не важно и преподававшаяся, мнѣ была не по душѣ. Уроки по ней, сознаюсь, и тогда уже отбывалъ я только, какъ повинность по казенному, ради порядка. Къ древнимъ языкамъ относился и не я одинъ также равнодушно, не бросая ихъ вовсе, но и не заботясь о тщательномъ изученіи ихъ.

Прошелъ сентябрь, а съ нимъ вмѣстѣ и семинарскій праздникъ въ честь св. апостола Іоанна Богослова, 26 сентября. Ко всенощному бдѣнію и къ обѣднѣ въ день праздника, совершавшейся епископомъ Христофоромъ съ о. о. ректоромъ и инспекторомъ, при участіи учителя семинаріи іеромонаха Никона и мѣстнаго священника Евгенія Голубева, мы ходили въ семинарскую Кирилло—Богословскую церковь, бывшую въ тоже время и приходскою. На всенощномъ бдѣніи пѣли семинарскіе пѣвчіе, подъ управленіемъ воспитанника богословскаго класса Григорія Ивановича Быстрова. Но пѣніе ихъ не отличалось ни выборомъ доступныхъ композицій, ни голосовыми силами, ни чистотою отдѣлки, а было только шумно. На литургіи же пѣли оба хора пѣвчихъ,—архіерейскій и семинарскій,—одинъ на правомъ клиросѣ, другой на лѣвомъ. Была конечно и проповѣдь, сказанная въ свое время однимъ изъ воспитанниковъ богословскаго класса. Не знаю, что кушали и какъ проводили праздникъ казеннокоштные воспитанники, а у нашего казанскаго тріумвирата чаю не полагалось, а обѣдъ, какъ всегда, состоялъ изъ „холостой студени“ и кислаго молока—просто и сытно. Въ началѣ же октября въ семинаріи распространился слухъ, что одинъ изъ письмоводителей семинарскаго правленія, избиравшихся тогда изъ отличающихся каллиграфіею семинаристовъ, выходитъ во священники. Стало быть открывается вакансія, на которую и совѣтовали мнѣ мои товарищи проситься. Не надѣялся *я* попасть въ письмоводители, потому что хотя писалъ дѣйствительно хорошо, но не лучше всѣхъ, однако, наведя справку въ канцеляріи, сочинилъ, какъ умѣлъ, прошеніе и подалъ его о. ректору, конечно черезъ келейника. И вотъ потянулись для меня томительные дни и недѣли ожиданія. Что-то будетъ? А между тѣмъ мнѣ стало извѣстно, что кромѣ меня, еще двое, хотя священническихъ дѣтей и не особенно хорошо учившихся, но лучше меня писавшихъ, въ смыслѣ каллиграфіи, просятся на письмоводительскую должность Ахъ, отобьютъ они у меня мѣстечко, казавшееся мнѣ уголкомъ рая, думалъ я, а ни къ секретарю правленія, ни къ о. ректору семинаріи идти и просить лично никакъ не могъ рѣшиться, опасаясь, чтобы не испортить дѣла такою, какъ казалось мнѣ, назойливостію! Результата просьбы ждалъ я съ замирающимъ сердцемъ, и днемъ и ночью только о немъ и думалъ. Такъ проходили дни и недѣли. Отъ постоянныхъ думъ объ одномъ и томъ-же я даже ошалѣлъ какъ будто. Пойду, задумавшись, въ семинарію и, вмѣсто

нея, опомнюсь или на дворѣ губернаторскаго дома, или на Красномъ мосту, какъ случалось со мною не однажды. И смѣшно, и стыдно мнѣ было тогда, но я никакъ не могъ заставить себя относиться равнодушно къ моему великому вопросу: „быть или не быть?“ Настало 31 октября. Сижу я въ классѣ, во время перемѣны. Входитъ келейникъ о. ректора и говоритъ: „кто у васъ Алексѣй Поповъ?“ Товарищи указали на меня. — „Иди за мной, тебя зоветъ о. ректоръ“. Иду, пришелъ, доложили. — „Иди въ залу“, говоритъ келейникъ, отворяя дверь, и уходитъ съ докладомъ къ о. ректору, который тотчасъ же и выходитъ съ видомъ очень благодушнымъ. Взглянувъ внимательно и благословивъ меня, онъ сказалъ: „ты, сынъ бѣднаго причетника, учишься хорошо, пишешь также, а питаешься чуть не милостыней, вѣдь на половину кормятъ тебя бурсаки — Будешь ли впередъ учиться также хорошо? И даешь слово кончить курсъ въ первомъ разрядѣ, еслибы я взялъ тебя въ письмоводители“?—Въ эти великія для меня минуты я готовъ былъ обѣщать, что угодно, не задумываясь, и отвѣчалъ убѣжденно, что и учиться буду прилежно и постараюсь всегда держаться въ первомъ разрядѣ, „только возьмите меня въ письмоводители“. О. ректоръ улыбнулся и сказалъ: „вѣрю, помни же, что говоришь, въ письмоводители ты уже опредѣленъ.— Завтра переходи жить сюда, въ канцелярію“. Это была одна изъ такихъ счастливѣйшихъ минутъ въ моей жизни, какихъ не много выпадаетъ вообще на долю человѣка.— Это былъ день моего благовѣщенія. Я былъ спасенъ отъ голода, получилъ возможность продолжать мое образованіе, обезпеченный безплатною квартирою и содержаніемъ, обувью и одеждою съ надеждою получать со временемъ даже жалованье. Въ свой классъ я пришелъ такой сіяющій, что мои товарищи, не спрашивая, поздравляли меня съ опредѣленіемъ въ письмоводители. Радовались и квартирные мои хозяева и мои соквартиранты, мои сподвижники по нуждѣ и терпѣнію. Когда я переѣстился на жительство на слѣдующій день въ канцелярію, то замѣтилъ, что старшіе письмоводители Александръ Павловичъ Смирновъ, Петръ Михайловичъ Гвоздевъ и Евгеній Ивановичъ Славинъ относятся ко мнѣ нетолько равнодушно, даже не привѣтливо. Что значило-бы это? А это значило то, что г.г. Гвоздеву и Славину хотѣлось видѣть новымъ товарищемъ по канцеляріи своего земляка, священническаго сына Никольскаго уѣзда Ивана Ивановича Суморокова, который, по просьбѣ ихъ, и былъ назначенъ письмоводителемъ

по черновому журнальному постановленію правленія, написанному секретаремъ его Алексѣемъ Никитичемъ Хергозерскимъ. Но о. ректоръ на этомъ журналѣ написалъ: „опредѣлить А. Попова, какъ сына бѣдныхъ родителей и одного изъ лучшихъ учениковъ низшаго отдѣленія". Секретарь отнесся ко мнѣ съ улыбочкой.— „Ну, принимайся за канцелярское дѣло, да не бросай ученья; вѣдь вы, кажется, обѣщались учиться хорошо передъ о. ректоромъ".— „Да, Алексѣй Никитичъ, буду трудиться подъ руководствомъ вашимъ, отвѣчалъ я, буду и учиться". И посадили меня мои старшіе товарищи за переписку черновыхъ журналовъ семинарскаго правленія, не представляемыхъ на утвержденіе епископа, для улучшенія—молъ почерка. А эти журналы не были писаны на—бѣло по крайней мѣрѣ годъ. Скучная это была работа улучшать почеркъ, воспитывать въ себѣ терпѣніе и послушаніе, переписывая эти журналы. Старшіе товарищи по канцеляріи видѣли, что одна эта работа нравственно тяжела мнѣ, и сжалились, позволивъ мнѣ переписывать иногда маленькія бумажки по адресу подчиненныхъ правленію лицъ и учрежденій. Но здѣсь я скоро нарвался на косвенный выговоръ. Въ бумагѣ на имя ректора Вологодскаго духовнаго училища секретаремъ семинарскаго правленія было написано въ титулѣ между прочимъ: „Василію Іоанновичу Нордову", а я имѣлъ неосторожность написать „Васильюе", т. е. вмѣсто буквы і поставилъ ь и получилъ отъ Алексѣя Никитича, черезъ старшаго письмоводителя Петра Михайловича Гвоздева, такое замѣчаніе: „неприлично такъ вульгарно называть людей заслуженныхъ,—особенно въ оффиціальныхъ бумагахъ. Велите А—ю переписать бумагу и сдѣлайте ему замѣчаніе". Такъ началась моя канцелярская служба, счастливо впрочемъ продолжавшаяся до окончанія моего семинарскаго образованія въ 1862 году. Секретаремъ семинарскаго правленія былъ преподаватель Священнаго Писанія и Нѣмецкаго языка Алексѣй Никитичъ Хергозерскій, человѣкъ, правда, требовательный, заставлявшій работать, случалось, и въ первый день Св. Пасхи, но къ письмоводителямъ относившійся терпѣливо, ровно и благодушно даже тогда, когда высшая власть требовала взысканія. Напримѣръ однажды одинъ изъ письмоводителей Евгеній Славинъ отослалъ преосвященному Христофору пакетъ съ надписью на немъ, по разсѣянности, имени „Ѳеогносту", вмѣсто „Христофору" (епископъ Ѳеогностъ былъ предшественникомъ епископа Христофора по Вологодской каѳедрѣ). Епископъ прогнѣвался и возвра-

тилъ въ правленіе пакетъ съ резолюціею: „винознаго письмоводителя поставить, на часъ, на колѣни въ присутствіи семинарскаго правленія". Резолюція эта была конечно намъ объявлена съ вопросомъ,—кто дѣлалъ надпись на пакетѣ и кто отсылалъ его? Оказалось, что все это дѣлалъ Славинъ.—Ну, Евгеній Ивановичъ, сказалъ тогда съ комическою важностію нашъ секретарь, извольте пожаловать сюда и понести наказаніе—и пошелъ съ нимъ въ присутствіе, гдѣ сидѣлъ тогда членъ правленія благороднѣйшій и деликатнѣйшій Павелъ Михайловичъ Добряковъ. Пожурили, посмѣялись и черезъ 5 минутъ отпустили разсѣяннаго письмоводителя въ канцелярію на свое мѣсто. Составъ канцеляріи въ началѣ 1857 года былъ слѣдующій. Секретарь уже извѣстенъ, а письмоводителями были ученикъ богословскаго класса Александръ Павловичъ Смирновъ, ученики философскаго класса Петръ Михайловичъ Гвоздевъ и Евгеній Ивановичъ Славинъ и изъ риторики только что поступившій А. А. Поповъ. Смирновъ, владѣвшій хорошимъ почеркомъ, учебнымъ дѣломъ ни мало не занимавшійся, все время занятъ былъ, какъ и мой предшественникъ Павлинъ Безпутинъ, одними канцелярскими трудами и получалъ жалованья по должности по 4 руб. въ мѣсяцъ. Гвоздевъ и Славинъ были хорошими письмоводителями и товарищами и не бросали учебнаго дѣла, держась весь семинарскій курсъ въ первомъ разрядѣ. Особенно хорошъ былъ Гвоздевъ. Это былъ человѣкъ богато одаренный отъ природы, съ характеромъ положительнымъ, ровнымъ, умный и разсудительный, замѣчательно добрый и честный. Всякое дѣло онъ обдумывалъ быстро и основательно, писалъ онъ, въ смыслѣ каллитрафіи, лучше всѣхъ насъ и наконецъ имѣлъ такой силы и размѣровъ басъ, что удивлялъ протодіакона Яблонскаго заходившаго, по временамъ, въ нашу канцелярію „помѣряться съ Петрушей голосомъ". А преосвященный Палладій Раевъ, впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій, серьезно выражалъ сожалѣніе, что о. Петръ пошелъ во священники—и то въ село, а не въ столичные протодіаконы. Кромѣ того мнѣ достовѣрно извѣстно, что, когда о. Петръ бывалъ въ Вологдѣ, то владыка Палладій всегда приглашалъ его для служенія съ собою, чтобы доставить удовольствіе Вологжанамъ послушать его могучаго голоса, особенно октавы напр. на входномъ „пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу..." Подумывалъ въ свое время Петръ Михайловичъ и о высшемъ, академическомъ образованіи, но осуществить этой мечты не могъ.

Какъ онъ ни былъ уменъ и работоспособенъ, но все-же, при канцелярскихъ занятіяхъ, съ большими пробѣлами въ учебномъ дѣлѣ, особенно по предметамъ второстепеннымъ, приготовить себя, для поступленія въ Академію, ему не удалось, и прекрасная мечта осталась неосуществленною. По окончаніи семинарскаго курса въ 1860 году онъ поступилъ въ священники къ Шарженгской Михаило-Архангельской церкви Никольскаго уѣзда, лѣтъ черезъ 10 овдовѣлъ, а за тѣмъ получилъ какую-то странную мозговую болѣзнь, и самъ скончался скоропостижно и преждевременно, во время зимней поѣздки по должности благочиннаго по округу, при одной изъ захолустныхъ церквей. Посвящая роднымъ о. Петра Михайловича Гвоздева эти строки, я долженъ сказать, что наканунѣ этой послѣдней поѣздки, для ревизіи округа, по должности благочиннаго, онъ писалъ мнѣ очень грустное письмо, скорбя о томъ, что, не смотря на его отказъ отъ благочинническої службы, бывшей тогда выборной, не освободило отъ нея его ни окружное духовенство, ни Епархіальное начальство. Съ больною головою тяжело ему было нести эту службу, и поѣздки по округу онъ уже боялся, видимо, предчувствуя, что она убьетъ его, какъ и случилось, на горе дѣтей и къ искреннему сожалѣнію многочисленныхъ его друзей и почитателей.

Говоря о Петрѣ Михайловичѣ Гвоздевѣ, родномъ и старшемъ братѣ настоятеля Никольскаго Срѣтенскаго собора, протоіерея Іоанна Михайловича Гвоздева, я зашелъ впередъ довольно далеко. Возвращаюсь назадъ къ новой моей жизни въ канцеляріи, въ качествѣ письмоводителя. Увѣдомивъ родителей о своемъ счастіи, я скоро получилъ казенную казинетовую тройку и выростковые сапоги, продалъ кому-то изъ семинарскихъ служителей свой классическій дубленый тулупъ и купилъ у Петра Михайловича Гвоздева легонькій тулупчикъ изъ молодой русской овчины, крытый какой-то матеріей, съ чернымъ барашковымъ воротникомъ и одѣлся такимъ образомъ не хуже казенно-коштнаго воспитанника, хотя и не имѣлъ еще суконнаго сюртука. Этотъ сюртукъ выдали мнѣ не скоро и уже на срокъ до окончанія курса. До каникулъ жалованья мнѣ не давали, чайку и сахарку купить мнѣ было еще не начто. Но это была непріятность уже не важная, при готовой казенной квартирѣ въ самомъ зданіи семинаріи, прислугѣ, освѣщеніи, содержаніи. Не нужно было покупать мнѣ уже ни книгъ, ни бумаги, ни перья. Все было готовое, казен-

ное. Знай работай и учись! Правда, содержаніе казенно-коштныхъ воспитанниковъ семинаріи тогда было не важное. Въ скоромные дни подавались мясной супъ и каша, въ постные—овсянка, горохъ, а иногда супъ изъ суща (мелкой разныхъ породъ рыбы) и тоже каша, а въ великіе праздники подавалось какое то мясо, называвшееся жаркимъ, но обильно разбавленное жидкимъ бульономъ и, кажется, не жаренное, а сваренное. Каша же попеременно подавалась овсяная, пшенная и гречневая и притомъ съ признаками вложеннаго въ нее масла, смотря по времени, то скоромнаго, то постнаго. Правда, нашъ семинарскій врачъ Михаилъ Петровичъ Максимовичъ, какъ было слышно, требовалъ у семинарскаго начальства улучшенія стола казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Но наше начальство было достаточно просвѣщенно для того, чтобы понимать, что русскій солдатъ, да семинарскій бурсакъ выдержатъ, перенесутъ и вытерпятъ не только пищевые недочеты, но и холодъ и голодъ, и все, что угодно, и не находило нужнымъ баловать юношество улучшеніемъ стола, или одѣянія. Вѣдь теплой одежды, кромѣ ватнаго пальто, также не полагалось казеннокоштному воспитаннику. Однажды семинарское правленіе, въ виду дешевизны холста, рѣшилось заторговать одного качества и сорта весь холстъ, необходимый на устройство бѣлья для нихъ, о чемъ и представило свой журналъ на утвержденіе владыки, съ приложеніемъ образчиковъ. Но разсмотрѣніи образчиковъ и журнала, преосвященнѣйшій епископъ Христофоръ на этомъ послѣднемъ изволилъ положить резолюцію „утверждается.—Но на устройство портовъ можно бы подобрать холстъ и погрубѣе“.—Не ясно-ли отсюда, что не одна семинарская администрація, но и епископы старались воспитать насъ, какъ древнихъ спартанцевъ и что этой чести нельзя усваивать одному семинарскому начальству: тѣмъ болѣе какимъ-нибудь хапугамъ экономамъ. Спѣшу однако оговориться. Эти взгляды на дѣло нашего содержанія и воспитанія хотя и принадлежатъ мнѣ, но онѣ позднѣйшаго происхожденія. Въ то же, блаженное время, я думалъ иначе. Послѣ хожденія на рѣку Вологду, подъ коромысломъ, за водою, послѣ питанія кусками семинарскаго хлѣба, тайно отъ начальства и прислуги приносимаго мнѣ моими незабвенными товарищами и послѣ знаменитой „холостой студени“, горячая пища, какова-ни была-бы она, составляла для меня уже лакомое блюдо. Въ то время, какъ новые мои товарищи, кушая то жидкіе, подобно ухѣ, скоромные

щи, то овсяную постную крупянку, гдѣ „крупина за крупиной бѣгали съ дубиной“, то плохой будто-бы горохъ,—мелкій и сѣрый, то сорную сущевую похлебку, ворчали на о. эконома за скудную пищу, эта послѣдняя казалась мнѣ хорошею. Незаслуженной привиллегіей казалось мнѣ и то, что письмоводители обѣдали и ужинали не въ общей столовой съ казеннокоштными воспитанниками въ точно опредѣленное время дня и вечера, а когда имъ было свободно и угодно и при томъ въ особой маленькой комнатѣ, имѣвшейся при кухнѣ. Другой уже несомнѣнной привиллегіей письмоводителей,—учениковъ семинаріи было предоставленіе имъ полной свободы учиться, или не учиться, ходить, или не ходить въ классъ на лекціи г.г. преподавателей. Никто и никогда не сдѣлаетъ замѣчанія письмоводителю за лѣность и опущенія, кромѣ развѣ одного секретаря и то по адресу тѣхъ письмоводителей, которые учились у него.—„А что Евгеній Ивановичъ пожалуетъ сегодня на урокъ?—Можно ожидать?“ бывало, скажетъ Алексѣй Никитичъ, одѣвая шубу, или пальто, чтобы идти въ классъ. Это значило, что и Евгеній Ивановичъ Славинъ и Петръ Михайловичъ Гвоздевъ, учившіеся во второмъ отдѣленіи философскаго класса, гдѣ онъ преподавалъ священное писаніе, давно не были у него на урокахъ. При желаніи письмоводителей не запускать учебныхъ занятій, канцелярскаго дѣла однако было въ такой степени достаточно, что мы не могли иногда приготовлять своевременно и письменныхъ работъ по тому или другому предмету. И г.г. преподаватели были такъ снисходительны, что никогда не ставили намъ въ вину, если мы подавали имъ свои письменныя работы позже товарищей. Особенно деликатенъ былъ въ этомъ отношеніи профессоръ Павелъ Михайловичъ Добряковъ, бывшій въ тоже время и членомъ семинарскаго правленія. Близко, бывало, уже экзамены, а у меня не подано ему нѣсколько сочиненій. Павелъ Михайловичъ придетъ въ канцелярію, сядетъ на стулъ и, не успѣешь извиниться, заговоритъ самъ: „я намѣренъ поставить васъ въ разрядномъ спискѣ подъ № 3-й, но за вами значится нѣсколько неподанныхъ сочиненій—подадите-ли ихъ и когда“. Извиняешься, благодаришь, обѣщаешь наконецъ каждодневно сдавать по сочиненію, исполняешь уже точно данное слово, благоговѣешь передъ такимъ наставникомъ и за тѣмъ вспоминаешь такого добраго человѣка во всю свою жизнь. А между тѣмъ это былъ человѣкъ не только добрый и умный, но серьезный. Былъ разъ такой случай. На первой недѣлѣ вели-

каго поста воспитанники семинаріи обыкновенно говѣли. Наступила суббота. Отслужена утреня и молитвы „ко причащенію“ уже прослушаны. Послѣ нихъ мы ушли изъ церкви въ свою канцелярію, гдѣ имѣлась и наша квартира, замаскированная архивными шкафами, ушли для того, чтобы,—кому возможно—почище попріодѣться. Къ намъ пришли двое товарищей Гвоздева и Славина, изъ воспитанниковъ семинаріи, которымъ не нужно, или не было возможности улучшать свою костюмировку. Завязалась легонькая бесѣда съ шуточками и со смѣхомъ. И не слыхали мы, какъ кто-то вошелъ въ канцелярію. Еще разъ сострилъ кто-то удачно, снова раздался общій смѣхъ. И не успѣлъ онъ затихнуть, какъ мы услышали строгій голосъ уважаемаго преподавателя, неожиданно раздавшійся изъ канцеляріи: „господа! Вы куда готовитесь?!.“ Этого было достаточно для вразумленія забывшихся, „буесть юности“ была моментально пришиблена, намъ стало стыдно и срамно. А у меня этотъ благородный упрекъ со стороны Павла Михайловича до сихъ поръ звучитъ не только въ ушахъ, но и въ сердцѣ. Нѣсколько опомнившись, старшіе товарищи пошли,—было,—извиняться, но Павла Михайловича въ канцеляріи не нашли. Онъ ушелъ и никому, никогда ни разу не напомнилъ потомъ о нашей неизвинительной разсѣянности въ святыя для насъ минуты.

VIII.

Продолжая описаніе канцелярской и учебной жизни письмоводителей семинарскаго правленія, я долженъ сказать, что секретарь его, видя, что его канцелярія исправно исполняетъ свои обязанности и, за исключеніемъ одного изъ четырехъ письмоводителей, Смирнова, не хочетъ забросить и учебнаго дѣла, рѣшилъ увеличить составъ ея еще однимъ человѣкомъ, къ концу учебнаго 1857—1858 года. На этотъ разъ избраннымъ въ письмоводители оказался, не безъ указанія моего, какъ хорошій и бѣдный ученикъ, мой бывшій соквартирантъ и землякъ Димитрій Васильевичъ Боновъ. А съ началомъ 1858—1859 года, по случаю окончанія курса письмоводителя Смирнова и перехода на канцелярскую же службу въ Вологодскую мужскую гимназію, избраны были на мѣсто его двое бѣдныхъ, но очень хорошо писавшихъ и хорошо учившихся учениковъ изъ низшаго отдѣленія семинаріи, Василій Логиновичъ Птоховъ и Александръ Алексѣевичъ Воскресенскій, оказавшіеся впослѣдствіи прекрас-

ными товарищами и добрыми людьми. Особенно симпатиченъ былъ Птоховъ Василій Логиновичъ, за его открытую душу, прямолинейность характера и неподкупную честность, при замѣчательной работоспособности, безъ всякихъ разсчетовъ. За послѣдніе два года моей семинарской жизни, въ числѣ младшихъ письмоводителей еще появилось нѣсколько учениковъ изъ низшаго отдѣленія семинаріи, но всѣ они какъ люди еще не сформировавшіеся въ опредѣленный нравственный обликъ и жившіе со мною въ канцеляріи не долго, не оставили въ душѣ моей замѣтнаго слѣда. Какъ члены правленія, кромѣ о. ректора и Павла Михайловича Добрякова, заходили сюда иногда о о. инспекторъ и экономъ. Оффиціальныхъ же засѣданій иногда не происходило. И если всѣ члены заходили въ правленіе по временамъ, то по побужденіямъ личнымъ, или для совѣта съ секретаремъ, управлявшимъ всѣмъ ходомъ дѣлъ, по частямъ учебной, воспитательной и экономической, согласно лишь указаніямъ о. ректора. Ректоръ былъ начальникомъ семинаріи полнымъ, хозяиномъ положенія самостоятельнымъ. Если кто либо изъ членовъ правленія, или изъ числа преподавателей спрашивалъ иногда Алексѣя Никитича по тому, или другому поводу,—это почему же такъ? Отвѣтъ получался такой, если не было указаній въ законѣ, или распоряженій свыше,—„такъ угодно отцу ректору“. Этимъ дѣло и кончалось. О инспекторъ зналъ только своихъ помощниковъ инспектора и „старшихъ“, экономъ—хозяйственную часть, а Павелъ Михайловичъ, не имѣя никакой спеціальности, подписывалъ только, въ числѣ другихъ членовъ, бумаги и журналы. Всѣ входящіе въ правленіе бумаги распечатывались о. ректоромъ и сдавались обычныя немедленно въ канцелярію, для соотвѣтственныхъ распоряженій, а бумаги важныя передавались лично секретарю, при чемъ и указывался способъ или смыслъ исполненія Здѣсь, въ кабинетѣ о. ректора могли быть конечно и совѣщанія между начальникомъ и секретаремъ, а не въ присутствіи правленія между всѣми членами его. Большую часть журналовъ составлялъ секретарь самъ, а лишь нѣкоторую часть ихъ, и то самыхъ шаблонныхъ, довѣрялъ составлять старшимъ письмоводителямъ. Самъ писалъ и постановленія, а о. ректоръ обычно надписывалъ—„смотрѣлъ“, или „читалъ“, очень рѣдко измѣняя сущность постановленія. Если содержаніе журнала требовало архіерейской санкціи, то журналъ немедленно переписывался и посылался, а иногда пред-

ставлялся и непосредственно о. ректоромъ на утвержденіе Его Преосвященств. А если этого не требовалось существомъ дѣла, то постановленное журналомъ приводилось въ исполненіе, а самый журналъ переписывался набѣло и подписывался секретаремъ и членами правленія, спустя нѣкоторое время. Добрѣйшей души человѣкъ былъ нашъ о. инспекторъ и очень любилъ не грубыя удовольствія молодости. Разсказывали въ наше время, что когда давались въ семинаріи рекреаціи (теперь онѣ были уже оставлены), то онъ своихъ богослововъ приглашалъ веселиться къ себѣ въ монастырь. И здѣсь, въ скромномъ садикѣ сидя на дерновой кушеткѣ, при закрытыхъ воротахъ смотрѣлъ и слушалъ какъ поютъ и веселятся его питомцы. А однажды даже самъ продиктовалъ и спѣлъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ такую старинную пѣсенку, которой молодежь и не слыхала. Вотъ она:

Я со вечера дѣвушка,
Со полуночи молодушка,
Ахъ бѣда, ахъ бѣда,
Ахъ бѣда моя не маленькая!
Со полуночи молодушка,
Ко бѣлу свѣту хозяюшка.
Ахъ бѣда, ахъ бѣда,
Ахъ бѣда моя не маленькая!
Ко бѣлу свѣту хозяюшка,
Черезъ сорокъ недѣль матушка.
Ахъ, бѣда, ахъ бѣда,
Ахъ бѣда моя не маленькая!
Черезъ сорокъ недѣль матушка,
Черезъ сорокъ годовъ бабушка.
Ахъ бѣда, ахъ бѣда,
Ахъ бѣда моя не маленькая!

А у насъ въ канцеляріи былъ такой случай. Письмоводитель Смирновъ велѣлъ отыскать младшему письмоводителю въ архивѣ нужное ему дѣло. Неопытный письмоводитель, не справившись въ описи ни о номерѣ, ни о точномъ названіи дѣла, ищетъ и не находитъ его, хотя раскрылъ чуть не всѣ шкафы. Смирновъ разсвирѣпѣлъ и давай величать неопытнаго юнца не по батюшкѣ, а по матушкѣ. За раскрытыми шкафами онъ и не замѣтилъ, что въ канцелярію вошелъ и слушаетъ его гнѣвныя тирады о. инспекторъ.— „Ну, что вы тутъ разшумѣлись!— Не

велика бѣда, что парень не можетъ найдти дѣла", сказалъ онъ, — И только разсмѣялся и прошелъ. Не даромъ же звали мы его дѣдушкой добрымъ, и любили его. За простодушіе и чрезвычайную доброту и снисходительность Господь даровалъ ему и кончину безболѣзненно-замѣчательную. Оставивъ службу при семинаріи, о. архимандритъ Діонисій управлялъ Вологодскимъ Спасоприлуцкимъ монастыремъ. Въ одну изъ пасхальныхъ ночей, приготовившись ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника и одѣвшись во время пѣнія „полунощницы" въ полное облаченіе, онъ отпустилъ священнослужителей съ крестнымъ ходомъ въ началѣ Пасхальной утрени вокругъ монастырскаго собора, а самъ, за старческой немощію, остался въ алтарѣ храма, гдѣ сидя въ креслѣ, и умеръ въ тѣ святыя мгновенія, когда изъ притвора достигла слуха его великая христіанская пѣснь: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.*

Экономомъ семинаріи въ наше время былъ одинъ изъ членовъ братства Спасоприлуцкаго монастыря іеромонахъ Виталій. По происхожденію это былъ чистокровный зырянинъ. Онъ служилъ въ свое время причетникомъ въ зырянскомъ краѣ и угадалъ въ монастырь, какъ утверждала злая молва, будто бы за то, что убилъ чужаго годоваго жеребенка, ударивъ за что-то его кулакомъ по головѣ. Силищей обладалъ онъ дѣйствительно страшной, такъ что могъ свертывать пальцами въ трубочку мѣдныя Павловскія копѣйки. Что же касается его грамотности, то могъ подписывать свое званіе и имя, хотя иногда и ошибочно. Такъ, когда о. ректоръ разсудилъ взять его на должность эконома въ семинарію, то о. Виталій, назначенный сначала исправляющимъ эту должность, наученъ былъ подписывать бумаги такъ: „въ должности эконома іеромонахъ Виталій". А онъ, не умѣя различать понятія, соединенныя со словами эконома и іеромонаха, писалъ иногда и такъ: „въ должности іеромонаха экономъ Виталій". Для Алексѣя Никитича такой человѣкъ былъ предметомъ шутокъ и смѣха, а о. ректоръ будто-бы восклицалъ иногда, „удивительно, до чего можетъ быть глупъ человѣкъ"!.. А экономомъ все-таки держали его въ семинаріи долго. Значитъ, нужны тутъ были и глупые люди. Лично же я экономическими дѣлами въ канцеляріи семинарскаго правленія не занимался и о ходѣ ихъ ничего не вѣдать не могу. Знаю, только, что когда о ректоръ архимандритъ Ювеналій перемѣ-

щенный на ту же должность въ другую семинарію, оставилъ службу при семинаріи въ Вологдѣ, то скоро былъ уволенъ отъ должности экономa и іеромонахъ Виталій, умершій первымъ настоятелемъ возстановленной въ 1863 году, если не ошибаюсь, Ульяновой пустыни, Устьсысольскаго уѣзда. Нынѣ это одинъ изъ богатѣйшихъ монастырей Вологодской епархіи, устроенный какъ лавра, многолѣтними трудами. монашествующей братіи, и особенно неусыпными заботами и усердіемъ бывшаго настоятеля, взятаго изъ Соловецкихъ иноковъ, архимандрита Матѳія. А тогда царили тамъ пустота, бѣдность и убожество.

При такихъ-то вотъ канцелярскихъ порядкахъ и условіяхъ письмоводительствовали мы и учились, не бывъ, кажется, достаточно исправными, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, ни письмоводителями, ни учениками. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что насъ нетолько терпѣли, но даже любили. За что же? А за то будтобы, что канцелярскихъ дѣлъ запускать мы не любили, да и учились четверо изъ насъ, въ числѣ лучшихъ учениковъ, оставаясь всегда, по спискамъ, въ первомъ разрядѣ. Манкировали мы предметами второстепенными, это правда, но манкировали ими и не мы одни. Бывали случаи, что по главнымъ предметамъ, какъ-то Священное Писаніе, Логика, Психологія, Патристика, или Богословія догматическое, нравственное, Пастырское, ученикъ стоитъ у преподавателей по разрядному частному списку въ первомъ пяткѣ, а по предметамъ второстепеннымъ въ числѣ послѣднихъ. При составленіи общаго разряднаго списка, повидимому, и слѣдовало-бы такому ученику дать то мѣсто, которое образуется изъ снесенія занимаемыхъ имъ мѣстъ по астнымъ спискамъ, въ среднемъ разсчетѣ. Напр. по главнымъ предметамъ я значусь по спискамъ подъ №№ 3, 5, 7 и по второстепеннымъ 15, 27, 33. Отъ сложенія этихъ цифръ получается 90, а отъ раздѣленія ихъ на 6 предметовъ—15. Значитъ, при равномѣрномъ вниманіи начальства ко всѣмъ предметамъ семинарской программы, я долженъ быть поставленъ въ общемъ разрядномъ спискѣ на 15-ое мѣсто, чего никогда не допускалось. Меня не поставили-бы ниже 5 мѣста. За чѣмъ же намъ было послѣ этого возиться напр. съ Геодезіей, Сельскимъ хозяйствомъ, Медициной, языками, Геометріей, даже Физикой, Пасхаліей, Гомилетикой! И занимались ими одни любители, да очень ужъ регулярная молодежь. А мы, грѣшные, предпочитали читать и читать. У насъ появились новые талантливые профессора, люди свѣжіе.

Это были, кромѣ Анемподиста Іонича Малевинскаго, умершаго директоромъ Училищъ въ Екатеринославлѣ, Протогенъ Вонифатьевичъ Кокшаровъ, умершій старшимъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Оберъ—Прокурора Св. Синода, Петръ Ѳеодоровичъ Поповъ, бывшій въ послѣдствія инспекторомъ Костромской духовной семинаріи. Николай Гавриловичъ Кузнецовъ, и Василій Тимоѳеевичъ Даманскій, и другіе. Заговорили они о нуждѣ чтенія и самообразованія. Стала развиваться журналистика, появились новые духовные журналы—„Странникъ“, „Православное обозрѣніе“, Домашняя бесѣда и другіе. Въ Вологдѣ открылъ покойный Алексій Степановичъ Сумкинъ, Лальскій купецъ и фабрикантъ, первую публичную библіотеку на Кирилловской улицѣ. А въ свѣтской журналистикѣ, популяризуя прогрессивныя идеи, побѣдоносно пошелъ впередъ „Современникъ“, а въ слѣдъ за нимъ и „Русское Слово“. Нашлась было въ Кіевѣ, въ лицѣ профессора Юркевича, сила, способная противостать другой силѣ, являвшейся въ лицѣ Чернышевскаго, но, къ сожалѣнію, перваго скоро не стало. Переведенный изъ Кіевской Д. академіи въ Московскій университетъ профессоръ Юркевичъ, печатавшій свои статьи въ „Трудахъ Кіевской Д. Академіи“ и „Вѣстникѣ Европы“, скоро умеръ. Нашъ курсъ, въ лучшихъ его представителяхъ, а ихъ было много,—съ жадностью отдался чтенію. Читали мы все—и классическихъ проповѣдниковъ, и свѣтскихъ писателей, и поэтовъ, и публицистовъ, и различныя лекціи, конечно не печатныя, напр. проф. Ѳ. А. Голубинскаго (умственное богословіе), и архіеп. Иннокентія (ученіе о религіи) и Фейербаха (сущность христіанства), и „Колоколъ“ Герцена, и сочиненія Бѣлинскаго и „Домашнюю Бесѣду“ В. И. Аскоченскаго, и духовные и свѣтскіе журналы, не исключая конечно ни „Русскаго Слова“, ни „Современника“, въ которомъ печатались тогда Н. А. Добролюбовъ, Н. А. Некрасовъ, Тургеневъ, Михайловъ, кромѣ Чернышевскаго. Судите,—читатель, до второстепенныхъ ли было тогда намъ предметовъ семинарской программы! Дай Богъ по главнымъ-то предметамъ не опуститься. Насъ занимала горячая борьба мнѣній со стороны людей стараго и новаго направленій, со стороны западниковъ и славянофиловъ, прогрессистовъ и консерваторовъ, начинавшая въ тоже время, хотя и не такъ замѣтно, какъ въ журналистикѣ свѣтской, отражаться и въ духовныхъ журналахъ, борьба напр. между „Домашнею Бесѣдой“ и Православнымъ Обозрѣніемъ. Пока учились мы въ философскомъ клас-

сѣ, слушая уроки Протогена Вонифатьевича по Логикѣ и Психологіи, мы были еще осторожны и читали книги и журналы только серьезные. По переходѣ же въ богословскій классъ, когда уѣхалъ отъ насъ нашъ серьезный ректоръ Ювеналій, какъ считали мы его,—ректоръ во всякомъ случаѣ умѣвшій учениковъ и учителей держать въ своихъ рукахъ, мы повели себя смѣлѣе и развязнѣе. А когда въ концѣ 1860 года пріѣхалъ къ намъ новый ректоръ архимандритъ Іонаѳанъ Рудневъ, то мы сейчасъ же поняли, что это человѣкъ, хотя и горячій, но добрый, до слабости, словомъ, такой, при которомъ можно вести себя, не стѣсняясь. Кому то изъ насъ, уже не помню, пришла мысль издавать свой рукописный журналъ, а я задумалъ въ тоже время основать и организовать при семинаріи ученическую библіотеку. Подѣлившись своей дорогой для меня идеей съ товарищами, я началъ обдумывать способы, какъ поставить дѣло, т. е. какъ пріобрѣтать деньги, что выписывать въ библіотеку, кому завѣдывать ею, кому предоставить контроль, какъ, кому и на какое время избирать библіотекарей. Составивъ правила и обсудивъ ихъ на общемъ собраніи моихъ ближайшихъ товарищей по классу, солидарныхъ со мною по убѣжденіямъ, я пошелъ къ новому о. ректору съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ открыть при семинаріи „ученическую библіотеку“. Какъ ни ошеломленъ былъ о. ректоръ поразившей его идеей о библіотекѣ, но я сумѣлъ разъяснить ему несомнѣнную нужду и пользу ея. Спустя нѣсколько дней я получилъ мои правила, не смотря на то, что они были очень либеральны, не переправленными и съ надписью: „разрѣшается“. Библіотекаремъ мои товарищи избрали меня, какъ иниціатора. Закипѣла работа. По всѣмъ классамъ и отдѣленіямъ были прочитаны мною правила и розданы подписные листы, для взноса желающими денегъ, въ свободномъ количествѣ, на выписку книгъ и журналовъ въ открываемую мною ученическую библіотеку. Вся учащаяся молодежь съ энтузіазмомъ отнеслась къ моей идеѣ. Скоро у меня появилось въ карманѣ нѣсколько десятковъ рублей, оприходованныхъ въ устроенную для сего приходорасходную книгу. Это дѣло, задуманное въ концѣ 1860 года, происходило въ январѣ 1861 года. Была въ Вологдѣ ярмарка. Здѣсь, окруженный моими товарищами, я сдѣлалъ и первую покупку книгъ въ новую ученическую библіотеку при семинаріи. Книги эти были—„Жизнь и труды графа М. Сперанскаго“ и „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“. А потомъ ста-

ли мы, по мѣрѣ поступленія денегъ выписывать книги и журналы. (*) Замѣчательно то, что семинарская молодежь, руководившаяся и хотя честными побужденіями, но либеральничавшая, видимо не въ мѣру, никѣмъ не была сдержана своевременно и естественно пошла дальше. Нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ моихъ товарищей составили программу нелегальнаго рукописнаго журнала, избрали изъ своей среды сотрудниковъ и стали выпускать свои труды помѣсячно, подъ названіемъ „Кводлибетъ“. (Что угодно). Понятно, занятый канцеляріей и библіотекой, да не желавшій притомъ бросать и учебнаго дѣла, въ журналѣ я не принималъ никакого участія, а на собранія журналистовъ, происходившія у Владимірской въ квартирѣ товарища Румянцева, захаживалъ. Помню, интересными казались статьи моихъ товарищей Ив. Николаевича Преображенскаго, умершаго потомъ профессоромъ Могилевской духовн. семинаріи, и Мих. Евграфовича Доброписцева, также умершаго учителемъ одной изъ женскихъ гимназій въ Петербургѣ. Доброписцевъ велъ въ журналѣ хронику, а Преображенскій беллетристику. Здѣсь и начаты имъ были „Очерки Кичиковскаго уѣзда“, напечатанныя потомъ уже въ 1874 или въ 1875 году въ „Русскомъ Словѣ“. Нѣкоторые изъ товарищей, какъ то Я. А. Соколовъ и П. В. Богословскій, писали и серьезныя статьи на злободневныя темы, а А. И. Румянцевъ работалъ, помнится, въ сатирическомъ отдѣлѣ. Но какъ ни увлекательна была эта идея объ изданіи нелегальнаго журнала, для горячихъ головъ даровитыхъ юношей, все же они должны были скоро опомниться. Стало извѣстно, что за самовольными журналистами слѣдитъ уже не семинарская администрація, а полиція, почему послѣ двухъ—трехъ выпусковъ и умеръ нашъ „Кводлибетъ“ естественной смертію. Журналъ умеръ, но не угасли въ горячихъ головахъ молодежи мысли, уже неудовлетворявшіяся классными, схоластичными и большею частію скучнымъ преподаваніемъ предметовъ семинарской программы. И какъ мы

*) Такимъ образомъ основателемъ и первымъ библіотекаремъ ученич. библіотеки при Вол. д. семинаріи былъ я и оставался имъ до окончанія семинарскаго курса. Послѣ меня завѣдывалъ библіотекою также воспитанникъ Богословскаго класса Анатолій Александровичъ Одинцовъ, умершій священникомъ Благовѣщенской церкви въ Вологдѣ. А потомъ уже, когда завѣдываніе ею перешло въ руки семинарской администраціи, сталъ библіотекаремъ профессоръ математики Петръ Осодоровичъ Попов', бывшій впослѣдствіи инспекторомъ Костромской д. семинаріи. И это былъ первый библіотекарь административный а не посуществу дѣла и никакъ уже не основатель ея, какъ хвастливо и ложно объявилъ онъ нѣкогда объэтомъ въ Вологодскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ. Если я не уличилъ его въ этомъ тогда, то потому только, что не хотѣлъ пристыдить его, какъ человѣка, котораго очень уважалъ въ дни семинарской жизни.

только учились! Учебниковъ и учебныхъ руководствъ не было почти по всѣмъ предметамъ, кромѣ догматики Антонія, пр. исповѣданія П. Могилы, да Библейской исторіи Филарета. Уроки прослушивались и задавались впередъ—отъ этого до этого. И только двое трое изъ прежнихъ профессоровъ, да столько же молодыхъ поговорятъ и объяснятъ дѣло живымъ словомъ. Это были достойнѣйшіе Алексій Никитичъ Хоргозерскій, Анемподистъ Іоничъ Малевинскій, Протогенъ Вонифатьевичъ Кокшаровъ, игуменъ Никонъ, Петръ Ѳеодоровичъ Поповъ, да Николай Ивановичъ Суворовъ и Павелъ Михайловичъ Добряковъ, оба говорить много не любившіе, но что нужно, сказать умѣвшіе. Не знаю, какъ преподавалъ Догматическое Богословіе ректоръ Арх. Ювеналій, у котораго мнѣ не пришлось учиться, а о. Іонаѳанъ читалъ намъ догматику по Макарію, не по книгѣ, а по тетрадямъ, на которыя и приказывалъ своимъ лакеямъ выписывать, что нужно было для него, изъ системы Макарія, котораго мы уже давно прочитали и знали. Если не говоритъ, или не хочетъ говорить на своемъ урокѣ тотъ, или другой профессоръ, то аудиторіи классной рѣшительно нечего было дѣлать въ классѣ. А ходить въ классъ все таки надо, ну, и ходили и читали здѣсь свои книжки, чтобы не скучать по крайней мѣрѣ. Засталъ я въ семинаріи еще одного преподавателя весьма типичнаго. Жаль мнѣ тревожить его память своими воспоминаніями, но разъ я задался ими, то, кажется, не въ правѣ и умолчать сознательно о томъ, или другомъ лицѣ, по личнымъ разсчетамъ. Это былъ преподаватель алгебры и геометріи во вторыхъ отдѣленіяхъ риторики и философіи Иванъ Александровичъ Святковъ, кандидатъ С.-Петербургской д. академіи. Средняго роста, уже посѣдѣвшій и носившій очки постоянно, но не всегда на носу, а часто и на лбу. Отъ роду ему было тогда уже больше 60 лѣтъ. Онъ служилъ въ молодости учителемъ въ Каменецъ-Подольской семинаріи, обладалъ феноменальной памятью, но былъ какой-то невмѣняемый проказникъ и чудакъ, забывавшій рѣшительно, порою, за чѣмъ пришелъ въ классъ. Любилъ онъ всякія книги, а старыя особенно, всякія новости, любилъ наконецъ оживленіе. И у него на урокѣ ужъ никто никогда не дремалъ. Вотъ по корридору гудитъ, бывало, звонокъ, но шумъ въ классѣ не утихаетъ, хотя и садятся ученики на мѣста. Входитъ Иванъ Александровичъ. Читается молитва и подается журналъ ему. А между тѣмъ кто—нибудь встаетъ и говоритъ;—„вотъ Широгорскій

принесъ какую-то книгу. Должно быть очень интересна, никому не кажетъ". Иванъ Александровичъ тотчасъ же идетъ къ Широгорскому и говоритъ: — „ну, скотъ, *) кажи, что у тебя за книга"?. Да я и самъ не знаю, начала-то у него нѣтъ. Беретъ книгу и разсматриваетъ.—Да вѣдь это вотъ какая книга. называетъ ея заглавіе. Да ты гдѣ взялъ ее? Мнѣ хозяйка дала почитать. И пойдетъ бесѣда и о книгѣ и о хозяйкахъ. А между тѣмъ другой кто—нибудь подастъ ему другую книгу. И опять таже исторія и т. д. А между тѣмъ опять звучитъ звонокъ. Время ли урока и прошло.—А какъ же урокъ то, Иванъ Александровичъ? „Да вотъ скоты, съ вами все—такъ и провозишься!—Ну повторить старое, или прибавьте еще немного впередъ.—Хорошо.—До этого?—Да. Иногда порѣшатъ шалуны: не шумѣть сегодня. Въ классѣ могильная тишина. Входитъ Иванъ Александровичъ и начинаетъ гнѣваться, почему не слышно привычнаго и любимаго имъ шума. Занимается и все серчаетъ. И вдругъ встаетъ какой нибудь смѣльчакъ, и начинаетъ:—надобно бы поговорить съ Вами, Иванъ Александровичъ, да не смѣю".—Ну говори, скотъ!—Да слышали ли Вы невѣроятную новость?—Какую?—Вотъ Васильяновскій принесъ и разсказываетъ, будто-бы сегодня ночью Кубенское озеро выгорѣло"...—„Что, скотъ, оберъ скотъ? Да развѣ это возможно? Васильяновскій, ты съ ума сошелъ!"—Да мнѣ что! Я вѣдь тамъ не былъ, а мнѣ вотъ дорогой какая-то Кубенская баба сказала. отвѣчаетъ Васильяновскій. И за тѣмъ урокъ забытъ, и рѣчь пошла и о бабѣ, и о Кубенскомъ озерѣ и о самомъ Васильяновскомъ. „Да ты чей? Откуда? До тамъ то у тебя дядя какой то? А тамъ петухъ? А у васъ на погостѣ церковь стоитъ такъ, домъ священника такъ, а тамъ хижина просфорни, а тамъ бани? Знаю, знаю, ну, и скотъ же ты, Васильяновскій! Гм... Кубенское озеро выгорѣло..., выдумалъ". Въ классѣ шумъ и хохотъ. И опять урокъ прошелъ безплодно. И такъ бывало, правда, не всегда, но и не рѣдко. Теперь встанетъ вопросъ—что же узнавали ученики такого преподавателя по математикѣ? Да ничего, за исключеніемъ любителей, изучавшихъ ее болѣе или менѣе самостоятельно. А какъ сдавались экзамены? И экзамены сдавались удачно, благодаря все—какимъ приспособленіямъ, въ согласіи съ преподавателемъ. Въ наше время экзаменовали насъ въ семинаріи по билетамъ, приготовляемымъ са-

*) Слово „скотъ", а иногда, для усиленія кажущагося негодованія (всегда почему-то комичнаго), даже „оберт-скотъ" Иванъ Александровичъ въ подобныхъ случаяхъ употреблялъ вмѣсто фамиліи ученика.

мими учителями. Экзамены же производились въ теченіе года дважды,—передъ Рождественскими и передъ лѣтними каникулами. И вотъ пройденное за полгода разносилось, по конспекту, на билеты, часть коихъ дѣлалась на бумагѣ съ клеймами фабрики, а другая часть безъ клеемъ и раскладывались они на столѣ предупрежденнымъ заблаговременно преподавателемъ въ извѣстномъ для учениковъ порядкѣ. Они уже знали, какая часть уроковъ написана на билетахъ съ клеймами и безъ клеемъ, какая часть пройденнаго значится за тѣмъ на билетахъ, лежащихъ справа, какая—слѣва. Оборудовавъ все это заблаговременно, и начинали ученики готовить по математикѣ,—каждый то, что лучше зналъ. Вызывали къ столу обыкновенно трехъ учениковъ. Пока первый отвѣчалъ, слѣдующіе двое „соображались," а желающіе отпускались о. ректоромъ для просмотра, даже на мѣсто. Экзаменаціонная комиссія состояла обыкновенно изъ двухъ только лицъ—о. ректора и преподавателя того предмета, по которому шелъ экзаменъ. И дѣло всегда проходило благополучно, къ общему удовольствію и экзаменующихъ, и экзаменуемыхъ. Такое послабленіе, нужно замѣтить, допускалось только преподавателями второстепенныхъ предметовъ, а другими—нѣтъ, кромѣ случаевъ, когда самъ о. ректоръ разсудитъ дать возможность, экзаменующимся приготовлять двоимъ изъ спрошенныхъ отвѣты намѣстѣ, пока отвѣчаетъ первый. Письмоводители, фельдшера *) и пѣвчіе принадлежали всегда къ лику этихъ счастливцевъ чѣмъ и баловало насъ очень наше милостивое начальство, а меня особенно о. ректоръ Ювеналій, довѣривши мнѣ вести нѣкоторыя дѣла, уже не относящіяся къ канцеляріи семинарскаго правленія. Какъ-то въ декабрѣ 1858 года, по приходѣ моемъ въ философскій классъ, призываетъ меня къ себѣ о ректоръ, выноситъ въ залу какія-то книги и бумаги и говоритъ:—„вотъ меня просятъ написать за годъ приходо-расходныя книги по Вологодскому женскому монастырю. Онѣ не писаны за годъ; это дѣло я довѣряю тебѣ. Для образца вотъ книга старая, а вотъ и новая. Расходъ денегъ записанъ вотъ на этихъ бумагахъ, говорилъ онъ и указалъ на кучу бумажныхъ лоскутьевъ.—Но тутъ значатся такіе предметы расхода, которые не могутъ быть записаны въ книги.—Разсмотри старую книгу и разнеси расходъ на подходящіе предметы. А доходныя статьи тѣже, и въ томъ же количествѣ почти, что и въ прежнихъ годахъ, разумѣется, съ

*) И фельдшерами, да и дѣльными, были ученики семинаріи.

нѣкоторымъ колебаніемъ цифръ въ ту и другую сторону. Занимайся здѣсь у меня и не торопись, а въ случаѣ недоумѣнія и спрашивай — „Справлюсь ли я съ этимъ новымъ для меня дѣломъ? отвѣчалъ я, вѣдь я еще не умѣю считать на счетахъ“.— Ну, это пустое дѣло, сказалъ о. ректоръ, принесъ счеты, самъ показалъ мнѣ на нихъ единицы, десятки, сотни, тысячи и т. д. положилъ на нихъ, для примѣра какое то количество, заставилъ меня выговорить и заключилъ,— вотъ и вся наука. „Начинай завтра часовъ съ 9-ти и до 1 часу, а когда лучше заниматься вечеромъ, будетъ сказано“.— „И еще“, добавилъ онъ, „когда прибудутъ посторонніе люди, сейчасъ же кончай дѣло и складывай бумаги вотъ сюда“, и указалъ мѣсто. И вотъ я принялся за новое дѣло, не торопясь и осмотрительно. Между тѣмъ наступали Рождественскіе экзамены, а я все сижу за монастырскими книгами. И вотъ однажды я сажусь въ зало о. ректора за дѣло, а онъ идетъ одѣтый и говоритъ: „теперь ѣду я на вашъ экзаменъ, черезъ полчаса приходи и ты“.—Слушаю и исполняю. Черезъ полчаса прихожу на экзаменъ, какъ именинникъ, не имѣя въ рукахъ ни книжки, ни тетрадочки, называемой лекціями. Но кончила еще отвѣчающая тройка учениковъ своихъ отвѣтовъ, како о. ректоръ вызываетъ новую тройку и меня четвертаго и говоритъ. „идите на мѣсто и пока готовьтесь“. Билетъ попалъ мнѣ простой, а времени для приготовленія минутъ 15—20. Содержаніе билета мнѣ было знакомо и теперь прочитано не разъ и продумано основательно, по логикѣ, кажется. Отвѣчать было легко. Выслушавъ отвѣтъ, ректоръ сказалъ мнѣ: „хорошо,— или и занимайся своимъ дѣломъ“. Этимъ и кончались наши экзамены. По другимъ предметамъ уже спрошенныхъ по главному изъ нихъ и не спрашивали, безъ причинъ особенныхъ. Ко святкамъ я закончилъ книги, составилъ отчеты, сдалъ свои дѣла и книги услышалъ отъ о. ректора „спасибо“. А матушка игумения (Смарагда Розенъ, если не ошибаюсь [1]) хотя и бывала при мнѣ у о. ректора, своимъ вниманіемъ меня, мальчишку конечно, ниразу не удостоила. На слѣдующій годъ, осенью поручилъ мнѣ о. ректоръ новое и уже очень важное дѣло составленія новой описи церквей, корпусовъ настоятельскаго и братскихъ, а также

*) Въ Вологдѣ говорили тогда, что она была дочерью барона Розенъ получила обширное свѣтское образованіе, начинала появляться въ большомъ свѣтѣ и вдруг угадала въ монастырь, гдѣ она также не затерялась. Въ 35 лѣтъ отъ роду была уже Игуменьей съ украшенной скоро за тѣмъ грудью наперснымъ крестомъ. Но гдѣ и какъ закончила она свою карьеру,—мнѣ неизвѣстно.

мельницъ и всего имущества церковнаго и монастырскаго по Вологодскому Спасо-прилуцкому монастырю. Отъ этого дѣла я уже не отказывался и исполнилъ его, работая на мѣстѣ въ Прилукахъ, въ теченіе мѣсяца. За эту работу о. ректоръ нетолько сказалъ спасибо, но далъ сколько-то даже денженокъ.

На мѣсто добрѣйшаго о. инспектора отца архимандрита Діонисія, за выслугою на пенсію, оставившаго духовно-учебную службу при семинаріи, былъ опредѣленъ инспекторомъ въ 1860 г. молодой іеромонахъ Григорій Вонифатьевичъ, магистръ, родомъ Москвичъ. Вотъ подтянетъ-то семинарію, думали мы и ошиблись, на счастье, или несчастье свое. Разъ сидимъ мы на урокѣ психологіи у Протогена Вонифатьевича, разбиравшаго наши работы и дававшаго, по поводу ихъ же, тѣ или другія разъясненія. „Наша наука", говорилъ онъ между прочимъ, „не догматика.—Для меня не важно, что вы рѣшаете вопросъ въ согласіи съ теоріей даннаго времени, ибо онѣ мѣняются. А важно то, какъ вы, т. е. каждый изъ васъ въ отдѣльности думаетъ, широко-ли и глубоко-ли его мысль проникаетъ въ вопросъ, какъ человѣкъ освѣщаетъ его и какъ сильно, логично и умно доказываетъ свое мнѣніе". А на мое возраженіе, при другомъ случаѣ, въ частной бесѣдѣ, когда я говорилъ ему, что нашъ умъ не его умъ, не тѣ и познанія, что мы наговоримъ пожалуй и наивныхъ и глупыхъ вещей, онъ, успокоивая меня, отвѣчалъ: „вѣрьте себѣ, своему здоровому уму и говорите обдуманно и смѣло. —И еслибы ваши мысли были и не во вкусѣ большинства ни въ смѣшное, ни въ унизительное положеніе онѣ васъ не поставятъ". Покончивъ съ нашими сочиненіями и по поводу ихъ свою бесѣду съ нами, Протогенъ Вонифатьевичъ вдругъ ставитъ вопросъ: „а слышали вы кто назначенъ инспекторомъ нашимъ?" — Слышали, но никто ничего не знаетъ о немъ,—что это за особа, грядущая къ намъ.—„Ну такъ я вамъ скажу. Это мой товарищъ по академіи, монашествовалъ онъ еще студентомъ, какъ Москвичъ и, какъ монахъ, онъ магистръ,—и только— А какъ человѣкъ,—что онъ такое? ставимъ мы вопросъ.— „Человѣкъ котораго бояться нечего, да хотя онъ скоро пріѣдетъ, увидите и судите сами", заключилъ свой отзывъ о новомъ инспекторѣ нашъ уважаемый профессоръ. И пріѣхалъ нашъ инспекторъ дѣйствительно скоро, и увидѣли и услышали, и узнали, и не полюбили его, начиная кажется съ о. ректора и кончая послѣднимъ служителемъ. Физически этотъ человѣкъ такъ былъ

обиженъ природой, что лучше не описывать, даже вмѣсто голоса изъ устъ его раздавалась одна хрипота, а, по душѣ, дитя, пожалуй капризное, но далеко не умное, оскорблявшееся мелочами и досаждавшее людямъ. На серьезное дѣло онъ былъ не способенъ. Почему и при немъ, въ воспитательномъ отношеніи, семинарія осталась при тѣхъ-же дѣдушковыхъ порядкахъ, какіе были установлены старцемъ Діонисіемъ. Не прослужилъ онъ, бѣдный, и двухъ лѣтъ, какъ видно стало что людей, недовольныхъ имъ ужъ много. Однажды осеннимъ вечеромъ сидимъ мы въ канцеляріи; занимаясь своими дѣлами, кто готовитъ урокъ, кто пишетъ сочиненіе, кто читаетъ, кто переписываетъ канцелярскія бумаги. Вдругъ бѣшено забѣгаетъ къ намъ семинарскій фельдшеръ (по тогдашнему подлѣкарь) В. А. Рукинъ и говоритъ: „что вы тутъ сидите? Вѣдь инспектора чуть не убили!...“ — „Сумасшедшій! Что ты врешь!“ отвѣчаемъ ему.—„Говори толкомъ“. И Рукинъ разсказалъ намъ слѣдующее.—„Нѣтъ еще и часу, какъ вбѣжалъ къ намъ въ больницу келейникъ инспектора испуганный и сказалъ:—идите скорѣе къ намъ,—инспектора чуть не убили“.—Кто? какъ? Быть не можетъ, отвѣчали мы. Но онъ повернулся и убѣжалъ.—„Прихожу я къ инспектору, смотрю, сидитъ и плачетъ, а лицо и голова въ крови. Позвольте, говорю, я васъ обмою, осмотрю рану и перевяжу; вѣроятно ничего опаснаго нѣтъ. Не троньте меня, сказалъ инспекторъ, а позовите о. ректора, да скорѣе поѣзжайте за докторомъ.—„Да позвольте узнать, какъ это случилось? Вѣдь меня объ этомъ спросятъ“.—„А вотъ я сидѣлъ противъ окна у письменнаго стола за книгой, и въ меня съ улицы кто то бросилъ камень, попавшій мнѣ въ голову.—Видите, стекла пробиты въ обѣихъ рамахъ, а камень лежитъ на столѣ“. Камень былъ не меньше 3 фунтовъ и не больше по видимому 5.—Я къ о. ректору.—„Не пойду я къ нему“, сказалъ ректоръ, распросивъ меня.—„Это не больше, какъ царапина; поѣзжай впрочемъ къ доктору. Я туда. Докторъ оказался дома. Я доложилъ доктору, что кто-то съ улицы бросилъ въ инспектора камнемъ, угадалъ ему въ голову и окровянилъ его. Семинарскимъ докторомъ былъ тогда Михаилъ Петровичъ Максимовичъ, знатокъ своего дѣла, но хохолъ горячій и ни съ чѣмъ не считавшійся, при своей неудержимой экспансивности.—„Сейчасъ ѣду“, отвѣчалъ докторъ и сейчасъ же добавилъ: „Гм... бросили камнемъ, а почему не пулей“? — Вотъ поди и толкуй съ нашимъ док-

торомъ", заключилъ свой разсказъ фельдшеръ и пошелъ къ инспектору. Оказался дѣйствительно только ушибъ, съ поврежденіемъ наружныхъ покрововъ. Виновника искали, но не нашли. Но скверный фактъ остался фактомъ. Скоро потомъ перевели отца Григорія въ Вяземскую семинарію, оттуда и уволили совершенно отъ духовно училищной службы, съ возведеніемъ въ свое имя въ санъ игумена и архимандрита и съ опредѣленіемъ на должность одного изъ Московскихъ монастырей, гдѣ онъ не такъ давно и умеръ. Въ послѣдніе годы о. Григорій печаталъ въ Душеполезномъ Чтеніи резолюціи своего великаго благодѣтеля Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета.— И эта работа была покойному о. архимандриту и по душѣ и по плечу, уже безъ всякаго сомнѣнія. О преподаваніи его въ семинаріи я, какъ не его ученикъ, говорить ничего не могу, а какъ инспекторъ, напуганный притомъ дерзкимъ на него покушеніемъ, онъ уже не имѣлъ въ Вологдѣ никакого значенія. Не буду говорить я о методахъ и качествахъ всѣхъ тѣхъ преподавателей семинаріи, у которыхъ не учился. Всѣ они трудились честно и преподавали,— каждый свою науку,—какъ умѣли и какъ могли, по тогдашнему времени, при полномъ отсутствіи учебныхъ руководствъ и пособій. Желающіе учиться, могли учиться и у нихъ и оказывали приличные успѣхи во всѣхъ наукахъ. Не обширны были наши познанія, плохо знали мы математику, мало смыслили въ наукахъ естественныхъ, не сильны въ литературѣ, но мыслить мы могли и писать умѣли, не будучи краснобаями. Одного очень жаль, что не учили насъ проповѣди живымъ словомъ, а мучили на гомилетикѣ рукописной. Выйдя во священники, годовъ 10 я мучился со своими проповѣдями, составлявшимися по правиламъ гомилетики. Въ семинаріи поставили бы мнѣ за иную проповѣдь несомнѣнно 5, а сказавъ ее въ церкви моимъ прихожанкамъ и прихожанамъ въ деревнѣ, я видѣлъ, что онѣ ставятъ только 2 или 1.— Какъ такъ? Да такъ.—Вѣдь я вижу, что онѣ, слушая мою проповѣдь, только глазами хлопаютъ, а потомъ, слышу, и говорятъ: —„батюшка-то бѣдный ужъ учитъ насъ, учитъ этими проповѣдями, хорошо таково, и сладко говоритъ, да мы вотъ,—поди—ты,—темные люди, ничего не понимаемъ".. Вотъ такъ проповѣдникъ, думаю себѣ, хорошо таково говоритъ да люди не понимаютъ!... И заставили меня нужда и жизнь переучиваться. Но въ такихъ недочетахъ пастырскаго преподаванія и преподаванія вообще вино-

вато время и общее состояніе умовъ, за малыми исключеніями, предшествующихъ поколѣній, а не семинарскіе только преподаватели. Они и сами такъ писали, и такъ говорили, потому что такъ учены были. Спустя 50 лѣтъ легко обвинять людей далекаго прошлаго въ тѣхъ, или другихъ недочетахъ съ современной точки зрѣнія, но справедливо-ли? Я близко зналъ весь составъ семинарскихъ преподавателей своего времени, зналъ, какіе это вообще были хорошіе люди, готовые дѣлать и дѣлавшіе для своихъ учениковъ все, что могли, по духу времени, почему и признаю ихъ труды почтенными и ни отъ кого и никакихъ огульныхъ упрековъ не заслуживающими. Вѣчная имъ память и поклонъ до сырой земли!

Въ бытность Ювеналія ректоромъ Вологодской духовной семинаріи во время моего въ ней обученія, было здѣсь два важныхъ событія, изъ нихъ одно особенно замѣчательное. Это посѣщеніе города Вологды въ іюнѣ 1858 года Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. А другое событіе хотя и важное, но частное, относящееся только къ семинаріи. Это ея ревизія, которую производилъ о. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Сергій Ляпидевскій, впослѣдствіи Митрополитъ Московскій. Не помню, въ которомъ году была эта ревизія, но знаю, что она была пріурочена къ іюльскимъ экзаменамъ. Не знаю также, какъ обревизована была хозяйственная и воспитательная часть по семинаріи, но учебная просто. О. ревизоръ производилъ всѣ экзамены самъ, въ присутствіи членовъ правленія и при участіи того изъ преподавателей, по предмету котораго шелъ экзаменъ; экзаменовали по билетамъ, вызывая по три ученика, и спрашивали не по всѣмъ, а только по двумъ или тремъ предметамъ. Учителя и ученики, разумѣется, подтянулись и содѣйствовали одни другимъ во всемъ, сколько было возможно. Экзамены такимъ образомъ прошли благополучно. Успѣхи учениковъ найдены были удовлетворительными и г.г. наставники, повидимому, были признаны способными и благонадежными. Ни по воспитательной, ни по экономической части, послѣ ревизіи, никакихъ перемѣнъ не послѣдовало. Значитъ и эти стороны семинарской жизни найдены удовлетворительными. Послѣ іюльскихъ экзаменовъ въ наше время всегда бывали еще такъ называемые „публичные экзамены“; произведены они были и при о. ревизорѣ. По каждому предмету избирались наставниками 1 или 2 ученика изъ числа лучшихъ, и въ тоже

время избирались особенно интересные отдѣлы по каждому предмету, которые и должны были избранники изучить тщательно. За тѣмъ вслѣдъ за окончаніемъ обычныхъ экзаменовъ, назначался и публичный экзаменъ, на который приглашались, кромѣ архіерея и губернатора, всѣ любители просвѣщенія, изъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ. Интересно то, что приглашеннымъ на публичный экзаменъ лицамъ предоставлялось право ставить испытуемымъ воспитанникамъ всякія возраженія. Предсѣдательствовалъ епископъ. И вотъ когда, по примѣру предсѣдателя, станутъ раздаваться и со стороны посѣтителей дѣльныя возраженія, тогда для умныхъ учениковъ и высоко, въ курсѣ своей науки, стоящихъ преподавателей представлялся случай блеснуть умомъ, или познаніями. Какъ, бывало, вмѣстѣ съ профессоромъ предусматриваешь всѣ возможныя возраженія и не предусмотришь. Въ наше время интереснымъ считался психологическій вопросъ объ органахъ душевной жизни въ человѣкѣ (о сѣдалищѣ души). Этотъ отдѣлъ и приготовили мы по психологіи къ публичному экзамену, прослушавъ тщательно разборъ различныхъ теорій со стороны профессора; приготовились и успокоились. Наступилъ экзаменъ. Публики много. Преподаватели всѣ. Отвѣты учениковъ конечно ясны, точны и удовлетворительны. Такъ дошло дѣло и до психологіи. Спрошенъ былъ, кажется, Я. А. Соколовъ. Онъ взялъ билетъ, объявилъ содержаніе и сталъ спокойно и основательно излагать взгляды и рѣшенія науки. Протогенъ Вонифатьевичъ (это былъ его предметъ) ставитъ вопросы и одобряетъ рѣшенія ихъ со стороны отвѣчающаго воспитанника. И когда утверждено было положеніе, что мозговая система, точнѣе, головной мозгъ есть органъ душевной дѣятельности, слѣдовательно и жизни души въ человѣкѣ, Преосвященный Христофоръ.—онъ же и предсѣдатель,—раскрываетъ Библію и читаетъ какой-то стихъ изъ книгъ Моисея, откуда видно, что кровь даетъ жизнь человѣку, или что-то въ этомъ родѣ.—„А если такъ“, говоритъ затѣмъ Преосвященный, „причемъ же останется ваша наука, съ мозгомъ?—Въ самомъ дѣлѣ выпустите кровь изъ человѣка и онъ умретъ,—душа значитъ живетъ въ крови, а не въ мозгу“, заключилъ Владыка. Какъ ни хотѣлось намъ, чтобы нашъ профессоръ повелъ рѣчь съ Преосвященнымъ на эту тему, но онъ только улыбнулся и... ни слова больше. Тутъ, кажется, со стороны Преосвященнаго была допущена нѣкоторая передержка. По психологіи рѣчь шла объ

органахъ душевной дѣятельности въ человѣкѣ, а Владыка заговорилъ о жизненномъ началѣ организмовъ и утѣшался опроверженіемъ научной теоріи. По этой причинѣ, думаю, и не нашелъ удобнымъ настоять на научномъ рѣшеніи вопроса передъ предсѣдательствующимъ начальникомъ нашъ уважаемый профессоръ, хотя мнѣ и не удалось переговорить съ нимъ потомъ по этому вопросу. Читались на этихъ экзаменахъ и лучшія сочиненія лучшихъ воспитанниковъ по тому, или другому предмету. У меня сохранилось сочиненіе Ивана Александровича Кратирова *) на тему: *Зависѣніе дѣлъ нашихъ отъ вѣры*, читанное имъ, кажется, въ четвертомъ семинарскомъ классѣ на публичномъ экзаменѣ въ 1860 году и подаренное мнѣ на память. Вспоминали наши почтенные преподаватели времена святительствованія въ Вологдѣ знаменитаго Епископа Иннокентія Борисова и публичные экзамены при немъ въ семинаріи. Это были самые оживленные диспуты, въ которыхъ способный ученикъ давалъ только тему и тонъ. А Владыка ставилъ вопросы, которые не всегда по плечу приходились и учителямъ. И тогда онъ начиналъ самъ, охватывая вопросъ со всѣхъ сторонъ, рѣшать ихъ замѣчательно обстоятельно, мѣтко, порою и остроумно. А рѣчь такъ и лилась изъ устъ его неудержимымъ потокомъ и неотразимою эрудиціей. Въ наше время не могло быть такихъ возраженій со стороны и преподавателя и публики, но всѣ же они были, хотя и непродолжительны, и эти экзамены проходили оживленно, и намъ нравились. Но вотъ они кончились. Закончилась ревизія и учебный годъ, вмѣстѣ съ нею. Ученики разъѣхались по домамъ. Уѣхали на каникулы и двое изъ письмоводителей, а я, въ числѣ троихъ, оставленъ былъ въ Вологдѣ для занятій въ канцеляріи по текущимъ дѣламъ. Наши семинаріе и таланы, вслѣдствіе-ли ревизіи, или же по своему усмотрѣнію, стали мало по малу оставлять семинарскую службу. Такъ ушли изъ семинаріи въ слѣдующемъ учебномъ году о. инспекторъ архим. Діонисій, учителя Александръ Владиміровичъ Вячеславовъ (по прозванію баринъ), Екатерининскій священникъ Фаддей Алексѣевичъ Ржаницынъ, Иванъ Александровичъ Снятковъ, а въ слѣдъ за ними переведенъ былъ куда то и о. ректоръ архим. Ювеналій, уѣхавшій изъ Вологды

*) Ив. Ал—чъ Кратировъ, по окончаніи курса въ Московской духовной академіи въ 1864 г. со степенью магистра, впослѣдствіи былъ ректоромъ Харьковской семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и разумъ“, ректоромъ Петербургской академіи, Епископомъ Саратовскимъ и умеръ на покоѣ въ Москвѣ.

въ 1860 году какъ-то такъ тихо и скромно, что въ моей памяти ничего не сохранилось такого, относительно проводовъ его, что заслуживало бы вниманія. Въ послѣднее время, т. е. въ 1859 и 1860 годахъ онъ сталъ какъ-то замѣтно нравственно измѣняться, становясь все болѣе и болѣе апатичнымъ и равнодушнымъ. Удивляло насъ и то, что онъ, когда-то строгій монахъ, ревнитель церковныхъ порядковъ, устава и дисциплины, въ послѣднее время читалъ, лѣтней порою, въ праздничные и воскресные дни, при хорошей погодѣ передлитургійное правило не дома, не у себя въ кабинетѣ, а гуляя въ саду по аллеямъ. Ходитъ, читаетъ и крестится, какъ видѣли его тогда мы изъ оконъ канцеляріи. На какой-то почвѣ, незнаю, у него возникли недоразумѣнія даже съ Преосвященнымъ Христофоромъ, относившимся раньше къ нему всегда хорошо. И эти недоразумѣнія, повидимому, были такъ серьезны, что Преосвященный Христофоръ осенью 1860 года рѣшился произвести лично внезапную ревизію семинаріи, при чемъ и я чуть не нарвался на бѣду. Это было вечеромъ 26 сентября 1860 года, въ день семинарскаго праздника. Засидѣвшись на квартирѣ у товарищей, я пришелъ въ канцелярію, когда мои товарищи уже поужинали. Пошелъ я темнымъ и тѣснымъ корридоромъ стараго корпуса изъ канцеляріи на кухню ужинать одинъ. Смотрю, на встрѣчу идетъ какой-то монахъ, съ маленькимъ фонарикомъ. Вообразивъ, что это нашъ экономъ, я еще издали закричалъ ему: „ну что это вы!—Далеко-ли! А въ шубѣ и съ фонаремъ!.. Удивительно!..“. А Сашка, келейникъ архіерея, высунулъ голову изъ за плеча архіерея и грозитъ мнѣ кулакомъ. Замѣтивъ, что въ очень тѣсномъ корридорѣ, съ дикимъ и громкимъ крикомъ, иду прямо навстрѣчу архіерею, я ужаснулся. Что было дѣлать?.. Быстро обернувшись, я помчался назадъ, но не въ канцелярію, а въ залу, оттуда въ бурсу, изъ нея на дворъ, а со двора по среднему подъѣзду поднялся въ свой корридоръ и, незамѣтно войдя въ канцелярію, сталъ писать, какъ ни въ чемъ не бывало, какую-то бумагу. Преосвященный сидѣлъ уже въ присутственной комнатѣ правленія и отдавалъ распоряженія о томъ, чтобы немедленно вызвать всѣхъ членовъ правленія и отъискать попавшаго ему на встрѣчу въ корридорѣ „крикуна—юношу“. Изъ членовъ явился только одинъ инспекторъ іеромонахъ Григорій, да секретарь правленія. Павла Михайловича не оказалось дома. А объ. о. ректорѣ сказали, что уѣхалъ въ При-

луцкій монастырь за 5 верстъ отъ Вологды и въ семинарію сегодня не будетъ. Такъ и не состоялась ревизія, и юноша—прикунъ не былъ найденъ о. инспекторомъ. Трудно понять, на чемъ подловить въ данномъ случаѣ хотѣлъ Преосвященный о. ректора. Деньги хранились въ казначействѣ, отсюда ящика вечеромъ достать было нельзя, а приходорасходныя книги, всегда впрочемъ исправныя, безъ провѣрки суммъ, что могли дать ревизору? Можетъ быть онъ хотѣлъ лично провѣрить поведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ вечеромъ праздничнаго дня? Тогда почему не пойти бы ему по комнатамъ ихъ съ о. инспекторомъ и его помощникомъ Флавіемъ Васильевичемъ Скабовскимъ? Но онъ этого не сдѣлалъ и уѣхалъ домой, принятый семинаріей, какъ гость хотя и дорогой, но не жданный, не гаданный, холодно и непривѣтливо. Сколько было извѣстно, о. ректоръ не ѣздилъ къ Преосвященному и извиняться. Говорили даже злые языки, что о. ректоръ былъ въ семинаріи и велѣлъ только сказать, что уѣхалъ въ Прилуки. И уроками по догматикѣ осенью 1860 г. о. ректоръ Ювеналій почти не занимался, поручивъ свой предметъ Павлу Михайловичу Добрякову, и за ходомъ семинарской жизни пересталъ слѣдить. Для насъ все это было непонятно, но самъ онъ вѣроятно уже былъ извѣщенъ, что его перемѣщеніе, а можетъ быть и увольненіе отъ духовно-учебной службы—дѣло уже рѣшенное.

Съ ранней весны 1858 года въ Вологдѣ стало извѣстно, что съ наступленіемъ лѣта Государь Императоръ намѣревается ѣхать на коняхъ черезъ Вологду въ Архангельскъ, а оттуда и въ Соловки. Епископомъ нашимъ былъ тогда Христофоръ Еммаусскій изъ Петербургскихъ викаріевъ, губернаторомъ Стоинскій, а вице-губернаторомъ Пейкеръ. Всѣ вѣдомства и губернскія учрежденія стали заботливо и быстро подчищаться, казенныя зданія и частныя дома, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ, ремонтироваться, даже улицы, мостовыя и тротуары поправляться. Всюду замѣтно было возбужденіе и оживленіе. Вѣдь Царскія посѣщенія Вологды явленіе здѣсь сколько рѣдкое, столько же и желательное. Уже одно то, что, не уѣзжая никуда далеко, могу здѣсь увидѣть „своего Батюшку Царя“, „наше Красное Солнышко“,—одна эта мысль восторгала не только простыхъ крестьянъ, давно мечтавшихъ „о золотой волюшкѣ“, но и гражданъ Вологодскихъ нашего времени. Съ маѣ мѣсяцѣ стало уже оффиціально извѣстно, что Государь Императоръ прибудетъ въ

Вологду въ первой половинѣ іюня прямо изъ Петербурга, по Петербургскому почтовому тракту, на коняхъ и будетъ слушать обѣдню въ соборѣ. Наконецъ сталъ извѣстенъ и тотъ день, въ который изволитъ прибыть въ Вологду Государь Императоръ. Это было 15 іюня. Наступилъ и мѣсяцъ іюнь. Построены были и тріумфальныя ворота за Каменнымъ мостомъ, по направленію съ собору отъ рѣчки Золотухи, именно тамъ, гдѣ начинаются новые бульвары, устроенные, въ память этого, полнаго ожидаемаго посѣщенія Вологды Его Императорскимъ Величествомъ, подъ неусыпнымъ присмотромъ тогдашняго вице-губернатора Ив. Ив—ча Пейкеръ. Уже близко и желанный день. Вологда стала наполняться массами людей, отовсюду прибывающихъ въ городъ въ несмѣтномъ количествѣ. Ко дню прибытія въ Вологду Его Императорскаго Величества сюда собрались не только окрестное населеніе, но и жители уѣздовъ Вологодскаго, Грязовецкаго, Кадниковскаго, Тотемскаго и Вельскаго. Не стало въ городѣ наконецъ достаточно квартиръ ни въ гостиницахъ, ни на постоялыхъ дворахъ, ни въ домахъ гражданъ. Не мѣстныя толпы людей, и днемъ и ночью, ходили, сидѣли и спали на площадяхъ и улицахъ. Обнаружилось при этомъ очень скоро и то, что городъ не въ силахъ былъ изготовлять достаточное количество хлѣба, почему и было отдано распоряженіе готовить хлѣбъ въ деревняхъ и доставлять его въ Вологду. И вотъ онъ, этотъ день, насталъ Съ ранняго утра весь городъ на ногахъ. Наступилъ полдень,—Государя нѣтъ. Вотъ и 4 и 5 и 6 часовъ по полудни, а Его Величества все еще нѣтъ. Всеобщее напряженіе возрастало. Многіе шли за городъ на Петербургскій трактъ. А нѣкоторые изъ вороныхъ (называли имена кн. Гагарина и Скуловскаго) ждали Государя гдѣ-то не далеко отъ Петербургскаго тракта и Вологды въ усадьбѣ, откуда и мчались сюда, не дождавшись Его, около 8-ми часовъ вечера. Публика, завидѣвъ лихую скачку лошадей и быстро мчавшіеся экипажи, вообразили что ѣдетъ Государь и подняли тревогу. Раздался, кажется, даже звонъ на колокольняхъ, прекращенный впрочемъ скоро, когда стало извѣстно, кто съ Петербургской дороги пріѣхалъ въ Вологду. Но Государя все еще не было. Весь этотъ день пришлая и пріѣзжая публика, бродившая по городу, въ ожиданіи Императора, расположилась какъ-нибудь на ночлегъ тамъ, гдѣ застигла ее ночь, на бульварахъ, въ садахъ и лужайкахъ городскихъ пустырей. Тамъ же спали эту ночь и многіе изъ семинарской и

гимназической молодежи. О преосвященномъ Христофорѣ говорили, что онъ ожидалъ Его Величества въ полномъ облаченіи въ городѣ до 2 часовъ ночи, а за тѣмъ разшѣлся и ушелъ домой отдохнуть.—Утомленный ходьбою въ теченіе цѣлаго дня, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, Андрей Егоровичъ Лобановъ, я крѣпко заснулъ, притиснись подъ березкой на углу бульвара у Владимірской улицы и церкви. Кругомъ меня было множество людей спавшихъ и не спавшихъ.—Вдругъ слышу, кто-то меня будитъ, толкаетъ и говоритъ: „Эй, ты, точеная голова (остриженная чисто) вставай!—вишь, зазвонили, а то проспишь!“ Разбуженный вскочилъ, протеръ глаза и народъ мечется во всѣ стороны, не зная, по какимъ улицамъ и куда поѣдетъ Государь.—Я, говорилъ Лобановъ, почему-то понесся къ собору. Было 4 часа утра. Вижу, скачутъ туда и обратно конные жандармы. Прибѣгаю къ собору. Соборъ запертъ. И отъ него направляется большой дорожный экипажъ, гдѣ и былъ Государь Императоръ, привезенный къ запертому собору почемуто. — „Это что?“ будтобы спросилъ Государь, увидѣвъ храмъ. Ему отвѣчали: соборъ.— „Везите на квартиру“, сказалъ Императоръ. А квартира приготовлена была Его Величеству въ домѣ губернатора, гдѣ онъ и долженъ былъ отдохнуть до обѣдни, назначенной въ 10 час. утра. Но отдохнуть едвали удалось Его Величеству, хотя утомленный продолжительною ѣздою по грунтовой дорогѣ, на пространствѣ 700 верстъ, и днемъ и ночью непрерыгно, и нуждался онъ въ отдыхѣ несомнѣнно очень и очень. Когда вышла наша канцелярія въ 7 часовъ утра на улицу, по набережной рѣки Вологды противъ семинаріи, находящейся рядомъ съ губернаторскимъ домомъ, невиданное зрѣлище предстало предъ нашими взорами.—Вся наша и зарѣчная набережная улицы Вологды отъ Соборнаго моста къ мосту Красному и дальше къ Фрязинову, съ пересѣкающими ихъ улицами были буквально запружены народомъ. Не проѣхать, а пройти по нимъ было невозможно. И эти многотысячныя толпы, столкнувшіяся въ тѣсную массу, то и дѣло оглашали воздухъ кликами: „ура!“ Ваше Царское—Величество, ура! „Выйди Ты, на улочку, покажись. Ты, намъ, красное солнышко!“ Или— „Воля-то, воля-то скоро ли будетъ намъ?—Скажи Ты намъ, Батюшка?“ Сопутствовавшій Государю Императору графъ Адлербергъ 2-й выйдетъ, помню, на балконъ губернаторскаго дома, поуговариваетъ толпу вѣжливо, скромно, даже попроситъ ее дать хотя не много отдохнуть Государю, увѣряя, что

онъ покажется народу, что онъ для того и ѣдетъ, чтобы взглянуть на свой народъ, утѣшить и успокоить его. Народъ затихнетъ не надолго. Потомъ опять и опять начинаютъ раздаваться тѣже возгласы. И такъ прошло все время до самой обѣдни. Говорили, что передъ обѣдней Государь выходилъ на балконъ взглянуть на свой народъ, пришедшій въ неизъяснимый восторгъ отъ одного ласковаго взгляда своего любимаго Монарха. Но я этого не видѣлъ. А на поѣздку Государя Императора къ обѣднѣ въ соборъ смотрѣли мы изъ оконъ нашей столовой (нынѣ квартиры о. ректора *). И это была картина невообразимая и неизобразимая, кажется, до какой степени любитъ нашъ народъ православный своего Государя. Погода была прекрасная. Въ открытомъ фаэтонѣ, запряженномъ парою вороныхъ лошадей, сидѣлъ Государь рядомъ съ губернаторомъ. За ними слѣдовали другіе экипажи и другіе сановники. Но не туда устремлены были наши мысли и взоры. Все громадное пространство между губернаторскимъ домомъ и семинаріей съ одной стороны и между гимназіею со стороны другой было запружено народомъ. Экипажъ Государя едва двигался. Къ Государю не тотчно лѣзли люди, смотрѣли Ему въ глаза, цѣловали руки, одежду, подхватывали лошадей и экипажъ, что бы нести Царя въ соборъ на рукахъ. Конные жандармы пробовали, было, раздвинуть массу, но Государь приказалъ только заботиться, чтобы не придавить кого. А народу ласково говорилъ Самъ: „пустите Меня, Мнѣ пора ѣхать, дайте дорогу!“ Не могу сказать, долго-ли такимъ образомъ ѣхалъ Государь въ соборъ къ обѣднѣ, у которой я не былъ. Узнали мы потомъ, что служба шла скоро, управлялъ хоромъ регентъ придворнаго пѣвческаго хора, бывшій въ свитѣ Государя, Государь стоялъ подлѣ праваго клироса, а протодіаконствовалъ уже новый протодіаконъ Стефанъ Образцовъ, замѣнившій протодіакона А. И. Яблонскаго, уволеннаго отъ должности за излишнее, безъ сомнѣнія, употребленіе водки, дня только за три до прибытія Государя въ Вологду. Яблонскій такъ и не служилъ, а стоялъ обѣдню на лѣвомъ клиросѣ. У насъ же въ этотъ день заболѣлъ нашъ секретарь. Между тѣмъ дано было о. ректору знать, что можетъ случиться, что тотчасъ послѣ

*) Нынѣ здѣсь садикъ, деревья котораго такъ разрослись, а тогда его не было. Онъ устроенъ въ наше время, но послѣ 1858 года. Въ наше время входъ былъ между семинаріей и губернаторскимъ домомъ,—тамъ, гдѣ теперь черный дворъ.

обѣдни Государь посѣтитъ семинарію. Мы должны были часа въ два извѣстить всѣхъ, по возможности, учениковъ и учителей семинаріи и сами находиться въ канцеляріи. Это мы все устроили. Въ 11 часовъ стали собираться въ семинарію ученики и преподаватели. Въ половинѣ 12 го Государь вернулся на свою квартиру, а въ 12 часовъ уже былъ въ семинаріи. О.о. ректоръ и инспекторъ едва успѣли пріѣхать изъ собора до прибытія сюда Государя. И въ наше время залъ былъ въ томъ юго-восточномъ углу корпуса, гдѣ и теперь, только не двухъсвѣтный. Государь пожаловалъ со своею свитою изъ губернаторскаго дома въ семинарію, по набережной, пѣшкомъ и отсюда поднялся во второй этажъ по лѣстницѣ зданія, покрытой краснымъ сукномъ. Ученики семинаріи поставлены были рядами лицемъ ко входу, но г.г. преподаватели во внутреннемъ, т. е. сѣверо-западномъ углу ея образовали свою особую группу. Вступивъ въ залу, Государь изволилъ сказать: „здравствуйте, дѣти!". Дѣти отвѣтили поклономъ и запѣли по странному распоряженію начальства, не „Спаси, Господи, люди, Твоя," а „Царю небесный"... Прослушавъ молитву, Государь сдѣлалъ легкій поклонъ, взглянулъ на о. ректора и быстро пошелъ осматривать семинарію. Семинарское правленіе, куда мы успѣли уже незамѣтно юркнуть изъ залы, оказалось первымъ на пути Царскаго осмотра зданія. Разговаривая съ о. ректоромъ о преподавателяхъ и о зырянскомъ языкѣ, Государь, отвѣтивъ на нашъ общій поклонъ легкимъ кивкомъ головы, быстро прошелъ наши двѣ комнаты канцелярскую и присутственную и также быстро пошелъ далѣе. Въ нѣсколько минутъ Государь осмотрѣлъ весь семинарскій корпусъ, вышелъ на дворъ семинаріи и оттуда пѣшкомъ же ушелъ на плацъ-парадное мѣсто, занимающее площадь между семинаріей и гимназіей, гдѣ стояли уже находившіяся въ то время въ Вологдѣ войска, подъ командою севастопольскаго героя Мольскаго, раненнаго въ голову, почему и было ему Высочайше разрѣшено носить фуражку, а не каску, причемъ генералъ Кобелевъ почему-то стоялъ въ строю, на правомъ флангѣ. Интересно было смотрѣть изъ оконъ семинарской столовой, какъ Государь, встрѣченный у цѣпи Мольскимъ, изволилъ шествовать съ нимъ къ стоявшему въ строю батальону. И Мольскій былъ молодой, стройный высокій и красивый мужчина, но, въ сравненіи съ Государемъ, терялъ почти всю свою прелесть. Государю было тогда сорокъ только лѣтъ. Высокаго роста, прекрасно сложен-

ный, съ добрыми, голубыми глазами, замѣчательно красивый, онъ казался выше Мольскаго на цѣлую голову и своею, по истинѣ Царскою походкою, производилъ на всѣхъ насъ неотразимое, чарующее впечатлѣніе. Государь шелъ по плацъ-параду крупными шагами, а Мольскій слѣдовалъ за нимъ буквально въ припрыжку. А нашъ о. ректоръ такъ убѣгался по семинаріи съ Государемъ, что едва отдышался, хотя тоже былъ мужчина не малаго роста. Съ плацъ-парада Государь ушелъ въ гимназію, а потомъ уже поѣхалъ на коняхъ, весь день посвятивъ непрерывному обозрѣнію Вологды. А народъ, куда Государь, туда и онъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Вечеромъ не надолго Государь завѣзжалъ въ Дворянское Собраніе, гдѣ былъ конечно и днемъ. Слышно было,—что здѣсь одна бойкая барышня, дочь предводителя дворянства Челищева, бывъ удостоена Высочайшаго вниманія, осмѣлилась просить у Императора, на память себѣ, перо изъ каски Государя, но удовлетворенія не получила А въ гимназіи Государь, увидѣвъ въ столовой скоромную пищу, когда былъ Петровъ постъ, будтобы замѣтилъ директору Латышеву, что напрасно начальство гимназіи приучаетъ дѣтей къ нарушенію постовъ. По утру того дня много говорили въ Вологдѣ о преосвященномъ Христофорѣ, проспавшемъ дескать Государя, говорили, что уже не сдобровать старику, но когда узнали, что на пріемѣ у Государя министръ двора, въ присутствіи Его Величества, передавъ Епископу поклонъ Императрицы, лично знавшей и уважавшей его, то убѣдились, что ничего худого съ нимъ не случится. Такъ и вышло Государь былъ къ нему милостивъ. Часовъ въ 11 вечера тогоже дня послѣдовалъ выѣздъ Государя Императора, также на коняхъ, какъ и въ Вологду, въ Архангельскъ. Около этого времени я пошелъ по Красному мосту, гдѣ полиція уже освобождала мостъ, по которому долженъ былъ ѣхать Государь, отъ народа. Я подошелъ со стороны семинаріи въ ту самую минуту, когда одна часть чиновъ полиціи отодвигала народъ за рѣку, а другая, увлекшись очищеніемъ къ мосту пути уже выѣхавшему со двора губернаторскаго дома Государю, оставила свободнымъ проходъ на мостъ отъ семинаріи, гдѣ публики на этотъ разъ не было. Весь народъ толпился теперь въ третьей части Вологды, по пути къ Архангельской заставѣ и Спасоприлуцкому монастырю, начиная отъ воротъ губернаторскаго дома. Я одинъ одинешенекъ вошелъ свободно на мостъ и остановился тамъ, гдѣ мнѣ понравилось. По мосту кони шли

ступью, Государь сидѣлъ, какъ и при поѣздкѣ въ соборъ съ лѣвой стороны экипажа. На правомъ боку сидѣлъ Адлербергъ. Въ ногахъ у Государя сидѣла большая черная собака, на которой покоилась рука Его Величества. Снявъ фуражку, я сдѣлалъ низкій поклонъ Императору и долго имѣлъ возможность смотрѣть на него. Не смотря на то, что я стоялъ совершенно одинъ, Государь все—таки, отвѣчая на поклонъ, сдѣлалъ знакъ вниманія рукою подъ козырекъ. Громовое „ура“—изъ конца въ конецъ теперь, около близкой полуночи, шумно разносилось по всей Вологдѣ, еще не менѣе получаса потрясая воздухъ. Такъ по моимъ наблюденіямъ, въ 1858 году Вологда встрѣчала и провожала своего возлюбленнаго Монарха, который считается четвертымъ изъ Коронованныхъ особъ, удостоившихъ своими посѣщеніями нашу почтенную старушку Вологду. Наглядными предметами, возбуждающими воспоминанія объ этихъ Царскихъ посѣщеніяхъ нашего города донынѣ служатъ—объ Александрѣ II-мъ—свѣтлорядскіе бульвары съ поперечными линіями соборными и Ильинскою, объ Александрѣ I-мъ старый Власіевскій большой бульваръ съ поперечною линіею Владимірскою, устроенный въ память посѣщенія Имъ Вологды, о Петрѣ Великомъ напоминаетъ намъ домикъ Его, а объ Іоаннѣ Грозномъ Софійскій соборъ, построенный этимъ Державнымъ Посѣтителемъ.

Не знаю, ошибаюсь я, или нѣтъ, но мнѣ думается, что мой благосклонный читатель ждетъ еще отъ меня продолженія воспоминаній о нашей жизни въ семинаріи. Онъ ждетъ быть можетъ бытовыхъ картинъ изъ жизни нашей духовной школы, картинъ бурсацкой жизни такихъ, какими прославился Помяловскій. Извиняюсь и отказываюсь. Такого удовольствія доставить моимъ читателямъ я не могу и потому, что не обладаю даже въ отдаленной степени талантомъ Помяловскаго, и потому, что не имѣю для такихъ картинъ подходящаго матеріала. Наша жизнь и квартирная и бурсацкая шла просто, смирно, прозаично. Ходили въ классъ, учили уроки, писали свои лекціи и сочиненія, а потомъ, по мѣрѣ умственнаго развитія, читали, разсуждали, иногда и диспутировали. На досугѣ гуляли, для чего достаточно было лѣтней порою разъ вечеркомъ пройтись по бульварамъ, а зимою бурсаку, не имѣвшему теплой одежды, гулять было не повадно, ибо „прозябеніе предразсуждало будущаго священника“, по шутливому признанію самого бурсака, хотя иногда бравируя и говоритъ онъ „собака не тронь бурсака, бурсакъ самъ собака“. А

Зимою семинаристы нашего времени любили гулять неудержимо только во время январской ярмарки. Сюда тянули ихъ „бѣлоножки“. Сказать вамъ,—кто это? Хорошо, извольте,—это деревенскія поповны, привозимыя въ ярмарку по дѣлу и безъ дѣла, а просто такъ, для гулянья, иногда издалека. Когда, бывало, Устроившись у извѣстнаго столба въ ярмарочномъ зданіи вверху (существуетъ-ли онъ нынѣ?), разсматриваете молодыхъ особъ женскаго пола съ верхнихъ частей ихъ корпуса, то ничего не замѣчаете особеннаго за сельскими барышнями. И на головѣ шляпка, и на плечахъ шубка, какъ и на горожанкахъ, хотя тонкіе знатоки дѣла и по головному убору и по верхней одеждѣ, а особенно по походкѣ и позитурѣ, умѣли отличить городскую барышню отъ сельской. Но вотъ когда вы взглянете на ноги, тогда увидите, что сельскія поповны и дьяконовны и есть „бѣлоножки“. Почему? Да потому, что родители ихъ обували въ бѣлыя катаники, въ которыхъ и разгуливали онѣ по Вологдѣ зимою. А горожанки и въ наше время, особенно молодыя дѣвушки, носили и зимою башмаки и колоши, хотя и катаныя быть можетъ, но черныя Что сказать еще о нашихъ развлеченіяхъ? Были конечно между нами и любители веселья, умѣвшіе около ночи сходить куда-нибудь въ село на гулянье и къ утру, какъ ни въ чемъ не бывало, вернуться въ семинарію. Дѣлалось это и съ вѣдома начальства, въ видѣ отпуска подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, дѣлалось и контрабандой, наудачу. Но если такія самовольныя экскурсіи въ села на гулянья проходили безъ скандаловъ, наше начальство относилось къ нимъ снисходительно. А скандалы если и случались, то очень рѣдко. Здѣсь уже по степени вины слѣдовало и наказаніе виновнаго. Не часто, но бывали иногда танцевальные вечера и у такихъ лицъ изъ городского духовенства, у которыхъ были возрастные сыновья и дочери, приглашавшіе на нихъ однѣ своихъ подругъ, а другіе друзей. Почему же не ходить туда молодымъ людямъ посидѣть, поговорить, повеселиться! И ходили, и веселились тѣ, кого приглашали. Разъ одинъ отецъ семейства, изъ числа Вологодскихъ отцовъ дьяконовъ, имѣвшій возрастныхъ сына и дочь красавицу дѣвицу и жившій въ церковной сторожкѣ въ самомъ корпусѣ храмового зданія, по просьбѣ дѣтей, устроилъ въ своей квартирѣ танцевальный вечеръ. На этотъ вечеръ приглашено было столько дѣвицъ и мужчинъ, изъ числа товарищей сына семинариста и подругъ дочери, сколько въ квартирѣ помѣститься мог-

ло. Но въ числѣ приглашенныхъ почему то не оказался одинъ изъ видныхъ товарищей сына о. діакона извѣстный уже въ Вологдѣ поэтъ Сиротинъ. Сиротинъ обидѣлся и жестоко отомстилъ своему недальновидному товарищу, и не только ему, но и всей семьѣ отца его. Когда шла на этомъ вечерѣ пляска веселящейся молодежи, Сиротинъ, посидѣвъ на соборной горкѣ, прошелъ мимо этой церковной квартиры, зашелъ въ гостинницу „Парижъ“, гдѣ и написалъ весьма извѣстное въ свое время стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Вечеръ Б....а“. Для того, чтобы дать читателямъ понятіе о силѣ и язвительности языка Сиротина, я пожалуй могу прочитать съ памяти хотя начальные стихи изъ этого не цензурнаго, какъ и большая часть его стихотвореній, эскиза. Вотъ его начало.

Разъ случилось въ часъ вечерній
Мнѣ долгонько погулять,
И я шелъ съ горы соборной
Въ даль, туда гдѣ рыбный рядъ.
Вижу я, Чертогъ Спасенья
На пути моемъ стоитъ,
Это церковь Вознесенья.
Подхожу. И что за видъ!
Въ окнахъ тамъ свѣчи мелькаютъ,
И трезвонятъ, и поютъ,
Танцы, пляска. Знать, играютъ
Грую ягоду мою... и т. д.

Описавъ безпощадно далѣе сына и отца, и обозвавъ все собраніе молодежи глупымъ стадомъ Гадаринскихъ свиней, жестокій поэтъ не пощадилъ и ни въ чемъ не повинной передъ нимъ дочери о. дьякона. Онъ говорилъ объ ней:—

А Раиса молодая,
И рѣзвяся, и играя,
Съ раскраснѣвшимся лицемъ,
Лихо пляшетъ съ молодцемъ.
То, какъ серна, быстро вскочитъ,
То, какъ пава, проплыветъ,
То вернется ловко, браво,
То вдругъ медленно пройдетъ.

На другой день это стихотвореніе уже было у Епископа, а по городу распространилось изъ гостинницъ въ сотняхъ списковъ и произвело большую сенсацію. Отцу же дьякону оно при-

несло много хлопотъ и горя. А бѣдная дочь его такъ была поражена ея публичнымъ осмѣяніемъ и широко развернувшимся скандаломъ, что вскорѣ послѣ этого захворала отъ стыда и тоски и умерла

Еще имѣлъ мѣсто такой случай. Въ день праздника 3-го іюня въ Вологодскомъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ ректоръ семинаріи архимандритъ Ювеналій, спустя нѣкоторое время послѣ обѣдни, онъ замѣтилъ одного изъ своихъ семинарскихъ пѣвчихъ въ нетрезвомъ видѣ и распорядился убрать его въ монастырскую кутузку, подъ замокъ. Провинившійся пѣвчій, изъ учениковъ семинаріи, вошелъ туда покорно, прилегъ и уснулъ. Выспавшись скоро, онъ сталъ подумывать, какъ-бы выбраться изъ своей засады Окошечко маленькое, и то едвали еще не съ желѣзной рѣшеткой, двери заперты и людей никого не видно. Стало быть и взывать о помощи безполезно. Оказалось однако, что о. ректоръ не забылъ о своемъ арестантѣ и пошелъ, гуляя, мимо окна монастырской кутузки. Увидѣвъ его заключенникъ нашелся и сейчасъ же, по церковному, гласомъ великимъ — а у него былъ здоровый басъ,— затянулъ: „изведи изъ темницы душу мою!“... О ректоръ не обидѣлся, но, подойдя къ окну, спросилъ только: „За чѣмъ, негодяй?“ Тотчасъ же изъ темницы раздался тѣмъ-же басомъ, хотя и громко, но въ тонѣ уже чувствительно покаянномъ, речитативомъ, голосъ грѣшника: „исповѣдаюся имени твоему“. Этотъ отвѣтъ и тонъ понравился о. ректору, который и приказалъ немедленно выпустить виновнаго изъ карцера, не подвергая его болѣе уже никакому взысканію.

Въ послѣдніе два года моей семинарской жизни былъ открытъ для учениковъ семинаріи, изъ числа состоятельныхъ, такъ называемый пансіонъ, который наши бурсаки и окрестили „звѣринцемъ“. Въ немъ жило человѣкъ, кажется, 5—6, не болѣе, на своемъ содержаніи, пользуясь только помѣщеніемъ и прислугою. Что же здѣсь было особеннаго? Особенное было то, что они одѣвались чисто, чай пили съ булками, столъ имѣли хорошій и праздновали свои именины. А узнаетъ, бывало, о. ректоръ, уже архим. Іонаѳанъ, что въ извѣстный день въ звѣринцѣ есть именинникъ и у него гости,—и пожалуетъ туда не званный, не прошеный. Гостей онъ поразгонитъ, именинника поздравитъ, по своему, т. е. побранитъ порусски, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, бутылочки порасплещетъ по полу и уйдетъ, какъ побѣдитель.

„Ну, а поведеніе какое, спросите вы, ставилось виновникамъ“ Конечно четверка. Тройку поведенія давали въ наше время только завзятымъ скандалистамъ, при томъ лѣнтяямъ, какъ кандидатамъ на увольненіе изъ семинаріи, по прошенію, или по малоуспѣшности.

Но мнѣ хотѣлось бы вернуться къ семинарскому поэту предшествующаго нашему впрочемъ времени Василью Ивановичу Сиротину. Онъ старше меня на три курса, но, какъ поэтъ, онъ такъ широко былъ извѣстенъ въ Вологдѣ, что съ кѣмъ вы ни заговорили бывало, всѣ знали его. А въ семинаріи и до сего времени, кажется, помнится имя Сиротина. Да, это былъ поэтъ, правда, большею частію нечистоплотный и не дорожившій талантомъ, хотя въ прологѣ къ поэмѣ: „На докладѣ у сатаны“ и рекомендуется между прочимъ хвастливо и гордо такимъ образомъ:

Я Данте другъ по Аполлону,
Собратъ по лирѣ мнѣ Гомеръ.
Такъ дайте-жъ путь мнѣ къ Геликону,
Скрывать таланты не манеръ.

Его стихотворенія: „Друзья свобода наша пала“..., Улица, улица ты, братъ, пьяна“..., „Колокольчики звонятъ“..., „Вечеръ Б...а“, „На докладѣ у сатаны“ конечно нигдѣ не были напечатаны и не могли быть напечатаны въ то время, но были широко извѣстны. Лично мнѣ нравилась поэма Сиротина—„на докладѣ у сатаны“. Она, къ сожалѣнію, у меня не сохранилась. А если у кого сохранилась она, то ее даже нынѣ, кажется слѣдовало-бы напечатать. Идея этой поэмы осмѣяніе пороковъ извѣстнаго времени. А построеніе ея такое. Адъ. Подробное и сильное описаніе его въ Русскомъ народномъ духѣ, со всѣми ужасами мукъ грѣшниковъ. И тамъ въ центрѣ его тронная зала сатаны. Тронъ его. Сатана уже на тронѣ. Передъ нимъ въ дьявольски почтительной позѣ стоятъ всѣ дьяволы, которымъ поручено было развращать каждый городъ въ Россіи, и докладываютъ почтительнѣйше о своихъ трудахъ и успѣхахъ. Дослушивая послѣдняго изъ докладчиковъ и окидывая мрачнымъ взоромъ свою залу, вдругъ сатана гнѣвно спрашиваетъ: „а гдѣ же Вологодскій чертъ“? И Вологодскій чертъ въ туже минуту предсталъ передъ нимъ и повелъ свой докладъ, какъ опытный докладчикъ и не плохой ораторъ.

И послѣ привѣтсвія и общей характеристики жизни людской докладчикъ, вертя отъ удовольствія хвостомъ, начи-

наетъ описывать очень мѣтко все грѣшное въ жизни Вологжанъ, по профессіямъ, не исключая даже калачницъ базарныхъ. Съ концемъ доклада Вологодскаго черта кончалась и поэма, производившая угнетающее впечатлѣніе своею страшною правдою и реальностію. А начиналась она такъ:

Въ аду, подъ закоптѣлымъ сводомъ,
Гдѣ жарятъ грѣшниковъ въ огнѣ
И гдѣ все занято народомъ
Не только на полу, но даже на стѣнѣ.

И за тѣмъ шло подробное описаніе адскихъ мученій, по народному представленію. Кто болтался повѣшеннымъ на стѣнѣ за ребро, кто за языкъ, кто варился въ котлѣ, кто жарился въ огнѣ, а кто скрипѣлъ зубами, страдая въ холодильникѣ. И эти всѣ картины были обрисованы сильными штрихами и довольно легкимъ и свободнымъ стихомъ, такъ что нѣкоторыя мѣста изъ этой поэмы и самая идея ея не забываются во всю человѣческую жизнь. А между тѣмъ самого творца ея давно уже нѣтъ на свѣтѣ. По окончаніи семинарскаго образованія, онъ принялъ санъ священника со взятіемъ неграмотной дѣвушки гдѣ-то въ зырянскомъ краѣ. Жена его не любила ни книгъ, ни писаній. Онъ писалъ, а она сжигала. Онъ сталъ больше пить, а она больше браниться. Жизнь превратилась въ адъ. Скоро впрочемъ онъ овдовѣлъ. Лишившись жены, лишился онъ и мѣста. Начались печальныя странствованія по монастырямъ.

Живу на Каменномъ у Спаса,
Пріютъ мой нынѣ монастырь.
Весь скарбъ мой—сапоги да ряса,
А библіотека—псалтырь.

Такъ писалъ онъ по какому-то случаю въ одномъ изъ писемъ своихъ Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ, которая и пожаловала его, помнится, за это большое письмо стихами, 50-ю рублями. Но деньги шли у него уже на одну водку, совершенно разстроившую его здоровье. Отъ нея конечно онъ и умеръ давно и преждевременно, но какую и гдѣ Господь послалъ ему кончину—ничего не знаю

IX.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ я уже имѣлъ случай замѣтить, что любилъ заходить къ намъ въ канцелярію тогдашній Вологодскій протодіаконъ А. И. Яблонскій, при томъ всегда вечеркомъ. Мы интересовались его разсказами и для того,

чтобы легче было вызвать его на воспоминанія о дѣлахъ минувшихъ дней, иногда и купимъ для него бутылочку водочки. И вотъ онъ, помѣрявшись съ Петромъ Михайловичемъ Гвоздевымъ шуточно своею могучею октавою, однажды какъ-то разошелся въ откровенностяхъ особенно и самъ поставилъ вопросъ: сказать толи вамъ, какъ я протодіакономъ сталъ? - Скажите; все, что можно, разскажите; Ваши расказы нетолько интересны, но и поучительны, обыкновенно отвѣчали мы. — Хорошо. Такъ слушайте, замѣтилъ онъ и сталъ разсказывать о себѣ слѣдующее. — Протодіакономъ сдѣланъ я въ 1841 году незабвеннымъ Архипастыремъ Иннокентіемъ. Царство ему небесное! Перекрестился и смутился нашъ о. протодіакомъ. — Что съ вами? Спрашиваемъ мы. — Слушайте и узнаете, отвѣчалъ и сталъ продолжать едва начатый разсказъ. — Залѣнившись учиться, я вышелъ изъ философскаго класса семинаріи и былъ опредѣленъ на должность причетника къ Козленской церкви въ Вологдѣ. Пѣлъ я давно уже басомъ и года два—три былъ пѣвчимъ архіерейскаго хора. Послѣ увольненія отъ должности протодіакона Кикина, обладавшаго сильнымъ басомъ, нѣкоторое время протодіаконствовалъ нѣкто Макарьинъ, владѣвшій посредственнымъ голосомъ. И подумывалъ я, что Вологодское протодіаконство отъ меня не уйдетъ. А о Кикинѣ я долженъ сказать, что хотя я отъ средняго „до“ до верхняго „ре“ могъ брать всѣ ноты сильнѣе и ровнѣе чѣмъ Кикинъ, но за то внизъ отъ „до“ до контра— „ля“, всѣ ноты онъ бралъ гуще и крѣпче меня. Но и вверху его голосъ былъ необыкновенный. Да вотъ судите. Разъ на пасхальной недѣлѣ послалъ онъ одного изъ пѣвчихъ на Спасскую колокольню, велѣлъ остановить тамъ звонъ и слушать его. А самъ онъ забрался на соборную колокольню, велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ и сталъ читать — „да возрадуется душа твоя о Господѣ“... во время благовѣста, желая знать, слышно-ли будетъ его чтеніе на Спасскую колокольню среди бѣлаго дня, на разстояніи по крайней мѣрѣ версты. И его чтеніе туда было слышно. Какъ вамъ это нравится? А я наглупилъ въ другомъ родѣ хотя и пуще, чѣмъ Кикинъ, но, къ счастью, попалъ въ другія, сильныя и добрыя руки и былъ спасенъ отъ вѣрной гибели — Какъ знаете, въ 1841 году прибылъ къ намъ въ Вологду новый архіерей, знаменитый Иннокентій Борисовъ. Къ первому литургійному богослуженію при немъ архіерейскій хоръ пѣвчихъ приготовилъ для пѣнія все, что казалось тогда намъ лучшимъ по ком-

позиціи и между прочимъ извѣстный концертъ „возведохъ очи мои въ горы“... въ которомъ сольныя мѣста поручено было исполнять мнѣ. Не знаю, какъ понравилось новому владыкѣ вообще наше пѣніе, но по поводу концерта онъ спросилъ регента, кто исполнялъ въ немъ первое „соло“, не для всякаго баса посильное. Регентъ отвѣчалъ такъ конечно, какъ было дѣло, и былъ отпущенъ. Это было въ началѣ мая. Отъ Преосвященнаго весь городъ былъ въ восторгѣ, такъ полюбили его всѣ, полюбили и мы пѣвчіе. Время шло. Преосвященный служилъ. Мы пѣли. Преосвященный зналъ меня уже и лично. Пошли гулянья въ близгородныхъ барскихъ помѣстьяхъ, куда сбиралось много молодежи, много и вообще публики. Являлась сюда, для наблюденія за порядкомъ, и городская полиція, въ лицѣ „квартальныхъ“ и „частныхъ“, съ нижними чинами. Отправился и я, буйная головушка, на одно изъ нихъ. Пріятелей и почитателей моего голоса у меня было уже много. Напоили они меня тамъ допьяна. Между тѣмъ случился у молодежи какой-то раздоръ. Вмѣшалась въ дѣло полиція. Мнѣ показались дѣйствія ея грубыми и не справедливыми. Я вышелъ на защиту буяновъ. Меня попыталась тогда полиція арестовать, а я не захотѣлъ покориться, и, разбивъ солдатъ, оборвалъ у мундировъ фалды, сорвалъ у властей погоны, поломалъ даже шашку... Но, успокоившись нѣсколько, я понялъ, что надѣлалъ, понялъ, что меня или сдадутъ въ военную службу безсрочно, или сошлютъ въ Сибирь. Что тутъ было дѣлать? Меня немедленно кто-то увезъ въ Вологду, гдѣ, переодѣвшись, я отправился, по совѣту добрыхъ людей, пока не арестованъ, въ консисторію и къ архіерею Здѣсь мнѣ сказали, что губернаторъ уже былъ у архіерея съ сообщеніемъ о моемъ буйствѣ. Страшно стало идти и къ архіерею, но я, не задумываясь, рѣшился идти, что бы прямо покаяться въ своей винѣ и отдать себя на судъ его, если только приметъ, а не приметъ, такъ начнетъ, надо погибать. Доложили. Стою конечно я уже самъ не свой, куда и хмель дѣвался!—Что сказалъ?—спрашиваю.—„Ничего“, отвѣтилъ мнѣ келейникъ, „постой и жди“. И я стоялъ, и страдалъ, какъ никогда, но долго-ли не знаю. Послышались шаги. И вотъ онъ, отъ кого зависѣла вся моя будущность, приближается ко мнѣ, еще издали пронизывая меня своимъ пламеннымъ взоромъ. Не ожидая болѣе ничего, я повалился ему въ ноги и не смѣлъ поднять головы до тѣхъ поръ, пока онъ не оставилъ меня, послѣ долгихъ и горячихъ упрековъ,

Иннокентьевскихъ упрековъ, которые жгли и стыдили. Такъ я и ушелъ отъ него, не дождавшись рѣшительнаго слова ни въ ту, ни въ другую сторону. А дѣло обо мнѣ, веденное по горячимъ слѣдамъ, повидимому, не затихало. Скоро заговорили за тѣмъ, что оно уже въ Питерѣ. Меня однако не арестовали. Я продолжалъ оставаться причетникомъ въ Козленѣ и архіерейскимъ пѣвчимъ. Спустя нѣкоторое время архіерей совѣтуетъ мнѣ жениться и за тѣмъ немедленно дѣлаетъ протодіакономъ. Такъ мое дѣло и кончилось въ Питерѣ, какъ въ воду канувъ, безъ всякихъ послѣдствій и для меня, и для чиновъ полиціи. Невѣроятно, а справедливо. А какъ любовно и тщательно самъ владыка училъ меня служить, кадить и ходить въ алтаряхъ собора, еслибы вы знали? говорилъ обращаясь къ намъ Яблонскій — Во внѣ служебное время уйдетъ онъ съ однимъ мною въ соборъ, велитъ открыть Царскія двери и ходитъ показывая, какъ нужно ходить, гдѣ и сколько шаговъ дѣлать, гдѣ останавливаться. Кадить же училъ онъ, не размахивая кадиломъ, какъ вездѣ дѣлаютъ почти всѣ священнослужители, а спокойно приподнимать кадило за конецъ цѣпей его, но не выше глазъ, и не отдѣляя локтя руки отъ корпуса тѣла. Евангеліе совѣтовалъ всегда внимательно прочитывать до богослуженія. Относительно же хожденія въ церкви вообще, или такъ называемой „діаконской выходки“, равно держанія губъ, рта и всего лица, что бы все это было естественно и благообразно, преосвященный Иннокентій муштровалъ меня у себя въ залѣ. Поставитъ меня передъ зеркаломъ и велитъ читать то „достойно есть“... входное ли „до“ октавы, или говорить многолѣтіе на высокихъ нотахъ, когда получается напряженіе лицевыхъ мускуловъ, и отмѣчаетъ, когда я забудусь и приму некрасивое, или не естественное положеніе въ той, или другой части лица.— „Ну видишь самъ, какъ не хорошо это“, скажетъ, бывало, владыка и любовѣтуетъ позаботиться объ исправленіи. И съ какою сердечною, нѣжною благодарностію о преосвященному Иннокентію вспоминалъ о немъ этотъ жизненный человѣкъ. – Онъ—мой спаситель. А благодѣтель-то онъ былъ для многихъ и многихъ. И самъ протоіерей Нордовъ, наша гордость и слава, и теперь быть можетъ сидѣлъ-бы въ Устюгѣ, гдѣ никто и не зналъ-бы его, еслибы не тотъ же Иннокентій, извлекшій оттуда его на свѣтъ Божій. А слыхали ли вы что нибудь, продолжалъ о. протодіаконъ, о знаменитомъ діаконѣ Неонѣ, который былъ еще въ ранней молодости запрятанъ въ де

ревню, за грѣхи юности, гдѣ конечно и погибъ-бы, никѣмъ не замѣченный, отъ скуки и пьянства, еслибы не попалъ онъ на глаза Иннокентію? У Неона какъ будтобы былъ не большой басъ и, при служеніи его діакономъ, казался даже посредственнымъ, но когда онъ пѣлъ въ хорѣ, а особенно когда пѣлъ „соло“, онъ былъ незамѣнимъ и неподражаемъ.—Это былъ пѣвчій артистъ несравненный. Его заслушивались всѣ любители и знатоки церковнаго пѣнія. А когда онъ умеръ, то преосвященный Евлампій (Пятницкій), самъ отпѣвавшій его, плакалъ о немъ, какъ о родномъ человѣкѣ. И вотъ такой-то человѣкъ былъ заброшенъ въ деревню, на должность дьячка къ одной сельской церкви. Извѣстно, что преосвященный Иннокентій, не прослуживъ въ Вологдѣ и трехъ мѣсяцевъ, поѣхалъ на конякъ, для обозрѣнія епархіи, въ уѣзды Кадниковскій, Тотемскій, Устюжскій и Сольвычегодскій. Церковь, при которой служилъ Неонъ, была на пути и подлежала осмотру ея владыкой. Разумѣется было указано благочиннымъ, какъ встрѣчать владыку и что пѣть при встрѣчѣ. Обыкновенно встрѣчаютъ епископовъ или у воротъ церковной ограды, или при входѣ въ церковь, куда и выходятъ священникъ съ крестомъ на блюдѣ, діаконъ съ кадиломъ и свѣчой, причетники съ подсвѣчниками и кто—нибудь со св. водой и кропиломъ такъ же на блюдѣ. А когда архіерей входитъ въ церковь поется встрѣчающими тропарь и кондакъ обычно въ честь того событія, или святаго, которому посвященъ храмъ. Неонъ думалъ свою думу и, не уступая убѣжденіямъ ни своего священника, ни благочиннаго, на встрѣчу епископу не вышелъ. Тотъ и другой конечно были смущены упрямствомъ причетника и встрѣтили владыку молча. Но какъ только преосвященный Иннокентій всту пилъ въ храмъ, съ клироса, гдѣ былъ Неонъ, раздались и запереливались такіе чарующіе звуки артистически запѣвшаго причетника, какихъ они отъ него и ожидать не могли. Онъ пѣлъ не тропарь храму, а сольное „достойно есть“... не то Бортнянскаго, не то Турчанинова. Взглянувъ на епископа съ недоумѣніемъ и боязнію, священникъ и благочинный впрочемъ поняли, что онъ нетолько не гнѣвается, но даже какъ будто прислушивается къ пѣнію. А поющій, вдохновленный сильною композиціей, не спѣшно поетъ съ пыломъ неподдѣльнаго увлеченія. Наконецъ онъ кончилъ, кончилъ и владыка обозрѣніе алтаря и документовъ Пришло время представленія владыкѣ членовъ мѣстнаго причта. Благословляя Неона, онъ спросилъ: „ты пѣлъ на

клиросѣ?“ —Я ваше преосвященство, отвѣчалъ Неонъ —Не желаете-ли перемѣститься въ Вологду? ставитъ другой вопросъ ему владыка мудрый. Ободренный милостивымъ вниманіемъ къ себѣ со стороны преосвященнаго, заброшенный причетникъ тогда смѣло отвѣчалъ ему: „Повелите, преосвященнѣйшій владыко,— и я пойду съ радостію“ —„Готовься, переведу“, заключилъ свою бесѣду съ Неономъ преосвященный. И Неонъ былъ переведенъ въ Вологду, взятъ въ архіерейскій хоръ и посвященъ въ санъ діакона къ одной изъ приходскихъ церквей въ городѣ. И сколько лѣтъ за тѣмъ этотъ о. діаконъ, котораго всегда и всѣ такъ и звали, такъ и знали съ однимъ именемъ Неона, услаждалъ слухъ молящихся въ соборѣ своимъ пѣніемъ, чуднымъ, пѣніемъ котораго забыть не могутъ его современники, такъ заключилъ свой разсказъ о Кикинѣ, о себѣ и діаконѣ Несторѣ о протодіаконѣ Яблонскій на этотъ разъ. А я долженъ договорить объ этомъ послѣднемъ человѣкѣ то, что мнѣ такъ, или иначе извѣстно. Послѣ увольненія въ 1858 году отъ должности протодіакона въ Вологдѣ, какъ вдовый человѣкъ, имѣвшій только сына и дочь *), о. А Ивичъ принялъ монашество и поступилъ въ Петербургскую Александро-Невскую лавру. Здѣсь оцѣнены были по достоинству не только его голосъ, все еще сильный, но прекрасная манера его служенія. Такъ разсказывалъ онъ потомъ своимъ Вологодскимъ почитателямъ, что однажды, когда случилось ему служить за архидіакона въ лаврѣ въ присутствіи Императрицы Маріи Александровны, то онъ удостоился услышать изъ устъ Ея Величества тутъ же въ храмѣ, по окончаніи литургіи, царское спасибо въ такихъ выраженіяхъ: „Спасибо вамъ, о. дьяконъ, за службу и умѣнье держать себя. Такихъ какъ вашъ, хорошій голосъ, положимъ, я слыхала, но такого умѣнья держать себя, ходить и кадить не видала“. Отзывъ очень лестный не только для ученика, но и для учителя по службѣ преосвященнаго Иннокентія, Какъ хорошо-бы ему здѣсь, въ лаврѣ и остаться, жить и служить. Но неумѣренное пристрастіе къ водкѣ было причиною того, что уволили его и отсюда въ свою епархію. Послѣдніе годы своей жизни о. Яблонскій провелъ въ Вологодскомъ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ, гдѣ служилъ за архидіакона при преосвященномъ Павлѣ Поповѣ, Викаріѣ Велико-Устюжскомъ. Здѣсь онъ и умеръ и погребенъ, если не ошибаюсь

Какъ я уже имѣлъ случай выше замѣтить, преемникомъ о Яблонскаго по протодіаконской службѣ былъ о. Стефанъ Образ

цовъ, изъ кончившихъ курсъ учениковъ Вологодской д. семинаріи. Этого человѣка я зналъ еще въ бытность ученикомъ д. училища, когда онъ пріѣзжалъ въ Устюгъ съ архіереями въ качествѣ пѣвчаго. И этотъ человѣкъ надѣленъ былъ природою, хотя и не обширнымъ по діапазону, но сильнымъ, звучнымъ и чрезвычайно пріятнымъ по тембру басомъ. Могучій и пріятный басъ придворнаго протодіакона, старца Громова, очень напоминаетъ своимъ благозвучіемъ нашего Вологодскаго протодіакона Образцова, давно уже умершаго. Его смѣнилъ по протодіаконской должности въ Вологдѣ покойный Васильевскій при преосвященномъ Палладіѣ Раевѣ, впослѣдствіи митрополитѣ Петербургскомъ. Какъ Образцовъ, такъ и Васильевскій, кромѣ сильныхъ и пріятныхъ голосовъ, при обширномъ у послѣдняго діапазонѣ, хотя и не могли равняться, по крѣпости звуковъ, съ голосомъ Яблонскаго, не могли читать въ „до“ октавы, но, усвоивъ Иннокентьевскую науку служенія, въ лицѣ своего предшественника протодіакона Яблонскаго, служили прекрасно, были уважаемы и безъ сомнѣнія, достаточно памятны лицамъ нынѣ Вологжанамъ. И у Васильевскаго въ цвѣтущую пору голосъ былъ такъ силенъ, что близко къ нему, впереди его стоять было не возможно: въ ушахъ трещало. Но и этотъ человѣкъ за пристрастіе къ водочкѣ былъ изгоняемъ изъ Вологды въ деревню, откуда и вернулъ его преосвященный Палладій, сдѣлавшій его протодіакономъ, послѣ продолжительнаго вторичнаго испытанія. Дѣло въ томъ, что пока былъ Васильевскій въ деревнѣ, появился, въ лицѣ соборнаго діакона Іоанна Кострова, съ громаднымъ, по силѣ и объему, густымъ, грудным басомъ, конкурентъ и соперникъ для него, по кандидатурѣ на протодіаконство Преосвященный Палладій, желая сдѣлать лучшаго по голосу протодіакономъ, долго дѣлалъ имъ испытаніе и наконецъ избралъ все—таки Васильевскаго, а Кострова оставилъ первымъ діакономъ. Были еще въ Вологдѣ въ наше время люди съ замѣчательно сильными и пріятными голосами: соборный помощникъ Вениаминъ Изюмовъ, Николай Павловичъ Милославовъ, Василій Ивановичъ Сацердотовъ и знаменитый, какъ солистъ и пѣвчій, второй Неэнъ, это о. дьяконъ Чулковъ. Имѣя, кромѣ протодіаконствовали въ Вологдѣ Яблонскій и Образцовъ, всѣ эти люди пѣли въ архіерейскомъ хорѣ, подъ управленіемъ о. Д. Чекмудова, получившаго спеціальное образованіе по пѣнію въ Петербургской придворной капеллѣ; те-

нора, за исключеніемъ о. Неклюдова, голосъ котораго — такіе теноръ—называли итальянскимъ, всѣ были звонкіе и серебристые, какъ колокольчики. Объ альтахъ и дискантахъ и говорить не приходится. Чудные были голоса. Что и какъ ни пѣли бы эти люди—было прекрасно и по свойствамъ голосовъ, и по по становкѣ, и по исполненію Но когда они пѣли что-нибудь большое и серьезное, мы заслушивались до самозабвенія Насъ плѣняли особенно херувимскія „царская", „Симоновская", „Турчанинова большая". „Достойно есть" лучшія его-же и Бортнянскаго, задостойники Турчанинова, „Тебе одѣющагося свѣтомъ"... Турчанинова. „Свѣте тихій"... большое Веделя, „Нынѣ отпущаеши"... „Покаянія"... и „На рѣкахъ Вавилонскихъ"... его же, изъ концертовъ—„Днесь владыка твари"... его-же и „Слава въ вышнихъ Богу"... кажется Дегтерева, или Сарти. Меня поражала и сила композицій этихъ авторовъ и чудное исполненіе,—эта сила и мощь голосовъ, сдерживаемыхъ опытною рукою регента,—эти чудные переливы за душу хватающихъ, въ стройныхъ звукахъ, голосовъ, эти искусные переходы отъ „forte" къ „piano", и наоборотъ А чтобы оттѣнить особенности басовыхъ голосовъ, я долженъ сказать, что когда не было въ хорѣ на лицо голосовъ Изюмова и Кострова, чувствовалось, что недостаетъ хору необходимой силы; особенно въ нижнихъ тонахъ, когда не было Васильевскаго, тогда недоставало окраски, или полировки звуковъ пріятнымъ тембромъ, въ чувствительной степени, а когда и всѣ они на лицо, лишь нѣтъ Чулкова. тогда весь хоръ казался только машиной, инструментомъ, правда, хорошимъ, но безъ живой души. А когда весь хоръ былъ въ полномъ составѣ, тогда любителямъ церковнаго, хорошаго пѣнія можно было помолиться и послушать церковныхъ пѣснопѣній въ духовную, высокую сладость. Хорошо, за отсутствіемъ Чулкова исполняли сольныя мѣста Васильевскій и Сацердотовъ, но когда тоже самое исполнялъ Чулковъ, удивительное дѣло. получалось другое, болѣе сильное и болѣе глубокое впечатлѣніе. Императрица Екатерина говорила о митрополитѣ Платонъ Левшинѣ, что онъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ со своими церковными слушателями его оригорскаго искусства. Я долженъ сказать тоже самое о Чулковѣ, какъ о солистѣ—художникѣ, что, какъ пѣвчій, онъ могъ и увлекать и плѣнять слушателей, и вызывать у нихъ и восторгъ, и слезы,—онъ дѣлалъ съ слушателями, что хотѣлъ. А голосъ былъ, правда, мягкій и хорошій, голосъ бархатный въ дрѣ ок-

тавы съ плюсомъ отъ „си“ до „ре“, но менѣе сильный, чѣмъ у Васильевскаго Кострова и Изюмова. И однакоже въ искусствѣ пѣнія оставлялъ далеко за собою всѣхъ троихъ. Этимъ артистическимъ талантомъ въ церковномъ пѣніи конечно объясняется и то обстоятельство, что когда о. дьяконъ Чулковъ находился уже въ предсмертной болѣзни въ больницѣ, въ числѣ душевно-больныхъ, и распѣвалъ тамъ, въ этомъ печальномъ состояніи, свои любимыя пѣсы, то не было въ Вологдѣ, кажется ни одного человѣка, изъ рядовъ его почитателей во всѣхъ общественныхъ слояхъ, т кого, который не посѣтилъ бы его и не наслаждался бы еще разъ чуднымъ пѣніемъ пѣвца сумасшедшаго. Здѣсь и скончался нашъ знаменитый Чулковъ, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста. Изъ товарищей его по пѣнію въ архіерейскомъ хорѣ пережили Чулкова о. о. Образцовъ, Васильевскій и Н. П. Милославовъ, уѣхавшій въ свое время въ западный край и бывшій тамъ, если не ошибаюсь, въ Ригѣ или Вильнѣ протодіакономъ, а остальные всѣ умерли еще раньше его Но не одна басовая партія отличалась замѣчательными голосами по силѣ и тембру въ архіерейскомъ хорѣ въ Вологдѣ нашего времени. Не могу не упомянуть и о прекрасныхъ тенорахъ о. Неклюдовѣ—регентѣ, Алексѣя Попова, Димитрія Сумарокова и Ивана Голубева, о такихъ же альтахъ Ипполита Непеина и Николая Осокина съ товарищами и наконецъ о прелестныхъ дискантахъ Пылаева, Воскресенскаго, Попова Владиміра и Тихомирова. Замѣчательно то, что всѣ эти люди, въ лицѣ своихъ принципаловъ, умѣли изучать, какъ и до сего времени кажется мнѣ, не одну технику пѣнія, и хорошо чутьемъ своей души, видимо, входили въ пониманіе идеи композитора и въ частности деталей ея, —и потому своимъ чуднымъ исполненіемъ классическихъ пѣсъ и умиляли, и восторгали, и поражали слушателей. А еслибы вы, дорогой мой читатель, спросили вообще о силѣ голосовъ этого описываемаго такъ внимательно архіерейскаго хора, то я скажу, что въ церкви, какъ мнѣ хорошо извѣстно, ни одной партіи ни когда не позволялось дѣлать полное „forte“. Въ нашихъ не особенно большихъ храмахъ такое „forte“ было бы оглушительно. Если къ одному Васильевскому, въ пору разцвѣта его голоса, невозможно было приблизиться, когда онъ ударялъ своимъ голосомъ только еще въ „фа“, или „соль“, если отъ одного удара голосомъ со стороны другого баса въ верхнее „до“ падали нервныя дамы, если отъ одной октавы человѣка, жившаго нѣ-

которое время со мною, чувствовалось содраганіе пола, если отъ четырехъ—пяти басовъ, когда они опускались внизъ, при пѣніи въ домахъ, деревянный полъ, какъ говорятъ, ходуномъ ходилъ, то, судите сами, какъ можно было позволить имъ сдѣлать въ храмѣ полное „forte“, хотя-бы оно и требовалось! Разъ, помню я, былъ полный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ на проводахъ одного богатаго покойника изъ одного центральнаго городскаго храма на кладбище. И вотъ этотъ хоръ, предшествуя гробу по улицѣ, мимо Александровскаго сада, когда дружно ударилъ на „Святый Боже“... послѣднее „насъ“... въ верхнее „до“, такъ этотъ ударъ голосовъ слышенъ былъ одновременно на двухъ кладбищахъ Богородскомъ и Введенскомъ, находящихся за городомъ, на противоположныхъ сторонахъ его, на разстояніи около 5-ти верстъ, приблизительно.

Но довольно сказаннаго о пѣвчихъ и о протодіаконахъ Вологодскихъ. Надобно поговорить и о старшемъ духовенствѣ, о достопочтеннѣйшихъ о.о. іереяхъ и протоіереяхъ. Не будучи однако знакомъ съ домашнею ихъ жизнію и пастырскими трудами, не подлежащими постороннему наблюденію, я буду говорить только о томъ, что можно было наблюдать человѣку, какъ посѣтителю церковныхъ богослуженій. Если нынѣ вы войдете въ Вологодскій соборъ къ обѣднѣ въ высокоторжественный день, то увидите на молебнѣ, что почти все градское духовенство украшено камилавками. Не то было прежде. Когда я учился въ Устюгѣ, то тамъ изъ 26 священнослужителей были украшены камилавками только 3, а потомъ 5 человѣкъ. По пріѣздѣ въ Вологду въ 1856 году здѣсь насчитывалъ я тогда, изъ всѣхъ протоіереевъ и священниковъ, человѣкъ 10, имѣвшихъ камилавки и 1 скуфью. Но не въ этомъ дѣло. Находясь еще въ Устюгѣ, я любилъ слушать проповѣди, а въ Вологдѣ лучшихъ проповѣдниковъ слушали мои предшественники, товарищи, и ученики слѣдующихъ за нашимъ двухъ курсовъ, какъ и я, съ увлеченіемъ. Очередныя проповѣди, для произнесенія въ соборѣ, назначались и въ наше время и не одному градскому духовенству, но и преподавателямъ семинаріи. Такимъ образомъ послушать намъ было кого. Первое мѣсто между всѣми проповѣдниками, и въ нашемъ юномъ вниманіи, по достоинству занималъ конечно покойный, прославившійся своими трудами о. протоіерей Василій Іоанновичъ Нордовъ. И мы слушали этого маститаго церковнаго учителя, мужа мудрости и разума, изучившаго глубоко чело-

вѣка и жизни, со всѣмъ вниманіемъ, „слагая глаголы его въ сердцѣ своемъ“. Любили слушать мы также о. Никона, преподавателя семинаріи, проповѣдь котораго, талантливая, мастерски изложенная, хотя и деликатно, но всегда мѣтко указывала на тотъ или другой недугъ общественный, требовавшій извѣстнаго врачеванія. Въ такомъ же духѣ бойко писалъ и хорошо говорилъ и о. Алексѣй Яковлевичъ Поповъ (ректоръ Вологодскаго дух. училища, а впослѣдствіи епископъ Павелъ, викарій Вологодскій) Этотъ человѣкъ, бывшій нѣсколько лѣтъ приходскимъ священникомъ, вращавшійся въ дворянскомъ кругу, какъ свой человѣкъ, зорко слѣдилъ за свѣтской литературой, былъ знакомъ такимъ образомъ со всѣми теченіями мысли въ обществѣ и въ печати, не терялъ случая отозваться съ церковной каѳедры на то, или другое явленіе, возбуждавшее вниманіе въ современномъ читающемъ обществѣ. Такъ помнится мнѣ, когда покойный Бенедиктовъ, кажется, написалъ свое извѣстное стихотвореніе:

О, христіане, братья, братья!
Когда умолкнетъ гулъ проклятья?
Когда „анаѳемы“ замрутъ?
Пора!—мы ждемъ.—Вѣка идутъ. и проч.

и когда о немъ, въ тонъ автору, громко заговорили въ печати и въ обществѣ,—тогда о. Алексѣй небоязненно возвысилъ пастырскій голосъ съ церковной каѳедры въ соборѣ, въ недѣлю православія объяснилъ спокойно и обстоятельно значеніе анаѳематствованія и такимъ образомъ съ достоинствомъ отстоялъ право и обязанность св. православной церкви и уничтожилъ все значеніе этого фразистаго, но не основательнаго стихотворенія. Тогда люди еще умѣли уважать и противоположные строго церковные взгляды на дѣло. если находили ихъ основательно доказанными и справедливыми. Изъ г. г. профессоровъ семинаріи говорили проповѣди въ соборѣ еще, впрочемъ рѣдко, преподаватель гомилетики Павелъ Михайловичъ Добряковъ, Алексѣй Никитичъ Хергозерскій, Николай Ивановичъ Суворовъ и, изъ молодыхъ, Анемподистъ Іоничъ Малевинскій и Протогенъ Вонифатьевичъ Кокшаровъ. Первые три проповѣдника выходили на каѳедру съ проповѣдями конечно тщательно отдѣланными по, жизни не касавшимися, почему какъ отвлеченныя, и теоретическія, онѣ семинарскую молодежь не удовлетворяли. А Малевинскій и Кокшаровъ,—эти молодые и свѣтскіе люди, конечно со всею осторожностію, но умѣли понавѣсить на уши внимательѣ-

нымъ людямъ что нужно — и на нейтральныя какъ будто темы Такъ, я помню, когда покойный Протогенъ Вонифатьевичъ говорилъ разъ проповѣдь въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня на тему: „о, треблаженное древо, на немъ же распяся Христосъ, Царь и Господь“..., то впечатлѣніе получилось поразительное. Это былъ человѣкъ, по внѣшности, не представительный, небольшого роста, съ голосомъ тихимъ, съ лицемъ спокойнымъ, но со взглядомъ глубокимъ и совершенно серьезнымъ. Его проповѣдь слушалъ весь соборъ молящихся съ замираніемъ сердца. Такъ умно сжато и сильно, съ чувствомъ непритворнаго благоговѣнія предъ великою святынею и съ чувствомъ сердечнаго сожалѣнія о нашей небрежности иногда въ отношеніи креста, говоритъ проповѣдникъ, что его мысли овладѣвали мыслію слушателя и его чувства овладѣвали сердцемъ послѣдняго. А этого достигнуть и вообще достигать многіе ли могутъ проповѣдники? Помню и то, что когда Кокшаровъ кончилъ проповѣдь, то стоявшій не далеко отъ меня одинъ изъ дворянъ Брянчаниновыхъ со своимъ сыномъ гимназистомъ, обратившись къ сему послѣднему тихо но все-таки довольно слышно для стоявшихъ на близкомъ отъ нихъ разстояніи, сказалъ: „помни, сегодня слышали мы знаменитое слово“. Въ этомъ же направленіи говорилъ свои проповѣди и профессоръ Малевинскій. Но эти послѣднія блистали больше достоинствами стилистическими и бойкими фразами, чѣмъ глубиною мысли и чувства. И вотъ, изъ этихъ проповѣдей я уже не помню ни одной по содержанію, даже по темамъ, тогда какъ хорошо помню нѣкоторыя проповѣди другихъ проповѣдниковъ того-же времени. Такъ, я долженъ упомянуть и еще объ одномъ, по крайней мѣрѣ, проповѣдникѣ нашего времени въ Вологдѣ. Это былъ протоіерей Николаевской, что во Владычной слободѣ, церкви о Іоннѣ Васильевичѣ Прокошевъ. Кончившій курсъ со степенью магистра въ Московской дух. академіи, вмѣстѣ съ прославившимся своими проповѣдями впослѣдствіи извѣстнымъ Рыбинскимъ протоіереемъ Иродіономъ Путятинымъ, онъ отдавая свои очередныя соборныя проповѣди мнѣ, для переписки, не разъ говаривалъ со вздохомъ: „вотъ мой товарищъ по академіи Путятинъ прославился на всю Россію своими проповѣдями, а я грѣшный, молодость проучительствовалъ, а теперь, за немощами старости, никакъ не могу собраться обработать и напечатать свои проповѣди“. Тогда ему было лѣтъ около 60-ти. Онъ уже больше 25 лѣтъ прослужилъ въ Вологодской д. семи-

наріи, профессоромъ философскихъ наукъ, былъ въ тоже время долго и преемственно библіотекаремъ и секретаремъ семинарскаго правленія и наконецъ законоучителемъ губернской мужской гимназіи въ Вологдѣ. Высокаго роста, красавецъ, съ длинною сѣдою бородою, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ и огненнымъ взоромъ, съ камилавкою на головѣ, лишенной волосъ, онъ однимъ внѣшнимъ видомъ своимъ напоминалъ древнихъ пророковъ и производилъ на людей, впервые встрѣчавшихся съ нимъ, импонирующее впечатлѣніе. Горячій по темпераменту, онъ говорилъ голосомъ мягкимъ и звучнымъ вообще и всегда возбужденно и красно, съ увлеченіемъ, освѣщалъ предметъ ярко, хотя глубиною мысли и не отличался будто бы, какъ Нордовъ. Такъ по крайней мѣрѣ, какъ извѣстно мнѣ, оцѣнивали его наши семинарскіе учителя и профессоры. Мнѣ же казалось, да и нынѣ думаю, что этотъ человѣкъ, какъ ораторъ, рожденъ былъ для церковной каѳедры, чтобы словомъ Божіимъ, глаголами вѣчной истины то освѣщать пути нашей жизни, то „жечь сердца людей“, когда нужно. О. протоіерей Прокошевъ писалъ только проповѣди очередныя, для произнесенія въ соборѣ, въ своей же приходской церкви онъ говорилъ проповѣди всегда экспромтомъ. Я помню одно мѣсто изъ проповѣди его, произнесенной въ соборѣ передъ молебствіемъ, по случаю присоединенія къ Россіи Приамурскаго края. Описавъ съ сильнымъ энтузіазмомъ доблести русскаго воинства, онъ восклицаетъ наконецъ: „для русской мощи нѣтъ преградъ!... По мановенію Державнаго Вождя, чтобы побѣдить враговъ его и святой отчизны, Русскіе орлы устремляются въ непроглядную даль, возносятся на высоты воликановъ...—Они и въ бездны проникнутъ, и тамъ поразятъ!“... Вдохновенны и сильны были и его церковныя импровизаціи. Необходимо замѣтить, что о протоіерей Іоаннъ Васильевичъ былъ единственный импровизаторъ во всей Вологдѣ, но не въ епархіи. Между сельскими священниками рѣдка уже были таковые. Не большія, но всегда произносимыя съ сильнымъ чувствомъ, поученія о. Іоанна производили даже на вѣтреную молодежь порою потрясающее впечатлѣніе. Большею частію говорилъ о. Іоаннъ эти поученія на всенощныхъ бдѣніяхъ, вмѣсто каѳизмъ. Одного изъ причетниковъ Николаевской церкви звали Сакердономъ. И вотъ, обращаясь къ нему, бывало, о. Іоаннъ говоритъ: „Сакердонушка! Поставьте налойчикъ. Пойду страху Господню поучу православныхъ“. Читатель! Вы удивляетесь, какъ я знаю и помню все это? Да очень просто. Обучаясь пос-

лѣдніе два года въ семинаріи, я былъ пѣвчимъ въ хорѣ Николо-Владыченской церкви и видѣлъ, и слышалъ все, о чемъ говорю, лично. И вотъ, мнѣ помнится такая картина. Въ одной изъ своихъ обычныхъ импровизацій, произнесенной въ недѣлю мясопустную, или въ недѣлю о блудномъ сынѣ, уже право не помню, вдохновенный проповѣдникъ, съ горящимъ взоромъ, описавъ сильными штрихами дурныя послѣдствія для необузданныхъ нарушителей воли Отца небеснаго и презрителей уставовъ церкви, вдругъ и затихъ и омрачился на нѣсколько мгновеній. Въ церкви водворилась могильная тишина. Тогда проповѣдникъ—ораторъ ставитъ вопросъ: что же ожидаетъ этихъ несчастныхъ губителей своего счастія въ домѣ отчемъ тамъ, по ту сторону гроба? И это говоритъ тихо, раздѣльно, опустивши долу взоръ, какъ бы задумавшись, и положивши правую руку на грудь Мертвая тишина продолжается. Кажется, что никто даже дышать не смѣетъ. И опытный проповѣдникъ—ораторъ, использовавъ моментъ, какъ нельзя лучше, съ глубокимъ чувствомъ, подавленнымъ голосомъ, отвѣчая на свой вопросъ говоритъ такъ: „Страшно сказать, а сказать надобно,—слушатели,.. адъ!“... Впечатлѣніе получилось поразительное, такое, котораго вотъ нельзя забыть цѣлую жизнь. Да! Вологда, гдѣ никогда не оскудѣвали проповѣдническія силы, порою необычайныя, и въ наше время не бѣдна была ими. Если зная одного о. протоіерея Нордова преосвященный Иннокентій, возглавлявшій и украшавшій, какъ ангелъ, Вологодскую церковь называлъ его Вологодскимъ брилліантомъ, то, думается и намъ позволительно прибавить къ нему, въ качествѣ эпитета, нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, хотябы только по адресу нѣкоторыхъ поименованныхъ проповѣдниковъ. Во всякомъ случаѣ, по силѣ ума талантовъ и солиднаго образованія всѣ они были замѣчательные люди.

Въ послѣдніе два года ученія въ семинаріи, частію по канцелярской службѣ, частію для разрѣшенія тѣхъ или другихъ начинавшихъ занимать меня большихъ вопросовъ, я бывалъ то у того, то у другого изъ семинарскихъ преподавателей, Бывалъ я и у о. протоіерея Нордова, и у о. ректора Вологодскаго д. училища Алексѣя Яковлевича Попова. Замѣчательно, что почти всѣ они совѣтовали продолжать образованіе въ духовной академіи. Но я хорошо сознавалъ, что отвлекаемый канцелярскою службою, не достаточно подготовленъ для академіи, и о ней не думалъ. Замѣчательно и то, что Протогенъ Вонифатьевичъ, умер-

шій въ должности старшаго начальника отдѣленія канцеляріи оберъ прокурора Св. Синода, встрѣтившись со мною въ Петербургѣ въ 1900 году, послѣ сорокалѣтней разлуки, еще разъ спросилъ: „а что, не жалѣли и не жалѣете, что не поѣхали учиться въ академію?“ Такое вниманіе его ко мнѣ, одному изъ его Вологодскихъ учениковъ, спустя 40 лѣтъ, тронуло меня до глубины души. Просидѣлъ тогда я у него въ квартирѣ едва не всю ночь. О чемъ только не говорили мы! И какъ помнилъ онъ своихъ учениковъ, конечно изъ числа тѣхъ, кто заслуживалъ въ свое время его вниманіе, — это даже удивительно. О всѣхъ-то онъ разспросилъ, о многихъ и самъ разсказалъ. Такъ вотъ, бывая у него, когда онъ профессорствовалъ въ Вологдѣ, я и тогда удостоенъ былъ имъ многаго. Онъ показывалъ мнѣ свой магистерскій дипломъ съ отлично хорошими по всѣмъ предметамъ отмѣтками, подписанный академической администраціей на латинскомъ, помнится, языкѣ. А о своемъ курсовомъ сочиненіи на тему: „се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемое съ нами Богъ“, съ прекраснымъ отзывомъ профессора, показывая его, смѣясь онъ замѣтилъ: „да, хорошо отозвался о немъ профессоръ, не дурно впрочемъ и митрополитъ, только съ непріятнымъ добавленіемъ. Митрополитомъ Московскимъ тогда былъ еще великій Филаретъ“ — А можно узнать, спрашивалъ я, отзывъ и добавленіе митрополита о Вашемъ сочиненіи? — „Возвращая ректору мое сочиненіе,“ продолжалъ Протогенъ Вонифатьевичъ,„ митрополитъ сказалъ: хороша птица, да пусть улетитъ подальше. И послали меня въ Вологду вмѣсто того, чтобы оставить при академіи.“ добавилъ Кокшаровъ. — Однако скажите, допытывался я, что значилъ такой оригинальный отзывъ М. Филарета? — „Онъ значитъ то, какъ поясилъ ректоръ профессору, а этотъ послѣдній сообщилъ мнѣ,— сказалъ тогда Протогенъ Вонифатьевичъ,— что нѣкоторыя мѣста моего изслѣдованія показались митрополиту сомнительными въ смыслѣ православія, какъ казалось ему многое даже въ свято отеческихъ будтобы твореніяхъ, и въ результатѣ „отлетъ.“ Въ другой разъ между прочимъ разсказывалъ мнѣ изъ своей студенческой жизни въ академіи Протогенъ Вонифатьевичъ слѣдующее. На лекціи одного изъ профессоровъ рѣчь шла о стихотвореніи и поэзіи. Профессоръ соглашался съ Пушкинымъ въ томъ, что между поэтомъ и стихотворцемъ большая разница.

И ты поэтъ и я поэтъ.
Но межъ тобой и мной различіе находятъ
Твои стихи въ печать выходятъ,
Мои—выходятъ въ свѣтъ.

Нѣсколько стиховъ, говорилъ профессоръ, можетъ написать, не будучи поэтомъ, всякій образованный человѣкъ.—А кстати, продолжалъ онъ, есть-ли между вами, господа, поэтъ? Оказалось, что между нами не было ни одного стихотворца. Однако попробуйте, не напишетъ-ли кто какого-нибудь четверостишія, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Я призадумался, хотя и не поэтъ, но почему не оказать удовольствія профессору. Дѣло происходило великимъ постомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ только до окончанія нами академическаго курса. И я написалъ вотъ-что:

Еще мѣсяцъ,—будетъ Пасха.
Еще мѣсяцъ,—и экзаменъ.
Еще мѣсяцъ —и развязка.
Еще мѣсяцъ,—finis, amen.

Ну, вотъ! Ну, вотъ! Ну, вотъ видите, говорилъ удовлетворенный профессоръ. Изъ товарищей Протогена Вонифатьевича, по словамъ его, никто ничего не написалъ, да и онъ ни раньше ни позже, никогда не занимался стихотворствомъ. Не поэтъ это былъ, а прозаикъ.—мыслитель сильный и глубокій. А какъ онъ излагалъ дѣло въ прозѣ, всякому можно видѣть изъ принадлежащихъ его перу, или имъ редактированныхъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ, при оберъ прокурорѣ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевѣ всеподданнѣйшихъ отчетовъ послѣдняго Государю Императору. Кокшаровъ былъ начальникомъ такъ называемаго инспекторскаго отдѣленія, на обязанности котораго и лежитъ составленіе всеподданнѣйшихъ Его Императорскому Величеству отчетовъ.

У Алексѣя Никитича Хергозерскаго я бывалъ часто, но не какъ ученикъ его (у него я не учился, хотя временно и бывалъ у него на урокахъ), а по должности письмоводительской, и съ запросами юнаго волнующагося ума никогда къ нему обратиться не рѣшался. Я зналъ впрочемъ черезъ своихъ товарищей, что въ подобныхъ случаяхъ онъ, уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ, любилъ только указывать, что извѣстный вопросъ если онъ богословскій одними изъ св. отцовъ рѣшается такъ, а другими иначе, если же философскій: то укажетъ цѣлую серію именъ философскихъ за всякое рѣшеніе, отъ рѣшенія современныхъ общественныхъ вопросовъ отшутится, а своего мнѣнія не скажетъ,

О. протоіерей Василій Іоанновичъ Нордовъ, и въ наше время уже болѣе, чѣмъ 60 тилѣтній старецъ, когда придешь къ нему по дѣлу, тотчасъ приметъ, выслушаетъ и въ тоже время отвѣчаетъ. А о. протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Прокошевъ, лѣтъ на 12 моложе Нордова, зналъ меня не только какъ своего пѣвчаго, но и какъ письмоводителя семинарскаго правленія Мнѣ отдавалъ онъ для переписки и свои очередныя соборныя проповѣди. Этотъ человѣкъ былъ очень внимателенъ. Усадитъ, бывало, переписчика въ своей рабочей комнатѣ, въ слухъ прочитаетъ при немъ свою переписанную проповѣдь, поблагодаритъ его ласковымъ взглядомъ, словомъ и рублемъ, да наконецъ и чинцемъ попотчиваетъ.

Особенно хорошо затѣмъ относились ко мнѣ изъ учителей семинаріи Николай Ивановичъ Суворовъ, приблизившій меня къ себѣ съ первыхъ дней моей семинарской жизни и до конца своей долгой жизни переписывавшійся со мной, Петръ Ѳедоровичъ Поповъ и Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ, а также и ректоръ Вологодскаго д. училища Алексій Яковлевичъ Поповъ и инспекторъ тогоже училища Иванъ Адріановичъ Морошкинъ Послѣдній былъ особенно полезенъ, какъ человѣкъ практическій, заботливо и дальновидно, подобно Николаю Ивановичу Суворову, предостерегавшій меня отъ увлеченій новыми вѣяніями. Съ о. Алексѣемъ бесѣдовали мы большею частію о Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ. Онъ читалъ всѣ новости въ современной литературѣ легальной и помогалъ мнѣ разбираться въ ней. А мы, зеленая молодежь уже зачитывались передовыми журналами свѣтскими ,особенно „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ.“ Бѣлинскаго, Добролюбова, Некрасова, Тургенева, Гончарова, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Крылова, Загоскина и т. д. знали мы не хуже, чѣмъ своихъ великихъ учителей Иннокентія Борисова и Филарета Дроздова. Это бы еще ничего, но мы находили возможность читать и „Колоколъ“ Герцена и сочиненія Фейербаха и всякую непечатную дрянь. Вотъ въ этомъ-то случаѣ и были драгоцѣнны для меня съ одной стороны практическія предостереженія Н. И. Суворова, И. А. Морошкина, а съ другой ученый и умный разборъ сочиненій то протестантскихъ, атеистическихъ, а иногда и возмутительно политическихъ, изъ числа рукописныхъ Читали, списывали, судили—рядили, волновались иногда ночи на пролетъ. Для чего? Читали Бокля, Льюиса, Гартвига, Митчеля, Милля, Шекспира, Шиллера,

Байрона, Гёте, Диккенса, Теккерея и т. д. Для того, что бы знать больше другихъ, чтобы пощеголять, при случаѣ, своими обширными познаніями, если уже не пропагандировать. Такъ однажды, — это было уже въ послѣднія недѣли передъ окончаніемъ семинарскаго курса, шелъ я мимо квартиры одного изъ помощниковъ инспектора, бывшей тогда на Кирилловской улицѣ. Вижу, окна открыты, изъ комнаты слышались знакомые голоса нашихъ учителей. Дай-ка, думаю, зайду и я, не жданный и не прошенный гость положимъ, но что-жъ такое, думаю. Вотъ подъ предлогомъ напр какого-либо недоумѣнія, скажу, простите, безпокою Васъ, если позволите. Вхожу. Вижу хозяинъ дома и у него гости; Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ, Петръ Ѳедоровичъ Поповъ, Николай Ивановичъ Суворовъ. Отлично. — Что скажете? говоритъ встрѣтившій меня на порогѣ зала хозяинъ. — Если есть у Васъ свободное время, то удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ, отвѣчаю — Пожалуйте, въ чемъ дѣло? Не секретъ? Да это свои люди при томъ-же, продолжалъ онъ. Я сѣлъ противъ дверей въ гостинную, гдѣ и увидѣлъ на столѣ угощеніе. — Ну, что же? Говорите! — Да вотъ, что-то робѣю и собираюсь съ духомъ, отвѣчалъ я. — „Ну, такъ иди, выпей,“ тогда сказалъ хозяинъ. Я не заставилъ себя просить, и только предложилъ имъ всѣмъ сдѣлать мнѣ честь выпить вмѣстѣ. Они согласились. За тѣмъ мало по малу разговоръ завязался Тогда я прочиталъ имъ по памяти какое-то стихотвореніе изъ „Колокола,“ возмутительное по содержанію и сталъ просить опровергнуть его, или по крайней мѣрѣ установить правильный взглядъ на него. Профессора мои объясняли, я не соглашался. Они пощучивали и меня расшевелили. Выпили еще И я пошелъ безстрашно блистать своими вольнодумными познаніями. Чего только я ни наговорилъ? Какихъ выдержекъ изъ различныхъ авторовъ отрицательнаго направленія только я ни сдѣлалъ! И когда повыжали изъ меня эти добрые люди столько, сколько имъ было нужно для составленія понятія о кончающей курсъ семинарской молодежи, тогда Николай Ивановичъ сказалъ:

— Вотъ мы тебя выслушали. А ты развѣ забылъ, что всѣ мы трое помощники инспектора? мы можемъ сейчасъ же арестовать тебя и отправить куда слѣдуетъ. — Что ты думаешь?

— Вы этого не сдѣлаете, всѣ вы честные люди, и я давно и хорошо знаю васъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ и толкуйте съ ними, замѣтилъ тогда Николай

Ивановичъ. Всѣ они таковы. Вонъ у меня есть свой молодецъ, еще начинаетъ учиться, а уже разсуждаетъ также.

О комъ говорилъ такъ Николай Ивановичъ, я и теперь не знаю, хотя и догадывался.

—Ну, такъ вотъ что, дорогой гость, скажу я тебѣ, Алексѣй. —Иди же ты домой, да и помалчивай о томъ, гдѣ былъ, кого видѣлъ и что дѣлалъ Да помни, что съ такими рѣчами, какими занимался теперь насъ, нигдѣ и никогда не раскладывайся, если не хочешь погибнуть, заключилъ Николай Ивановичъ.

И я ушелъ, поблагодаривъ хозяина и гостей, извиняясь за причиненное имъ безпокойство, просилъ забыть мою болтовню и простить меня. Они меня успокоили, и сдержали всѣ трое замѣчательно честно данное мнѣ слово. Что касается незабвеннаго и дорогаго для меня Николая Ивановича Суворова, и потомъ „въ минуту жизни трудную“ не разъ помогавшаго мнѣ, то я не перестану молитвенно вспоминать о немъ, „донделе есмь“. И не такіе люди, какъ добрѣйшій Николай Ивановичъ, не забываются, а о такихъ благодарно молятся.

1862-й годъ былъ годомъ окончанія моего семинарскаго образованія. Я приближался пока всё-еще благополучно къ той завѣтной грани, о которой мечтала моя матушка и самъ я съ ранняго дѣтства. Пора было подумать о томъ, куда пойти на службу, по окончаніи семинарскаго образованія. Было у меня уже нѣкоторое знакомство и съ гражданскими чиновниками и съ духовенствомъ. Одни совѣтовали поступить на службу по гражданскому вѣдомству и увѣряли, что я могу подняться высоко, другіе говорили, что вотъ скоро духовенству дадутъ жалованье, тогда можно будетъ хорошо жить и священникамъ. А о Алексѣй Яковлевичъ ректоръ Вологодскаго у. училища, твердилъ мнѣ все одно и тоже -Посмотри на меня! Я пошелъ въ попы, овдовѣлъ, и вотъ сиротаю. А какъ это тяжко, еслибы вы знали, говорилъ онъ. Ой, не ходи въ попы, ради Бога! Родители меня не стѣсняли своею настойчивостію, но я зналъ, что желали они видѣть меня священникомъ. А молодые профессора твердили всё объ академіи. Кого же слушать? Надо было поглубже заглянуть въ свою душу и тамъ поискать отвѣта рѣшительнаго уже на вопросъ первѣйшей важности. Хотя въ послѣдніе два года и загромождена была голова у меня разнообразнымъ литературнымъ хламомъ, но всё таки сердце осталось цѣлымъ, не разбитымъ и не засореннымъ, по крайней мѣрѣ очень. Я рѣ-

шитъ его и слушать, а оно тянуло меня на священническую службу. И такъ пойду и во священники и для выжиданія подходящаго мѣста, останусь письмоводителемъ семинарскаго правленія и по окончаніи курса. Рѣшено. Оставалось готовиться къ экзаменамъ, да проводить послѣдніе часы досуга въ бесѣдахъ съ товарищами. Павелъ Васильевичъ Богословскій, Димитрій Александровичъ Олехновъ и Евграфъ Ливерьевичъ Прозоровскій направлялись въ Московскую д. академію и были отправлены въ свое время всѣ трое туда на казенный счетъ. Иванъ Николаевичъ Преображенскій еще въ 1861 году поступилъ въ Петербургскую д. академію откуда, понуждая учиться и величать меня „Обломовымъ“. Замѣчательно, что всѣ они, за исключеніемъ перваго, давно умерли. Первымъ умеръ Олехновъ, еще на первомъ курсѣ въ академіи, схватившій тифъ. Преображенскій умеръ профессоромъ Могилевской д. семинаріи, Прозоровскій инспекторомъ Вологодской д. семинаріи. А Павелъ Васильевичъ Богословскій, разсуждая о дальнѣйшей жизни, восклицалъ какъ-то, что куда бы судьба его ни бросила, въ Вологдѣ онъ „киснуть не будетъ“.—И ошибся. Пробывъ два года въ академіи, онъ перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ блестяще. Былъ отправленъ онъ потомъ, для завершенія образованія за границу, но, доѣхавъ до Петербурга, раздумалъ продолжать образованіе—и отъ поѣздки за границу отказался. Тогда былъ отправленъ туда съ тою-же образовательною цѣлію товарищъ его по университету и факультету, извѣстный Боголюбовъ, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. А Павелъ Васильевичъ начавъ службу по судебному вѣдомству, какъ юристъ, въ Тульской губерніи, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ г. Грязовцѣ Вологодской губерніи, дальше судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ въ Вологдѣ, гдѣ и теперь продолжаетъ служить, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ должности старшаго члена окружнаго суда и слѣдовательно одинъ изъ насъ, по его выраженію, „киснетъ въ Вологдѣ.“

Изъ другихъ близкихъ мнѣ, по душѣ, товарищей, Павелъ Александровичъ Кратировъ хотѣлъ быть чиновникомъ, чиновникомъ и умеръ. Александръ Ивановичъ Дементьевъ мечталъ служить по министерству народнаго просвѣщенія, былъ учит. въ Устьсысольскомъ уѣздномъ училищѣ и умеръ штатнымъ смотрителемъ Устюжскаго уѣзднаго училища. Александръ Димитріевичъ Тюринъ

желалъ быть учителемъ духовнаго учил. и былъ имъ въ Устюгѣ, а умеръ сельскимъ священникомъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Яковъ Андреевичъ Соколовъ. — наша умная, красная лѣвушка, — табаку не куривший, пива и вина никакого не пивший, но до мозга костей проникшійся отрицательными теоріями религіозными и политическими, ни въ какое высшее учебное заведеніе не поѣхалъ, а, прекрасно окончивъ семинарское образованіе, сразу, какъ демократъ окунулся въ гущу народную, поступивъ на должность волостнаго писаря. Былъ потомъ на Кавказѣ авдиторомъ, потомъ чиновникомъ въ канцеляріи Вологодскаго губернатора, дальше мировымъ судьей въ Череповцѣ, былъ еще, кажется, въ какой то должности въ Вильнѣ. А гдѣ онъ теперь и живъ-ли, я уже не знаю. Преждевременно развившійся, весьма много читавшій, умный мыслитель, объ одномъ изъ сочиненій котораго Протогенъ Вонифатьевичъ отозвался разъ такъ, что „на эту тему не возможно лучше написать“ (а на похвалы онъ былъ не особенно щедръ), но начинавшій чувствовать разочарованіе въ жизни еще на семинарской скамьѣ, всю свою жизнь всюду и во всемъ испытывалъ одно только разочарованіе и разочарованіе. Печальное, но неизбѣжное явленіе въ душѣ, утратившей вѣру! Очень жаль мнѣ этого добраго и умнаго человѣка. Безпощадный анализъ и критика всѣхъ и всего изсушили его умъ и убили преждевременно охолодѣвшее для жизни сердце. Николай Васильевичъ Кедровскій, вѣчно состоявшій подъ надзоромъ полиціи явнымъ, или тайнымъ, хотѣлъ быть чиновникомъ и земскимъ дѣятелемъ и былъ имъ сначала въ Вологдѣ (чиновникомъ), а затѣмъ секретаремъ земской управы въ Устюгѣ и умеръ чиновникомъ канцеляріи генералъ-губернатора въ Тифлисѣ отъ холеры Михаилъ Евграфовичъ Добросиецевъ хотѣлъ быть учителемъ и былъ учителемъ одной изъ Петербургскихъ женскихъ гимназій. Александра Ивановича Румянцева давно я потерялъ изъ виду. А Евгеній Ивановичъ Рукинъ, мой многократный благодѣтель въ жизни семинарской, и по питанію меня бурсацкимъ хлѣбомъ въ тяжелое время, и по другому обстоятельству, о чемъ рѣчь будетъ впереди, мечталъ быть, кажется, земскимъ дѣятелемъ. Слышу, что здравствуетъ до нынѣ и служитъ въ Вологодской земской управѣ, но уѣздной или губернской не знаю. Наконецъ мой сподвижникъ по нищетѣ и терпѣнію, а потомъ и по службѣ въ канцеляріи семинарскаго правленія хотѣлъ быть священникомъ, былъ имъ и умеръ въ санѣ протоіерея настоя-

ломъ Устюжскаго Прокопіевскаго собора. Извиняюсь передъ читателями за скучное для многихъ перечисленіе именъ и судьбы моихъ товарищей. На эти имена, составлявшія ядро мыслительной силы и самообразованія, внѣ классной схоластики, въ послѣднее время,—основательно, или нѣтъ, это другое дѣло,—казавшейся намъ уже скучною, для меня дороги. Онѣ дороги, безъ сомнѣнія, и для тѣхъ, кто еще живъ изъ насъ. Я думаю даже, что имена эти не пустой звукъ и для дѣтей нашихъ. Я думаю, имъ пріятно знать

Какъ живали при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы.

Но дальше. Нѣкоторые изъ насъ устроили альбомы. Начались писанія въ альбомы и предугадыванія судьбы каждаго. Обо мнѣ напр. Соколовъ говорилъ, что изъ меня выйдетъ „попъ хлѣбосолъ“,—и только, а Кедровскій утверждалъ, что я „засяду въ болото и буду мечтать о небесахъ“. Пусть и такъ, рѣшилъ я, не задаваясь до времени никакими теоретическими планами, но пойду во священники и буду дѣлать то, что жизнь и долгъ мнѣ предпишутъ. А чтобы не забываться, написалъ я для себя и товарищей, намѣревавшихся идти во священники, колыбельную пѣсню поповскому сыночку, пародію на извѣстную пѣсню Лермонтова, но въ сатирическомъ духѣ, подъ впечатлѣніемъ выпучиванія насъ, кандидатовъ на священство, со стороны болѣе либеральныхъ товарищей. Стихотвореніе это однако не удалось; вышло грубо, въ рукописи не сохранилось, и я постарался забыть его. Помню одно только четверостишіе:

Скоро схватишь чинъ безчинный,
Птица вѣдь въ краю,
Будешь саномъ благочинный.—
Баюшки-баю!

Эти послѣднія товарищескія бесѣды происходили обыкновенно подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь въ уединенномъ углу семинарскаго двора и носили вообще грустный характеръ. Прожить подъ одною кровлею, въ одномъ учебномъ заведеніи, сознательною жизнію, въ разцвѣтѣ юныхъ дней, прожить мирно, душа въ душу и стоять передъ близкою и неизбѣжною разлукою на вѣки, какъ хотите было грустно. Но вотъ, когда пожалуетъ бывало, къ намъ на бесѣду одинъ изъ нашихъ товарищей, жившихъ на квартирѣ, Михаилъ Семеновичъ Семеновъ любившій, сказать кстати, пародировать своимъ баритончикомъ діакона

Чулкова въ его артистическомъ пѣніи, тогда оживлялось наше элегическое настроеніе.—Ну, что вы тутъ попріуныли? Или „о чемъ шумите вы народные витіи?“ —О, да всѣ пустяки, въ сравненіи съ вѣчностью!—Сказать-ли вамъ братцы, какъ я-то живалъ“? Такъ обычно приступалъ къ своимъ комическимъ разсказамъ нашъ товарищъ Семеновъ. Ну, разскажи что-нибудь, для разнообразія. И онъ, ни мало не ломаясь, тотчасъ же входилъ въ роль разскащика, мѣшая конечно были съ небылицей. Позвольте мнѣ передать хотя одинъ изъ его шуточныхъ разсказовъ.—„Я слыхалъ, господа, что у кого изъ васъ есть родители, говорилъ Семеновъ, то они, провожая васъ въ училище, или семинарію, обыкновенно говорили—смотри, учись, парень, хорошенько! Эту глупость говаривала въ первые года школьной жизни и мнѣ моя матушка. А теперь, давно уже нѣтъ. Она поняла, что навязаннымъ умомъ живетъ человѣкъ только до порога въ лучшемъ случаѣ, а то обычно однимъ ухомъ слушаетъ, а другимъ изъ головы вонъ опускаетъ,—и давно поетъ она уже въ унисонъ съ батюшкою.—А батюшка у меня понемеръ-умница! Провожая меня и въ училище и въ семинарію, онъ всегда говорилъ мнѣ:—„Смотри, Миша, учись потихоньку, дуракъ!“ Вотъ это я понимаю, этого вотъ я не забывалъ и не забуду. Это, господа, уже наставленіе дѣльное, наставленіе мудреца—отца!“ Въ отвѣтъ получается, разумѣется, общій смѣхъ и оживленіе. Характеръ бесѣды получался уже другой.—„И вотъ я привыкъ и полюбилъ проводы меня изъ дома въ семинарію. А въ этомъ году, продолжалъ Семеновъ, мой батюшка удивилъ даже меня, провожая сюда послѣ святокъ. Въ день отъѣзда въ Вологду, сидя за чаемъ, отецъ мой вдругъ обращается къ моей матери съ предложеніемъ—Вотъ-что, мати, говоритъ онъ, знаешь, вѣдь Мишу-то мы въ послѣдній разъ провожаемъ въ семинарію. Въ этомъ году онъ уже кончитъ ученіе и будетъ попомъ,—не послать-ли за полштофикомъ? „А что-же, ну, и пошли“! Сказано, сдѣлано. За обѣдомъ выпили рюмки по двѣ. И мой батюшка разошелся. Что же, мати? Поди и денегъ Мишѣ надо будетъ дать уже побольше?—„Да, да, надо дать побольше.“ отвѣчала мать.—Экое однако горе, замѣтилъ тогда серьезнѣйшимъ образомъ мой батюшка, дать, дать, да вотъ денегъ-то у меня мелкихъ нѣтъ.—„Какъ нѣтъ?“ возражаетъ мать.—Есть вотъ, да гривна....—Я слушалъ, говорилъ Семеновъ, со всѣмъ вниманіемъ умныя рѣчи моихъ любезныхъ

родителей, желая понять, что изъ этой комедіи выйдетъ. И вотъ моя матушка не замедлила рѣшить трудный финансовый вопросъ семьи двумя словами: „отдай всю (это гривну-то)." —Хорошо. мати, быть такъ, всю, такъ и всю, не спорю. но чуръ! —съ условіемъ. Слушай! —Во первыхъ за подводу въ Вологду ты, другъ, уже плати самъ, за квартиру за полгода также, на содержаніе, бумагу и перья уже денегъ больше не проси и остатковъ, если будутъ, на пустяки не держи. —Понялъ?" —Понялъ и благодарю, отвѣчалъ я —„И такъ уговоръ заключенъ, остается выпить по рюмочкѣ третьей и больше ни!... ни!..." И вотъ видите, какъ я благодушествую, не мудрствуя ни мало заключилъ нашъ Семеновъ

Быстро промелькнули послѣдніе дни семинарской жизни. Наступили экзамены, на которыхъ, и при окончаніи курса, спрашивали учениковъ не болѣе. какъ по двумъ предметамъ. Меня спросили только по священному писанію, на которомъ я и оскандалился на славу. Попало мнѣ для объясненія одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ одного изъ посланій Апостола Павла. Какъ я ни изворачивался, ничего не могъ сказать толковаго въ объясненіе, а о перемѣнѣ билета, что позволялось. не попросилъ. · сердости.—„Такъ вотъ же тебѣ," сказалъ о. ректоръ и смѣясь поставилъ мнѣ двойку. А послѣ экзамена. тотчасъ призвалъ меня къ себѣ и пошутивъ благодушно надъ моимъ неудачнымъ отвѣтомъ, подалъ мнѣ тюкъ, слегка зашитый, и сказалъ: задѣлай его, какъ слѣдуетъ и отправь на имя начальника одного изъ духовныхъ училищъ, (у котораго оканчивалъ со мною вмѣстѣ курсъ сынъ въ семинаріи, тершійся большею частію во второмъ разрядѣ), при бумагѣ изъ канцеляріи, за своею подписью, такого рода, что находящіеся въ тюкѣ документы ни для о. ректора ни для правленія семинаріи не нужны. Что-же было въ тюкѣ? Какіе документы? Не ощупывая тюка, легко было опредѣлить по осязанію и формѣ, что находившіеся въ немъ документы назывались кускомъ шелковой матеріи, или бархата на рясу предназначавшіеся въ подарокъ о ректору, но имъ не принятые. И сынокъ этого начальника, служившій потомъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Петербургской д. консисторіи и за тѣмъ въ лѣсномъ департаментѣ, по протекціи покойнаго Павла Ивановича Савваитова, такъ и кончилъ курсъ семинаріи во второмъ разрядѣ. Тотчасъ же конечно бумага была написана и подписана, тюкъ задѣланъ и отправленъ лично мною къ начальни-

ку училища. За тѣмъ на экзаменахъ ничего особеннаго не случилось. Они прошли обычно. Также обычно прошли и публичные экзамены. На нихъ я уже не фигурировалъ, въ качествѣ отвѣчающаго. А пока, въ ожиданіи составленія и утвержденія списковъ и дня роспуска, послѣ обычнаго торжественнаго молебствія, мнѣ хотѣлось бы хотя коротенько дать понять читателю, какъ наказывалъ насъ, за погрѣшности, простѣйшій и добрѣйшій о. ректоръ. Обыкновенно придетъ, нашумитъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и дѣлу конецъ. А вотъ я, уволившись разъ на два послѣдніе дня сырной недѣли на квартиру къ товарищамъ въ Вологдѣ, загостился у нихъ и первые два дня первой недѣли поста. О. ректоръ распорядился послать за мной. Я едва успѣлъ войти въ канцелярію и хотѣлъ идти къ нему и виниться и объяснить обстоятельства и причины прогула. Не тутъ то было. Отецъ ректоръ тотчасъ же самъ налетѣлъ взволнованный, ткнулъ меня пальцемъ въ лобъ и заговорилъ: — „Голова, безразсудная, отчаянная голова, что ты дѣлаешь съ собой и мной? Гдѣ ты былъ?—Вы изволите знать, куда уволили, тамъ и былъ, отвѣчалъ я.—Да теперь какіе дни-то, отчаянный, говорилъ онъ, и опять ткнулъ пальцемъ въ лобъ меня. Надо было грѣшнику молчать, и я замолчалъ.—„Ты долженъ понести наказаніе.“ Молчу.—„Заслуживаешь?“ —Да, виновато отвѣчалъ я.—„Ну, такъ вотъ напиши проповѣдь о покаяніи передъ исповѣдію и принеси ко мнѣ,“ кончилъ онъ и пошелъ обратно усп коенный. Проповѣдь, конечно, была написана и пр инесена. И дѣлу конецъ. Еще курьезъ. Разсылая начальству пригласительныя билеты на публичный экзаменъ, я, по ошибкѣ, отослалъ въ числѣ другихъ и губернаторскій билетъ, который о. ректоръ хотѣлъ отвезти начальнику губерніи лично. И вотъ онъ зоветъ меня къ себѣ и говоритъ: давай губернаторскій билетъ.—Я послалъ его съ разсыльнымъ, отвѣчалъ я.—Это такъ показалось ему обидно, что схвативъ себя за голову, онъ закричалъ: что ты со мной надѣлалъ... А потомъ, съѣздилъ, объяснился и... всѐ забыто. Очевидно, никакихъ осадковъ зла въ душѣ этого человѣка никогда не оставалось. Горячій, но чрезвычайно простой и добрый этотъ начальникъ.— Царство ему небесное!

Насталъ послѣдній день нашей ученической жизни въ семинаріи. Списки составлены и утверждены. Моя пресловутая двойка однако номеровъ на пять сдвинула меня въ разрядномъ спискѣ, но изъ перваго разряда не вытѣснила. Я былъ доволенъ,

какъ доволенъ былъ и товарищъ мой по квартирѣ, классу и канцеляріи Димитрій Васильевичъ Поповъ, кончившій также въ первомъ разрядѣ. Ученики семинаріи всѣ въ классахъ. Идутъ послѣдніе разговоры. Раздался звонокъ. Пожалуйте въ церковь къ молебну. Вотъ мы и въ церкви за послѣдней благодарной молитвой Господу Богу за благополучное окончаніе семинарскаго образованія. Слава Богу! берегъ. Но гдѣ пристань? А пристань тамъ, гдѣ укажетъ перстъ Божій. Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися. Боже нашъ. И пѣли мы „Тебе Бога хвалимъ...“ Бортнянскаго, при помощи діакона Чулкова и Сацердотова, знаменитыхъ пѣвцовъ соборнаго хора такъ, что рамы дрожжали. Рѣчей не было. Послѣ молебна пошли въ залу для прослушанія списковъ и по классамъ, для полученія билетовъ. И это все кончилось. Простились мы тутъ же съ тѣми изъ товарищей, которые уѣзжали того-же дня на родину, и не безъ грусти пошли въ канцелярію я и Димитрій Васильевичъ, оба рѣшившись здѣсь выжидать себѣ священническихъ мѣстъ. Всѐ-это происходило 15 іюля 1862 года. Но не мало изъ кончившихъ курсъ осталось и въ Вологдѣ, по разнымъ причинамъ и побужденіямъ, на нѣкоторое время.

Вечеромъ того же дня, повстрѣчавшись со мною на набережной семинарской, о. ректоръ спросилъ меня, почему я не поѣхалъ на родину. Я объяснилъ ему всѣ мои обстоятельства, соображенія и намѣренія во всѣхъ подробностяхъ. Выслушавъ онъ отозвался, что поступаю правильно. Ни тотъ, ни другой изъ насъ не подозрѣвали, что завтрашній день несетъ намъ крупныя невзгоды и разрушитъ наши планы.

X.

Къ ночи на 16-ое іюля 1862 года въ семинаріи опустѣло. Чувствовалось безлюдье и тишина. Въ бурсѣ остались только тѣ, кто назначенъ былъ для поступленія въ академію, да человѣкъ десять по своимъ обстоятельствамъ, а у насъ въ канцеляріи семинарскаго правленія осталось письмоводителей только трое. Пусто и скучно. Не хотѣлось мнѣ, помнится, ни гулять, ни писать, ни читать. И, скоротавъ кое какъ вечеръ, вся наша маленькая канцелярія завалилась спать. Но спокойно проспать эту ночь намъ не пришлось. Около 2-хъ часовъ ночи слышу, что меня будитъ кто-то и говоритъ: „вставай скорѣе, спать не время“. Смотрю, передо мною одинъ изъ близкихъ товарищей

Е. И. Р—ъ въ замѣтно возбужденномъ состояніи духа.—„Ты откуда? (онъ былъ бурсакъ)—Что случилось? Разсказывай". Между тѣмъ пробудились и мои товарищи.—Слушайте же! Румянцевъ арестованъ, выпалилъ Е. И.....чъ.—Какъ? Когда? Гдѣ? Почему? послышались отъ насъ тогда въ испугѣ тревожные вопросы. Тогда нашъ полуночный вѣстникъ сообщилъ намъ слѣдующее.—„Отъ нечего дѣлать сегодня вечеромъ я зашелъ на квартиру Румянцева, гдѣ еще ни самъ онъ, ни товарищи не разъѣхались по домамъ. Разговоръ завязался оживленный, время шло не замѣтно, да никто на время не обращалъ и вниманія. Вдругъ входитъ неизвѣстный человѣкъ и говоритъ: здравствуйте господа! Здѣсь квартира воспитанника семинаріи А. И Румянцева? Ему отвѣчаетъ Румянцевъ:—да, здѣсь. Что угодно? Но вмѣсто отвѣта незнакомецъ, пріотворяя входную дверь, говоритъ: пожалуйте! Въ слѣдъ за этимъ вошла въ квартиру группа чиновъ, во главѣ съ жандармскимъ полковникомъ Зоринымъ. Между ними былъ священникъ, ректоръ д. училища о. Алексѣй Яковлевичъ Поповъ.—Мы поняли, что дѣло плохо, нежданные гости появились не просто. Дѣйствительно сейчасъ же начался допросъ и обыскъ. У Румянцева потребовали всѣ бумаги и книги, о. Алексѣй Яковлевичъ сталъ возражать: „Зачѣмъ же всѣ? Мало-ли ихъ. Да и не нужныхъ тутъ сколько"! И сталъ нѣкоторыя изъ особенно важныхъ отбрасывать. Полковникъ замѣтилъ и остановилъ его. Румянцева, Кедровскаго и еще кого-то арестовали, а остальныхъ, записавъ, отпустили. У Е. И. въ коммиссіи кто-то изъ членовъ оказался знакомымъ; онъ успѣлъ сообщить, что это дѣло возникло въ Никольскомъ уѣздѣ, гдѣ арестованъ и сегодня вечеромъ привезенъ въ Вологду воспитанникъ же семинаріи Иванъ Благовѣщенскій. У него найдены въ бумагахъ записки и статьи, компрометирующія другихъ семинаристовъ и больше другихъ Румянцева. Вотъ почему и производится обыскъ прежде всего у Румянцева. Несомнѣнно онъ будетъ сдѣланъ и въ семинаріи завтра же, или точнѣе сегодня же. Послѣ этого я юркнулъ незамѣтно въ кухню, а оттуда и сюда. Обыскъ будетъ здѣсь безъ сомнѣнія. Скоро, будьте готовы, а я пойду разбирать свои бумаги и будить бурсаковъ. „Вотъ ужъ свѣтаетъ, надо спѣшить". Что тутъ было дѣлать? У меня различныхъ выписокъ изъ разныхъ авторовъ, журналовъ, легальныхъ и не легальныхъ, печатныхъ и литографированныхъ была масса. И ра-

зобраться въ нихъ не было никакой возможности, потому что записывано было худое и доброе рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же тетрадяхъ, да и времени было въ распоряженіи мало. Итакъ, собравъ рукописные грѣхи своей юности и невѣденія и со скорбію поглядѣвъ на нихъ, открылъ я въ своей спальнѣ (у письмоводителей была особая спальня) печку, уложилъ туда свои бумаги, подложилъ огонька, сидѣлъ и глядѣлъ, какъ въ нѣсколько минутъ уничтожились мои не разумные, но многолѣтніе труды. Еще не было и 6 часовъ утра, какъ извѣщенный раннимъ утромъ о начавшемся дѣлѣ о. ректоръ, арх. Іонаѳанъ, призвалъ меня къ себѣ, разразился гнѣвомъ и яростію.—„Знаешь-ли“, наконецъ сказалъ онъ, „что арестованы, Румянцевъ, Кедровскій, Благовѣщенскій и другіе, что сейчасъ прибудетъ тайная полиція сюда и арестуетъ всѣхъ васъ, вотъ и долиберальничали до тюрьмы, да и семинарію обезславили“ — Знаю, что случилось, отвѣчалъ я, и конечно скорблю, но за письмоводителей и бурсаковъ не безпокойтесь. У насъ полиція не найдетъ ничего, и нашихъ бумагъ не найдется ни у кого изъ арестованныхъ.—Если мы и читали кое-что изъ нелегальной литературы, то только изъ любопытства, а распространеніемъ завиральныхъ идей не занимались, подобно Благовѣщенскому, котораго лично я даже и не знаю.“ О. ректоръ какъ будто поуспокоился нѣсколько и сказалъ: „ждите допросовъ и обыска, сейчасъ нагрянетъ полиція“. И полиція дѣйствительно не больше какъ черезъ часъ пожаловала въ семинарію, начавъ обыскъ съ нашей канцеляріи. Во главѣ комиссіи былъ тотъ-же, что и вчера, полковникъ Зоринъ, но депутатомъ съ духовной стороны былъ уже не о. Алексѣй Яковлевичъ, устраненный епископомъ по жалобѣ полковника, заподозрившаго его въ содѣйствіи къ укрывательству, а о. протоіерей Всеволодъ Писаревъ. Обыскивали внимательно, перебросали дѣла даже въ архивѣ, поспрашивали насъ о Герценѣ, Бакунинѣ и другихъ эмигрантахъ, о „Колоколѣ“, Фейербахѣ и непечатныхъ стихотвореніяхъ, приписывавшихся Некрасову. Отвѣтъ у насъ былъ короткій: „или слыхали только, но читать не случалось, или и не слыхали даже“. Полковникъ пожималъ плечами, выдумывалъ дипломатическіе вопросы, но всё безуспѣшно. Такъ, появившись въ первомъ номерѣ семинарскаго общежитія, гдѣ ожидала группа учениковъ, только что окончившихъ семинарскій курсъ, онъ говорилъ: „вотъ вы, господа, кончили образованіе, которое и

дано вамъ для того, что бы съ успѣхомъ послужить народу. Заботливые изъ васъ, безъ сомнѣнія, запаслись и такими книжками и записками, которыя могутъ быть особенно полезными. Интересно бы посмотрѣть ихъ. Позвольте взглянуть у кого онѣ есть." Большая часть воспитанниковъ отвѣчала полковнику, что они ничего особеннаго для народа не имѣютъ, что всѣ книги и руководства они найдутъ на мѣстахъ, гдѣ суждено будетъ служить. Но Евгеній Ивановичъ Рукинъ поступилъ иначе; когда полковникъ поставилъ ему вопросъ: у васъ нѣтъ-ли чего для народа?—„Есть, есть, полковникъ", отвѣчалъ онъ, „не важная конечно вещь, но, думаю, необходимая". И подалъ ему азбуку. Положеніе полковника стало не изъ завидныхъ, но пилюлю пришлось проглотить Такъ слѣдственная комиссія и не нашла въ семинаріи ничего, не нашла и на другихъ квартирахъ ничего важнаго и занялась разсмотрѣніемъ бумагъ, забранныхъ у Благовѣщенскаго и въ квартирѣ Румянцева. Былъ и еще курьезъ, когда слѣдственная комиссія отбирала показанія по насто щему дѣлу отъ кончившаго курсъ семинаріи Николая Васильевича Кедровскаго, бывшаго уже подъ арестомъ. Призванный въ слѣдственную камеру Кедровскій приглашенъ былъ, въ присутствіи членовъ комиссіи давать письменныя показанія на рядъ вопросовъ, уже ранѣе поставленныхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, но писать ихъ начерно не позволялось.—„Просмотрѣлъ эти вопросы, между коими оказались и такіе на которые дать удовлетворительный отвѣтъ было не легко",—разсказывалъ потомъ Кедровскій. „Посидѣлъ, подумалъ и сталъ писать, не торопясь, отвѣты, хотя полковникъ и торопилъ меня. Закончивъ отвѣты, понятно, я сталъ читать свои показанія и, къ ужасу своему, замѣтилъ, что раза два впалъ въ противорѣчіе. Что тутъ дѣлать? Переправлять показаній было нельзя, о чемъ и сдѣлано было предупрежденіе. Рѣшился я на смѣлую выходку,—взявъ, вмѣсто пепельницы, чернильницу и заливъ чернилами слѣдственное дѣло, самъ-же и закричалъ, батюшки, что я надѣлалъ!... - „Ахъ, ахъ! Что вы! Какъ это можно?"—Да, видите я ошибся...—„Пишите снова, послѣдовало наконецъ распоряженіе. А мнѣ это только и было нужно. Теперь противорѣчій въ моихъ показаніяхъ уже не было", говорилъ Кедровскій. Такимъ образомъ отъ ареста Кедровскаго освободили скоро. Скоро же за тѣмъ и поступилъ онъ на службу въ канцелярію Вологодскаго губернатора, былъ здѣсь по-

мощникомъ правителя канцеляріи, подомъ, оставаясь подъ негласнымъ надзоромъ полиціи, долго служилъ въ Устюгѣ секретаремъ земской управы, а умеръ отъ холеры въ Тифлисѣ.

Былъ-ли еще кто-нибудь арестованъ, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, я не помню, но знаю, что привлекалось къ дѣлу еще нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ семинаріи, кончившихъ курсъ и не кончившихъ, съ производствомъ обыска. Былъ сдѣланъ обыскъ и у о. ректора Вологодскаго д. училища Алексѣя Яковлевича Попова, но конечно нигдѣ ничего не легальнаго не оказывалось и въ показаніяхъ никто не путался. Полковнику Зорину особенно хотѣлось обвинить въ пропагандѣ если не политическаго, то религіознаго вольномыслія о. А. Я. Попова о которомъ онъ зналъ, что онъ былъ принятъ въ дворянскомъ кругу и уважаемъ гражданами и епископомъ, не говоря уже о его воспитанникахъ и сослуживцахъ. Съ прекрасными душевными качествами, любознательный и просвѣщенный человѣкъ, строго православный, трудолюбивый и ревностный пастырь, о. Алексѣй Яковлевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ уважаемыхъ особъ, которые являлись въ то время достойнѣйшими представителями и украшеніемъ Вологодскаго духовенства Но обвинить этого человѣка, какъ и всѣхъ учениковъ семинаріи, въ пропагандѣ политическаго и религіознаго свободомыслія, кромѣ Благовѣщенскаго, слѣдственной комиссіи не удалось. Да пропаганды и не было. Если и читали мы попадавшіяся намъ книженки направленія отрицательнаго, то читали дѣйствительно изъ любопытства, и кое кто для того, что бы, при случаѣ, побравировать широтою свѣдѣній и взглядовъ передъ своими преподавателями, или мыслящими товарищами. Ивана Благовѣщенскаго я не зналъ и не встрѣчался съ нимъ даже въ семинаріи, Румянцева, по окончаніи семинаріи, потерялъ изъ виду, о Кедровскомъ знаю, что онъ оставался мыслителемъ либеральнымъ до почтеннаго возраста, о Яковѣ Андреевичѣ Соколовѣ ничего не знаю, а обо всѣхъ остальныхъ товарищахъ, увлекавшихся въ юности либеральными произведеніями, я долженъ сказать, что всѣ они благополучно поступили въ свое время или въ высшія учебныя заведенія, или на службу по духовному и гражданскому вѣдомствамъ и съ честію и достоинствомъ исполняли, а нѣкоторые и до сего времени исполняютъ свои служебныя обязанности. И наше слѣдственное дѣло, такъ горячо начатое сначала, продолжалось вяло. Мнѣ извѣстно,

что отъ нѣкоторыхъ привлекавшихся къ нему лицъ показанія отбирались въ концѣ октября, если не въ ноябрѣ мѣсяцѣ хотя и того же 1862 года. И кончилось оно безрезультатно. Пострадали или нѣтъ сколько нибудь развѣ Благовѣщенскій и Румянцевъ. Всѣ же остальные отдѣлались одними показаніями, давать которыя было не трудно, такъ какъ ни у кого почти ничего не найдено и въ пропагандѣ никто уличенъ не былъ. Въ автобіографическихъ запискахъ Высокопреосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго, бывшаго тогда ректоромъ Московской д. академіи (т. 2. стр. 786) занесено оффиціальное донесеніе его оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову отъ 5 окт. 1862 г. по настоящему дѣлу. Нахожу не лишнимъ привести это донесеніе здѣсь подлинникомъ. „По порученію Вашего Превосходительства, я требовалъ отъ ректора Вологодской семинаріи обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣлу объ открывшихся между учениками семинаріи неблагонамѣренныхъ сочиненіяхъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Неблагонамѣренныя сочиненія (Искандера и др.) найдены у четверыхъ учениковъ, а именно: у уволеннаго изъ семинаріи Благовѣщенскаго, проживавшаго въ домѣ отца своего въ Никольскомъ уѣздѣ, у окончившаго курсъ семинаріи Румянцева и у двухъ братьевъ Соколовыхъ, изъ коихъ одинъ Яковъ кончилъ нынѣ курсъ, а другой Петръ поступилъ въ высшее отдѣленіе семинаріи (послѣдніе трое изъ Новгородской епархіи). Внезапные и строгіе обыски произведены были и у другихъ многихъ учениковъ, но предосудительнаго ни у кого ничего не найдено. Ученикъ Благовѣщенскій на допросахъ слѣдственной комиссіи показалъ, что найденныя у него сочиненія получены имъ отъ студента университета Фрязиновскаго, какъ это подтвердилъ и послѣдній, и что одно изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: „Что нужно Русскому народу“ давалъ онъ, по глупости, крестьянину Малыгину, который, какъ неграмотный, показалъ оное причетнику, а этомъ сказалъ Малыгину что сочиненіе это не годное, и Малыгинъ донесъ о семъ исправнику, который, обыскавъ Благовѣщенскаго и Фрязиновскаго, арестовалъ того и другого. Румянцевъ показалъ, что возмутительныя сочиненія списывалъ онъ съ тетрадей, взятыхъ имъ у гимназиста Невѣнскаго, что списывалъ ихъ изъ одного любопытства, отнюдь не сочувствуя ихъ содержанію и читать ихъ никому другому не давалъ. Послѣ такого показанія Румянцева естественно и необходимо бы-

ло бы тотъчасъ же обыскать квартиру Невѣнскаго, но она обыскана была спустя уже нѣсколько дней и потому, можетъ быть, въ ней ничего предосудительнаго не найдено. Невѣнскій же, спрошенный уже черезъ мѣсяцъ, въ дачѣ Румянцеву тетрадей не признался и при очной ставкѣ отказался даже и отъ знакомства съ Румянцевымъ. Яковъ Соколовъ показалъ, что найденныя въ его квартирѣ тетради принадлежатъ брату его Петру Соколову. Послѣдній отозвался, что эти тетради остались у него послѣ умершаго съ годъ тому назадъ ученика Мурашева. Читать ихъ Соколовъ никому не давалъ и содержанію ихъ не сочувствовалъ. Въ числѣ сихъ тетрадей оказался журналъ, писанный лучшими по дарованіямъ учениками въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1860 года, подъ названіемъ „Quodlibet“, заключающій въ себѣ до 7-ми ученическихъ сочиненій, изъ коихъ одно подъ заглавіемъ: „Взглядъ на наши секретныя собранія“, обратило на себя особенное вниманіе комиссіи. Авторъ этого сочиненія ученикъ Кедровскій и другой сотрудникъ журнала согласно показали, что они въ концѣ 1860 года собирались, въ числѣ человѣкъ 10-ти, въ квартиру Румянцева, для чтенія и критики собственныхъ сочиненій. Секретными же собранія эти Кедровскій назвалъ потому, что на нихъ читались, хотя и невинна о содержаніи сочиненія, но писанныя безъ вѣдома начальства. Но помянутый выше ученикъ Благовѣщенскій показалъ, что, по слухамъ, до него дошедшимъ, на собраніяхъ въ квартирѣ Румянцева читались лекціи какого-то неизвѣстнаго ему нѣмецкаго философа, которыя будтобы пріобрѣтены были чрезъ ученика Славина отъ священника Алексѣя Попова (ректора училища [1]). Славинъ, на допросѣ комиссіи въ Никольскѣ, показалъ, что онъ видалъ у дяди своего, ректора училища Попова „ученіе о сущности религіи“ нѣмецкаго философа Фейербаха, но самъ его не читалъ, а однажды тайно отъ дяди давалъ читать товарищу Кедровскому. На основаніи этого показанія, у ректора Попова, не смотря на возраженія со стороны Преосвященнаго, [2]) сдѣланъ былъ внезапный и строгій обыскъ, но ничего предосудительнаго не было найдено. Ученикъ Кедровскій относительно сего показалъ, что разъ онъ дѣйствительно просилъ у Славина книгъ для чтенія, и тотъ давалъ ему „ученіе о религіи“, которое ему понравилось и съ котораго

[1]) Алексѣй Яковлевичъ Поповъ, въ монашествѣ Павелъ, магистръ XVII курса (вып. 1850 г.) Московской д. академіи, впослѣдствіи (съ 1868 года) Епископъ Тотемскій. Сконч. въ 1874 году.

[2]) Епископъ Волог. Христофоръ (Еммаусскій) сконч. въ 1872 году.

онъ успѣлъ даже списать нѣсколько листовъ, которые и представилъ въ комиссію. Какого автора это ученіе, онъ навѣрное не знаетъ; одни изъ товарищей говорили ему, что это ученіе Преосвященнаго Иннокентія (Борисова), другіе, что оно покойнаго профессора Голубинскаго [3]), въ дѣйствительности же покойнаго Преосвященнаго Иннокентія."

„Вотъ въ какомъ видѣ представляется весь ходъ дѣла", такъ заканчиваетъ свое донесеніе о. ректоръ Московской академіи оберъ-прокурору Ахматову. Изъ него открывается, что ректоръ училища священникъ Поповъ едвали много виноватъ. А если принять во вниманіе отзывъ ректора семинаріи и другихъ извѣстныхъ ему лицъ, рекомендующихъ его, какъ человѣка честнаго, весьма религіознаго и благонамѣреннаго, то едвали будетъ справедливо подозрѣвать его въ неблагонамѣренномъ распространеніи зловредныхъ и возмутительныхъ сочиненій. И о. Алексѣй Яковлевичъ оставленъ былъ внѣ подозрѣній, какъ и большинство учениковъ семинаріи, привлекавшихся къ дѣлу по случайнымъ обстоятельствамъ. Запутается напр. какой-нибудь растерявшійся человѣкъ въ своихъ показаніяхъ, припутаетъ и другихъ. Такъ расширялись обыски и допросы по крайней мѣрѣ 3 мѣсяца и все изъ-за пресловутаго Фейербарха и только къ концу 1862 года наконецъ они прекратились. Лично мнѣ это дѣло, кромѣ уничтоженія всѣхъ моихъ выписокъ и записокъ, принесло еще ту непріятность, что я принужденъ былъ оставить должность письмоводителя семинарскаго правленія, хотя и по прошенію и съ приличнымъ аттестатомъ, но всё-таки, въ виду охлажденія ко мнѣ начальства, между тѣмъ какъ не я былъ собственно виною обыска канцеляріи, а Славинъ, бывшій также письмоводителемъ семинарскаго правленія и уѣхавшій по окончаніи курса на родину. Но горе мое заключалось въ томъ, что я любилъ иногда щегольнуть какой нибудь либеральной глупостью даже въ классныхъ сочиненіяхъ. Пока было тихо, всѣ молчали и мирволили г.г. начальствующіе, а о. ректоръ Іонаѳанъ разрѣшалъ даже открыто читать хотябы тогоже Фейербаха, не увлекайтесь молъ только его идеями, а какъ только возникло непріятное дѣло, благодаря видимой распущенности семинаріи, и стало тогда всѣмъ непріятно присутствіе тѣхъ, кого считали они либералами, называя насъ „горячими головами", а урожденцевъ Новгородской епархіи

[3]) Ѳеоръ Александровичъ Голубинскій прот. проф. Моск. д. академіи Скончъ. въ 1854 г.

„племенемъ Марѳы посадницы“. Всѣ мы были въ такомъ возрастѣ юномъ что не могли быть убѣжденными отрицателями и дѣйствительно не были ни анархистами, ни безбожниками, ни протестантами. Не довольствуясь схоластическими уроками и скудными свѣдѣніями, какія давала намъ семинарія, мы желали учиться и знать и искали познаній вездѣ уже, кто гдѣ могъ, независимо отъ семинарской администраціи и того жалкаго воспитательнаго института, который назывался инспекціей. Допустимъ, читали мы не мало и такого, чего не слѣдовало-бы, но въ тоже время читали мы не одинъ „Современникъ“, не однихъ Фейербаховъ и Герценовъ, а читали мы со всѣмъ вниманіемъ и духовные журналы и „Домашнюю бесѣду“, читали Филаретовъ, Иннокентіевъ, Голубинскихъ, Юркевичей, а главное, любили мы свою св. православную Христову церковь и церковную молитву. Открытіе самими учениками семинаріи ученической библіотеки, изысканіе для нея средствъ и изданіе своего рукописнаго журнала, всё это, казалось-бы, ясно свидѣльствовало о томъ, чего не доставало намъ и въ чемъ мы нуждаемся. А наше начальство держалось въ сторонѣ, какъ будто оно или не сознавало своего долга и нужды смотрѣть за развитіемъ и направленіемъ нашимъ, или очень довѣрчиво относилось къ намъ, или не находило въ себѣ способности и силы умѣло руководить нами. Какъ-бы то ни было, но первое предположеніе я нахожу невѣроятнымъ, второе обличало бы въ начальствѣ отсутствіе пониманія психологіи юности, что также едвали допустимо, и только въ послѣднемъ предположеніи, при нѣкоторыхъ дополнительныхъ условіяхъ, есть возможность усматривать причины распущенности семинаріи, закончившейся непріятнымъ дѣломъ и наложившей на нее грязное пятно на нѣкоторое время. Но какъ это могло случиться? Какъ семинарская молодежь ушла изъ подъ вліянія семинарскаго начальства, молодежь честная, религіозная, мыслящая? Безъ причины ничего не бываетъ. Въ данномъ случаѣ ихъ было много. Скажу хотя нѣсколько словъ въ объясненіе печальнаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ нашей семинаріи въ 1862 году, по своему пониманію. Въ нашемъ курсѣ въ богословскомъ классѣ было нѣсколько больше ста человѣкъ. Изъ нихъ, около половины, были люди весьма даровитые, любознательные и работоспособные, между коими человѣкъ 5—6, рѣшительно блистали способностями. Такъ на письменныхъ работахъ, по философскимъ и богословскимъ предметамъ бывали отмѣтки по 5+; вспоминаю Я. А. Со-

колова. По зрѣлости и основательности мышленія ни мало не уступалъ ему П. В. Богословскій, обучавшійся потомъ въ Московской д. акад міи и затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ, припоступленіи, онъ произвелъ фуроръ своею первою письменною работою, съ которою носился профессоръ цѣлые мѣсяцы. Ив. Ник. Преображенскій былъ и беллетристъ и проповѣдникъ. Дим. Александровичъ Олеховъ—мыслитель также серьезный, а по изяществу изложенія мыслей на бумагѣ, чистотѣ языка, эрудиціи это былъ нашъ Тургеневъ, а между нами конечно первый. Нѣкоторые, если только не всѣ изъ богословскихъ сочиненій и проповѣдей Олехова и еще одного изъ его товарищей такъ понравились о. ректору нашему, архим. Іонаѳану, что, не смотря на всѣ хлопоты, они не могли получить ихъ обратно.—„Никакъ не могу найти господа, затерялись“, отвѣчалъ онъ имъ, на ихъ многократныя просьбы о возвращеніи ихъ сочиненій. Но кто же этому повѣритъ? Но продолжимъ обозрѣніе причинъ. Учились мы въ семинаріи съ 1856 по 1862 годъ, т. е. какъ разъ въ то время, когда съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II-го началось оживленіе общественной мысли, заговорили о прогрессѣ, стала быстро развиваться свѣтская и духовная журналистика, когда даже въ Вологдѣ открыта была публичная библіотека. Въ тоже время появляются въ ряду семинарскихъ преподавателей новые люди прямо съ академической скамьи, люди талантливые, умѣющіе возбудить и поддержать любознательность въ юношахъ. Они не учили насъ безпардонному либеральничанью, но будили мысль, разбирая то, или другое литературное произведеніе, или и наши сочиненія, будили самымъ конечно невиннымъ образомъ. А мы, анализируя ихъ сужденіе, дѣлали уже свои заключенія, мы хотѣли расширять свои скудныя школьныя познанія, хотѣли читать и читать не только то, что должны были знать по семинарской программѣ, но и шире и больше. Мы знали, что есть теченія человѣческой мысли консервативныя и прогрессивныя. Намъ казалось необходимымъ ознакомиться, по мѣрѣ силъ и возможности, болѣе, или менѣе основательно съ тѣми и другими. Мы пошли въ библіотеки публичную и частныя къ знакомымъ людямъ и стали читать уже не однихъ духовныхъ авторовъ, не одни духовные журналы, не одни и свѣтскіе консервативные, а самые передовые, прогрессивные журналы. Такъ постепенно и, пожалуй, почувствительно подошли мы и къ дереву познанія добра и зла, а если подошли,

то развѣ мыслимо для юности удалиться отъ него, не покушавъ заманчивыхъ по виду и аромату его губительныхъ плодовъ! При томъ же мы видѣли что за нами не смотрятъ и насъ ни отъ чего не предостерегаютъ, еще со времени о. ректора архим. Ювеналія, въ послѣдніе годы почему-то совершенно равнодушно относившагося къ худому и доброму въ семинаріи. Наша инспекція, въ лицѣ іеромонаха Григорія Во нова, безсильная умственно и нравственно, какъ было замѣчено раньше, бездѣйствовала. Этотъ удивительный человѣкъ, хотя былъ и магистръ, наивный и односторонній, возбуждалъ только насмѣшки. Не думаю, чтобы онъ зналъ, что были въ Россіи напр. Грановскіе и Бѣлинскіе, что инспектируемыхъ имъ воспитанниковъ семинаріи увлекаетъ не въ мѣру журналъ „Современникъ", что они давно уже зачитываются поэзіей Некрасова, романами Тургенева, статьями Добролюбова и Чернышевскаго. А если зналъ и видѣлъ, что мы увлекаемся и идемъ нецравильно, то почему не останавливалъ насъ такъ, или иначе, какъ умѣлъ? О. ректоръ преслѣдовалъ только одну водку и то отечески, всегда безъ горькихъ послѣдствій для виновныхъ. Натолкнется на выпившихъ,—нашумитъ, подвернется водка,—водку расплещетъ, и дѣлу конецъ. Помощники инспектора, —ихъ было трое,—въ виду этого относились къ намъ равнодушно и безучастно. Что касается г г. профессоровъ и учителей нашихъ, то они довольствовались исправленіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по предметамъ преподаванія, предоставляя всю заботу о нравственномъ направленіи своихъ воспитанниковъ начальству. Только не многіе изъ нихъ, и то у близко стоявшихъ къ нимъ учениковъ ихъ, любопытствовали при случаѣ о томъ, что они читаютъ и чѣмъ занимаются на досугѣ, а порой и помогали разобрать критически какую нибудь литературную новинку, или считали долгомъ подать совѣтъ и сдѣлать своевременное предостереженіе, какъ и было уже замѣчено раньше. Если интересуетъ васъ, любезный читатель, вопросъ что читали семинарскіе власти и г.г. преподаватели нашего времени, то и въ этомъ случаѣ я могу посильно удовлетворить ваше любопытство. Надобно помнить, что содержаніе семинарій тогда вообще было скудное, а содержаніе преподавателей положительно нищенское,— 350 руб. въ годъ, да по ученой степени магистру 100 рублей и кандидату, кажется, 75 руб., за тоже время. Удивительно какъ могли жить люди, въ большинствѣ семейные, на эти средства, но не удивительно, если они ничего не могли удѣлять изъ своихъ

средствъ на выписку книгъ и журналовъ. А на содержаніе семинарской библіотеки ассигновалось такъ мало, точно не помню къ сожалѣнію, — что ничего серьезнаго и цѣннаго не было возможно въ нее выписать, о свѣтской журналистикѣ и помышлять было не возможно. Что же выписывали сюда? Обыкновенно выписывались три — четыре академическихъ журнала, да единственная газета „Московскія Вѣдомости". А за тѣмъ оставлялось по ст. на содержаніе библіотеки, дес тка два рублей на случай выписки какихъ либо особенно нужныхъ книгъ по усмотрѣнію-ли правленія, или по рекомендація начальства въ теченіе смѣтнаго года. Отмѣчу кстати уже и то, что преподавалась у насъ наука, именуемая физикой, а физическаго кабинета мы не видали: его не существовало. На свои средства, что мнѣ извѣстно достовѣрно, никто изъ семинарской администраціи ни чего для себя не выписывалъ *) и были удивлены нѣкоторые изъ нихъ, когда новый ректоръ арх. Іонаѳанъ выписалъ для себя, въ противовѣсъ намъ, ученикамъ семинаріи, выписывавшимъ „Современникъ" въ свою библіотеку. Московскій журналъ „Время", существовавшій, помнится не долго. Относительно г.г. преподавателей семинаріи я долженъ замѣтить, что каждый изъ нихъ по своимъ предметамъ несомнѣнно имѣлъ всѣ существенныя руководства и пособія, за исключеніемъ учителя физики, а изъ текущей журналистики, едвали кто выписывалъ что-нибудь. Такъ думаю я потому еще, что любознательные изъ нихъ обращались за книгами ко мнѣ, какъ къ библіотекарю, въ ученическую семинарскую библіотеку. Большинство же ихъ текущею литературой очевидно не интересовались. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, что наличная семинарская администрація была не въ силахъ авторитетно влять ни на наши умственныя занятія, ни на наше поведеніе, и мы разбрелись, какъ самовольныя дѣти. Явленіе печальное, но скажу я неизбѣжное

Получивъ увольненіе отъ письмоводительской должности въ семинарскомъ правленіи, съ аттестатомъ отъ 20 іюля 1862 г., о прохожденіи этой должности „съ постояннымъ усердіемъ и исправностію", я не замедлилъ отправиться въ родные края на первой подвернувшейся лодочкѣ. До Турундаева проводили меня двое товарищей самыхъ близкихъ и остававшихся пока въ Вологдѣ. Это были Павелъ Васильевичъ Богословскій, назначен-

*) Это невѣрно. Я знаю, что преподаватели выписывали въ складчину въ 1860-хъ годахъ и Современникъ, и Русское Слово, и Свѣточъ, и Вѣкъ и другіе журналы. Конечно они и читали ихъ. Прим. ред.

ный къ поступленію въ Московскую д. академію и Димитрій Васильевичъ Поповъ, оставленный въ должности письмоводителя до пріисканія мѣста. Куда же мнѣ ѣхать? Домой? Но что буду тамъ дѣлать? Извелусь отъ скуки и отъ тѣхъ опасеній, которыя стали западать въ душу въ виду слѣдственнаго дѣла, къ которому быть привлеченнымъ не казалось пріятнымъ. И рѣшилъ я путешествовать по родному и знакомому луховенству, а дома лишь заявиться и сказать, куда и надолго-ли отлучаюсь. Такъ я и сдѣлалъ и пять мѣсяцевъ провелъ не дурно. Какъ кончившій курсъ семинаріи, студентъ и женихъ, я принятъ былъ вездѣ отлично. Конецъ іюля и весь августъ я провелъ въ давно дорогихъ для меня и прекрасныхъ семействахъ священниковъ о. Александра Кратирова въ Тотьмѣ, о. Александра Невѣнскаго въ Городищнѣ Устюжскаго уѣзда, въ Леденгскомъ Усольѣ у товарища А. Г. Лобанова, бывшаго причетникомъ, и на родинѣ. Въ началѣ сентября перекочевалъ я въ Устюгъ, а оттуда 8 сентября уѣхалъ къ родственникамъ въ Никольскій уѣздъ, гдѣ и пробылъ до декабря мѣсяца, бывая, кромѣ родственниковъ, въ семействахъ священниковъ Шолги, Подосиновца, Яхреньги и Утманова, на Ильинскомъ погостѣ. Повторяю, вездѣ былъ я принимаемъ хорошо и любовно, но къ семействамъ о.о. Александровъ Кратирова въ Тотьмѣ и Невѣнскаго въ Городищнѣ я долженъ отнестись съ особенной признательностію. Здѣсь относились ко мнѣ уже не одинъ годъ, какъ къ другу ихъ дѣтей, какъ къ родному человѣку, здѣсь былъ я всегда, какъ дома. Не только сами эти достойнѣйшіе батюшки, но и супруги ихъ добрѣйшіе Дарія Архиповна и Любовь Ѳеодоровна съ дѣтьми ихъ остались въ душѣ моей на всю жизнь незабвенными. При всемъ этомъ мнѣ не всегда было весело. Переписка съ Вологдой у меня прекратилась, въ виду слуховъ, что письма семинаристовъ попадаютъ не по адресу, а въ слѣдственную комиссію. Хотя нигдѣ ничего противозаконнаго изъ книгъ и записокъ у меня не было найдено, хотя нигдѣ и никогда я слухой пропагандой антирелигіозныхъ и антиправительственныхъ ученій не занимался, а если что изъ нихъ и читалъ, то дѣйствительно только изъ любопытства, однако всѣ таки, какъ близко стоявшій къ тѣмъ изъ товарищей, которые замѣшаны были въ непріятное дѣло, опасался,—не буду-ли такъ, или иначе впутанъ въ него. И опасенія мои были не напрасны. Пришлось испытать уже лично меня касающійся обыскъ и давать въ качествѣ оговариваемаго

однимъ изъ неблизкихъ товарищей В. В. Коносовымъ, письменныя показанія. Но позвольте разсказать объ этомъ непріятнѣйшемъ эпизодѣ въ моей жизни подробно.

Въ мѣсяцахъ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ 1862 года моя главная квартира была въ домѣ двоюроднаго брата моего священника Шолгской Троицкой церкви о. Игнатія Аѳанасьевича Кичанова, втораго сына уже нѣсколько разъ упоминавшагося дьячка Стрѣленской Богоявленской церкви Аѳанасія Кичанова. Отсюда уходилъ или уѣзжалъ я время отъ времени, куда было мнѣ нужно, и сюда возвращался. Кромѣ моего родственника, въ Шолгскомъ погостѣ было еще 2 служащихъ священника и 1 свящ. заштатный,—всѣ люди добрые и хлѣбосольные. Было у нихъ кое что и для чтенія. Было и хозяйство. А на досугѣ и батюшки и причетники занимались рыболовствомъ. И занятій, и развлеченій было достаточно. И во всѣхъ семействахъ Шолгскаго духовенства, какъ старый знакомый (гостилъ здѣсь я уже не въ первый разъ), былъ принятъ я хорошо. Только въ концѣ октября сталъ носиться среди духовенства темный слухъ, что гдѣ-то въ Шолгѣ есть политическій преступникъ. Это сообщеніе брата и хозяина моего задѣло за сердце особенно, когда онъ поставилъ вопросъ прямо: „И я не попалъ ли по Утмановскому дѣлу о Благовѣщенскомъ?“ Тогда я долженъ былъ разсказать ему все, что самому мнѣ объ этомъ дѣлѣ было извѣстно, и увѣрялъ, что я къ этому дѣлу не привлекаюсь и ни въ какой пропагандѣ не виновенъ. Онъ, было, тогда и успокоился. Но скоро опять смутила его бумага отъ мѣстнаго благочиннаго о. Симеона Поддьякова изъ Подосиновца. Благочинный требовалъ, во избѣжаніе хлопотъ, моего удаленія изъ Шолги. Тогда мнѣ не безъ труда удалось убѣдить брата, что ему-то безпокоиться рѣшительно не о чемъ, если и коснулось-бы дѣло меня, да и меня безъ явныхъ уликъ никто не обвинитъ А гдѣ эти улики? Вѣдь вы же знаете теперь, что у меня и въ Вологдѣ ничего не найдено, и на родинѣ, и здѣсь нѣтъ ничего. Можетъ случиться, что кто-либо оговоритъ меня, но этого мало, оговаривающій долженъ доказать оговоръ. Иначе я назову такой оговоръ клеветою, а судъ признаетъ его недоказаннымъ. Переталъ послѣ этого хозяинъ выживать своего гостя изъ дома, но былъ уже все время, до развязки дѣла, грустнымъ. Настоятель же церкви о. Андрей Іосифовичъ Поповъ,—отдаю ему справедливость,—былъ весьма корректенъ. Объявивъ хозяину моему бумагу о. благочиннаго, ни-

какого нравственнаго давленія на него не производилъ. Тѣмъ не менѣе населеніе Шолгскаго погоста стало въ эти тяжелые дни относиться ко мнѣ осторожно и сдержанно. Когда проходилъ я мимо того или другого дома по погосту, то не могъ не замѣчать, какъ передо мной закрывались двери его. Очевидно для Шолгскаго духовенства мои посѣщенія стали нежелательными. Наконецъ въ концѣ октября дѣло разъяснилось. Погостъ и я, съ моимъ озабоченнымъ хозяиномъ, успокоились. Сидѣлъ я какъ-то за какимъ-то дѣломъ въ кухнѣ. Не вижу, а слышу, что отворяются двери и входитъ сюда группа людей. Еще минута и раздается голосъ: „Здѣсь гоститъ такой то NN?“ Невольно я вздрогнулъ, бросилъ свое занятіе и пошелъ на встрѣчу спрашивавшему меня, отвѣчая на вопросъ и рекомендуясь. Смотрю передо мною слѣдственная комиссія, во главѣ которой держится какой-то чиновникъ,—то былъ судебный слѣдователь Никольскаго уѣзда Скворцовъ,—за нимъ настоятель Шолгской церкви о. А. Поповъ, какъ депутатъ очевидно, и нѣсколько человѣкъ понятыхъ изъ Шолгскихъ властей и крестьянъ. Руки мнѣ никто не подалъ и никакъ не поздоровался, даже о. Андрей, хотя и не одинъ онъ былъ знакомъ мнѣ, за исключеніемъ слѣдователя, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Комиссія,—это дѣйствительно была она,—была серьезна и молча смотрѣла на меня, а слѣдователь началъ возиться съ таинственнымъ портфелемъ.—„Если, господа, нуженъ вамъ я, заговорилъ я, то я къ вашимъ услугамъ черезъ двѣ—три минуты, пока одѣнусь (я былъ въ пилафрокѣ)“,—и пошелъ изъ кухни въ комнату черезъ холодныя сѣни. Вслѣдъ за мной раздался голосъ слѣдователя: „Этого нельзя“, но я ушелъ, не отвѣчая уже на это замѣчаніе. Увидѣвъ здѣсь хозяина своего и брата, я сказалъ ему, что въ кухнѣ слѣдственная комиссія.—„Пойди, займи ее, а я пока поуспокоюсь и одѣнусь“. Но едва успѣлъ я одѣться, какъ комиссія была уже въ моей комнатѣ, гдѣ слѣдователь и объяснилъ, что долженъ произвести въ домѣ обыскъ и отобрать у меня письменныя показанія по дѣлу о Благовѣщенскомъ и Румянцевѣ. Подавая мнѣ довольно большое дѣло съ надписью „секретное арестантское“, указалъ онъ мнѣ рядъ уже поставленныхъ вопросовъ, съ большими пробѣлами для отвѣтовъ, и предупредилъ, что начерно писать отвѣты не позволяется и читать дѣла нельзя. И я сталъ считать и изучать вопросы, оказавшіеся, какъ и быть должно, ни на чемъ не обоснованными и разсчитанными, какъ по-

казалось мнѣ, на глупость, или легкомысліе спрашиваемаго. Изъ всѣхъ 17, или 13-ти предложенныхъ мнѣ вопросовъ одинъ о Фейербахѣ опирался лишь на показаніяхъ одного изъ не близкихъ моихъ товарищей Василья Викторовича Коносова, человѣка не бойкаго и, видимо запутавшагося въ показаніяхъ. Вопросъ стоялъ такъ: „Отъ кого получили вы сочиненіе нѣмецкаго ученаго Фейербаха,—„Сущность хрістіанства“—въ литографированныхъ записках, которыя бралъ у васъ для чтенія товарищъ вашъ Василій Коносовъ?“—„Фейербаха“, отвѣчалъ я, „знаю только по наслышкѣ; ни упоминаемаго, ни другихъ сочиненій этого автора у меня никогда не было. Показанія Василія Коносова я не понимаю и объясняю его только тѣмъ, что читалъ онъ бывшее у меня въ рукописи „Ученіе о хрістіанской религіи“ изъ академическихъ лекцій архіеп. Иннокентія Борисова, въ запискахъ студентовъ, или „Умственное Богословіе“ проф. Моск. д. академіи прот. Ѳ. А. Голубинскаго, также рукописное и также написанное студентами по лекціямъ профессора. Одно изъ этихъ сочиненій, помню, Коносовъ у меня бралъ и я, подавая его, говорилъ ему: „смотри, читай, братъ, поосторожнѣе, вѣдь это Фейербахъ“.—Очевидно мой добрый товарищъ такую мою шутку, сказанную съ миной серьезной, принялъ серьезно, Иннокентія читалъ за Фейербаха и затѣмъ оболгалъ себя и меня, при допросѣ.—А что у меня ничего неблагонамѣреннаго не было и нѣтъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ обыски, сдѣланные слѣдственными комиссіями въ семинаріи и здѣсь“. На всѣ остальные вопросы, мнѣ легко было отвѣчать отрицательно, такъ какъ никто ни въ чемъ не обвинялъ меня и никаки ъ и никѣмъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу людей на меня указаній и инсинуацій не было сдѣлано, и если комиссія и поставила въ дѣлѣ еще нѣкоторые вопросы, напр нѣтъ-ли у меня запрещенныхъ книгъ, въ родѣ „Колокола“ Герцена и т. п., то очевидно такъ поступала она, по побужденіямъ только формальнымъ, чтобы избѣгнуть канцелярскихъ пробѣловъ. Убѣдившись, что въ показаніяхъ моихъ противорѣчій нѣтъ, не остается ничего и необъясненнаго и заподписавши особо каждый изъ нихъ, я передалъ дѣло слѣдователю, давно уже закончившему обыскъ. Прочитавши мои показанія, слѣдователь простодушно вздохнулъ, подалъ мнѣ руку и поздравилъ меня съ благополучнымъ концемъ, сказавъ, что показанія ясны и тверды, что никакой непріятности болѣе не можетъ мнѣ быть. Послѣ подписи дѣла объ обыскѣ и допросѣ, комиссія была рас-

пущена, а слѣдователь и о. Андрей приглашены были моимъ обрадованнымъ хозяиномъ напиться чаю и закусить, отъ чего ни тотъ, ни другой не отказались.

Послѣ проводовъ непріятныхъ гостей, снова зажилъ я въ Шолгѣ припѣваючи. Двери домовъ духовенства снова открылись. Меня перестали считать пугаломъ, которому угрожала будтобы темная повозка и Сибирь, какъ гласила молва. За тѣмъ со смѣхомъ разсказывали мнѣ члены семей Шолгскаго духовенства, какъ они запирали двери домовъ среди бѣлаго дня, когда я проходилъ мимо, изъ опасенія, чтобы я не зашелъ въ домъ. Меня уже начинали бояться, какъ зачумленнаго. Теперь всѣ эти страхи минопали. Всѣ поняли, что тревожились напрасно. И у меня стало легче на душѣ, когда я увидѣлъ, что непріятное семинарское дѣло только слегка меня коснулось и серьезнымъ вредомъ угрожать мнѣ не можетъ. Теперь пожалуй гостить въ Шолгѣ мнѣ можно было бы сколько угодно, но приходило время подумывать о службѣ и о мѣстечкахъ, а у меня еще не было и невѣсты въ виду. Не измѣнилъ я своего намѣренія ни отдохнуть послѣ семинаріи съ полгода, ни посвятить себя на службу церкви въ священномъ санѣ. Проходило уже 5 мѣсяцевъ какъ я скитался по міру безъ дѣла и нигдѣ ничего не подсмотрѣлъ для себя, ни мѣста, ни невѣсты. А въ Шолгу мнѣ не преподнесутъ ихъ. Надо будетъ ѣхать въ Вологду. Началъ вставать передо мною поэтому вопросъ денежный во всей своей силѣ. Гдѣ и какъ я раздобудусь деньгами на дорогу и на содержаніе въ Вологдѣ хотя на нѣкоторое время? Переталъ я думать о дрянномъ семинарскомъ дѣлѣ, не пошло на умъ и веселье. Меня потянуло домой, чтобы оттуда отправиться въ Вологду. На пути изъ Шолги на родину побывалъ я вблизи Устюга на Будринѣ у стараго священника о. Іоанна Васильевича Воскресенскаго, который выходилъ заштатъ съ отдачею своего мѣста своей племянницѣ священнической дочери Евдокіи Веселовской. О. Воскресенскій, принялъ меня прилично, какъ жениха, побесѣдовалъ со мною не мало, показалъ мнѣ клировыя вѣдомости, расхвалилъ свой приходъ, но на невѣсту взглянуть не позволилъ. Оказалось, что я ему не понравился. Когда на слѣдующій день попросилъ я причетника Павла Ильича Кичанова справиться у о. Іоанна, угодно-ли ему имѣть со мною дѣло о занятіи его мѣста, со взятіемъ племянницы его, онъ сказалъ: „нѣтъ, этотъ женихъ боенъ, мнѣ съ нимъ не ужиться, не намѣренъ я съ нимъ

начинать дѣло". О невѣстѣ не было и рѣчи, не ея молъ дѣло разбираться въ женихахъ. А невѣсту и самъ онъ хвалилъ и другіе люди довольно широко. и при всемъ этомъ не соизволилъ дать мнѣ возможности ни повидать ее, ни поговорить съ ней. Такъ и вышелъ у меня, повидимому, первый блинъ комомъ.

Прибывши на родину, я узналъ, что и здѣсь была слѣдственная комиссія, справилась обо мнѣ, пересмотрѣла мои книги и бумаги и удалилась. Посовѣтовавшись съ родителями, я рѣшилъ выѣхать въ Вологду на святкахъ. Они пообѣщали дать мнѣ денегъ на дорогу. Я успокоился, но всё подумывалъ о Будринскомъ мѣстѣ, дѣйствительно очень удобномъ, не бѣдномъ, ружномъ, но съ сѣнокосомъ, и близгороднемъ.—Погостъ Будринскій находится въ 11-ти верстахъ отъ г. Устюга, по направленію на сѣверъ, а приходское населеніе Будринской церкви составляетъ ту историческую Котовальскую волость (нынѣ часть Нестеферовской волости), гдѣ на пустомъ мѣстѣ разрѣшилась каменная туча, угрожавшая Устюгу во дни праведнаго Прокопія. Дней за десять до святокъ пріѣхалъ на мою родину разсыльный отъ мѣстнаго благочиннаго съ бумагами и сообщилъ между прочимъ интересную для меня новость о послѣдовавшей недавно смерти Будринскаго священника о. Іоанна Воскресенскаго. Разсыльный на Будринѣ уже былъ (церкви Будринская и моей родины находятся въ одномъ округѣ) и разсказалъ подробно мнѣ и о томъ, что къ больному о. Іоанну выписаны были обѣ его Вологодскія дочери съ мужьями—чиновниками и племянникъ изъ Лальска соборный священникъ о. Флегонтъ Соколовъ. Всѣ они дожили на Будринѣ до смерти о Іоанна, схоронили его и на этихъ дняхъ зятья и дочери уѣхали въ Вологду, взявши съ собой и племянницу покойнаго невѣсту, для пріисканія къ ней жениха, съ занятіемъ послѣ дяди, священническаго мѣста. Хотя очень интересовался я Будринскимъ мѣстомъ и непоказанною невѣстой, но, чтобы не дать понять ея родственникамъ своихъ желаній, рѣшилъ не выѣзжать въ Вологду до святокъ, какъ и предположено было раньше. Ѣхалъ я до Тотьмы, помнится, съ товарищемъ на одной лошади, а дальше также на одной и притомъ не по станціямъ, а по знакомому мнѣ до самой Вологды духовенству, которое и пріискивало мнѣ самыя дешевыя подводы. По прибытіи въ Вологду, прежде всего узналъ, что дѣло о Благовѣщенскомъ и Румянцевѣ кончилось благополучно. Не только прикосновенныя къ дѣлу лица, но даже Румянцевъ

на свободѣ и всѣхъ ихъ охотно принимаютъ не только на гражданскую службу, но и на службу церковную Прекрасно. Значитъ, мнѣ можно начинать свои хлопоты о поступленіи во священники и началъ ихъ съ наведенія справокъ о мѣстѣ жительства Будринской невѣсты, гостившей у старшаго зятя покойнаго о. Іоанна, чиновника Бѣляева. Здѣсь нашелъ я и невѣсту и ея мать и въ тоже время узналъ, что они вошли въ согласіе уже съ однимъ изъ моихъ товарищей, Аѳиногеномъ Прокопьевичемъ Поповымъ, человѣкомъ скромнымъ, но чахоточнымъ. Мнѣ стало жаль невѣсты и ея простодушной матери, а на г.г. Бѣляевыхъ даже обидно. Завязываютъ съ человѣкомъ такое важное дѣло, какъ бракъ, и не видятъ, что женихъ „на ладонъ дышетъ“ и непрерывно кашляетъ. Заявилъ, что я сегодня совершенно свободенъ и если не обременяю ихъ своимъ присутствіемъ, то охотно побесѣдовалъ-бы съ ними обо всемъ, о чемъ только имъ угодно. Меня пригласили посидѣть и старушка—мать невѣсты скоро, похваливъ скромность жениха, замѣтила, что онъ покашливаетъ. Это замѣчаніе и дало мнѣ возможность показать свое благоразуміе и привлечь къ себѣ общее вниманіе. Я началъ съ того, что покорнѣйше просилъ объ избранномъ женихѣ меня не распрашивать. Онъ мнѣ товарищъ и такой же, какъ и я, кандидатъ на должность священника и вдобавокъ, бѣднякъ нуждающійся въ мѣстѣ Ни хвалить, ни порицать его я не могъ и не желалъ, опасаясь быть заподозрѣннымъ въ своекорыстіи и пристрастіи, а просто спросилъ, кто порекомендовалъ имъ этого жениха? Старушка—мать и Бѣляевы отвѣчали, что никто имъ его не рекомендовалъ и ни у кого они о немъ не спрашивали.—„Пришелъ онъ къ намъ“, говорили они, „такой скромный, да тихонькій и пояснилъ, что онъ кончившій курсъ семинаріи, даже студентъ, и желалъ-бы занять на Будринѣ священническое мѣсто, со взятіемъ ихъ невѣсты“—„А на вопросъ о причинахъ кашля женихъ сказалъ, что ѣхалъ онъ нынѣ въ Вологду съ извощиками на возахъ и простудился.“—Не сомнѣваюсь, что всё это такъ, но прошу простить меня, если я замѣчу, что въ выборѣ жениха для вашей невѣсты, и то кандидата на должность священника въ хорошемъ приходѣ, весьма рискованно пренебрежительно относиться къ справкамъ объ насъ. У насъ есть начальство и учителя, почему бы вамъ не спросить кого-нибудь изъ нихъ о женихѣ? Они знаютъ насъ хорошо и кривить душею не станутъ, отзываясь о насъ“. Всѣ согласились, что я говорилъ правду и

удивлялись, какъ это не пришло имъ въ голову, не смотря на то, что есть знакомые у нихъ между профессорами семинаріи. Поблагодаривъ меня за совѣты, они сказали, что сегодня же справятся о женихѣ, съ которымъ велось сватовство, а меня попросили снова зайти къ нимъ вечеромъ тогоже дня, если я свободенъ. Я не отказался и отъ Бѣляевыхъ прямо пошелъ къ Николаю Ивановичу Суворову съ поклонами отъ его родныхъ изъ Утманова, Подосиновца--Городка и Сараева. Николай Ивановичъ принялъ меня очень радушно. Поговорили о священнической службѣ, о трудахъ ея и задачахъ. Николай Ивановичъ одобрилъ мое намѣреніе идти во священники, а я попросилъ его не отзываться обо мнѣ не хорошо, если-бы спросили у него отзыва люди, съ которыми мнѣ пришлось-бы имѣть дѣло.-- „Я знаю васъ, отвѣчалъ мнѣ Николай Ивановичъ, вотъ уже больше 6-ти лѣтъ, ни въ чемъ дурномъ васъ не замѣчалъ и отозваться не хорошо не могу". Поблагодаривъ добрѣйшаго учителя моего, тогоже дня побывалъ еще у о. Алексѣя Яковлевича Попова, ректора д. училища. Отъ него узналъ я подробности семинарскаго дѣла, узналъ и то, что Преосвященный Христофоръ колебался нѣкоторое время въ вопросѣ о томъ, принимать-ли на церковную службу изъ кончившихъ тѣхъ, кто оказался болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ семинарскому дѣлу. Ему было объяснено, что дѣло это не политическое, а только, если угодно, религіозное, обнаруживающее при томъ не развращенность семинарской молодежи, а гонятную въ даровитыхъ юношахъ любознательность. Владыка успокоился и рѣшился опредѣлить во священники не подвергавшихся аресту и стало быть свободныхъ отъ политическаго преслѣдованія, какъ поступало и гражданское начальство, хотя и были сдѣланы у нихъ слѣдственною комиссіей обыски и отбирались показанія. И нужно сказать, что поступая такъ, епархіальный епископъ, очевидно хорошо понимавшій время и жизнь, ни мало не ошибся. Изъ молодыхъ людей нашего курса, подвергавшихся, по винѣ Благовѣщенскаго допросамъ и обыскамъ, вышли достойные священнослужители. Многіе изъ нихъ были лучшими благочинными, нѣкоторые удостоились протоіерейскаго сана и всю жизнь не лѣностно трудились на пользу церкви и своей паствы. А о. Алексій Яковлевичъ Поповъ былъ даже Епископомъ Тотемскимъ, викаріемъ Вологодскимъ, съ именемъ Павла. Жаль одного, что этому умному и просвѣщенному человѣку не далъ Богъ долгой жизни.—Ему, скажу кстати, обязанъ я умѣньемъ разбираться въ отрицатель-

ныхъ сочиненіяхъ и читать ихъ небоязненно для цѣлей пастырскихъ. Но позвольте возратиться къ прерванной нити разсказа. Вечеромъ я былъ снова у Бѣляевыхъ и замѣтилъ, что ко мнѣ все семейство стало относиться съ лестнымъ для меня вниманіемъ. За чаемъ была и невѣста, которую я видѣлъ въ первый разъ. Разговоръ шелъ легкій, шутливый, непринужденный. Послѣ чаю невѣста удалилась, а матушка съ хозяевами осталась со мной и повела откровенную бесѣду. Она стала признаваться, что избраннаго ими жениха вообще не хулятъ добрые люди, хотя и считаютъ его незамѣтнымъ среди товарищей, но о здоровьѣ его отзываются очень сомнительно.

Что же вы теперь намѣрены дѣлать? не стѣснился я поставить вопросъ.

Надо будетъ ему отказать, отвѣчали мнѣ.—А дальше что?

Надо будетъ пріискивать другаго жениха.—Не пойдете-ли вы на Будрино во священники, со взятіемъ нашей невѣсты?—Только не запрашивайте ни приданаго, ни денегъ, у невѣсты—сироты ничего вѣдь нѣтъ.

Не знаю, что сказать вамъ на это, но пока не кончено у васъ дѣло съ Аѳиногеномъ Прокопьевичемъ я ничего не отвѣчу на ваше предложеніе.

Мы откажемъ завтра, когда придетъ женихъ съ прошеніемъ для подписи.

А я подумаю и завтра же пожалуй побываю у васъ, если угодно.

На слѣдующій день еще до полудня пришелъ ко мнѣ на квартиру сынъ дьякона кладбищенской Введенской ц г. Вологды, ученикъ семинаріи Дьяковъ съ предложеніемъ также невѣсты и дьяконскаго мѣста на кладбищѣ, вмѣсто умершаго отца. Невѣсту эту я зналъ. Невѣста вполнѣ приличная и съ приданымъ; мѣсто хотя и дьяконское, но богатое. Я попризадумался надъ вопросомъ о мѣстѣ и невѣстѣ, но, вспомнивъ о родителяхъ, почувствовалъ влеченіе къ Будринской невѣстѣ и мѣсту, находившемуся въ одномъ благочинническомъ округѣ съ церковью моей родины. А когда знакомый мнѣ братъ невѣсты Дьяковой, въ слѣдъ за моимъ отказомъ, обратился за совѣтомъ о томъ, кого порекомендовалъ бы я, въ качествѣ жениха, его сестрѣ, я указалъ на товарища моего Ивана Николаевича Озеркова, умершаго потомъ священникомъ Вологодскаго Спасскаго собора. Съ нимъ и повели сватовство Дьяковы, за него эта невѣста и вышла за мужъ. А я рѣшился, если будетъ отказано матерью Будринской невѣ-

сты Аѳиногену Прокопьевичу, войти въ сватовство съ нею, не смотря на бѣдность ея и свою. Мнѣ нравились въ этой невѣстѣ ея здоровый видъ и деревенская простота въ обращеніи. Въ 2 часа по полудни я былъ уже тамъ. Съ Аѳиногеномъ Прокопьевичемъ дѣло было прекращено. Повели его со мною. Но о чемъ намъ было толковать? У меня не было ничего, кромѣ бѣдности, и у невѣсты тоже. Меня конечно спросили, какое запрошу приданое съ невѣстой вещами и деньгами, и были удивлены, когда я сказалъ, что если я не противенъ ни невѣстѣ, ни ея матери, то я ни денегъ, ни приданаго, ничего не прошу, а что будетъ дано съ ней, съ тѣмъ и возьму. Мнѣ даже и пира свадебнаго не надо, родители мои далеко, на свадьбѣ быть не могутъ, а изъ родственниковъ здѣсь есть одинъ только двоюродный братъ, причетникъ Казанской церкви Кичановъ. Столковались мы скоро и, заручившись согласіемъ невѣсты, помолились Богу. Въ тоже время и тутъ же въ домѣ Бѣляевыхъ было написано мною и прошеніе, съ которымъ и рѣшено было идти къ Преосвященному Христофору на слѣдующій день. Когда прошеніе наше (обоюдное отъ матери невѣсты и отъ моего имени) было написано и подписано, ко мнѣ вся семья,—и Бѣляевы и гости ихъ—обратились съ возгласомъ: „такъ вы вотъ какой! Въ полчаса, безъ всякаго черняка, вы написали чисто и стройно прошеніе архіерею, тогда какъ Аѳиногенъ Прокопьевичъ часа три возился съ однимъ черпякомъ прошенія, да такъ и ушелъ, не закончивъ его.

Это его дѣло, отвѣчалъ я.

Не даромъ, видно, и хвалилъ васъ Николай Ивановичъ Суворовъ, а объ Аѳиногенѣ Прокопьевичѣ сказалъ, что даже не помнитъ его. Сказать-ли вамъ, продолжала одна изъ родственницъ невѣсты, что я была за справками о женихахъ у Н. Ивановича въ то время, какъ вы сидѣли у него въ залѣ.

А! Такъ вотъ какъ! Теперь я понимаю почему Николай Ивановичъ и улыбался порою добродушно, выходя ко мнѣ изъ гостиной, куда вызывали его, отвѣчалъ я.

Но пора прекратить эти подробности, скучныя для читателя. Всѣ это я понимаю и извиняюсь за нихъ. Но мнѣ хотѣлось на собственномъ примѣрѣ показать, какъ велись въ наше время дѣла о выходѣ молодыхъ людей во священники со взятіемъ невѣстъ, за которыми оставлялись даже священническія мѣста. Велись иногда эти дѣла и иначе, но объ этомъ поговорю дальше, если представится удобный случай.

На слѣдующій день, ровно въ 10 часовъ утра въ началѣ января 1863 года, явившись съ матерью въ архіерейскій домъ и бывъ принятъ епископомъ, я объяснилъ кратко, кто мы просители и о чемъ просимъ. Принимая прошеніе, епископъ кротко сказалъ мнѣ: „это дѣло я знаю, но на Будрино опредѣлить тебя не могу. Туда просится мѣстный благочинный, которому, по силѣ извѣстной ст. Уст. Д. Консист., отказать нельзя, а вотъ, если хочешь, на мѣсто его назначу“. Такой оборотъ дѣла былъ неожиданный. Немедленно отвѣчать на него ни положительно, ни отрицательно я не могъ и попросилъ у владыки позволенія подумать и справиться о мѣстѣ въ консисторіи. а старушка, мать моей невѣсты, заботилась лишь о томъ, чтобы я не отказался отъ ея невѣсты за неполученіемъ Будринскаго мѣста. По консисторскимъ документамъ Будринская причтовая доходность была, правда, выше, чѣмъ доходность церкви, при которой 12 лѣтъ служилъ благочинный, но прихожанъ при этой церкви было больше, чѣмъ при церкви Будринской. Какъ письмоводителю семинарскаго правленія, канцелярія консисторіи мнѣ была хорошо знакома. Посовѣтоваться было для меня полная возможность съ опытными столоначальниками. Они разсудили, что Будринская доходность причта приподнята умершимъ священникомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, намѣренно, чтобы привлечь вниманіе семинаристовъ къ его невѣстѣ и мѣсту, уже оффиціально оставленному за нею. А благочинный этотъ не любитъ хвастать своею доходностью. которая, безъ сомнѣнія, у него очень понижена. Консисторія считаетъ эти приходы по причтовой доходности почти равными, съ той только разностію, что Будринскій приходъ ружный и близгородный, а приходъ благочиннаго въ 35 верст. отъ Устюга и хозяйственный. „Да знайте наконецъ, что ни одинъ благочинный, въ виду покровительствующей имъ ст. Уст. Д. Конс. (ее нѣтъ въ послѣднемъ изданіи), на худомъ мѣстѣ жить не станетъ“. Поблагодаривъ за совѣты и разъясненія моихъ консисторскихъ пріятелей, я рѣшился занять мѣсто благочиннаго. Со стороны невѣсты возраженій не послѣдовало. Мнѣ оставалось только письменно заявить епископу о своемъ согласіи поступить во священники къ церкви, при которой служилъ благочинный, и сдѣлать это конечно я не замедлилъ. Прошло недѣли двѣ со времени подачи прошенія, въ теченіе которыхъ я большую часть времени проводилъ въ семействѣ Бѣляевыхъ и только теперь ознакомился покороче со своею невѣстой, и благочинный Дроздовъ былъ переведенъ на

Будрино, а я назначенъ на его мѣсто. Надобно было готовиться къ вѣнчанію и приготовлять священническую одежду, а денегъ у меня было не больше 5 рублей. Занявъ у зятьевъ умершаго Будринскаго священника, чиновниковъ Бѣляева и Флоридина 100 рублей, я долженъ былъ на эти деньги и сватьбу провести и одежду устроить и на мѣсто службы уѣхать уже съ женою, за 400 верстъ слишкомъ отъ Вологды. И все это удалось мнѣ въ такой степени благополучно, что на мѣсто службы пріѣхалъ я съ остаткомъ денегъ въ карманѣ въ количествѣ 20 копѣекъ. Какъ же было достигнуто это? Извольте, разскажу, если вамъ не скучно читать мою хронику. Мое вѣнчаніе совершено было въ Кирилловской Больше-Ельминской церкви Вологодскаго уѣзда, находящейся въ 60-ти верстахъ отъ Вологды по Кирилловскому тракту. Уѣхалъ я туда съ тысяцкимъ и свахой изъ Вологды въ дилижансѣ, за 10 рублей. Свадебный столъ устроилъ братъ невѣсты священникъ этой церкви о. Евгеній Веселовскій, давно уже умершій. Онъ же и проводилъ новобрачныхъ послѣ сватьбы на своей лошади въ Вологду, самъ являясь кучеромъ. Изъ моихъ гостей на сватьбѣ были только два брата Поповыхъ Евгеній и Аркадій, первый чиновникъ, а второй семинаристъ,—мои земляки и будущіе сосѣди по мѣсту службы ихъ родителя, священника Близгородной Благовѣщенской ц. Устюжскаго уѣзда о. Ѳеодора Іоанновича Попова. А со стороны невѣсты пріѣзжали ко столу сосѣдніе священники—благочинный о. А. Подстанцкій, о. Петръ Шляпинъ и о. Викторъ Взеденскій съ супругами, да родной братъ невѣсты причетникъ Константинъ Веселовскій, всѣ конечно съ супругами. И только. На подрясничекъ мнѣ было подарено матерью невѣсты какой то легонькой матеріи, а рясу, конечно самъ холодную, сошилъ я на свой счетъ. 10 февраля 1863 года я былъ посвященъ въ санъ діакона, а 17 февраля въ санъ священника. Расходовъ при этомъ я никакихъ не терпѣлъ, Ни о.о. дьяконы соборные съ протодіакономъ, ни пѣвчіе съ жезловщиками и книгодержцами, ни чиновники консисторіи—никто не обращался ко мнѣ за подачкою, зная отлично, что у меня взять нечего. Одинъ только тогдашній секретарь консисторіи Ив. Дмитріевичъ Труневъ, при выдачѣ какой-то бумаги, которую намѣренно задержалъ у себя на квартирѣ, просилъ у меня хотя бы рублевочку, но я ему отвѣтилъ, что канцелярскіе бѣдняки пощадили меня ничего не имѣющаго, а „вы-то слава тебѣ, Господи, я вѣдь давно знаю васъ, не на бѣдность же про-

сите?“ И онъ замолчалъ и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ подалъ мнѣ бумагу. Не могу не отмѣтить еще слѣдующаго обстоятельства. Въ день рукоположенія меня во діакона, 10 февраля, была въ 1863 году сырная недѣля. Въ теченіе же первой недѣли Великаго поста было приказано мнѣ служить діакономъ съ однимъ изъ соборныхъ діаконовъ въ Крестовой церкви. Здѣсь я не замедлилъ показать свой порядочный голосъ и умѣнье говорить недурно эктеніи. По адресу ставленника раздались похвалы. А въ слѣдъ за тѣмъ онъ былъ призванъ къ епископу и получилъ отъ него приказаніе написать проповѣдь на тему: нѣсть власть, аще не отъ Бога. Что значило бы это? Я уже діаконъ и вотъ мнѣ испытаніе. Надобно писать проповѣдь на тему политическую. Задумываться однако было некогда, надо работать. Прошелъ еще день, въ Вологдѣ заговорили, что епископъ думаетъ оставить меня діакономъ въ соборѣ.—Ну, теперь, понимаю цѣль проповѣди, рѣшилъ я въ своемъ умѣ и со всею осторожностію развилъ въ проповѣди данную мнѣ тему, чтобы не дать повода къ заключенію о моей религіозной разшатанности, или незрѣлости. Отлично, помню, что эту проповѣдь началъ я весьма нравившеюся мнѣ тирадою изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, не цитируя однако ея, слѣдующею: „Есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга Божественная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни, книга эта Евангеліе“. Проповѣдь была написана и подана епископу не позже четверга первой недѣли поста, которую служилъ я дьякономъ въ Крестовой церкви всю, въ присутствіи владыки, а въ пятницу мнѣ уже было имъ приказано готовиться къ рукоположенію во священника въ предстоящую недѣлю Православія. Проповѣдь моя такъ и осталась у епископа, а молва о моемъ діаконствѣ въ соборѣ замовкла. 17 февраля, въ недѣлю Православія и удостоился недостойнѣйшій авторъ этихъ воспоминаній получить благодать священства, по милости Божіей и доброму соизволенію многоопытнаго и мудраго архипастыря. Сорокъ семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь, святитель Христовъ, вспоминать о тебѣ и молиться за тебя—высокое, духовное для меня утѣшеніе! По рукоположеніи въ санъ священника, за первою литургіею, поставленъ я былъ подлѣ покойнаго о. протоіерея Василія Іоанновича Нордова; —этотъ великій старецъ и былъ моимъ первымъ учителемъ, на дѣлѣ, въ молитвенномъ предстояніи престолу благодати со страхомъ Божіимъ, вѣ-

рою и любовію. Для обученія богослуженію избралъ я Казанскую церковь, въ сторожкѣ которой жилъ нѣкогда больше года на антоніевой пищѣ. Обычный срокъ обученія была недѣля. Прошла она незамѣтно. Научиться служить тому, кто съ дѣтства былъ въ церкви, любилъ церковную службу, пѣлъ, читалъ въ церкви, кто прислуживалъ въ алтарѣ, было нетрудно. Получена была затѣмъ и грамота, причемъ преосвященный Христофоръ благословляя на служеніе, кромѣ обычныхъ добрыхъ пожеланій, не сказалъ ничего особеннаго, даже не намекнулъ о непріятномъ семинарскомъ дѣлѣ. Нужно было отправить два небольшихъ сундука, получившихся съ вещами моей жены, на мѣсто службы, чтобы самимъ намъ уѣхать затѣмъ уже, какъ случится, совершенно налегкѣ. И этотъ маленькій багажъ нашъ былъ отправленъ по назначенію съ извозщикомъ Василіемъ Ивановичемъ Латыпцевымъ, оказавшимся моимъ прихожаниномъ. Оставалось съѣздить въ Малое Кириллово, проститься съ новыми родственниками тамъ, друзьями и покровителями моими въ Вологдѣ, и уѣзжать на мѣсто службы. Пока все это происходило, были опредѣлены на священническія мѣста нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Василій Константиновичъ Смирновъ, женившійся съ воли на священнической дочери Ключаревой, поступилъ священникомъ на мѣсто отца своего къ Бобровниковской церкви, вблизи Устюга. Очень дѣльный это былъ человѣкъ, но, къ сожалѣнію, скоро овдовѣлъ, пошелъ въ монастырь, сталъ выпивать и преждевременно умеръ. Степанъ Ивановичъ Поповъ, женившійся на Яблонской, дочери бывшаго Вологодскаго протодіакона, поступилъ во священники къ Утмановской Илинской ц. Никольскаго уѣзда. Удивительно то, что этотъ молодой человѣкъ, учась въ семинаріи, табаку не курилъ, водки не пилъ, а поступивъ на службу, вдругъ запилъ, а потомъ послѣ безуспѣшныхъ вразумленій былъ лишенъ мѣста и умеръ также преждевременно. Аѳиногенъ Прокопьевичъ Поповъ, съ которымъ при поступленіи во священники не однажды встрѣчался я въ Вологдѣ и видѣлъ плохое состояніе его здоровья, очевидно самъ не понималъ этого, женился на какой-то богатой священнической дочери Никольскаго уѣзда, за которою тоже было оставлено священническое мѣсто при одной изъ Вохомскимъ церквей и принялъ санъ священства. Обучившись богослуженію въ Вологдѣ, поѣхалъ онъ съ молодою женой на Вохму уже совершенно обезсиленнымъ, больнымъ. По прибытіи на мѣсто едва онъ могъ отслужить одну литургію, въ первый день Пасхи, или

въ недѣлю Ваій—уже не помню, затѣмъ слегъ въ постель и умеръ отъ скоротечной чахотки, не побывавши ни разу въ приходѣ. А для меня между тѣмъ пришла пора выѣзжать къ мѣсту моей службы. Ѣхать нужно было 400 верстъ, а денегъ у меня оставалось только 20 рублей. Необходимо дорожить каждою копѣйкой, но какъ? Въ Вологдѣ за первую станцію спросили съ меня 3 рубля, чего я дать не могъ. Попутчиковъ ни близкихъ, ни дальнихъ не оказалось. И я упросилъ знакомаго биржеваго извощика отвести меня съ женою на одной лошади въ легкихъ санихъ первую станцію. Добрый человѣкъ согласился и отвезъ насъ за безцѣнокъ. Объ удобствахъ такой ѣзды не спрашивайте, то была не ѣзда, а мученье, но иначе поступить не могъ, по не имѣнію средствъ. А затѣмъ поѣхали дальше гдѣ на парѣ лошадей за пятачекъ на версту, а гдѣ и на одной лошади. У знакомаго духовенства нигдѣ я не останавливался, за что потомъ и получилъ упреки и замѣчанія. Нужно признаться, что мнѣ стыдно было являться къ добрымъ людямъ, съ молодою женою, въ такой еще бѣдности, на которую я пошелъ добровольно, не боясь ея, но стѣсняясь не столько за себя, сколько за жену. На пути къ мѣсту службы была моя родина, въ 5-ти лишь верстахъ въ сторону отъ почтовой дороги. Сюда пріѣхали мы въ такое время, когда батюшка мой, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ въ Устюгѣ. Дождались его, при немъ побыли еще суточки и имъ же наконецъ были привезены въ тотъ приходъ и погостъ, на мѣсто о. Дроздова, гдѣ суждено было мнѣ послужить церкви Христовой въ теченіе 24 лѣтъ съ половиной, сперва простымъ священникомъ, а потомъ и благочиннымъ родного округа.

Къ „воспоминаніямъ причетническаго сына“. Имѣя въ рукахъ письма одного изъ преподавателей Волог. семинаріи въ ПБургъ къ своему родственнику за 1850—1860-е годы, приводимъ изъ одного письма (отъ 25 августа 1857 г.) слѣдующую выписку: „Товарищъ мой по семинаріи Иванъ Александровичъ Снятковъ, ходячій сборникъ безчисленнаго множества анекдотовъ о лицахъ большею частью духовнаго званія, однажды повѣдалъ намъ слѣдующіе стихи, воспѣтые однимъ студентомъ СПБургской духовной академіи въ утѣшеніе своихъ товарищей, которые, передъ самымъ окончаніемъ академическаго курса, жаловались на медленность времени и на академическій супъ:

„Ну, не стыдно ли крушиться,
Ну, не стыдно ль воздыхать?
Развѣ вѣчно намъ учиться,
Развѣ вѣчно супъ хлебать?
Еще мѣсяцъ—будетъ Пасха.
Еще мѣсяцъ—и экзаменъ.
Еще мѣсяцъ—и развязка.
Еще мѣсяцъ—finis, amen".

Этотъ студентъ—піитъ былъ А. Бенедиктовъ (нынѣ Епископъ Вятскій Елпидифоръ)".

Мы предпочитаемъ этотъ разсказъ И. А. Сняткова, сообщаемый авторомъ письма,—разсказу П. В. Кокшарова, приводимому авторомъ воспоминаній. Прим. Ред. Волог. Епарх. Вѣдом.

XI.

Среди бѣлаго дня, на одной лошадкѣ, скромно подъѣзжая къ мѣсту предстоящаго мнѣ пастырскаго служенія, только за полверсты, черезъ вершины молодого сосноваго лѣса я увидѣлъ церковные кресты, а самую церковь увидѣлъ, когда уже былъ на погостѣ. На погостѣ было три причтовыхъ дома и просфорническая келья. У причта дома были собственные и лучшимъ изъ нихъ былъ діаконскій. Составъ причта былъ трехчленный, состоящій изъ священника, діакона и причетника. Я попросилъ временнаго пріюта у причетника Димитрія Васильевича Попова и былъ принятъ имъ радушно. Это была среда 6-й недѣли Великаго поста. Посѣтивъ о. діакона Димитрія Абрамовича Попова, я поспѣшилъ въ церковь, обдавшую меня, вмѣсто успокоенія, холодомъ и страхомъ. Церковь была очень малая, хотя и каменная, съ такою же ничтожною и разваливавшеюся колокольнею, обтянутой пониже звона желѣзнымъ кольцомъ. Весь звонъ состоялъ изъ 5-ти колоколовъ, въ коихъ вѣсу не достигало и до 40 пудовъ. Всѣ колокола повѣшены были на одномъ еловомъ кряжѣ, положенномъ на проемныя связи въ звоновыхъ окнахъ. Ограды вокругъ церкви не было даже деревянной. Весьма ветхія, св. ворота держались на подпоркахъ, а дальше—или плохой огородъ, или ни ограды, ни огорода. Двери въ церковь были устроены, какъ въ баню, прости Господи, въ одну половинку, плотничныя и были такъ низки, что мнѣ надобно было при входѣ очень наклоняться. Ширина теплой церкви, типа Устюжской Воскресенской, была 5 саж. и 2 арш., а длина 11 аршинъ. На святыхъ иконахъ лика Божьяго было не видно. Не много луч-

ше было и въ холодномъ храмѣ, имѣющемъ по 4 саж. въ длину и ширину, но лучше. Здѣсь былъ полъ, правда, изъ необработанной сухопской плиты, а въ алтарѣ кирпичный, но лики святыхъ на иконахъ были видны. Въ церкви холодной и алтарѣ была таже тѣснота и пыль, что и въ церкви теплой, но одежды напрестольныя и на жертвенникѣ были цѣлы, а въ теплой единственная напрестольная одежда была въ заплатахъ! Хотя я былъ тогда 21 года, когда человѣкъ головы не вѣситъ, но я все-таки вернулся въ свою квартиру неладостнымъ. Какъ я буду здѣсь служить и что могу сдѣлать? Эти вопросы встали въ моей душѣ во всей своей силѣ и, какъ кошмаръ, подавляли меня своею тяжестію При этомъ оказалось, что причтомъ возбуждена переписка о постройкѣ каменной ограды, а денегъ въ церковной казнѣ нѣтъ. Ну, ладно, рѣшилъ я, поживу, увижу. Надобно позаботиться и о себѣ. Мнѣ нужна квартира и содержаніе, а денегъ въ карманѣ 20 копѣекъ. И то не бѣда. Въ четвергъ я съѣздилъ въ лучшія деревни за сборомъ. Мнѣ надавали тамъ пудовъ 10—15 ячменя и ржи. Народъ понравился Въ пятницу было много исповѣдниковъ. Началась служба. О. Дроздовъ на Будрино уже перебрался съ семьею, скотомъ и животомъ. Въ вербное воскресенье послѣ обѣдни навѣстили меня нѣкоторые почтенные старички изъ моихъ прихожанъ. Одинъ изъ нихъ нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Карелинъ, крестьянинъ дер. Устья Мякальскаго, вызвавъ меня въ сѣни, сказалъ мнѣ: „черезъ недѣлю будетъ Пасха, а у тебя вѣдь ничего нѣтъ, да нѣтъ—поди—и денегъ“ и, открывъ бумажникъ. добавилъ: „бери, сколько надо, разживешься расплатишься“. Такая внимательность простого крестьянина меня тронула глубоко. Искренно поблагодаривъ, я взялъ у него 10 рублей, да 5 рублей получилъ отъ родителей на новоселье, поѣхалъ въ Устюгъ, понакупилъ муки и соли, сахару и чаю, а самоваръ дали мнѣ родители на время, и сталъ въ свое время съ праздникомъ. При поѣздкѣ въ Устюгъ заѣзжалъ я на Будрино къ мѣстному о. благочинному, чтобы представиться и столковаться съ нимъ о домахъ его на мѣстѣ моей службы и жены моей на Будринѣ. Оказалось, что я ошибся. О. благочинный, предъявивъ мнѣ копію съ духовнаго завѣщанія о. Іоанна Воскресенскаго, дяди жены моей, умершаго Будринскаго священника, тотъ и другой дома признавъ своею собственностію. Первый, по словамъ его, былъ отданъ *ему лично* прихожанами, по приговору, а послѣдній онъ присвоилъ себѣ по неосторожному

выраженію въ духовномъ завѣщаніи о. Іоанна Воскресенскаго. Увѣренный въ томъ, что Будринское священническое мѣсто будетъ занято мужемъ его племянницы, о. Воскресенскій въ духовномъ завѣщаніи своемъ сказалъ, что домъ свой отдастъ тому, кто будетъ послѣ него на Будринѣ священникомъ. Дѣлать было мнѣ нечего, я принужденъ былъ уступить Дроздову Будринскій домъ, а домъ его купить за 300 рублей и вошелъ въ него къ празднику Пасхи. Съ теченіемъ времени, однако, изучивши дѣло о передачѣ о. Дроздову прихожанами общественнаго дома, я убѣдился, что домъ нѣкоторою частью ихъ былъ уступленъ ему *не лично*, а какъ мѣстному священнику, а самый приговоръ, въ отношеніи смысла и количества подписей, требуемаго закономъ, сфабрикованъ искусственно, и въ уплатѣ денегъ ему отказалъ. А между тѣмъ присвоенный имъ домъ жены моей, послѣ дяди на Будринѣ, отъ неизвѣстной причины сгорѣлъ.—„Сохнетъ море, да не такъ, какъ лужа“, отозвался послѣ потери того и другаго дома этотъ богатый священникъ-благочинный, а меня обозвалъ, впрочемъ заглазно, „ерой“,—и только, безъ всякой, повидимому, мести.

Пришелъ и праздникъ св. Пасхи, бывшій въ 1863 году 31 марта, на которую явился ко мнѣ гость, ученикъ Устюжскаго д. училища, родной братъ мой Николай, нынѣ священствующій въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской епархіи. Причетникъ и діаконъ оказались съ хорошими гол сами, особенно послѣдній, обладавшій сильнымъ басомъ, съ крѣпкими и чистыми нотами внизу и въ срединѣ гаммы. Оба они были люди не старые и не глупые, церковную службу знали отлично и съ ними служить было очень пріятно. Богомольцевъ было въ день Свѣтлаго праздника, какъ и въ недѣлю Ваій и въ праздникъ Благовѣщенія, много. Службу совершалъ я не спѣшно, но въ первый день Пасхи перерыва между утреней и обѣдней, какъ практиковалось прежде, не сдѣлалъ, за что и получилъ отъ прихожанъ спасибо. При выходѣ изъ церкви, послѣ обѣдни, меня поразило въ самой церкви зрѣлище странное и никогда не виданное, чего я уже и не могъ оставить безъ вниманія. Группы женщинъ и мужчинъ сидятъ на полу съ постланною на немъ скатертью и угощаются водкой, а другіе тоже дѣлаютъ стоя. Ничего не понимая, съ удивленіемъ спрашиваю: „о. діаконъ, что это?“. „Это обычай разговленія сегодня въ самомъ храмѣ“ отвѣчалъ онъ.— Вотъ такъ обычай!.. И пришлось мнѣ, поздравивши разговляю-

щихся покабацки въ храмѣ Божіемъ съ праздникомъ, строго пригласить ихъ выйти на улицу для взаимнаго угощенія. Поотнѣкивались, но вышли, когда услышали, что священникъ не выйдетъ изъ храма, пока всѣ угощающіе и угощаемые не прекратятъ здѣсь угощенія, пока не выйдутъ для этого вонъ. Послѣ славы у причта и просфорни не много поотдохнувши, пошли мы со славой въ ближайшія деревни до вечерни, къ которой и приглашалъ я прихожанъ помолиться, узнавши отъ причта, что за вечерней богомольцевъ бываетъ мало. Обѣщались и пришли многіе, но не всѣ. Пасхальная слава здѣсь происходила почти также, какъ и на моей родинѣ. Отправлялся Пасхальный молебенъ съ водоосвященіемъ передъ иконою Божіей Матери и пропѣвались стихиры Пасхи, за что хозяинъ дома и уплачивалъ причту 10 коп., ковригу хлѣба фунтовъ 6—7 и 5 яшныхъ пироговъ. Угощеніе же предлагалось только въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ домахъ. Пивъ уже не было нигдѣ, а водка была у нѣкоторыхъ и именно у тѣхъ прихожанъ, которые сами бывали въ гостяхъ у духовенства. При всемъ томъ неосторожному въ употребленіи водки не возможно было выходить цѣлый день трезвымъ, хотя бы то былъ молодой и крѣпкій человѣкъ. Замѣчательно далѣе то, что на шестой и седьмой недѣляхъ Великаго поста никакихъ требъ, за исключеніемъ одного напутствія и одного погребенія, не было, а на недѣлѣ Пасхальной онѣ начались съ перваго дня, было ихъ много и очень мѣшали онѣ церковной службѣ и хожденію со славой по приходу, когда передергивали меня изъ конца въ конецъ по большому и широко раскинутому приходу, на пространствѣ 25 верстъ. Во время перваго же посѣщенія домовъ прихожанъ я замѣтилъ въ значительной части ихъ, или лошадиную подкову, прибитую къ полу у порога, или пучекъ вересовыхъ прутьевъ подъ матицей, или солонку, или яица на божницахъ, но знакомясь съ прихожанами, не разспрашивалъ ихъ пока о значеніи видѣннаго. Во время же славы мнѣ пришлось весьма серьезно побесѣдовать о средствахъ содержанія сельскаго духовенства, въ виду предъявленныхъ мнѣ возраженій. Я и не зналъ еще въ точности всѣхъ средствъ содержанія духовенства въ моемъ приходѣ и за славу принималъ вознагражденіе въ томъ видѣ и количествѣ, въ какомъ оно установлено было до меня. Между тѣмъ въ одномъ концѣ прихода, гдѣ все населеніе вообще было склонно къ критикѣ духовенства, зародилась мысль насѣсти на новаго, молодого священника, чтобы вынудить его на

какую либо убавку въ сборахъ и въ платѣ за молебны, славу, панихиды, заупокойныя обѣдни. Для этого и избрана была депутація изъ трехъ довольно молодыхъ, довольно начитанныхъ, не особенно вѣжливыхъ, но и не дикихъ грубіяновъ, а трезвыхъ и умныхъ людей, которыхъ узнавши поближе, я всегда уважалъ впослѣдствіи. Но мнѣ не трудно было отражать направляемые не прямо, а лишь косвенно на меня удары. Я отвѣчалъ депутаціи: ни оспаривать васъ, господа, ни соглашаться съ вами теперь я не буду и не могу. Вы видите, что я только начинаю служить, только знакомлюсь съ вами, только смотрю на то, какъ вы относитесь ко мнѣ, къ причту, къ храму Божію, ничего новаго не устанавливаю и ни о чемъ даже не прошу васъ пока. Разсудите и успокойтесь. А обо мнѣ знайте, что хотя я и молодъ, но зря поступать не желалъ бы. Послѣ бесѣды въ одномъ изъ домовъ деревни Пупышева въ этомъ именно смыслѣ г.г. депутаты крестьяне Михаилъ Семеновичъ Холоповъ, Ѳеодоръ Степановичъ и Аѳанасій Ваулины оставили меня навсегда по данному вопросу въ покоѣ и стали скоро затѣмъ въ ряды искренно преданныхъ мнѣ людей. Но такъ, или иначе за славой и требами промолькнула первая Пасхальная недѣля въ Е--ѣ незамѣтно, кончена и Пасхальная слава. Появился у меня хлѣбъ всяческій и деньги въ небольшомъ количествѣ. Нужно было подумывать о своемъ хозяйствѣ. Нуженъ былъ скотъ, нужны сѣмена для посѣва „вешняго“. Мой предшественникъ объявилъ, что въ ржаномъ полѣ сѣять ячмень право принадлежитъ ему, а я могу засѣвать овсомъ только другое поле и приготовлять подъ посѣвъ корня поле третье. Значитъ нуженъ еще и навозъ, для удобренія этого поля, нужны и ржаныя сѣмена, нужны наконецъ и рабочія руки. Не много времени прошло, какъ поступилъ я во священники, но нужды жизни и службы со всѣхъ сторонъ охватили меня. И теперь, какъ подумаешь страшно за человѣка, бѣднаго юношу, начинающаго жить и служить въ деревнѣ безъ средствъ и друзей, съ одною лишь вѣрою въ Бога и добрыхъ людей. А тогда въ годы благословенной юности, ничто не пугало, ничто не казалось страшнымъ. Нѣсколько коровъ и навозъ купилъ я у моего предшественника въ долгъ, купилъ овса на сѣмена на наличныя деньги, по дорогой цѣнѣ (по 70 к. пудъ), часть печенаго хлѣба роздалъ бѣднякамъ въ уплату за сѣнокосъ, ржи на сѣмена взялъ у зажиточныхъ прихожанъ взаймы, а на вывозку навоза и на жнитво сдѣлалъ помочи. Купилъ я даже

жеребенка въ надеждѣ выкормить, но его медвѣдь изволилъ скушать, или волки-нахалы. Что касается полевыхъ работъ—пашни, боронки, уборки овса съ поля въ гумно, купленное у того же о. Дроздова, и молоченья, то всѣ эти работы были отданы за 30 рублей. Прислуги намъ было не нужно, моя жена, начавшая жизнь въ сиротствѣ, и съ 13-тилѣтняго возраста до 17-ти лѣтъ, по волѣ бѣдной матери, принужденная жить и служить, съ чужими людьми, дядѣ—старому вдовому священнику, умѣла все дѣлать сама. А потомъ пожаловала къ намъ и теща. Такъ и начали мы потихоньку да помаленьку нашу трудовую жизнь, совѣтуясь лишь въ вопросахъ хозяйственныхъ съ умными старичками и старушками изъ своихъ прихожанъ. А прихожане, говоря вообще, съ теченіемъ времени намъ понравились въ такой степени, что не смотря на то, что преосвященный Павелъ Доброхотовъ дважды переводилъ меня въ Вологду, давалъ въ Устюгѣ хорошее священническое мѣсто у Іоанна Праведнаго, я упросилъ его оставить меня въ покоѣ. Нравились мнѣ прихожане открытымъ характеромъ, доброю душою, живымъ воспріимчивымъ сердцемъ, словоохотливостью, послушаніемъ. Не многаго я отъ нихъ и желалъ, желалъ только довѣрія и послушанія, въ надеждѣ, что успѣхъ будетъ тамъ, гдѣ водворится съ одной стороны довѣріе и послушаніе, а съ другой забота объ общей пользѣ и честный трудъ. Никогда не помышляя ни о богатствѣ, ни о наживѣ, я не хотѣлъ ничего дѣлать круто, а шелъ къ цѣли, если казалось то нужнымъ и справедливымъ, осторожно, но всегда стойко. Относиться равнодушно къ требованіямъ нужды и долга, и безразлично къ обычаямъ добрымъ и дурнымъ, среди моей паствы,—я не могъ, и по свойствамъ темперамента, и по личному сознанію своихъ обязанностей. При этомъ случалось, что и обострялись иногда взаимоотношенія мои къ прихожанамъ, но я никогда не отступалъ въ надеждѣ, что поймутъ же наконецъ меня добрые люди, которыхъ было не мало. И не ошибся.

Шагъ за шагомъ продолжая ознакомляться съ нуждами церкви и паствы, я узналъ, что церковь совершенно бездоходна; ни капиталовъ, ни арендныхъ статей не имѣетъ, прихожане охладѣли не только къ ней, но и вообще къ религіознымъ своимъ обязанностямъ въ такой степени, что оказались между ними люди, не бывавшіе на исповѣди и у Св. Причастія по 12 и болѣе лѣтъ, а большинство прихожанъ говѣло не каждогодно, а

черезъ годъ. Между ними образовался уже странный взглядъ на святыню, что молъ „святое“ причастіе—не болотная вода, грѣшно приступать къ нему часто. Что касается дѣвицъ, то они говѣли еще рѣже, чѣмъ ихъ родители, а хожденіе ихъ въ праздничные и воскресные дни къ церковнымъ богослуженіямъ признавалось, въ силу исконнаго обычая, рѣшительно не позволительнымъ. Головы не только матерей и бабокъ, но отцевъ и дѣдовъ ихъ были забиты предразсудками и суевѣріями. Если тяжко больныхъ и умирающихъ людей и заботились мои прихожане напутствовать, то не потому, что признавали спасительную силу Св. Таинствъ, а изъ боязни, чтобы умершій безъ напутствія „не попалъ на кóзла“, т. е. говоря иначе, не попалъ въ распоряженіе врача и становаго пристава—грозы народной. Усопшихъ родителей поминать молитвою было также не въ обычаѣ. Изъ дней поминовенія знали мои прихожане только одну „радоницу“ (вторникъ Ѳоминой недѣли), поминальныхъ книжекъ на проскомидіи было не видно, годовыхъ поминовеній было не больше 30-ти, но умершихъ заказывали отслужить не многіе 3 обѣдни, большинство одну, или ни одной, а сорокоусты полные были явленіемъ рѣдкимъ, какъ и елеосвященіе. Молебновъ въ церкви и на домахъ, какъ и паннихидъ, служили мало. Почему? Развѣ дорога была оплата за всѣ эти службы и требы? А вотъ извольте разсудить уже сами, благосклонный читатель, а я доложу вамъ объ этомъ точными цифрами. За напутствіе больныхъ и крещеніе на домахъ младенцевъ ничего не получалось, хотябы та и другая треба совершалась въ деревняхъ, отстоящихъ отъ церкви за 10—12 верстъ, и днемъ и ночью. За вѣнчаніе причтъ получалъ 1 рубль, а за метрику о невѣстѣ 50 коп., при чемъ въ первомъ случаѣ, въ качествѣ подарка, преподносился тысяцкимъ полштофъ водки, а невѣстою, или—точнѣе—свахою отъ лица невѣсты 20 арш. холста и 3 полотенца, за паннихиду и молебенъ по 6 к., за водосвятный молебенъ 10 коп., молебновъ съ акаѳистами никто никогда изъ моихъ прихожанъ служить не желалъ, за годовое поминовеніе уплачивали они причту о пасхѣ по 30 коп., за заупокойныя обѣдни по 30 коп., за славы Рождественскую и Пасхальную по 3 коп., кромѣ 5-ти яшныхъ пироговъ и коврижки ржаной,—послѣдней о Пасхѣ,—за сорокоустъ 20 рублей, за елеосвященіе и выносъ покойника изъ дома до церкви хотябы за 5—10 верстъ по 1 рублю. Думаю, что за всё это вознагражденіе было скромное, какъ видите. При

посѣвѣ хлѣба не было обычая молебствовать на поляхъ ни весной, ни лѣтомъ. Денежный доходъ причта такимъ образомъ былъ ничтожный. Дальше слѣдовали добровольные сборы Петровскаго, льну и ржи. Въ Петровъ постъ я собиралъ въ первые годы моей службы въ Е-ѣ мѣшаной сметаной до 2-хъ пудовъ масла, пуда 3 крупы и до 300—400 яицъ, льну пудовъ 6—7, рубля по 4 каждый, да пудовъ 30 ячменя и 40 овса. За всѣми этими сборами странствовали по приходу не одинъ священникъ, но и о. діаконъ и причетникъ, получавшіе конечно двое послѣднихъ менѣе перваго, но сколько именно сказать не могу. И за всё это, не угодно-ли знать, причтъ долженъ былъ напоить своихъ любезныхъ прихожанъ каждогодно въ первый день Св. Пасхи до пьяна... Такъ было въ тѣхъ близгородныхъ, около Устюга, приходахъ, гдѣ собиралась причтомъ руга, количество которой и обусловливалось качествомъ угощенія. Хорошо угощало духовенство прихожанъ, хорошо эти послѣдніе и надѣляли его ругой, а кто плохо поилъ, тому плохо давали и руги, а многіе и ничего не давали. Мой дядюшка по женѣ о. Іоаннъ Воскресенскій, священствовавшій на Будринѣ, не только покупалъ водку, но варилъ даже пиво и угощалъ на славу своихъ прихожанъ, въ теченіе цѣлаго дня въ Ѳомино воскресенье. Къ счастію, мой предшественникъ былъ не таковъ. И онъ, правда, угощалъ водкой своихъ прихожанъ и притомъ даже, къ удивленію, въ первый день Пасхи, но пива не варилъ и водки подавалъ только по стаканчику, за что и не особенно жаловали его прихожане.—„Скупенекъ былъ“, твердили мнѣ, на первыхъ порахъ мои прихожане, „нашъ прежній батюшка“. Чѣмъ же и какъ жило раньше духовенство въ моемъ приходѣ, при такихъ условіяхъ и незначительномъ доходѣ? А жило оно скромно, но хорошо, лучше духовенства сосѣднихъ приходовъ потому, что всѣ трое были хорошіе хозяева, сами съ семействами работали и хорошо работали. А о. Іоаннъ Дроздовъ, не довольствуясь своимъ хозяйствомъ, дешево покупалъ у бѣдныхъ прихожанъ лѣсныя подсѣки, выпрятывалъ ихъ самъ съ работницею и церковными сторожами, сѣялъ на нихъ ленъ, обработывалъ его и выручалъ хорошія деньги. Не стѣснялся онъ привлекать, при случаѣ, къ своей работѣ и прихожанъ безплатно. Если пріѣдетъ за нимъ, для приглашенія съ тою или другой требою прихожанинъ, особенно изъ числа тѣхъ, кто плохо награждаетъ его добровольными доходами и найдетъ его за работою въ полѣ, на гумнѣ,

или на пратке „льнища“, то онъ, безъ церемоніи, оставлялъ мужичка на своей работѣ, иногда и съ лошадью, а самъ одинъ отправлялся въ деревню пѣшкомъ хотя бы то было за 10 верстъ. Сѣтовали за это на него прихожане, но повиновались, какъ человѣку серьезному и властному. Вѣдь онъ былъ благочинный. А одинъ изъ сыновей его, мой сверстникъ по возрасту и школѣ, холя и не въ точномъ смыслѣ товарищъ, покойный Николай Ивановичъ Дроздовъ, умершій въ 1910 году въ отставкѣ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, разсказывалъ мнѣ, при свиданіи, что батюшка его не только заставлялъ дѣтей своихъ, въ каникулярное время, работать, но даже, по окончаніи семинарскаго курса, когда пріѣхалъ онъ отдохнуть домой, послалъ его, въ качествѣ разсыльнаго, съ бумагами по благочинническому округу. Что это,—жестокость, или разсчетъ? Вѣдь разсыльному въ этомъ округѣ, раскинутомъ на 450 верстъ, не вездѣ можетъ быть подана лошадь, хотя-бы и верховая, кое гдѣ надо идти ему и пѣшкомъ. Не для ознакомленія же съ духовенствомъ послалъ по округу сына своего о. благочинный, а по мотивамъ другимъ, быть можетъ и по разсчетамъ экономическимъ. И этому удивляться не слѣдуетъ, такъ какъ мнѣ слишкомъ извѣстно, что многіе изъ пожилыхъ священниковъ, работая съ семьями сами, не только не кушали по буднимъ днямъ чаю, но даже не позволяли подавать къ столу, состоящему изъ двухъ самыхъ простыхъ блюдъ—щей и молока, или рѣдьки и крупянки, или вмѣсто ея, гороха или сайдовой похлебки, свѣже-испеченнаго хлѣба. Это почему? А потому, любезный читатель, что свѣжаго хлѣба рабочій человѣкъ можетъ скушать больше, чѣмъ хлѣба чёрстваго. Судите-же теперь, съ какимъ строгимъ разсчетомъ жило бѣдное духовенство, не желавшее терпѣть нужды въ наше, еще не давнее время, назадъ тому лѣтъ сорокъ, даже тридцать. А бутылки тенерифа, или другаго вина я не видалъ на столѣ праздничномъ ни у кого изъ сельскихъ священниковъ. О различныхъ варенъяхъ большинство изъ насъ и понятія не имѣло, чай же пили мы всѣ тогда хотя и съ сахаромъ, но не въ накладку, а въ прикуску, съ „угрызеніемъ,“ по бурсацкой терминологіи Жизнь, повидимому, предстояла мнѣ не красная, но, по идеѣ священства, симпатичная. Съ благословенія родительскаго, милостію Божіею, вступилъ я на настоящій путь и бодро пошелъ по нему.

Какъ только выяснилось для меня положеніе церкви со стороны ея убогаго состоянія, въ зависимости отъ совершенной бездоходности, при совершенномъ равнодушіи прихожанъ, какъ только удалось мнѣ понять религіозно-нравственное состояніе моей паствы и опредѣлить средства своего содержанія, при казенномъ жалованьѣ, въ количествѣ 105 руб. 84 коп. въ годъ, мои заботы тотчасъ распались на трое,—о церкви, паствѣ и о себѣ. Не задумываясь, началъ я дѣло съ устройства церковнаго, а именно съ каменной ограды, на постройку которой уже послѣдовало разрѣшеніе со стороны Епархіальнаго Начальства. Требовался ея рисунокъ, размѣры, нужно было заготовлять кирпичъ и камень. Посовѣтовавшись съ умными старичками, я сталъ дѣлать въ нѣкоторые изъ праздничныхъ дней собранія прихожанъ въ церкви. Здѣсь я объяснялъ имъ, что намѣренъ дѣлать, просилъ ихъ отнестись со всѣмъ усердіемъ къ церковной постройкѣ, ставшей уже неизбѣжной и въ виду бездоходности церковной, изыскать на постройку средства. Вѣдь въ пользу церкви здѣсь не было никакихъ постоянныхъ и правильныхъ сборовъ ни льномъ, ни хлѣбомъ, ни другими какими либо продуктами, какъ заведено изстари въ благоустроенныхъ приходахъ епархіи. Какъ ни очевидна была необходимость постройки церковной ограды, на которой я хотѣлъ поучиться для болѣе крупнаго дѣла по церкви, все-же были слышны возраженія противъ постройки каменной ограды, казавшейся очень дорогою для равнодушныхъ къ церкви прихожанъ. „Вотъ видишь ты“, говорили они, „денегъ въ казнѣ нѣтъ, нѣтъ ихъ и у насъ, гдѣ мы возьмемъ денегъ? —А вотъ на деревянную ограду быть можетъ и соберемъ какъ нибудь.—Да и что ты, батько, хлопочешь? Тебѣ-то что?—Видно, что молодъ!—Вонъ благочинный былъ постарше, тамъ ему было все ладно, лишь бы самъ сытъ былъ. Да и покойнички наши народъ скромный, облежались, небось, не разбредутся и безъ ограды“. Такъ буквально говорилъ напр. крестьянинъ дер. Ровдина Андрюша Комендантъ, какъ величали его сосѣди. Онъ говорилъ, другіе посмѣивались, а мнѣ нужно было объяснять, усовѣщевать сопоставленіями и сравненіями, нужно было горячо убѣждать, чтобы добиться успѣха Какъ видите требовалось здѣсь не одно доброе намѣреніе со стороны священника, нужна была непреклонная воля, большой запасъ энергіи и терпѣнія въ борьбѣ съ людьми лѣнивыми и равнодушными, ничего не сдѣлавшими полезнаго ни для церкви, ни для причта, въ теченіе цѣлой сотни лѣтъ. Бѣдная церковь су-

ществовала около 100 лѣтъ, да едва державшійся на мѣстѣ ветхій священническій домъ-пятистѣнокъ, въ двѣ комнаты когда-то во дни оны, лѣтъ 50 назадъ былъ построенъ прихожанами. И только. А у о. діакона и причетника были дома хорошіе собственные. Просфорническая келья была хотя и мірская, но ничтожной стоимости. Нѣсколько собраній мнѣ пришлось сдѣлать по постройкѣ ограды. Хотя я уже имѣлъ въ виду источники, откуда можно было извлечь деньги. но эти источники были въ рукахъ прихожанъ, которыхъ и не легко было расположить уступить свои доходныя статьи въ пользу церкви. Часа по три послѣ обѣдни, не выходя изъ церкви, приходилось мнѣ употреблять на эти горячія пренія съ моими прихожанами, не смотря на то, что лучшіе изъ нихъ были постепенно приготовляемы мною къ постройкѣ ограды, въ частныхъ бесѣдахъ, и соглашались со мною, что пора, необходимо приниматься за церковное дѣло. Они говорили, что готовы, за ними дѣло не станетъ, но на собраніяхъ все еще не выступали съ рѣшительнымъ словомъ.—Почему молчите вы въ церкви?—спрашивалъ я. „Боимся горлановъ“, отвѣчали они,—„озлятся и замучатъ мірской службой“. Но я не падалъ духомъ и продолжалъ настоять, хотя, сознаюсь, приходилъ домой съ этихъ собраній съ охрипшимъ голосомъ и страшно измученный нравственно. Наконецъ, послѣдовало общее согласіе прихожанъ на постройку каменной церковной ограды. Стали разсуждать о денежныхъ средствахъ, для чего и было созвано еще нѣсколько общихъ собраній прихожанъ въ праздничные дни въ церкви. Прожиточные крестьяне соглашались и на подушную раскладку деньгами въ пользу церкви на постройку церковной ограды, но для людей не богатыхъ, а особенно бѣдныхъ эта раскладка была тяжела и потому казалась непріемлемой. Надо было придумать что нибудь другое, и это другое было давно уже мною, съ умными стариками, придумано.

Въ описываемое мною время главнымъ промысломъ крестьянъ въ моемъ приходѣ было производство льна, чѣмъ и занимался въ той или другой мѣрѣ изъ нихъ каждый. Было предложено и принято вносить въ казну, въ теченіе пяти, кажется лѣтъ, по фунту или по полтора фунта льна—уже точно не помню,—съ каждой ревизской души прихожанъ. А ревизскихъ душъ насчитывалось въ приходѣ до 900. Девятьсотъ фунтовъ составляютъ 22 пуда съ половиной. Если будетъ проданъ ленъ по 5 рублей за пудъ, то получится 110 рублей. Надобно при

этомъ имѣть въ виду и недоимку, которая въ той, или другой мѣрѣ неизбѣжна въ мірскихъ сходахъ. Этихъ денегъ было мало. Необходимо было указать на другіе источники. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія свободно и широко распространена была по матушкѣ Россіи винная торговля въ городахъ и деревняхъ. Кромѣ большихъ питейныхъ заведеній, торговля водкой производилась въ мелочныхъ лавкахъ и чуть не въ каждой деревнѣ на законномъ основаніи, съ согласія лишь, въ послѣднемъ случаѣ, жителей деревни. И это согласіе любителями винной торговли покупалось сначала тою же водкой, а потомъ и деньгами. Я заговорилъ, что у насъ въ приходѣ много кабаковъ, что всего лучше было бы уменьшить ихъ на половину, если не совершенно уничтожить. А для этого ни подъ какимъ видомъ не пускать кабаковъ въ деревни безъ хорошей за мѣста платы. Деньги эти просилъ я не пропивать и не дѣлить между собою, а жертвовать въ церковь на постройку ограды. Не безъ спору и возраженій выслушано было мое предложеніе, жалко было нѣкоторымъ людямъ разстаться съ легкой наживой на водку, но все-таки и на это послѣдовало ихъ согласіе. Сознаюсь, что этотъ способъ пріобрѣтенія денегъ на церковныя нужды нельзя признать приличнымъ, но онъ былъ мною использованъ, и я, дорожа правдою, не рѣшаюсь замолчать его. Спустя нѣкоторое время,— годъ, или два, точно не помню, когда въ сознаніи прихожанъ окрѣпла мысль о нуждѣ расширенія церкви, я сталъ хлопотать передъ ними и о послѣднемъ и самомъ существенномъ источникѣ для увеличенія церковной доходности. Въ границахъ Е...го прихода на рѣкѣ Сухонѣ есть довольно длинный, очень быстрый и мелководный, какъ въ Опокѣ, перекатъ, съ каменистымъ ложемъ, извѣстный подъ именемъ Скарятинскаго, или Березовскаго перебора. Въ этомъ перекатѣ,—иначе порогѣ, или переборѣ,— большія, тяжело нагруженныя солью суда Сереговскаго завода, никогда не могли выходить вверхъ по теченію рѣки лошадиными силами, хотя каждое изъ нихъ тянуло лошадей 15—20, лямкою. Суда эти шли въ большой части своей на Волгу, а въ Вологду не больше двухъ. Количествомъ ихъ было иногда до 22 годъ, и никогда не меньше 15-ти во все время, пока Сереговскій заводъ принадлежалъ Бѣломорской компаніи. О пароходахъ тогда наша Сѣверо-Двинская рѣчная система и понятія не имѣла. И вотъ чтобы провести суда на нашемъ перекатѣ безъ промедленія во времени, компанія, для увеличенія подъемныхъ силъ,

нанимала мѣстныхъ жителей, за что и платила имъ отъ 15 до 20 рублей съ каждаго судна. Колебаніе цѣны зависѣло съ одной стороны отъ количества явившихся на „ссаду“,—подъемъ судовъ людей, а съ другой отъ количества воды въ рѣкѣ. Чѣмъ больше было въ рѣкѣ воды, а на берегу людей, тѣмъ цѣна была дешевле. При малой же водѣ и продолжающемся спадѣ ея необходимо было особенно дорожить временемъ, чтобы успѣть свободно выйти въ переборахъ какъ здѣсь, такъ и на Опокѣ, на 20 верстъ выше Березова. Въ противномъ случаѣ угрожали компаніи потеря воды, времени, перегрузка соли по мелкой посудѣ и стало быть чувствительные убытки, что и случалось. Такъ вотъ эту-то выручку моихъ прихожанъ, около 300 и болѣе рублей каждогодно, и мечталъ я обратить въ доходную статью на устройство церкви. Мечталъ и не напрасно, мечты мои осуществились. Я ликовалъ съ добрыми людьми. Народъ меня уже слушалъ. Работа кипѣла. Для выдѣлки кирпича былъ построенъ большой сарай, наняты работники, заготовлялись известь, камень и лѣсъ. А такъ какъ мнѣ съ однимъ старостою невозможно было услѣдить за направленіемъ и ходомъ всѣхъ строительныхъ работъ, а попечительствъ тогда еще не существовало, то въ помощь старостѣ, изъ лучшихъ прихожанъ, и было избрано нѣсколько человѣкъ, названныхъ церковными строителями и отданныхъ въ мое распоряженіе. Лучшими изъ строителей были дер. Слободы кр. Петръ Марковичъ Пятовскій, дер. Григорьевскаго Иванъ Яковлевичъ Нелаевъ, дер. Березова кр. Платонъ Васильевичъ Лужковъ, а хорошими старостами при церкви были дер. Березова кр. Петръ Александровичъ Лучкинскій, дер. Выползова кр. Димитрій Гавриловичъ Жигаловъ, дер. Роздина кр. Яковъ Кузмичъ Шулимовъ, дер. Давыдовскаго Василій Лукичъ Удальцовъ, дер. Кичуги кр. Петръ Ивановичъ Нелаевъ и дер. Загорья кр. Прокопій Ивановичъ Закусовъ. Много и благоплодно потрудились, ради храма Божія, приходскіе крестьяне дер. Роздина Яковъ Григорьевичъ Пестовниковъ и дер. Чанькова кр. Иванъ Егоровичъ Мизгиревъ, особенно первый, приносившій по полгора рубля денежныхъ пожертвованій отъ добрыхъ людей, за каждые сутки своихъ продолжительныхъ странствованій со сборною книгой по Вологодской губерніи, въ теченіе многихъ лѣтъ. Человѣкъ это былъ семейный, но безцѣтный и зажиточный, лѣтъ около 60-ти. Росту средняго, нѣсколько лысый, бѣлокурый, съ громадною начинавшею сѣдѣть бородою. Говорилъ онъ спокойно и толково,

почтительно, но не раболѣпно. Не мудрено, что съ этимъ человѣкомъ, несравненнымъ по виду и усердію, ни одинъ изъ другихъ сборщиковъ не могъ конкурировать, по количеству сбора. Прошло три—четыре года, каменная съ желѣзными воротами и калитками ограда вокругъ церкви, на протяженіи, приблизительно, 200 саж., была готова. Подрядчикомъ по кирпичной работѣ были сначала двое крестьянъ деревни Пищальниково Дьяковскаго прихода, а потомъ уже для всѣхъ церковныхъ работъ, безсмѣнно Устюжскій мѣщанинъ Аѳанасій Павловичъ Бологовъ. Другія работы,—желѣзная и каменная,—произведены были Устюжскими же мѣщанами, первая Иваномъ Ѳеодоровичемъ Говорымъ, а вторая Львомъ Павловичемъ Кушевереевымъ а работа деревянная однимъ изъ мѣстныхъ прихожанъ, кр. дер. Скарятины Иваномъ Адріановичемъ Тесаловскимъ.

Въ слѣдъ за симъ, безъ всякаго промежутка во времени, было приступлено къ расширенію церкви. На общемъ собраніи прихожанъ было рѣшено теплый храмъ и колокольню разобрать и на томъ же мѣстѣ построить новые храмъ и колокольню въ большихъ размѣрахъ, именно храмъ шириною до 7 саж., длиною до 10 саж. двухпрестольный, а колокольня, съ каменною шейкою, или восмерикомъ, вышиною сажень до 10-ти и увѣнчать колокольню шпилемъ. Чтобы богослуженіе не прекращалось, оставить переустройство холоднаго храма, хотя также тѣснаго и убогаго, до другого времени. Моими умными совѣтниками и убѣжденными вдохновителями въ трудахъ особенно на первое время, по устройству приходскаго храма были сосѣдъ мой, Ѳеодоръ Ивановичъ Поповъ, священникъ Близнородной Благовѣщенской церкви, и настоятель Устюжскаго Успенскаго собора, извѣстный протоіерей и проповѣдникъ-импровизаторъ о. Іоаннъ Васильевичъ Прокошевъ, согласившійся перейти на службу сюда изъ Вологды, по совѣту Устюжскаго уроженца и бывшаго настоятеля въ семъ соборѣ каѳедральнаго протоіерея о. Василія Іоанновича Нордова. О. Ѳеодоръ, какъ человѣкъ добрый и опытный, удивлялся моей энергіи, совѣтовалъ самому мнѣ внимательно слѣдить за дѣломъ, обдумывать его тщательно и не обращать вниманія на мелкія непріятности, и о. Іоаннъ Васильевичъ своими убѣжденными, пламенными рѣчами поднималъ мой духъ и укрѣплялъ мою вѣру въ помощь Божію.—„Трудитесь, работайте, говорилъ онъ, —и вѣрьте мнѣ,—гдѣ честный трудъ и работа во славу Божію, тамъ и Богъ со своею всесильною помощію.—Начинайте съ Бо-

гомъ святое дѣло, не заботясь о скопленіи денегъ. Будетъ дѣло, —и деньги будутъ, и помощниковъ добрыхъ вамъ Богъ пошлетъ". Незабвенныя, святыя слова, какъ вы вдохновляли меня въ свое время!

Пока шли хлопоты по составленію и утвержденію церковнаго плана и переписка о разрѣшеніи переустройства церкви, кирпичь заготовлялся непрерывно, изъ года въ годъ. За аккуратнымъ выполненіемъ взятыхъ на себя прихожанами обязательствъ слѣдилъ я внимательно. Массовыхъ уклоненій отъ нихъ не было, но частичныя случались каждогодно и при томъ со стороны людей не бѣдныхъ. Такое явленіе сначала меня возмущало, возмущало и усердныхъ къ церкви прихожанъ, но присмотрѣвшись ближе къ этимъ людямъ и помня совѣты умныхъ людей, я принималъ небрежность ихъ только къ свѣденію, но никакихъ усиленныхъ мѣропріятій противъ нихъ не принималъ и добрыхъ людей просилъ не волноваться. За то лично меня оскорбляла нѣкоторое время критика моихъ дѣйствій и убѣжденіе со стороны небольшой группы недовольныхъ моею кипучею дѣятельностію людей. Во главѣ этой группы стоялъ сперва печальной памяти крестьянинъ дер. Малинника Ѳеодоръ Яковлевичъ Тесаловскій, по прозванію „Ѳедько Сѣрый", а потомъ кр дер. Прилука Михаилъ Григорьевичъ Прилуцкій. —„Какой онъ попъ", говорили эти люди,—„что захочетъ, то и воротитъ! —И сторожа-то къ церкви дай, какого ему надо, и дорогу-то ему въ церковь сторожа зимой разметите, и раскладками-то насъ замучилъ, вѣдь вотъ прибавилъ еще по 1 фунту съ души сырнаго льну въ церковь; вмѣсто фунта, какъ было сначала, теперь давай ему два (справедливо, но такъ было постановлено, по моему настоянію, приговоромъ прихожанъ), а проповѣди у нашего попа какія!.. Попишетъ чего-то на бумажкѣ, а то и безъ всякой бумаги, такъ сказываетъ намъ, какъ тетка Опраха сказки (была такая разсказчица сказокъ въ Опоцкомъ приходѣ), а вѣдь онъ долженъ читать проповѣди намъ по книгѣ, какъ водится у хорошихъ-то поповъ!"... Къ счастію, умные изъ прихожанъ твердо стояли уже на моей сторонѣ и я продолжалъ поступать такъ, какъ находилъ нужнымъ. Одновременно съ переустройствомъ церкви надобно было позаботиться и объ устройствѣ школы, которой не было. Нельзя же признавать за школу шесть-семь мальчиковъ сидѣвшихъ за азбуками, съ указками въ рукахъ, за кухоннымъ столомъ въ избѣ о. дьякона, подъ надзоромъ его или

одной изъ дочерей его. Уступивъ подъ постройку школы цѣлую десятину пустопорожней церковной земли, причтъ исходатайствовалъ разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства и я, будучи избранъ въ число гласныхъ Устюжскаго уѣзднаго земства отъ крестьянъ Страдной и Островской волостей, выхлопоталъ средства на постройку при церкви зданія для одноклассной земской школы, размѣрами 4×7 саж. съ мезониномъ Планъ школьнаго зданія съ квартирою для учителя былъ составленъ мною и постройка его производилась подъ моимъ наблюденіемъ. Земская школа, помѣщавшаяся нѣкоторое время въ старомъ священническомъ домѣ, вмѣсто котораго построенъ былъ мною собственный домъ, переведена была въ 1875 году въ новое зданіе, уступленное съ теченіемъ времени подъ церковно-приходскую школу и хорошо сохранившееся до сего времени. Интересно то, что когда просилъ я у своихъ прихожанъ по 3 коп. съ души на отопленіе этого зданія, они мнѣ отказали, ссылаясь на тяжесть сборовъ въ пользу церкви, а когда спустя мѣсяца два я пріѣхалъ на сходъ по тому же дѣлу съ мировымъ посредникомъ Ѳ. А. Катыбаевымъ, согласились безъ возраженій дать на отопленіе школы по 5-ти копѣекъ съ души. Двѣнадцать лѣтъ суждено было мнѣ законоучительствовать въ земской школѣ. За это время учителями въ ней были преемственно Прокопій Александровичъ Яхлаковъ и Николай Васильевичъ Ермолинъ. Тотъ и другой изъ нихъ были безъ спеціальнаго педагогическаго образованія, но учителя очень хорошіе. Они любили дѣтей, понимали дѣтскую душу, говорили ясно, стройно и просто. Ихъ уроки увлекали и развивали дѣтей. Въ одномъ отношеніи только Ермолинъ уступалъ Яхлакову —это въ поддержаніи классной дисциплины. Высоко цѣнилъ я этихъ хорошихъ людей и учителей и отъ нихъ пользовался полнымъ уваженіемъ. Работали по школѣ мы любовно и дружно, и наша школа была не изъ послѣднихъ. Въ ней съ успѣхомъ преподавалось даже церковное пѣніе, котораго отъ учениковъ земской школы никто тогда не пробовалъ и которымъ однако же любовались какъ родители дѣтей, такъ и школьное начальство. Пѣніемъ съ дѣтьми занимался въ школѣ законоучитель на урокахъ по закону Божію и достигъ того, что стоя за амвономъ, среди церкви, а не на клиросахъ, дѣти могли самостоятельно пропѣть всю литургію, чего однако же не допускалось, чтобы не затягать неумѣренно долго богослуженіе. Г.г. учители для уроковъ пѣнія были неспособны, не были знатоками пѣнія и члены

причта, хотя единолично и пѣли они хорошо, имъ не рекомендовалось даже принимать какое либо участіе въ дѣтскомъ пѣніи въ церкви, чтобы не путать дѣтей. А для управленія пѣніемъ въ церкви избирался изъ среды учащихся одинъ изъ самыхъ способныхъ, который обязанъ былъ принять отъ законоучителя изъ алтаря тонъ и дирижировать поющею массою товарищей въ 40—50 человѣкъ. Однимъ изъ блестящихъ дирижеровъ этого школьнаго хора два года была ученица Пелагея Петровна Копыльцева, дочь кр. дер. Григорьевскаго, отличавшаяся прекраснымъ слухомъ, музыкальнымъ вкусомъ и хорошимъ голосомъ.— Пѣли большею частію въ терцію, по альтовымъ нотамъ, хотя обучались и не по нотамъ, а съ голоса. Нѣтъ нужды пояснить, что это пѣніе, на первое время, производило фуроръ, матушки и бабушки плакали отъ радости за своихъ дѣтей. Въ качествѣ начальниковъ, посѣщали нашу школу г.г. смотрители Устюжскаго уѣзднаго училища А. П. Воронецкій и А. И. Дементьевъ и инспекторы Эрастъ Георгіевичъ Тимоѳеевъ и Петръ Александровичъ Блиновъ. Всѣ они оставались довольны состояніемъ нашего училища въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ, а за безмездные труды по церковному пѣнію благодарили законоучителя особенно. На этой благодарности и основалъ я требованіе нѣкотораго вознагражденія за труды по пѣнію.— „Вашу благодарность, г.г.“ говорилъ я имъ, „принимаю также съ благодарностію и думаю, что она будетъ простираться дальше. Если вы находите, какъ и я, обученіе учениковъ земской школы церковному пѣнію дѣломъ полезнымъ, то признаете справедливымъ и выхлопотать передъ земствомъ за него какое либо денежное вознагражденіе трудящемуся. А если этого не послѣдуетъ, то буду думать, что тружусь напрасно. Равнодушіе земства вынудитъ меня оставить въ школѣ пѣвческія занятія съ дѣтьми, какъ дѣло не обязательное, не смотря на то, что съ моей точки зрѣнія этотъ трудъ священный, пріятный и многополезный“. И мнѣ назначили жалованье за законоучительскіе и пѣвческіе труды по 60 рублей въ годъ. Въ качествѣ же почетныхъ посѣтителей срѣдка бывали въ нашей школѣ предсѣдатель земской управы пот. поч. гражданинъ Ѳеодоръ Степановичъ Филипьевъ и мировой посредникъ Ѳеодоръ Александровичъ Кагыбаевъ. Эти господа были дорогими гостями не тольно для учителей и законоучителя, всегда и все у нихъ хваливших, но и для дѣтей, которымъ давали за хорошіе отвѣты на пряники рублевки. Не всегда и не все

однако же проходило въ нашемъ училищѣ хорошо и гладко, бывали недоразумѣнія и огорченія. Напримѣръ, одному изъ г.г. инспекторовъ не понравилась разстановка въ классной комнатѣ ученическихъ партъ, почему онъ тутъ же при дѣтяхъ и отдалъ распоряженіе поставить парты иначе Учитель Н. И. Ермолинъ объяснилъ начальнику, что такая разстановка столовъ уже была попробована и признана неудобной потому-то и потому-то. Инспекторъ продолжалъ настаивать. Тогда я поставилъ вопросъ: „а куда прикажете поставить св икону, въ случаѣ желательной для васъ перестановки столовъ?—Вѣдь дѣти окажутся къ ней спинами, если оставить ее на настоящемъ мѣстѣ, гдѣ и прилично ей быть". Пока инспекторъ соображалъ отвѣтъ, огорченный учитель, подойдя къ выходной двери, надъ нею указалъ иронически мѣсто, сказавъ, что тогда икону придется поставить сюда. Инспекторъ вспыхнулъ и замолчалъ. Послѣдовалъ перерывъ. Послѣ перерыва инспекторъ сдѣлалъ мнѣ два замѣчанія, хотя и не при дѣтяхъ, что во первыхъ я слишкомъ простымъ языкомъ даю уроки закона Божія, а потомъ поставилъ какой-то серьезный вопросъ изъ сферы христіанскаго любомудрія, хотя и одному изъ лучшихъ учениковъ старшаго отдѣленія, но внѣ программы, да вопросъ такой, что разрѣшеніе его не всякому по силамъ и изъ людей съ богословскимъ образованіемъ. А такъ какъ, при урокахъ закона Божія никакого событія не оставлялъ я безъ достаточнаго освѣщенія, и предложенный инспекторомъ вопросъ былъ уже мною разсмотрѣнъ со старшимъ отдѣленіемъ въ свое время, то спрошенный ученикъ и далъ отвѣтъ правильный.—„Почему ты такъ думаешь?" продолжалъ испытывать ученика инспекторъ. Такъ научень я думать, отвѣчалъ ученикъ.—„Не слыхалъ я такого рѣшенія этого вопроса", замѣтилъ мнѣ инспекторъ.—„Ну-съ, такъ вотъ, не угодно-ли, послушайте.—Такъ рѣшается этотъ вопросъ не однимъ мною, а цѣлымъ рядомъ ученыхъ, вотъ напр. имена нѣкоторыхъ изъ нихъ,—и я назвалъ ихъ; имена безъ сомнѣнія, вамъ извѣстныя, можете во всякое время провѣрить мои уроки по ихъ сочиненіямъ. Что же касается простоты языка на моихъ урокахъ,—простоты однако не вульгарной, а если хотите, простоты Путятинской, или Крыловской, то знайте, что я работаю здѣсь не для щегольства литературными красотами языка, а для пользы моей паствы. Я хочу, чтобы ученикъ понималъ меня, какъ понимаетъ отца и матерь, и говорю его языкомъ, я хочу, чтобы онъ помнилъ мои рѣчи и разсказы и могъ во всякое вре-

мя передать ихъ правильно и матери, и бабушкѣ, и всѣмъ, кто спроситъ о томъ, чему его учатъ у насъ въ школѣ. И я знаю, что меня внимательно слушаютъ, меня понимаютъ старый и малый, въ церкви и въ школѣ".—„Я служу между прочимъ присяжнымъ", замѣтилъ мнѣ инспекторъ на эти слова, „говорю чистымъ литературнымъ языкомъ и убѣжденъ, что и меня всѣ на судѣ прекрасно понимаютъ".—„Пусть такъ, спорить не будемъ", сказалъ я наконецъ, „а вотъ, не угодно-ли, сейчасъ же дадимъ по уроку закона Божія,—вы своимъ языкомъ литературнымъ, а я языкомъ Ив. Андреевича, также вѣдь литературнымъ, хотя и народнымъ, и посмотримъ, кого лучше поймутъ дѣти", —Нѣтъ, этого допустить нельзя.—Ну такъ извините и позвольте мнѣ дѣлать свое дѣло здѣсь, по убѣжденію личному, какъ нахожу нужнымъ и полезнымъ, и считать себя свободнымъ отъ всякихъ замѣчаній со стороны г. инспектора училищъ".—Да что вы, помилуйте, я вѣдь такъ къ слову, не въ оскорбленіе, попріятельски, если хотите—и проч.." „Такъ и меня простите", сказалъ я, „за простоту и откровенность объясненія; не умѣю я ни ханжить, ни лицемѣрить". Бывали у меня и у учителя Ермолина и еще столкновенія съ этимъ почтеннымъ инспекторомъ, занимавшимъ иногда насъ на досугѣ разсказами о своей „великолѣпной черной козѣ", но... всего не передашь, да не вижу и пользы. Пора поговорить при томъ и о другихъ дѣлахъ.

Наше земское училище построено было, такъ сказать, мимоходомъ, между прочимъ. Мое вниманіе по строительной части сосредоточивалось главнымъ образомъ на церкви. Нѣсколько лѣтъ было употреблено на заготовку кирпича и въ то же время скоплялись деньги. А когда признано было болѣе или менѣе достаточнымъ количество кирпича и денегъ, было приступлено тогда къ разборкѣ прежней церкви и колокольни, простоявшихъ только 100 лѣтъ. Церковь освящена была, помнится, въ 1769 году и разобрана въ 1872 году. Еще существовала въ то время на Устюжскомъ городскомъ кладбищѣ та деревянная церковь, проданная устюжанамъ, когда среди нихъ явилось желаніе имѣть ее тамъ, которую въ свое время замѣнила въ Е—гѣ церковь каменная. При разборкѣ этой церкви обнаружилась вся своеобразность кирпичныхъ работъ прошлаго времени. Не только не были покрыты щебнемъ и залиты известью ряды очень мелкаго фундамента, но и въ стѣнахъ положенными на известь оказались только лицевые ряды кирпичей со сторонъ внутренней и внѣш-

ней, а средина стѣнъ была заполнена сухимъ щебнемъ. Въ день разборки храма была отслужена раннимъ утромъ послѣдняя божественная литургія и благодарственный молебенъ. Мнѣ чувствовалось грустно. И тотчасъ же приступлено было къ разборкѣ св. престола и жертвенника, уборкѣ утвари и св. иконъ. А на верху храма уже снимались св. кресты. Деревянный шпиль колокольни былъ срубленъ, два колокола спущены обычнымъ порядкомъ, а остальные три снесены людьми на рукахъ. Колокольня же была тонка, низка и такъ плоха, что я согласился съ подрядчикомъ одѣть ее кругомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно бичевами и сдернуть руками народа. Рѣшено и сдѣлано. Колокольня пала на площадь, развалившись по ней довольно крупными кусками. Разбившихся кирпичей получилось мало. При разборкѣ же церкви меня удивляла устойчивость кирпичнаго свода ея. Когда подбита была вся стѣна, на которую опирался онъ половиною своей тяжести и оставался уже одинъ кирпичъ, сводъ все еще держался на немъ одномъ и рухнулъ только тогда, когда рабочіе стали выбивать изъ стѣны вагою послѣдній кирпичъ. Надобно отдать справедливость, сводъ былъ устроенъ прекрасно. Но вотъ разборка храма окончена, мѣсто очищено Канавы вырыты прихожанами. Утвержденъ и фундаментъ. Назначено время закладки новаго съ колокольнею храма. Разосланы по окрестнымъ приходамъ повѣстки. Послѣдовала и закладка новаго храма, при участіи одного только сосѣда моего о. Ѳеодора Іоанновича Попова, священника Близгородной Благовѣщенской церкви. Торжество церковное было рѣдкое, богомольцевъ было множество. При достаточномъ количествѣ рабочихъ, работа шла успѣшно, но окончить ее въ одно лѣто не получилось возможности даже въ кирпичной ея части, по причинѣ нѣкотораго, хотя и небольшаго недостатка кирпича, который и приготовлялся на всякій случай еще и въ это лѣто. Кромѣ того нужно было набрать подполки, пола, подволоки, оштукатурить ихъ и стѣны и наконецъ покрыть храмъ желѣзомъ. И пришлось по необходимости, всю зиму 1870—71 года служить мнѣ съ причтомъ въ холодномъ храмѣ. И я, по милости Божіей, служилъ въ воскресные и праздничные дни неопустительно, и служилъ литургіи. Журили меня за эту смѣлость, опасную будто бы для здоровья, многіе добрые люди, но я не могъ не служить, чувствуя себя здоровымъ. Были и богомольцы всегда, а особенно въ великіе праздники. Не помню вотъ только, гдѣ, когда и какъ я

принималъ исповѣдниковъ, но только думаю, что если и принималъ, то не великимъ постомъ, когда все-таки и для всѣхъ было холодно, а во время постовъ лѣтнихъ, Петрова и Успеньева. Какъ же однако можно служить въ холодномъ каменномъ храмѣ зимою, когда температура на улицѣ и въ немъ могла быть градусовъ тридцать и больше ниже нуля? И почему не было поставлено временно печи? Печи нельзя было ставить потому, что храмъ этотъ былъ съ открытымъ восьмерикомъ, съ чрезвычайно тонкими стѣнами и плохо придѣланными оконными рамами. И если бы задаться мыслію прочно задѣлать лѣтнія рамы, поставить къ нимъ другія внутреннія и, устроивши печь, отоплять этотъ храмъ, то получились бы, при нѣкоторомъ теплѣ, угаръ и сырость, а приспособленіе это стоило бы дорого. И я рѣшился служить въ храмѣ совершенно холодномъ, никакимъ способомъ не отопляемомъ. Для этого обвязывали мы—служащее духовенство—головы платками, одѣвали мѣховые подрясники и во время утрени, когда при маломъ количествѣ богомольцевъ бывало иногда страшно холодно, держали руки въ шубныхъ рукавицахъ. Вынешь изъ нея руку, перекрестишься, поклонишься и тотчасъ же снова надѣваешь рукавицу. Также поступали и наши богомольцы. За обѣднями же, когда наполнялся до тѣсноты нашъ небольшой храмъ богомольцами, было уже теплѣе. Тѣмъ не менѣе въ большіе 30°-ные морозы въ мѣсяцахъ декабрѣ и январѣ страшно казалось иногда приступать къ совершенію божественной литургіи, хотя у меня тогда, при тридцатилѣтнемъ возрастѣ, и достаточно было силъ физическихъ и духовныхъ. Какъ никакъ, эта приснопамятная зима для служащаго духовенства и богомольцевъ прошла совершенно благополучно,—не пострадалъ никто. Она усилила только строительную энергію, когда наступила весна и лѣто. Всѣ сознали, что необходимо строющійся храмъ приготовить къ освященію по осени того же года. Столярныя и рѣзныя работы иконостаса для новаго двухпрестольнаго храма, съ его окраскою и позолотою были отданы съ торговъ Тотемскому мѣщанину Ильѣ Алексѣевичу Горбачеву, а письмо иконъ Устюжскому мѣщанину Калиновскому, плотничныя работы кр. дер. Скарятина Ивану Адріановичу Тесаловскому, а желѣзно-кровельныя Устюжскому мѣщанину Ивану Ѳедоровичу Говорову. А такъ какъ весь матеріалъ лѣсной и желѣзный былъ заготовленъ еще въ предъидущіе годы, то всѣ работы шли одновременно, съ тою лишь разностію, что одна изъ нихъ заканчивалась, другая про-

должалась, третья начиналась. При этомъ иконы были писаны въ Устюгѣ, а иконостасъ приготовлялся на мѣстѣ въ Е—ѣ, для чего дана была мастерамъ квартира. Понятно, увлеченный строительнымъ жаромъ, все свободное время я былъ на той, или другой работѣ, или съ церковными строителями, а потомъ съ замѣнившими ихъ членами церковнаго попечительства въ приходѣ, содѣйствуя послѣднимъ въ трудахъ по полученію съ прихожанъ раскладочныхъ сборовъ на устройство храма. Время шло. Церковныя работы двигались болѣе или менѣе успѣшно. Однако становилось ясно, что до наступленія зимы всѣ работы нѣтъ никакой возможности закончить. Поэтому рѣшено было оставить окраску и позолоту иконостаса, а равно и штукатурку храма до слѣдующаго года. Къ освященію же приготовить лишь одинъ придѣлъ, въ честь Рождества Христова, съ бѣлымъ иконостасомъ. И только въ декабрѣ успѣли закончить и въ этомъ объемѣ намѣченныя работы. Освященіе Христорождественскаго придѣла совершено было 14 декабря 1873 года мѣстнымъ благочиннымъ о. Григоріемъ Васильевичемъ Старостинымъ, въ сослуженіи трехъ священниковъ сосѣднихъ церквей и мѣстнаго, при чрезвычайномъ, можно сказать, невиданномъ здѣсь собраніи богомольцевъ. Дорогого сосѣда моего, о. Ѳеодора Іоанновича Попова, уже не было. Онъ умеръ, не дождавшись освященія нашего храма. Не было и Устюжскаго протоіерея о. Іоанна Васильевича Прокошева, переведеннаго уже на старости лѣтъ въ Кадниковскій соборъ, по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, крутымъ и слишкомъ рѣшительнымъ епископомъ Павломъ Доброхотовымъ. Прошелъ еще годъ и полтора мѣсяца. За это время уже всѣ церковныя работы были покончены. Въ оба придѣла иконы написаны, иконостасъ выкрашенъ зеленымъ колеромъ, рѣзьба вызолочена по нардану, выкрашенъ и полъ церковный, деревянный, стѣны и подволока оштукатурены, выкрашена и крыша на церкви, желѣзные листы которой на первое время были только загрунтованы. Освященіе этого придѣла, въ честь Покрова Божіей Матери, совершено было въ февралѣ 1875 года тѣмъ же о. благочиннымъ Старостинымъ, при участіи тѣхъ же священниковъ, которые были и на освященіи Христорождественскаго придѣла. Къ этому освященію нашего храма выписанъ былъ изъ Устюга соборный хоръ пѣвчихъ, регентомъ котораго былъ братъ мой, учитель Николай, нынѣ настоятель Утмановской Ильинской церкви Никольскаго уѣзда. А для отдаленныхъ богомоль-

цевъ, особенно не имѣющихъ въ приходѣ родственниковъ, въ виду уроковъ прошлаго, по мысли настоятеля, была приготовлена добрыми прихожанами закуска, которою и распоряжались на открытомъ воздухѣ, въ удобномъ для того мѣстѣ, г.г. члены попечительства съ избранными въ помощь имъ трезвыми и почтенными прихожанами. Собраніе богомольцевъ было хотя меньше, чѣмъ на первомъ освященіи храма, но все же очень большое, и я долженъ признаться, что, задумавъ угощеніе богомольцевъ хлѣбомъ и солью, опасался за благополучный исходъ его. Но, къ счастію, мои почтенные сотрудники прекрасно исполнили это дѣло, давшее даже нѣкоторый доходъ церкви и массу благодарности распорядителямъ. И здѣсь почти каждый жертвовалъ въ пользу церкви по пятачку, а нѣкоторые и по гривеннику. И вообще всѣ дѣла по церковной постройкѣ и во все продолженіе ея прошли гладко, мирно, благополучно. Ни крупныхъ недоразумѣній съ подрядчиками, никакихъ неудовольствій, ни заболѣваній, ни ушибовъ рабочихъ, ничего непріятнаго не случалось, по очевидной милости Божіей. А бывали моменты во время работъ, когда могли быть всякія неожиданности до серьезныхъ непріятностей. Однажды напримѣръ, лѣтнимъ вечеромъ, наканунѣ какого то праздника шелъ маленькій дождикъ Я пошелъ въ церковную ограду посмотрѣть, не работаютъ-ли еще тамъ плотники, ставившіе стропила и прибивавшіе рѣшетинникъ. Оказалось, что одинъ изъ нихъ что-то дѣлаетъ на самомъ краю церковной стѣны.— „Левушка“! *), говорю ему „пора работу кончать, завтра праздникъ“. „А вотъ сейчасъ, только раза два три топоромъ махнуть, и дѣлу конецъ“. Это былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ мною плотниковъ, смѣлый, толковый, честный, замѣчательно хорошо владѣвшій топоромъ, однимъ словомъ правая рука подрядчика во всякомъ важномъ дѣлѣ. И едва успѣлъ онъ дать мнѣ отвѣтъ, какъ, переступивъ съ мѣста, поскользнулся и столбомъ повалился на землю съ высоко поднятымъ топоромъ въ правой рукѣ. Упавши на землю, стоя, онъ присѣлъ, но съ ногъ не свалился. Я къ нему. Сидитъ, молчитъ, и топоръ въ рукѣ. Ну, что? Каковъ ты? Вставай, буде можешь, говорю ему. Спустя минуту, двѣ, при моей помощи онъ всталъ, шагнулъ нѣсколько разъ, бросилъ топоръ, сбилъ фуражку и сталъ креститься со словами: „Слава Богу! Все цѣло и здорово, и я живъ, а

*) Это кр. дер. Исадъ Стрѣленскаго прихода, человѣкъ моего возраста и нынѣ здравствующій. Ни отчества, ни фамиліи его я не помню вѣроятно потому, что всѣ и всегда его звали „Левушкой“.

если бы я упалъ на дерево, или камень", въ чемъ не было тогда недостатка въ оградѣ церковной, „что было бы со мной"! Былъ бы ты, Левушка, уродъ, или покойникъ, замѣтилъ я. „Вѣдь пошелъ дождикъ. и надо бы кончать работу, такъ нѣтъ". говорилъ онъ какъ будто самъ съ собою, „дай еще, да еще.,. ну, ротъ и помни, каково на праздники работать. Хорошо еще, что спасъ меня Богъ за чьи-то молитвы." Или поднятіе на колокольню шпиля и утвержденіе на немъ креста—какія это опасныя работы! Малѣйшій недосмотръ, ошибка, или то, что называется случайностью—и человѣка, или и нѣсколькихъ, какъ не бывало, они погибли. Нынѣ шпили на колокольни дѣлаются желѣзные, составные и утверждаются на своемъ мѣстѣ по частямъ. Это совсѣмъ другое дѣло, дѣло почти безопасное, конечно сравнительно. А въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, было не такъ. Шпили дѣлались въ сельскихъ церквахъ, да вѣроятно и въ городскихъ, большею частію деревянные. Вырубалось большое и совершенно прямое, какъ свѣча, сосновое дерево. У насъ для шпиля было приготовлено дерево длиною 8 саж. и 8-ми верщковъ въ отрубѣ. Согласно съ рисункомъ, оно обдѣлывалось въ видѣ восьмигранномъ или четырехгранномъ, цѣликомъ поднималось на колокольню и тамъ утверждалось въ каменной шейкѣ, или въ деревянныхъ же брусьяхъ, укрѣпленныхъ уже въ звоновой тушѣ колокольни, здѣсь обшивалось желѣзомъ, окрашивалось, послѣ чего и утверждался на немъ крестъ. Церемонія поднятія шпилей была сколько торжественная, столько же и опасная, требующая отъ мастеровъ точнаго знанія дѣла и несокрушимаго присутствія духа. На нашу колокольню поднимали шпиль свои мастера, уже извѣстные крестьяне Иванъ Адріановичъ Тесаловскій и Левушка Исадскій съ нѣкоторыми изъ своей артели. Хотя это дѣло одному изъ нихъ было совершенно не знакомое, а другой только видалъ, но не участвовалъ въ немъ, однако же они уступили моимъ убѣжденіямъ. А я не сомнѣвался въ умѣ и смѣлости ихъ нимало. Итакъ шпилевое дерево обдѣлано и положено на балки, устроенъ воротъ, утверждена на шейкѣ еловая шпилька саж. 4-хъ и къ ней прикрѣпленъ блокъ, въ него продѣтъ канатъ, одинъ конецъ котораго захватилъ шпиль, а другой поланъ на воротъ. А чтобы не сломать шпильки, или не развоpотить шейки, бичевы, долженствующія охранять ту и другую, были далеко отнесены въ стороны и закрѣплены заботливо и прочно на землѣ. Поднятіе шпиля происходило лѣтомъ 1873

года въ одинъ изъ праздничныхъ дней тотчасъ послѣ обѣдни, съ молебствіемъ и окропленіемъ его св. водою. Богомольцевъ и зрителей рѣдкаго событія было множество. Принявъ благословеніе, наши мастера пошли на свои мѣста на шейку колокольни. Раздалась команда. Взятый за средину шпиль сначала двинулся нѣсколько по землѣ къ колокольнѣ, но твердо удерживаемый силою противодѣйствія, при посредствѣ оттяжекъ каната, поданнаго народу, сталъ медленно и плавно подниматься, какъ вѣсовой баланецъ, съ тонкою бичевкою на толстомъ концѣ, а шпилька, какъ живая, дрожала будто отъ страха. Когда же дошелъ шпиль благополучно до блока шпильки, то за конецъ этой тонкой бичевки, находившейся уже въ рукахъ Левушки, былъ основаніемъ своимъ легко подтянутъ къ отверстію шейки. Раздалась команда —„отдавай вытяжную тихо!“ Шпиль сталъ садиться на свое мѣсто, и вотъ онъ на мѣстѣ. Быстро была установлена правильность его положенія, утверждено основаніе и прикрѣплена къ нему до самой вершины еще легкая лѣстница. Никто изъ присутствующихъ не замѣчалъ теченія времени и не отрывалъ своихъ глазъ отъ молодцовъ мастеровъ. И вотъ, прикрѣпивъ къ шпилю послѣднюю лѣстницу, вершина которой была нѣсколько выше шпиля, Иванъ Адріановичъ, слегка придерживаясь лѣвою рукою за тетиву лѣстницы, вдругъ, неожиданно для всѣхъ, всталъ одною ногою на вершину шпиля,—другая не помѣстилась и висѣла на воздухѣ,—и началъ креститься и молиться. Весь народъ на землѣ, повидимому, пересталъ дышать отъ страха за человѣка, на минуту. И вотъ среди этой могильной тишины съ высоты сейчасъ поднятаго шпиля, точно съ неба, мы услышали привѣтствіе: „съ благополучнымъ поднятіемъ шпиля поздравляю васъ православные“! И сталъ онъ вслѣдъ за тѣмъ со своими помощниками спускаться на землю. Однако когда, признавъ нужнымъ сейчасъ же сердечно и открыто поблагодарить его за блестящее исполненіе дѣла, взглянулъ я на него, то увидалъ, что мой Иванъ Адріановичъ, всегда румяный, былъ блѣденъ, какъ полотно, и велѣлъ подать ему немедленно стаканъ водки, хотя онъ и не особенно жаловалъ ее. Было ясно для меня, что поднятіе и установка шпиля, а особенно молитва на вершинѣ его вызвали крайнее напряженіе всѣхъ силъ этого человѣка. Нѣсколько позже, также въ праздничный день и также благополучно были подняты и поставлены на свои мѣста кресты и на новый храмъ и колокольню, при большомъ собраніи прихожанъ, Иваномъ Ѳеодоровичемъ Говоровымъ, дѣлавшимъ и золотившимъ ихъ.

Въ слѣдующіе три года, послѣ освященія втораго, Покровскаго, придѣла въ 1874 году, я занятъ былъ улучшеніемъ церковной утвари и ризницы. Въ это время, а частію и раньше, были куплены два напрестольныхъ серебряныхъ креста,—большой и малый, два Евангелія,—большое съ серебряною сплошною кругомъ отдѣлкою, и малое антиминское, съ серебряною же по лицевой сторонѣ отдѣлкою, серебряная же дарохранительница, вѣсомъ, помнится, 5 фунтовъ и серебряное же кадило. Всѣ эти предметы были позолоченные, а кадило бѣлое. Пасхальный трехсвѣчникъ, подсвѣчники къ мѣстнымъ иконамъ и напикадила куплены мѣдные. Ризница пополнялась обычно изъ дешевыхъ матерій почти каждогодно, плащаница куплена была также не цѣнная, и только одно полное облаченіе священническое и діаконское изготовлено было изъ матеріи дорогой. Хорошо помню, что за парчу для ризы и стихаря, съ воздухами, плачено въ Москвѣ по 8 руб за аршинъ. Въ Москвѣ и сшиты были эти послѣднія облаченія по мѣркѣ, данной Устюжскому купцу, покойному Василью Ильичу Охлопкову, покупавшему эту бархатную парчу. А всѣ остальныя швейныя работы по церкви производились въ моемъ домѣ мѣстнымъ прихожаниномъ, кр. лер Скарятина Максимомъ Артемьевичемъ Тесаловскимъ. И это былъ хорошій мастеръ своего дѣла и очень хорошій человѣкъ, толковый, честный и богобоязненный. Много поработалъ онъ у меня въ домѣ для церкви и для меня. И здѣсь то съ нимъ въ длинные зимніе вечера, когда сидятъ, бывало, еще съ нами церковный староста, тотъ или другой членъ попечительства и наконецъ церковные сторожа, обсуждались мои строительные планы, изыскивались денежные источники для церковныхъ нуждъ и разсматривались народные обычаи худые и добрые и сообщались мнѣ всяческіе предразсудки и суевѣрія; короче здѣсь въ моей кухнѣ, съ первыхъ лѣтъ моей священнической службы, повелись настоящія внѣбогослужебныя собесѣдованія, перенесенныя потомъ въ церковь въ 1875 году, а теперь давно уже заслужившія право гражданства и распространенныя по лицу земли русской до крайнихъ предѣловъ.

Въ 1875 или 1876 году, когда у насъ были только что покончены по церкви строительныя работы, съ многотысячными расходами, въ сосѣднемъ приходѣ былъ купленъ новый колоколъ, вѣсомъ 70 пудовъ. Звонъ этого колокола сталъ слышенъ въ половинѣ почти и нашего прихода, даже и на нашемъ погостѣ.

Мои мужички ходятъ, слушаютъ и поговариваютъ: „Луженьга-то, Луженьга (названіе прихода) какъ щеголяетъ“!? Я обдумывалъ въ это время вопросъ: что дѣлать съ холоднымъ храмомъ? И какъ его переустроить? Переустроить же и этотъ храмъ очень тѣсный и плохой казалось мнѣ необходимымъ. Но замѣтивъ, что и моимъ прихожанамъ какъ будто хочется заняться теперь увеличеніемъ церковнаго звона, я рѣшилъ использовать ихъ настроеніе. На созванное по этому поводу собраніе явились почти всѣ домохозяева. Желаніе увеличить церковный звонъ обнаружилось общее и горячее. На немъ было постановлено продолжить всѣ сборы съ прихожанъ хлѣбомъ и льномъ въ пользу церкви, сюда же отдавать и выручку прихожанъ отъ подъема соляныхъ судовъ въ Березовскомъ порогѣ въ теченіе 5-ти лѣтъ и кромѣ того сдѣлать подписку между прихожанами для добровольныхъ пожертвованій на покупку колоколовъ, а мнѣ дать довѣренность на заемъ денегъ съ обязательствомъ прихожанъ, за круговою порукою, погасить предполагаемый долгъ въ пятилѣтній періодъ времени. Къ веснѣ 1877 года въ распоряженіи церковнаго попечительства уже было денегъ 3000 рублей, съ которыми и поручено было мнѣ въ маѣ того года ѣхать въ Москву за колоколомъ однимъ, или двумя, по моему усмотрѣнію. Но откуда же такъ скоро взялись эти деньги? При всеобщемъ сочувствіи не трудно было мнѣ нажить деньги, а отвѣчать на этотъ вопросъ еще проще. Около 1000 рублей дала подписка, да 2000 рублей были взяты у богатыхъ прихожанъ въ долгъ безъ процентовъ. Но въ Москву одинъ я не поѣхалъ, а выпросилъ въ товарищи одного изъ главныхъ жертвователей, кр. дер. Царевой Горы Семена Ивановича Нелаева, пожертвовавшаго 100 рублей. По 100 рублей пожертвовали, скажу кстати, также приходскіе крестьяне деревень Ровдина Яковъ Козьмичъ Шулимовъ, Кичуги—Петръ Ивановичъ Нелаевъ и Андрей Михайловичъ Меньшкинъ. До Москвы однако съ Семеномъ Ивановичемъ я не доѣхалъ, а купилъ въ Ярославлѣ у Порфирія Павловича Оловянишникова два колокола, вѣсомъ одно въ 52 пуда, а другое въ 130 пудовъ, по 15 руб. за пудъ, съ доставкою ихъ въ Вологду на вѣтку въ Турундаево. Здѣсь куплена была лодка, наняты лоцманъ и работники. А колокола поставили на лодку Турундаевскіе мужички за полведра водки. И поплыли наши колокола вниз по рѣкамъ Вологдѣ и Сухонѣ до Е—и, а мы съ Семеномъ Ивановичемъ, спустя нѣкоторое время, отправились и

прибыли домой на пароходѣ. Приплыла въ свое время благополучно и лодка съ колоколами. А такъ какъ съ берега до церкви нужно было везти колокола цѣлую версту, то Иваномъ Адріановичемъ, по данному ему рисунку, сдѣлана была спеціальная на каткахъ и брусьяхъ телѣжка и приготовлена на столбахъ, близъ церкви, временная звонница. На этой телѣжкѣ и привезены были народомъ, собравшимся на погостъ во множествѣ, одновременно, оба колокола умѣло снятые съ лодки тѣмъ же Иваномъ Адріановичемъ Тесаловскимъ. Началось поднятіе колоколовъ на звонницу. Большой колоколъ подошелъ ушами къ желѣзнымъ крюкамъ прекрасно, а второй—нѣтъ. Нужно было уже употребить силу, а не одно искусство, хотя этимъ послѣднимъ и отличался мой Ив. Адріановичъ, которому предоставлено было и это дѣло. Взглянувъ въ толпу народа, я скоро увидѣлъ въ ней крестьянъ дер. Лодейки, братьевъ Осипа и Василья Андреевичей Мизгиревыхъ, извѣстныхъ своей большой силой, вызвалъ ихъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Нужно было приподнять колоколъ, вѣсомъ 52 пуда. — „Хорошо“, отвѣтили они, и вслѣдъ затѣмъ встали одинъ съ другимъ на противоположныя стороны, положили по рукавицѣ на правыя плечи и, подведя ихъ подъ колоколъ, подняли его, какъ ничтожную тяжесть. А Иванъ Адріановичъ моментально въ уши колокола вдѣлъ крюки и... дѣло кончено! Это была чайская ночь, ночь народнаго ликованія въ Е—ѣ, а котораго числа не помню. Лѣтописи же Е—и, теперь подъ руками у меня нѣтъ. И началась проба новыхъ колоколовъ, и загудѣлъ въ Е—ѣ неслыханный полунощный звонъ, продолжавшійся долго, долго и слышанный далеко, далеко. И теперь съ чувствомъ умиленія, наравнѣ съ святыми днями закладки храма и его освященій, вспоминаютъ Е—іе старые и пожилые люди эту ночь общенароднаго духовнаго торжества и ликованія.

На колокольню же новые колокола были благополучно подняты тѣмъ же Иваномъ Адріановичемъ Тесаловскимъ въ день храмоваго праздника 1 октября того же 1877 года, при множествѣ богомольцевъ.

XII.

Въ 1877 году всѣ необходимыя работы по церкви закончены, школьное зданіе готово было еще ранѣе, а къ 1882 году и всѣ церковно-попечительскіе долги были уплачены. Въ этомъ направленіи мои заботы, а онѣ, признаюсь, были очень ве-

ливи и слишкомъ хлопотливы, можно было признать, на нѣкоторое время хотя, законченными. Установилась такъ или иначе и правильная плата за труды духовенства, увеличились по количеству и качеству и добровольные сборы, къ которымъ однако же за всю мою долгую службу и жизнь, такъ и не смогъ я пріучить себя относиться безъ нравственнаго страданія, безъ туги душевной. Обратите вниманіе, благосклонный читатель, на тѣ явленія въ этомъ случаѣ, на которыя приходилось наталкиваться въ первые годы моей службы, а многіе еще наталкиваются и нынѣ. Вотъ я въ деревнѣ за сборомъ льна. Много мужичковъ сидитъ подъ окнами одного дома. Здороваюсь, сажусь къ нимъ и говорю: „кто, братцы, потрудился бы оповѣстить женщинъ, чтобы принесли мнѣ ленъ?“—„Ванька, бѣжи ка по избамъ и скажи бабамъ, чтобы несли батьку ленъ“, обратились мои собесѣдники къ мальчику лѣтъ 10-ти, а мнѣ замѣтили, что прежде у нихъ было не такъ, за льномъ ходилъ не попъ, а попадья и ходила она сама въ каждую избу.—„Ну, а я прошу принести мнѣ сюда, кому не жалко, а по избамъ не пойду“, отвѣчалъ я. Между тѣмъ обѣжавшій деревню мальчикъ на мой вопросъ: „ну, что“?—говоритъ—„хотѣли принести, только Анюха Пронина, сказала: а не великъ и баринъ твой попъ, и самъ придетъ“! Въ другой деревнѣ на мое замѣчаніе одному мужичку, принесшему повѣсмъ 5—6 самаго дряннаго льна: гдѣ онъ и нашелъ такой дряни, этотъ господинъ безъ стѣсненія мнѣ отрубилъ: „а не самый же лучшій отдамъ я тебѣ ленъ!“ У множества бабъ была манера уходить изъ дома, или спрятываться, чтобы только не отдать священнику, діакону, или причетнику льну, или Петровскаго. Находились и такія нахалки, что одна, напр., принесшая мнѣ пахтусъ сметаны, во время сбора Петровскаго, на мой вопросъ—„что же ты не принесла мнѣ яицъ?“—уже слишкомъ развязно отрѣзала: „а на что тебѣ и яица то, батюшка, у тебя вѣдь есть“..? Многіе священники сообщали мнѣ, что разобидѣвшіяся на нихъ за что либо прихожанки вкладывали внутрь пахтуса кусокъ смолы и такимъ образомъ, жестоко мстя за что либо своему батюшкѣ, портили у него все собранное масло. У меня этого не случалось, а бывало нѣчто другое, хотя и менѣе злостное, но все же непріятное. Одна женщина, при сборѣ Петровскаго, подала мнѣ довольно большой шарообразный пахтусъ. Обычно они дѣлаются круглыми толстыми, или тонкими пластинками. Обративъ на него вниманіе, я положилъ этотъ пахтусъ ого-

бо и, пріѣдя домой, разрѣзалъ его. Въ немъ оказалось кислое молоко. Или, при сборѣ руги, сидишь въ саняхъ на морозѣ, или при погодѣ ненастной и ждешь, терпѣливо ждешь, когда изволятъ принести изъ всѣхъ домовъ большой деревни ругу, по повѣсткѣ. И вотъ пошли. Кто несетъ рѣшето ячменя, или овса хорошаго качества, кто и два рѣшета, но такихъ мало, а тамъ дальше и пошли мастера своего дѣла. Одинъ изъ нихъ несетъ чего либо хотя и въ рѣшетѣ, но самомъ маломъ, подхвативши рукою подъ ослабшее днище его, отчего и кажется рѣшето полнымъ, другой въ коренноватой, или деревянной, даже иногда поломанной чашкѣ, кто несетъ напонецъ „охвостья“, или „мышѣдины“, а иныхъ не окажется и дома.—„Ужъ не осуди батюшка! Надо бы побольше, или получше, да вотъ у самихъ то мало“... И пойдутъ объясненія шаблонныя и дутыя,—однѣ и тѣ же на пространствѣ десятковъ лѣтъ. Курьезны эти объясненія въ устахъ женщинъ, скупыхъ на подачки, при сборѣ Петровскаго. Не принесшая яицъ, въ свое извиненіе, увѣряетъ васъ, что у нея „курицы парятъ“, другая говоритъ, что куръ ея „падина—коршунъ всѣхъ-таки тамъ и прибилъ“. А не принесшія пахтусовъ женщины увѣряютъ, что у нихъ по одной коровушкѣ, да и тѣ не доятъ,—переходницы“... Слушаешь, слушаешь такихъ краснобаекъ, да иногда и подумаешь,—нечего грѣха таить,—а вотъ сами то вы, матушки, кажется, всегда не „переходницы“, а или съ молочкомъ, или скоро отелитесь, а сказать?.. Сохрани Богъ! Прежнія бабы наговорили бы вамъ сальностей, а нынѣшнія пожалуй и въ амбицію вломились бы. Кто не знаетъ, что и нынѣ наше сельское духовенство живетъ тѣми же сборами, что и прежде, и нынѣ оно принуждено услаждаться тѣми же сборными прелестями, что и прежде, съ тою лишь разницею, что нынѣ, вслѣдствіе отравы народнаго духа идеями безбожными и анархическими, въ нашемъ народѣ увеличилось количество людей, равнодушныхъ къ церкви и духовенству, отчего и стало замѣтно повсюду ежегодное уменьшеніе доходовъ, называемыхъ добровольными сборами. Случалось и такъ, что ѣздишь, ѣздишь цѣлый день за сборомъ по приходу и никто нигдѣ не предложитъ закусить, или чайку напиться. Это тогда, когда хлѣбосольныхъ хозяевъ не окажется дома, а другіе покормить священника не считали своею обязанностію, хотя бы и заходили къ нимъ въ домъ. При сборѣ льну и Петровскаго всегда сопутствовалъ мнѣ одинъ изъ церковныхъ сторожей.—„А что, Алек-

сандръ", такъ звали одного изъ нихъ,— „покормятъ насъ сегодня гдѣ нибудь, или нѣтъ"? спрашиваешь, бывало его.— „А вотъ въ этой деревнѣ, надо полагать", отвѣчалъ онъ, „покормятъ". Зайдемъ въ избу, посидимъ, пока несутъ намъ ленъ, или петровское. И вдругъ хозяева дома и не подумали насъ покормить, а кто то сквозь зубы сказалъ сказалъ только: „подико, батюшка, ты ѣсти хочешь," когда я уже собирался уходить. Тогда мой Александръ, бывало, встаетъ съ лавки, молится Богу, забираетъ мѣшечки, или бурачки и говоритъ; „прощенья просимъ, г.г. хозяева, спасибо за хлѣбъ, за соль, вѣдь чуть не попотчивали!.." Послѣ такой, правда, краткой, но слишкомъ выразительной рѣчи моего спутника мнѣ уже не оставалось ничего говорить. А когда, хорошо узнавши всѣхъ моихъ прихожанъ, отъ стараго до малаго, я убѣдился, что всѣ эти грустныя явленія объясняются не предубѣжденіями, не злою волею, а простымъ недоразумѣніемъ, или, если угодно, невѣжествомъ; тогда нашелъ, безъ труда, и средства для воздѣйствія на нихъ въ желательномъ направленіи.

Періодъ изученія паствы закончился, пришло время вразумленія. Я видѣлъ, что все это добрые люди, но почему то недовѣрчиво и холодно относящіеся къ священнику. Я позаботился самъ стать къ нимъ ближе, обо всемъ разспрашивалъ; во всемъ принималъ участіе, въ одномъ отношеніи учился у нихъ, а въ другомъ началъ учить ихъ и словомъ и дѣломъ, потому что безъ добраго дѣла доброе слово значитъ мало для слушателя, а говорящему можетъ даже вредить, какъ человѣку, который учитъ тому, чего самъ первый исполнять не хочетъ. А собственный примѣръ на живомъ дѣлѣ, со стороны священника, для его простодушной паствы поучительнѣе многихъ проповѣдей, хотя бы и горячо сказанныхъ. Нужно-ли священнику вызвать и расположить прихожанъ на пожертвованія въ церковь,— начинай первый жертвовать самъ, сколько и чѣмъ можешь. Надобно-ли расположить ихъ къ особенной молитвѣ по тому, или другому случаю,—начинай эту молитву самъ священникъ и такъ далѣе во всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ пастырскаго служенія. Тяжело у меня было на душѣ, когда я видѣлъ, какъ скудны были добровольныя пожертвованія прихожанъ на нужды церкви въ первые годы ея устройства, не смотря на мои горячіе призывы. А когда увидѣлъ народъ, что и самъ я, трудясь всѣми силами для храма Божьяго, въ тоже время еще и жертвую въ пользу его,

напр. зерновымъ хлѣбомъ, при всей своей скудости, когда узналъ этотъ народъ, что ихъ священникъ, чтобы сберечь и мірскіе гроши и рубли для нуждъ св. храма, рѣшился устраивать домъ себѣ, не безпокоя прихожанъ, не трогая церковной казны, а своимъ счетомъ, при посредствѣ займовъ и одолженій,—вотъ тогда то и пожертвованія потекли въ церковь нескудно. Безплодны были мои рѣчи о необходимости молитвы при посѣвѣ въ поляхъ хлѣба, а когда я сталъ молебствовать на своихъ поляхъ, въ присутствіи моихъ прихожанъ, избравши для того воскресный день, тогда стали молебствовать на поляхъ и прихожане, слѣдуя, видимо, данному примѣру. Примѣръ послужилъ такимъ образомъ основаніемъ д браго обычая, а обычай, расширяясь и укрѣпляясь, съ каждымъ годомъ, мало-помалу, укоренился и сталъ всеобщимъ. Такъ необходимо поступать священнику и во всѣхъ другихъ случаяхъ пастырскаго служенія, если хочетъ онъ, чтобы не напрасны были его заботы и труды о пользѣ и благѣ своей паствы, чтобы она его слушала и уважала (1 Тим. 4. 12). И, слава Богу, такіе священники есть,—и ихъ не мало,—были и прежде, и конечно всегда будутъ. Зналъ и знаю я такихъ священниковъ, которыхъ весьма уважала и любила паства, зналъ и такихъ, которыхъ она не любила, но уважала, и такихъ не многихъ, къ счастію, которыхъ плохо уважала. У одного священника напр. ни одинъ прихожанинъ не смѣлъ, безъ благословенія его, не только засватать невѣсту для своего сына, но и сварить пива для свадьбы. А когда придетъ, бывало, время для предложенія вознагражденія за труды хотя бы также при свадьбѣ, то нуждающійся въ трудахъ священника предлагалъ количество вознагражденія на его усмотрѣніе. А священникъ уже зналъ, съ кого и сколько взять и поступалъ, какъ ему угодно, безъ всякихъ возраженій со стороны просителя. Легко понять, какъ много было силы воли и умѣнья у этого строгаго священника, умѣвшаго такъ поставить очень большой и распущенный до него приходъ. На погостѣ у него было волостное правленіе. Любилъ онъ заходить на дорогѣ сюда, чтобы и здѣсь, въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ, принимать негласное участіе. Уважали его епископы и свѣтское начальство, а умные изъ прихожанъ называли его заочно „Владыкою“. И этотъ священникъ-Владыка былъ никто другой, какъ о. Александръ Іоанновичъ Невѣнскій, достойный настоятель Городищенской Богоявленской церкви Устюжскаго уѣзда, о которомъ вспоминать съ любовію я уже имѣлъ слу-

чай. И по внѣшнему виду это былъ священникъ типичный. Высокаго роста, хорошо сложенный, съ высокимъ лбомъ, открытымъ смѣлымъ взоромъ, звучнымъ голосомъ, хорошо образованный, мыслящій и говорившій стройно (изъ студентовъ семинаріи сорокового годовъ прошлаго вѣка) онъ производилъ впечатлѣніе импонирующее. Во дни борьбы съ грубостію и невѣжествомъ своего прихода онъ шелъ къ цѣли, въ полномъ сознаніи пастырскаго достоинства, мужественно, твердо и стойко и любилъ на этотъ разъ говорить пословицами: „суди меня губернская, а не баба деревенская“ и „умру въ полѣ, а не въ ямѣ“, но пусть будетъ такъ, какъ должно быть. Другой же священникъ прошлаго времени, не только уважаемый, но даже горячо любимый прихожанами обрисовывается нѣсколько иначе. Веселый и добродушный, заботливый и хлѣбосольный, горячій и снисходительный — это мой бывшій сосѣдъ по Е..гѣ о. Ѳеодоръ Іоанновичъ Поповъ. Если кто досадитъ ему, или оскорбитъ его такъ или иначе, то онъ такъ пашумитъ, такъ разнесетъ человѣка въ туже минуту, что не поймешь, глядя со стороны, какъ тутъ и дѣло уладится. А мужичекъ, или женщина стоятъ, да помалчиваютъ, пока „бурлитъ, шумитъ погодушка“. Пройдетъ полчаса. И если не ушли эти люди, конечно отлично его изучившіе, то онъ непремѣнно къ нимъ снова придетъ, проститъ и благословитъ, а если что еще нужно, то и слѣлаетъ, а иногда и по рюмкѣ водки подастъ. —Мужичекъ, или женщина между тѣмъ клапяются и благодарятъ: „спасибо, поучилъ ты насъ батюшка! Такъ вѣдь и надо учить насъ дураковъ“. За всѣмъ этимъ никогда и никого изъ нуждающихся не отпуститъ, бывало, безъ добраго совѣта, или посильной помощи добрый о. Ѳеодоръ. Тридцать лѣтъ, кажется, прослужилъ онъ въ Благовѣщенскомъ приходѣ и заслужилъ названіе „папаши“, какъ величали даже заглазно его приходскіе почитатели. Тотъ и другой изъ этихъ священниковъ нашего округа были законоучителями и учителями въ министерскихъ начальныхъ училищахъ, помѣщавшихся въ ихъ домахъ, и умерли первый благочиннымъ, а второй духовникомъ окружнаго духовенства.—Царство вамъ небесное, мои друзья,—дорогіе покойники! Большинство священниковъ нашего округа и минувшаго времени не выдавалось конечно, какъ всякое большинство, ни умственными силами, ни энергіею, но по мѣрѣ силъ и разумѣнія честно исполняло свой долгъ служебный по церкви и приходу. Если священники этого сорта не могли говорить своихъ про-

повѣдей съ церковнаго амвона, то они читали поученія печатныя съ большимъ усердіемъ, а простое доброе слово у нихъ было всегда и вездѣ на устахъ, для своей паствы, практическими же уроками для нея служила трудовая, скромная и честная жизнь этихъ священниковъ. И они вполнѣ достойно пользовались уваженіемъ со стороны своей паствы. Простые и добрые люди были и тѣ несчастные изъ насъ, которые, по природной-ли наклонности, или вслѣдствіе вдовства, подвергшись извѣстной слабости, теряли къ себѣ уваженіе. И какъ было больно сердцу, когда трижды въ жизни случилось мнѣ услышать названіе священника полуименемъ, хотя и заочно! Не могу забыть этой дерзости, которая и наказана была мною, какъ священникомъ, безнощаднымъ выговоромъ виновникамъ въ двухъ случаяхъ, а въ третьемъ, имѣвшемъ мѣсто еще въ дошкольный періодъ моей жизни, говорить я не могъ, но былъ уличенъ — и вотъ 65 лѣтъ незабываю его. При такомъ природномъ настроеніи, я не могъ равнодушно относиться къ тому, что казалось неправильнымъ, плохимъ, или безпорядочнымъ въ жизни моей паствы. А узнавши ея хорошія и слабыя стороны, я заговорилъ тверже и сталъ настойчивѣе, требуя уже вниманія и послушанія, чтобы „жить и людей не смѣшить“, а быть полезными другъ другу. Какъ видите, благосклонный читатель, говоря о паствѣ, мнѣ приводится говорить и о себѣ. Чувствую и сознаю неудобство своего положенія. Меня могутъ желающіе заподозрить и пожалуй обвинять въ самохвальствѣ, но рѣшительно недоумѣваю, какъ разсказать о жизни паствы, направляемой священникомъ, и умолчать объ этомъ послѣднемъ. Итакъ судите, какъ хотите, а я продолжаю, какъ долженъ и какъ умѣю.

Выше уже было сказано, что поминовеніе усопшихъ родителей среди Е...ой паствы было запущено, а о вселенскихъ субботахъ она и понятія не имѣла. Все это было постепенно объяснено и предложено настойчиво имѣть годовыя поминовенія, за 30 коп. въ годъ, а кто и этого уплатить не можетъ, записывай и тотъ.— „Денегъ не спрошу“, говорилъ я, „а поминать буду“.— „Что ихъ трясти-то“, говорилъ „Андрюша Камендатъ“, „давно лежатъ въ землѣ, облежались“.— „А вотъ когда умрешь, тогда узнаешь и ты, зачѣмъ нужно поминовеніе ихъ, если теперь не вѣришь никому и ничему“, отвѣчалъ я этому странному человѣку, хотя и не безбожнику, но почти все вышучивавшему. А въ нарочитые дни поминовенія усопшихъ просилъ я при-

хожанъ приходить въ церковь для молитвы за нихъ. То и другое принято большинствомъ и вошло со временемъ въ обычай. Даровыхъ поминовеній не оказалось, но за 30 копѣекъ годовой платы пришлось поминать усопшихъ каждаго хозяина въ приходѣ,—бѣднаго и богатаго,—свыше 20-ти лѣтъ. И только, спустя 20 лѣтъ слишкомъ, когда окрѣпъ обычай и упрочился мой авторитетъ въ приходѣ, рѣшился я увеличить плату за годовое поминовеніе до 50 копѣекъ съ бѣднаго и богатаго. А уплату 50-ти копѣекъ за свѣдѣніе о невѣстѣ и за заказныя обѣдни равно и 1 рубля, за вѣнчаніе, такъ и не рѣшился я увеличивать первую до 1 рубля, а послѣднюю до 3-хъ, или 2-хъ рублей, какъ вездѣ уже было въ обычаѣ, по сосѣднимъ приходамъ. Увеличилъ же плату я только, въ копѣечныхъ расчетахъ, за славу и постную молитву, съ 3-хъ до 5-ти копѣекъ, за молебны простые съ 5 до 10-ти, и за водосвятные съ 10-ти до 15-ти копѣекъ. Не могъ терпѣть я и нѣкоторыхъ безпорядковъ въ церкви за богослуженіями и внѣ ея, послѣ ихъ. Пойдетъ, бывало, церковный староста въ концѣ литургіи собирать въ казну и возглашаетъ, почти непрерывно: „Порадѣйте православные, Матери Божіей въ казну“. Народъ заговоритъ съ нимъ, женщины защебечутъ, а сторожъ закричитъ: „бабы, тише!“ Безпорядокъ полный. Старостѣ и сторожамъ было приказано дѣлать свое дѣло молча, а народу объяснено, что такое церковь и какъ надо вести себя въ ней. Выйдешь изъ церкви послѣ службы на ограду и улицу,—тамъ уже совершенный базаръ, и то деревенскій, особенно лѣтомъ. Шумъ и гамъ. Кто сидитъ, кто стоитъ или лежитъ, кто куритъ табакъ, кто въ гармонію играетъ, а кто уже и споритъ и вздоритъ. Немногіе лишь снимутъ шапки, увидавъ выходящаго изъ церкви священника, и обратятся лицомъ къ нему. Большинство его не замѣчаетъ. Посмотришь, вздохнешь, остановишься и заговоришь, не помышляя о гомилетикѣ и ея правилахъ.—„Здравствуйте братцы! Съ праздникомъ! Да шапки долой, лицомъ ко мнѣ. Едва вышли вы изъ храма Божія, гдѣ стояли въ дѣйствительномъ, хотя и невидимомъ присутствіи Господа и Его святыхъ ангеловъ, гдѣ приносилась Безкровная Жертва, во имя Христово, о грѣхахъ, гдѣ всѣ мы обвѣяны были, какъ теплымъ воздухомъ, духомъ молитвъ Христовой церкви, гдѣ слышали и видѣли, какъ молились о себѣ, о васъ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ ваши священникъ и его сослужители, —и, забывши такъ скоро все это, и старый и молодой отдались

молвѣ житейскихъ попеченій, а многіе уже и удовольствіямъ съ такимъ азартомъ и увлеченіемъ, что не замѣчаете, какъ идетъ изъ церкви тотъ, кто молился съ вами за себя и за васъ, не считаете нужнымъ почтить его поклономъ, даже оборотиться лицомъ къ нему и снять шапку передъ нимъ. Развѣ это христіанскій порядокъ? Развѣ такъ должно быть? Мнѣ страшно, мнѣ стыдно за васъ..?! и проч. и проч. И, поговоривши въ такомъ родѣ когда много, когда мало, но всегда горячо, наконецъ скажешь, „помните и исправьтесь“, или „до свиданья! Не осудите“!— „Ну, что ты, батько, ты не осуди насъ! Спасибо, что учишь“, скажутъ, бывало, нѣкоторые, а покойный діаконъ Димитрій Абрамовичъ говаривалъ прямо: „учи, ты, учи насъ дураковъ“, хотя и въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Конечно не вдругъ и не съ одного раза, но сравнительно легко и скоро удалось установить мнѣ добрый порядокъ и тишину въ церкви и внѣ ея, по крайней мѣрѣ, пока не пройду домой изъ церкви, —и какой порядокъ!.. За церковными богослуженіями знали всѣ, когда, какъ и о чемъ надо молиться. Все это было объяснено, объяснены молитвы существенныя, символъ вѣры и заповѣди, въ чемъ много помогали мнѣ школа и внѣбогослужебныя бесѣды, начатыя въ церкви въ 1875 году. А при выходѣ изъ церкви служащаго духовенства, любо взглянуть было на Е...ихъ прихожанъ, вся масса которыхъ, какъ и ни велико было бы собраніе, разступится по сторонамъ, сниметъ шапки и кланяется. Духовенство проходитъ и поздравляетъ съ праздникомъ, также снимая фуражки, или шапки. Ни гармоникъ, ни трубокъ, ни папиросъ уже ни у кого въ рукахъ не видно. Такъ хорошо было въ этомъ отношеніи наконецъ, что пріятно и вспомнить. Непріятно далѣе было, когда называли меня нѣкоторые не батюшкой, или не именемъ, а „батькомъ“, или „бачкой“. Я далъ понять это тѣмъ, кому находилъ нужнымъ, и это измѣненіе въ обращеніи устроилось легко и скоро, меня стали называть, какъ должно, а когда сталъ я благочиннымъ, то нѣкоторые изъ старинокъ ухитрились придумать неслыханный титулъ: „ваше высокоблагочиніе“. На этотъ разъ уже посредствовали мои добрые люди, которыхъ и пришлось упрашивать называть меня попроще—„о. благочинный“, или „о. А.“ напримѣръ.

На свадебныхъ пирахъ въ деревняхъ я бывалъ не больше четырехъ-пяти разъ, со включеніемъ сюда и свадебъ трехъ моихъ сестеръ, выданныхъ въ замужество за крестьянъ. Послѣ

свадебные столы проходили шумно и весело, но вообще прилично, кромѣ церемоніи „умыванья“, происходившей на другой день вѣнчанья. И тутъ ничего дурнаго я не находилъ, кромѣ шалостей, количество которыхъ находилось въ зависимости отъ темперамента гостей и хозяевъ. А ночь наканунѣ вѣнчанія, въ домѣ невѣсты, проходила съ вечера въ слезахъ и причитаніяхъ невѣсты, чередуясь съ грустными пѣснями окружающихъ ее подругъ, а съ прибытіемъ жениха—въ болѣе или менѣе широкомъ пиру до разсвѣта. Не желая вдаваться въ подробности описанія пира этой ночи, какъ и другихъ свадебныхъ порядковъ въ деревняхъ нашего края въ послѣдующіе дни, что увлекло бы меня очень далеко, отмѣчу только кое что. Не смотря на то, что давно уже знаетъ женихъ невѣсту, что у него были уже формальные „смотры“, по входѣ въ домъ ея въ эту ночь, еще разъ долженъ былъ поглядѣть на нее со свѣчею даже въ рукахъ, хотя въ комнатѣ свѣту и было достаточно. Выведенная какою нибудь почтенною тетушкою, или бабушкою на средину избы передъ жениха, съ его родителями и гостями невѣста дѣлала всѣмъ имъ нѣсколько поясныхъ поклоновъ, послѣ чего женихъ бралъ со стола уже приготовленную и зажженную свѣчу, приближался къ невѣстѣ и, водя свѣчею кругомъ лица, а иной и кругомъ всего корпуса, молча смотрѣлъ ей въ глаза, а она должна была стоять неподвижно, какъ солдатъ въ строю, и лишь, по окончаніи такого осмотра, еще разъ низко поклониться ему. Гости стояли и въ глубокомъ молчаніи смотрѣли на эту процедуру. А женихъ, оставивъ невѣсту и поставивъ обратно на столъ свѣчу, тихо разговаривалъ между тѣмъ о чемъ то со своими родителями, а иногда уходилъ для этой бесѣды съ ними даже въ сѣни. Но вотъ совѣтъ конченъ. Раздается голосъ свата: „женихъ согласенъ, препятствій нѣтъ“.—„И мы согласны“, отвѣчаетъ довѣренное лицо со стороны невѣсты,—„милости просимъ садиться“. И помолившись Богу, съ прочтеніемъ даже молитвы иногда, хозяева дома садятъ сначала въ передній уголъ, подъ св. иконы жениха и невѣсту на лавку, покрытую овчиной вверхъ шерстью, а затѣмъ и гостей жениха по чину и родству, а если позволяетъ мѣсто, то и гостей невѣсты. И начинаетъ мало по малу разливаться пиръ горою, причемъ невѣста, при подачѣ по крайней мѣрѣ по первому стакану гостямъ водки, должна оставаться на ногахъ и каждаго изъ нихъ просить выкушать стаканъ поклономъ. Медленно подаются на столъ кушанья, гости угощаются

водкой и пивомъ, начинается говоръ и оживленіе, а потомъ и пѣсни въ припляску тугъ же за столомъ будтобы, чего однако я не видалъ. Что ни говорили бы про нашъ простой народъ, но никто изъ него, кромѣ самыхъ „отпѣтыхъ", не позволитъ себѣ лишняго, въ присутствіи священника, по сану уже имъ уважаемаго, помимо личныхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, которыя цѣнитъ народъ умѣетъ пожалуй лучше и вѣрнѣе иныхъ интеллигентовъ. Такимъ образомъ не найдя ничего дикаго и безобразнаго въ свадебныхъ обычаяхъ, и не тронулъ я ихъ, а только ознакомившись съ ними, переталъ назначать вѣнчанія по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ. Поропатали, какъ было слышно, на меня мои прихожане, но разсудили, что пожалуй и ладно это, покорились и замолчали.

Труднѣе всего было убѣдить мою возлюбленную паству говѣть каждогодно, пріучить дѣвицъ ходить въ воскресные и праздничные дни въ церковнымъ богослуженіямъ, крестить младенцевъ въ церкви и по пятницамъ великаго поста, когда въ послѣдніе годы бывало уже исповѣдниковъ по 300 и болѣе человѣкъ, не отвлекать меня отъ церковнаго служебнаго труда приглашеніями въ деревни для напутствованія больныхъ. „Можетъ", говорили мнѣ на мои увѣщанія, „заболѣть человѣкъ неожиданно, какъ тогда быть?" — Да, заболѣть можетъ каждый изъ насъ, хотя и рѣдко неожиданно и опасно, но на то и постъ, чтобы всѣ мы въ церкви очищали себя покаяніемъ и здѣсь пріобщались Св. Христовыхъ Таинъ. — А если человѣкъ заболѣваетъ не внезапно, а постепенно, то надобно ѣхать за священникомъ въ четвергъ, или въ субботу, но никакъ не въ пятницу отрывать его отъ трудной и продолжительной служебной обязанности по исповѣди говѣющихъ". Такъ всегда отвѣчалъ я возражающимъ и не смотря на неоднократныя попытки со стороны людей упрямыхъ вынудить меня отказаться отъ моего требованія, я былъ упрямѣе всѣхъ, продолжалъ требовать исполненія моихъ требованій и тогда даже, когда уже пріѣзжали за мной. Великій постъ для каждаго священника самое трудное и отвѣтственное время. Мало ли его надобно для исповѣди напр. 300. даже 200 человѣкъ, если исповѣдывать говѣющихъ не спѣшно! А если священникъ будетъ спѣшить, то онъ начинаетъ страдать нравственно, обличаемый въ небрежности совѣсти. И въ такіе дни, какъ великопостныя пятницы, отнимать у священника дорогое время на поѣздку за 10—12 верстъ, хотя также для добраго дѣла, мнѣ казалось

безчеловѣчнымъ. Можетъ быть и грѣшилъ я и ошибался, но разсчетамъ самолюбія, но поступалъ рѣшительно и добился того, что въ эти дни перестали меня возить по деревнямъ съ требами, а съ теченіемъ времени перестали и гнѣваться недовольные. Много силъ было потрачено далѣе на то, чтобы убѣдить отцовъ и матерей отпускать своихъ дочерей-дѣвицъ, по праздникамъ, на погостъ къ церковнымъ службамъ. И какихъ только возраженій мнѣ не ставили эти бѣдные, темные люди!—„И обычая-то молъ нѣтъ у насъ, вѣдь и въ другихъ то приходахъ не ходятъ дѣвки въ церковь (къ сожалѣнію, это была правда въ отношеніи сосѣднихъ приходовъ, но не болѣе), и одѣть у нихъ нечего, и дома то онѣ нужны въ праздники, да ты послушалъ бы, батюшко, что говоритъ Марья Алексѣевна, а она вѣдь старуха умная, да и чего ты убиваешься, что тебѣ надо“? „Мнѣ надо, отвѣчалъ я, чтобы не только вы, но и дѣти ваши съ малыхъ лѣтъ ходили въ церковь, учились здѣсь слушать церковное чтеніе и пѣніе и молиться Богу. Развѣ это худо? Развѣ худаго желаю вашимъ дѣтямъ? Развѣ худому чему либо учатъ васъ въ храмахъ Божіихъ? Почему же вы меня не слушаете?—Скажите мнѣ, а я скажу вамъ, почему я „убиваюсь“, по вашимъ словамъ, призывая не васъ однихъ, но и дѣтей вашихъ къ церковной молитвѣ. На то я и священникъ, на то я и поставленъ, чтобы учить людей жить по христіански. Скажите же мнѣ, христіанинъ ли тотъ, кто и въ храмъ Божій не ходитъ, молитвъ церковныхъ, слова Божьяго не слышитъ, и понятія о христіанскомъ храмѣ, о христіанской жизни, о церковной молитвѣ не имѣетъ? Я долженъ возвѣщать вамъ волю Божію и если учу васъ, то не заслуживаю ни похвалы, ни порицаній.—Это моя обязанность. Но горе мнѣ, если я молчу, хотя вижу, что всѣ мы живемъ не ладно. Я долженъ отвѣчать передъ Богомъ за каждую душу. Надо, чтобы не погибла она для спасенія. Ну, тамъ и судите сами, какъ же я могу молчать!“—„Вы говорите далѣе“, продолжалъ я, „что ваши дочери дома нужны.—Положимъ, такъ это. Но если бы ихъ не было, тогда какъ? Не у всѣхъ вѣдь матерей есть дочери, но онѣ живутъ какъ то, да и съ хозяйствомъ справляются не хуже другихъ.—Или одѣть нечего имъ для того, чтобы идти въ церковь“, говорите вы. „Не правда, не вѣрно. Ходятъ ваши дочери на всякую работу, на всякое гулянье развѣ не одѣтыя? А на святочныхъ игрищахъ, какъ мнѣ сообщаютъ добрые люди, онѣ отплясываютъ всѣ, разодѣтыя такъ,

что не отличишь дѣвицы бѣдной отъ богатой. Что наконецъ говоритъ вамъ Марья Алексѣевна, я конечно не знаю, какъ не знаю и ея, она не моя прихожанка. Вижу однако, что вѣрите ей вы много, даже больше, чѣмъ мнѣ, священнику и отцу вашему духовному. Хорошо. Постараюсь повидать „умную и почтенную“ Марію Алексѣевну, побесѣдую и съ ней и посмотрю, умна ли она, и то-ли заговоритъ вамъ потомъ, что говорила прежде!“ Познакомившись съ Марьей Алексѣевной, жившей въ деревнѣ Чаньковѣ, гдѣ были и мои прихожане, я увидѣлъ, что это дѣйствительно была женщина почтенная по возрасту, религіозности и очень не глупая, но остановившаяся на тѣхъ народныхъ понятіяхъ, какія господствовали еще во время ея молодости. Она легко и скоро поняла мои разъясненія и въ концѣ концовъ дала слово, что будетъ направлять ко мнѣ людей, нуждающихся въ совѣтѣ и успокоеніи, словомъ стала мнѣ полезною. Еще болѣе полезною была для меня матушка учителя нашего Е....го училища, священническая вдова Марья Львовна Ермолина, родная сестра бывшаго учителя Устюжскаго д. училища Аристарха Львовича Попова. Это была женщина умная, грамотная, много на свѣтѣ пожившая, много читавшая, много видавшая и испытавшая. Любили навѣщать ее мои пожилыя прихожанки, которыхъ и вразумляла, и просвѣщала она своими простыми, но теплыми, задушевными бесѣдами, иллюстрируя ихъ фактами—то изъ наличной жизни, то изъ житій святыхъ. Много помогала мнѣ эта достойная доброй и благодарной памяти матушка и въ убѣжденіи родителей обучать грамотѣ не однихъ сыновей, но и дочерей. Нынѣ отъ учащихся отбоя нѣтъ, всѣ хотятъ учиться, а тогда было другое время, другіе нравы,—нужно было настойчиво и горячо убѣждать людей учить дѣтей, особенно дѣвушекъ. Старыя понятія народа наконецъ были въ приходѣ моемъ поколеблены. Заявлялись дѣвушки, конечно сначала въ незначительномъ количествѣ, въ церкви и въ школѣ, потомъ болѣе и болѣе, а теперь уже, по наведеннымъ справкамъ, Е...ія дѣвушки постоянныя богомолицы въ церкви въ воскресные и праздничные дни и постоянныя ученицы въ школѣ. Слава Богу! Къ каждогодному говѣнію я начиналъ призывать свою паству каждогодно и начиналъ я съ недѣли мытаря и фарисея. Говорилъ я о долгѣ каждогоднаго говѣнія и въ церкви, и на домахъ, и въ пути, при поѣздкахъ въ приходъ съ требами и, милостію Божіею, достигнулъ успѣха. Не скоро и не безъ напря-

женія силъ былъ достигнутъ и въ этомъ случаѣ успѣхъ, но о трудахъ и усиліяхъ я говорить не стану. Кто же не знаетъ, что въ человѣческой жизнедѣятельности само собою ничего не бываетъ. Отмѣчу то, что однимъ изъ сильныхъ побужденій народа къ каждогодному исполненію долга говѣнія служилъ рѣшительный отказъ мой отъ поѣздокъ въ приходъ для напутствованія больныхъ, по великопостнымъ пятницамъ. Не скажу, чтобы каждогодно стали говѣть уже всѣ жители моего прихода, состоявшаго уже изъ 3.400 душъ обоего пола. Нѣтъ, оставались все еще люди, говѣвшіе не каждогодно, но ихъ уже было не много. Въ послѣдніе годы моей службы въ Е..ѣ количество говѣющихъ тамъ увеличилось такъ, что я долженъ былъ испросить словесное разрѣшеніе Преосвященнѣйшаго Израиля по четвергамъ великаго поста служить обѣдни Златоустаго для причастниковъ, исповѣдавшихся въ среду. И мнѣ стало легче, когда количество желающихъ исповѣдаться на извѣстной недѣлѣ вмѣсто одного дня, стало распадаться на два, а именно на среду и пятницу. Въ два дня недѣли 500 человѣкъ исповѣдать я еще могъ, но въ одинъ день сдѣлать это было бы невозможно. Остается замѣтить, что въ дѣлахъ пастырскаго служенія, въ области религіозной и нравственной, къ посторонней помощи я никогда не прибѣгалъ, не желая обнаруживать слабости своихъ силъ и вѣры въ помощь Божію передъ своею паствою. Нѣсколько раньше мнѣ удалось провести еще одну, очень важную мѣру въ пастырской жизни священника, о которой и долженъ я сказать теперь нѣсколько словъ.

Когда учился я еще въ богословскомъ классѣ семинаріи, мой товарищъ по канцеляріи семинарскаго Правленія извѣстный уже читателямъ, по моимъ воспоминаніямъ, о. Петръ Михайловичъ Гвоздевъ, бывшій священникомъ очень большаго прихода, писалъ мнѣ, что „приходскія требы рѣшительно истребляютъ его“. Жаль мнѣ было этого умнаго и добраго человѣка, изнемогающаго подъ бременемъ приходскихъ требоисправленій, но я не понималъ тогда всей силы и ужаса этого священническаго вопля и не могъ, кромѣ сочувствія, ничѣмъ успокоить его болѣе или менѣе основательно. А вотъ, когда и мнѣ достался въ удѣлъ большой и разбросанный на 25-тиверстномъ разстояніи приходъ, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, тогда я понялъ, что значатъ эти требы для священника, не желающаго оставаться только требоисполнителемъ. Требы эти идутъ какъ то безпорядочно,

переливами, то нѣсколько дней нѣтъ ни одной требы, то вдругъ окажется 5—10 требъ въ одинъ день, да иногда въ дополненіе пригласятъ священника и ночью въ темную осеннюю пору. Это уже дѣйствительно „истребленіе“ священника. Въ приходѣ, изрѣзанномъ тремя рѣчками и рѣкою Сухоной, при обледенѣвшей уже дорогѣ, съ покрывшимися льдомъ лывами, ѣдешь, бывало, верхомъ на худой и конечно не подкованной лошади. Ноги у нея то скользятъ, то пробиваютъ тонкій ледъ на замерзшихъ лывахъ. И при всемъ этомъ „не видно ни зги“. Ѣдешь и думаешь, вотъ-вотъ сейчасъ падетъ лошадка и раздавитъ, или изуродуетъ сѣдока. И бывали такіе сюрпризы. Однажды осенью, при переѣздѣ черезъ рѣчку ночью, вода въ которой была велика и быстра, споткнулась моя лошадка о подводный камень и упала. Привычный всадникъ, къ счастью, не растерялся и, продолжая сидѣть на ней, пока лошадь оправилась, на берегъ выѣхалъ и прибылъ домой по горло мокрый. Приводилось проходилъ черезъ рѣку „по лаваиъ“. А другой опасный случай былъ такой. Была весна По совершеніи требы возвращался я домой верхомъ на лошади въ сѣдлѣ, по обычаю, по подъ слудѣ, [1]) у ея основанія, по за грудамъ льда, отъ котораго Сухона уже освободилась. День былъ солнечный, теплый. Вдругъ съ шумомъ рухнула въ воду противъ меня куча льда, испуганная лошадь рванулась, а я лежалъ уже, выпавши изъ сѣдла, на землѣ безъ сознанія. А когда, при усиліяхъ испуганнаго проводника, я опомнился, то увидѣлъ, что лежалъ я на землѣ на спинѣ между двумя большими камнями. А что было бы со мною, если бы я упалъ спиною, или головою на эти камни?.. И еще вотъ случай, также бывшій со мною. Ѣхалъ я по послѣднему пути за Сухону, обычно, верхомъ на лошади по льду. Отъ береговъ была уже вода, ледъ на рѣкѣ поднялся высоко. Страшно было при всей извѣстной народу неустрашимости духа, ѣхать мнѣ въ это время за рѣку по льду, но жаль было человѣка отпустить за священникомъ въ чужой приходъ, за 10 верстъ отъ деревни по безобразной дорогѣ. Я согласился съѣздить версты за 2 къ нему самъ. Выбравшись съ берега уже водою на Сухонскій ледъ, я видѣлъ, что часто замѣчаются даже на дорогѣ дыры и вынулъ изъ стремянъ ноги, про всякій случай. Передній путь ѣдѣ-

[1]) „Слудою“ на Сухонѣ называется голая, почти отвѣсная скала, высотою въ Опокѣ напр. болѣе 40 саженъ. Въ нижней Сухонѣ такихъ скалъ не мало. Въ этихъ скалахъ, какъ въ разрѣзѣ земной коры очень ярко обрисовываются геологическія наслоенія, такъ интересныя для людей науки.

лалъ я благополучно, но на обратномъ пути, на самой срединѣ Сухоны, моментально рухнулъ ледъ подъ моей лошадкой. Она вся уже была подо льдомъ, только губа, глаза и уши еще видны были изъ воды, и отважный сѣдокъ лежалъ на правомъ боку на льду со стиснутымъ поводомъ въ рукѣ.—„Гдѣ ты, Михайло“, спросилъ я проводника.—„Здѣсь“, отвѣчалъ онъ.—„Осмотри хорошенько мѣсто и отдерни меня поскорѣе отъ полыньи“. Сказано и сдѣлано. Когда всталъ я на крѣпкомъ льду на ноги, то увидѣлъ, что правая нога моя по колѣно мокра, лѣвая же совершенно суха, какъ и самъ я. Схватившись за грудь, я почувствовалъ, что дароносица у меня тутъ, и убѣдился, кто такъ чудно спасъ меня и даже лошадь, которая при помощи сбѣжавшагося съ досками изъ деревни народа, быстро и благополучно была извлечена изъ воды. А я пришелъ домой, славя въ душѣ своей Бога. И вотъ, въ виду такихъ случаевъ и множества требъ,—а ихъ бывало такъ много, что иногда возвращаясь домой, по исполненіи двухъ, находишь здѣсь снова 2-3 человѣкъ, ожидающихъ священника, и опять ѣдешь и ѣдешь, такъ что случалось сдѣлать верхомъ на лошади веретъ по 60-ти въ день въ границахъ прихода,—задумалъ я сократить количество требъ и сталъ убѣждать крестить дѣтей при церкви. Мои любезные прихожане не соглашались на это долго, но я потребовалъ и сталъ настаивать. Пріѣдутъ и просятъ, а я отвѣчалъ: „я васъ и просилъ, и убѣждалъ, долго убѣждалъ, а теперь уже требую, —пожалуйте для крещенія младенцевъ въ церковь“. Поупрямятся, погрубятъ и принесутъ, для крещенія, младенца въ церковь. Но встрѣчались и такіе люди, которые не крестили дѣтей дней по 10-ти. Я зналъ и молчалъ, нежелая своими нуждами безпокоить начальство. Наконецъ шли всѣ съ новорожденными дѣтьми въ церковь, гдѣ и крестилъ я, съ любовію, и конечно безъ требованія какой либо платы. И это мое желаніе осуществилось вполнѣ и вошло въ обычай, который сталъ всеобщимъ и поддерживается нынѣ уже Епархіальнымъ Начальствомъ. А для меня почти на половину сократились разъѣзды по приходу съ требами.

Допустимъ, скажутъ читатели, что все это такъ и было, какъ утверждаетъ авторъ, но какъ могла пройти такая крупная ломка вѣковыхъ обычаевъ и приходскихъ порядковъ безнаказанно, безъ жалобъ прихожанъ на священника?—Вотъ вопросъ. Отвѣтомъ на него теперь и займемся. Да; отъ народнаго самосуда меня Господь сохранилъ, одни изъ прихожанъ меня очень лю-

били, а другіе, пожалуй, и побаивались, зная мой открытый характеръ, смѣлый и настойчивый духъ. Начальству наказывать меня было не за что, такъ какъ и рискованныя мѣропріятія проходили благополучно. Что же касается непріятностей вообще, то онѣ были, но на мелкія изъ нихъ не обращалъ я вниманія, а крупныя побѣждалъ любовію. Для примѣра разскажу объ одномъ крупномъ обстоятельствѣ, изъ числа самыхъ для меня непріятныхъ. Въ самый разгаръ моихъ церковно-приходскихъ трудовъ, съ удивленіемъ узналъ я, что мой церковный портной, уважаемый мною Максимъ Артемьевичъ Тесаловскій на меня за что-то,—а за что и теперь не знаю,—очень гнѣвается. Одно это было уже непріятно. Но я надѣялся, что это не болѣе, какъ раздутая молвою случайность, которая легко разъяснится при первомъ же свиданіи, и непріятность исчезнетъ сама собою. Между тѣмъ подошелъ одинъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ. Когда за утреннимъ богослуженіемъ вышелъ я на литію, Максимъ Артемьевичъ оказался, какъ разъ, за моею спиною. Пришло время передъ извѣстной молитвой преподать молящимся „миръ“. Когда для этого обратился я лицемъ на западъ къ народу со словами: „миръ всѣмъ“ и поклономъ, тотчасъ же Максимъ Артемьевичъ, отхаркнувъ, плюнулъ мнѣ подъ ноги... Что это? Случайность, или преднамѣренность? Я содрогнулся, смутился, но не подалъ никакого вида о своемъ ужасѣ. Но этимъ дѣло не кончилось. Когда послѣ заутрени выходилъ я иногда почему либо домой, то присѣвшіе около стѣнъ на скамьи богомольцы уже обязательно вставали и привѣтствовали меня поклономъ. Не сталъ вставать, послѣ описаннаго случая, одинъ Максимъ Артемьевичъ. Тогда я понялъ, что разсказанное обстоятельство о плевкѣ его въ отвѣтъ на преподанный священникомъ—„миръ всѣмъ“—не было случайнымъ. Тѣмъ больнѣе было моему сердцу, что считалъ этого человѣка за одного изъ лучшихъ моихъ прихожанъ и не зналъ за собою никакой вины лично передъ нимъ, или передъ его семействомъ. А между тѣмъ какая злоба!.. Время шло. Я скорбѣлъ и, молясь уже за него лично Богу, сталъ придумывать способы примириться съ нимъ. Чѣмъ легче всего побѣдить злобу? Конечно любовію. Но какъ это сдѣлать? И рѣшилъ я поступить и поступилъ слѣдующимъ образомъ. Пошелъ я, по обычаю, послѣ одной воскресной заутрени домой. Прихожане всѣ за исключеніемъ одного Максима Артемьевича, встали со своихъ мѣстъ и привѣтствовали меня поклономъ. Максимъ Артемьевичъ

сидѣлъ одинъ неподвижно на скамьѣ въ югозападномъ углу. Не вонъ изъ храма, а къ нему я и направился. Я уже близко, а онъ продолжаетъ сидѣть. Подойдя къ нему, я поклонился и сказалъ: здравствуй, Максимъ Артемьевичъ!—Съ праздникомъ"! Тогда онъ, быстро поднявшись съ мѣста, въ отвѣтъ на мой поклонъ и привѣтствіе нѣсколько тревожно произнесъ: „Батюшко, благослови!" Благословляя его съ радостію, я говорилъ:—„Христосъ посредѣ насъ былъ, есть и будетъ", снова поклонился ему и пошелъ изъ храма. А народъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ священникъ, побѣждая злобу, мирится съ однимъ изъ своихъ прихожанъ. Не знаю, какъ чувствовалъ себя Максимъ въ эти минуты, а у меня точно гора свалилась съ плечъ, такъ легко и пріятно стало на душѣ. Послѣ этого Максимъ Артемьевичъ сталъ еще болѣе преданнымъ мнѣ, чѣмъ былъ прежде, только, въ моемъ присутствіи, всегда уже нѣсколько какъ будто смущался.

Во время этой непріятности между мною и Максимомъ Артемьевичемъ вспыхнуло и общее негодованіе моихъ прихожанъ, увлеченныхъ людьми, лично недовольными мною за мою непреклонную настойчивость въ исполненіи пастырскихъ требованій, уже извѣстныхъ читателямъ. На одномъ изъ сельскихъ сходовъ, случайно, или не случайно,—не знаю,—составившемся изъ большинства недовольныхъ мною людей, шумно заговорили, что надо обуздать „попа", зазнался-молъ, надо составить приговоръ и послать архіерею, чтобы убиралъ его, куда знаетъ и проч. и проч. А сельскимъ писаремъ Ровдинскаго общества Страдной волости, гдѣ былъ сходъ, служилъ тогда нѣкто Иванъ Александровичъ Манаковъ, изъ крестьянъ Удимской волости Устюжскаго уѣзда, нынѣ о. Юстиніанъ, іеромонахъ Соловецкой обители. Это былъ хорошій человѣкъ и мой духовный сынъ. Увидѣвъ, что неудовольствіе схода разгорается, уже начинаютъ принципалы требовать составленія приговора, не смотря на возраженія сельскаго старосты и нѣкоторыхъ членовъ схода, Иванъ Александровичъ сдѣлалъ перерывъ схода подъ какимъ-то предлогомъ и тотчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, блѣдный и взволнованный. Сообщивъ, въ чемъ дѣло, онъ спросилъ: „что дѣлать?"—„А въ чемъ сходъ, на которомъ вѣдь цѣлая треть людей иноприходныхъ, изволитъ обвинять меня?" спросилъ я. Обвиненія вотъ: „попъ замучилъ людей безпрерывными церковными постройками, попъ разорилъ ихъ раскладками, попъ заставляетъ ходить всѣхъ на исповѣдь, попъ не велитъ звать его съ требами по великопостнымъ пятницамъ,

попъ заставляетъ дѣвокъ ходить въ церковь, а малолѣтнихъ учиться въ школѣ, попъ отказался крестить ребятъ на домахъ, зоветъ для этого въ церковь, попъ требуетъ, чтобы церковные сторожа по зимамъ разгребали ему дорогу въ церковь, попъ читаетъ проповѣди не по книгѣ, а по писаннымъ листочкамъ, а то и прямо безъ книги и безъ листочка, попъ во всемъ насъ переучиваетъ и дѣлаетъ, какъ ему надо". — „Все"?—Пожалуй все, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.—„Ну, такъ слушай же, сказалъ я ему, подумавши.—„Если сходъ весь, не исключая и Луженгскихъ прихожанъ, требуетъ составленія приговора, то и составь по законной формѣ, но непремѣнно перечисли всѣ обвиненія, какія сходъ заявитъ и обязательно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ бы онѣ ни были грубы и дерзки, въ какихъ угодно будетъ сходу выражаться, наконецъ чего бы сходъ ни вздумалъ просить относительно меня у Епископа, пиши небоязненно. Вамъ со старостой бояться нечего, если будете правдивы, да не забудьте отмѣтить, сколько человѣкъ подпишутъ приговоръ, изъ числа Е...ихъ и сколько изъ числа прихожанъ Луженгскихъ.—Это интересно и важно." Сходъ не унялся, а только еще болѣе распалился, узнавъ, что писарь къ попу ѣздилъ. При неистовомъ крикѣ волнующихся запѣвалъ схода мой обвинительный приговоръ былъ составленъ, буквально въ тѣхъ выраженіяхъ, какими угодно было имъ почтить меня и заключенъ *требованіемъ* моего удаленія изъ Е...и „въ зыряна". Можете представить, какой это чудный документъ вышелъ! По красотѣ стиля и изяществу языка думаю позавидовалъ бы ему нашъ покойный Помяловскій. Вологодскимъ Епископомъ, къ которому направлялся этотъ, конечно рѣдкій документъ, былъ тогда Ѳеодосій Шаповаленко, по Кіевской академіи ученикъ знаменитаго Иннокентія Борисова, человѣкъ съ умомъ трезвымъ и характеромъ въ высокой степени положительнымъ. Надѣясь на его зоркій умъ и доброе сердце, какъ ни въ чемъ постыдномъ необвиняемый, я пересталъ и думать о послѣдовавшей на меня жалобѣ Епископу. Такъ прошло недѣль шесть. Опять былъ день сельскаго схода. Я былъ не мало удивленъ, узнавши, что желаютъ видѣть меня пять человѣкъ, пришедшихъ съ сельскаго схода.—Благословивъ ихъ, спрашиваю: „что угодно вамъ, братцы?" Вмѣсто отвѣта они „бухъ мнѣ въ ноги".—„Это что такое? Что вы дѣлаете? Вставайте и говорите", сказалъ я. А они, продолжая лежать на полу, только и твердятъ: „батюшко прости!"—„Что за вздоръ! Если вы не

будете говорить со мною толкомъ, то я уйду,—вставайте же и говорите". Оказалось, что это была депутація отъ схода, жаловавшагося на меня Епископу, въ формѣ бездоказательнаго, страннаго, грубаго и дерзкаго приговора. Какъ таковый, этотъ приговоръ былъ препровожденъ Епископомъ къ начальнику губерніи. А этотъ послѣдній сдѣлалъ распоряженіе, чтобы виновный въ оскорбленіи бумагою чести священника сельскій сходъ испросилъ у него прощеніе, въ противномъ же случаѣ будетъ подвергнутъ наказанію, по закону. Понятное дѣло сдѣлавъ внушительный выговоръ депутатамъ, простилъ я всѣхъ,—своихъ и чужихъ,—составителей обиднаго для меня приговора и, написавъ объ этомъ бумагу, отпустилъ ихъ съ миромъ. Послѣ этого мой престижъ поднялся довольно высоко и уже не въ одномъ своемъ приходѣ, а и въ приходахъ окрестныхъ. Нельзя уже было не замѣтить, что всѣ прихожане стали относиться со всѣмъ вниманіемъ и очень многіе мужчины и женщины съ чувствомъ сердечнаго расположенія, которымъ дорожилъ я тогда и о которомъ и теперь вспоминаю съ любовію. Во всемъ приходѣ, вездѣ и всегда я былъ принятъ съ почтеніемъ и былъ, какъ дома. Теперь послѣ двѣнадцатилѣтней службы моей въ Е...ѣ никто не рѣшился бы сказать, какъ въ первые годы, что „не великъ и баринъ попъ, придетъ и самъ", или завернуть кусокъ кислаго молока въ пахтусъ, какъ случилось однажды. Неудачный результатъ жалобы на меня со стороны моихъ недруговъ, которымъ я не подавалъ и вида, что они оскорбляютъ меня, какъ то вдругъ примирилъ ихъ со мною, а большую часть пристыдилъ. И я никогда никому, ни однимъ словомъ не напоминалъ объ этомъ дикомъ приговорѣ, какъ и тѣмъ женщинамъ, изъ которыхъ одна какъ не баринъ, хотѣла, чтобы за льномъ къ ней пришелъ самъ, а другая намѣшала въ пахтусъ молока. Обѣ онѣ вскорѣ въ своей глупости извинились и были охотно прощены мною немедленно. Одна изъ нихъ была вдова, которой потомъ помогалъ кое-чѣмъ, а другая была женщина замужняя. Спустя годъ, послѣ случая со мною, у нея были трудные роды, почему и пригласили меня напутствовать больную. Но она продолжала страдать трое сутокъ и ждала уже смерти. И вотъ снова больная пожелала меня видѣть. Я пріѣхалъ.—„Батюшко", слабымъ голосомъ сказала она мнѣ, „вотъ я умираю, а простилась съ тобой худо; прости, ты, меня и благослови" и, цѣлуя мою руку, провела ею по своему животу.—„Теперь", добавила она, „мнѣ будетъ легче".

Больная лежала на голбцѣ, около нея не было никакой женщины, дѣтишки плачутъ, плачетъ и мужъ. Меня это крайне растрогало. Помолившись не много Богу, я присѣлъ, чтобы поуспокоить дѣтей и отца. Черезъ нѣсколько минутъ услышали мы дѣтскій писк. Больная благополучно родила живаго младенца и сама осталась живою, поправилась и жила до старости. Все это конечно многимъ стало извѣстно и не могло быть истолковано въ ущербъ моей репутаціи въ приходѣ. Когда одному изъ почтеннѣйшихъ, по возрасту, состоянію и благоразумію прихожанъ [1]), пріѣхавшему на одну изъ моихъ помочей, я замѣтилъ, что онъ ужъ очень поусердствовалъ, явившись самъ на мою помочь, то онъ съ обычною прямотою сказалъ мнѣ: „кабы ты былъ не попъ, да не твоя любовь, гдѣ же бы я къ тебѣ на помочь поѣхалъ!“ Мнѣ оставалось только благодарить, помнить, да продолжать служить, какъ началъ.

Съ первыхъ дней моего священническаго служенія въ Е...ѣ, между другими многими работами, занимало меня и проповѣдническое дѣло. Учась въ семинаріи, я писалъ проповѣди легко и удачно. Удачны были и тѣ мои проповѣди, которыя произносилъ я по назначенію въ Устюжскомъ Успенскомъ соборѣ. Цензоровавшіе ихъ о. протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Прокошевъ, уже извѣстный читателямъ, и смотритель Устюжскаго д. училища игуменъ Климентъ, отзывались о нихъ очень одобрительно. Особенно первый, признавая мои проповѣди умными и основательными, совѣтовалъ заняться ими серьезно, въ надеждѣ, что со временемъ выработается изъ меня проповѣдникъ „недюжинный“. И что же? Какъ ни напишу я, бывало, въ первые годы проповѣдь для моихъ прихожанъ, она проходила безслѣдно. Почему? Отчего? Что значило бы это? Приглашая къ себѣ почтенныхъ прихожанъ, я началъ любопытствовать, какія проповѣди имъ больше нравятся, лучше доходятъ до сердца,—печатныя, или рукописныя? Изъ печатныхъ тогда я читалъ поученія Путятина [1]), Стратилатова и Нордова.—Они хвалили всѣ, а рукописныя даже больше,—возможно, что и льстиво, догадываясь, что то были мои труды,—но кончали тѣмъ, что они люди темные, слышатъ, что всякая проповѣдь учитъ добру, но ничего не понимаютъ.—Вотъ такъ проповѣдникъ, думалъ я о себѣ, проповѣди хвалятъ и въ тоже время говорятъ прямо слушатели, что ниче-

[1]) Путятинъ былъ товарищемъ по Академіи о. прот. І. В. Прокошеву. Первый былъ кандидатъ, а послѣдній одинъ изъ первыхъ магистровъ курса.

го въ нихъ не понимаютъ!.. Печально! Очевидно, что тутъ что то не такъ. Надо лучше узнать пастырю свою паству. Изучая же эту послѣднюю, я увидѣлъ, что въ громадномъ большинствѣ мои слушатели, не только не понимаютъ церковнаго языка, не знаютъ, что такое „благодать", „таинство", „церковь", но не умѣютъ отличить Троицы отъ Богородицы, св. угодниковъ отъ Спасителя. И меня охватилъ ужасъ. Что дѣлать? Да надо начинать дѣло съ азбуки, съ самаго начала, а для этого одной проповѣди съ церковной каѳедры, хотя бы простѣйшей и талантливой, мало. Нужны просто религіозныя бесѣды такія напр., какія съ самаго начала моей службы происходили съ случайными посѣтителями въ кухнѣ моего дома. Ихъ надобно перенести въ церковь, поставить правильно, систематически, сдѣлать общенародными и заняться этимъ трудомъ въ праздничные дни между заутренями и литургіями, просто, спокойно, сидя. Съ чего же начинать? Какъ піонеру этого дѣла въ Вологодской епархіи, посовѣтоваться было мнѣ не съ кѣмъ. Никакихъ образцовъ въ печати еще не было. Это происходило въ 1874 году, когда и во всей то имперіи лишь кое гдѣ эти бесѣды начинали появляться. О. протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Прокошевъ, незабвенный вдохновитель мой на все доброе и полезное въ пастырскомъ дѣланіи, былъ переведенъ изъ Устюга въ Кадниковъ, а сосѣдъ мой многоопытный о. Ѳеодоръ Іоанновичъ Поповъ умеръ. Какъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія въ училищѣ, такъ и въ этой формѣ церковнаго учительства я оставался безъ совѣтниковъ и руководителей. А Божія то помощь, мелькнуло у меня въ душѣ. Развѣ ея не будетъ? Эхъ, маловѣрный, упрекнулъ я себя,—принимайся смѣло за доброе дѣло! Помощникъ вѣренъ Богъ. Надобно говорить за церковными богослуженіями и поученія, но говорить необходимо просто, сильно, ясно непремѣнно живымъ словомъ, и при томъ, поученія краткія, въ виду неподготовленности народа къ усвоенію сложныхъ мыслей и понятій нравственно-религіознаго строя и характера. Что нужно въ извѣстное время, то и скажи только, не раскидывась въ развитіе детальныхъ мыслей далеко, но скажи убѣжденно, любовно, съ силою и вѣрою живою. Утвердившись въ этихъ мысляхъ, я сталъ себя перерабатывать изъ проповѣдника-теоретика въ церковнаго учителя, просто, какъ духовнаго отца. Что изъ этого вышло—судить конечно не мнѣ, но какъ было дѣло—сказать считаю долгомъ.

Долго, мучительно долго боролся я самъ съ собою, приготовляясь къ выступленію передъ паствою съ живымъ словомъ с

церковной каѳедры. Меня терзали съ одной стороны сознаніе долга, а съ другой неувѣренность въ своихъ силахъ и какая то удивительная робость. И не мудрено. Насъ не учили вѣдь въ свое время въ семинаріи говорить проповѣди импровизаціей. Дѣло было новое, неслыханное, а только виданное и слыханное. Мой бѣдный духъ смущался. А что, если я сробѣю и потеряю нить мыслей? И это въ церкви, въ священныхъ одеждахъ, передъ лицемъ настроенной къ внимательному слушанію паствы! Сколько разъ я приготовлялся, тщательно обдумывалъ поученія и, когда наступало время произнесенія ихъ, не смѣлъ взойти на амвонъ! Однимъ словомъ я испытывалъ всѣ тѣ нравственныя мученія, о которыхъ ярко и откровенно говорилъ одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ недавняго прошлаго архіепископъ Амвросій Ключаревъ въ статьѣ—„Живое Слово“, напечатанной въ свое время въ Харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“. А этотъ высокопросвѣщенный архипастырь, къ голосу котораго прислушивался иногда даже митрополитъ Филаретъ, по силѣ ума, ораторскаго таланта и архипастырской ревности, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые всегда считаются единицами. Но надобно же исполнять свой пастырскій долгъ и людямъ съ малыми силами и познаніями. Разсчитавъ, что на первое время мнѣ всего легче будетъ справиться съ историческимъ матеріаломъ, наконецъ дрожжащій и блѣдный вышелъ я на „Буди имя Господне благословенно“ за литургіею 15 августа,—года, не помню,—и началъ повѣствовать о кончинѣ Богоматери. Началъ и кончилъ благополучно, не умеръ, не упалъ, даже не растерялся, чего я такъ боялся уже, видимо, не въ мѣру. А когда въ одинъ изъ слѣдующихъ праздничныхъ дней пришелъ въ церковь, во время произнесенія мною проповѣди, и сталъ за колонною, откуда не видно проповѣдника, вновь прибывшій учитель Е...го земскаго училища Николай Васильевичъ Ермолинъ [1]), то онъ и не подумалъ, какъ говаривалъ не разъ мнѣ потомъ, что я говорю проповѣдь не по тетради. Познакомившись, я узналъ, что онъ интересуется, кромѣ училища, и церковною проповѣдью, и поспѣшилъ отдать себя его критикѣ и цензурѣ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. и со стороны выдержанности основной мысли, поученія, стройности ея развитія, простоты и чистоты языка, силы и убѣдительности, не оставляя безъ вниманія ни дикціи, ни манеръ проповѣдника. Всѣ неизбѣжные

[1]) Н. В. Ермолинъ здравствуетъ и нынѣ и состоитъ на службѣ въ Устюгѣ смотрителемъ арестнаго дома при мировыхъ учрежденіяхъ.

на первое время въ данномъ случаѣ промахи и недочеты проповѣдника этимъ, полезнымъ для меня человѣкомъ были подмѣчены и мнѣ переданы. Я нашелъ ихъ справедливыми, постарался исправиться и сталъ наконецъ уже безъ смущенія выходить на церковную проповѣдь, живымъ словомъ, когда признавалъ нужнымъ. Съ теченіемъ времени, бывая въ разныхъ городахъ и мѣстахъ отечества, то по службѣ, то по личной надобности, я узналъ, что проповѣди живымъ словомъ составляются тройкимъ способомъ. Одни проповѣдники наканунѣ дня произнесенія поученія прочитываютъ разъ, или два подходящую проповѣдь изъ печатныхъ и произносятъ ее живымъ словомъ уже какъ собственную. Другіе составляютъ планъ, или конспектъ и, руководствуясь имъ, произносятъ живое слово. А дѣйствительные импровизаторы, болѣе, или менѣе быстро обдумываютъ все содержаніе проповѣди по тому или другому случаю и произносятъ уже въ точномъ смыслѣ живымъ словомъ. Одна любознательность уже подстрекала меня испытать всѣ эти виды проповѣдей живымъ словомъ и все-таки какъ началъ я, такъ и кончаю свои проповѣдническіе труды импровизаціями послѣдняго вида. При некрѣпкой памяти, чужую проповѣдь мнѣ надо не читать, а заучивать для произнесенія, а это занятіе скучное. Если,—далѣе,—держаться строго хода мыслей и плана чужой проповѣди, то теряется у меня всякое одушевленіе, которое замѣняетъ одна лишь забота о томъ, чтобы не запутаться въ мысляхъ, не у меня въ головѣ возникшихъ.—Это, говоря образно, деревянная постройка изъ стараго, и то чужаго матеріала, уже бывшаго въ зданіи. Нѣтъ силъ у меня вложить *душу живу* въ такую проповѣдь. Стѣсняетъ меня и писанный конспектъ проповѣди.—Это рамки и загражденія, вѣхи и столбы, наставленные самимъ для себя путешественникомъ, чтобы, какъ автоматъ, онъ двигался въ извѣстномъ направленіи, съ извѣстною скоростію, не сбиваясь съ пути. И въ этомъ случаѣ не могу я, живой, ясно сознающій и горячо чувствующій человѣкъ, не могу свободно отдаться выраженію мыслей и чувствъ, возбужденныхъ во мнѣ тѣмъ, или другимъ церковнымъ событіемъ, хорошимъ, или дурнымъ явленіемъ въ жизни моей паствы. Мое поученіе такимъ образомъ будетъ, хотя и логичное, но едвали сильное по мысли и чувству. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось прежде, да также думаю и нынѣ. При томъ же необходимо замѣтить, что бываютъ случаи, когда нѣтъ времени священнику не только составить конспектъ проповѣди, а нѣтъ даже нѣсколь-

ихъ минутъ въ его распоряженіи для того, чтобы сколько нибудь сообразить ея содержаніе. Въ такомъ положеніи бывалъ я нѣсколько разъ въ своей жизни

Разскажу про одинъ случай. Это было въ 1885 или въ 1887 году, когда я былъ уже нѣсколько лѣтъ благочиннымъ 1 округа Устюжскаго уѣзда. Ѣхалъ по почтовому тракту изъ Вологды въ Устюгъ и далѣе по ревизіи церквей, Преосвященный Израиль, любившій при этомъ говорить народу архипастырскія поученія, но затруднявшійся въ живомъ словѣ излагать свои мысли просто и вразумительно. При первой же церкви моего округа—Городищенской Богоявленской,—обревизовавъ документы и осмотрѣвъ алтарь, онъ сталъ говорить съ церковнаго амвона поученіе. Народа въ храмѣ было не мало. Мѣстные священники,—ихъ тамъ два, о. Іоаннъ Александровичъ Коржавинъ,—нынѣ протоіерей, и о. Андрей Петровичъ Нифонтовъ стояли передъ Владыкою съ одной стороны, а я съ другой. Поученіе шло не особенно стройно, такъ что не легко было уловить основную мысль проповѣдника, желавшаго внушить Городищенской паствѣ. Народъ держался разсѣянно. О. настоятель и я повѣсили головы. Почувствовавъ руку Владыки на своемъ плечѣ, я поднялъ голову и взглянулъ на него. А онъ, прекративъ поученіе, говоритъ мнѣ; „продолжайте поученіе. меня не понимаютъ“. Скажите, благосклонный читатель. что мнѣ было дѣлать? Отказаться—стыдно, а взяться за исполненіе порученія рискованно. Владыка этотъ былъ взыскательный. Но раздумывать было некогда. Мгновенно оправившись отъ неожиданности и недоумѣнія, я сдѣлалъ ему поклонъ и попросилъ благословенія. Благословеніе преподано, нужно было говорить. И я заговорилъ, стоя на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ, но, понятно, обратившись лицемъ къ народу. Что и какъ я говорилъ, уже не помню, но помню, что не робко, даже съ достоинствомъ. Народъ сосредоточился и сталъ слушать меня, поняв въ чемъ дѣло. Тогда Преосвященный, снова положивъ руку на мое плечо, сказалъ: „довольно“ и заключилъ поученіе самъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это смѣшанное поученіе, въ которомъ начало и конецъ принадлежали епископу, а средина благочинному, было не особенно поучительно, но все же выслушано со вниманіемъ, такимъ образомъ ближайшая цѣль его была достигнута, и проповѣдникъ, по приказанію, выговора не получилъ отъ начальника, а со стороны слушателей удостоенъ былъ вниманія. А что сталъ бы я дѣлать въ данномъ случаѣ, если бы

не имѣлъ навыка къ проповѣди импровизаціей, безъ всякихъ плановъ и подготовки!.. Мнѣ, какъ студенту и благочинному, было бы очень стыдно, если бы я отъ импровизаціи отказался, и еще хуже, если бы оскандалился, взявшись за дѣло и не справившись съ нимъ.

Возвращаюсь къ прерванной рѣчи о внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Сознавъ нужду во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, я задумалъ ихъ вести въ церкви между заутреней и обѣдней, сидя за молебеннымъ столикомъ, среди церкви. Мнѣ хотѣлось, чтобы сидѣли въ это время и слушатели. Для этого сдѣлано было много скамей, окрашенныхъ въ однообразный цвѣтъ съ скамьями, постоянно имѣвшимися въ церкви, для старыхъ и немощныхъ богомольцевъ. Новыя скамьи должны были выноситься изъ церкви тотчасъ, по миновании въ нихъ надобности, и храниться внѣ храма въ свободномъ помѣщеніи. Приходское населеніе оповѣщано заблаговременно объ этихъ бесѣдахъ и о времени веденія ихъ. А для записи того, когда, кто и о чемъ велъ бесѣду, устроенъ спеціальный журналъ, который, по моей мысли, долженъ былъ каждомѣсячно подписываться всѣми членами причта, а мѣстному благочинному предъявляться, пополугодно, на свидѣтельство. Желанный день насталъ. Это было въ 1875 году, когда я прослужилъ благополучно священникомъ 12 лѣтъ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней отслуживъ заутреню, къ которой пришло богомольцевъ болѣе обыкновеннаго, распорядился я поставить посреди церкви, но близъ солеи, молебенный столикъ, взялъ малое Евангеліе, на всякій случай, для справокъ, и, выйдя сюда, сказалъ передъ началомъ бесѣды маленькую рѣчь. Затѣмъ пригласилъ слушателей садиться, сѣлъ и самъ на табуретъ у стола съ Евангеліемъ и повелъ бесѣду вступительную тѣмъ простымъ языкомъ, которымъ говорилъ въ училищѣ съ дѣтьми на урокахъ закона Божія и который не особенно нравился одному изъ инспекторовъ, находившему чуть не вульгарнымъ. Предоставивъ слушателямъ право спрашивать меня, о чемъ угодно, по содержанію бесѣды, я говорилъ сначала о томъ, что побудило меня устроить эти бесѣды, какъ я объ этомъ новомъ, почти никѣмъ не испытанномъ способѣ церковнаго учительства додумался, и чего мнѣ хотѣлось бы достигнуть. Первая бесѣда эта, прослушанная со всѣмъ вниманіемъ моими прихожанами, подъ конецъ оживилась особенно. Меня начали спрашивать о своихъ недоумѣніяхъ мужчины и женщины, я отвѣчалъ и разъяснялъ и обѣщалъ разъяс-

нить имъ многое и постарался, со временемъ, исполнить обѣщанное. На этихъ собесѣдованіяхъ я разсказалъ имъ всю священную исторію того и другого завѣта, сообщилъ необходимыя свѣдѣнія по катихизису, объяснилъ церковное богослуженіе и церковные праздники,—послѣдніе по св. иконамъ, съ необходимыми разсказами изъ церковной, или священной исторіи, наконецъ и нравственное богословіе по прот. Е. А. Попову, т. е. со стороны грѣха,—отрицательной. А больше сдѣлать не успѣлъ. На первой же бесѣдѣ были заняты всѣ мѣста слушателями. А когда стало извѣстно въ приходѣ отъ очевидцевъ, что такое эти церковныя бесѣды, то число слушателей увеличилось въ такой степени, что никакого количества скамей уже недоставало. Значительная часть садилась не церемонясь на полъ. Были иногда и остающіеся на ногахъ, но они приглашались стоять назади, чтобы не заслонять отъ меня сидящихъ на скамьяхъ и на полу. Не мало разсчитывалъ я на значеніе для народа внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, но такого интереса къ нимъ въ паствѣ своей предполагать я не могъ. Шли на нихъ изъ дальнихъ деревень, съ пирогомъ за пазухой, чтобы не отощать на обратномъ пути, старики и дѣти, мужчины и женщины, даже одинокія, удивляя меня своимъ усердіемъ. И я долго не понималъ, какъ послѣднія могли исправиться по хозяйству дома и успѣть придти на бесѣду. Оказалось, что, истопивъ печь и обрядивъ скотъ раннимъ утромъ, эти женщины оставляли даже стряпню, не смотря на праздникъ (см. объ этомъ „Странникъ“ и Волог. Епарх. Вѣдом. за 1877 годъ). Справедливость требуетъ однако сказать, что „въ семьѣ не безъ урода“.—и въ данномъ случаѣ обнаружились люди, не желавшіе слушать священника на этихъ собесѣдованіяхъ, хотя и появлялись на нихъ они на первыхъ порахъ въ церкви. Почему разъ на всегда и было предложено собесѣдникамъ лучше уходить имъ изъ церкви, во время собесѣдованій, чѣмъ скучать и перешептываться, препятствуя только другимъ, желающимъ слушать. И они ушли, бесѣдуя о своихъ дѣлахъ зимою въ церковной сторожкѣ, а лѣтомъ на вольномъ воздухѣ, около лавки А. А. Мизгирева. На этихъ бесѣдахъ, по тому или другому поводу, такъ сказать, не въ очередь я любилъ указывать на тѣ пороки, ошибки, заблужденія, суевѣрія, предразсудки и примѣты, изъ числа мѣстныхъ, которые бросались мнѣ въ глаза. О порокахъ говорить было легко, такъ какъ и самъ народъ сознавалъ ихъ таковыми. Нравственныя ошибки, когда человѣкъ ни чего не значущее об-

стоятельство, или маловажное считаетъ за грѣхъ, а на дѣйствительный грѣхъ смотритъ снисходительно, даже безразлично, раскрывать было труднѣе. Приходилось встрѣчаться здѣсь съ крѣпко установившимися понятіями темной массы, съ народными суевѣріями, предразсудками, дурными привычками, и бороться съ ними долго и упорно, не покладая рукъ, а искоренить ихъ все-таки не удалось, за исключеніемъ самыхъ нелѣпыхъ. Такъ, по понятіямъ народнымъ, прибитая къ полу у порога дома, внутри его, желѣзная подкова устраняла доступъ въ этотъ домъ лихорадки, вересовое прутье, замкнутое подъ матицу избы, обѣщало благополучіе коровъ и въ частности хорошіе „удои“ молока; соль, поставленная въ великій четвергъ на божницу къ св. иконамъ, признавалась цѣлительною для того же скота едва ли не во всѣхъ болѣзняхъ; яица испеченныя и закрашенныя въ тотъ, или другой цвѣтъ, бывъ положены въ радоницу на божницу, означали актъ христосованія живыхъ людей съ покойниками. А для того, чтобы у хозяина дома не оскудѣвало богатство, онъ долженъ былъ въ великій четвергъ до заутрени сосчитать непремѣнно наличность свои деньги. А если заботливой хозяйкѣ дома хотѣлось, чтобы лѣтней порою коровы приходили домой изъ лѣсу сами, не дожидаясь прихода человѣка за ними и не нуждаясь въ пастухѣ, то въ тотъ же великій четвергъ и также раннимъ утромъ, непремѣнно до заутрени, она должна выйти изъ деревни въ поле, стать на огородъ и кричать громко: „коровы то дома“! На Ивановъ день 24 іюня обязательно топились бани, заготовлялись свѣжіе вѣники съ какими то травами, которыми и должны были париться въ банѣ всѣ отъ стараго до малаго, чтобы крутлый годъ здравствовать. А Димитріевъ день 26 октября считался днемъ именинъ овиновъ, почему заботливыя хозяйки въ этотъ день и пекли, какъ въ праздникъ, лакомые пироги и ходили съ ними къ овину. Здѣсь, отворивъ окно въ него, человѣкъ, посланный для поздравленія именинника, со свѣжими пирогами, ставилъ деревянную тарелку съ ними на окно и, кланяясь, но не крестясь, просилъ овинъ покушать угощенья, а самовольно хлѣба хозяина не сожигать и самому ему выражалъ пожеланіе долго здравствовать. Съ такою важною миссіею во дни своего дѣтства бывалъ посланъ въ овину и авторъ этихъ грустныхъ воспоминаній. О другихъ болѣе мелкихъ и менѣе дикихъ обычаяхъ, имѣвшихъ мѣсто и среди моей паствы говорить не хочется, какъ не хочется говорить и о святочныхъ игрищахъ, гаданіяхъ и о на-

нихъ то „кудящахъ", гуляющихъ будтобы по бѣлому свѣту съ 1-го января до навечерія Богоявленія, т. е. до момента освященія воды, когда они уже исчезаютъ. Всѣ эти суевѣрія такъ странны, наивны и дики, что могутъ показаться сказочными, или легендарными, но онѣ были на самомъ дѣлѣ, ими жили и руководились бѣдные темные люди долгое время. Долгомъ священника являлась нужда освѣтить этотъ ужасный мракъ народнаго невѣжества свѣтомъ Христовымъ, свѣтомъ православной вѣры и церкви. И въ этомъ случаѣ дорогую услугу оказали мнѣ внѣбогослужебныя бесѣды, веденныя конечно всегда простымъ, живымъ словомъ.

По поводу суевѣрій не мало было и недоумѣній со стороны слушателей, какъ же-молъ такъ это? Вѣки вѣчные такъ думали ихъ дѣды и отцы, научившіе и ихъ такъ думать и такъ вѣрить и вдругъ священникъ говоритъ не то. А онъ вѣдь человѣкъ еще молодой,—не самъ ли онъ ошибается? Эти недоумѣнія мучили моихъ слушателей, это я понималъ, видѣлъ и просилъ высказываться совершенно откровенно. И они высказывались, но принуждены были уступить передъ правдою разъясненій священника. Ставилось послѣднее возраженіе, что умныя старухи говорятъ не то. Пришлось священнику перезнакомиться съ умными старухами, разъяснять и имъ дѣло, которое онѣ, какъ умныя, но не фанатичныя, поняли скорѣе, чѣмъ заурядныя женщины, и перестали вмѣшиваться въ дѣла той области, въ которой онѣ не компетентны. Но на это нужно было не малое время. Гораздо понятнѣе слушателямъ бесѣды были разсказы изъ Священной Исторіи. Они ихъ особенно любили. Не все легко понималось ими въ объясненіи богослуженій, но за то какъ радовались они, узнавши напр. что значитъ—„миромъ Господу помолимся", „паки и паки", „вонмемъ", „премудрость, прости, услышимъ св. Евангелія" и проч. и проч.—это нужно было видѣть, чтобы понимать ихъ душевное удовлетвореніе. Легко и пріятно было трудиться. Случалось, что иногда придетъ въ голову мысль полѣниться.—„Не буду сегодня бесѣдовать", подумаешь. Но лишь только взглянешь на эту массу людей, ожидающихъ отъ священника добраго слова, называемаго бесѣдой, станетъ стыдно, и пойдешь бесѣдовать, а за бесѣдою и самъ утѣшишься, и людей утѣшишь. Да, любилъ народъ эти бесѣды. Не любилъ ихъ почему то только мой тогдашній благочинный о. Григорій Васильевичъ Старостинъ.—Что это вы опять тутъ

выдумали? И о чемъ будете говорить тогда, когда кончите это? Говорилъ онъ обычно, когда я докладывалъ о своихъ бесѣдахъ съ просьбою посмотрѣть и засвидѣтельствовать мой журналъ. Журналъ онъ смотрѣлъ нехотя, небрежно и никогда не свидѣтельствовалъ, пока въ 1877 году не заговорили о нихъ въ духовныхъ журналахъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ газетахъ. Не дождавшись вниманія ближайшаго начальства, я рѣшился наконецъ самъ отдать отчетъ о своихъ трудахъ печатно. Послѣдователемъ моему примѣру въ скоромъ времени оказался покойный о. Михаилъ Петровичъ Образцовъ, священникъ Спасо-Угольской церкви Вологодскаго уѣзда, а за нимъ и другіе. А потомъ уже спустя нѣкоторое время, послѣдовало распоряженіе начальства и о повсемѣстномъ веденіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ сельскихъ церквахъ, или церковныхъ школахъ.

Но бесѣды бесѣдами и поученія поученіями происходили въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. А между тѣмъ бывали случаи, когда казалось необходимымъ сдѣлать внушеніе на мѣстѣ преступленія, если угодно, виновникамъ. Напримѣръ, возвращаясь изъ поѣздки съ требой, наканунѣ праздника, въ лѣтнюю ночь, верхомъ на лошади, наскакивалъ я иногда на веселящуюся на улицѣ молодежь. — „Здравствуйте!—Знаю, что хочется вамъ повеселиться, но теперь не время, завтра праздникъ, прошу разойтись по домамъ“. Дѣвушки пойдутъ обыкновенно первыми, а потомъ и молодцы, которымъ и удовольствія было, видимо, жалко, да и ослушаться совѣстно, пойдутъ по домамъ уже потомъ. Но никогда не случалось, чтобы они меня не послушали. А тутъ стало мнѣ извѣстно, что Мякальская молодежь, торгующая въ базарные дни въ Устюгѣ рѣшетами, на обратномъ пути домой, обыкновенно зимней ночью, иногда, подвыпивши, пошаливаетъ. То лошадей съ возами у встрѣчныхъ людей свалитъ съ дороги въ снѣгъ, часто глубокій, то и людей потревожитъ если они окажутъ сопротивленіе. Но кто именно занимается такимъ позорнымъ дѣломъ, за которое уже и мнѣ было стыдно, я не зналъ. Узнать шалуновъ помогъ мнѣ случай. По какой-то экстренной надобности ѣхалъ въ Устюгъ я вечеромъ въ воскресный день на своей лошади, когда обыкновенно возвращаются оттуда мои Мякальскіе рѣшетники на простыхъ саняхъ, продавши свой товаръ. Мнѣ надоѣло сворачивать въ сторону при глубокомъ снѣгѣ. Я сказалъ поэтому своему кучеру, чтобы онъ больше не сбивалъ лошади моей въ сторону, если встрѣчная лошадь идетъ не съ во-

зомъ, а съ простыми санями. И вотъ вскорѣ показалось передъ нами нѣсколько лошадей, сѣдоки которыхъ съ гикомъ неслись намъ на встрѣчу, еще издали приказывая очищать путь. Я молчалъ, а ямщикъ мой сказалъ: „проѣзжайте, отворачивать не будемъ“. Тогда быстро выскочили изъ своихъ саней три человѣка и схватили мою лошадь, чтобы сбросить ее въ сторону.—„А, такъ это вы, молодцы?—Нечего сказать, добрымъ дѣломъ занимаетесь!.. И видно, что почтенныхъ родителей дѣти. И не стыдно заниматься буй твомъ по ночамъ на дорогахъ? А ты еще солдатъ, и смѣешь позорить имя русскаго воина?—Прочь отъ меня, бездѣльники!—Теперь я васъ знаю“, заключилъ я свою гнѣвную рѣчь среди темной ночи въ лѣсной тишинѣ. „Батюшко, прости! Мы не знали, что это ты, да и никого никогда больше безпокоить не будемъ“, отвѣчали всѣ трое, валяясь у саней въ снѣгу и цѣлуя мои руки.—„Никому не говори только про насъ, а то насъ прибьютъ мужики, когда узнаютъ про наше дурачество“, твердили они.—Смотрите жѣ, чтобы никогда не слышно было про васъ ничего худаго, промолчу и я, поѣзжайте съ Богомъ. И дѣйствительно ничего худаго не слыхалъ болѣе ни про этихъ молодцовъ, которыхъ и теперь не хочу назвать по имени, ни про другихъ моихъ прихожанъ. Уголовныхъ преступленій за всю мою 24-лѣтнюю слишкомъ службу въ моемъ приходѣ не бывало. Хранилъ Господь мою паству и отъ грубыхъ пороковъ. Даже та несчастная слабость, называемая порокомъ народнаго пьянства, не была всеобщею. Были люди, совершенно не пьющіе водки, множество людей было воздержныхъ, выпивавшихъ водку во-время и умѣренно, пьяницъ было мало, не смотря на то, что приходъ мой былъ почти близгородный. Говоря вообще, я долженъ замѣтить, что если и любитъ русскій человѣкъ водочку, то онъ любитъ выпить, угощаясь, „на даровщинку“ и поразгуляется,— и при томъ далеко не всякій,—только тогда, когда повеселѣетъ. Худо то, что, выпивши, русскій человѣкъ дѣлается по характеру слабымъ и простодушнымъ, готовымъ на всякую уступку, почему знающіе эту нашу слабость завзятые эксплоататоры и подходятъ къ русскому человѣку въ своихъ видахъ и разсчетахъ всегда съ водкой. А водка для русскаго человѣка искушеніе. Выпьетъ и будетъ готовъ на всякія уступки, а потомъ, отрезвѣвши, скорбитъ, да уже поздно. Даже пообѣщай только угостить водкой, и то иные становятся сговорчивѣе. Отмѣчая эту нашу слабость, я говаривалъ своимъ прихожанамъ, что, захмѣ-

лѣвши, они пожалуй пропьютъ подъ часъ женъ и дѣтей.—„Ну, до этого еще не дошло“, отвѣчали мнѣ, улыбаясь любители водки.—„А надо помнить, братцы“,—замѣчалъ я, „что если мы не станемъ бороться со своими слабостями и пороками, а будемъ потворствовать имъ, то они не остановятся сами-собою, не затихнутъ, а забушуютъ пуще и со всѣмъ собьютъ съ толку слабаго человѣка“.

XIII.

Съ первыхъ дѣтъ моей священнической службы Епархіальное Начальство стало командировать меня для производства слѣдственныхъ дѣлъ, по обвиненіямъ того или другаго изъ лицъ окружнаго духовенства. При преосвященномъ Христофорѣ, требовавшемъ производства слѣдственныхъ дѣлъ обычно „чрезъ двухъ благонадежныхъ священниковъ“, меня назначала консисторія въ товарищи къ старымъ, опытнымъ слѣдователямъ. Въ первомъ округѣ Устюжскаго уѣзда таковыми были тогда мои сосѣди, священники Близгородной Благовѣщенской церкви о. Ѳеодоръ Іоанновичъ Поповъ, уже извѣстный читателямъ, и Опоцкой Николаевской церкви о. Василій Степановичъ Шамаховъ. Я былъ такимъ образомъ ученикомъ этихъ людей, по части производства слѣдствій, мнѣ же суждено было и похоронить того и другаго изъ нихъ. Эти поѣздки по округу дали мнѣ возможность близко и скоро ознакомиться съ бытомъ окружнаго духовенства. О.о. слѣдователи ѣздили въ то время на слѣдствія на счетъ причтовъ тѣхъ церквей, которые были на пути къ мѣсту ихъ слѣдованія. Непріятные конечно гости были для причтовъ эти о.о. слѣдователи; ихъ нужно было принять, напоить, накормить и отправить отъ одной церкви къ другой, по пути слѣдованія. впередъ и обратно, но миновать всего этого было невозможно. Таковы были порядки А духовенству жилось не красно. Не только дьячки и пономари, помѣщавшіеся въ мірскихъ, или своихъ черныхъ избушкахъ, но и священники, за малыми исключеніями, имѣвшіе, кромѣ избы, по одной небольшой чистой комнатѣ, также работали, какъ 20—30 лѣтъ назадъ, т. е. буквально, какъ и крестьяне, и жили вообще бѣднѣе многихъ изъ нихъ. Тяжело было слушать, когда эти труженики разсказывали, что они не знали покоя отъ хозяйственныхъ трудовъ даже по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ, а каково было жить! Такъ разсказывалъ про себя покойный о. Петръ Щукинъ, священникъ Сученгской Воскресенской церкви.—Приходецъ, говорилъ онъ, у

меня маленькій, около 300 душъ мужескаго пола, кружечный доходъ ничтожный, добровольныхъ сборовъ мало, мало и полевой земли, урожая съ которой едва хватаетъ на содержаніе, а сѣноносной земли еще меньше, сѣна не достаетъ для прокормленія и одной лошади. А семья увеличивается. Какъ быть. Надо работать на сторонѣ, чтобы нажить сколько нибудь хлѣба и денегъ, въ дополненіе къ нормальнымъ средствамъ содержанія.— И вотъ я, какъ рядовой крестьянинъ, пашу самъ, жена и дѣти боронятъ, навозъ прячу также, наметывая кое съ кѣмъ во дворѣ на телѣгу его самъ, жена сгребаетъ съ телѣги его въ полѣ, а дѣти на лошадяхъ ѣздятъ. Сами мы жнемъ, сами косимъ, сами молотимъ, все работаемъ сами, не разбирая лѣтомъ ни будня, ни праздника—грѣшные люди.—Отслужишь пораньше въ воскресенье, или въ другой праздничный день заутреню и обѣдню, кузовъ съ хлѣбомъ на плечи, да и маршъ въ лѣсъ всей семьей на работу,—то новину катить, то прятать подъ посѣвъ льна, или ржи, то косить, или загребать сѣно". И такъ жилъ и трудился не одинъ о. Петръ, а большинство Сухонскаго духовенства въ то время. Куда же шли его дѣти? Способные и усердные изъ мальчиковъ поступали въ училище и учились, неспособные выходили въ крестьяне, иногда и въ писцы то въ сиротскіе суды, то въ полицейскія управленія. У дочерей же духовенства одна была проторенная изстари въ жизни дорога—крестьянское замужество. У нищущаго эти воспоминанія были четыре сестры и всѣ онѣ выданы за крестьянъ въ замужество. А у о. Іоанна Чаловскаго, священника моей родины, было восемь дочерей и изъ нихъ только одна вышла замужъ за причетника, остальныя семь стали крестьянками. И то слава Богу! А не пріучи ихъ родители къ крестьянскимъ работамъ, что съ ними, ни къ чему не приспособленными, было бы?—И подумать страшно.

Въ виду такихъ примѣровъ и воспоминаній о дняхъ и годахъ собственнаго дѣтства и я, бывши священникомъ хотя и не богатаго, но и не самаго бѣднаго прихода, находилъ нужнымъ не столько лично работать, сколько изучать дѣло хозяйства и присматривать за нимъ непосредственно. Но, когда нужно было поспѣшить съ тѣмъ, или другимъ дѣломъ, а рабочихъ рукъ недостаточно, то жена и дѣти и самъ я—всѣ были на работѣ. Я не умѣлъ только пахать и молотить, а жена и молотить даже умѣла. Льну я не сѣялъ, по неимѣнію удобныхъ мѣстъ и въ виду затраты на обработку его большихъ трудовъ и времени. За

поставку сѣна, пашню, вывозку навоза и молоченье хлѣба я уплачивалъ работникамъ частію хлѣбомъ, частію деньгами. А жнитво и уборку хлѣба съ полей оставлялъ за собою, для чего и дѣлалъ на жнитво помочи по воскреснымъ днямъ, а убиралъ съ полей хлѣбъ уже на своей лошади одной или двухъ. Отслужишь, бывало, къ 10-ти часамъ утра заутреню и обѣдню, выпьешь стаканъ чаю и идешь съ народомъ въ поле.—„Какъ же, батюшка“, спрашивалъ иногда меня тотъ, или другой изъ моихъ помочанъ, „говорятъ, по праздникамъ грѣхъ работать, а ты вотъ зовешь насъ въ воскресенье къ себѣ на помочь. Грѣхъ это, или нѣтъ?“ Я всегда отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ.—„Скажите мнѣ, помочь человѣку въ нуждѣ надо, или нѣтъ?—Надо. Когда же вы поможете ему, если въ простой день вы заняты своимъ дѣломъ? А помочь дѣйствительно надо, Богъ велитъ; помогите же ему въ праздникъ, послѣ церковной молитвы. И ваша помощь тогда будетъ не оскорбленіемъ святости дня, а прославленіемъ имени Божьяго добрымъ дѣломъ. Всегда хорошо сдѣлать для нуждающагося то или другое доброе дѣло, а въ праздничный день особенно“. На этомъ и успокоивались мои совопросники. Любилъ я лично трудиться, при уборкѣ хлѣба съ полей въ гумно, на своихъ лошадяхъ, когда имѣлъ ихъ. Ѣздилъ за снопами въ поле, складывалъ ихъ на телегу и подавалъ въ гумно снопы на корасъ, а по нуждѣ могъ и самъ недурно укладывать ихъ въ корасѣ. Не давалась мнѣ только пашня. Пахали люди въ нашей мѣстности тогда сохами съ двумя ральниками. Въ нѣкоторые годы, когда стали неумѣренно подниматься цѣны на рабочія руки съ лошадями, обрабатывалъ землю я на своихъ лошадяхъ со своимъ наемнымъ работникомъ изъ семей сторожей церковныхъ Вотъ тогда то и пытался я научиться пахать и не научился, а только людей насмѣшилъ, взявшись за соху съ потерянным ральникомъ. Мнѣ показалось, что мой работникъ Илья, на хорошей моей лошади и хорошею сохою, пашетъ плохо. Лошадь, вижу, ходитъ тяжело, на складахъ замѣтна не пропашка. Что такое? —Дай-ка сюда, говорю, поѣду самъ,—и поѣхалъ. Лошадь изъ борозды выступаетъ, соха изъ земли выпрыгиваетъ, земля только прудится, а не оборачивается. Смотрю, а на одной ногѣ рассохи ральника-то уже нѣтъ, онъ потерянъ моимъ полусонным работникомъ Ильею, чего ни онъ, ни я въ свое время и не замѣтили. Не комичны, ли читатель, эти пахари—работникъ и хозяинъ?.. —„Нѣтъ, не мое это дѣло—пашня“ рѣшилъ

я и за соху больше не принимался, а жать, сѣно загребать и ходить въ лѣсъ за коровами и грибами любилъ въ годы молодости. Но слѣдуетъ замѣтить, что если я и занимался тѣмъ или другимъ дѣломъ по хозяйству, то занимался большею частію для развлеченія, не по нуждѣ, а какъ диллетантъ, между тѣмъ, какъ тогда, такъ и нынѣ нѣкоторые священники принуждены были заниматься всѣми работами по сельскому хозяйству по необходимости, чтобы не бѣдствовать. И чѣмъ дальше стали бы мы заглядывать въ прошлое время, тѣмъ больше увидѣли бы такихъ гонимыхъ нуждою тружениковъ, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и настоящія воспоминанія. Итакъ объ этомъ говорить больше не будемъ.

Еще въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній мною было замѣчено, что въ своей жизни не мало видѣлъ я случаевъ очевидной милости Божіей ко мнѣ недостойнѣйшему изъ недостойныхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ уже было упомянуто, о другихъ сообщаю теперь. Однажды лѣтомъ ѣхалъ я въ Устюгъ на парѣ лошадей. Понадобилось на проселочномъ пути черезъ рѣчку Мякалицу, подъ деревнею Пушишевымъ, переѣзжать за нее по узкому мельничному мосту. Ямщикъ предполагалъ, для удобства, отстегнуть лошадь, бывшую на пристяжкѣ, а я не позволилъ въ надеждѣ, что обѣ лошади могутъ пройти по мосту рядомъ. И они прошли бы, если бы мы не оплошали сами. Тревожимая шумомъ падающей изъ пруда на „отлань“ воды одна лошадь потѣснила другую и задней осью тарантасъ задѣлъ за одинъ изъ столбовъ мельничной запруды. Молодая пристяжная лошадь, почувствовавъ сопротивленіе, моментально встала на дыбы и прыгнула въ прудъ, а тарантасъ со мною и коренная лошадь, съ ведшимъ ее подъ уздцы ямщикомъ, остались на мосту, какъ прикованные. А какъ же тяжи, возжи и поводъ, которымъ былъ привязанъ тяжникъ къ оглоблѣ тарантаса? Все это было новое, крѣпкое, хорошее и однако же ни тяжника не удержало, ни тарантаса съ лошадью, ни насъ съ ямщикомъ не сбросило въ прудъ. Тяжи и возжи около тарантаса, на равномъ отъ него разстояніи были какъ топоромъ пересѣчены, а узда лежала на мосту, съ привязаннымъ къ оглоблѣ поводомъ. А лошадь? Она сначала скрылась минуты на двѣ-три подъ водою, потомъ вынырнувъ, осмотрѣлась, выплыла на берегъ, отряхнулась и осталась ни мало не пострадавшею. Всего этого я не могъ и нынѣ не могу объяснить причинами естественными и вижу здѣсь одно — чудную

милость Божію. Было бы естественно, если бы испугавшійся тяжникъ сдернулъ и увлекъ за собою въ прудъ коренную лошадь и тарантасъ съ сѣдокомъ, который долженъ былъ или погибнуть, или быть ушибленнымъ. Но послѣдовало невѣроятное, поразительное, чудное Исповѣдую, здѣсь явлена милость Божія грѣшнику, для укрѣпленія въ вѣрѣ его немощнаго духа. Въ другой разъ не менѣе поразительно обнаружилась милость Божія также при поѣздкѣ моей въ Устюгъ. Дѣло происходило осенью, когда на рѣкѣ Сухонѣ былъ ледоходъ, а на замерзшей землѣ почти не было снѣга, почему плохая ѣзда была въ саняхъ и на телегѣ. А ѣхать было мнѣ нужно, и я рѣшился ѣхать въ Устюгъ на саняхъ по образовавшемуся отъ береговъ рѣки гладкому льду, называемому „заберегой“ и едва покрытому тонкимъ слоемъ снѣга. Поѣхалъ я вдвоемъ съ женой, не взявши ямщика даже, на своей хорошей лошади и конечно на саняхъ. Ѣхать нужно было верстъ 35. Когда потрескивалъ, по временамъ, подъ ногами лошади ледъ, она и сѣдоки сначала нѣсколько робѣли, а потомъ уже привыкли и смѣло продолжали свой путь. Такъ благополучно, легко и скоро проѣхалъ я уже 30 верстъ и былъ подъ Крестовоздвиженской церковью, близь Устюга. Лошадь привыкла и шла крупной рысью по широкой „заберегѣ“. А я и не зналъ, что впадающая здѣсь въ Сухону рѣчка была опарчива. Ледъ трещалъ все сильнѣе и сильнѣе, лошадь шла сильнѣе и сильнѣе и вдругъ сильный трескъ... Лошадь рванулась, ледъ проломился, лошадь и сани съ сѣдоками плавали уже въ водѣ. Еще разъ рванулась лошадь, чтобы выпрыгнуть на ледъ, но ледъ снова обломился, полынья стала большою. Жена затрепетала. Ужасъ охватилъ и меня, но я не растерялся. Сбросивъ съ плечъ шубу, моментально вышвырнулъ я, какъ какую нибудь посильную тяжесть, жену свою на ледъ, а затѣмъ и самъ выскочилъ съ возжами въ рукахъ туда же. Жена ушла въ берегъ, оставивъ одного меня съ висящей на льду на переднихъ ногахъ лошадью и плавающими на водѣ санями. Но что одинъ я могу тутъ подѣлать? Если бы было не такъ глубоко, если бы задними ногами лошадь достигала рѣчнаго дна, то она, безъ сомнѣнія, пробила бы ледъ и вышла на берегъ. Но было тутъ такъ глубоко, что ноги лошади дна не коснулись. А ледъ подъ ногами у меня былъ гладокъ, какъ стекло. Для напряженія силы не было точки опоры. Прощай, моя лошадь, уже думалъ я, какъ увидѣлъ на берегу человѣкъ 5 нищихъ старухъ, которыхъ и упросила жена моя

придти ко мнѣ на помощь. Онѣ пришли, но я недоумѣвалъ, что дѣлать мнѣ и съ помощію ихъ. Дѣло трудное, требующее опытности и силы. И Богъ послалъ мнѣ то и другое. По моимъ слѣдамъ подъѣхалъ ко мнѣ на лошади одинъ мужичекъ, видимо умный и смѣлый. — „Помоги, братъ“, говорю ему, „видишь, въ чемъ дѣло“. — Вижу-то, вижу, отвѣчалъ онъ, да трудновато намъ вдвоемъ изъ воды достать лошадь. И сейчасъ же взялся этотъ смѣльчакъ за дѣло. Прежде чѣмъ распрячь лошадь, онъ закрѣпилъ ко хвосту ея веревку, купаясь буквально руками по плечи въ водѣ, распрягъ затѣмъ смотрѣвшую на насъ лошадь съ такою мольбою въ глазахъ, что казалось, вотъ она выговоритъ: „спасите меня, я заслужу вамъ“, — и наконецъ, надѣвъ на шею ея петлю и приказавъ старухамъ крѣпко держать конецъ этой веревки, другою веревкою, привязанною къ хвосту лошади и бывшею у насъ въ рукахъ, вытянулъ ее изъ воды, вмѣстѣ со мною, легко и свободно. Лошадь лежала на льду, какъ не живая, до тѣхъ поръ, пока, далеко оттащивши ее отъ мѣста катастрофы, не убѣдились мы, что находимся уже на крѣпкомъ льду. Тогда только она встала, была запряжена и повезла насъ въ Устюгъ. Нѣтъ нужды говорить, какъ много былъ я благодаренъ за помощь и нищимъ старухамъ и молодому мужичку, очевидно бывавшему въ передрягахъ на землѣ и на водѣ. И они остались довольны мною. Но скажите, благочестивый читатель, что здѣсь было въ данномъ случаѣ? Естественный ходъ вещей? Счастливыя случайности? Но не слишкомъ-ли ихъ ужъ много? Не естественнѣе-ли было и лошади моей и мнѣ самому съ женою оказаться въ водѣ подо льдомъ, или по меньшей мѣрѣ погубить лошадь? Между тѣмъ остались всѣ живы, здоровы, мы были спасены милостію Божіею, о которой я долженъ свидѣтельствовать и еще разъ убѣжденно свидѣтельствую. Бывали и еще случаи дивнаго спасенія моей жизни отъ смертной опасности милостію Божіею, для меня уже давно очевидною, почему, прекращая о нихъ рѣчь, хотѣлъ бы я сообщить хотя одинъ изъ случаевъ милости Божіей, явленной мнѣ съ другой стороны, со стороны благодатнаго успокоенія моего многонемощнаго и маловѣрнаго духа. Въ 1874 году, т. е. спустя 11 лѣтъ, по принятіи священнаго сана, вслѣдствіе простуды и вообще недостаточно правильной жизни, подвергся я какой то очень опасной и казавшейся тогда страшною болѣзни, съ которою не знали, что и дѣлать тогдашніе наши врачи г. Устюга. Въ одинъ изъ лѣтнихъ

августовскихъ вечеровъ, когда я былъ въ полѣ для наблюденія за работою помочанъ, вдругъ у меня, безъ всякой видимой причины, потекла изъ горла кровь, чего никогда раньше не случалось. Ужаснулся я и пошелъ домой и чѣмъ скорѣе шелъ, тѣмъ пуще текла кровь, которую принужденъ былъ выплевывать черезъ каждые пять шаговъ. Черезъ четверть часа я былъ уже неузнаваемъ, кровотеченіе меня обезсилило и обезобразило. Наконецъ оно остановилось. На слѣдующій день ѣду въ Устюгъ, гдѣ врачи болѣзни у меня, къ удивленію, не находятъ и лѣчить меня отказываются. А кровь, — нѣтъ, — нѣтъ, — да опять и пойдетъ, стоитъ только нѣсколько неосторожно ступить, или встряхнуться, даже лечь на подушку. Надо же какъ нибудь останавливать кровотеченіе, могущее въ противномъ случаѣ или немедленно вогнать въ могилу, или зародить чахотку. Помогъ мнѣ на первый разъ аптекарь Ѳеодоръ Карловичъ Глезеръ, порекомендовавшій при кровотеченіи принимать каждый разъ по ложкѣ поваренной соли и запивать ее водою, а потомъ Лальскій фельдшеръ Николай Ивановичъ Будкинъ, порекомендованный мнѣ моими Лальскими родственниками. Этотъ послѣдній, послѣ тщательнаго діагноза, призналъ болѣзнь мою серьезною и, продержавъ меня до весны 1875 года на своихъ лекарствахъ, посовѣтовалъ обратиться за помощью къ спеціалистамъ. Всю осень и зиму 1874—1875 года страдая острыми и нерѣдкими обнаруженіями болѣзни, ни на одинъ день не оставлялъ я однако своихъ служебныхъ обязанностей по церкви, школѣ и приходу, и имѣлъ достаточно времени и думать о себѣ и о врачахъ спеціалистахъ. Не въ клиники, не на кумысъ, не на курорты однако рѣшилъ я ѣхать, для чего не было у меня и средствъ. Меня потянуло въ другую сторону, къ другимъ спеціалистамъ, мнѣ захотѣлось ѣхать въ Москву къ преподобному и Богоносному отцу Сергію, Радонежскому чудотворцу, да къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ въ Кіевъ. Но и на эту поѣздку не было денегъ. Между тѣмъ одинъ изъ моихъ прихожанъ, крестьянинъ дер. Царевой Горы Семенъ Ивановичъ Нелаевъ, — уже упоминавшійся выше, — узнавъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву и Кіевъ, просилъ меня взять его съ собою и предложилъ мнѣ денегъ на дорогу 50 рублей безвозвратно, если трудно будетъ уплатить этотъ долгъ ему. Такое предложеніе добраго человѣка было принято мною съ благодарностью, разрѣшеніе на отпускъ въ свое время было испрошено, оставалось дождаться только

весны, чтобы умчаться до Вологды на пароходѣ, а тамъ далѣе еще скорѣе, по желѣзной дорогѣ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я весны, и вотъ пришла она, желанная. Наступилъ май. Засѣявъ помочью и наймомъ быстро поля, сѣли мы съ Семеномъ Ивановичемъ на пароходъ и отправились въ далекій путь. Замелькали Сухонскія деревни и церкви, миновали города Тотьма, Вологда и Ярославль. Вотъ виднѣется уже изъ далека высокая колокольня Троице-Сергіевой лавры, куда прежде всего хотѣлось мнѣ прибыть, чтобы у св. мощей Великаго угодника Божія, при его предстательствѣ попросить и поискать милости Божіей отъ моего грознаго недуга. До сего времени я чувствовалъ себя прекрасно, все время настроеніе духа было повышенное, даже восторженное. И вдругъ здѣсь, въ посадѣ, гдѣ остановился я на квартирѣ, у порога святой обители, вдругъ упалъ мой духъ, омрачился умъ, заболѣло сердце. И начали терзать мою бѣдную душу тяжкіе помыслы, такіе безпощадные, такіе мучительные, что я начиналъ теряться. Мнѣ казалось, что я худой священникъ, небрежный пастырь, оставилъ свою болящую паству на сосѣднихъ священниковъ, которымъ непріятно и неудобно исполнять вмѣсто меня требы, оставилъ я храмъ Божій, свой приходскій храмъ безъ богослуженія. А какіе тутъ великіе праздники! Кромѣ дней воскресныхъ тутъ и праздники Вознесенія Господня и Св. Троицы!.. И куда и зачѣмъ я поѣхалъ? Вѣдь это же гулянье! Развѣ не на всякомъ мѣстѣ владычество Его? Домой, домой ступай, если еще не угасла въ тебѣ твоя священническая совѣсть, говорили мнѣ настойчиво мои лукавые помыслы. Теперь смотрю я на нихъ, какъ на пастырскій экзаменъ, данный мнѣ искусителемъ, не безъ воли Божіей?—Ну-ка ты, священникъ, проповѣдывающій своей паствѣ о необходимости обращаться въ нуждѣ, скорбяхъ и печаляхъ за помощію къ Богу, какъ самъ поступишь, обуреваемый помыслами подъ давленіемъ туги душевной? Вотъ тотъ вопросъ, который, кажется, я долженъ былъ рѣшать тогда практически, чтобы, впослѣдствіи времени, съ живымъ и крѣпкимъ убѣжденіемъ раздавался голосъ священника въ трудныя минуты жизни пасомыхъ. Но тогда этого я еще не понималъ, а только теоретически зналъ, что мнѣ надо было дѣлать и, ничего не сообщая моему товарищу по путешествію, поспѣшилъ ко гробу Преподобнаго. И,—дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!—вошелъ я въ храмъ Божій съ духомъ разстроеннымъ и тяжко подавленнымъ, а возвратился отъ раки великаго праведника съ благословеннымъ

миромъ и тишиною въ смятенной душѣ, за два часа ранѣе. Это было первое благодатное вѣяніе милости Божіей, поднявшей на надлежащую высоту упадавшій отъ болѣзни и малодушія мой слабый духъ. И помолился я въ лаврѣ затѣмъ спокойно, и побывалъ я въ Вифанскомъ монастырѣ и въ Гефсиманскомъ скиту. Былъ и въ Москвѣ, молился и въ соборахъ и монастыряхъ Кремля. Открывшееся здѣсь снова у меня кровотеченіе вынудило меня обратиться къ одному изъ спеціалистовъ грудныхъ болѣзней, доктору Крамниху, который призналъ мою болѣзнь въ высшей степени серьезною, предписалъ діету и продолжительное,—двухлѣтнее лѣченіе, которое могло принести мнѣ пользу въ такомъ при томъ случаѣ, если ни по службѣ, ни въ семейной жизни не случится за это время никакой непріятности. Съѣздилъ я благополучно затѣмъ и въ Кіевъ, и тамъ поговѣлъ, послужилъ и помолился и почувствовалъ себя такъ хорошо, что жаль было разставаться съ Кіевскими святынями. Это было другое благодатное утѣшеніе. А вернувшись благополучно домой, я сталъ лѣчиться здѣсь, по рецептамъ сначала Крамниха, потомъ доцента Медико-хирургической академіи В. И. Дроздова какъ Устюжскаго уроженца, пріѣзжавшаго сюда тогда каждогодно на лѣтнія каникулы, а затѣмъ у новыхъ Устюжскихъ врачей Василья Парменовича Образцова, потомъ доктора медицины и профессора Кіевскаго университета, и Петра Ивановича Дьяконова, также доктора медицины и впослѣдствіи профессора Московскаго университета, служившихъ въ свое время въ Устюгѣ преемственно. Всѣ они, интересуясь моею болѣзнію, какъ люди науки, лѣчили меня безплатно и обѣщали протянуть мою жизнь въ деревнѣ лѣтъ 10, а въ Петербургѣ, по словамъ ихъ, я прожилъ бы не болѣе полугода. И вотъ съ тѣхъ поръ прошло уже 35 лѣтъ, всѣ они умерли, а я живу и служу, перенесши еще въ текущемъ году плевритъ и воспаленіе легкихъ, при порокѣ сердца и 69-тилѣтнемъ моемъ возрастѣ. А здѣсь уже, думаю, финалъ и завершеніе милости Божіей, по ходатайству моихъ небесныхъ врачей, къ которымъ долго и горячо стремилась нѣкогда душа моя, при началѣ моей страшной болѣзни, заставившей 10 лѣтъ, лучшихъ лѣтъ въ моей жизни, конечно къ моему благу и счастію, держаться на діетѣ,—изъ нихъ 2 года на строгой и 8 на умѣренной. Дивенъ Богъ, какъ видите, и въ грѣшникахъ.—Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя, и ни единоже слово довольно къ пѣнію чудесъ Твоихъ!

Теперь хотѣлось бы мнѣ перейти къ другимъ сторонамъ моей священнической жизни, для чего и долженъ вернуться назадъ, къ первымъ годамъ моей службы. Въ лѣтніе каникулы 1863 года посѣтили меня мои семинарскіе почитатели Василій Логиновичъ Птоховъ, впослѣдствіи священникъ и благочинный, Анатолій Александровичъ Одинцовъ, впослѣдствіи также священникъ (о томъ и другомъ уже было упоминаемо раньше), Иванъ Флегонтовичъ Авессаломовъ, впослѣдствіи секретарь Вологодской Губ. Земской Управы, и еще Викторъ Ивановичъ Дроздовъ, младшій изъ сыновей моего предшественника по Е...ой службѣ о. Іоанна Дроздова, впослѣдствіи докторъ медицины, внимательно и успѣшно лѣчившій меня отъ моей болѣзни. Какіе прекрасные были всѣ эти люди! Умные и веселые, они разнообразя нѣсколько монотонную деревенскую жизнь мою въ Е..ѣ, не мало привнесли въ нее оживленія своею жизнерадостностію. А въ іюнѣ 1864 года посѣтилъ наши края, но не мою церковь, удаленную въ сторону на 20 верстъ отъ почтоваго тракта, Преосвященный Христофоръ, епископъ Вологодскій и Устюжскій. Какъ этотъ, такъ и другіе Вологодскіе епископы, ревизуя церкви и духовенство епархіи, ѣздили обычно только по почтовымъ трактамъ и очень рѣдко, по какимъ либо особымъ причинамъ, посѣщали захолустныя церкви, если при томъ они были недалеко отъ почтоваго пути. Духовенство этихъ церквей вызывалось поэтому съ церковными документами къ ближайшей церкви, находящейся на пути епископа, на ревизію Владыки. Такъ былъ вызванъ и я съ моимъ причтомъ, для представленія Его Преосвященству къ Стрѣленской Богоявленской церкви. Маршрутъ архіерейскаго путешествія хотя и сообщался о.о. благочиннымъ и полицейскому начальству, но исполнялся не точно. Приходилось иногда духовенству трехъ и болѣе церквей жить, по нѣсколько сутокъ, въ чистѣ 9, или 12 человѣкъ, безъ всякаго дѣла, въ рабочую пору, на счетъ сосѣдняго причта, въ ожиданіи своего архипастыря. Что было дѣлать? Кто твердитъ ставленную грамоту, кто катихизисъ, кто играетъ порою въ городки, а кто изъ болѣе смѣлыхъ, хотя и далеко не пьяницъ, отъ скуки и выпиваетъ. Случалось, что человѣкъ ошибется и выпьетъ подъ вечерокъ лишнюю рюмку, даже изъ ряда священниковъ. И вдругъ, о, ужасъ!—прискакавшій о. благочинный говоритъ, что черезъ четверть часа архіерей прибудетъ... Суматоха начинается невообразимая. Мѣстный причтъ не идетъ,

а бѣжитъ въ церковь, за нимъ слѣдуетъ и пришлое духовенство, церковные документы котораго давно уже лежатъ въ алтарѣ на особомъ столѣ съ южной стороны престола. Но кое-кого о. благочинный все же не видитъ.—Гдѣ же они? пугливо спрашиваетъ кого-либо изъ старшаго духовенства о. благочинный.—Получается отвѣтъ: „оправляются и будутъ“, или „этихъ уже не ждите, уѣхали съ требой“. Иногда дѣйствительно бывали въ это время приглашенія съ требой, иногда это была фикція, и о. благочинный понималъ, въ чемъ тутъ дѣло. Въ это время ошибившійся слабый человѣкъ то умывался, то ѣлъ крупу, чтобы не пахло отъ него водкой, то, безнадежно махнувъ рукой, уходилъ въ поле и ложился тамъ почему-то въ рожь. Но справедливость требуетъ замѣтить, что послѣднее обстоятельство имѣло мѣсто очень рѣдко и являлось исключительнымъ, почему о. благочинный и докладывалъ епископу объ отсутствующемъ, какъ о заболѣвшемъ, или увезенномъ съ требой. Но вотъ начатый, съ минуты прибытія къ церкви о. благочиннаго, благовѣстъ на колокольнѣ прекратился и начался звонъ „во вся“. Это значитъ, что съ колокольни увидѣли карету Преосвященнаго. Духовенство вышло внѣ храма съ крестомъ, св. водою, съ кадилами и подсвѣчниками на встрѣчу Владыки, которая вообще и тогда происходила также, какъ бываетъ она и нынѣ. Послѣ краткой молитвы и многолѣтія, Преосвященный, осмотрѣвъ св алтарь, казнохранилище и церковь, приказалъ документы церковные принести въ квартиру мѣстнаго священника о. Прокопія Степановича Рождественскаго, у котораго, въ виду поздняго времени и согласился ночевать. При этомъ спросилъ его только:—„нѣтъ ли у него великихъ людей?“ А такъ какъ никто изъ насъ не понялъ этого вопроса, то, идя въ домъ священника, самъ и объяснилъ, что подъ великими людьми разумѣетъ онъ дѣтей, которые знать-молъ не хотятъ ни архіереевъ, ни царей. Хозяинъ дома успокоилъ Владыку, что дѣтей нѣтъ, онѣ устранены. Послѣ стакана чаю, Преосвященный началъ просматривать документы по порядку церквей одной послѣ другой, въ присутствіи причта данной церкви. Такимъ образомъ дошла очередь и до документовъ моей церкви, для чего и приглашенъ я былъ съ причтомъ въ комнату, занимаемую епископомъ, изъ священнической кухни, составлявшей на этотъ разъ „переднюю“. Разговаривая со мною о церкви и прихожанахъ Владыка изволилъ замѣтить, что онъ меня помнитъ, и добавилъ при этомъ, въ видѣ

вопроса: „ты, кажется, кончилъ курсъ студентомъ?“ — Да, Ваше Преосвященство, отвѣчалъ я. Послѣ этого онъ беретъ въ руки клировую вѣдомость, гдѣ объ этомъ конечно было сказано, и, сличивъ ее съ бывшимъ у него въ рукахъ спискомъ духовенства, подававшимся тогда благочинными, при представленіи послѣдняго, говоритъ строго благочинному: „какъ же ты пишешь, что окончилъ курсъ во второмъ разрядѣ?“ — Я тебѣ! Заключилъ епископъ. Благочинный долженъ былъ сказать, что онъ ошибся. Но Владыка, взявъ въ свои руки одинъ рядъ метрическихъ книгъ, а другой подавъ мнѣ, сказалъ: „ну будетъ повѣрять твои метрики, читай отчетливѣе ст. 17-ю мужескаго пола первой части“. Читаю. — „Читай ст. 5-ю второй части“. Читаю. — „Читай ст. 13-ю женскаго пола третьей части“. Читаю. — „Какъ?“ спрашиваетъ онъ. — Повторяю: „деревни Загорья и т. д.“ — „Ну вотъ видишь, тамъ произносишь ты „Загорья“, а здѣсь написано „Загорія“. — Разность пустая, но метрики такой документъ, въ которомъ оба ряда ихъ должны быть тождественны до послѣдней мелочи“. Мнѣ оставалось только благодарить Владыку за вразумленіе. Замѣчательно и то, что этотъ Преосвященный приказалъ поставить карету подъ самыя окна священническаго дома и охранять ее всю ночь причетникамъ посмѣнно, по два вдругъ. Такъ оберегалъ онъ архіерейскую ризницу, бывшую въ большой Стефановской каретѣ (по имени Преосвященнаго Стефана, которому будто бы подарена она была однимъ изъ лицъ Царствующаго Дома), вѣсъ которой опредѣлялся въ 90 пудовъ, скажу уже кстати. На слѣдующій день раннимъ утромъ, благословивъ въ послѣдній разъ представлявшееся духовенство, епископъ поѣхалъ съ благочиннымъ и протодіакономъ въ Устюгъ, до котораго оставалось 45 верстъ, а мы, нагостившись въ Стрѣльнѣ, гдѣ здравствовалъ еще мой дядюшка, заштатный уже дьячекъ Аѳанасій Алексѣевичъ Кичановъ, напугавшій предшествующаго епископа Ѳеогноста своимъ большимъ голосомъ, поспѣшили вернуться домой.

Замѣчаютъ, что все хорошо, что хорошо кончается. Какъ лично для меня и моего причта, такъ равно и для представлявшагося Преосвященному духовенства церквей Опоцкой, Воломской и мѣстной Стрѣленской, архіерейская ревизія закончилась благополучно, но не такъ она кончилась для нашего благочиннаго о. Іоанна Дроздова, состоявшаго благочиннымъ 24 года. Послѣ представленія епископу въ Устюгѣ окружнаго духовенства церквей близгородныхъ Луженгской, Благовѣщенской, Крестовоздви-

женской, Бударинской и Погорѣловской, Преосвященный потребовалъ отъ о. благочиннаго, совершенно неожиданно для послѣдняго, прошенія объ увольненіи отъ этой должности, не объявивъ даже причины недовольства. Прошеніе было подано, благочинный отъ должности уволенъ и на мѣсто его назначенъ благочиннымъ священникъ близгородной Крестовоздвиженской церкви о. Григорій Васильевичъ Старостинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 45-ти, студентъ, ласковый и казавшійся добрымъ ко всѣмъ безразлично, но бывшій себѣ на умѣ. Онъ щадилъ слабыхъ и лѣнивыхъ, но не отличалъ людей съ пастырскою искрою, людей дѣятельныхъ, хотя лично и старался льстить имъ. Во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ не глупый, не мстительный и не взыскательный. Но если говорить языкомъ фактовъ объ этой личности, подъ ближайшимъ наблюденіемъ которой суждено мнѣ было прослужить священникомъ 17 лѣтъ, то я долженъ буду сказать, что онъ, какъ и его предшественникъ, не былъ руководителемъ въ пастырскихъ трудахъ духовенства, не былъ опытнымъ и вѣрнымъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Когда приходилось спрашивать его о чемъ либо на словахъ, онъ отвѣчалъ обычно:— „вы сами знаете“,— „ну, что я вамъ скажу особеннаго“, а на письменные вопросы онъ отвѣчалъ мнѣ, всегда лавируя, что означало: „дѣлай, какъ знаешь, а меня-коль не припутывай“. И послѣ двухъ-трехъ опытовъ, я пересталъ безпокоить вопросами этого ближайшаго моего начальника и руководителя, предпочитая изучать всякое дѣло самъ, при помощи книгъ и дѣйствительно опытныхъ и умныхъ людей, не боявшихся, что ихъ привлекутъ, вмѣстѣ со мною, къ какой либо отвѣтственности. Но по внѣшне-служебной исполнительности, по знанію и аккуратности въ веденіи канцелярскихъ работъ, по должности, это былъ безспорно одинъ изъ исправнѣйшихъ отцовъ благочинныхъ, писавшихъ притомъ своею рукою каждую бумажку. Характерною чертою его натуры было и то, что всегда онъ куда то спѣшилъ неумѣренно. Не успѣетъ, бывало, прибыть по ревизіи въ церковь, какъ сейчасъ же предупреждаетъ, чтобы его не задержали, заботится, готова ли подвода и ревизію производитъ не только не притязательно, но бѣгло. Отдайте только поскорѣе ему обязательные, на епархіальныя нужды, взносы, а дальше онъ ничѣмъ духовенство не обезпокоитъ, только не безпокой и причтъ его никакой докукой. А то онъ завздыхаетъ и будетъ говорить: „ну, какъ нибудь устройтесь безъ меня сами“, или: „да вы са-

ми знаете, какъ сдѣлать лучше". Быстро осмотритъ алтарь и церковь, бѣгло документы, предъявитъ указы, если есть они, и отпустивъ младшихъ членовъ причта по домамъ, идетъ къ священнику напиться чаю и закусить, всегда торопясь. При поѣздкѣ по ревизіи церквей, о. Старостинъ нигдѣ и никогда не оставался для ночлега, а, сдѣлавъ дѣло, немедленно ѣхалъ далѣе днемъ и ночью зимой и лѣтомъ, при всякой погодѣ,—и это въ теченіе дней 8—10, при большой территоріи округа. И возвращался онъ изъ этихъ поѣздокъ домой не только усталымъ, но измученнымъ, съ подпухшими и слезящимися глазами. Водки и вина, нужно сказать, онъ не пилъ ни мало, а самъ любилъ угощать священниковъ и старостъ водкой и наливочкой собственнаго издѣлія, когда пріѣзжали мы къ нему съ годовыми отчетами между числами 1 и 5 января обязательно Онъ былъ человѣкъ вдовый и держалъ, въ качествѣ прислуги, одну безобразную и безтолковую старуху Елену и говорилъ: „на закусочкѣ извините, ужь что случилось, а водочки покушайте".—О. благочинный, спрашивалъ я по неопытности, зачѣмъ держите вы такую прислугу старую, глупую и безобразную? Обычно со вздохомъ тогда говорилъ мнѣ о. Григорій Васильевичъ, что вдовому и не особенно старому священнику никакъ нельзя держать у себя въ услуженіи приличную и не старую дѣвицу, или женщину,—не пощадитъ его злая молва, хотя бы онъ былъ непорочень, какъ ангелъ, въ чемъ скоро потомъ и убѣдила меня жизнь. Насмотрѣлся я потомъ на несчастную жизнь вдовыхъ священниковъ, наслушался скандальныхъ разсказовъ лживыхъ, или правдивыхъ не мое это дѣло. нахлопотался съ дѣлами объ нихъ, горько скорбѣлъ, даже плакивалъ за нихъ.—Вдовство священника—это кажется тяжелѣйшій изъ крестовъ и, что удивительнаго, если не для всѣхъ онъ является посильнымъ. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Я долженъ продолжать свое повѣствованіе.

Со времени опредѣленія о. Григорія Старостина на должность благочиннаго 1-го Устюжскаго округа, скоро за тѣмъ раздѣленнаго на два округа, Преосвященный Христофоръ ушелъ на покой, оставшись лишь настоятелемъ Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря, гдѣ покоится и прахъ его. На мѣсто его на Вологодскую каѳедру былъ назначенъ Преосвященный Павелъ Доброхотовъ, впослѣдствіи епископъ Псковскій, за тѣмъ Петрозаводскій и наконецъ настоятель одного изъ Московскихъ монастырей, не такъ давно умершій здѣсь на покоѣ въ глубокой ста-

рости. Это былъ человѣкъ лѣтъ 60-ти, ученый и умный, живой и дѣятельный, смѣлый, рѣшительный, независимый. Но сохранился онъ такъ хорошо, что казался бодрѣе и крѣпче людей пятидесятнаго возраста. Часто говорилъ свои живыя и сильныя проповѣди, изъ которыхъ въ одной, помнится, онъ между прочимъ замѣтилъ, что „бѣлоручекъ мы только терпимъ“. Любя труды самъ, онъ сумѣлъ призвать къ труду и духовенство, возбуждая въ немъ самодѣятельность. Это былъ передовой архипастырь, быть можетъ порою увлекавшійся и ошибавшійся, но горячо желавшій жизненнаго, пастырскаго дѣла отъ духовенства. Онъ предложилъ духовенству обязательно устраивать въ каждомъ благочинническомъ округѣ не менѣе одного раза въ годъ періодическія собранія, для обмѣна пастырскими наблюденіями между священниками и для выработки общихъ и цѣлесообразныхъ способовъ религіозно—просвѣтительной дѣятельности, составлять о предметахъ сужденій и рѣшеній акты и эти акты представлять ему на разсмотрѣніе и утвержденіе. Онъ ввелъ въ нашей епархіи выборное начало всѣхъ должностныхъ лицъ въ благочинническихъ округахъ, не исключая и благочиннаго. Онъ же потребовалъ сформированія попечительныхъ и благочинническихъ совѣтовъ, для рѣшенія мелкихъ дѣлъ на мѣстѣ. Молодые священники встрепенулись, подняли головы, оживились и принялись горячѣе за дѣло потому, что отнынѣ труды ихъ не могутъ замолчаны передъ начальствомъ о.о. благочинными, которыхъ при томъ и выбирать будутъ они сами. Что всего интереснѣе казалось намъ, такъ это то, что и наличные благочинные подлежали выборамъ на службу, срокъ которой назначенъ былъ пятилѣтній. Наивные люди,—мы и не замѣчали, что насъ, радующихся новому порядку дѣлъ, было мало, что и между нами могутъ быть люди иныхъ взглядовъ, иного нравственнаго строя... Насталъ день собранія благочиннаго. Все окружное духовенство было созвано на собраніе въ близгородную Крестовоздвиженскую церковь, при которой священствовалъ о. благочинный Старостинъ. Изъ числа 22 священниковъ явились на собраніе человѣкъ 20, между ними было молодыхъ человѣкъ 6—7 и одинъ изъ нихъ былъ двоюродный братъ благочиннаго. Посудили, порядили и приступили къ выборамъ. Не смотря на то, что насъ молодежи было мало, что наши планы не исполнимы, я рѣшился идти до конца прямымъ путемъ и испросилъ разрѣшеніе о. предсѣдателя сказать рѣчь, погубившую окончательно наши планы и мечты о но-

вомъ благочинномъ. Въ баллотировкѣ принимали участіе и о.о. дьяконы и псаломщики, которымъ дано было по половинѣ, кажется, голоса. Подсчетъ голосовъ показалъ, что о. Григорій Старостинъ былъ избранъ на пятилѣтній срокъ въ должность благочиннаго подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Почему? За что? Отвѣтъ будетъ въ разсказѣ послѣдующемъ. Послѣ избранія должностныхъ лицъ гостепріимнымъ хозяиномъ была предложена избирателямъ закуска. А закуска не бываетъ безъ выпивки. И вотъ когда поразвязались языки, то стало извѣстно, что предусмотрительный хозяинъ, желавшій остаться благочиннымъ, подговорилъ болѣе или менѣе вліятельныхъ священниковъ въ свою пользу, а нѣкоторымъ сдѣлалъ даже особые визиты, а для желающихъ изъ младшихъ членовъ духовенства въ день выборовъ приготовилъ даже водочки въ сторожкѣ.—И былъ избранъ. А дьяконъ Россовъ, какъ человѣкъ прямолинейный, помнится открыто заявилъ среди своихъ товарищей такъ: „на что намъ лучше этого благочиннаго? Войдетъ въ алтарь, гдѣ иногда на цѣлую четверть пыли на престолѣ, и ничего какъ будто не видитъ, а только говоритъ,—у васъ все хорошо, все въ порядкѣ и исправности.—А вотъ выберите-ка другого, въ родѣ того, что рѣчь говорилъ, онъ насъ промоетъ.“.—Изберемъ стараго, отвѣчали ему. А изъ насъ молодыхъ священниковъ одного, кажется, о. Іоанна Орпатскаго, выбрали на должность депутата по дѣламъ слѣдственнымъ и хозяйственнымъ, автора же этихъ воспоминаній—на должность помощника благочиннаго. Духовникомъ же окружнаго духовенства былъ избранъ о. Ѳедоръ Іоанновичъ Поповъ, священникъ Близгородной Благовѣщенской церкви, о которомъ упоминалось выше уже нѣсколько разъ. Такъ происходили выборы благочиннаго въ нашемъ округѣ и въ послѣдующія пятилѣтія, при преосвященномъ Палладіѣ Раевѣ, до преосвященнаго Ѳеодосія Шаповаленко, пока этотъ епископъ, убѣдившись въ безтолковости, или, по меньшей мѣрѣ, въ преждевременности ихъ, не отмѣнилъ ихъ совершенно, взявъ назначеніе благочинныхъ въ свои руки. Наученные опытомъ и когда-то увлекавшіеся выборнымъ началомъ, мы стали рады, что наконецъ прекратились наши выборныя безобразія. При слѣдующихъ выборахъ, производившихся при томъ, по прихоти о. благочиннаго, въ г. Устюгѣ въ Воскресенской церкви, наглость его наперсниковъ съ одной стороны, а со стороны другой, со стороны избираемаго, дошла до того, что первые открыто пьянствовали

въ сторожкѣ, а послѣдній, уже несомнѣвавшійся въ выборѣ, заблаговременно приготовлялъ закуску для избирателей въ квартирѣ священнической вдовы Анны Степановны Ермиловой. Случалось, что нѣкоторые изъ избирателей оказывались не въ силахъ подписать журналы, почему благочинный и долженъ былъ посылать ихъ для подписи къ церквамъ на мѣсто ихъ жительства, за десятки верстъ. И при всемъ этомъ всегда и всѣхъ рекомендовалъ хорошо и очень хорошо и только немногихъ отлично хорошо. Что касается пишущаго эти строки, то онъ въ фаворѣ о.о. благочинныхъ не былъ никогда. Поведенія отмѣчался только очень хорошаго и проповѣдей будто бы не произносилъ, какъ свидѣтельствовали объ этомъ въ свое время клировыя вѣдомости. Однажды когда мои проповѣди были на разсмотрѣніи Преосвященнаго Палладія, вдругъ я получаю отъ о. благочиннаго консисторскій указъ о взысканіи съ меня трехрублеваго штрафа, за непроизнесеніе проповѣдей. А спустя двѣ недѣли получаю другой указъ тойже консисторіи, въ которомъ объявляется мнѣ архипастырская благодарность за проповѣдническіе труды и просвѣщеніе. И что думали-бы вы, благосклонный читатель? Добрѣйшій о. благочинный три рубля все-таки взыскалъ, увѣряя меня, что бумагу, данную изъ консисторіи именемъ Его Императорскаго Величества, надобно исполнить. А жаловаться я не сталъ, не любилъ и никогда ни на кого ни благочинному, ни епископу не жаловался по принципу. Жалобы не гасятъ, а разжигаютъ непріятности и свидѣтельствуютъ лишь о нравственномъ безсиліи жалующагося, по моему мнѣнію.

Что сказать вамъ, благосклонный читатель, о періодическихъ священническихъ собраніяхъ по вопросамъ пастырской службы и практики, которыми я такъ плѣнялся въ свое время и на которыя такъ много возлагали надеждъ наши Преосвященные Павелъ и Палладій? Въ тѣхъ благочинническихъ округахъ епархіи, гдѣ благочинными были люди свѣжіе и образованные, какъ напр. священникъ села Отводнаго Николай Кенсориновичъ Якубовъ, впослѣдствіи Вологодскій протоіерей и членъ Консисторіи, или священникъ Шарженгской Михаило-Архангельской ц. о. Петръ Михайловичъ Гвоздевъ, къ сожалѣнію, скоро умершій, эти собранія были поняты правильно, велись умно, прославили имена этихъ людей и принесли несомнѣнную пользу не одному окружному духовенству, но и духовенству цѣлой епархіи. Акты этихъ и подобныхъ имъ собраній были пе-

чатаны въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, читались нами съ большимъ интересомъ и рѣшенія ихъ принимались во вниманіе съ чувствомъ благодарности. А у насъ ихъ было только нѣсколько. Вопросовъ серьезныхъ никто не ставилъ, такъ какъ о. благочинный ихъ не любилъ, журналовъ писать никто не хотѣлъ и разсуждать духовенство не желало. Два три вопроса изъ ряда шаблонныхъ поставитъ, бывало, о. благочинный и, рѣшивши ихъ единолично, напишетъ коротенькій актикъ,—и дѣлу конецъ.—„Не за чѣмъ, право, намъ и собираться-то, служили вѣдь слава Богу, и безъ періодическихъ собраній,—и было хорошо. На что намъ эти собранія!—Одни только разъѣзды, да хлопоты съ ними.“ Такъ изрекалъ обычно нашъ премьеръ. —„Такъ, такъ! Ваша правда, о. благочинный“, вторило ему наше священство. А я, глупый человѣкъ, на цѣломъ листѣ написалъ свой докладъ на первое періодическое собраніе, поставивши цѣлый рядъ занимавшихъ меня вопросовъ и подалъ о. благочинному. Собраніе происходило у меня въ домѣ. Почиталъ мою бумажку онъ повздыхалъ по обычаю и даже не доложилъ собранію, а, возвращая мнѣ мою бумагу, замѣтилъ, что „надо недѣлю времени имѣть въ распоряженіи, чтобы сдѣлать основательное рѣшеніе вашихъ вопросовъ. Рѣшайте ихъ сами, если угодно, а мы заниматься ими не будемъ.“ Не помню, что отвѣчалъ я на такое рѣшеніе о. благочинному, уже не въ первый разъ меня такъ третировавшему, но помню, что я огорчился не на шутку и записалъ въ церковную лѣтопись подлинникомъ свой докладъ и словесную резолюцію Его Высокоблагословенія. А потомъ одинъ изъ священниковъ, подъ веселый часъ, прямо сказалъ мнѣ, по этому поводу: —„ты еще молодъ, не высовывайся“... Вотъ она,—мудрость-то, гдѣ слышится!—Это та житейская мудрость, именуемая иначе благоразуміемъ, которую еще покойный Н. А. Некрасовъ называлъ пошлостью и проклиналъ ее. Онъ говорилъ:

Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,—
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ, умъ глупцовъ!

Но мое дѣло не проклинать, а повѣствовать, не мудрствуя лукаво, а стараясь лишь точно обрисовывать людей прошлаго времени и событія. Возвращаюсь къ воспоминаніямъ о преосвященныхъ Павлѣ. Сравнительно не долго оставался онъ на Во-

логодской кафедрѣ, — всего года 3—4, — но епархію онъ оживилъ своею разносторонною и кипучею дѣятельностью. Какъ ни относилось бы тогдашнее духовенство къ свѣжимъ идеямъ этого просвѣщеннаго епископа, даровавшаго ему выборное начало въ широкихъ размѣрахъ и призывавшаго его посредствомъ совѣтовъ Попечительнаго и благочинническаго, равно и періодическими собраніями, къ живому дѣлу самостоятельно, но было замѣтно, что духовенство стало подумывать, почитывать, да и подѣлывать и въ той области, куда призывалось. Отсидѣться и отмолчаться при немъ было невозможно. Онъ не медлилъ отдавать должное достойнымъ, но не затруднялся круто расправляться съ лѣнивыми и небрежными. Въ нашихъ краяхъ побывалъ онъ, кажется, однажды, безъ особенныхъ послѣдствій, и на внѣшнюю сторону дѣла, т. е. на веденіе церковныхъ документовъ и на устройство церквей, мало обращалъ вниманія. Не заѣзжалъ онъ, на пути въ Устюгъ, и къ Стрѣленской церкви, отстоящей отъ почтоваго тракта въ одной верстѣ, или не много больше, а принималъ духовенство церквей Стрѣленской, Ерогодской, Опоцкой и Симоно-Воломской въ деревнѣ „Страдномъ“ на почтовой станціи около полудня 20 іюля 1868 года. Ему сопутствовалъ о. Александръ Баклановскій, священникъ и благочинный г. Вологды*), бѣгло взглянувшій на наши документы. А самъ онъ поговорилъ съ нами, казалось, только для того, чтобы опредѣлить степень умственнаго развитія духовенства, замѣтивъ, что сегодня онъ спѣшитъ въ Устюгъ и вообще онъ ѣдетъ „птичьимъ полетомъ,“ какъ выразился самъ. А кому угодно съ нимъ поговорить о дѣлахъ, добавилъ онъ, пусть пожалуетъ въ Устюгъ, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней. Въ Устюгѣ я былъ и былъ принятъ имъ любезно. — „Ну, что, душа моя, вы скажете?“ Такъ любилъ начинать со священниками свою бесѣду этотъ архипастырь. Я подготовилъ нѣсколько пастырскихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ такъ или иначе, по неимѣнію руководственныхъ указаній, я сомнѣвался. Живо объяснилъ епископъ мнѣ дѣло, пожалѣлъ объ отсутствіи руководствъ и выразилъ надежду, что онѣ „скоро появятся, Русь пробуждается.“ Служилъ этотъ преосвященный скоро и просто, ни мало не рисуясь, не проповѣди говорилъ горячо, съ большимъ подъемомъ чувства, съ силою непоколебимаго убѣжденія,

*) Домъ котораго былъ завѣщанъ въ пользу Вологодскаго Епархіальнаго училища, въ улицѣ Петровкѣ.

привлекавшаго вниманіе со стороны даже равнодушныхъ слушателей. Роста былъ онъ средняго, блондинъ, лысый, съ открытымъ и добрымъ лицемъ. Одѣвался чисто. Чисто, круто и распоряжался онъ. По прибытіи на Вологодскую каѳедру, онъ,— по распоряженію ли Св. Синода, или своею властію — незнаю,— немедленно если только не въ 24 часа, убрлъ изъ Вологодскаго женскаго монастыря игуменью Смарагду (Богуславскую). Это, допустимъ, и ладно. Но страннымъ и непонятнымъ показалось Устюжанамъ перемѣщеніе Настоятеля Успенскаго собора извѣстнаго о. протоіерея Іоанна Васильевича Прокошева, по какимъ-то интригамъ со стороны будтобы членовъ Устюжскаго д. правленія, въ Кадниковъ. О. протоіерей, безъ возраженій, покорно исполнилъ волю своего владыки и перебрался уже на старости лѣтъ въ маленькій городокъ, отстоящій отъ Вологды въ 40 верстахъ. По прибытіи сюда, о. протоіерей, разумѣется, поспѣшилъ представиться епископу и попросить разъясненія причинъ перемѣщенія. И когда этотъ, знаменитый нѣкогда профессоръ философскихъ наукъ Вологодской семинаріи и до сего времени еще единственный почти въ Вологодской епархіи проповѣдникъ— импровизаторъ, маститый о. протоіерей заговорилъ съ епископомъ, какъ говаривалъ въ свое время, на литературныхъ вечерахъ, съ его знаменитымъ предшественникомъ, знаменитымъ Иннокентіемъ, отдававшимъ честь его уму и краснорѣчію, по свидѣтельству современниковъ, то онъ былъ пораженъ силою его слова, сознался въ своей ошибкѣ и несправедливомъ отношеніи къ нему, предложивъ освободить для него любое изъ настоятельскихъ мѣстъ въ самой Вологдѣ. Но о. протоіерей не пошелъ никуда далѣе Кадникова, замѣтивъ епископу, что онъ тамъ уже и умретъ, куда поставилъ его Богъ рукою архипастыр . А со мною случилось тоже, только нѣсколько позже. Въ одинъ изъ октябрскихъ вечеровъ 1868 года, т. е. спустя 3 мѣсяца, послѣ посѣщенія преосвященнымъ г. Устюга, приходитъ ко мнѣ посыльный отъ о. благочиннаго съ закрытымъ пакетомъ на мое имя. Что такое? Видно опять посылаютъ куда— нибудь на слѣдствіе. Вскрываю, Да, указъ консисторіи на мое имя, читаю и глазамъ не вѣрю. Преосвященному Павлу угодно было сдать въ консисторію предложеніе о переводѣ меня въ Вологду на настоятельское мѣсто къ Воскресенской церкви, что на Лѣнивой Площадкѣ, о чемъ консисторія и предписывала мнѣ къ немедленному исполненію. Но выходя во сва-

щенники въ деревню, я зналъ, что дѣлалъ, ни о какомъ перемѣщеніи пока не думалъ, да наконецъ и Воскресенскій приходъ въ Вологдѣ зналъ, какъ одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ. Не колебаясь нимало, сѣлъ и написалъ епископу бумагу объ отказѣ отъ чести перемѣщенія въ Вологду, разумѣется съ благодарностію за незаслуженное еще вниманіе и отослалъ бумагу съ тѣмъ же „посыльнымъ“ къ о. благочинному, для отсылки по принадлежности. Но этимъ дѣло не кончилось. Ровно черезъ двѣ недѣли я получилъ изъ консисторіи новый указъ, въ которомъ была изложена слѣдующая резолюція преосвященнаго, послѣдовавшая на моемъ прошеніи: „Объявить О. А. Попову, что отъ Воскресенскаго мѣста онъ освобождается, по прошенію, но пусть готовится, перемѣщенъ въ Вологду онъ будетъ.“ Что было мнѣ дѣлать? Перемѣщаться мнѣ не хотѣлось, но и отказываться отъ такого категорическаго требованія рѣшительнаго епископа было опасно. Посовѣтовавшись съ женою, я рѣшилъ ѣхать въ Вологду, чтобы лично просить епископа обо мнѣ не безпокоиться. А такъ какъ денегъ у меня не было, то пришлось продать лошадь и ѣхать въ Вологду въ ноябрѣ, за 400 слишкомъ верстъ.—„А! это вы, душа моя“, благословляя меня, заговорилъ епископъ, когда я стоялъ передъ нимъ.—„Ну, что скажете? Я намѣренъ перевести васъ въ Вологду, какъ только откроется здѣсь подходящее мѣсто.—Это будетъ скоро, а Воскресенское мѣсто дѣйствительно бѣдное.“ Я сталъ не спѣшно, осторожно и почтительно, послѣ конечно сыновней благодарности за незаслуженное архипастырское вниманіе къ молодому деревенскому священнику, ничѣмъ порядочнымъ еще себя не заявившему, излагать и отдавать на судъ Его Преосвященства всѣ обстоятельства и соображенія по отношенію къ церкви, къ паствѣ, къ родителямъ, жившимъ со мною въ одномъ благочинническомъ округѣ, которыя, какъ казалось мнѣ, обязывали меня пока служить тамъ, куда я пошелъ служить. Преосвященный слушалъ, не прерывая меня, а лишь по временамъ произнося „да“, или „это такъ“ или „и это правда“. А когда я кончилъ свою не краткую рѣчь, для чего ѣхалъ 400 верстъ, и, послѣ маленькой паузы, рѣшился поставить вопросъ прямо о томъ, буду-ли я удостоенъ благословенія продолжать мою посильную службу церкви Божіей тамъ, гдѣ служу, или?... А вѣдь, для рѣшенія этого жизненнаго вопроса, я нарочно пріѣхалъ сюда за 400 верстъ.—„Какъ? Развѣ нарочно?“ съ удивленіемъ

спросилъ епископъ. — „Да, Ваше Преосвященство.“ продолжалъ я, „отказавшись разъ на бумагѣ отъ чести перемѣщенія въ губернскій городъ, вторичо поступить тамъ я считалъ непозволительнымъ, а нетолько не приличнымъ и призналъ долгомъ безпокоить Васъ уже личнымъ докладомъ, а неиначе.“ — „Такъ, такъ, понимаю, а жаль“, говорилъ онъ и затѣмъ добавилъ: „ну, хорошо, если не хотите въ Вологду, то въ Устюгъ не желаете-ли?“ На это предложеніе отвѣтилъ я уже рѣшительнымъ отказомъ. —„Ну, Богъ васъ благословитъ“, благословляя и отпуская меня, говорилъ епископъ; „оставайтесь на Вашемъ излюбленномъ мѣстѣ и продолжайте служить тамъ, какъ начали“. Слава Богу, думалъ я, по крайней мѣрѣ съѣздилъ не напрасно.

Преосвященный Павелъ оставилъ память по себѣ въ Вологодской епархіи и еще въ одномъ отношеніи. Онъ былъ добръ ко всѣмъ неудачникамъ въ жизни, а особенно къ сиротамъ духовнаго званія того и другаго пола. Замѣтивъ въ епископѣ это драгоцѣнное свойство его души, со всѣхъ сторонъ епархіи устремились къ нему просители. Одни изъ нихъ просили мѣстъ, не имѣя достаточнаго образовательнаго ценза, другіе просили жениховъ для сиротъ невѣстъ, а вслѣдъ за ними потянулись къ епископу и жены протоіереевъ, священниковъ и діаконовъ со своими дочерями — невѣстами, прося для нихъ женіховъ. Такое движеніе къ центру въ нашихъ краяхъ замѣтно было особенно лѣтней порою, когда, съ открытіемъ навигаціи, естественно удешевлялся путь въ Вологду водою, по рѣкѣ Сухонѣ въ крытыхъ Дымковскихъ лодкахъ. Что же епископъ? Онъ всѣхъ принималъ, у всѣхъ выслушивалъ просьбы и всѣхъ старался устроить, какъ только было возможно. Напр. передъ нимъ одинъ изъ учителей какой-нибудь сельской школы, годовъ 5 назадъ тому уволенный, по лѣности, изъ философскаго класса семинаріи, проситъ объ опредѣленіи во священники на какое-нибудь мѣсто. — „Да ты душа моя, мало поучился“, говоритъ ему епископъ. — Мало, отвѣчаетъ проситель, глупъ былъ и вотъ учу и учусь со скорбію нынѣ. — „Ну, это хорошо, если сознаешь грѣхи юности и исправляешься.“ — „Но недостатокъ образованія остается все таки въ силѣ, восполнить его можно только добрымъ дѣломъ. У меня въ виду много хорошихъ дѣвушекъ, — или сиротъ, или дочерей многосемейныхъ родителей и стало быть невѣстъ бѣдныхъ. Возьмите у меня въ канцеляріи адресы ихъ

квартиръ въ Вологдѣ, посмотрите и буде которая изъ нихъ понравится, столкуйтесь и приходите вмѣстѣ. Тогда, при согласіи на бракъ съ сиротою, я дамъ вамъ пожалуй и священническое мѣсто.“ Проситель—женихъ забиралъ адресы невѣстъ и, въ качествѣ жениха, кандидата на священство, дѣлалъ имъ визиты. Разумѣется, которая изъ невѣстъ болѣе нравилась, съ той и начиналось сватовство, въ надеждѣ на милость Божію, хотябы у жениха и невѣсты, кромѣ здоровья и молодости, не имѣлось никакихъ благъ земныхъ, какъ у вашего покорнаго слуги въ семъ случаѣ, въ свое время. Бывало и такъ, что къ одной и той же невѣстѣ одновременно заявлялось нѣсколько такихъ женіховъ—недоучекъ, изъ которыхъ каждому обѣщано священническое мѣсто, въ случаѣ женитьбы на сиротѣ невѣстѣ. Тутъ какъ разобраться, съ которымъ изъ нихъ входить въ соглашеніе? А вѣдь женіховъ въ тогдашнее время выбирали не невѣсты, а ихъ отцы и матери, или даже дяди и тетки. Хорошо, если было возможно спросить о качествахъ ума и поведенія женіховъ у людей, знающихъ ихъ и достойныхъ довѣрія. А если этой возможности не было, то тогда какъ быть? Про одну дошлую мать невѣсты разсказывали, что она, припявъ нѣсколько женіховъ въ одно и тоже время, не затруднилась и не растерялась ни мало. Она приняла всѣхъ любезно и угостила всѣхъ водочкой, на славу. Молодежь развеселилась и разоткровенничалась и потому между прочимъ, что невѣста удалена была матерью предусмотрительно. А опытная женщина легко и скоро изучила особенности ума и характера каждаго изъ веселыхъ гостей и выбрала въ женихи своей дочери того, кто ей больше нравился. А когда матушки, бабушки, или тетушки являлись передъ епископомъ просительницами о женихахъ своимъ невѣстамъ, по желанію „устроить бѣдныхъ дѣвушекъ“, онъ всегда выражалъ желаніе самъ взглянуть на нихъ, чтобы не пообѣщать жениха какой-нибудь дѣвицѣ больной, или даже уроду. И посмотрѣвши этихъ дѣвушекъ и поговоривши съ ними, въ присутствіи родныхъ, онъ однако никогда и никому ихъ не навязывалъ, а только рекомендовалъ женихамъ, дѣйствительно изъ желанія устроить ихъ. И устраивалъ, какъ родной отецъ, этотъ независимый и добрѣйшій архипастырь. Напр. мой товарищъ по семинаріи до 4-го класса, по нынѣшнему уставу, о. Іоаннъ Герасимовичъ Старостинъ, получившій священническое мѣсто также со взятіемъ круглой сироты, священнической дочери Маріи Александровны Петялиной, разсказывалъ, что когда узналъ

владыка, что у него нѣтъ денегъ, да и у невѣсты тоже, то, взявши прошеніе объ опредѣленіи во священники, сейчасъ же приказалъ прислугѣ вызвать портнаго и велѣлъ сшить ему для ставленника суконные рясу и подрясникъ. Въ этомъ подрясникѣ положенъ и въ гробъ этотъ священникъ, схороненный мною въ 1885 году, при Опоцкой Николаевской церкви, гдѣ послѣднія 15 лѣтъ онъ былъ настоятелемъ.— Были-ли ошибки со стороны этого добраго, смѣлаго и во всякомъ случаѣ замѣчательнаго епископа въ выборѣ невѣстъ для кандидатовъ священства и обратно въ выборѣ женіховъ для бѣдныхъ дѣвушекъ-невѣстъ? Можетъ спросить меня читатель. И я долженъ отвѣтить,—да, случались, какъ случаются всегда и у всѣхъ? Справедливо замѣчено, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Однако этихъ ошибокъ было немного и въ нихъ виноватъ собственно не епископъ, а лица, злоупотреблявшія его сострадательностію къ бѣднымъ и несчастнымъ, впослѣдствіи за то и страдавшіе, за свое легкомысліе и опрометчивость, не имѣя основанія для обвиненія добраго архипастыря въ своей судьбѣ печальной. Говоря вообще, я долженъ замѣтить еще разъ, что это былъ епископъ замѣчательный. Онъ оживилъ пастырскую жизнь духовенства, онъ утеръ слезы у множества лицъ бѣднаго, сиротствующаго и недоучившагося духовенства, онъ всѣхъ любилъ и былъ любимъ своей паствой горячо, нетицемѣрно. Онъ воздвигъ въ сердцѣ ея памятникъ себѣ нерукотворный, а городу Вологдѣ оставилъ по себѣ памятникъ и рукотворный. Я разумѣю выстроенную имъ при Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ высокую колокольню Что значитъ умъ и энергія въ начальникѣ. Давно и всѣ находили, что соборная колокольня была мала, низка и не казиста; и однакоже никто не рѣшался сдѣлать лучшую по неимѣнію средствъ, или по недостатку времени. Но вотъ вступаетъ на каѳедру церкви Вологодскій епископъ Павелъ, видитъ и дѣлаетъ, что нужно, не раздумывая. Составилъ планъ, пріисканы средства, черезъ 3—4 года, какъ изъ земли выросла украшающая Вологду новая колокольня, освящать которую однако суждено было его преемнику преосвященному Палладію. Не напрасно Вологда плакала разставаясь съ преосвященнымъ Павломъ Доброхотовымъ, переведеннымъ въ 1869 году во Псковъ. Не напрасно рыдалъ и нашъ великій старецъ, каѳедральный протоіерей о. Василій Іоанновичъ Нордовъ, прощаясь съ нимъ.—„Скоро прошли наши красные дни, какъ все хорошее, въ жизни проходитъ скоро“, говорилъ ма-

ститый и всей Россіи извѣстный о. протоіерей Нордовъ въ своей прощальной рѣчи. Грустнымъ и тихимъ потокомъ текла эта рѣчь изъ устъ старца, а изъ очей капали слезы. Соборъ, переполненный богомольцами до тѣсноты невообразимой, задыхался отъ слезъ и рыданій, какъ писали мнѣ тогда изъ Вологды. Вотъ это я понимаю. Это ты, христіанская жизнь, полная трудовъ, одушевленныхъ любовію!—Это ты, родная семья, разстающаяся со своимъ любимымъ отцомъ! Это ты дорогой отецъ, въ послѣдній разъ благословляющій своихъ любимыхъ тобою и тебя любящихъ дѣтей! Трогательное и поучительное зрѣлище, дающее незабвенный урокъ пастырямъ и паствамъ.

А теперь позвольте мнѣ еще разъ остановиться своимъ вниманіемъ на о. протоіереѣ В. І. Нордовѣ, этомъ брилліантѣ Вологодскомъ. по отзыву преосвященнаго Иннокентія Борисова. Прощальная рѣчь о. протоіерея, сказанная преосвященному Павлу, была, увы, уже послѣднею, лебединою пѣснію. Послѣ нея нашъ великій старецъ не говорилъ болѣе ни привѣтственныхъ, ни прощальныхъ рѣчей никому изъ архипастырей, хотя и прожилъ еще лѣтъ 14 Дѣло въ томъ, что когда я рѣшился писать свои воспоминанія, меня натолкнулъ одинъ добрый человѣкъ на переписку бывшаго Костромскаго епископа Платона Казанскаго съ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Москвинымъ, печатавшуюся въ „Странникѣ“, за 1909 годъ. Тамъ въ письмѣ III-мъ, на стр. 420-ой этого журнала, вотъ что значится въ письмѣ епископа Платона митрополиту Арсенію. —„Говорятъ“, пишетъ онъ, что проектъ о свѣчныхъ (о свѣчныхъ заводахъ) написанъ Вологодскимъ протопопомъ Нордовымъ, котораго Преосвящ. Христофоръ исключилъ изъ членовъ свѣчнаго завода, за его взяточничество, за его претензію вознестись выше архіерея. И вотъ Нордовъ и составилъ такой проэктъ, по которому онъ можетъ сдѣлаться независимымъ отъ архіерея, какъ членъ Ревизіоннаго Комитета. А онъ надѣется быть выбраннымъ потому, что всѣ или ему родня, или связаны съ нимъ тѣсною связью. Мастеръ, также участвовавшій въ составленіи проэта о сборѣ свѣчномъ, выгнанъ съ свѣчнаго завода Вологодскаго архіерейскаго дома и проч...“ Такой голословный и грубый отзывъ объ о. протоіереѣ Нордовѣ я считаю сколько несправедливымъ, столько же и обиднымъ для памяти Нордова. А подъ перомъ епископа, хотя и въ частномъ письмѣ, но всетаки митрополиту, онъ является непозволительнымъ. Этотъ гордый и своекорыстный архіерей не называетъ широко извѣстнаго и глубоко уважаемаго о. прото-

іерея приличію возрасту, сану и заслугамъ, а зоветъ его „протопопомъ". Не хорошо, Владыка. Не знаю пока, о какомъ прозвищѣ здѣсь идетъ рѣчь, но знаю, что о. протоіерей Нордовъ не служилъ ни въ какой должности по свѣчному заводу, слѣдовательно не могъ быть и исключеннымъ изъ его членовъ. Онъ былъ старшимъ членомъ Консисторіи, по судебному отдѣлу и, какъ таковый, отличался совершеннымъ безпристрастіемъ и твердостію. Упросить о той или другой пощадѣ, уступкѣ и снисхожденіи, слыхалъ я, можно было многихъ изъ епископовъ а Нордова упрашивать никто и не рѣшался. О взяточничествѣ Нордова Вологда и епархія Вологодская и не слыхала, какъ ие слышала и того, что онъ хотѣлъ вознестись выше архіерея". Приписывать умному человѣку случайныя мечты—это со всѣмъ неумно. А о. протоіерей Нордовъ былъ не только трудолюбивъ, но и уменъ, какъ не многіе, и былъ въ такомъ возрастѣ,—лѣтъ 60-ти когда мечты затихаютъ. Епархіальное духовенство, учившееся по его учебникамъ,—священной исторіи и церковному уставу,—духовнопитавшееся и питавшее свою паству его проповѣдями, передъ нимъ благоговѣло, ученыя корпораціи его уважали, граждане его любили, какъ никого другаго. Это была величина несравненная. О какой же высотѣ ему было мечтать, чтобы стать выше архіерея? Удивительно гаданіе преосвященнаго Платона! Да посмотрите на прощальную рѣчь о. протоіерея преосвященному Павлу, преемнику преосвященнаго Христофора! Посмотрите на слезы Великаго Старца! Развѣ такъ прощаются со своими начальниками мечтатели и гордецы „съ претензіями вознестись выше ихъ?" Ошибочны сужденія преосвященнаго Платона и въ дальнѣйшемъ направленіи его мыслей. Онъ утверждаетъ, что протоіерею Нордову „всѣ—или родня, или связаны съ нимъ тѣсною связью". Какою же? Отвѣта нѣтъ, да его и не найти въ доказательство вздорныхъ и голословныхъ утвержденій письма, оскорбительнаго нетолько для памяти покойнаго о. протоіерея но и для всего духовенства Вологодск. епархіи. Наша связь съ нимъ была только любовь и молитва, тихо и ни для кого непримѣтно таившаяся въ душахъ благодарнаго духовенства. Смѣло и рѣшительно утверждаю, что иныхъ связей, быть можетъ въ Костромѣ и практиковавшаяся, между о. протоіереемъ Нордовымъ и духовенствомъ Вологодской епархіи не существовало. Что касается его родни, то у него было двѣ, или три племянницы, состоявшія въ замужествѣ за священниками два двоюродныхъ племянника, умершихъ дьяконами, да одинъ родной братъ, умершій псаломщи-

комъ Александро-Невской церкви въ Устюгѣ. Такіе родственники едвали могли содѣйствовать нестолюбивымъ замысламъ какого-угодно фантазера и искателя приключеній. Однако на какой же почвѣ возникла молва о неудовольствіяхъ между преосвященнымъ Христофоромъ и о. протоіереемъ Нордовымъ? Сообщу то, что пока мнѣ извѣстно, а со временемъ, если буду имѣть время и возможность, то изложу это темное дѣло по документамъ, въ особой статьѣ и напечатаю ее, какъ опроверженіе письма преосвященнаго Платона, въ Странникѣ. О преосвященномъ Христофорѣ, какъ человѣкѣ старомъ и желчномъ, было въ свое время извѣстно, что по ничтожному поводу онъ набрасывался иногда то на того, то на другаго изъ подчиненнаго ему духовенства. Такъ однажды учителя семинаріи Алексѣя Никитича Хергозерскаго, человѣка не молодаго и всѣми уважаемаго, бывшаго при томъ секретаремъ семинарскаго правленія, обозвалъ онъ въ глаза „мальчишкою до сѣдыхъ волосъ". Въ другой разъ, осерчавши за что-то на о. ректора семинаріи архим. Ювеналія, вздумалъ въ день семинарскаго праздника 26 сентября сдѣлать внезапную ревизію семинаріи. Нисколько неудивительно, судя по этому, что онъ также набросился, по собору, или консисторіи, и на о. протоіерея Нордова и встрѣтилъ здѣсь конечно приличный отпоръ. Дѣло шло обычнымъ порядкомъ, а огорченный епископъ не выдержалъ и сдѣлалъ на протоіерея въ Св. Сунодъ доносъ. Синодъ обвинить протоіерея Нордова не нашелъ основаній, но не хотѣлъ обидѣть и епископа указаніемъ на неосновательность его жалобы, почему и поручилъ ему подвергнуть обвиняемаго протоіерея дисциплинарному взысканію. Взысканіе это выразилось въ формѣ запрещенія протоіерею Нордову участвовать въ сослуженіи съ Архіереемъ въ теченіе одного, или двухъ мѣсяцевъ. Почему и служилъ въ это время о. протоіерей по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церкви преподобныхъ Кіево-Печерскихъ и Вологодскихъ Чудотворцевъ. Вотъ и вся исторія, по имѣющимся у меня пока свѣдѣніямъ. Гдѣ же тутъ основаніе для гнусныхъ заключеній о взяточничествѣ и „претензіяхъ о. протоіерея Нордова вознестись выше Архіерея? *)

*) Между соборнымъ духовенствомъ есть преданіе, что Епископъ Христофоръ, раздражавшійся за богослуженіемъ всякою мелочью, однажды смутилъ бранью въ алтарѣ молитвенное настроеніе не одного о. прот. Нордова, молившагося всегда необычайно сосредоточенно. Почему о. протоіерей Нордовъ и сказалъ будтобы въ слухъ всѣхъ священнослужителей:—„Владыка! Опомнитесь!—Гдѣ мы и что дѣлаемъ?" Епископъ замолчалъ, но не могъ простить о. протоіерею его возгласа. Не здѣсь-ли простая причина клеветы и жалобъ на него за стремленіе стать выше архіерея? Авторъ.

Непосредственнымъ преемникомъ епископа Павла Доброхотова по Вологодской каѳедрѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ преосвященный Палладій Раевъ, назначенный сюда изъ С.-Петербургскихъ викаріевъ. Это былъ мущина еще молодой, лѣтъ 40, высокаго роста, брюнетъ, съ наружностію весьма представительной. Любилъ онъ все торжественное,—и представительныхъ священниковъ, и голосистыхъ діаконовъ, и громкое, торжественное церковное пѣніе, до двухорныхъ концертовъ включительно. Первыя свѣдѣнія объ этомъ епископѣ сообщилъ Устюжскому духовенству ревизовавшій въ годъ его прибытія въ Вологду Устюжское д. училище преподаватель Вологодской д. семинаріи, извѣстный читателямъ Алексѣй Никитичъ Хергозерскій. Когда, вспоминая епископа Павла, мы говорили Алексѣю Никитичу, что епископъ Павелъ былъ намъ очень по душѣ, Алексѣй Никитичъ замѣчалъ, что „если такъ, то епископъ Палладій будетъ въ душѣ". Пріятно было слышать такой отзывъ о немъ отъ человѣка близкаго и просвѣщеннаго, а еще пріятнѣе убѣждаться въ такомъ лестномъ отзывѣ о наличномъ епископѣ. Все то, что начато было добраго, живаго и благотворнаго епископомъ Павломъ, было поддержано, продолжено и, въ чемъ слѣдуетъ, исправлено спокойно и тактично преосвященнымъ Палладіемъ. Оба они были идейные и добрые люди, но первый изъ нихъ шелъ къ цѣли энергично, круто, порывисто, удобрится—со дна моря вытащитъ, а огорчившись, не стѣсняясь, за бортъ выброситъ, говоря аллегорически, а послѣдній относился къ дѣлу съ бо́льшимъ терпѣніемъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ, не круто, а спокойно, изучая людей тщательнѣе, но не менѣе своего предшественника, къ сожалѣнію, и ошибаясь въ нихъ. Онъ старался, повидимому, всѣмъ угодить, а развѣ это возможно? И, угождая однимъ, въ тоже время невольно огорчалъ другихъ. При преосвященномъ Павлѣ мы не знали напр. что такое протекція, а при преосвященномъ Палладіѣ приходилось кое кому изъ духовенства испытать и послѣдствія не только протекціи, но и наговоровъ личныхъ недоброжелателей, конечно не въ суровой формѣ. Человѣкоугодливость, какъ черта характера преосвященнаго Палладія, замѣчалась въ немъ во всю его жизнь, по одинмъ мною. Такъ преосвященный Петръ Лосевъ, бывшій викарнымъ епископомъ въ Устюгѣ, послѣ совмѣстной службы съ высокопреосвященнымъ Палладіемъ, когда этотъ послѣдній былъ уже экзархомъ Грузіи, отмѣчалъ въ немъ человѣкоугодливость, какъ

существенную черту его характера. А о. Петръ Алексѣевичъ Смирновъ, бывшій настоятель Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ, даже въ надгробной рѣчи, въ день отпѣванія высокопреосвященнаго Палладія, уже митрополита С.-Петербургскаго, воскликнулъ, отмѣчая его добрую душу, —„всѣмъ-то ты хотѣлъ угодить!“ Онъ угождалъ, движимый добрымъ чувствомъ, а его почитатели, —конечно не всѣ, а нѣкоторые, эксплоатировали его доброту, какъ имъ было угодно, по своимъ видамъ и разсчетамъ. Вотъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ. Во время назначенія преосвященнаго Палладія на Вологодскую каѳедру былъ въ С.-Петербургѣ одинъ рыботорговецъ изъ крестьянъ Вологодской епархіи Устюжскаго уѣзда, широко извѣстный тогда А. Е. П...овъ. Человѣкъ это былъ тонкій и дальновидный. Не долго думая, онъ представился здѣсь же въ С.-Петербургѣ своему новому архипастырю, какъ одинъ изъ членовъ его духовной паствы, и при томъ первый и преподнесъ ему при этомъ большую живую стерлядь. Преосвященный казался растроганнымъ такимъ вниманіемъ, благодарилъ и просилъ П...ва бывать у него въ Вологдѣ во всякое время. Такъ и было. Преосвященный всегда любезно принималъ этого человѣка и, путешествуя по епархіи, ночевалъ не въ бѣдной обстановкѣ священническаго домика, въ двѣ комнаты, а въ княжескомъ домѣ крестьянина П...ва, въ полуверстѣ отъ погоста и церкви. Это еще и ничего-бы, если-бы мы не знали, что г. П...овъ, очаровавшій преосвященнаго, злоупотреблялъ его довѣріемъ. А то онъ, какъ родственникъ мнѣ, не стѣснялся заявлять, что можетъ тасовать, какъ карты, все окружное духовенство. Положимъ, этого не случилось, но для своей церкви онъ самъ выбиралъ священника и псаломщика. А каково было выслушивать священнику гнѣвныя рѣчи этого „временщика“, много лѣтъ служившаго церковнымъ старостою и предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства, когда онъ, въ случаѣ малѣйшаго возраженія со стороны священника по какому-либо служебному поводу, говорилъ ему—„молчать!—а то упеку каторжника туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ“. Но священникъ былъ человѣкъ трезвый, учительный, исправный. Упечь его П...ву не удалось, а пришлось почувствовать коварство фаворита-лицемѣра преосвященному Палладію. Когда стало извѣстнымъ перемѣщеніе преосвященнаго Палладія изъ Вологды въ Тамбовъ, П...овъ, по своимъ дѣламъ, былъ въ Вологдѣ и взыскалъ съ него за петербургскую стерлядочку едва ли не сто рублей, подавши

счетъ черезъ келейника. Какъ ни добръ былъ преосвященный Палладій, но, получивши счетъ, будто бы плюнулъ и выслалъ черезъ келейника П...ву деньги, не желая его видѣть.

Преосвященный Палладій былъ хорошъ и ласковъ въ обращеніи съ духовенствомъ. Мнѣ извѣстно, что, бесѣдуя въ домѣ благочиннаго о. Александра Іоанновича Невѣнскаго, онъ шутилъ надъ матушкой, что она ему не пара. А когда другой благочинный о. Петръ Михайловичъ Гвоздевъ, раскупоривая бутылку, во время обѣда, облилъ шампанскимъ его шелковую рясу, то преосвященный только назвалъ вино шальнымъ, посмѣялся и сказалъ—„не безпокойтесь! у меня съ собой не одна риса“. А у моего предшественника, также благочиннаго и протоіерея Василія Іоанновича Попова, лаская дѣтей, давалъ имъ конфекты и носилъ ихъ на рукахъ. Ревизуя епархію, преосвященный Палладій былъ въ Устюгѣ и Устюжскомъ уѣздѣ дважды, если не ошибаюсь безъ справокъ. Въ оба раза я со своимъ причтомъ и церковными документами представлялся преосвященному при Стрѣленской Богоявленской церкви. Въ первый разъ, просмотрѣвши слегка документы по моей церкви, онъ заговорилъ со мною о паствѣ, о церкви, о школѣ и о проповѣдничествѣ. Я говорилъ свободно и откровенно, а онъ совершенно благосклонно и милостиво и вдругъ поставилъ вопросъ: сколько-же проповѣдей вы произносите въ годъ?—Онѣ не подсчитаны и точнаго отвѣта на вашъ вопросъ, владыка, дать я не могу, отвѣчалъ я. —Однако скажите приблизительно, не унимался преосвященный. Тогда, сообразивши, что такая настойчивость преосвященнаго не безцѣльна, я отвѣчалъ, что, кромѣ очередныхъ въ Устюжскомъ соборѣ, проповѣдей по 15-ти въ годъ говорю въ своей церкви. — „Хорошо.—Я хочу ихъ посмотрѣть. Пришлите мнѣ ваши проповѣди, за три года“, повелѣлъ мнѣ владыка, „числу такъ къ 15-му августа“. Дѣло происходило въ первыхъ числахъ іюля. — Слушаю и постараюсь исполнить волю вашего преосвященства, отвѣчалъ я и, разумѣется, аккуратно исполнилъ, за что въ октябрѣ того же года и получилъ архипастырскую благодарность и въ то же время, по любезности о. благочиннаго, скромно умалчивавшаго о моихъ проповѣдническихъ трудахъ, съ цѣлію конечно уравненія меня со старшими священниками, какъ уже было выше замѣчено, былъ оштрафованъ консисторіею на три рубля. Въ другой разъ наше представленіе преосвященному Палладію прошло не особенно благополучно. Какъ всегда, и на этотъ разъ были

вызваны къ Стрѣленской Богоявленской церкви причты церквей Ерогодской Успенской, Опоцкой Николаевской и Симоно-Волоцкой Крестовоздвиженской. Настоятель церкви о. Прокопій Стефановичъ Рождественскій былъ тяжко боленъ и лежалъ въ единственной у него чистой комнатѣ. А что если преосвященный пожалуетъ сюда вечеромъ и вздумаетъ здѣсь ночевать? Какъ хотите, такъ и дѣлайте, говорилъ больной хозяинъ. Преосвященный пріѣхалъ сюда позднимъ вечеромъ, не пошелъ въ церковь до утра, выразивъ желаніе выпить стаканъ чаю, закусить и отдохнуть, послѣ цѣлодневной поѣздки на лошадяхъ. Ночь была тихая и теплая, почему благочинный Старостинъ, доложивъ владыкѣ о болѣзни хозяина, просилъ его распоряженія относительно ночлега, т. е. удалить-ли больного хозяина изъ дома, или не угодно-ли будетъ ночевать въ новомъ священническомъ домѣ, гдѣ хотя и чисто, полы и потолки набраны, но ни печей, ни мебели, ни рамъ въ окнахъ нѣтъ,—послѣднія были закрыты дранью изъ древесины. Преосвященный, согласившись на послѣднее, здѣсь кушалъ чай и закусывалъ, здѣсь согласился и ночевать. Съ полуночи заподувалъ вѣтерокъ и сталъ безпокоить высокаго гостя Ему не поспалось, въ 4 часа онъ былъ уже на ногахъ и распорядился, что бы духовенство шло въ церковь. Мнѣ поручено было, вмѣсто больного настоятеля, встрѣчать владыку съ крестомъ, въ облаченіи, по извѣстному чину. Владыка, послѣ дурно проведенной ночи, былъ, видимо, не спокоенъ и сталъ экзаменовать дьяконовъ и причетниковъ, придираясь ко всякой мелочи. А такъ какъ оробѣвшее духовенство стало давать то ошибочные, то сбивчивые отвѣты, то онъ сталъ накладывать на причетниковъ и дьяконовъ денежные штрафы. Взглянувъ на церковные документы и признавши ихъ неудовлетворительными, особенно церковныя лѣтописи, онъ сталъ презрительно относиться ко всѣмъ священникамъ, выговаривая въ тоже время строго благочинному чуть не за обманъ, что молъ „пишешь ты“,—пошелъ уже на ты, — „что у тебя въ округѣ все хорошо и всѣ исправны, а между тѣмъ гдѣ эта исправность? Никто ничего не знаетъ, документы безобразные, лѣтописей нѣтъ.—У всѣхъ васъ все скверно...“ И это громко говорилъ преосвященный, при открытыхъ дверяхъ, стоя у св. престола, при значительномъ скопленіи уже въ церкви народа, который не могъ не слышать, какъ разноситъ насъ нашъ архипастырь Я былъ всѣхъ моложе, —30 только лѣтъ, — въ ряду священниковъ и, возмутившись всѣхъ больше, горячо и громко

рѣшился отвѣчать разгнѣванному епископу. — „Ваше преосвященство! Вамъ лучше извѣстно, чѣмъ кому-либо изъ насъ, что св. церковь и ея служащее духовенство, бѣдное, заброшенное, забитое, окружено врагами. Враги въ печати, враги въ обществѣ, есть враги и въ свѣтскомъ начальствѣ, есть они и въ народѣ равнодушномъ. А гдѣ же наши друзья? Гдѣ наши покровители?... Вотъ мы ждали своего архипастыря, какъ ангела мира и утѣшенія, въ надеждѣ, что онъ, какъ отецъ, поддержитъ и укрѣпитъ упадающій порою духъ нашъ и дождались, но чего?.. Взгляните! На насъ лица нѣтъ, мы опозорены здѣсь, въ слухъ народа... Вы говорите, что у всѣхъ все скверно. Но позвольте, напримѣръ моихъ документовъ вы не удостоили и своего вниманія. Какъ это“?.. Молча, не прерывая меня, выслушалъ мою смѣлую рѣчь преосвященный и, грозно обдавъ меня своимъ взглядомъ, пошелъ отъ престола къ южному окну алтаря, гдѣ на столѣ лежали въ числѣ прочихъ, и документы моей церкви. Метрики и приходорасходныя книги владыка перелистовалъ быстро. Онѣ были чисты и исправны. Но на лѣтописи [1]) остановился, читая то вступленіе, то изъ средины кое что, но всего болѣе отдалъ вниманія записи послѣдняго года и мѣсяца, кончавшейся разсказомъ о томъ, какъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ прослѣдовалъ на пароходѣ по рѣкѣ Сухонѣ, въ чертѣ моего прихода, на пространствѣ 25 верстъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Это происходило 21 іюня 1870 года. По прочтеніи этой послѣдней статьи, преосвященный уже совершенно спокойно, по поводу ея, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о великомъ князѣ, выслушалъ мои отвѣты и потомъ, взглянувъ на бывшую на мнѣ ризу, замѣтилъ: „какая это хорошая матерія. Не такъ давно она была въ модѣ и въ Петербургѣ. — Пойдемте въ нижнюю церковь“. Нижнюю церковь осмотрѣлъ преосвященный быстро, потомъ, благословивъ меня и все прочее духовенство, отпустилъ по домамъ насъ съ миромъ, а самъ, въ сопровожденіи пристава и благочиннаго, поѣхалъ въ Устюгъ, до котораго оставалось еще 45 верстъ. Въ то, давно прошедшее время вологодскіе архіереи, посѣщая Устюгъ, служили обыкновенно здѣсь въ соборахъ Успенскомъ и Прокопьевскомъ и въ монастыряхъ мужскомъ Михаило-Архангельскомъ и женскомъ Іоанно-

[1]) Начата письмомъ церковная лѣтопись мною, по мысли преосвященнаго Павла Доброхотова, въ 1868 году. Ведется ли она нынѣ, и какъ ведется при Е...ой церкви—не знаю.

Предтеченскомъ. Будучи въ Устюгѣ, по приглашенію мѣстнаго духовенства, я участвовалъ въ архіерейскомъ богослуженіи въ Прокопіевскомъ соборѣ. Протодіаконствовалъ Васильевскій. Архіерейскіе пѣвчіе пѣли посредственно, не отличаясь ни искусствомъ исполненія, ни силою голосовъ. Богослуженіе шло обычнымъ порядкомъ. Проповѣди владыка не говорилъ. Но вотъ обѣдня кончилась. Въ предшествіи епископа, все служащее духовенство вышло на средину церкви для отправленія молебна св. праведному Прокопію Устюжскому чудотворцу, мощи котораго покоятся въ этомъ храмѣ подъ спудомъ, съ гробницей близъ сѣверной стѣны. Преосвященный, очевидно по ошибкѣ, всталъ не за гробницею угодника, какъ слѣдовало-бы, а на облачальномъ мѣстѣ. Обычнымъ порядкомъ встало въ два ряда предъ нимъ и духовенство. Пока шло начало молебна, преосвященный, позидимому, не замѣчалъ неудобства создавшагося положенія, но когда запѣли—„Св. Праведный Прокопіе, моли Бога о насъ“,—тогда онъ смутился, увидѣвъ, что лѣвый рядъ духовенства стоитъ спинами къ ракѣ угодника. Мы только этого и ждали и тотчасъ же поворотились лицами къ ракѣ. Получился однако видъ странный. Оба ряда духовенства были лицами въ одну сторону и держались такъ во все время молебнаго пѣнія, за исключеніемъ чтенія Евангелія и отпуста, когда духовенство лѣвой стороны поворачивалось лицемъ къ лицу съ духовенствомъ, стоявшимъ съ правой стороны отъ епископа. Конечно, это мелкая случайность, но она сохранилась въ памяти и разсказалъ о ней я такъ уже кстати. Но не случайность и не мелочь то обстоятельство, что преосвященный Палладій умѣлъ замѣчать достойныхъ священниковъ и отдавать имъ должное. Въ качествѣ иллюстраціи, приведу два примѣра. Преосвященный Павелъ замѣтивъ въ о. Николаѣ Кенсориновичѣ Якубовѣ, священникѣ села Отводнаго Вологодскаго уѣзда, не дюжинныя качества ума и работоспособности, сдѣлалъ его настоятелемъ Кадниковскаго собора и возвелъ въ санъ протоіерея. Усматривая въ немъ тѣ же достоинства, преосвященный Палладій перевелъ о. Якубова въ Вологодскій каѳедральный соборъ и сдѣлалъ членомъ Консисторіи. И еще. Настоятелемъ Вологодской градской Николаевской Сѣнноплощадской церкви лѣтъ 15 уже былъ священникъ о. Николай Лавдовскій, слывшій за человѣка оригинальнаго и либеральнаго. Въ чемъ выражалась его либеральность, я не знаю, кромѣ того, что это былъ человѣкъ много читавшій и несомнѣнно

мыслящій. А оригинальничанье его выражалось въ произнесеніи возгласовъ и чтеніи Евангелій, за церковными богослуженіями, разговорной дикціей, а не обычнымъ способомъ, традиціонно-псалмодическимъ. Не знаю, какъ смотрѣли на это „новшество“ о. Лавдовскаго преосвященные Ѳеогностъ и Павелъ, а преосвященный Христофоръ за это его не жаловалъ и угрожалъ ему ссылкою въ деревню. А на вопросъ владыки Христофора: „зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ?“—о. Николай отвѣчалъ, что онъ слѣдуетъ примѣру Спасителя, который училъ людей живымъ, разговорнымъ словомъ, а не на распѣвъ, какъ почему-то принято. Послѣ этого участь о. Николая была рѣшена, его ожидала ссылка въ деревню. Но о. Николай былъ любимцемъ не только своихъ прихожанъ, но и большинства дворянъ вологодскихъ. А они, узнавши, что о. Николаю угрожаетъ опала со стороны епископа, немедленно послали къ сему послѣднему депутацію узнать о томъ, справедливы-ли слухи о гнѣвѣ епископа на о. Николая, и если „да“, то предупредить преосвященнаго, что эта же депутація немедленно ѣдетъ въ Петербургъ и не позволитъ сдѣлать ни малѣйшей непріятности о. Николаю. Епископъ Христофоръ принужденъ былъ оставить о. Николая въ покоѣ А преосвященный Палладій, желавшій, какъ замѣчено выше, всѣмъ угодить, сдѣлалъ о. Николая Лавдовскаго членомъ Консисторіи, гдѣ онъ былъ весьма полезенъ и любимъ духовенствомъ несравненно болѣе, чѣмъ о. Якубовъ, за добрую душу, неподкупную честность и безпристрастіе, какъ и знаменитый предшественникъ его о. протоіерей Нордовъ.

XIV.

Если преосвященный Павелъ, устраивая духовныхъ сиротъ женскаго пола, давалъ женихамъ ихъ, изъ недоучившихся семинаристовъ, священническія мѣста, то преосвященный Палладій, уклонившійся отъ такого устройства, хотя и не всецѣло, дѣлалъ еще болѣе. Онъ иногда поставлялъ во священники викарныхъ діаконовъ, не видавшихъ семинаріи. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Пришелъ ко мнѣ однажды, по порученію настоятеля, викарный діаконъ Устюжскаго Прокопьевскаго собора, мой двоюродный дядюшка, Стефанъ Семеновичъ Поповъ, извѣстный въ Устюгѣ подъ характерною кличкою „Стёпа—проказъ“. Найдя невозможнымъ исполнить данное ему порученіе, я посовѣтовалъ ему идти дальше вверхъ по Сухонѣ и при этомъ, вспомнивъ, что на днихъ умеръ на Борщевикѣ священникъ о. Петръ Щу-

кинъ, шутя сказалъ ему: ступай-ка, дядя, на Борщевикъ, мужики тебя тамъ знаютъ, проси у нихъ приговора, да и подавай архіерею прошеніе объ опредѣленіи тебя туда во священники.— Къ моему совѣту мой дядюшка отнесся со всѣмъ вниманіемъ и пошелъ на Борщевикъ, до котораго отъ моей церкви считается 60 верстъ. Спустя день-два онъ былъ уже тамъ въ волостномъ правленіи, гдѣ, къ его счастію, случился сельскій сходъ. —„Куда это Богъ носитъ тебя, о. дьяконъ?“ спрашивали, окруживъ его, знакомые мужички. „Да вотъ шелъ, да и дошелъ, да и на сходъ вашъ зашелъ“, отвѣчалъ о. дьяконъ, „вѣдь вы народъ мнѣ знакомый“.—„Да, да, мы тебя давно знаемъ, говорили мужики, „поди годовъ 30 ты служилъ у Прокопья Праведнаго?“—Да, близко 30-ти годовъ. Пожалуй уставать ужъ сталъ, замѣтилъ о. дьяконъ.—„Такъ вотъ что! Иди-ка къ намъ въ попы, не богато у насъ, приходъ маленькій, да ничего, прокормимъ, хуже-то Устюжскаго твоего житья у насъ не будетъ. Вотъ у насъ писарь живо напишетъ приговоръ и прошеніе архіерею, а архіерей, говорятъ, добрый“. Но убѣждать долго себя о. дьяконъ мужичковъ не заставилъ, а сказалъ спасибо и согласился, замѣтивъ только, что онъ здѣсь не по этому, а по другому дѣлу и теперь угостить народъ онъ не можетъ,—денегъ нѣтъ.—„Ну, что, ты, о. дьяконъ, угостишь потомъ, буде судитъ Богъ тебѣ послужить у насъ,—ничего намъ не надо“, отозвался народъ, дѣйствительно любившій этого человѣка за какую-то необычайную простоту, кротость и незлобіе. Всё это происходило въ сельскомъ обществѣ, находящемся въ деревнѣ Востромъ, при волостномъ правленіи. Приговоръ составленъ былъ живо, по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства, подписанъ всѣми домохозяевами, засвидѣтельствованъ по надлежащему, написано и прошеніе и тутъ же на Востровской почтовой станціи на слѣдующій день сдано то и другое на почту. А о. дьяконъ вернулся въ Устюгъ, гдѣ никто ничего не зналъ,—какое дѣло затѣялъ Прокопьевскій о. дьяконъ. Но не прошло и мѣсяца, какъ Устюжскій благочинный получилъ изъ Консисторіи указъ, которымъ о. дьяконъ Поповъ, по требованію преосвященнаго вызывался въ Вологду.— Что такое? Что такое? Скажи! Ты знаешь, зачѣмъ тебя зоветъ въ Вологду архіерей, любопытствовали Устюжане. А о. дьяконъ преравнодушно отвѣчалъ: „Чего тутъ знать-то?—Видите, попомъ хочетъ сдѣлать меня архіерей“! Но кто-же могъ думать, что „Степа—Проказъ“ будетъ попомъ, а между тѣмъ дѣйствительно

онъ сталъ имъ. И вотъ онъ уже въ Вологдѣ и стоитъ передъ епископомъ. „Ну, что-же ты, о. дьяконъ, знаешь, коли просился во священники? спросилъ его преосвященный. —Вѣдь ты мало учился".

— Мало учился, да не мало служилъ я, владыка Не спрашивайте только мудренаго, а службу я знаю, отрѣзалъ о. дьяконъ.

— А сколько таинствъ? Сколько заповѣдей?

— Таинствъ семь, заповѣдей десять.

— А сколько вселенскихъ соборовъ признаетъ православная церковь?

— И это знаю, вселенскихъ соборовъ было семь.

— А церковный уставъ? Знаешь?

— Лучше и не спрашивайте, безъ книги всё скажу, вѣдь 30 годовъ ужъ прослужилъ я въ соборѣ.

Однако преосвященный далъ ему какой-то вопросъ по церковному уставу изъ случаевъ, рѣдко встрѣчающихся. О. дьяконъ отвѣтилъ безъ запинки. Но тѣмъ не менѣе владыкѣ показался бойкій отвѣтъ его невѣрнымъ.—„Ой, дьяконъ, врешь", сказалъ ему преосвященный.

— Нѣтъ, не вру, владыка.—Пошлите въ церковь за уставомъ, я укажу вамъ главу, гдѣ сказано объ этомъ.

Принесли уставъ. О. дьяконъ нашелъ главу и указалъ преосвященному рѣшеніе его вопроса. Тогда добрый епископъ, благословляя о. дьякона, сказалъ ему: „ну, такъ и быть, готовься къ посвященію, назначаю тебя во священники къ Суценгской Воскресенской церкви",—иначе на Борщевикъ. Тамъ-то вотъ и сталъ этотъ, уволенный изъ четвертаго класса Устюжскаго д. училища, человѣкъ благополучно и хорошо прослужившимъ до смерти на Борщевикѣ священникомъ. Паству и церковь онъ любилъ, служить былъ не ленивъ, кротокъ, простъ, незлобивъ, послушенъ. Любила его и паства. Разъ пожаловался ему церковный староста на лѣсного объѣздчика, что тотъ проситъ съ церкви за что-то взятку. О. Стефанъ проучилъ взяточника такъ, что долго разсказывали объ этомъ на Борщевикѣ. Въ одинъ изъ великихъ праздниковъ въ числѣ богомольцевъ былъ въ церкви и этотъ объѣздчикъ. Когда послѣ молебна стоялъ на амвонѣ съ крестомъ въ рукахъ священникъ, то, въ числѣ другихъ, подошелъ ко кресту и объѣздчикъ. А о. Стефанъ, не долго думая, поднялъ крестъ, да и загоготалъ: „Владиміръ Алексѣевичъ! Ты просилъ у старосты церковныхъ денегъ за что-то, я не знаю, но денегъ у насъ нѣтъ. А если слѣдуютъ онѣ съ церкви, то вотъ

возьми этотъ крестъ,—я отдамъ его тебѣ сейчасъ при всѣхъ". И пошелъ несчастный объѣздчикъ отъ креста и священника, а затѣмъ и изъ церкви со стыдомъ, какъ съ братомъ, едва приложившись ко кресту. А это былъ, говорили тогда, взяточникъ широко извѣстный, по своей наглости и безстыдству.

Какъ извѣстно, преосвященный Палладій въ 1873-мъ году былъ переведенъ изъ Вологды на архіерейскую каѳедру въ Тамбовъ, а въ Вологду въ то же время былъ переведенъ изъ Тамбова преосвященный Ѳеодосій Шаповаленко. Это былъ человѣкъ лѣтъ уже 60-ти, кіевлянинъ по рожденію, магистръ и ученикъ по Кіевской д. академіи знаменитаго ея ректора преосвященнаго Иннокентія Борисова. По отзывамъ преосвященнаго Петра Лосева, епископа Пермскаго, бывшаго недолго его сокомъ Устюжскимъ, викаріемъ Вологодской епархіи,—это былъ человѣкъ умный, ученый, знатокъ церковнаго пѣнія и музыки, отчасти и композиторъ, помогавшій ему съ о. Димитріемъ Неклюдовымъ, во время службы въ должности ректора Вологодской семинаріи, положить на поты стихиры изъ чина погребенія: „Самъ единъ сей безсмертный...", „покой, Спасе нашъ, съ праведными..." и другія. Но эти послѣдніе отзывы относительно пѣнія и композиціи, долженъ оговориться, слышалъ я не лично отъ преосвященнаго Петра, а отъ другихъ, нѣсколькихъ лицъ, изъ числа учениковъ его по Вологодской д. семинаріи, пѣвшихъ при немъ въ церковныхъ хорахъ архіерейскомъ и семинарскомъ. Не мое дѣло судить о причинахъ перемѣщенія этихъ епископовъ,—одного на мѣсто другого, хотя бы и попутно, мимоходомъ. Здѣсь я могу ошибиться. Моя обязанность повѣствовать о томъ, что мнѣ извѣстно болѣе или менѣе достовѣрно. Каждый епископъ, вступавшій на Вологодскую каѳедру, при первой возможности, спѣшилъ посѣтить Великій Устюгъ, какъ самый большой и самый древній изъ всѣхъ городовъ епархіи, не исключая и Вологды. Такъ поступилъ и преосвященный Ѳеодосій, по прибытіи на Вологодскую каѳедру. Встрѣча епископовъ, по установившемуся порядку, происходила въ Устюгѣ въ Успенскомъ соборѣ, всегда при полномъ составѣ градскаго духовенства и при большомъ количествѣ гражданъ. Говорились иногда настоятелями собора и привѣтственныя рѣчи, говорили рѣчи и архипастыри, но не всѣ и не всегда. Не говорилъ рѣчи здѣсь, кажется, и преосвященный Ѳеодосій. Но тутъ случилось въ алтарѣ, при представленіи епископу градского духовенства, нѣчто иное, пожалуй оригинально-комичное. Былъ тогда

Дымковскимъ штатнымъ діакономъ нѣкто Ѳеодосій Марковскій, уже слишкомъ 30 лѣтъ состоявшій на службѣ, также лѣтъ 60-ти и также кіевлянинъ по рожденію. Онъ служилъ въ годы юности келейникомъ у преосвященнаго Иннокентія, когда этотъ послѣдній ректорствовалъ въ Кіевѣ, а взятый въ Вологду здѣсь удостоился получить отъ своего до смерти глубоко-любимаго имъ архипастыря штатное діаконское мѣсто въ Устюгѣ на Дымковѣ. И вотъ о. діаконъ Марковскій долго всматривался въ преосвященнаго и наконецъ узналъ его. И простодушный хохолъ, принимая первое благословеніе преосвященнаго Ѳеодосія, тотчасъ же не постѣснялся объявиться.

— А я васъ знаю, владыка,—вдругъ онъ выпалилъ неожиданно для архипастыря и духовенства.

— Какъ это? Скажи, отвѣтилъ епископъ.

— Вы учились въ Кіевской д. академіи?—Да—.

— При ректорѣ Иннокентіѣ? —Да.—

— Вы ходили къ нему часто? А сюртукъ на васъ былъ такой длинный?

— Положимъ, замѣтилъ епископъ.—

— Ну, такъ вотъ вы и есть NN Шаповаленко.—А ты кто?

— Я бывшій келейникъ о. ректора Ѳеодосій. — Марковскій? —Да.—

— Ну, такъ и я тебя знаю. Зайди ко мнѣ и разскажи, какъ ты попалъ сюда, заключилъ этотъ діалогъ преосвященный. А попалъ сюда Ѳеодосій Марковскій просто. Онъ пріѣхалъ въ 1841 году въ Вологду съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, былъ съ нимъ и въ Устюгѣ, гдѣ ему и городъ понравился и большая рѣка Сухона, напоминавшая ему родной Днѣпръ. Когда стало свободнымъ на Дымковѣ въ Устюгѣ штатное діаконское мѣсто, Марковскій, заручившись ходатайствомъ тогдашняго заточенника Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, высокопреосвященнаго Иринея, попросилъ владыку опредѣлить его во дьяконы къ Дымковской Димитріевской церкви и былъ опредѣленъ, гдѣ и прослужилъ честно до смерти. Надобно замѣтить, что преосвященный Иннокентій уважалъ высокопреосвященнаго Иринея, въ свою очередь искренно и высоко цѣнившаго славнаго архипастыря, любившаго и расторопнаго слугу его Марковскаго.

Лѣтъ 10 служилъ преосвященный Ѳеодосій на Вологодской каѳедрѣ епархіальнымъ епископомъ и каждое лѣто ѣздилъ для обозрѣнія церквей своей епархіи. Раза 3—4 онъ бывалъ и въ

Устюгѣ. Но, не думая останавливаться на описаніи этихъ поѣздокъ до службы моей въ должности благочиннаго, отмѣчу только, что пѣвчіе архіерейскаго хора зачѣли при немъ лучше, чѣмъ при его предшественникахъ, преосвященныхъ Павлѣ и Палладіѣ, хотя и не было много хорошихъ голосовъ. Преосвященный Ѳеодосій былъ знатокъ и любитель церковнаго пѣнія, являлся не рѣдко на спѣвки, давалъ указанія и требовалъ тщательной отдѣлки въ исполненіи. При немъ протодіаконствовалъ уже Васильевскій, замѣнившій, по избранію преосвященнаго Палладія, протодіакона Стефана Образцова, опредѣленнаго на должность священника къ Фрязиновской св. Андрея Первозваннаго ц. въ Вологдѣ. Тотъ и другой изъ этихъ протодіаконовъ, хотя и не повторили собою ни силѣ и діапазону голосовъ Яблонскаго, но все-же отличались рѣдкими, счастливыми качествами, въ смыслѣ ихъ незаурядной силы и пріятности. И такъ, оставляя пока воспоминанія о преосвященномъ Ѳеодосіѣ, еще разъ думаю я коснуться жизни сельскаго духовенства, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Вспоминалъ я о многомъ изъ этой области, но ничего не сказалъ еще о томъ, какъ проводили мы праздники церковные и семейные. Въ первомъ благочинническомъ округѣ Устюжскаго уѣзда въ то время было не принято приглашать на праздники для службы мѣстнаго о. благочиннаго. Но сосѣднее духовенство обыкновенно пріѣзжало къ празднику если не къ обѣднѣ, то къ обѣду, по приглашенію и безъ приглашенія, по знакомству. Ѣздилъ и я къ Благовѣщенью, въ Стрѣльну, на Опоку, рѣже въ Лужецкую. Ѣздили и ко мнѣ. Пріятно было побесѣдовать другъ съ другомъ, встрѣтившись у радушнаго хозяина, гдѣ все было просто и сердечно. А если бы не такъ, то не за чѣмъ было-бы и ѣхать. Ѣздили и причетники другъ къ другу и большею частію оставались въ гостяхъ и ночевать. Здѣсь разговоры были уже не умолкающіе, серьезные, служебные, анекдотическіе, разсказы, шутки, веселье. А при хорошей лѣтней погодѣ, одна прогулка по полямъ и лугамъ, и горамъ, какъ на Опокѣ, напримѣръ, — какое наслажденіе. Приходили для поздравленія съ праздникомъ настоятеля и младшіе члены причтовъ, угощались и уходили всегда добрымъ порядкомъ. Священники отдавали имъ визитъ и были принимаемы съ всѣмъ радушіемъ. Чѣмъ же занимались тамъ гости, у о.о. дьяконовъ и причетниковъ? Да тѣмъ же, чѣмъ и вездѣ въ праздничную пору,—пили, ѣли, говорили, пѣли, шутили. Интересно было слушать ученые дебаты пожилыхъ

причетниковъ.—Ну-ка, кто отвѣтитъ на мой вопросъ—„къ одному властелину приходили два мірянина, просили дара дороже міра и царства небеснаго.—Что это? говоритъ одинъ.—„Да ты ужъ шибко высоко хватилъ“, отвѣчаетъ ему другой. „Вѣдь если такъ, то и я спрошу тебя: вознесена Тя видѣвши церковь на крестѣ..., поешь ты, а растолкуй-ка, какъ это церковь на крестѣ? Не ладно; ставятъ вѣдь крестъ на церковь, а не на оборотъ“. И начинаются пренія. Наскучатъ пренія. Побдетъ пѣніе сначала церковное, а потомъ и мірское. Изъ церковныхъ пѣсней любимыми признавались: Сей день Господень, радуйтеся людіе... [1]), „Заступнице усердная“, а старики щеголяли пѣніемъ по нотамъ догматиковъ и задостойника „О Тебѣ радуется, Благодатная...“. Изъ мірскихъ же пѣсней были любимыми—„Комарики, комарики мои...“ и „Черемушку брала, немножко набрала..“. Обѣ пѣсни чисто русскія, народныя, а по напѣву,—первая довольно скорая, а послѣдняя грустная, протяжная, за сердце хватающая. Были и между священниками округа люди съ голосами и любители пѣнія, какъ-то о. Іоаннъ Александровичъ Коржавинъ, нынѣ протоіерей, состоящій еще на службѣ, о. Андрей Петровичъ Нифонтовъ, давно уже умершій, о. Василій Кириловичъ Ванѣевъ, ушедшій въ другую епархію и едва-ли уже здравствующій, о. Николай Алексѣевичъ Поповъ, скрипачъ и регентъ временъ Палладія, въ октябрѣ 1910 года вышедшій за штатъ, по прошенію за болѣзнію, и братъ его о. Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ. У о.о. Нифонтова и Попова послѣдняго были баритоны, думаю, очень недурные, а у всѣхъ прочихъ тенора. Эти люди могли не только спѣть, но и исполнить чистенько нѣкоторыя изъ доступныхъ піесъ духовнаго и свѣтскаго характера и пѣвали, когда бывали вмѣстѣ хотя бы въ числѣ 3-хъ, даже 2-хъ человѣкъ, не дурно. А послѣдній изъ о.о. Поповыхъ такъ страстно любилъ пѣніе, что, не стѣсняясь ни мало, пѣлъ и одинъ, лишь-бы только предложили ему что-нибудь спѣть. Преосвященный Израиль, хорошо знавшій его голосъ и любовь къ пѣнію, бывая въ Устюгѣ, предлагалъ ему всегда или соелужить ему, или помочь пѣвчимъ на клиросѣ. Теперь это уже 70 тилѣтній старецъ, почти утратившій голосъ, но и то назадъ тому 4 года, т. е. въ 1907 году, когда, въ цѣляхъ указанія одному изъ петербургскихъ о.о. діаконовъ, съ большимъ басомъ, но неумѣло читавшему за литургіею Св. Евангеліе, рѣшился прочитать за всенощнымъ бдѣніемъ Евангеліе, съ повышеніемъ голоса, по-діаконски, для примѣра,

[1]) Съ этой именно стихиры начиналось обычно пѣніе.

какъ надо читать его, то получилъ благодарность не отъ одного этого о. діакона, а отъ многихъ любителей красоты церковнаго богослуженія, признавшихъ такое чтеніе Евангелія художественнымъ [1]). Такъ-то и жило въ свое время и проводило свои праздники духовенство нашего округа, порою конечно, припѣвающи. Нельзя же только пѣть и пѣть. Надо побесѣдовать. И вотъ начинались разсказы самаго разнообразнаго характера и содержанія. Одинъ разсказывалъ, какъ одна изъ его прихожанокъ, во время тяжкой болѣзни мужа, съ его согласія, пожертвовала 100 рублей въ церковь на вѣчное поминовеніе, съ доходомъ въ пользу церкви и причта въ извѣстныхъ частяхъ, а когда мужъ ея не умеръ, а выздоровѣлъ, то вытребовала у священника деньги обратно. Другой сообщалъ, что на него была жалоба отъ одного изъ прихожанъ за то, что не устучилъ онъ дороги его коровѣ, могшей будто-бы отъ этого пострадать. Третій увѣрялъ, что во время кажденія на утреннемъ богослуженіи, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, одна молодая женщина, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, громко обратилась къ нему съ такимъ вопросомъ: „батюшка, ты широко шляешься по церкви-то, — не видалъ-ли моей соски? Вишь, (видишь) потеряла ее гдѣ-то“. И такъ далѣе. Извѣстный проповѣдникъ прошлаго вѣка Рыбинскій о. протоіерей Путятинъ въ одномъ изъ своихъ поученій, помнится, замѣтилъ,—„не ровенъ часъ и не равно слово, въ иной часъ иное слово хуже меча“. Бывали разсказы и на эту тему. Одинъ священникъ сообщилъ слѣдующее Въ бытность его діакономъ въ Устюгѣ однажды осенью онъ былъ въ гостяхъ и засидѣлся тамъ долго. Въ виду поздняго времени и совершенной темноты, хозяева дома настойчиво приглашали его у нихъ ночевать. Но онъ храбро отвѣчалъ имъ, что онъ, хотя и выпивши, но еще въ силахъ уйти домой и въ потьмахъ и добавилъ, что не лѣшій же его унесетъ. И пошелъ. Городъ нашъ не имѣлъ понятія тогда объ уличномъ освѣщеніи. Идя по мосточкамъ, онъ былъ уже въ полпути. Но вотъ попадаетъ ему навстрѣчу митрополитъ (такъ звали въ Устюгѣ стараго священника Воскресенской церкви о. Алексѣя Попова). Повстрѣчавшись съ дьякономъ, о. Алексѣй говоритъ: „это ты о. дьяконъ?“ — „Я“, отвѣчалъ ему послѣдній.—„Вотъ, голубчикъ, созвали меня наскоро ребенка крестить,

---

1) А этотъ человѣкъ, по чтенію Евангелія и служенію, придерживается манеры бывшаго Вологодскаго протодіакона Яблонскаго, о которомъ уже не разъ было говорено выше

а пора ночная. За причетникомъ я не посылать, знаешь, живетъ далеко. Пособи мнѣ, другъ, окрестить ребенка". — Да буде не далеко, изволь, а далеко не пойду, отвѣчалъ ему дьяконъ. „Нѣтъ, близко, знаешь вотъ подъ озеромъ домъ такого-то (и назвалъ хозяина по имени)". Ну, изволь, для старика схожу. Идутъ и разговариваютъ. Спустя нѣкоторое время, о. дьяконъ почувствовалъ, что онъ зябнетъ. Далеко ли еще, о. Алексѣй? Я что-то зябну, замѣтилъ ему о. дьяконъ „Да вотъ видишь огонекъ впереди, вотъ тутъ и есть", отвѣчалъ ему батюшка. А о. дьяконъ, буквально задрожавшій отъ охватившаго уже грудь его холода, сказалъ: Господи помилуй!—Что со мной дѣлается... и перекрестился. Перекрестился и прозрѣлъ. Но прозрѣніе его было ужасно. Онъ оказался стоящимъ въ водѣ среди озера близъ земляного моста, а о. Алексѣя уже и слѣдъ простылъ.. Затрепеталъ несчастный дьяконъ не только отъ холода, отъ незнанія, какъ и куда выдти изъ воды, чтобы не утонуть но еще болѣе отъ сознанія, что исконный врагъ людей завелъ его сюда. На крикъ его однако пришли добрые люди и, указавъ ему путь изъ воды, увели его домой. Болѣлъ онъ, или нѣтъ послѣ этихъ крестинъ съ полупьянымъ самозванцемъ, я не знаю, но если и болѣлъ, то не долго. А разсказъ другого священника я нахожу болѣе удобнымъ передать отъ своего лица. Когда былъ живъ сосѣдъ и духовникъ мой Благовѣщенскій священникъ о. Ѳеодоръ Іоанновичъ Поповъ, возвращаясь однажды лѣтней порою изъ Устюга домой, я остановился у него, какъ всегда, побесѣдовать и чайку напиться. Послѣ чаю и ужина я сталъ собираться ѣхать домой. Ночь была совершенно свѣтлая. Хозяинъ хозяйка меня упрашивали ночевать. На меня нашло какое-то странное упрямство. Я смѣялся и говорилъ: три ночи просижу, а не ночую Тогда хозяинъ говоритъ шуточно: „а вотъ я посажу тебѣ въ тарантасъ чертика,—и не уѣдешь".—Ну, и нашелъ, чѣмъ пугать. отвѣчалъ я, садите, сколько угодно, всѣхъ чертей увезу. Простились Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ. Лошадь была запряжена и ямщикъ сидѣлъ на козлахъ. Провожавшій за ворота своего двора добрый хозяинъ еще отсюда кричалъ мнѣ въ слѣдъ: „воротись, ночуй, уѣдешь завтра". Но я только махнулъ ему шляпой въ знакъ искренней благодарности и поѣхалъ. На разстояніи 150 саженъ отъ гостепріимнаго дома, проѣзжая дорога шла полемъ, гдѣ и спускалась подъ большую гору. Лошадь у меня была столько сильная, столько же и умная. Вполнѣ надѣ

лсь, что подъ гору спустится она скромно, не рванется бѣжать, я сталъ устраиваться въ тарантасѣ, чтобы поудобнѣе было лечь и уснуть и какъ-то невзначай оглянулся назадъ на пѣшеходную дорожку, идущую изъ города прямо полемъ, минуя село. И что же я увидѣлъ? Идетъ по этой дорожкѣ изъ Устюга моя жена, идетъ и улыбается.—Что такое? что за чушь!.. Жена осталась дома, а тутъ вдругъ идетъ ночью одна изъ Устюга пѣшкомъ, съ платкомъ на рукѣ и кофтой. Крайне удивленный, я закричалъ ей, что бы шла поскорѣе и разсказала, что значитъ ея непонятное путешествіе. А она была уже саженяхъ въ 30-ти отъ меня и шла неторопливо. Когда же я на этомъ приблизительно разстояніи заговорилъ с нею, вдругъ меня сборвалъ мой почтенный ямщикъ Илья В.сильевичъ: —„Батюшка, ты съ кѣмъ и что говоришь?“ А я гнѣвно замѣтилъ ему, „Слѣпой, останови лошадь, — не видишь что-ли? Вонъ идетъ моя попадья!“ Тогда ямщикъ, моментально остановивъ лошадь, тревожно сказалъ мнѣ: „что ты, Богъ съ тобой!.. нигдѣ никого нѣтъ“. Я снова оглянулся назадъ, но, не увидѣвъ тамъ жены, подумалъ, что она успѣла подбѣжать и отъ меня спрятаться гдѣ-нибудь уже около тарантаса, или во ржи, выметавшейся на колосъ. Вышелъ я изъ тарантаса, обошелъ кругомъ его и лошади, посмотрѣлъ въ поле во всѣ стороны и нигдѣ никого не увидѣлъ. Стояла мертвая тишина ночи. Мнѣ стало жутко. Я понялъ, что меня искушалъ, за необдуманныя слова, врагъ привидѣніемъ. Мелькнула мысль о томъ, чтобы вернуться и переночевать у о. Ѳеодора. Но зная, что онъ будетъ потомъ меня, за трусость, вышучивать, тотчасъ же отбросилъ эту мысль. Посмотрѣлъ за тѣмъ съ чувствомъ вѣры и раскаянія, за легкомысленное празднословіе, на сіяющіе отъ зари кресты храма Божія, перекрестился самъ, благословилъ ямщика, крестомъ же осѣнилъ тарантасъ и лошадь, улегся въ немъ и, приказавъ ѣхать съ Богомъ впередъ, заснулъ не сномъ праведника, но крѣпкимъ сномъ безшабашнаго человѣка. Прошло часа 3, когда, при благополучной ѣздѣ, по хорошей дорогѣ въ тихую іюльскую ночь, я могъ бы и долженъ бы быть дома, слышу, что Илья —ямщикъ меня будитъ.—Что случилось? Или мы уже дома?—говорю.— „Нѣтъ, батюшка, вотъ видишь“, говорилъ скорбно мой ямщикъ, „сбился съ дороги, измучилъ лошадь и вотъ не знаю, куда дальше и ѣхать“. Мы оказались уже не на дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нея, въ какой-то рытвинѣ, изрѣзанной огородами и между двумя деревнями, куда не было никакого пути. Едва узнавши деревни,

я направилъ лошадь въ одну изъ нихъ, для чего и распорядился разобрать огороды въ нѣсколькихъ мѣстахъ. И когда мы пріѣхали въ деревню Фалёво, было утро, солнце на горизонтѣ стояло высоко. А взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что мой Илья цѣлыхъ 3 часа убилъ на поѣздку съ погоста до Фалева, на разстояніи 6-ти верстъ, тогда какъ, при благополучной ѣздѣ, довольно было-бы и получаса времени. Что же было съ тобою? спрашивалъ я ямщика.—„Да ничего, батюшка, только вездѣ казались мнѣ новыя дороги, между ними своей-то дороги и не могъ я находить.— Поѣду по одной,—вижу не ладно. поѣду по другой—опять не ладно. И всю ночь вотъ такъ и ѣздилъ, пока не доѣхалъ до того, что не увидѣлъ возможности двигаться ни взадъ, ни впередъ [1]). Дали здѣсь мы порядочно отдохнуть лошади, остановившись у знакомаго крестьянина, который и чайкомъ насъ напоилъ и завтракомъ накормилъ и на дорогу направилъ. Эта деревня находится въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги по крайней мѣрѣ на версту. И за тѣмъ уже около полудня прибыли мы домой благополучно. Жена моя, разумѣется, ни на шагъ не отлучалась изъ дома Да, похвальное слово гнило, говоритъ и народная мудрость. Хотѣлъ молодой, но осторожный на словахъ человѣкъ всѣхъ чертей увезти, а между тѣмъ согрѣшилъ, измучился и съ однимъ!.. Въ распоряженіи пожилыхъ священниковъ такихъ разсказовъ много, но пусть они, если угодно, повѣдаютъ о нихъ добрымъ людямъ сами. А для моихъ цѣлей довольно и этихъ двухъ. Бывая вмѣстѣ, иногда и священники дѣлали экскурсіи въ области то богословскую, то философскую. Нѣкоторое время моихъ современниковъ занимали вопросы, давно уже рѣшенные, но не всѣмъ извѣстные. Напримѣръ—были ли сестры у Матери Божіей? Почему она смиренная была на бракѣ въ Канѣ Галилейской не только въ гостяхъ со своимъ Божественнымъ Сыномъ и Его учениками, но какъ-бы хозяйкою, или по крайней мѣрѣ лицемъ. близкимъ къ хозяйкѣ дома? На какое таинственное обстоятельство въ жизни Наѳанаила указываетъ Спаситель, говоря ему: прежде, чѣмъ пригласилъ тебя Филиппъ, „подъ смоковницею видѣхъ тя“? Или какіе историческіе факты послужили основаніемъ для ирмоса—„изъ пламене преподобнымъ росу источилъ еси и праведнаго жертву водою попалилъ еси?..“. Почему въ книгѣ Іова замѣчено отъ лица Божія, что ни раньше, ни

[1]) Необходимо замѣтить, что этотъ ямщикъ мой былъ человѣкъ совершенно трезвый

послѣ, а именно „егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ великимъ вси ангели Мои“? и проч. и проч. И время летѣло незамѣтно. Веселились мы, какъ видите, тѣлесно и духовно. А на другой день праздника почему-то бывали шутки съ ранняго утра начинавшіяся, если конечно не было церковной службы. А если она должна быть, то обычно служилъ младшій изъ священниковъ, по возрасту. Помнится, когда я былъ на одномъ праздникѣ въ Сараевѣ Никольскаго уѣзда (родина моей матери), раннимъ утромъ, ни свѣтъ, ни заря, идетъ ко мнѣ и поетъ покойничекъ о. Василій Бѣлоруссовъ, Кишенгскій священникъ—старичекъ, весьма полюбившій меня: „я украдуся, да нагуляюся, со милымъ дружкомъ повидаюся“. Пришелъ онъ и весь домъ поставилъ на ноги, говоря, что не спать-молъ пріѣхали. А въ другомъ мѣстѣ одинъ молодой священникъ поутру на другой день праздника заготовилъ ломтями рѣдьки и припряталъ ее. А когда хозяйка дома, приготовивъ рыбу и для пироговъ съ ней тѣсто, угощала гостей въ горницѣ чаемъ, онъ ушелъ въ кухню и задѣлалъ въ тѣсто рѣдьку и рыбу, такъ что получилось, вмѣсто 5-ти пироговъ съ рыбой, 3 съ рыбой, да 2 съ рѣдькой. А прислугѣ строго-на-строго приказалъ сказать хозяйкѣ, что пироги съ рыбой готовила она. Прислуга повиновалась. Представьте же изумленіе хозяйки и удивленіе гостей, когда, вмѣсто ожидавшейся въ пирогѣ стерляди, оказалась за обѣдомъ рѣдька! Какъ на зло и попалъ на столъ къ обѣду пирогъ съ рѣдькой. А когда пирогъ этотъ былъ замѣненъ другимъ и разъяснилось дѣло, тогда только увеличилось веселье.—„Такъ живали при Аскольдѣ наши дѣды и отцы“. Не помянемъ же ихъ лихомъ.

Наступилъ 1877 годъ. Лѣтомъ этого года стало праздднымъ священническое мѣсто въ Устюгѣ при Спасовсеградской церкви. Устюжскіе граждане меня знали и многіе уважали. Въ эти годы я служилъ гласнымъ отъ сухонскихъ крестьянъ въ Устюжскомъ земствѣ и былъ членомъ-ревизоромъ и членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта. И вотъ пришла въ голову мнѣ мысль просить владыку о перемѣщеніи меня въ Устюгъ къ Спасовсеградской церкви, гдѣ надѣялся устроиться спокойно и хорошо. Прошеніе было подано, но я переведенъ былъ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, вмѣсто Спасской церкви, въ Устюжскій Успенскій соборъ, а къ Спасской церкви перемѣщеннымъ оказался мой товарищъ по семинаріи о. Димитрій Васильевичъ Поповъ, священникъ Пушемской Ни-

колаевской церкви Никольскаго уѣзда. Можетъ быть дальновидный архипастырь хотѣлъ сдѣлать мнѣ, какъ сельскому священнику, честь, перемѣщая меня въ соборъ виднаго уѣзднаго города, но я взглянулъ на дѣло иначе и переходить въ соборъ не желалъ. Дѣло такимъ образомъ затянутось и осложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ тоже время былъ назначенъ одинъ изъ священниковъ Кадниковскаго уѣзда, явившійся въ Е...у, по данной ему изъ Вологды телеграммѣ, когда я нетолько не получилъ еще указа о перемѣщеніи, но и не слыхалъ ничего о всѣхъ этихъ перемѣщеніяхъ. Не поскучайте, добрый читатель, если я войду по этому случаю въ нѣкоторыя подробности. Въ первыхъ числахъ октября 1877 года, среди бѣлаго дня, сидѣлъ я однажды въ кухнѣ своего дома. Приходитъ нищая старуха и сообщаетъ новость, что въ Е...у, т. е. на мое мѣсто, пріѣхавъ съ семействомъ и имѣніемъ новый священникъ. — „Какъ? ты его видѣла? — Гдѣ онъ?“ „Видѣла, такой смуглый, волосатый, сейчасъ пришелъ онъ только съ лодки и остановился у Виктора Ивановича — псаломщика“. А меня-то куда же направляютъ и почему нѣтъ мнѣ указа, думалъ я и говорилъ. Жена и я встревожились. По справкѣ оказалось, что нищая старуха говорила правду. Вечеромъ пригласилъ я къ себѣ новаго священника. Это былъ о. В. В. М...овъ, здравствующій и служащій нынѣ при одной изъ богатыхъ церквей г. Устюга. Онъ сказалъ мнѣ, что я перемѣщенъ въ соборъ, а онъ, заручившись оффиціально телеграммой изъ консисторіи, или канцеляріи епископа, уже не помню, поспѣшилъ пріѣхать сюда, чтобы воспользоваться навигаціей, могущей скоро прекратиться. Я предложилъ ему, не будетъ ли онъ согласенъ перейти на мое мѣсто въ соборъ, а я предпочелъ-бы остаться въ Е...ѣ и на расходы по дальнѣйшему движенію къ Устюгу назначилъ ему 50 рублей. Предложеніе мое онъ принялъ безъ возраженій. Тотчасъ же было написано и заподписано наше обоюдное прошеніе епископу Ѳеодосію и въ ту же ночь отправлено съ нарочнымъ въ Устюгъ на почту. Прошли сутки. Смутилъ о. В. В.. ча одинъ добрый человѣкъ, выяснившій ему, что будтобы соборное священническое мѣсто, въ смыслѣ доходности, стоитъ не выше псаломщическаго мѣста въ Е...ѣ. И началась путаница. Онъ въ Устюгъ, и я туда же. Онъ бросился на почту, чтобы снять наше обоюдное прошеніе, но почтмейстеръ Михайловскій, знавшій меня лично, прошенія ему не выдалъ. Тогда онъ подалъ отказъ этъ обоюднаго прошенія и

чѣмъ его мотивировалъ я не знаю. А я, получивъ отъ о. благочиннаго указъ о перемѣщеніи въ соборъ, поѣхалъ домой, чтобы ожидать тамъ развязки дѣла. Снова послѣдовала резолюція преосвященнаго о перемѣщеніи меня въ соборъ, а М...ва въ Е...у. Дѣлать было болѣе мнѣ нечего. Рванулся было я ѣхать въ Вологду, чтобы просить лично епископа оставить меня на прежнемъ мѣстѣ, и уже проѣхалъ полтораста верстъ, но, въ виду большихъ путевыхъ расходовъ и ненастной погоды, вернулся и сталъ собираться въ Устюгъ. Прихожане, замѣчая, что мнѣ не хочется отъ нихъ уѣзжать, готовы были сдѣлать все, что угодно, но руководить ими я не могъ, въ виду обострившихся отношеній между мною и о. М...ымъ. Посему, отдавшись въ волю Божію, я поручилъ женѣ приготовить все необходимое къ отправкѣ, а самъ поѣхалъ на службу въ Устюжскій Успенскій соборъ. Между тѣмъ Е...іе прихожане не успокоились. Руководимые мѣстнымъ учителемъ земской школы Н. В. Ермолинымъ, они подали преосвященному Ѳеодосію поголовное прошеніе, за подписью всѣхъ домохозяевъ прихода, о томъ, чтобы онъ соблаговолилъ оставить меня навсегда пастыремъ ихъ. Я конечно скоро узналъ объ этомъ но, послѣ двухъ резолюцій епископа въ одномъ и томъ же смыслѣ, на успѣхъ ходатайства моихъ добрыхъ прихожанъ уже не надѣялся. Но говорятъ, что утопающій хватается за соломинку. Такъ и я рѣшился просить Николая Ивановича Суворова и о. Николая Лавдовскаго, члена Консисторіи, взять на себя трудъ объяснить преосвященному, что перемѣщеніе меня изъ Е...я въ соборъ, кромѣ раззоренія, не принесетъ мнѣ никакой пользы, а только разстроитъ моихъ прихожанъ, да запутаетъ дѣло объ уплатѣ тысячныхъ долговъ кредиторамъ, по сдѣланной въ томъ году покупкѣ двухъ большихъ колоколовъ, вѣсомъ болѣе 180 пудовъ. Время шло. Вологда молчала. О. Мудровъ служилъ въ Е...ѣ, а я въ Устюжскомъ Успенскомъ соборѣ. Наступилъ уже ноябрь. Осень была теплая и продолжительная. И я, отслуживъ въ соборѣ двѣ недѣли сряду, пришелъ въ Е...у изъ Устюга пѣшкомъ, чтобы отслужить тамъ прощальную обѣдню и воспользоваться водянымъ путемъ, для отправки домашняго скарба въ Устюгъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и самому съ семействомъ уѣхать туда же въ лодкѣ. Наступилъ и послѣдній день моего пребыванія въ Е...ѣ. О. В...ъ благосклонно разрѣшилъ мнѣ совершить послѣднее богослуженіе, а самъ предпочелъ, не участвуя въ немъ, молиться въ другомъ алтарѣ храма. Еще къ заутрени

шли большими толпами мои прихожане, узнавшіе, что служу у нихъ въ храмѣ я въ послѣдній разъ. А къ обѣднѣ собрались они въ такомъ множествѣ, что нетолько церковь, но и церковная площадь была запружена народомъ. Пришло время говорить прощальное слово. Вышелъ я на амвонъ, взглянулъ на народъ. Народъ плачетъ, женщины стонутъ. Заплакалъ и я. И только вдоволь наплакавшись и собравъ всѣ силы духа, едва я могъ сказать кое-какъ свое прощальное слово *). Народъ рыдалъ, рыдалъ и я. Но вотъ богослуженіе кончилось, а народъ не расходился, онъ хотѣлъ еще видѣть меня и просилъ сказать имъ,— что дѣлать, чтобы вернуть меня къ нимъ обратно. Но что я могъ сказать? Я говорилъ только: прощайте, молитесь и не поминайте меня „лихомъ". Приближался вечеръ. Я уже простился со всѣми. Наѣхало много людей на лошадяхъ, имущество мое все увезено было уже на плотъ на рѣку Сухону, протекающую въ одной верстѣ отъ церкви. Въ домѣ оставались только одинъ столъ, да 2—3 стула. Меня окружали псаломщикъ Викторъ Ивановичъ Пономаревъ, учитель Николай Васильевичъ Ермолинъ съ семьями, да человѣкъ 20—30 особенно близкихъ ко мнѣ прихожанъ. Не было только того, кто ввелъ въ искушеніе о. В. В. М...а. Но да проститъ его Богъ! Оставалось распорядиться, чтобы плотъ съ имуществомъ отправлялся, и я распорядился и готовъ былъ уже сѣсти на лошадей, чтобы уѣзжать съ семьею на рѣку. Но вотъ вошелъ въ кухню еще новый человѣкъ, одинъ изъ особенно уважаемыхъ мною прихожанъ Д. Е. Менькинъ, не бывшій у обѣдни.—„Ну, здравствуй, другъ!" говорилъ ему я. „а ты не былъ у обѣдни и вотъ уже едва засталъ меня здѣсь, я сію же минуту уѣзжаю въ Устюгъ.—Прощай, другъ!" А онъ, вынимая изъ своего бумажника что-то, отвѣчалъ, что онъ сейчасъ идетъ изъ Устюга и зашелъ сюда нарочно для того, чтобы успѣть передать мнѣ вотъ письмецо отъ Александра Андреевича Петрова, у котораго квартировали обучающіяся тамъ въ духовномъ училищѣ мои дѣти. Смотрю. Телеграмма. Толпа друзей и семья меня окружили. Моментъ роковой и рѣшительный. Вскрываю дрожащими руками и читаю: „изъ Вологды. Священнику А. П...у. Переведены М...овъ въ соборъ, П...овъ въ Е...у. Секретарь Чуринъ". Смотрю еще, смотрю на даты—часы, число, мѣсяцъ, годъ и глазамъ не вѣрю. А мнѣ кричатъ: да не мучьте насъ,

*) Слово это записано только въ лѣтописи Е.. У...ой церкви, печатать проповѣдей своихъ я не любилъ, а рукопись не сохранилась.

читайте. И когда самъ я и другіе прочитали телеграмму нѣсколько разъ и убѣдились въ томъ, что совершилось, то произошло нѣчто невообразимое,—кто смѣялся и отъ радости плакалъ, кто Богу молился, выйдя въ другія комнаты, а кто прыгалъ и скакалъ, какъ прыгаютъ отъ радости дѣти. Но кто-то опомнился сравнительно скоро, только не я, что необходимо остановить плотъ съ имѣніемъ, а то онъ уплыветъ далеко. Тотчасъ же нашлись люди, бросившіеся за плотомъ на нѣсколькихъ лошадяхъ въ погоню, и, настигши его уже на двѣ версты ниже мѣста отправки, приказали причаливать, сняли съ него все имущество и замѣчательно быстро доставили мнѣ его въ совершенной цѣлости и сохранности, конечно безплатно и впередъ и обратно.

Вотъ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ, великихъ дней въ моей священнической жизни. Этотъ день показалъ мнѣ, что 14 лѣтъ прослужилъ я священникомъ, хотя и просто, но не напрасно. Онъ мнѣ показалъ, какъ и самъ я любилъ свою паству, не вѣдая того, какъ и добрая паства любила меня. Онъ научилъ и вразумилъ меня больше, чѣмъ всѣ системы пастырскаго богословія, взятыя вмѣстѣ Онъ внушительно далъ понять мнѣ, что благо человѣку, выступающему на пастырское служеніе съ искрою любви къ Богу и людямъ. А гдѣ любовь, тамъ и Богъ, споспѣшествующій всѣмъ—и пастырямъ и пасомымъ,—во благое.— Да, чудный былъ это день,—день трогательный и глубоко поучительный, незабвенный день, данный мнѣ милостію Божіей, при посредствѣ добрѣйшихъ о. Николая Лавдовскаго и Николая Ивановича Суворова, потрудившихся и сумѣвшихъ разъяснить запутанное дѣло мое передъ епископомъ съ непреклонною волею.— Вѣчная память моимъ почившимъ благодѣтелямъ!

Чтобы покончить съ тревожнымъ для меня и Россіи 1877 годомъ, въ которомъ послѣдовала война съ Турціей, въ защиту угнетаемыхъ его славянъ Балканскаго полуострова, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Передъ поѣздкою моею въ Москву за покупкою для церкви колоколовъ, о чемъ было разсказано въ одной изъ предъидущихъ главъ моихъ воспоминаній, была объявлена война Манифестъ объ этомъ былъ обнародованъ мною въ своей приходской церкви передъ молебномъ, въ воскресный день 15 мая 1877 года. А такъ какъ выше, въ своемъ мѣстѣ, говорено было кое-что и о моихъ проповѣдническихъ трудахъ, а образцовъ этихъ трудовъ заявлено не было, то я пользуюсь случаемъ отдать на судъ моихъ читателей сохранившуюся какъ-то

случайно рѣчь мою, по прочтеніи манифеста о войнѣ съ Турціею, передъ самымъ молебномъ. Вотъ эта рѣчь, сказанная сельскимъ священникомъ въ своей приходской церкви, назадъ тому 33 года слишкомъ. „Итакъ вотъ чѣмъ кончилось, прав. братіе“, говорилъ я, „почти двухлѣтнія томленія русскаго народа за злосчастную судьбу нашихъ братьевъ-славянъ, — войною, войною нашею!... И для Россіи настало другое, но великое время борьбы съ давнимъ врагомъ нашей вѣры и братьевъ, некрещеным варваромъ туркомъ! Глубоко скорбѣла Россія, тяжко скорбѣлъ и нашъ Царь Православный, видя ужасныя страданія и безпощадныя избіенія единокровнаго и единовѣрнаго съ нами народа. Дорожа однакоже русскою кровью, нашъ Царь-Отецъ хотѣлъ мирнымъ путемъ, безъ войны, добиться отъ Турціи спокойной жизни для бѣдныхъ славянъ. Но увы! Исчерпавъ до конца всѣ миролюбивыя усилія, Государь Императоръ и въ концѣ концовъ, какъ въ началѣ, встрѣтилъ въ Турціи одно лишь дикое и дерзкое упрямство, с продолженіемъ слишкомъ извѣстныхъ всѣмъ и каждому звѣрствъ и избіеній. Война!—раздалось по свѣту властное царское слово. Россія встрепенулась, перекрестилась и... войска наши уже тамъ лицемъ къ лицу передъ лютымъ врагодъ. И наши храбрые воины, и вся наша матушка Русь православная,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы постоять грудью, до смерти, за своихъ братьевъ славянъ, за Царя Отца, за свою вѣру православную, лишь бы укротить звѣрскую лютость врага. Останемся-ли мы одни,—дѣти далекаго сѣвера, но съ горячею кровью вѣрныхъ сыновъ Царя и Родины, простыми зрителями грозныхъ событій, хотябы и небезучастными въ нѣкоторой степени?—О, нѣтъ и нѣтъ! Русское оружіе, хорошо знакомое врагамъ нашимъ, не въ однѣхъ рукахъ только русскаго воинства. Оно есть и у насъ. И мы можемъ, и мы должны помочь нашимъ оружіемъ Царю и воинамъ. Знаете-ли, братіе, свое оружіе? Умѣете-ли владѣть имъ? Если знаете и умѣете владѣть имъ,—это хорошо, очень хорошо! Наше оружіе крѣпче свинца и желѣза, лучше пороха и пушекъ. Оно никого не бьетъ, а все побѣждаетъ! Вы понимаете, что я говорю о молитвѣ. Единодушная молитва народа, одушевленнаго св. вѣрою въ Бога, помощника правому дѣлу,—всего можетъ достигнуть, все можетъ сдѣлать даже тамъ, гдѣ не беретъ уже никакая сила страшныхъ военныхъ орудій. Эта сила, въ союзѣ съ вѣрою, спасая насъ, въ тоже время, въ случаѣ нужды, побѣждаетъ царства, загра-

ждаетъ пасти львовъ голодныхъ, угашаетъ пламень огненный, притупляетъ остріе мечей и обращаетъ въ бѣгство полки враговъ и при всемъ этомъ остается неуязвимою и неистощимою (Евр. 11. 33. 34). Такъ велика и чудодѣйственна эта сила! Вотъ какое чудное оружіе есть, братіе, въ нашемъ распоряженіи, въ нашихъ рукахъ! И вотъ, объявляя врагу войну, нашъ Государь ничего отъ насъ пока не требуетъ, кромѣ одной помощи Ему молитвою. Но это уже такое требованіе, которое просто и легко намъ исполнить.—Молитва за Царя и Отечество—это всегдашняя наша обязанность. Нынѣ-ли, когда она особенно нужна, забудемъ мы молитву!—Нѣтъ! Пусть знаютъ всѣ,—и нашъ Царь-Отецъ, и Родина—мать, и враги наши турки, что и утромъ рано, и вечеромъ поздно, и дома, и въ церкви мы православные русскіе люди не перестанемъ пользоваться своимъ оружіемъ, т. е. молитвою за Царя и Отечество, за братьевъ славянъ и за христолюбивое побѣдоносное всероссійское воинство! Но чтобы наши слова и обѣты въ тоже время стали и дѣломъ, — сейчасъ же начнемъ эту святую молитву. — Благослови, Господи .. Аминь."

Послѣ казавшагося уже невѣроятнымъ возвращенія моего изъ Устюжскаго Успенскаго собора на мѣсто прежней моей службы, мои отношенія къ прихожанамъ стали еще внимательнѣе, а отношенія ихъ ко мнѣ такія, какихъ только желать можно. Они шли ко мнѣ во всякой нуждѣ, кромѣ нужды въ деньгахъ, которыхъ у меня не было, и они прекрасно знали объ этомъ. А излишки хлѣба обыкновенно каждогодно раздавалъ я бѣднякамъ, до послѣдняго зерна. Надо-ли мужичку сына женить, или родителямъ дочь замужъ отдавать,—они шли за совѣтомъ ко мнѣ. Болѣзнь, или горе приключится, въ той или другой семьѣ,—опять ко мнѣ. Дошло до того, что съ больною скотиною обращались ко мнѣ. Надобно было помогать людямъ, а стало быть надо было и изучать и медицину, и хозяйство, и жизнь. Не много я зналъ въ этихъ областяхъ знанія, но, по мѣрѣ пониманія и знанія, подавалъ и совѣты. И прекрасно текла моя пастырская жизнь, среди добрыхъ прихожанъ, гдѣ уже въ каждомъ семействѣ я былъ какъ дома. Никто даже въ критическіе моменты меня не обманывалъ, зная, что лучше сказать правду, чтобы получить добрый совѣтъ, участіе, помощь. А при обманѣ, къ которому есть склонность, къ сожалѣнію, въ нашемъ народѣ, я былъ уже плохой помощникъ. Это всѣ и давно уже знали. И со стороны начальства я встрѣчалъ вниманіе. Одно только

порою смущало меня — это увеличеніе семьи, при неимѣніи средствъ на ея образованіе, да измѣнившееся въ 1874 году здоровье. Правда, оно мало-по-малу поправлялось, говоря вообще, но поправлялось очень медленно. И я жилъ,—не тужилъ, отдавая все свое вниманіе церкви, приходу, школѣ и своему сельскому хозяйству. Къ 1882 году здоровье мое поправилось хотя еще и не совершенно, но уже такъ значительно, что опасенія близкой смерти рѣже и рѣже стали печалить меня. Такимъ образомъ тихо, мирно и благополучно встрѣтилъ я и 1882 годъ, удивившій меня новою неожиданностію.

Необходимо замѣтить, что преосвященный Ѳеодосій былъ человѣкъ уже не молодой и, казалось бы, уже утомившійся отъ служебныхъ трудовъ, но онъ всматривался въ дѣла и людей внимательно и, по складу ума и характера, поступалъ неторопливо, твердо и основательно. Онъ нашелъ, что распредѣленіе границъ благочинническихъ округъ въ въ епархіи, и по количеству церквей и по разстоянію, сдѣлано при преосвященномъ Павлѣ неправильно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что выборное начало, дарованное добрымъ епископомъ Павломъ, мало дало духовенству добраго, почему и распорядился, чтобы границы благочинническихъ округовъ были консисторіею пересмотрѣны и исправлены, а выборные о.о. благочинные постепенно замѣнены новыми, по личному усмотрѣнію, епархіальнаго епископа. Разумѣется, рядовое сельское духовенство отдаленныхъ отъ губернскаго города уѣздовъ ничего не слышало объ этомъ, когда это дѣлалось, а узнало лишь тогда, какъ совершилось и объявилось. Первый округъ Устюжскаго уѣзда, въ которомъ я родился и имѣлъ честь служить, при преосвященномъ Павлѣ раздѣленъ былъ на два, и въ одномъ изъ нихъ находились церкви: Симоно-Воломская, Опоцкая, Стрѣленская, Луженгская, Ерогодская, Благовѣщенская, Крестовоздвиженская, Будринская, Пятнице-Погорѣловская, Бобровниковская, двѣ Шемогодскихъ, Морозовская, Щекинская и Шарденгская Николаевская, а въ другомъ — Городищенскія— Богоявленская и Всесвятская, Устье-Городищенская, Березово-Слободская, Уфтюжскія Николаевская и Преображенская, Димитріево-Наволоцкая, Бобровская, Сученгскія М.-Архангельская и Воскресенская, Боброво-Николаевская и Кишкинская. Въ первомъ округѣ былъ благочиннымъ Крестовоздвиженскій священникъ о. Григорій Васильевичъ Старостинъ, а во второмъ Березово-Слободскій священникъ о. Ѳеодосій Іоанновичъ Малевинскій,—

оба выборные. Наступилъ мартъ 1882 года, когда былъ уже великій постъ. Я былъ дома, когда принесли мнѣ почту, съ нетерпѣніемъ въ деревнѣ всегда ожидаемую. Смотрю,—пакетъ изъ консисторіи. — Опять, видно, слѣдствіе. И какъ неудобно для священниковъ, думаю, производство слѣдствій великимъ постомъ! Вскрываю пакетъ и читаю указъ, изъ котораго вижу, что два нашихъ благочинническихъ округа снова соединены въ одинъ, какъ было и раньше, съ отчисленіемъ лишь церквей Шемогодскихъ, Царе-Константиновской и Бобровниковской ко второму, т. е. Двинскому округу, и церквей Морозовской, Щекинской Іоанно-Богословской и Шарденгской Николаевской къ четвертому, т. е. Югскому. И при этомъ благочинные Старостинъ и Малевинскій,—оба уволены отъ должности благочинныхъ, по распоряженію преосвященнаго, и вмѣсто ихъ благочиннымъ назначенъ я... Чудное дѣло! Мечталъ я когда-то объ этой должности и пересталъ мечтать, познакомившись близко съ людьми и жизнію, и вотъ когда увидѣлъ, что я уже благочинный, по избранію духовенства, искавшаго, въ лицѣ благочиннаго не совѣтника опытнаго, не руководителя умнаго, а только потворщика въ лѣни и немощахъ нравственныхъ, а по избранію уже давно сердечно чтимаго мною архипастыря, я почувствовалъ себя глубоко удовлетвореннымъ и, призвавъ Бога на помощь, по совѣту жены, замѣтившей во мнѣ нѣкоторое колебаніе, рѣшился служить благочиннымъ. Надобно было ѣхать мнѣ, для принятія дѣлъ къ тому и другому изъ моихъ предшественниковъ, по должности благочиннаго, и я поѣхалъ сначала къ о. Старостину, жившему только въ 30-ти верстахъ отъ моего мѣста жительства, а потомъ и къ о. Малевинскому — уже въ 120 верстахъ изходившемуся. Оказалось, что ни тотъ, ни другой изъ нихъ, какъ и я, ровно ничего не знали о случившемся и указовъ объ увольненіи еще не получили. Тяжело, страшно тяжело было мнѣ сообщить имъ печальную для нихъ новость, но сообщить было нужно. Зная самолюбіе о. Старостина, я спрашивалъ сначала его о томъ, нѣтъ-ли какихъ слуховъ о новостяхъ по духовному вѣдомству въ нашей епархіи. Онъ отвѣчалъ, что ничего не слыхалъ и, угощая чаемъ и наливочкой, разсказывалъ мнѣ не безъ самодовольства, что всю годовую отчетность и нынѣ написалъ своею рукою и сдалъ своевременно и не стѣсняясь заявлялъ, что, по служебной исправности, онъ въ епархіи благочинный не изъ послѣднихъ. Но когда, напившись чаю, подалъ я ему, для про-

чтенія, свой указъ, тогда онъ рѣшительно растерялся и закричалъ, какъ нервная женщина. Чтобы дать время ему успокоиться, я уѣхалъ на сутки въ Устюгъ, а онъ между тѣмъ, получивъ указъ, приготовилъ къ сдачѣ дѣла и деньги по книгамъ и на обратномъ пути моемъ передалъ мнѣ весь архивъ даже, въ полной исправности. А о. Малевинскаго, пріѣхавъ въ Березовую Слободу, гдѣ онъ священствовалъ, я нашелъ на печи въ кухнѣ, куда завалился онъ отдохнуть, пообѣдавши. Этотъ человѣкъ отнесся къ своему увольненію совершенно равнодушно.—„Пусть и 9 лѣтъ прослужилъ я благочиннымъ“, говорилъ онъ, „но какой же я благочинный!—Наше ли дѣло служить нынѣ благочиннымъ! Дѣлай то, дѣлай другое,—дѣла все новыя,—а я вотъ и отчетовъ годовыхъ самъ составить не могу! Помогали люди, иногда, замѣтно, злоупотреблявшіе моимъ довѣріемъ, да не лучше меня и дѣло знавшіе. Хорошо, что совершенно меня еще не запутали.. “Очевидно, онъ зналъ уже, что путаницы были и есть, да и порядочныя, пришлось распутывать ихъ мнѣ. Къ счастію удалось исправить эти путаницы, безъ дурныхъ для него послѣдствій. Этотъ о. благочинный меня уже не только чаемъ напоилъ, но и свѣжей ухой накормилъ. Канцелярская сторона дѣла, чѣмъ всегда кичился о. благочинный Старостинъ, у о. Малевинскаго была плоховата, но злоупотребленій не было и денегъ, по книгамъ и въ наличности, не оказалось, кромѣ незначительнаго количества попечительскихъ, въ согласіи съ книгами. Заполучивъ документы и архивъ, я поспѣшилъ домой. Это было въ пятницу на одной изъ недѣль великаго поста. Сдѣлавъ верстъ 20, я остановился въ селѣ „Дмитріевѣ“, гдѣ священствовалъ мой бывшій сосѣдъ, по приходу о. Евѳимій Михайловичъ Щукинъ. Это былъ простѣйшей души человѣкъ, еще стараго времени, т. е. совершалъ богослуженіе, исполнялъ требы и больше ни о чемъ уже не помышлявшій. Дадутъ ему что-нибудь за труды—спасибо, а не дадутъ,—и не надо, говорилъ. Прихожане такъ злоупотребляли его простотою, что не рѣдко вынуждали его, уже не молодого человѣка, ходить пѣшкомъ съ требами едва не за 10 верстъ. Да сказать-ли, какъ приглашали въ лѣтнюю пору иные дикари этого мученика своей простоты! Подвернется напр. прихожій по дѣлу человѣкъ, или нищая старуха.—„Куда идешь“, спрашиваетъ ихъ,—того, или другую,—нуждающійся въ священникѣ,—„не на погостъ-ли?“—„Да, на погостъ“. Это только и нужно невѣждѣ, и онъ говорилъ: „зайди, къ попу, скажи ему, что захворалъ старикъ, или старуха у меня, такъ ты вели ему

поскорѣе придти съ требой". И о. Евѳимій, ни мало не гнѣваясь, шелъ и исполнялъ требу. Такъ вотъ къ этому-то священнику я и пріѣхалъ. Узнавши, что онъ въ церкви, я сказалъ его домашнимъ, чтобы его не безпокоили и пошелъ въ церковь, чтобы повидаться съ нимъ. Здѣсь было двѣ небольшихъ церкви, каменная холодная и деревянная теплая. Что-же я увидѣлъ, войдя въ церковную трапезу? А вотъ что. Подлѣ стѣнъ со сторонъ сѣверной, южной и западной стояли скамьи, а на нихъ сидѣли люди. Женщины и дѣвушки сидѣли за прялицами а мужчины—безъ дѣла. и всѣ заняты были такою непринужденною бесѣдою, что только нѣкоторые изъ стариковъ замѣтили появленіе между ними, въ моемъ лицѣ, посторонняго человѣка, и то священника. Разумѣется, ни одинъ человѣкъ не всталъ съ мѣста, не удостоилъ меня вниманіемъ. Не затихнула и оживленная бесѣда исповѣдниковъ. Это были они. А отъ кудѣли въ церкви стояла пыль. На иконахъ трудно было узнать лики Спасителя, Божіей Матери и св. угодниковъ. Все это, взятое вмѣстѣ, меня удивило и даже возмутило Раздѣвшись и помолившись Богу, я поздоровался съ народомъ и спросилъ, здѣсь-ли церковный староста? Староста оказался на лицо, всталъ и подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ, что угодно?—Я вашъ благочинный и хочу побесѣдовать съ вами, священника же не безпокойте, пусть онъ занимается своимъ дѣломъ. Тогда весь народъ всталъ, встали и женщины, положивъ свои пряселки подъ лавки. Я заговорилъ о храмѣ, какъ домѣ Божіемъ, святомъ мѣстѣ, гдѣ таинственно. но тѣмъ не менѣе дѣйствительно обитаетъ Богъ, принимающій наши молитвы, прошенія, благодаренія, гдѣ очищаются грѣхи наши въ таинствѣ покаянія и гдѣ, причащаясь тѣла и крови Христовой, мы удостоиваемся быть кровными родными нашего Спасителя и Господа. Въ какомъ же благоустройствѣ, благоговѣніи и украшеніи мы обязаны содержать храмъ Божій, этотъ благодатный уголокъ на нашей грѣшной землѣ!.. Подумайте-ка! А у васъ что я вижу? Осмотритесь кругомъ и скажите, по совѣсти, на что похожъ вашъ храмъ Божій, гдѣ женщины занимаются работой очень пыльной и празднословіемъ, гдѣ на св. иконахъ ликовъ угодниковъ не видно!... и проч. и проч. Мужички сознались охотно въ своемъ невѣжествѣ, а о. Евѳимій, съ которымъ я побесѣдовалъ между прочимъ у него въ квартирѣ, послѣ осмотра храма, препростодушно отозвался, что онъ ни во что не вникаетъ, и въ церкви и въ приходѣ у него все такъ и идетъ, какъ шло до него.

По прибытіи домой и разсмотрѣніи текущихъ дѣлъ, я долженъ былъ сдѣлать собраніе окружнаго духовенства и созвалъ его къ своей церкви. На этомъ первомъ собраніи, по разсмотрѣніи тѣхъ дѣлъ, для которыхъ созывалось духовенство, я безъ церемоніи заявилъ, что мнѣ не хотѣлось бы оставаться, по должности благочиннаго, на содержаніи подачками, которыя весьма неравномѣрны, не справедливы и очень не благовидны, почему и остался-бы благодарнымъ, если-бы духовенство разсудило назначить опредѣленное жалованье, по журнальному постановленію, которое и представилъ-бы я на утвержденіе епископа. Хотя послѣ этого заявленія, немедленно удалился я изъ храма, предоставивъ право предсѣдательствованія другому, но мнѣ было извѣстно, что назначеніе жалованья, въ количествѣ 200 рублей въ годъ, послѣдовало безъ возраженій, былъ тотчасъ же составленъ журналъ, утвержденный преосвященнымъ Ѳеодосіемъ также безъ возраженій. Только непонимавшіе все-еще меня прежніе благочинные о.о. Дроздовъ и Старостинъ говорили потомъ, что если-бы они были на собраніи, то ни за что не допустили-бы собраніе назначить благочинному жалованье. Не спорю, можетъ быть; только почему же они не явились на собраніе? Мнѣ кажется и то, и другое не похвально, да и не рекомендуетъ ихъ; право, лучше было-бы, если бы они промолчали, какъ поступилъ третій благочинный, изъ уволенныхъ въ отставку, о. Ѳеодосій Малевинскій, взглянувшій на дѣло просто и прямо, какъ честный человѣкъ, безъ заднихъ мыслей и своекорыстныхъ разсчетовъ. Такъ благополучно началъ я въ 1882 году свою благочинническую службу, оставленную мною только, по прошенію отъ „1“ марта 1910 года. Ровно 28 лѣтъ я былъ благочиннымъ, безъ всякаго перерыва, любилъ эту серьезную службу по существу, дававшую всегда хорошую пищу уму и сердцу. А съ формальной стороны она не представляла для меня, знакомаго съ канцелярскимъ обиходомъ еще на семинарской скамьѣ, никакихъ затрудненій. Не посѣтую я и на консисторію и д. правленіе, никогда и ни мало ко мнѣ не только не придиравшихся, но всегда относившихся съ приличнымъ вниманіемъ и благосклонностію. За всѣ 28 лѣтъ моей благочинической службы я не имѣлъ ни одного замѣчанія, ни понужденія, кромѣ двухъ маловажныхъ случаевъ. Разъ одинъ изъ гостей моихъ оскорбилъ другаго словами такъ чувствительно, что я не въ силахъ былъ примирить ихъ. Послѣдовала жалоба. Отъ меня потребовалось донесеніе и,

въ случаѣ надобности, формальное дознаніе. Нравственно я оказался въ положеніи очень труднымъ. Тотъ и другой были мои близкіе люди,—одинъ учитель моего училища, а другой сосѣдъ-священникъ. Мнѣ жаль было и оскорбленнаго и оскорбившаго. Вотъ тутъ-то я и употребилъ все свое искусство, чтобы удовлетворить перваго и спасти второго. Это было въ первый годъ моей благочинническої службы. Консисторія удовлетворилась моимъ разъясненіемъ дѣла, но не могла не замѣтить моихъ усилій смягчить вину виноватаго и хотя поставила мнѣ на видъ неумѣстность моего искусства, особенно для начинающаго службу благочиннаго, но милостиво отнеслась къ виновному, оштрафовавъ его, помнится, только 10 рублями, безъ внесенія въ формуляръ. Другой случай былъ не особенно давно. При худой осенней дорогѣ я полѣнился съѣздить верстъ за 30 осмотрѣть часовню, по случаю незначительной изъ нея покражи и, удовольствовавшись донесеніемъ причта, доложилъ начальству. Мнѣ была поставлена на видъ моя небрежность. И только. Но за то и канцелярія консисторіи попала однажды въ мои руки въ неособенно красивомъ дѣлѣ. Это было еще въ началѣ моей благочинническої службы. Какой то канцелярскій чиновникъ консисторіи, кажется, регистраторъ Григорій Ивановичъ Писаревъ, любилъ поздравлять уѣздныхъ о.о. благочинныхъ съ праздниками, сообщая въ тоже время имъ кое-какія не важныя новости, за что эти послѣднія его и благодарили такъ, или иначе. Такую тактику Григорій Ивановичъ повелъ и со мной. Передъ праздниками Пасхи и Рождества Христова отъ него неизмѣнно получалъ я такое поздравительное письмо, за что и посылалъ ему въ отвѣтъ трехрублевочки. Дѣло это, положимъ, невинное, но оно мнѣ надоѣло предложеніемъ различныхъ мелкихъ услугъ, въ которыхъ я не нуждался.—Трехрублевики пересталъ я ему посылать, а онъ пересталъ меня поздравлять, видимо, осерчавши. Такъ шли дѣла нѣкоторое время совершенно благополучно. О мести со стороны Григорія Ивановича я не помышлялъ, а мести дождался. Случилось мнѣ какъ-то отослать въ консисторію въ одномъ пакетѣ номеровъ пять различныхъ бумагъ, между коими было одно донесеніе срочное. Прошло съ мѣсяцъ, или недѣль пять времени, по нѣкоторымъ изъ нихъ консисторія сдѣлала исполненіе и дала мнѣ о томъ указы, а по срочному дѣлу, сдѣлавъ о замедленіи запросъ, предписала поспѣшить исполненіемъ. Я конечно хорошо помнилъ, что требуемое исполненіе давно мною сдѣлано и въ

консисторію отправлено, но вѣдь все это надобно доказать документами. Смотрю книги входящую, исходящую и разносную и нахожу, что—„да“, дѣйствительно дѣло это своевременно исполнено и сдано на почту уже болѣе мѣсяца и при томъ въ одномъ пакетѣ съ бумагами, по которымъ консисторія успѣла уже сдѣлать исполненіе и послать мнѣ указы. Значитъ, пакетъ со всѣми этими бумагами былъ полученъ въ консисторіи своевременно, тамъ и срочная бумага.—Ну, и ищите ее тамъ, рѣшилъ я, и, не считая нужнымъ давать новое, повторное донесеніе, ограничился только донесеніемъ консисторіи объ оказавшемся по справкѣ. Консисторія и не безпокоила меня болѣе, налегши на регистратора, въ столѣ котораго и нашла будтобы мою бумагу. По этой ли только, или и по другимъ причинамъ, но скоро стало извѣстно, что Григорій Ивановичъ уволенъ отъ службы.

Мои предшественники по благочинической службѣ любили наѣзжать по ревизіи церквей довольно торжественно, направляясь прямо въ церкви, какъ уже было выше замѣчено. Мнѣ это не нравилось, почему и поставилъ я дѣло попроще. По прибытіи къ той или другой церкви обычно я шелъ въ домъ священника, гдѣ, смотря по времени и обстоятельствамъ, созывались болѣе, или менѣе скоро и младшіе члены причта, и церковные старосты и предсѣдатель попечительства. Имъ передавалъ я нужныя бумаги для прочтенія и снятія копій, въ случаяхъ надобности, а самъ, провѣривъ церковные документы, занимался записью въ денежную книгу денежныхъ взносовъ, слѣдующихъ за полугодіе отъ церкви, причта, иногда и попечительства и записывалъ необходимыя свѣдѣнія по церкви, приходу и школѣ. И когда всѣ эти занятія кончались, тогда всѣ мы шли въ церковь, для полнаго ея осмотра и провѣрки казнохранилища съ операціями кружечными, свѣчными, вѣнчиковыми и попечительскими. На все это дѣло я употреблялъ времени не меньше 3 часовъ, если было все въ порядкѣ, благополучно и если не было кляузъ, а то и больше. При первой поѣздкѣ по округу меня поразили родственники и наперсники бывшаго благочиннаго Старостина своимъ лицемѣріемъ, заискиваніемъ и какой-то отталкивающей раболѣпностію. Но я не замедлилъ дать понять имъ, что если они хотятъ, чтобы я уважалъ ихъ, то пусть будутъ просты, честны, прямодушны, а старыхъ козней ихъ противъ меня вспоминать я не хочу и не буду. Такъ я и поступилъ. Всѣ ожили, повеселѣли и примирились съ неожиданныхъ появленіемъ, въ лицѣ моемъ, новаго бла-

гочиннаго, котораго на выборахъ всегда такъ заботливо устраняли. Бывали однако случаи, когда и я пріѣзжалъ прямо въ церковь. Такъ пріѣхалъ я въ первый разъ на ревизію церкви на своей родинѣ, гдѣ здравствовалъ и состоялъ на службѣ мой родитель. Чтобы не обидѣть родителей и священника, я разсудилъ пріѣхать въ церковь, а потомъ побывалъ у нихъ, пономаря и просфорни. И всѣ были довольны. И еще. О священникѣ Симоно-воломской Крестовоздвиженской церкви о. К...ѣ С...ѣ было извѣстно, что онъ слишкомъ свободно пользуется церковными сторожами, для своихъ хозяйственныхъ надобностей. Чтобы провѣрить справедливость молвы, и здѣсь я пріѣхалъ въ первый разъ, по ревизіи, прямо въ церковь, и не напрасно. Дѣло происходило днемъ. Церковь была открыта, но въ ней, какъ и въ сторожкѣ людей я не нашелъ и сталъ знакомиться съ храмомъ повнимательнѣе. Обозрѣвши св. иконы, я подошелъ къ сѣверной двери, чтобы войти въ алтарь, вполнѣ убѣжденный, что тамъ никого нѣтъ. Только что взялся я за ручку двери, какъ эта дверь стала отворяться, повидимому сама собою. и предо мною оказалась женщина. Не изъ трусливыхъ людей былъ я въ свое время, но, признаюсь, содрогнулся. Преградивши ей выходъ изъ алтаря, я спросилъ—„кто ты?“ —„Сторожиха“, отвѣчала она.—„Что же ты здѣсь дѣлала?“—„Печку топила“, былъ отвѣтъ.—„Выходи и разсказывай, гдѣ сторожа церковные?“—„Уѣхали въ лѣсъ за сѣномъ попу“. А священникъ, дьяконъ и причетникъ дома?—Дома. „Ну, поди и позови ихъ сюда“. Пока напугавшая меня сторожиха ходила за духовенствомъ, я зашелъ въ алтарь. И здѣсь меня поразила одна странная особенность, какой нигдѣ не видалъ. На запрестольномъ подсвѣчникѣ стоялъ огарокъ двадцатикопѣечной свѣчи, а у аналоя со служебникомъ—четверть-фунтовая палѣпка. Нечего и говорить, что потребованныя мною отъ священника объясненія были хотя и самоувѣренны, но наивны и легкомысленны. Такимъ впрочемъ былъ онъ и всегда человѣкомъ, по природѣ. Пріобрѣлъ онъ какъ-то себѣ калоши на бараньемъ мѣху, теплыя. И вотъ чтобы товарищи по службѣ обратили вниманіе на его обнову, на одномъ изъ собраній усѣлся онъ въ своихъ калошахъ въ залѣ одного священника на одномъ изъ первыхъ мѣстъ и, выставляя впередъ то ту, то другую ногу, занималъ духовенство своими калошами, а о. благочинный благосклонно пошучивалъ. А въ другой разъ, когда уже я былъ бла-

гочиннымъ, этотъ батюшка, пріѣхавшій ко мнѣ съ годовыми отчетами и видѣвшій, какъ я возился съ ошибками въ отчетахъ по нѣкоторымъ церквамъ, сердечнѣйшимъ образомъ отнесся ко мнѣ съ замѣчаніемъ: „ну, и терпѣніе же у васъ! А если бы я былъ благочиннымъ, то сталъ-бы штрафовать неисправныхъ". Я промолчалъ и, покончилъ съ предшественникомъ, перешелъ къ отчетамъ о. К...а. Вранья у него, въ отчетахъ, какъ всегда, было больше, чѣмъ у другихъ. — „Ну, что теперь прикажете благочинному дѣлать съ неумѣлымъ священникомъ?", сказалъ я тогда. — О. К...ъ отвѣтилъ только на это, что какъ это навралъ онъ — не знаетъ. Такъ вѣдь и другіе тоже не знаютъ, какъ они наврали, замѣтилъ я, очевидно одно, — ошибающіеся кое-чего не знаютъ.

Такъ, посѣщая въ теченіе 28-ми лѣтъ, по должности благочиннаго, церкви и духовенство двухъ благочинническихъ округовъ Устюжскаго уѣзда, насмотрѣлся я на людей разнообразнѣйшихъ типовъ и на всякіе дефекты. Оставляя ихъ на совѣсти виновныхъ и на отвѣтственности о.о. благочинныхъ, обязанныхъ ошибки исправлять, а ошибающихся вразумлять, не могу еще разъ не указать на ту же страшную бѣдность большей части сельскаго духовенства, которая поражала меня еще въ дѣтскіе годы. Ѣдешь иногда въ морозную декабрьскую ночь отъ одной церкви къ другой верстъ 30—35, назябнешься вдоволь и думаешь, вотъ пріѣду къ батюшкѣ и обогрѣюсь. Пріѣдешь и увидишь, что батюшка живетъ въ одной кухнѣ со всѣмъ семействомъ, прислугой, иногда и съ телятами. Комнатная температура не выше нуля, потому что вода застываетъ на полу. Поставитъ матушка самоварчикъ и хорошо еще если зажжетъ, вмѣсто лампы, березовую лучину, дающую много свѣта и тепла, а то просто мизерную лампочку-коптилку, да въ придатокъ къ ней сальную свѣчу. Извольте тутъ согрѣваться, а потомъ и дѣломъ заниматься. Въ холодные зимы у такихъ несчастныхъ священниковъ семейство и сами они спасались отъ замерзанія только на печахъ, голбцахъ и полатяхъ, по шутливому объясненію ихъ, во второмъ этажѣ. А о. Іоанна Евгеньевича Чаловскаго, священника Сученгской М.-Архангельской церкви я находилъ по зимамъ не только покоящимся на полатяхъ, но и пишущимъ на печи. Это былъ человѣкъ смышленый. Онъ самъ сдѣлалъ особенный письменный столъ и поставилъ его на голбецъ, устра-

ваемый обыкновенно на полъ-аршина ниже печи, садился на печь и, держа ноги на голбцѣ, здѣсь занимался письмоводствомъ такъ какъ въ нижнемъ этажѣ, по его выраженію, и въ шубѣ коченѣли руки. Что же удивительнаго, если при такой бѣдной волчьей, а не человѣческой жизни всѣми забытаго духовенства, оно позволяло себѣ пользоваться, по нуждѣ, услугами церковныхъ сторожей и при томъ не безплатно. Всѣ священники, нуждавшіеся въ ихъ помощи, приплачивали имъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, къ церковному содержанію, и отъ себя, по соглашенію, условленную цѣну деньгами, или хлѣбомъ.

Послѣ этого я жду отъ читателей моихъ вопроса—какъ же жили причетники въ восмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка? Въ удовлетвореніе этого законнаго любопытства опишу квартиру причетника Опоцкой Николаевской церкви, моего двоюроднаго брата. Необходимо замѣтить, что Опоцкій приходъ въ округѣ считается далеко не худшимъ, бѣднѣе его ровно двѣ трети приходовъ. Подъѣзжая по рѣкѣ Сухонѣ къ Опоцкому погосту, вы видите тамъ нѣсколько домишекъ, между коими особенно бросается въ глаза одинъ съ непокрытымъ навѣсомъ, маленькими волоковыми окнами и однимъ окномъ косящатымъ, конечно съ одними рамами, да и тѣ на половину заткнуты отрепьями. Изба эта весьма старая, ветхая, сильно накренившаяся въ одну сторону. Входъ въ нее почти съ улицы, такъ какъ кровля съ примыкающаго къ ней скотнаго двора уже лѣтъ 20, какъ на половину сползла, по ветхости и отсутствію водоспусковъ. И только, съ напряженіемъ силъ, отворивши дверь въ избу, вы тудъ вступите; какъ какая-то таинственная сила такъ толкнетъ васъ впередъ, что моментально будете вы въ переднемъ углу у стола. Эта сила—чрезвычайно наклонная впередъ плоскость грязнаго, волнообразнаго пола, съ выпуклыми на немъ сучьями и выносившимися менѣе упругими частями дерева. На печи уже много годовъ сидитъ больная мать хозяина, а на голбцѣ старикъ-отецъ, страдающій грыжею, заштатный пономарь.—„Ну, что, какъ поживаете“?—Да ничего, живемъ, слава Богу, только въ морозы-то вотъ очень ужъ холодно, какъ то разъ въ одну ночь оставшіеся на шесткѣ щи въ горшкѣ замерзли,—отвѣчаетъ хозяинъ.—Хлѣбъ, крупа, картофель, рѣдька есть, добавляетъ онъ и заключаетъ, а хлѣба край, такъ и подъ елью рай. Этотъ благодушный хозяинъ былъ никто другой, какъ Василій Ивановичъ Поповъ, переведенный скоро затѣмъ во псаломщики

къ Лосинской Успенской ц. Устьсысольскаго уѣзда, гдѣ жилось ему уже нѣсколько лучше. У многихъ причетниковъ тогдашняго времени хижины были не лучше Опоцкой, да къ тому же и хлѣба часто не доставало. Такъ часто прикупали хлѣбъ мои родители, да и другіе многосемейные причетники бѣднѣйшихъ приходовъ.

Эти же обязательныя посѣщенія церквей и окружнаго духовенства по дважды въ годъ, дали мнѣ возможность убѣдиться, что всѣ церковныя библіотеки бѣдны книгами. Вездѣ только и видимъ въ нихъ однѣ Епархіальныя Вѣдомости, проповѣди прот. В. І. Нордова, кое-гдѣ Путятина, —и только, если не считать книгъ, написанныхъ на славянскомъ языкѣ, какъ то „Новая скрижаль“, „О должностяхъ пресвитеровъ“, Минеи-четьи и проч.—А вѣдь читать необходимо надобно, скажешь священнику, какъ вы думаете? —Конечно надобно, да выписывать не на что, нѣтъ денегъ ни своихъ, ни церковныхъ. Такъ отвѣчали мнѣ многіе священники.—Хотите-ли, продолжалъ я, чтобы была устроена окружная благочинническая библіотека на соединенныя средства церквей и духовенства?—Это было бы хорошо, отвѣчали мнѣ многіе, но были и такіе, которые не понимали, какъ поставить дѣло, чтобы дать возможность всѣмъ и во всякое время пользоваться изъ этой библіотеки книгами. Заботу объ этомъ, вмѣстѣ съ хлопотами объ открытіи окружной библіотеки я взялъ на себя и немедленно принялся за дѣло. Тщательно обсудивъ библіотечный вопросъ на благочинническомъ совѣтѣ и подѣлившись выработанными на немъ соображеніями съ священникомъ Пятницкой Погорѣловской церкви о. Николаемъ Алексѣевичемъ Поповымъ, нынѣ служащимъ въ Никольскомъ дух. училищѣ, какъ однимъ изъ образованнѣйшихъ, сослуживцевъ тогдашняго времени, его и попросилъ я написать библіотечныя правила, при моей редакціи. Данное порученіе о. Николай Алексѣевичъ исполнилъ такъ удовлетворительно, что эти правила послужили потомъ образцомъ для такихъ же правилъ окружной библіотеки 3-го Устюжскаго округа, открытой мною же въ 1889 году. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Эти правила были предложены на разсмотрѣніе окружнаго духовенства на ближайшемъ собраніи, одобрены имъ и утверждены епархіальнымъ начальствомъ. Библіотечнымъ пунктомъ былъ избранъ Городищенскій Богоявленскій погостъ, гдѣ имѣются и почтовое отдѣленіе, и станціи сельская и земская, а библіотекаремъ избранъ досто-

почтенный настоятель Богоявленской ц., нынѣ протоіерей, о. Іоаннъ Александровичъ Коржавинъ, какъ выдающійся по уму и образованію человѣкъ. Эта библіотека открыта въ 1884, или 1885 году, точно уже не помню, и должна быть въ данное время уже очень солидной, такъ какъ каждогодные взносы на ея содержаніе были назначены не менѣе 120 ти рублей,—90 р. отъ 21-й церкви и 30 рублей отъ окружнаго духовенства. Большимъ одолженіемъ было бы со стороны наличнаго о. библіотекаря окружной библіотеки перваго округа Устюжскаго уѣзда, если бы онъ, при посредствѣ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, разсудилъ познакомить читателей ихъ съ каталогомъ книгъ этой библіотеки и выработанною временемъ практикою пользованія книгами. Такихъ библіотекъ нынѣ въ епархіи уже не мало. Мнѣ думается поэтому, что обмѣнъ свѣдѣніями, относительно состоянія ихъ и пользованія книгами, былъ бы во всякомъ случаѣ только полезенъ. Того же самаго жду я и отъ о. библіотекаря окружной библіотеки духовенства 3-го Устюжскаго округа.

XV.

При преосвященномъ же Епископѣ Ѳеодосіи, т. е. во время управленія его Вологодскою епархіею, когда я былъ уже благочиннымъ, было у меня столкновеніе съ гражданскимъ начальствомъ по службѣ. Разъ послѣ посѣщенія по дѣлу Опоцкой Николаевской церкви, повстрѣчался я на Анисимовской земской станціи съ приставомъ перваго стана Устюжскаго уѣзда Голубевымъ, ѣздившимъ по худой весенней дорогѣ въ Симоно-Воломскій приходъ для осмотра мертваго тѣла погибшаго въ лѣсу человѣка. Пригласивъ меня выпить стаканъ чаю, приставъ сталъ разсказывать, какъ тяжка была дорога, какъ выпилъ онъ съ ямщикомъ за эту поѣздку одной водки цѣлую четверть, какъ поломался у него тарантасъ и какъ за всѣ эти невзгоды о. Ксенофонтъ Соловьевъ, —тогдашній Симоно-Воломскій священникъ, не напоилъ его не только водкой, но даже чаемъ.—„Ну, и надѣлалъ же я ему бѣды, всю вину въ смерти человѣка безъ напутствія взваливъ на Воломскаго попа выжигу. Онъ долженъ былъ исповѣдать мужика, за нимъ приходили, а онъ не пошелъ пѣшкомъ въ лѣсъ“, говорилъ приставъ. Хозяинъ дома кр. Василій Ермолинъ, разливавшій чай и другіе мужички, случившіеся въ станціонной комнатѣ, безъ стѣсненія вторили „барину“ и нагло смѣялись. Мнѣ стало обидно, и я тотчасъ же замѣтилъ зарвавшемуся приставу, что мало-ли что могъ онъ тамъ надѣ-

лать, да справедливо-ли?—Не пришлось бы передѣлывать! Приставъ замолчалъ, и мы разстались. По пріѣздѣ домой, я нашелъ указъ консисторіи, которымъ, по жалобѣ одного изъ родственниковъ умершаго безъ напутствія въ лѣсу Симоно-Воломскаго крестьянина,—того самаго, о которомъ была на Анисимовской станціи рѣчь,—поручалось мнѣ произвести дознаніе. А! думалъ я, приставская каша начинаетъ кипѣть на Волмахъ.—Посмотримъ же, кому придется ее кушать. Дознаніе это я произвелъ съ особеннымъ поэтому вниманіемъ. Священникъ былъ ни мало не виновенъ. Между тѣмъ, какъ выяснилось потомъ, приставъ Голубевъ, своимъ дознаніемъ обвинившій священника, подстрекнувшій кого слѣдуетъ къ жалобѣ на него Епископу и смущенный разговоромъ со мною на станціи, извративъ смыслъ разговора, донесъ губернатору, что я открыто, при посторонникъ людяхъ заявилъ ему, что передѣлаю его дознаніе. Губернаторъ, получивъ черезъ Устюженскаго исправника такое донесеніе отъ пристава на благочиннаго, оффиціальною бумагою потребовалъ у Преосвященнаго Ѳеодосія немедленнаго увольненія меня отъ благочинническої службы, мотивируя свое требованіе жалобою на меня пристава и исправника. Эти люди, во главѣ съ губернаторомъ, очевидно и не подозрѣвали, что Преосвященный Ѳеодосій на цѣлую голову былъ умнѣе ихъ. Владыка, спокойно дождавшись моего дознанія и увидѣвъ изъ него, что благочинный и приставъ рѣзко разошлись въ разъясненіи дѣла, оффиціально же отвѣтилъ губернатору, что онъ ничего не имѣетъ противъ наказанія виновнаго въ злоупотребленіи служебнымъ долгомъ, а кто виновенъ пока—не видно, почему, для отысканія его, и предложилъ губернатору произвести негласное дознаніе о томъ, кто злоупотребилъ этимъ долгомъ,—приставъ, или благочинный. Отклонить такое предложеніе умнаго епископа для губернатора не было возможности, почему онъ и поручилъ произвести секретно повѣрку Воломскаго дѣла и Анисимской бесѣды пристава съ благочиннымъ помощнику Устюженскаго исправника Ив. Вас. Назарьеву. Время шло, я занимался службою и своими дѣлами, даже не подозрѣвая, что моя служебная карьера виситъ на волоскѣ, что я нахожусь подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, въ качествѣ обвиняемаго въ злоупотребленіяхъ по службѣ. Разъ сижу я вечеркомъ лѣтняго дня дома, заявляется ко мнѣ совершенно неожиданно помощникъ Устюженскаго исправника.—„Милости просимъ, Иванъ Васильевичъ“, говорю я, —„куда это Богъ васъ носитъ“?

„По дѣламъ службы“, отвѣчаетъ онъ, „да вотъ пріѣхалъ въ общество, а тамъ никого нѣтъ, ну, и пока-что, рѣшилъ навѣстить васъ, для препровожденія времени и, если можно, то и для ночлега“.— „Очень радъ, давно не бывали, милости просимъ, привѣтствовалъ гостя дѣйствительно обрадованный хозяинъ. Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ религіозный, пожилой и порядочно знавшій исторію и русскую литературу. Съ нимъ пріятно было побесѣдовать. И началась бесѣда. Говорили и о развитіи журналистики, и о корифеяхъ русской литературы, и о внутренней жизни Россіи. Перешли незамѣтно и къ своей службѣ, по духовному вѣдомству и по полиціи. Я замѣтилъ, что направленіе бесѣдѣ старается дать мой гость, отмѣчавшій уже сложность трудовъ полицейскаго начальства, вызывающихъ иногда, даже нерѣдко, тѣ или другія непріятности и столкновенія, при плохомъ вознагражденіи. Я насторожился и, не подавая вида собесѣднику, заговорилъ съ нимъ съ особеннымъ тактомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ чиновникъ съумѣлъ вызвать меня на разсказъ о бесѣдѣ со мною пристава Голубева на Анисимской станціи по Воломскому дѣлу, о которомъ онъ слышалъ будто бы гдѣ-то что-то мимоходомъ и пользуется лишь случаемъ просить меня объ этомъ, ни больше, ни меньше, какъ по знакомству и изъ понятнаго-молъ любопытства. Я разсказалъ дѣло спокойно и точно, не скрывъ и того, что оказалось, по моему дознанію, на Волмахъ. Бесѣда закончилась. Гость мой переночевалъ и уѣхалъ. Вскорѣ стало извѣстно, что мой гость былъ и въ Анисимовѣ и на Волмахъ, что-то разнюхивалъ, какъ выражались разскащики, а кое-кого и таинственно о чемъ то разспрашивалъ. Слыша это и узнавши, что въ сельскомъ обществѣ нашемъ у Назарьева не было никакого дѣла, я понялъ, что визитъ его ко мнѣ былъ не случайный, а что-то серьезное означающій, и сталъ подумывать о послѣдствіяхъ, которыя чрезъ нѣкоторое время и обнаружились. Стало извѣстно, что приставъ Голубевъ уволенъ отъ службы. Какъ? Давно-ли? За что? Отвѣты на эти вопросы принесло время. По секретному дознанію помощника исправника, о которомъ я и не подозрѣвалъ до развязки дѣла, замѣчательно честно произведенному, оказался виновнымъ въ злоупотребленіяхъ по службѣ не благочинный, а приставъ. Когда объ этомъ было сообщено Преосвященному Ѳеодосію, тогда этотъ послѣдній и написалъ губернатору, что въ свою очередь и онъ предлагаетъ его превосходительству уволить отъ службы чиновни-

ка, виновнаго и въ злоупотребленіяхъ по службѣ, и въ оффиціальной клеветѣ на благочиннаго. Голубевъ былъ отъ службы уволенъ.—„И дуракъ же ты, Голубекъ!.. Съ попами связываешься..“. сорвалъ на немъ гнѣвъ свой начальникъ губерніи, не сумѣвшій защитить своего чиновника. Фамиліи этого губернатора, къ сожалѣнію, я не помню.

По должности благочиннаго, дважды пришлось мнѣ встрѣчать епископа Ѳеодосія, этого умнаго, справедливаго и спокойнаго архипастыря, и сопутствовать ему, по обозрѣнію церквей 1-го Устюжскаго округа отъ Городищенской Богоявленской церкви до г. Устюга, на пространствѣ 150-ти верстъ. Любимымъ журналомъ его было „Христіанское чтеніе“. Нѣсколько книжекъ этого журнала у него всегда было съ собою. Маршруты поѣздки онъ всегда приказывалъ составлять пошире, т. е. съ заѣздомъ и къ тѣмъ церквамъ, находящимся не на почтовомъ трактѣ, куда и заѣзжать по причинѣ плохихъ проселочныхъ дорогъ, было неудобно. А если ставили ему это на видъ консисторскіе чиновники, то онъ отвѣчалъ имъ: „а вамъ то что! Поѣду или не поѣду, не все-ли равно! Пусть хоть въ церквахъ вымоютъ“. Въ моемъ округѣ такія церкви были. И вотъ пока спрашиваемъ, за нѣсколько станцій до такой церкви, угодно-ли ему будетъ посѣтить ее, онъ всегда отвѣчалъ однимъ словомъ: „ѣду“. А когда будемъ приглашать его заѣхать туда, тогда онъ говорилъ: „нѣтъ ужъ, не поѣду“. Въ то время священникомъ былъ при Кишкинской Христорождественской церкви нѣкто Скворцовъ. Молодой человѣкъ и страшный трусъ. Бывало, выйдетъ встрѣчать Владыку съ крестомъ на блюдѣ по обычаю, и весь дрожитъ, такъ что крестъ движется. Подойдетъ, подбодритъ и крестъ попридержитъ, а онъ все дрожитъ. Преосвященный однажды уже самъ нашелъ нужнымъ замѣтить ему: „держи крѣпче, а то уронишь крестъ“. И этотъ Владыка, по приглашенію священниковъ, всегда заходилъ къ нимъ въ домъ то стаканъ чаю выпить, то закусить, или для того и другаго. И вотъ въ бѣдной квартирѣ этого же священника, имѣющей одну комнату—залъ, гостиную, столовую, кабинетъ, спальню и дѣтскую.—хозяинъ и хозяйка видимо суетятся и о чемъ-то хлопочутъ, а ничего дорогому гостю не предлагаютъ, даже не просятъ садиться. Преосвященный мягко улыбнулся и сказалъ: „ну, что же, созвалъ въ гости, такъ и угощай“!—Чѣмъ позволите? Чай сейчасъ подамъ, сказалъ робкій хозяинъ.—„Не надо“, замѣтилъ владыка, „а дай просто

горячей воды, да сахару, да нѣтъ-ли ягодъ какихъ нибудь". Подали воду и не много земляники. Сахарнаго песку не оказалось, натолкли сахару. И вотъ когда такъ поустроились, Преосвященный Ѳеодосій наложилъ на чайное блюдце ягодъ и сахару, растеръ все это вмѣстѣ и сталъ угощаться, кушая простую горячую воду съ растертыми съ сахаромъ ягодами, точно съ вареньемъ. А на закуску всѣмъ намъ поданъ былъ одинъ маленькій пирожокъ съ какой то мелкой рыбой. Владыка не закусывалъ совершенно, я взялъ кусокъ пирога съ собою, а члены свиты закусывали — кто на станціи, кто у псаломщика.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда пріѣхали мы къ слѣдующей Боброво-Николаевской церкви, находящейся почти на половинѣ Кишкинско-Островской станціи. Священникомъ здѣсь былъ тогда о. Іоаннъ Яхлаковъ, человѣкъ уже пожилой, трезвый и честный и по службѣ исправный. Однако появился передъ Епископомъ какой-то человѣкъ на него съ жалобой.— „О чемъ просишь?" спросилъ его Владыка.—Обвѣнчать свадьбу, былъ отвѣтъ.—„Развѣ не вѣнчаютъ? Почему"?— Просятъ 3 рубля.— «Ну, и дай», заключилъ Владыка и отдалъ бумагу просителю обратно. А въ церкви здѣсь, имѣющей три алтаря, интересно было то, что изъ какого алтаря Владыка выйдетъ, сейчасъ же о. Стефанъ Семеновичъ Поповъ, священникъ Сученгской Воскресенской церкви, воздѣвшій когда-то на себя уже эпитрахиль, и затворитъ Царскія двери. Замѣтивъ такую заботливость о церковномъ благочиніи со стороны этого священника, Преосвященный взялъ его за руку и сказалъ: «погоди, куда торопишься»? Здѣсь же кишкинскіе ямщики, привезшіе Владыку со свитой и насъ съ приставомъ, дерзко вытребовали прогоны со всѣхъ и за всю станцію и угнали лошадей обратно. Преосвященному нужно было здѣсь ночевать, а ямщики, опираясь на законъ, говорили, что они, если угодно, до станціи везутъ, а ночевать не желаютъ. Почему и пришлось доставать лошадей со слѣдующей станціи и снова платить прогоны почти за полстанціи за всѣхъ лошадей. Здѣсь же доложилъ я Владыкѣ о семейномъ несчастіи почтеннаго священника о. Іоанна Яхлакова. Ему было уже 60 лѣтъ, столько же лѣтъ было и женѣ его. И эта безумная женушка ревновала его ко всякой женщинѣ, такъ что женщины не смѣли не только заходить въ его домъ, но не рѣшались ходить и мимо дома. Къ заутрени эта ревнивая особа провожала своего мужа, священника, не до церкви только, а буквально до сѣвер-

ныхъ дверей алтаря. О такомъ необычайномъ болѣзненномъ явленіи, по просьбѣ страдальца мужа, была возбуждена уже переписка. Эта странная матушка отдана была пока подъ мой надзоръ, но какой надзоръ я могъ имѣть за этой супружеской четою, за 70 верстъ, являясь въ эту семью раза два въ годъ? Выслушавъ меня, Преосвященный Ѳеодосій сказалъ только: „дура баба“! Но головомойку онъ задалъ ей за хлѣбъ-соль и ночлегъ, говоря шуточно, основательную. У этого священника въ домѣ была уже не одна, а двѣ комнаты, съ бѣлыми стѣнами и не отесаннымъ потолкомъ, какъ и на Кишкинѣ, но чрезвычайно скудно меблированныя. Въ одной изъ нихъ положивши на скамьи доски и на нихъ свѣжаго сѣна, и устроили ночлегъ Владыкѣ, а я съ протодіакономъ А. В. Васильевскимъ и другими спутниками почевалъ на повити. На слѣдующій день лошади поданы были съ Востровской станціи своевременно; въ 7 часовъ утра мы были уже на этой станціи, гдѣ не было близко даже деревни, а до слѣдующей по тракту церкви оставалось еще около 50-ти верстъ. Частію по этой причинѣ, частію же и потому, что на этой станціи было много клоповъ, въ чемъ убѣдился я, выѣзжая на встрѣчу Преосвященному, и принуждены были мы ночевать въ Бобровой. За раннимъ временемъ отказавшійся въ домѣ священника Преосвященный Ѳеодосій отъ завтрака на Востровской станціи запросилъ у меня чего-нибудь поѣсть. Это происходило въ первый годъ моей благочинническої службы. Поѣсть здѣсь я ничего не нашелъ и, какъ неопытный еще благочинный, съ собою ничего не имѣлъ. Пустились на слѣдующую станцію, въ 28 верстъ, ничего не поѣвши. На Тозенской станціи Владыка уже категорически потребовалъ, чтобы я нашелъ чегобы то ни было ему поѣсть, да и свита его, вмѣстѣ со мною, почувствовала голодъ, а до слѣдующей Спасовленской Богоявленской церкви все еще было далеко. Народъ въ деревнѣ былъ на сѣнокосѣ. День былъ постный, хотя и было это уже не въ Петровъ постъ, а въ началѣ іюля 1882 года. Едва нашелъ я для Владыки нѣсколько засоленныхъ ельцовъ да самой дешевой сушки и за то получилъ архипастырское „спасибо“. А заголодавшей свитѣ и мнѣ, въ виду отсутствія жителей деревни и неимѣнія у стариковъ и дѣтей постной пищи, добрый Владыка благословилъ утолить голодъ яицами и молокомъ. Мы наѣлись сыто и хорошо, а Преосвященный—едвали. Днемъ, при хорошей погодѣ, этотъ Преосвященный любилъ иногда, завидя близъ дороги тѣ,

или другія ягоды, выйти изъ кареты и собственноручно собирать ихъ и кушать, разговаривая съ нами. На этотъ разъ онъ вздумалъ выйти изъ кареты, при подъемѣ на большую гору, отъ ручья „Нареги“, противъ Сученгской Воскресенской церкви, находящейся на противоположномъ берегу рѣки Сухоны. Увидавъ церковь и не слыша тамъ звона, Преосвященный съ улыбкою обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «а что, о. благочинный, звонить тамъ не умѣютъ? Или не пропили ли ужъ колоколовъ-то»? — Ни то, ни другое, къ счастію,—отвѣчалъ я,—это моя вина, не успѣлъ я дать туда повѣстки». Слѣдующую станцію ѣхали мы тихо, разсчитывая ночевать въ Стрѣльнѣ. Дорогою Преосвященный приказалъ мнѣ доложить подробно и правдиво о жизни и службѣ Стрѣлецкаго священника, покойнаго о. Прокопія Стефановича Рождественскаго, имя котораго было позначкано не въ формулярѣ, а въ справочномъ консисторскомъ листкѣ, называвшемся тогда черной книгой. Я съ чувствомъ сожалѣнія, доложилъ о немощахъ этого вообще хорошаго, но вдоваго человѣка. Преосвященный вздохнулъ и грустно сказалъ: „Бѣдный! И всѣ они таковы, эти вдовые священники“!.. О какой прекрасной душѣ архипастыря свидѣтельствуютъ эти сердечныя слова его. А какъ толково умѣлъ этотъ Владыка давать намъ, когда нужно, свои вразумленія! Въ Стрѣльнѣ именно, гдѣ церковь двухъ-этажная и хорошо устроенная, стоитъ Владыка и внимательно разсматривая св. антиминсъ, говоритъ: «антиминсъ давній, а какъ хорошо сохранился, отчего это»? Священникъ объясняетъ, а Преосвященный говоритъ: «не вѣрю». Не понимая еще, въ чемъ дѣло, стараюсь дополнить объясненіе о. Прокопія и я своими соображеніями. «Не вѣрю», говоритъ спокойно Владыка и мнѣ. Выйдя же на амвонъ, для благословенія народа, Преосвященный говоритъ мнѣ тихо: укажите старосту, если здѣсь онъ. Слушаю. — „Вотъ онъ“, указываю я на подходящаго старосту. „Староста, скажи, сколько въ вашей церкви выходитъ свѣчъ въ годъ?“ — говоритъ епископъ.—Три пуда, отвѣчаетъ староста. «Мало», отмѣчаетъ Епископъ.—„Да, три пуда“, говоримъ по очереди священникъ и я. „А я говорю мало“, замѣчаетъ Епископъ и „отчего это?“ добавляетъ онъ. Развѣ плохо ходятъ въ церковь, или рѣдко служатъ? А о. Прокопія, какъ человѣка добраго и простодушнаго, прихожане очень любили и, вотъ они, живѣе насъ смекнувъ въ чемъ дѣло, единогласно сказали: „нѣтъ, Владыка святый! И мы ходимъ въ церковь и служба у насъ идетъ ис-

правно"? Тогда только и я понялъ, что Преосвященный такъ искусно дѣлалъ замѣчаніе священнику за бывавшіе у него изрѣдка служебныя опущенія. Этотъ епископъ любилъ ночевать въ мезонинахъ, гдѣ имѣлись они въ домахъ священниковъ. Еще издали, увидавъ ихъ, уже, бывало, и скажетъ: вотъ хорошо и мезонинчикъ есть. И только выпьетъ стаканъ чаю, тотчасъ же и туда. Раздѣнется по домашнему и сидитъ у окошечка съ книжкою Христіанскаго Чтенія. А когда придетъ время уѣзжать, то, замѣтивъ, что у священника есть дочери невѣсты, сядетъ на диванъ и скажетъ: гдѣ въ домѣ есть невѣсты, гостямъ надо уѣзжать съ мѣста. Въ послѣднюю поѣздку по епархіи, когда онъ былъ уже, послѣ коронованія Императора Александра III-го, въ которомъ участвовалъ, возведенъ въ санъ архіепископа, онъ не отказывался сообщать кое-какія подробности и наблюденія, гдѣ объ этомъ его просили, какъ было слышно. Но я со своимъ духовенствомъ не смѣлъ безпокоить его такимъ любопытствомъ, ограничившись лишь поздравленіемъ съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Интересно то, что на выраженное нами при этомъ пожеланіе быть митрополитомъ онъ отвѣчалъ: „нѣтъ ужъ поздно, устарѣлъ, благодарю за пожеланіе, но оно неисполнимо". Въ Устюгѣ я долженъ былъ представлять ему послѣднюю часть духовенства моего благочинническаго округа, служащаго при близгородныхъ церквахъ Крестовоздвиженской и Благовѣщенской, Будринской, Погорѣловской и Луженгской. Въ послѣднюю поѣздку Преосвященный Ѳеодосій прежде крѣпонькій и бодрый казался мнѣ замѣтно постарѣвшимъ и ослабѣвшимъ. Дорогою, по привычкѣ гдѣ нибудь въ волоку выйдетъ изъ кареты, пойдетъ немного и скажетъ: „нѣтъ, идти не могу, надо садиться", а въ Устюгѣ сталъ жаловаться, что здѣсь въ Успенскомъ соборѣ, при встрѣчѣ, онъ простудился отъ сквознаго теченія воздуха. Недомоганіе его между прочимъ сказалось и въ томъ, что относиться къ духовенству сталъ нѣсколько взыскательнѣе, чѣмъ прежде экзаменуя псаломщиковъ и священниковъ, чего раньше никогда не дѣлалъ. А вопросы онъ любилъ давать серьезные, догматическіе.—Ну, вотъ поешь ты въ догматикѣ объ Іисусѣ Христѣ... во двою естеству неслитно познаваемый..., говорилъ Епископъ, какъ ты понимаешь?—объясни!" Псаломщикъ молчитъ. Я отвѣчаю, что псаломщику, безъ богословскаго образованія, невозможно дать отвѣта на данный вопросъ, позвольте отвѣчать мнѣ. —„Нѣтъ, вѣдь онъ поетъ, и долженъ знать, что поетъ.—Го-

вори священникъ.“ Священникъ начинаетъ говорить, но не ясно и не прямо отвѣчая на вопросъ. Наводя его на прямой путь, Преосвященный нечувствительно весь отвѣтъ принимаетъ на себя и рѣшаетъ вопросъ, какъ принято догматистами, иллюстрируя даже извѣстными сравненіями, напр. огонь и желѣзо... А псаломщику говоритъ: „спрашивай у знающихъ, чего самъ не знаешь, а пой и читай разумно“. Но въ Устюгѣ, Лальскѣ и Никольскѣ Преосвященный еще могъ служить, а въ Тотьмѣ, на обратномъ пути въ Вологду, уже слегъ въ постель и умеръ 22 августа 1883 года. Погребенъ онъ въ одномъ изъ храмовъ Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря, гдѣ покоится прахъ и Преосвященнаго Христофора, Епископа Вологодскаго.—Миръ праху Вашему и царство небесное Вамъ, Христовы Свѣтители! Не забыты мною недостойнѣйшимъ Ваши великія милости и благодѣянія.

По смерти преосвященнаго Ѳеодосія на Вологодскую кафедру былъ назначенъ преосвященный Израиль Никулицкій, епископъ Острожскій, викарій Волынскій Это былъ человѣкъ 50—55-ти, большаго роста, крѣпко сложенный, съ густыми, длинными черными волосами, но едвали съ хорошимъ зрѣніемъ. По крайней мѣрѣ было замѣтно, что онъ избѣгалъ яркаго свѣта и заслонялъ отъ него глаза то клобукомъ, то рукою. Были у него и странности. Ревниво оберегая престижъ сана, онъ желалъ, чтобы его архипастырскій жезлъ ставили не въ переднихъ, а гдѣ нибудь повыше, карету свою называлъ монашеской кельей, вопросы ставилъ духовенству такіе иногда общіе и непредвѣденные, что не легко было понять ихъ непривычному къ нему человѣку. наконецъ любилъ, чтобы понимали его безъ напоминаній. Не чуждъ былъ онъ и подозрительности, гнѣвливости, даже нѣкоторой мстительности, но влечетъ, или только по подозрѣнію. А въ глубинѣ души все-таки былъ добрый, хотя и своеобразный человѣкъ. Особенно же милостивъ былъ къ людямъ, сознающимъ свои немощи. Человѣкомъ общественнымъ онъ не былъ, не могъ и не хотѣлъ быть и, въ минуты откровенности, сознавая угловатости своего характера и обращенія, называлъ себя семинаристомъ до мозга костей, хотя былъ и съ академическимъ образованіемъ Прежде, чѣмъ поѣхалъ нашъ новый епископъ по епархіи,—а поѣхалъ онъ черезъ годъ,—удивительное дѣло, разнеслась молва, что онъ любитъ выпить и пьетъ преимущественно коньякъ. Эта молва, о которой зналъ покойный, такъ раздра-

жала его, что не могъ спокойно смотрѣть на коньякъ на столѣ. А между тѣмъ, благодаря широко разнесшейся молвѣ по всей епархіи вездѣ угощали его прежде всего коньякомъ въ первое его путешествіе, а онъ гнѣвался и срывалъ свой гнѣвъ на благочинныхъ. Узнавши меня близко, онъ самъ заговорилъ объ этомъ воображаемомъ его пьянствѣ и коньякѣ и разсказалъ мнѣ дѣйствительно удивительныя вещи. Такъ напр., въ одномъ городѣ одинъ протоіерей и благочинный, распорядившись подавать чай, въ тоже время сталъ наливать для дорогого гостя и рюмку коньяку. Гость съ усмѣшкою замѣчаетъ: „что рюмка? Наливай стаканъ“. Не понимая иронiи, хозяинъ сталъ наливать и стаканъ, поглядывая однако вопросительно на гостя. А гость говоритъ: „наливай полный“... Когда было сдѣлано и это простодушнымъ хозяиномъ, тогда разгнѣванный епископъ на просьбу хозяина строго сказалъ: „пей самъ“.—Я не могу, отвѣчалъ оробѣвшій хозяинъ. „А я могу?!.“—„Да это еще что говорилъ Владыка.—При поѣздкѣ по ревизіи церквей Вологодскаго уѣзда, разъ случилось мнѣ ночевать у священника одной церкви въ 8-ми верстахъ отъ Вологды; священникъ хозяинъ нетолько надоѣдалъ мнѣ этимъ коньякомъ за чаемъ и закуской, но даже, передъ отходомъ ко сну, спрашивалъ у моей прислуги, куда поставить на ночь для меня коньяку и водки“... Хороша была у него и прислуга, особенно всегдашній его спутникъ и секретарь, будтобы родной его племянникъ, изъ студентовъ семинаріи, молодой человѣкъ, любимецъ дядюшки, съ большимъ вліяніемъ на послѣдняго!.. Эти люди отлично знали, какъ волнуетъ епископа одинъ видъ коньяку, и однако же никто изъ нихъ и никогда не хотѣли предупредить объ этомъ ни хозяевъ-священниковъ, ни благочинныхъ. И вотъ съ такими-то людьми при такихъ-то обстоятельствахъ, поѣхалъ въ первый разъ и въ наши края Преосвященный Израиль. Я выѣхалъ на встрѣчу ему въ Тотемскій уѣздъ въ Брусную, чтобы, въ качествѣ посторонняго зрителя, ознакомиться съ требованіями и вкусами новаго начальства, и поступилъ не дурно, какъ показали послѣдствія. Ночевалъ я у Брусноволоцкаго священника о. Іоанна Іоанновича Суровцева, а преосвященный Израиль, по наведеннымъ справкамъ, ночевалъ въ Брусенцѣ, въ 8 верстахъ отъ Брусной. Съ 6 ти часовъ утра мы были уже въ церкви, или около церкви, а караульный сторожъ давно стоялъ на колокольнѣ. Спустя нѣкоторое время по-

казалась въ отдаленіи пара лошадей въ тарантасѣ, а вскорѣ въ слѣдъ за нею и цѣлый поѣздъ, во главѣ съ владычнею каретой. Приказано было сначала благовѣстить, а потомъ и „во-вся“ звонить. На парѣ подскакалъ о. благочинный съ камилавкою на головѣ, сползшею на лобъ.—Мнѣ онъ былъ не знакомъ. Какъ оказалось это былъ о. Фавстъ Яблонскій, кажется.—„Ну, что каковъ архіерей“, спрашиваетъ его о. Іоаннъ.—„И не говорите, отвѣчалъ благочинный,—измучился я съ нимъ, все то ему не ладно. Да вотъ увидите“. Вотъ, такъ успокоилъ отецъ, подумалъ я и всталъ съ одной стороны священника и причта, но безъ облаченія, какъ и мѣстный благочинный. Подъѣхала карета. Открылась дверь. Вышелъ изъ нея нашъ новый епископъ, уже выше описанный мною по наружности. Не взглянувъ на народъ, окружавшій насъ, въ небольшомъ количествѣ, молча приблизился онъ ко кресту, поцѣловалъ его, окропивъ себя св. водою, благословилъ всѣхъ общимъ благословеніемъ и пошелъ въ храмъ. Запѣли тропарь храмовому святому и вошелъ въ алтарь. А священникъ, между тѣмъ стоя у амвона, говорилъ эктенію и многолѣтіе Вошелъ и я въ алтарь сѣверной дверью и, выждавъ удобную минуту, отрекомендовался и просилъ благословенія. Благословеніе мнѣ было преподано, но подававшійся въ тѣ времена обычный рапортъ о состояніи церквей и окружнаго духовенства былъ молчаливо отвергнутъ, и я на первый разъ не удостоенъ ни однимъ словомъ архипастыря. И мнѣ стало грустно. Выйдя изъ алтаря и замѣтивъ интеллигентнаго молодаго человѣка, подошелъ къ нему съ вопросомъ: не изъ свиты-ли епископа?—„Да“.—Позвольте узнать ваше имя и отчество?—„Иванъ Васильевичъ В—въ“. Это былъ секретарь канцеляріи Его Преосвященства. Представившись и этому господину, я просилъ его совѣта, какъ и гдѣ быть мнѣ до распоряженія Владыки, если таковое будетъ.—„Будетъ. Слѣдуйте за нимъ и ждите“, было мнѣ отвѣтомъ. А лошади у меня были уже на всякій случай готовы. Выйдя на амвонъ, Преосвященный сказалъ экспромтъ о нуждѣ каждодневнаго говѣнія, а выйдя на ограду неожиданно пожелалъ устроить здѣсь общенародное пѣніе. Но если этого пѣнія никогда здѣсь не практиковалось, то можете представить, что это было за пѣніе. Тяжело слушать. Я шепнулъ о. Іоанну, что говори откровенно, что не обучалъ еще народъ общему пѣнію, прошу прощенія и прошу посѣтить мою хижину. Такъ покойный Иванъ Ивановичъ и сдѣлалъ. Преосвященный какъ бы

не хотя, медленно, но пошелъ къ священническому дому, въ которомъ была только одна горенка, съ грошевою мебелью, голыми стѣнами и большая, деревенская кухня. Семейство о. Іоанна встрѣтило Владыку на крыльцѣ дома, куда войдя высокій гость изволилъ сѣсть и снять клобукъ. А мы два благочинныхъ, приставъ и еще какіе то гости продолжали оставаться на ногахъ, въ ожиданіи позволенія, или приглашенія садиться. Но послѣдовало не это, а нѣчто другое.—„Архіерей сидитъ“, заговорилъ епископъ, „а другіе всѣ стоятъ. Что это такое?“ Мы сѣли, а я снялъ и камилавку, руководясь примѣромъ епископа. Между тѣмъ Преосвященный, взглянувъ въ передній уголъ, гдѣ было много иконъ и близко къ нимъ стояли дешевые бумажные портреты Царя и Царицы, заговорилъ, какъ будто размышляя вслухъ: „кто здѣсь живетъ“? И опять—„кто здѣсь живетъ?“... Мы ничего понять не можемъ и на странный, по нашему мнѣнію, вопросъ отвѣчать не рѣшаемся. Вдругъ нашъ Владыка всталъ на стулъ и началъ снимать и ставить на столъ царскіе портреты, говоря: „хорошъ хозяинъ, не умѣющій отличить Царя земнаго отъ Царя Небеснаго“. Между тѣмъ подали чай и на закуску пирожокъ съ рыбой въ бѣлой коркѣ. Съ этого пирога и сталъ я сдавать мой первый экзаменъ новому архипастырю, но удовлетворительно, или нѣтъ,—не знаю.—„Скажите“, обратился ко мнѣ Владыка, „почему это въ Вологодской епархіи такое однообразіе въ жизни духовенства и такое неумѣлое обращеніе съ посѣтителями?—Пригласили въ домъ и ушли хозяинъ и хозяйка.. Не такъ бываетъ напримѣръ у дворянъ. А пирогъ съ рыбой!.. Какъ начали угощать имъ архіерея у перваго священника, по выѣздѣ изъ Вологды, такъ и вездѣ, и у всѣхъ, и теперь. Ужели ничего другого сдѣлать не умѣютъ? Ужели такъ будетъ и въ вашемъ округѣ?“—Булу радъ, отвѣчалъ я, если усмотрите, Ваше Преосвященство, лучшій пріемъ и угощеніе, но лучшаго обѣщать не смѣю и вотъ почему Здѣшняя церковь напр., находится на разстояніи отъ г.г. Устюга 165 верстъ, отъ Тотьмы 75-ти верстъ. Родственниковъ хозяева дома тамъ не имѣютъ и бываютъ конечно рѣдко. Хозяйка родилась здѣсь и дальше Тотьмы едва-ли куда и бывала. А хозяинъ—это бурсакъ, уже около 30-ти лѣтъ оставившій семинарію. Разсудите же, гдѣ и у кого мы могли бы научиться умѣнью обращаться съ высокими посѣтителями, принимать и занимать ихъ,—мы, вращающіеся только въ одномъ тѣсномъ кругу простаго народа? Гдѣ и какъ

научиться нашимъ матушкамъ хорошимъ манерамъ и кулинарному искусству, если большая часть ихъ учена была въ свое время ткать и прясть, за скотомъ ухаживать, хлѣбы печь, да дрова рубить,—и только. Въ дворянскихъ семьяхъ мы не бывали и если что знаемъ о нихъ, то только по разсказамъ, да по книжкамъ. Конечно тамъ не то. Тамъ богатство, свѣтскій лоскъ, цѣлый штатъ прислуги, тамъ умѣютъ принять и занять и угостить на славу. А у насъ, напр., здѣсь. У хозяйки нѣтъ даже и одной прислуги. Сама—она одна и скотница, и повариха, и кухарка, и горничная, и нянька, и хозяйка. По неволѣ хозяинъ долженъ въ экстренныхъ случаяхъ помогать хозяйкѣ и по кухнѣ, чѣмъ и объясняется отсутствіе того и другаго тула". Молчаливо слушавшій мои объясненія Преосвященный Израиль совершенно неожиданно поставилъ мнѣ вопросъ изъ другой области. Почему та рѣка, параллельно съ которою идетъ почтовый трактъ изъ Вологды къ Устюгу называется „Сухона"? Для меня, какъ сухонскаго уроженца, такой вопросъ былъ съ дѣтства любопытнымъ, и я давно рѣшилъ его въ своемъ умѣ, почему, не раздумывая, отвѣчалъ и Владыкѣ такъ.—Объ этомъ вопросѣ я размышлялъ еще въ годы юности и пришелъ къ заключенію, что это слово составное, только въ сокращеніи. Оно составилось изъ двухъ словъ „сухая" и „она", сокращенно „Сухона". Но такъ какъ рѣка не можетъ быть сухою, то значитъ, что это рѣка съ замѣчательно каменистыми ложемъ и берегами, прорѣзавшая каменистые скалы и горы. А что это такъ, слѣдуетъ только присмотрѣться къ ея берегамъ и ложу *). „Можетъ быть", сказалъ Владыка, не попробовавшій пирога съ рыбой и только выпившій полстакана чаю, и сталъ собираться въ путь. Я тотчасъ попросилъ благословенія ѣхать впередъ. Благословеніе было дано, но не приказано уѣзжать далеко отъ архіерейской кареты Черезъ полтора часа мы были уже въ моемъ округѣ, при Городищенской Богоявленской церкви. Предупредивъ Преосвященнаго на четверть часа, я успѣлъ распорядиться обо всемъ и по церкви, и по принятію высокаго гостя въ домѣ священника, успокоивши матушку и батюшка. Составъ причта здѣсь пятичленный, состоящій изъ двухъ священниковъ, діакона и двухъ псаломщиковъ. Встрѣча была обычная. Разсматривая въ алтарѣ документы, Преосвященный замѣтилъ только, что много не го-

*) Сухона—слово древне-финское и къ слову сухой отношенія не имѣетъ.

вѣющихъ, по небрежности. Остальное все въ алтарѣ найдено было имъ удовлетворительнымъ. Къ концу краткой молитвы и многолѣтія Владыка оставилъ документы и всталъ въ простѣнокъ между царскими вратами и сѣверной дверью. А я, не видя нужды переходить на сѣверную сторону алтаря, всталъ въ простѣнокъ южный. И тотчасъ же слышу, что Преосвященный что-то ворчитъ. Прислушавшись, я понялъ, что онъ твердитъ слова: „архіерей на лѣвой... (сторонѣ, разумѣется), благочинный — на правой“... И это нѣсколько разъ. Я смутился и сталъ соображать, какъ тутъ быть!.. Преосвященный не выдержалъ и самъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „кто изъ насъ архіерей то?“... Курьезно, а между тѣмъ дѣло происходило именно такъ. Я почтительно поклонился, извинился и объяснилъ, что это случайность, объясняющаяся тѣмъ, что я не видѣлъ болѣе нужды ходить безцѣльно по алтарю и предпочелъ остаться въ почтительномъ отдаленіи. Но если я ошибся, простите, сказалъ ему я, поклонился и ушелъ на сѣверную сторону, а Преосвященный тотчасъ же всталъ на мое мѣсто, но не надолго. Нужно было уже выходить на амвонъ если не для поученія, то для благословенія народа. Вышелъ и я, ставши передъ амвономъ, нѣсколько на сторону, какъ на молебнѣ. Съ другой же стороны стояли мѣстные священники. Зрителей въ церкви было много. Владыка началъ говорить поученіе, его, видимо, слушатели не понимали, почему онъ поручилъ продолжать его поученіе мнѣ и потомъ, когда народъ понялъ, что хотятъ ему сказать, остановилъ меня и закончилъ проповѣдь самъ, о чемъ подробно изложено раньше. На оградѣ угодно было Преосвященному послушать общее пѣніе. Я распорядился и началъ. Запѣли плохо. Послѣдовало приказаніе остановить пѣніе. Ни мало не раздумывая, я сказалъ тогда: „г.г. довольно, остановитесь“! И насѣлъ же на меня за слово „господа“ Преосвященный.—„Какъ? сказалъ онъ, развѣ это господа? Что вы сказали? А послѣ такого обращенія къ нимъ, въ присутствіи архіерея, они и въ самомъ дѣлѣ вообразятъ себя господами? Тогда что?“ Мнѣ показалось обиднымъ такое публичное замѣчаніе, я сталъ защищаться, указывая и на общепринятость этого слова и на разнообразіе публики, среди которой видны были мундиры чиновниковъ и дамскія шляпы. Преосвященный не унимался. Не унимался и я. Но замѣтивъ, что онъ уже начинаетъ раздражаться, я замолчалъ и шепнулъ о. Іоанну Александровичу Коржанину,

й теперь здравствующему настоятелю церкви, чтобы онъ приглашалъ его скорѣе кушать чаю и закусить. Ничего не отвѣчая на приглашеніе, Преосвященный въ слѣдъ за хозяиномъ пошелъ въ домъ его, а въ слѣдъ за нимъ и мы со вторымъ священникомъ о. Андреемъ Петровичемъ Нифонтовымъ, и пристава уѣздовъ Тотемскаго и Устюжскаго и еще кое кто изъ почетныхъ прихожанъ. День былъ солнечный, тихій, теплый. Всѣ окна и двери въ домѣ о. Іоанна были открыты. Хозяева провели дорогаго гостя въ гостинную и просили садиться, но гость нашъ, видимо чѣмъ-то недовольный, молчитъ и не садится: Въ чемъ же, думаю, дѣло? Гдѣ причина недовольства, которую надобно скорѣе устранить, если можно. Секретарь его тоже молчитъ. Не можетъ же быть, чтобы въ такой прекрасный день Преосвященный желалъ сидѣть при закрытыхъ окнахъ. Не въ сквозномъ-ли теченіи воздуха кроется причина, подумалъ я и самъ затворивъ двери, попросилъ оставить и окна открытыми только съ одной стороны, а всѣ остальныя закрыть. Оказалось, что этого именно и хотѣлось нашему высокому гостю достигнуть безъ напоминаній. Какъ только закрыты были двери и часть оконъ, Преосвященный сѣлъ въ гостинной на мягкій диванъ. Чай и свѣжая булка уже поданы. Взглянувъ на булку и попробовавъ ее, Преосвященный, все еще серьезный, спросилъ о. Іоанна: кто пекъ булку? Не понимая въ чемъ дѣло, онъ скромно отвѣчалъ: —жена. Тогда Преосвященный смутилъ уже всѣхъ насъ, сказавъ: пошлите ее сюда. А покойная матушка Александра Александровна, услышавъ требованіе епископа и вообразивъ, не запекла-ли въ булкѣ что нибудь несообразное, такъ испугалась, что на ней лица не было, когда подходила къ епископу. А между тѣмъ понравившался ему булка вызвала въ немъ лишь желаніе тотчасъ же поблагодарить хозяйку дома и благословить ее. Тогда повеселѣли и всѣ мы. А я нашелъ своевременнымъ извиниться передъ епископомъ за слово „господа“ и попросилъ прощенія за самооправданіе. Епископъ улыбнулся. Очевидно этого онъ только и ждалъ. — Но вразумите, сказалъ я, Владыка, какъ слѣдовало мнѣ обратиться къ разнородной толпѣ народа? И начали вырабатывать обращеніе. Отвергнувъ слова господа, братцы, братія, дѣти, остановились на словѣ „православные“. И прекрасно. Владыка сталъ наконецъ благодушнымъ, даже веселымъ за хорошимъ, хотя простымъ и не сложнымъ обѣдомъ, за которымъ онъ между прочимъ сказалъ, что въ Брусной онъ не

могъ, да и нечего было закусить. Спустя три часа мы были уже въ Кишкинской Христорождественской церкви. Здѣсь псаломщикъ-діаконъ Іоаннъ Троицкій поусердствовалъ, прибавивъ на многолѣтіи къ титулу епископа слово и „кавалеру“. Услышавъ это Преосвященный замѣтилъ: „съ этимъ дьякономъ пожалуй и меня отдадутъ подъ судъ“ и сдѣлалъ ему легонькое замѣчаніе. Общее пѣніе не удалось, и не мудрено,—оно вѣдь нигдѣ тогда еще не практиковалось. Благословляя народъ, Преосвященный требовалъ, чтобы желающій получить архипастырское благословеніе умѣлъ правильно складывать обѣ руки, а не протягать кое какъ, особенно одну руку. Онъ любилъ также, чтобы народъ подходилъ за благословеніемъ съ одной стороны, а не безпорядочно. Здѣсь онъ обратилъ также вниманіе и на то, что у молодыхъ парней имѣются кольца на рукахъ и сталъ самъ снимать съ рукъ эти кольца. Потомъ передалъ ихъ нѣкоему становому приставу, для возвращенія по принадлежности. Не понравились ему здѣшніе люди и онъ назвалъ ихъ какъ-будто про себя, тихонько „распущенной паствой“.

Вечеромъ пріѣхали мы въ Бобровую и ночевали у о. Іоанна Яхлакова. При осмотрѣ церкви и документовъ ничего особеннаго здѣсь не было. Выяснилось только то, что этотъ Преосвященный, увидѣвъ на жертвенникѣ распятіе, замѣтилъ, что это обычай католическій, а не православный. Лучше поэтому ничего не имѣть на жертвенникѣ, а распятіе надо убрать. Общее пѣніе здѣсь прошло лучше, чѣмъ на Кишкинѣ и въ Городищѣ, благодаря нѣсколькимъ женщинамъ, съ хорошими голосами, правильно пѣвшимъ. И этотъ Преосвященный не легъ на хозяйскую кровать и постель, а спалъ на доскахъ, постлавши на нихъ только свою верхнюю рясу. Поутру поѣхали мы дальше. До Стрѣленской церкви было верстъ 60. Теперь у меня, какъ человѣка уже не безъ опыта, имѣлось съ собою и винцо и закусочка, на всякій случай. Но этотъ Преосвященный ѣсть у меня на станціяхъ не запросилъ, молча покорялась необходимости воздержанія и свита. Въ часъ, или два пополудни того же дня мы были уже въ Стрѣльнѣ, гдѣ церковь хорошо устроенная, документы въ порядкѣ, а священникъ, человѣкъ очень радушный и хлѣбосольный. Самъ же я, достаточно изучивъ характеръ и вкусы Преосвященнаго Израиля, чувствовалъ себя въ курсѣ дѣла не только, какъ благочинный, но и какъ человѣкъ, психологъ. Церковь и документы были обслѣдованы Преосвященнымъ безъ

замѣчаній, общее пѣніе прошло не важно, положимъ, но все-таки и не безтолково. Установивъ народъ въ извѣстный порядокъ, я просилъ пристава слѣдить за нимъ, а самъ слѣдилъ за положеніемъ рукъ, для принятія благословенія, не кое-какъ протянувши одну руку, а сложивши обѣ руки вмѣстѣ, обязательно сверху притомъ правую руку, въ добромъ порядкѣ. Владыка былъ доволенъ и поручилъ мнѣ раздать народу большую пачку духовно-нравственныхъ листковъ и натѣльныхъ крестиковъ. Исполнивъ волю епископа я пошелъ его въ домѣ о. Прокопія уже сидящимъ на диванѣ, за стаканомъ чаю и, взглянувъ на столъ, гдѣ былъ устроенъ буфетъ, увидѣлъ здѣсь между прочимъ и бутылку коньяку, поставленную хозяиномъ вопреки моему совѣту. Безъ церемоніи и открыто убравъ ее со стола, я попросилъ себѣ стаканъ чаю. Преосвященный улыбался, не мѣшая мнѣ распоряжаться.—„А вы развѣ не вѣрите“, обращаясь ко мнѣ, сказалъ Владыка, „что архіерей безъ коньяку быть не можетъ“? —Не вѣрю, отвѣчалъ я твердо, еще въ Городищнѣ замѣтивъ косвенные намеки на злую молву объ архіереѣ и коньякѣ, о чемъ уже сказано раньше. Здѣсь была приготовлена отличная закуска, была даже стерляжья уха сварена изъ живыхъ стерлядей и налима, на ершовомъ бульонѣ. Здѣсь, какъ и въ Городищнѣ, Преосвященный удостоилъ насъ честью выпить съ нами по рюмкѣ какого-то вина, уже не помню. На столѣ у насъ однако не оказалось воды, да разливной ложки. На замѣчаніе Владыки объ отсутствіи ложки, хозяинъ откровенно объяснилъ, что у него ея нынѣ нѣтъ, когда-то бывала, да ушла съ дочерями, при выдачѣ ихъ замужъ. А относительно воды взволновался и заговорилъ: „экой же я дуракъ! Вѣдь я приготовилъ и медъ, и лимонадъ, и сельтерскую воду, да вотъ засуетился и забылъ подать на столъ“. И сейчасъ же, какъ человѣкъ вдовой, побѣжалъ на ледникъ за всѣмъ этимъ добромъ самъ. Къ счастію, все это было уже въ кухнѣ. Началась спѣшная раскупорка бутылокъ, одну изъ нихъ сунулъ мнѣ, другую приставу, а съ третьей возился самъ. Преосвященный, видимо, любовался искреннимъ добродушіемъ хозяина и на прощаньѣ благодарилъ за угощеніе. А то бываетъ вѣдь и такъ. Хозяинъ-священникъ и хозяйка дома хлопочутъ, хлопочутъ для высокаго гостя, останавливающагося нерѣдко и со свитой, расходуя послѣдніе рубли на приготовленія, а уѣзжающій гость и „спасибо“ не скажетъ. А о наградахъ не смѣй и думать, хотя бы былъ ты и исправнымъ

по службѣ. Одинъ Преосвященный на мою просьбу за этихъ людей не постѣснялся мнѣ отвѣчать, что хлѣбъ-соль ни къ чему не обязываетъ. Что же? Пусть и такъ.—Терпѣнію намъ не учиться. Но дальше.

На Слободской станціи, въ 26-ти верстахъ отъ Устюга, обыкновенно встрѣчалъ епархіальнаго епископа благочинный Устюжскихъ градскихъ церквей. Такъ было и на этотъ разъ. Къ Устюгу подъѣзжали мы вечерней порою, въ началѣ іюля. Тихій, теплый вечеръ, ясное небо. Золоченыя главы храмовъ Божіихъ, которыми богатъ нашъ городъ, горятъ подъ косыми лучами лѣтняго солнца. На большой рѣкѣ вода не шелохнется. А въ воздухѣ плавно разносится грандіозный гулъ колокольнаго звона со всѣхъ Устюжскихъ колоколенъ. И въ этомъ чудномъ хорѣ разнообразно гудящаго звона счастливо и эффектно выдѣляется бархатный басъ тысячепудоваго соборнаго колокола своею могучею октавой. Смотрѣть въ это время съ Дымкова на Устюгъ и слушать Устюжскій всеградскій звонъ—высокое наслажденіе для людей съ поэтическою искрой.

Послѣ бѣглаго осмотра Дымковскихъ храмовъ съ церковными документами, Преосвященные обычно переправлялись за рѣку Сухону прямо къ Успенскому собору на лодкѣ. На берегъ подавался экипажъ, въ которомъ и поѣзжали Преосвященные къ собору. Здѣсь встрѣчало ихъ все градское духовенство, которое и представляемо было подлежащими лицами. Говорили при встрѣчахъ иногда и рѣчи настоятели собора и Преосвященные, но не всѣ и не всегда. Здѣсь сказалъ свою знаменитую рѣчь въ 1841 году протоіерей Василій Іоанновичъ Нордовъ, встрѣчавшій Преосвященнаго Иннокентія Борисова Но Преосвященный Израиль рѣчей говорить не любилъ, да и ему, кажется, никто ничего не говорилъ. Если позволяло время, то Преосвященные, послѣ Успенскаго собора, тотчасъ же осматривали и соборъ Прокопіевскій и церковь св. Іоанна Праведнаго, стоящія въ одной оградѣ. Затѣмъ Преосвященные уѣзжали въ Михаило-Архангельскій монастырь, гдѣ и имѣли всегда временное мѣстопребываніе. А я оставался въ Устюгѣ потому, что здѣсь представлялъ преосвященнымъ близгородное духовенство моего округа и затѣмъ участвовалъ иногда и въ богослуженіяхъ по ихъ назначенію. А въ послѣднюю мою поѣздку съ нимъ въ 1887 году по первому благочинническому округу Устюжскаго уѣзда, я остался потому, что Преосвященный Израиль выразилъ твердое

намѣреніе посѣтить послѣ Устюга, стоящую въ 17 верстахъ отъ Устюга и въ 7-ми верстахъ отъ Двинскаго почтоваго тракта Пятницкую Погорѣловскую церковь, священникъ которой о. Николай Алексѣевичъ Поповъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ оклеветанъ передъ епископомъ, чего я и не зналъ тогда. На этотъ разъ, по распоряженію Преосвященнаго, въ Устюгѣ частію я служилъ съ нимъ, частію пѣлъ въ хорѣ съ пѣвчими. Пришло время выѣзда изъ Устюга для Преосвященнаго Израиля во второй благочинническій округъ Устюжскаго уѣзда. И прежде, чѣмъ прибыть къ Пятницкой Погорѣловской церкви моего округа, нужно было, по путевымъ соображеніямъ, осмотрѣть двѣ церкви второго округа, а именно: Царе-Константиновскую Нокшинскую и Богородскую Бобровниковскую. Надо ѣхать. Уже поданы лошади. А окружнаго благочиннаго нѣтъ. По справкѣ оказалось, что онъ прибылъ въ Устюгъ и заболѣлъ, какъ русскій, съ радости и горя, ни разу не явившись даже епископу. Я предложилъ епископу свои услуги и онъ ихъ принялъ, послѣ легонькихъ возраженій, но приказалъ ѣхать не впереди его, а въ числѣ свиты, позади. Спустя часъ, мы приближались къ Царе-Константиновской церкви. Колокольный звонъ здѣсь раздался уже тогда, когда владычній поѣздъ былъ близъ церкви, почему и мѣстный причтъ, ожидавшій появленія прежде всего своего о. благочиннаго, не успѣлъ встрѣтить „по чину“ архипастыря. При входѣ же его въ церковь причтъ однако явился и входилъ въ нее съ нами вмѣстѣ. Едва переступилъ Преосвященный за порогъ церковный, какъ, окинувъ взглядомъ храмъ Божій и не обращаясь ни къ кому лично, гнѣвно заговорилъ: „куда меня привели?“ Молчаніе. Снова тотъ же вопросъ: „куда меня привели“? И опять молчаніе. Молодой священникъ о. Николай Аѳанасьевичъ Шайтановъ, нынѣ уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ Устюжскаго уѣзда, началъ теряться, а я въ недоумѣніи пошелъ осматривать церковь, гдѣ все было довольно прилично, кромѣ скамей, устроенныхъ для народа во внѣбогослужебное время.—„Да это костелъ“, раздались въ слѣдъ за мною слова Владыки, продолжавшаго неподвижно стоять у порога. Тогда я смекнулъ, что епископу не нравятся находящіяся въ храмѣ скамьи, о чемъ и сказалъ о. Николаю. А этотъ живой, по темпераменту, человѣкъ въ ту же минуту кликнулъ людей и немедленно началъ выносить скамьи изъ церкви. Преосвященный пошелъ дальше. Не смотря на то, что храмъ былъ не освѣщенъ и царскія

двери въ алтарѣ не были открыты, Владыка больше не волновался и ревизія вообще закончилась благополучно. Общее пѣніе не удавалось и здѣсь, какъ почти вездѣ. За порядкомъ же, при желаніи народа принять архипастырское благословеніе, слѣдилъ я уже внимательно. Еще черезъ часъ мы были уже на Бобровниковѣ. Здѣсь Преосвященнаго Израиля духовенство совершенно не встрѣчало. Колокольнаго звона не было и церковь была заперта, когда подошелъ къ ней Преосвященный. Но завидѣвъ архіерейскую карету и свитскій поѣздъ, откуда-то скоро явился церковный сторожъ и пустилъ насъ въ церковь. Я надѣлъ эпитрахиль и отворилъ царскія двери. Преосвященный былъ уже въ алтарѣ когда пришелъ священникъ о. Димитрій Вахрамѣевъ. И замѣчательное дѣло, Преосвященный не сказалъ ему ни одного слова упрека. Церковные документы были въ порядкѣ и церковь содержалась прилично. Общаго пѣнія здѣсь уже не было, безъ сомнѣнія, по малочисленности прихожанъ, окружавшихъ епископа.—Гдѣ ты пропадалъ? спросилъ я хорошо знакомаго мнѣ священника.—А спалъ, не давно пріѣхалъ съ Морозовицы, отвѣчалъ онъ,—со сватьбы Платона Николаевича Скворцова, женившагося на старшей дочери о. Акиндина Коносова и бывшаго потомъ въ Лальскѣ священникомъ.

— А чаемъ напоишь? Жаръ нестерпимый, пить хочется, продолжалъ я, пока Преосвященный говорилъ о чемъ-то съ народомъ.

— Одинъ идя, напою, а архіерея на надо.

— Почему?

— А потому, что любитъ браниться. Въ прошлую поѣздку разнесъ меня, безъ всякой причины...

— Не можетъ быть, сказалъ я и простился съ о. Димитріемъ. Владыка шелъ уже къ каретѣ. Отсюда должны были мы направиться къ Пятницкой Погорѣловской церкви моего округа. Мнѣ позволено было ѣхать передъ епископомъ и не уѣзжать отъ него. Секретарь посаженъ со мною. Знакомства съ нимъ у меня не завязалось и разговоръ не клеился. Послѣ полуторачасовой ѣзды показалась наконецъ и Пятницкая церковь, гдѣ причтъ, извѣщенный мною своевременно, ожидалъ архипастыря бдительно. Встрѣча послѣдовала обычно. Народа было много. Въ церкви все было на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ, хотя церковь и не блистала цѣнными украшеніями, богатствомъ утвари и ризницы. Документы церковные были также чисты и исправны. Наличный

же священникъ служилъ здѣсь только два года. Между тѣмъ Преосвященный на каждомъ шагу къ нему придирался неимовѣрно, а секретарь его все время что-то записывалъ. Такое обращеніе епископа съ однимъ изъ лучшихъ священниковъ округа меня удивляло, а народъ возмущало. Народъ начиналъ меня уже спрашивать, что значитъ гнѣвъ епископа, казавшійся и ему несправедливымъ, но и самъ я ничего не понималъ и начиналъ волноваться. На оградѣ, по обычаю, Преосвященный приказалъ народу спѣть „Царю небесный“, „Спаси Господи люди твоя“ и другія церковныя пѣсни. И пѣніе это было очень не дурное. А Владыка, не обращая вниманія на просьбу священника благословить сѣмена на приготовленномъ около хижины псаломщика столѣ и затѣмъ удостоить архипастырскаго посѣщенія его квартиру, порывался сѣсти въ экипажъ и уѣхать. Ничего не понимая относительно безпричиннаго, повидимому, гнѣва епископа, я сталъ тихо и осторожно докладывать ему, что, не посѣтивши священника, уѣхать было бы едва-ли удобно. Народъ не понимаетъ вашего гнѣва и Богъ знаетъ, какъ онъ взглянетъ на васъ, если вы не зайдете въ домъ священника.—Почтительнѣйше прошу васъ—посѣтить. Преосвященный просьбу мою уважилъ, благословилъ сѣмена и, благословивъ жену священника, вошелъ въ его домъ, гдѣ готова была закуска и чай. Пирога съ рыбой уже не было, рыба приготовлена была иначе на холодное и жаркое, была, помнится, и уха стерляжья. Нашъ гнѣвный Владыка сталъ видимо успокаиваться, но съ хозяевами дома ничего не говорилъ. Тѣмъ не менѣе всѣ мы здѣсь отлично закусили и напились—кто чаю, кто лимонаду. Сюда же явился и запоздавшій благочинный церквей втораго Устюжскаго округа. Вотъ, наивно думалъ я, опять будетъ шума-то! Между тѣмъ епископъ не сказалъ ему въ упрекъ ни слова, какъ будто былъ онъ ни въ чемъ неповиненъ. Это былъ Комарицкій священникъ о. Іоаннъ Матвѣевичъ Поповъ, сейчасъ же отпущенный къ слѣдующей церкви, для предувѣдомленія причта. Тогда только подумалъ я, что есть же люди, умѣющіе изъ воды выходить сухими. По окончаніи обѣда Преосвященный Израиль выразилъ желаніе пройти по полю, которымъ проходила дорога, пѣшкомъ. За нимъ слѣдовали секретарь, я и слуга, а впереди священникъ со псаломщикомъ и народомъ, котораго было все еще много.—И пѣли, и пѣли, много пѣли. Однако разгнѣванный епископъ и при прощальномъ благословеніи народа и духовенства не нашелъ въ ду-

мѣ своей для мѣстнаго священника добраго слова. Что значило бы это? На душѣ у меня было тяжело. Недоумѣніе мое однако скоро разъяснилось. Когда выѣхали мы на большую дорогу, гдѣ оставалась архіерейская карэта, Преосвященный пригласилъ меня погулять съ нимъ по большой дорогѣ и заговорилъ со мною откровенно. Ему было донесено въ свое время, что этотъ священникъ, бывшій депутатомъ на послѣднемъ епархіальномъ съѣздѣ, будто-бы сталъ, въ числѣ немногихъ, по какому-то вопросу, въ оппозицію противъ епархіальнаго начальства.—„Надо его поучить. Учите его хорошенько. Пусть пойметъ, какъ надо жить у служить“.—„Знаю я“, говорилъ епископъ, „всѣхъ этихъ болтуновъ поименно“... А меня спросилъ епископъ, почему не прошусь я на настоятельское мѣсто въ Лальскій соборъ, бывшее тогда свободнымъ? Поблагодаривъ за вниманіе, я отвѣчалъ, что указъ Консисторіи съ благосклоннымъ предложеніемъ начальства я получилъ и отвѣчалъ на него не прошеніемъ, а отзывомъ во первыхъ потому, что отъ меня отзывъ и требовался, а во вторыхъ потому, что проситься сельскому священнику на штатное протоіерейское мѣсто въ городской соборъ считаю по меньшей мѣрѣ не приличнымъ.—Но вѣдь я не перекаю начальству, я отдаю себя въ его волю, несмотря на то, что мое настоящее мѣсто, въ смыслѣ доходности, не хуже Лальскаго протоіерейскаго, что я здѣсь пользуюсь полнымъ расположеніемъ паствы, какъ священникъ, и духовенства, какъ благочинный, да наконецъ имѣю и свой хорошій домъ. На этомъ кончилась моя бесѣда съ архипастыремъ, среди большой дороги, въ виду Синегодской церкви, куда поѣхалъ епископъ. А я поѣхалъ въ Устюгъ и оттуда уже домой. послѣ некратковременнаго странствованія по округу съ этимъ Владыкою.

До самой смерти, этотъ архипастырь, какъ и всѣ другіе епископы Вологодскіе, удостоивалъ меня своего высокаго вниманія и расположенія и отечески журилъ еще дважды. Однажды на приглашеніе его служить съ нимъ въ Устюгѣ, не раздумывая о формѣ выраженія, я отвѣтилъ: „съ удовольствіемъ Ваше Преосвященство“ и получилъ выговоръ *). Въ другой разъ, будучи предсѣдателемъ на одномъ изъ епархіальныхъ съѣздовъ,

*) Епископъ замѣтилъ, что по отношенію къ молитвѣ выраженіе „съ удовольствіемъ“, какъ свѣтское, неумѣстно.—„А какъ слѣдовало сказать“, тотчасъ спросилъ меня.—„Для меня особенное, высокое утѣшеніе молиться съ вами, Преосвященнѣйшій Владыка“, тогда поправился я. И Преосвященный успокоился.

заболѣлъ я инфлуэнцой и въ такомъ состояніи явился къ нему съ докладомъ. Сразу замѣтивъ, что я боленъ, онъ заботливо распросилъ меня подробно о времени заболѣванія, о признакахъ болѣзни и въ тоже время самъ опредѣлилъ мою болѣзнь и сказалъ: что значитъ инфлуэнца?" Вѣдь это слово латинское, добавилъ онъ. А мнѣ было такъ не хорошо, что едва держался на ногахъ,—мнѣ было не до латинскихъ переводовъ и чтобы разомъ покончить разговоръ не на тему, по моему мнѣнію, я отвѣчалъ кратко и рѣзко: „простите, Владыка, забылъ я всю латынь". Ему этотъ отвѣтъ мой не понравился, онъ не долго, но все-таки поворчалъ и затѣмъ усадивъ въ кресло, сталъ размышлять въ слухъ, какъ быть дѣлу. Отпустить къ врачамъ меня ему не хотѣлось, онъ зналъ и говорилъ, что врачи уложатъ меня въ постель. Товарища по предсѣдательству у меня не было, да этотъ епископъ и не жаловалъ товарищей. Замѣстить меня ему ни кѣмъ не хотѣлось, а я, уже видѣлъ онъ, предсѣдательствовать не могу. Что же разсудилъ этотъ епископъ? Самъ написалъ мнѣ рецептъ и приказалъ сейчасъ же послать за лѣкарствомъ и начать принимать его, сидя на съѣздѣ, а если не могу сидѣть и руководить съѣздомъ, то лично, а не по выбору поручить умному человѣку вести дѣло, а самому мнѣ оставаться въ собраніи, хотя бы и лежа на диванѣ, для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Такъ и было поступлено, въ отношеніи лѣченія, засѣданія же кое какъ я провелъ все еще самъ, а на слѣдующій день, хотя и чувствовалась слабость, но стало мнѣ легче. Интересно было потомъ видѣть, какъ радъ былъ докторъ-епископъ такому блестящему успѣху своего лѣченія заболѣвшаго предсѣдателя епархіальнаго съѣзда.

Въ дѣлахъ деликатнаго свойства, касающихся чести священнаго сана, особенно тамъ, гдѣ и когда имѣется на лицо не мало подозрѣній, когда осаждаютъ Преосвященнаго Израиля, бывало, анонимными жалобами и кляузами, онъ былъ очень остороженъ и милостивъ. Не одного изъ несчастныхъ вдовыхъ священниковъ, благодаря великодушному заступничеству этого добраго епископа, мнѣ удалось спасти отъ судебнаго преслѣдованія и достигнуть умиротворенія совѣсти соблазняющихся лицемѣрно, или искренно, по честнымъ, или безчестнымъ побужденіямъ.— чего не бываетъ только на свѣтѣ? Накопится, бывало, у Преосвященнаго анонимовъ, онъ присылалъ ихъ мнѣ для негласнаго дознанія, по жалобамъ. Я ихъ провѣрю и донесу примѣрно такъ,

что не добрымъ людямъ подозрѣвать и голословно обвинять можно кого угодно и въ чемъ угодно. Доказательствъ же виновности обвиняемаго нѣтъ, а если и есть что, такъ только поводы къ подозрѣнію, которые и постараюсь устранить, если послѣдуетъ со стороны Вашего Преосвященства соизволеніе, а со стороны обвиняемаго послушаніе. Преосвященный давалъ мнѣ право властно распоряжаться и дѣйствовать, въ отношеніи обвиняемыхъ, съ донесеніемъ о результатахъ. Духовенство мнѣ вѣрило, совѣтами не пренебрегало и такимъ образомъ дѣла кончались благополучно. Одинъ только священникъ, не пожелавшій перемѣститься на другое мѣсто, въ надеждѣ на лицемѣрившихъ прихожанъ, что они его не выдадутъ, потребовалъ слѣдствія. На слѣдствіи-то и не поддержали прихожане своего батюшки, почему и былъ онъ уволенъ за штатъ преждевременно. Въ случаяхъ же вниманія къ моимъ совѣтамъ, дававшимся по волѣ епископа, всѣ дѣла этого рода обыкновенно заканчивались благополучно между мною и архіереемъ и не сдавались въ Консисторію. Изъ множества слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ мною въ разное время, по порученіямъ епархіальнаго начальства, укажу еще на одно, свидѣтельствующее о доброй душѣ Преосвященнаго Израиля. Одинъ весьма неглупый и далеко нестарый священникъ, бывшій даже благочиннымъ, подвергся суду за разныя служебныя и вообще по поведенію погрѣшности, на почвѣ недостаточной трезвости. Обвиненія были тяжелыя и по количеству и по качеству. По предварительному дознанію и по слѣдствію, произведенному почему-то, вопреки закону, гнѣвавшимся на этого священника однимъ и тѣмъ же лицемъ, всѣ обвиненія были доказаны. Обвиняемому священнику угрожало лишеніе сана, а онъ былъ человѣкъ многосемейный. Видя бѣду, онъ бросился въ Вологду искать пощады у епископа, котораго не напрасно же мы называемъ „архипастырь и отецъ“. Не знаю, какъ упрашивалъ этотъ священникъ Преосвященнаго пощадить его немощи и грѣхи, быть можетъ и преувеличенные частію, но упросилъ Владыку назначить вторичное слѣдствіе, въ формѣ протеста противъ перваго слѣдствія, явно недоброжелательнаго и производившаго притомъ же объ немъ и дознаніе. Оставалось найти доброму архіерею такого священника, который хотѣлъ бы и сумѣлъ-бы спасти несчастнаго отъ гибели и семью его отъ нищеты Я былъ тогда депутатомъ на одномъ изъ епархіальныхъ съѣздовъ въ Вологдѣ, а въ какомъ именно году не помню. Преосвященный призываетъ меня однажды къ себѣ и разсказываетъ мнѣ о печальной судьбѣ этого священника.

Знаю-ли я этого священника и что слыхалъ я про его дѣло, спросилъ меня между прочимъ Преосвященный. Священника я зналъ мало, а о дѣлѣ его ничего не слыхалъ. Такъ и отвѣчалъ я Епископу. Тогда Епископъ, разсказавъ мнѣ весь ходъ дѣла и сдѣлавъ общій отзывъ о его поведеніи, сказалъ, что «у него 9 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ кто учится въ Устюгѣ, кто въ Вологдѣ, а одинъ сынъ уже въ Московской д. академіи. Между тѣмъ, по сдѣланному слѣдствію, онъ оказывается такъ виноватъ, что подлежитъ лишенію сана. Онъ былъ у меня и въ слезахъ умолялъ о пощадѣ и милости, ради невинной въ грѣхахъ его семьи. Мнѣ стало жаль и я рѣшился назначить повторное слѣдствіе, въ виду формальныхъ неправильностей въ слѣдственномъ производствѣ», говорилъ Епископъ.— „Не знаю вотъ только кому довѣрить это дѣло“? Тотчасъ же я началъ рекомендовать Владыкѣ умныхъ и опытныхъ слѣдователей, но отъ него слышалъ только „нѣтъ, не годятся; если я назначаю второе слѣдствіе,—это значитъ, что я хочу спасти человѣка, а въ нихъ я не увѣренъ.—Поѣзжайте, вы“, вдругъ рѣшительно сказалъ мнѣ Владыка. Такое распоряженіе его меня не столько удивило, сколько ставило въ затруднительное, даже опасное положеніе. Производившій дознаніе и слѣдствіе человѣкъ былъ старшій членъ Духовнаго правленія, по сану протоіерей и мой короткій и давній знакомый. Я не хочу называть его по имени, хотя онъ уже и умеръ давно. Все это я объяснилъ Епископу и добавилъ, что производствомъ этого повторнаго слѣдствія, съ предвзятою мыслію о пощадѣ обвиняемаго, я рискую самъ подвергнуться гнѣву и мести Духовнаго Правленія, а можетъ быть Консисторіи. —„Нѣтъ“, отвѣчалъ мнѣ Владыка, „Консисторія раздѣляетъ мои мысли, а Духовнаго правленія, пока я живъ, бояться вамъ нечего“.—„Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ товарища“, просилъ я Епископа, но онъ товарища мнѣ не далъ и приказалъ произвести слѣдствіе этому одному. Нужно было повиноваться. Не легкое порученіе это было мною принято и слѣдствіе произведено съ значительною пощадою. Тяжелыя обвиненія поколеблены и казались недоказанными. Обвинявшійся священникъ подвергнуть былъ только трехмѣсячному заключенію въ монастырь на послушаніе, кажется, даже безъ запрещенія священнослуженія. Ну, а Велико-Устюжскія-то власти долгонько и очень на меня гнѣвались, да и теперь, скажу кстати, не особенно жалуютъ, но почему—право же не знаю.

При Преосвященномъ Израилѣ и по его порученію я долженъ былъ въ 1885 году встрѣчать въ селѣ Бобровскомъ Устюжскаго уѣзда Великаго Князя Владиміра Александровича и, въ его присутствіи, отслужить въ мѣстной церкви литургію. То и другое исполнить удалось мнѣ благополучно. Служить только пришлось мнѣ не литургію 9-го іюля, какъ предполагалось по маршруту, а всенощное бдѣніе въ 6 часовъ вечера 8-го іюля. Составъ духовенства, для соборнаго служенія, былъ сформированъ мною достаточный и приличный изъ священниковъ, о.о. діаконовъ и псаломщиковъ округа, утварь и ризница взята была отъ церквей достаточныхъ. Всѣмъ и каждому разъяснены были личныя и общія обязанности. Духовенство, приглашенное въ Бобровское заблаговременно, явилось своевременно. Встрѣча, проводы, служба, чтеніе, пѣніе—все было прорепетировано и такимъ образомъ прошло все благополучно. Великій Князь, видимо, остался всѣмъ доволенъ, что, жалуя мнѣ и мѣстному священнику о. Ѳеодору Васильевичу Колпакову по кабинетной фотографической карточкѣ, и изволилъ выразить словами: „благодарю за отличное принятіе ваше и за таковую же пристань“. Подробное описаніе этого событія желающіе могутъ читать въ №№ 6 и 9-мъ Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1909 годъ, въ статьѣ прот. А. Попова: „Село Бобровское и его Августѣйшіе Посѣтители“.

Въ этомъ же году праздновался 50-тилѣтній юбилей заслуженнаго священника о. Іоанна Варѳоломеевича Дроздова, 24 года бывшаго при томъ окружнымъ благочиннымъ. Въ соборномъ служеніи участвовалъ, кромѣ меня и юбиляра, Благовѣщенской Близгородной церкви священникъ о. Павелъ Александровичъ Дмитріевъ, а зять о. Дроздова не давно умершій въ санѣ протоіерея, Устюжскій священникъ о. Александръ Дмитріевичъ Жуковъ, прибылъ только къ молебну, если не ошибаюсь. Прихожанъ за литургіею было такъ много, что отъ сгустившагося воздуха свѣчи въ церкви гасли. Но никакой депутаціи отъ нихъ для поздравленія юбиляра не было и поднесеній юбиляру, кромѣ иконы отъ окружнаго духовенства, пріобрѣтенной на средства его, но иниціативѣ Благочиннаго. При поднесеніи передъ молебномъ этой иконы Спасителя, въ серебряной золоченной ризѣ, о. Іоанну, я сказалъ небольшую, приличную случаю рѣчь, а въ домѣ его были прочтены привѣтствія отъ священника Городищенской Богоявленской церкви, нынѣ протоіерея о. Іоанна Алек-

сандровича Коржавина, да нѣсколько привѣтствій отъ дѣтей его,—и только. А затѣмъ угощены мы были тамъ и хлѣбомъ-солью. Была за столомъ водка, наливка, даже тенерифу бутылка. Угощая насъ, маститый юбиляръ пояснилъ, что одинъ изъ сыновей его петербургскій докторъ и доцентъ Медицинской академіи Викторъ Ивановичъ Дроздовъ, послѣ какой-то болѣзни, прописалъ ему пить тенерифъ, несомнѣнно хорошій. А онъ, желая исполнить рецептъ сына-врача и покупая какую-то дрянь, по 40 копѣекъ бутылку, изволилъ лѣчить себя этимъ виномъ и угощать насъ на своемъ торжествѣ. Интересно при этомъ и то, что, когда я, испрашивая разрѣшенія на празднованіе его юбилея, ходатайствовалъ о возведеніи маститаго юбиляра въ санъ протоіерея, секретарь Консисторіи написалъ мнѣ записку, въ которой было сказано: „не хлопочите, рекомендуемаго знаемъ, онъ очень скупъ“...

А въ слѣдующемъ 1886 году мнѣ суждено было отпраздновать, по церковному чину, 50-тилѣтній юбилей службы церкви Божіей моего родителя, Луженгской Николаевской церкви Устюжскаго уѣзда псаломщика Алексѣя Андреевича Попова. Изъ семи человѣкъ дѣтей на юбилейное торжество его прибыли только два сына и двѣ, помнится, дочери; третій сынъ, священствующій и нынѣ благополучно въ селѣ Нименьгѣ Онежскаго уѣзда Архангельской епархіи о. Виталій Алексѣевичъ Поповъ, не прибылъ къ родителямъ, по отдаленности разстоянія, а дочери,— по домашнимъ обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе это церковное празднованіе 50-тилѣтняго юбилея службы сельскаго причетника, устроенное дѣтьми его, мѣстнымъ благочиннымъ и бывшимъ священникомъ Пятницкой Погорѣльской церкви о. Николаемъ Алексѣевичемъ Поповымъ, было такъ утѣшительно для нашихъ родителей, что нынѣ спустя 24 года и 5 мѣсяцевъ, я не въ силахъ описать радости и благодареній Господу Богу моихъ родителей, едва слыхавшихъ о такихъ праздникахъ и не смѣвшихъ мечтать о томъ, что они увидятъ всѣхъ сыновей своихъ священниками, изъ коихъ одинъ уже былъ благочиннымъ и носилъ камилавку. При участіи мѣстнаго причта 3 сентября совершены были Богослуженія утреннее и литургійное, съ благодарнымъ Господу Богу молебствіемъ. Выходя же на молебенъ, я сказалъ слѣдующую рѣчь: „Достопочитаемый юбиляръ, возлюбленный родитель мой Алексѣй Андреевичъ! Бываютъ дни, а иногда и недѣли, когда съ утра до вечера все непогода, дождь и туманъ,

вѣтеръ и холодъ, — свѣта Божьяго не видно. Но вотъ на конецъ стихаетъ вѣтеръ, проясняется небо и проглядываетъ всеоживляющій лучъ солнца, обѣщая тихій, теплый, благоухающій вечеръ. Съ такимъ состояніемъ погоды, мнѣ кажется позволительно сравнить всю вашу долголѣтнюю прошлую жизнь. Шестьдесятъ восемь лѣтъ прожили вы на свѣтѣ, пятьдесятъ лѣтъ изъ нихъ состоите на службѣ, а много-ли безоблачныхъ дней, — разумѣю бѣдность и скорби, — помните вы въ жизни? За то нужды, непріятностей, печали — на вашу долю выпало не мало. Еще въ дѣтствѣ, въ дошкольный періодъ, узнали вы горе, скитаясь бездомнымъ горемыкой по деревнямъ и чужимъ людямъ, по причинѣ несчастія, постигшаго вашего родителя и всю его семью *) А въ самостоятельной жизни вы цѣлый вѣкъ неустанно боролись съ нуждою, въ потѣ лица, съ необычайнымъ трудомъ содержали большую вашу семью, но никого изъ насъ не пустили вы „по-міру“, всѣхъ воспитали и прилично устроили. Только тотъ, кто не имѣетъ дѣтей, не пойметъ развѣ всей жгучести и глубины тѣхъ скорбей и заботъ, коими сопровождаетъ сердце родителей каждый шагъ въ жизни дѣтей. И въ тоже время сколько перенесли вы разнороднѣйшихъ несправедливостей, обидъ, притѣсненій, наказаній!.. И какъ будто всего этого было еще мало. Въ концѣ концевъ, когда вы уже на старости лѣтъ пріобрѣли собственный домикъ, Богу угодно было и самый домъ вашъ, со всѣмъ скарбомъ, до послѣдней нитки, истребить пожаромъ. Да! Трудно и тяжело протекла вся ваша жизнь, до послѣдняго времени. — Плохо жилось вамъ на свѣтѣ, такъ плохо, какъ не многимъ... Но вы знали, что на небесахъ есть Богъ, Отецъ щедротъ и всякія утѣхи, знали и замѣчательно терпѣливо несли свою тяжкую долю. И „съ вышнихъ призираяй, убогія пріемля“, Господь видѣлъ все это. Онъ видѣлъ ваши попеченія о родителяхъ, которыхъ пріютили и покоили вы до часа смертнаго, во время безпомощной ихъ старости. Онъ видѣлъ труды и заботы о судьбѣ дѣтей вашихъ, которыхъ хотѣлось вамъ видѣть счастливыми. Господь слышалъ ваши вздохи и стенанія отъ трудовъ непосильныхъ, при надвигавшейся старости, и ваши вопли сердечныя въ бѣдахъ и напастяхъ, — видѣлъ и наградилъ ваше терпѣніе. Видите-ли вы это? Но не видѣть невозможно. Посмотрите! Много-ли кругомъ васъ такихъ родителей, которые, дожи-

*) Покойный дѣдъ мой священникъ Озерецкой ц. Тотемскаго уѣзда Андрей Филипповичъ Поповъ за случайный ушибъ до смерти овцы, при выгонѣ скота изъ церковной ограды, былъ лишенъ мѣста и сана.

вая до почтенной старости въ благословенномъ супружествѣ, видятъ всѣхъ дѣтей своихъ прилично устроенными и благополучно живущими уже своими семействами? Но это счастіе вамъ даровано. Много-ли людей нашего званія, доживающихъ, въ крѣпости силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, до единственнаго и рѣдкаго торжества въ нашей жизни,—до юбилейнаго дня 50 тилѣтняго служенія церкви Божіей? И это счастіе вы теперь переживаете. Много-ли наконецъ такихъ родителей, которые могли бы жить и служить на закатѣ дней своихъ, подъ кровомъ и ближайшею властію почтительныхъ дѣтей своихъ? И гдѣ эти счастливцы? Но и это весьма рѣдкое счастіе вы имѣете. И при такомъ-то необыкновенномъ сочетаніи счастливыхъ обстоятельствъ, вамъ, окружаемому дѣтьми и дѣтьми дѣтей вашихъ, судилъ Господь, по неизреченной своей милости переживать теперь священныя минуты великаго дня 50-тилѣтняго юбилея вашего служенія Господу въ скромной, но почтенной долѣ церковнаго чтеца и пѣвца. Воистину удивилъ Господь милость свою на насъ, не по беззаконіямъ нашимъ сотворивъ намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздавъ намъ.—Такъ, на старости лѣтъ, пришли ваши свѣтлые дни, при вечерѣ жизни взошло ваше солнышко красное. Не погнѣвайся на меня, ты, дорогая моя матушка, что до сего времени я говорилъ, обращаясь, повидимому, только къ родителю. Нѣтъ, многое изъ сказаннаго, и при томъ самое существенное, въ равной мѣр . если еще не болѣе, относится и къ тебѣ. Мы не забыли твоихъ заботъ, твоихъ уроковъ и наставленій, твоихъ слезъ и молитвъ.. Почтительно благодаримъ мы васъ и низко кланяемся тому и другому, воздавая славу и благодареніе за все, горькое и сладкое въ жизни,—Господу Богу. Пріидите же, поклонимся и припадемъ ко Христу въ благодарной молитвѣ! Спаси насъ, Сыне Божій, человѣколюбно вся строяй и полезное всѣмъ подаваяй! И юбиляра нашего и супругу его, судьба коея неразрывно соединена съ нимъ, соблюди и сохрани въ мирѣ, здравіи и спасеніи еще на многая лѣта!»

Въ этой рѣчи я слегка указалъ на понесенныя моими родителями несправедливости, обиды, наказанія. Что же такое было съ ними? Было вотъ что: напримѣръ, участвуетъ молодой малограмотный причетникъ, по требованію священника, въ повѣнчаніи въ родствѣ брака и, не будучи въ состояніи оправдаться, посылается, вмѣстѣ съ священникомъ въ монастырь. Уходитъ онъ раннимъ утромъ въ царскій лѣтній день за лошадью въ лѣсъ,

въ надеждѣ успѣть привести ее до молебна (литургій не служилось) и не успѣваетъ къ молебну. Въ результатѣ доносъ и опять монастырь. О правильномъ раздѣлѣ доходовъ и говорить не приходится. При трехъ священникахъ служилъ мой родитель, въ теченіе 50-ти лѣтъ, и ни при одномъ изъ нихъ не зналъ, какъ велика была братская кружка, хотя бы за одинъ годъ. Кружки были, но въ нихъ опускались деньги, только въ церкви и то не всѣ и не всегда и записи денежныхъ доходовъ не было Деньги оставались на рукахъ священниковъ, которые, сколько и когда изволили, столько и давали. Когда, ставши благочиннымъ, я потребовалъ записи доходовъ въ устроенныя для того книги, то долго еще нѣкоторые священники, даже бывшіе благочинными, упирались, не давали подробныхъ записей, а писали такъ: за мѣсяцъ N раздѣлено столько-то. А такъ какъ мой родитель не отличался грамотностію и каллиграфіей, то за него писали книги и бумаги сами священники и, понятно, брали, что хотѣли. Въ молодые годы, помню, родители мои очень скорбѣли и волновались, а потомъ уже только и говорили: „ну Богъ съ ними! —мы прожили вѣкъ, были сыты и одѣты и теперь не хуже ихъ живемъ.—Что дадутъ, то и ладно“. Судите же, съ какими чувствами молились мы и наши родители въ день юбилея моего родителя, скромно празднуя его въ тѣсномъ кругу родной семьи.—Буди имя Господне благословенно во вѣки!

XVI.

Прошло 9 мѣсяцевъ и 4 дня послѣ 50-ти лѣтняго юбилея моего родителя, какъ 17-го іюня 1887 года я имѣлъ честь получить изъ Вологодской Д. Консисторіи указъ отъ 6 іюня 1887 года, за № 3174, которымъ, по резолюціи Преосвященнаго Израиля отъ 7 мая того же года, предложено было мнѣ занятіе настоятельскаго мѣста при одномъ изъ городскихъ соборовъ епархіи. Хотя я и привыкъ къ предложеніямъ городскихъ мѣстъ и не разъ уже былъ переводимъ на нихъ и въ Устюгъ и въ Вологду, но я смутился и не рѣшался. Льстилъ мнѣ санъ протоіерейскій, но я былъ связанъ словомъ предъ моею паствою не уходить отъ нея, по своей волѣ, да боялся и нужды. Я зналъ, что содержаніе многочленнаго причта въ этомъ соборѣ, безъ побочныхъ средствъ, безъ казенныхъ домовъ, неудовлетворительное. А отъ меня требовался отзывъ. Подумавъ съ недѣлю, отзывъ, а не прошеніе и послалъ я епархіальному Епископу, въ

которомъ, не просясь и не прекая, я отдавалъ себя покорно во власть моего архипастыря и отца. Прошло два мѣсяца. 18 августа 1887 года я получилъ изъ Консисторіи новый указъ отъ 8 августа за № 4428, объ опредѣленіи меня на настоятельское мѣсто въ городской соборъ, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея 30 августа въ Вологдѣ. Узнавшіе эту новость прихожане опять заволновались. Но я успокаивалъ ихъ тѣмъ, что я пошелъ отъ нихъ не по своей волѣ, а по волѣ начальства. И мнѣ опять, какъ десять лѣтъ назадъ, очень жаль стало ихъ, жаль было незаконченнаго переустройства церкви, жаль стало и своего дорого стоившаго (до 2000 рублей) дома. Но дѣло было кончено. Колебаться уже не время. Кое-какъ покончивъ уборку съ полей хлѣба, къ 30-му августа поспѣшилъ я прибыть въ Вологду, гдѣ старшій сынъ мой Сергѣй, кончившій курсъ семинаріи, былъ уже псаломщикомъ и продолжалъ пѣть въ архіерейскомъ хорѣ. Здѣсь, представившись Епископу, я услышалъ отъ него важное замѣчаніе, но не придалъ ему значенія соотвѣтственнаго. „Едва-ли не ошиблись мы съ вами", сказалъ мнѣ покойный Владыка, „новое мѣсто ваше едвали не хуже вашего прежняго". Если бы я, до возведенія въ санъ протоіерея, отнесся внимательно къ этому замѣчанію, то я еще могъ бы упросить его вернуть меня на старое мѣсто, а потомъ уже было поздно. 30 августа я удостоился возведенія въ санъ протоіерея и послѣ обѣдни былъ приглашенъ въ числѣ служащихъ собора къ Преосвященному. Здѣсь въ первый разъ повстрѣчался я съ секретаремъ Консисторіи, А. Н. Малининымъ, который, подавши мнѣ свою визитную карточку, любезно пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ. Встрѣченный въ передней имъ самимъ и женою необычайно любезно и угощенный чаемъ съ какимъ то нижегородскимъ варенъемъ (онъ былъ родомъ изъ Нижегородской губ.), я долженъ былъ, по совѣту моихъ вологодскихъ друзей, во избѣжаніе непріятностей, прилично отблагодарить любезныхъ хозяевъ за угощеніе. А еще говорятъ, что это былъ человѣкъ съ высшимъ будтобы образованіемъ. Что же было тогда въ канцеляріи Консисторіи, при такомъ начальникѣ ея? А вотъ что напримѣръ. Прихожу я къ Преосвященному за полученіемъ грамоты и указа благочинническаго, кажется. Преосвященный говоритъ, что онъ велѣлъ все приготовить и принести сюда, да вотъ нѣтъ. Сходите-ка сами, такъ скорѣе сдѣлаютъ. Прихожу и вижу, что дѣло мое лежитъ на столѣ у знакомаго столоначальника. Онъ раз-

смѣялся, да тотчасъ же и въ столъ потянулъ дѣло. „Ну, вотъ что, А. Н—чъ, сказалъ я, хочешь заработать рублевку, такъ дѣлай сейчасъ, я пришелъ за указомъ, а не хочешь, такъ уйду и безъ него, пришлешь и по почтѣ". Ишь ты! Боекъ больно, отвѣчалъ мой пріятель и тотчасъ же распорядился писать указъ, а я пока пождалъ въ присутствіи, приглашенный туда достопочтеннѣйшими о.о. членами Консисторіи. Отъ секретаря же канцеляріи Его Преосвященства я отдѣлался счастливо, не повстрѣчавшись даже съ нимъ. А этотъ господинъ, ставшій извѣстностью, какъ епархіальная сила, пріѣхалъ въ Вологду въ одномъ пальтишкѣ со своимъ дядюшкой, въ нѣсколько лѣтъ нажилъ себѣ двухъэтажный деревянный домъ, женился и зажилъ было большимъ барономъ. Но, какъ ни скромно наше вологодское духовенство все таки сумѣло сплавить этого язву-чиновника, который по распоряженію Центральнаго управленія уволенъ былъ изъ Вологды и причисленъ къ сверхштатнымъ канцелярскимъ чиновникамъ Синода около 1889 года; такъ по крайней мѣрѣ гласила молва, въ объясненіе факта удаленія со службы знаменитаго секретаря архіерейской канцеляріи Ив. В. В—ова. Гдѣ онъ и что онъ теперь—не знаю.

Возвратившись на пароходѣ изъ Вологдѣ въ Е—у, я сталъ распродавать хлѣбъ, скотъ, сани, телѣги и всѣ другіе предметы сельско-хозяйственнаго обихода, частію ненужные на новомъ мѣстѣ службы, частію неудобные для перевозки, за 320 верстъ по плохимъ грунтовымъ дорогамъ. И пошло все мое съ трудомъ нажитое добро за безцѣнокъ отъ неумѣнья ли моего торговать, или отъ неумѣстной довѣрчивости людямъ, имѣвшимъ въ виду обмануть меня, или отъ всего этого вмѣстѣ,—объяснить затрудняюсь. А всего больнѣе было мнѣ покинуть домъ со службами, стоившій мнѣ 2000 рублей. Прожилъ въ немъ я только 14 лѣтъ. Съ собой его не увезешь, и продать некому. Церковь едва только погасила долги, для крестьянъ онъ не годился, а при продажѣ его на сломъ и сплавъ въ городъ мнѣ за него дали бы очень мало, такъ какъ погостъ находился отъ сплавной рѣки за полторы версты. Пришлось оставлять его запертымъ по крайней мѣрѣ до прибытія новаго священника, которому спустя годъ и продалъ я свой домъ изъ сосноваго семивершковаго лѣса съ мезониномъ, на 7-ми и 5 саж., да съ такою же еловою стайкою на 5 и 7 саж., съ двумя амбарами, погребомъ, банею и овиномъ за 700 рублей, съ уплатою денегъ въ разсрочку, т.

е. выручивъ 30 коп. вмѣсто рубля. Ахъ какъ мнѣ было тогда прискорбно! Но что прикажете дѣлать, если больше вамъ не даютъ, а ставятъ дилемму—или получайте 700 рублей, хотя бы и въ разсрочку, или очищайте мѣсто! Замѣчательно, что мой преемникъ, купивший мой домъ и перемѣстившійся потомъ на службу въ Устюгъ, прожилъ въ этомъ домѣ 21 годъ, продалъ его въ церковную казну и взялъ за него 800 рублей и конечно *еще не дорого*. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня перемѣщеніе съ одного мѣста на другое, гдѣ на первомъ я долженъ бросить за безцѣнокъ свой хорошій, съ горемъ пополамъ нажитый домъ, а на другомъ не было у меня никакого дома,—въ смыслѣ хозяйственномъ было разворительно, а въ смыслѣ нравственномъ—мучительно. Перемѣщеніе—это такая болѣзненная операція надъ сердцами пастыря и паствы, что я не сумѣю и описать ее, оглядываясь назадъ за 24 года!.. Преосвященный Израиль, благословляя меня на благополучную службу на новомъ мѣстѣ, поручилъ мнѣ поспѣшить переѣздомъ туда.—Тамъ въ соборѣ, говорилъ мнѣ Епископъ, тянется одно некрасивое дѣло, надобно его поскорѣе прикончить, если возможно добрымъ порядкомъ. И я поспѣшилъ. 8 сентября 1887 года, въ день праздника Рождества Пр. Богородицы было назначено мною прощальное богослуженіе, о которомъ не нужно было раздавать никакихъ повѣстокъ. Съ утра до вечера каждый день, во множествѣ окружала меня моя добрая паства по дѣлу и безъ дѣла, а такъ, чтобы только еще разъ поговорить и проститься. А эти вопросы: зачѣмъ ты насъ покидаешь? Вѣдь ты не хотѣлъ уходить отъ насъ? Развѣ нами ты недоволенъ?—не давали покоя моему бѣдному сердцу. Много было богомольцевъ 8 сентября уже за заутреней, которую отслужилъ однако я сравнительно спокойно. Послѣ нея набросалъ я небольшую прощальную рѣчь. А когда въ 10-мъ часу утра пошелъ я въ церковь, выстроенную при моей неумолимой настойчивости, большая церковная площадь была уже заполнена народомъ. Уже тѣсно было и въ церкви. съ особеннымъ чувствомъ умиленія, славы и благодаренія читалъ я входныя молитвы, совершалъ проскомидію. Не разъ за Божественною литургіею текли изъ глазъ у меня слезы, слезы благодарности Господу Богу за всѣ его щедрости, милости и утѣшенія, въ минуты скорбей и малодушія, мнѣ изъ недостойныхъ недостойнѣйшему. А когда, на входахъ маломъ и великомъ я слышалъ стоны народа и слезы, текущія не его загру-

бѣвшимъ ланитамъ, у меня замирало сердце, не звучалъ голосъ, а текли, текли только слезы... Господи помилуй! Да что же это такое? И самъ я не зналъ, что такъ глубоко люблю я свою паству и даже не подозрѣвалъ, хотя и видѣлъ въ 1877 году уже на дѣлѣ, что такъ беззавѣтно привязана ко мнѣ моя паства. И за что же? За что такъ любить людямъ меня грѣшнаго? Но размышлять было некогда, нужно было въ послѣдній разъ молиться съ моею паствою, въ послѣдній разъ, въ ея присутствіи приносить Безкровную Жертву „о моихъ грѣхахъ и о людскихъ невѣжествахъ“. И я служилъ, и молился, какъ могъ, какъ побуждало меня мое сердце. Вотъ уже конецъ обѣдни близко, вотъ уже дважды пропѣтъ стихъ: буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка. Надо идти на амвонъ и говорить прощальное послѣднее слово. Но я чувствую, что я нравственно обезсилѣлъ. Съ молитвою въ сердцѣ, стараюсь собраться съ силами и не могу. Что слово, то и спазмы, что слово, то и слезы. Плачу я, плачетъ народъ. Говорить не могу, а говорить надо. И я около получаса говорилъ и могъ сказать только слѣдующее:

Нынѣ предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати Его, могущему назидати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ (Дѣян. 20, 32).

Двадцать четыре съ половиною года судилъ Господь мнѣ священствовать здѣсь, служить Богу моему и Богу вашему, молиться Ему единому, въ Троицѣ славимому не о себѣ только, но съ вами и о васъ, прежде всего во святомъ храмѣ семъ, въ домахъ вашихъ и на поляхъ вашихъ, ради вашего блага и спасенія. Четыре раза за это время, я былъ вызываемъ вниманіемъ моего начальства въ города, на другія мѣста служенія и до послѣдняго времени удерживаемый вашею любовію оставался неразлучно съ вами. Но увы! Пришелъ и наступилъ все-таки послѣдній день моей службы здѣсь, печальный часъ разлуки съ вами!.. Прекекать волѣ начальства, выражающей собою волю Божію, уже болѣе не смѣю. Пришла пора проститься съ вами. Уже послѣдняя Божественная литургія совершена мною въ семъ храмѣ, гдѣ не только св. иконы, но самыя стѣны говорятъ о нашихъ взаимныхъ думахъ, жертвахъ и трудахъ. Уже въ послѣдній разъ недостойный пастырь вашъ молится вмѣстѣ съ вами и о васъ Уже въ послѣдній разъ бесѣдую съ вами съ сего священнаго мѣста, откуда хотя и не такъ часто, какъ слѣдовало бы, но все же раздавалось, по временамъ, живое слово ва-

шего священника И что скажу я нынѣ, въ этотъ грустный часъ разлуки, обезсиливаемый сердечною скорбію моею и вашею? Нынѣ предаю васъ, братіе, Господу Богу и слову благодати Его, Господь все можетъ; Онъ и вразумитъ, и научитъ, и устроитъ, и подастъ вамъ все, что нужно для жизни и спасенія,—наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ.

Отпустите меня съ миромъ, проводите съ любовію и не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ. Если я погрѣшилъ предъ вами и Богомъ, удаляясь отъ васъ, то простите Господа ради эту вину мою. Но я думаю, по волѣ Божіей, въ свое время былъ принятъ мною жребій служенія спасенію вашему, по той же волѣ Божіей и нынѣ оставляю васъ, друзья, и свою и вашу судьбу Богови и слову благодати Его.

Не кратко было мое служеніе здѣсь. Не мало было общихъ дѣлъ моихъ съ вами. Мы, видимо, сроднились. Я полюбилъ васъ всею душею и не могу не видѣть и не удивляться любви вашей. Скажу сильнѣе, я пораженъ, я обезсиленъ вашею любовію. Все это обязываетъ меня повѣдать вамъ, что разлучаясь съ вами тѣлесно, не разстанусь съ вами духомъ, не покину любовію, буду всегда молиться о васъ, о дѣтяхъ вашихъ, о здравіи и спасеніи вашемъ. Что удалось мнѣ сдѣлать добраго и полезнаго, вмѣстѣ съ вами и для васъ, воздадимъ за то славу и благодареніе Господу Богу. А чего не успѣлъ, или не могъ сдѣлать я, то пусть сдѣлаетъ другой, вашъ будущій отецъ духовный, вмѣстѣ съ вами. Постарайтесь полюбить его, какъ полюбили меня, тогда и онъ полюбитъ васъ. А гдѣ любовь, тамъ и Богъ, тамъ и милость Божія, тамъ и успѣхъ въ добрыхъ дѣлахъ несомнѣнный. Все это вы уже испытали, видѣли на самомъ дѣлѣ. Не охладѣвайте же въ любви ко храму Божію, который (разумѣю холодную церковь) пора создать новый, большій и гораздо лучшій. Не переставайте учить дѣтей вашихъ грамотности, при помощи которой они лучше узнаютъ и законъ Божій и правду Божію, и любовь Божію, спасающую всѣхъ—и пастырей и пасомыхъ. Но предлагая вамъ, возлюбленные, мое послѣднее пастырское слово съ сими совѣтами, я чувствую самъ, какъ человѣкъ многонемощный, нужду въ испрошеніи у васъ прощенія. Простите мнѣ братіе и сестры о Господѣ, все и всѣ, кого я имѣлъ несчастіе оскорбить, или соблазнить словомъ, или дѣломъ, или предъ кѣмъ согрѣшилъ и помышленіемъ!—Простите и не поминайте меня лихомъ! Что же касается меня, то оставляя васъ, оставляю и прощаю въ свою очередь все и всѣмъ, кому и чѣмъ

случилось причинить мнѣ скорбь, или досажденіе. Со многими изъ васъ, безъ всякаго сомнѣнія я не встрѣчусь больше не только въ этомъ святомъ храмѣ, но и нигдѣ въ здѣшней жизни. Но со всѣми вами несомнѣнно встрѣчусь тамъ, на томъ свѣтѣ на страшномъ судѣ Христовомъ, во второе Его пришествіе. Почему и прошу васъ всѣхъ, отъ стараго до малаго, простивъ мнѣ мои грѣхи предъ вами здѣсь, не обвините меня и тамъ, предъ лицемъ Господа. И какая была бы блаженная участь наша, еслибы Господь, всегда удивляющій милость свою на насъ грѣшныхъ, даровалъ всѣмъ намъ прощеніе, милость и человѣколюбіе Свое неизреченное тогда,—еслибы дано было дерзновеніе тогда мнѣ, призванному вмѣстѣ съ вами на страшный судъ Господень, сказать: „Господи! се азъ и дѣти мои, ихже далъ еси мнѣ!“ Тогда никакая власть ни земная, ни небесныя не разлучила бы насъ, соединенныхъ въ одну семью святою любовію, во вѣки. Объ этомъ и станемъ заботиться, объ этомъ и станемъ молиться всегда,—я о васъ, а вы обо мнѣ.

Итакъ въ послѣдній разъ призывая къ попеченію о спасеніи, нынѣ предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати Его, могущему вразумить и научить и дать вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ.

Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Лишь только, поклонившись народу, хотѣлъ уйти я въ алтарь, какъ увидѣлъ, что изъ-за тѣсной группы учениковъ училища протискивается къ амвону человѣкъ съ сумкою въ рукахъ. Это былъ учитель мною созданной и принятой на земскія средства школы Николай Васильевичъ Ермолинъ. Я остановился, а онъ, ставъ передо мною, заговорилъ слѣдующее. „О, протоіерей! Бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй. При горестномъ для насъ и нежелательномъ разставаніи съ вами, дорогой пастырь нашъ, слова эти невольно приходятъ на умъ. И справедливо. Онѣ такъ приложимы къ дѣятельности вашей, свыше 24-лѣтней дѣятельности на пользу прихода нашего, что ими сказано все, и слабое слово мое не можетъ сказать что либо больше и лучше. Да,—вы были яркимъ и теплымъ свѣтильникомъ своего прихода, освѣщающимъ путь къ спасенію, правдѣ, чести, долгу. Чѣмъ только не обязанъ вамъ приходъ здѣшній? Всѣмъ. Кѣмъ сдѣлано, или приведено въ дѣйствіе все то, что мы видимъ хорошаго, благочестиваго, полезнаго здѣсь? Вами. Вы были дѣйствительно пастырь добрый, съ силою раздавался голосъ вашъ, ради поль-

ны и спасенія нашего, и слушали его пасомые вами. Но... сбылись непреложныя слова Спасителя: не скрываютъ свѣтильника подъ спудомъ, но поставляютъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ... Ваша благотворная дѣятельность на общую пользу была замѣчена начальствомъ, и оно ставитъ васъ на болѣе видный и важный постъ, даетъ вамъ путь болѣе широкій и дѣятельность, при вашей готовности къ труду, болѣе обширную. Жалѣемъ и вмѣстѣ радуемся, что вы получаете воздаяніе за труды. Поминайте насъ въ вашихъ молитвахъ и въ другомъ храмѣ, среди другихъ пасомыхъ, но предъ престоломъ того же Единаго Бога, которому молились и здѣсь вмѣстѣ съ нами. Вспоминайте насъ съ любовію, извиняя, прощая и забывая огорченія, досады и непріятности, причиненныя вамъ нами, по нашему неразумію и жестокосердію. А мы должны твердо запомнить слова апостола: поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Идите съ миромъ, и да миръ встрѣтитъ васъ. Примите отъ насъ наше простое, русское „спасибо“ и земной поклонъ (и моментально послѣдовалъ земной поклонъ всѣхъ молящихся въ храмѣ). —Поклонъ и спасибо вамъ за все то добро и благо, которое сдѣлано вами для насъ. Не забывайте и меня, какъ сослуживца вашего по школѣ, своимъ существованіемъ и помѣщеніемъ обязанной вамъ, и простите, если чѣмъ либо огорчилъ васъ. Искренно сожалѣю о разлукѣ. Дай Богъ вамъ и на новомъ мѣстѣ службы встрѣтить туже любовь, тоже уваженіе, которыя мы питали, питаемъ и будемъ питать къ вамъ. Но я увѣренъ, что все это и тамъ сторицею приложится къ вамъ, такъ какъ вы вполнѣ достойны этого. Прощайте! Простите и не забывайте насъ!

8 сент. 1887 г. Учитель Е—го училища, съ учениками и прихожанами. Н. Ермолинъ“.

И теперь когда заносилъ я эту рѣчь въ мои воспоминанія съ подлинной рукописи покойнаго Н. В. Ермолина, изъ моихъ глазъ катились слезы отъ нахлынувшихъ воспоминаній незабвеннаго прошлаго. А въ свое время я переживалъ такія трогательныя, неожиданныя, поразительныя минуты, минуты, не повторяющіяся въ жизни, хотя и дважды такъ прощался я со своею паствою, что теперь, спустя 24 года, я уже не въ состояніи припомнить подробностей и описать ихъ. Помню хорошо только, что когда вся моя паства, бывшая въ церкви, вдругъ по одному слову оратора, совершенно для меня неожиданно поклонилась мнѣ земно, я совершенно опалѣлъ и одинъ остался стоять, какъ пень, или столбъ безчувственный. Отказываюсь отъ дальнѣйшаго

описанія прощанія со мною моей возлюбленной паствы Е—ой, непрерывно продолжавшагося въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ мною частію въ приготовленіяхъ къ отъѣзду на мѣсто новой моей службы, частію въ ожиданіи моего преемника, по должности благочиннаго о. Іоанна Александровича Коржавина. Эти дни истомили меня такъ, что я желалъ одного, чтобы поскорѣе уѣхать. И сдавъ ему, по указу консисторіи отъ 31 августа 1887 года, за № 4949, всѣ дѣла и деньги по церкви, попечительствамъ церковно-приходскому и окружному и по благочинію, 13 го сентября выѣхалъ я съ семействомъ въ Устюгъ на лодкѣ. Праздникъ 14 сентября я провелъ въ Устюгѣ, молился за службою въ церкви духовнаго училища, гдѣ училось двое изъ моихъ сыновей, а 15-го сентября въ 10 часовъ вечера былъ уже въ томъ городѣ, гдѣ служу и до сего времени, хотя въ первое время и порывался уйти изъ него, по скудости средствъ содержанія.

Правда, съ опредѣленіемъ на должность настоятеля собора, я въ тоже время, по указу консисторіи отъ 31 августа 1887 года, за № 4928, сдѣланъ былъ и благочиннымъ градскихъ церквей. Но такъ какъ въ этомъ городѣ только четыре приходскихъ церкви, то по этой службѣ благочинническої получался уже ничтожный плюсъ къ моимъ средствамъ по должности настоятеля. Ознакомившись съ дѣломъ по документамъ церковнымъ и причтовымъ, а также и съ незначительными доходами соборнаго братства, я вспомнилъ слова Преосвященнаго объ ошибкѣ перемѣщенія, въ смыслѣ средствъ содержанія и попріунылъ порядочно. И жить, казалось мнѣ, будетъ трудно здѣсь и переѣзжать еще разорительно. Съ городскими прихожанами, изъ коихъ знали меня нѣкоторые, я сошелся скоро. Всѣ они мнѣ очень понравились и, повидимому, не противенъ имъ былъ и я, но приходскіе крестьяне меня едва совершенно отъ себя не оттолкнули своею равнодушною холодностью, нелюдимостью, даже нечистоплотностью. Повидимому скромные и тихіе, мои прихожане казались мнѣ лукавыми, фальшивыми, даже грубыми и наконецъ къ добру и злу равнодушными. Къ церковнымъ богослуженіямъ они, правда, ходили и довольно усердно говѣли, хотя и не всѣ и не каждогодно, а большинство черезъ годъ, даже черезъ два, но къ духовенству, за малыми исключеніями, относились оффиціально, не сердечно, по казенному. Со славой за великіе праздники примутъ, говорю о большинствѣ; 3 коп., иногда 5 копѣекъ отдадутъ, иногда и ничего не дадутъ, и досви-

данья, хлѣбомъ солью не попросятъ. А бывало много разъ и много лѣтъ и такъ, что хозяинъ дома, работающій что-нибудь у себя на улицѣ подъ окномъ не хочетъ идти на молитву въ свой домъ со священникомъ, отзываясь, что у него „тамъ баба есть, отдастъ, что надо“. Со всякими требами они привыкли приглашать священника въ дни праздниковъ, даже великихъ и до ранней и поздней обѣдни, и во время ихъ. А если священникъ пригласитъ просителя подождать до конца обѣдни, то они идутъ за распоряженіемъ къ благочинному и если здѣсь будетъ сказано имъ тоже, то они идутъ съ жалобой на духовенство къ становому приставу. А обманывать свое духовенство въ критическую минуту они такъ привыкли, что о честномъ словѣ и искреннемъ отношеніи къ своему священнику и понятія какъ будто не имѣли. Однажды раннимъ утромъ въ праздникъ св. Троицы пріѣзжаетъ за мной для напутствованія заболѣвшей внезапно будто бы его тещи, одинъ изъ порядочныхъ прихожанъ. „Что такъ рано и въ такой день пріѣхалъ ты, Степанъ“? спрашиваю. Да вотъ что-то вдругъ „ухватило“ тещу, отвѣчалъ онъ.—Врешь вѣдь ты, я знаю, она умерла.—„Нѣтъ, нѣтъ“, крестится и божится человѣкъ, „отъ меня осталась она живою“, говоритъ. Пусть такъ, но я вѣдь узнаю, а пока скажу, что нехорошо тебѣ лишать меня возможности служить въ такой праздникъ; до вашей деревни вѣдь десять верстъ. Успѣю ли я вернуться къ обѣднѣ, Богъ знаетъ, говорилъ я уже дорогой. Оказалось, что мой Степанъ хотѣлъ обмануть меня. Наканунѣ была въ деревнѣ этой какая-то пирушка, на которой подгуляла и старушка. Во время широкаго разгула одинъ изъ ея сыночковъ,—конечно невзначай,—такъ удачно толкнулъ свою родительницу, что она тотчасъ же и душу Богу отдала, упавши на полъ. Жили тогда близгородніе крестьяне не бѣдно, но довольно грязно. Въ комнатахъ нечистота, св. иконы на божницахъ ветхія и не украшенныя. Часто не было въ домахъ иконы даже Спасителя, одѣвались плохо мужчины и женщины, отличавшіяся послѣднія грязными подолами. Школъ не было въ деревняхъ, кромѣ одной земской во всѣхъ городскихъ приходахъ. Церковныя же школы только появлялись въ округѣ, помѣщались кое-гдѣ и содержались кое какъ. И въ городѣ было одно только приходское училище. И мнѣ казалось, что я перемѣстился не изъ деревни въ городъ, а наоборотъ. И вотъ опять начались старыя заботы и труды на новомъ мѣстѣ, только еще болѣе въ широкомъ масштабѣ.

Но я ничего не сказалъ еще о первомъ впечатлѣніи по осмотру соборовъ Воскресенскаго и Благовѣщенскаго. Это хорошіе храмы, построенные постепенно, одинъ послѣ другого, въ началѣ осмнадцатаго столѣтія. Не богаты были они ризницею, но не бѣдны утварью. Есть иконы украшенныя серебряными ризами и жемчугомъ, есть даже и въ золотыхъ ризахъ. Но вотъ о чемъ особенно не могу умолчать. Когда страдалъ я, въ бытность Е—имъ священникомъ, горловымъ кровотеченіемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, —особенно сильно два года, тогда появлялась тамъ временно, какъ бы мимоходомъ, странная женщина, которую я не упажалъ за странное ея поведеніе. Она по приглашенію заходила въ кабакъ, пила будто бы тамъ и водку, прикидывалась полушальной и называла себя „Анной грѣшной“. Кто она, откуда приходила и куда уходила, никто не зналъ. Бывала она не однажды и у меня въ домѣ, но всегда безъ меня. Я видѣлъ ее разъ или два только издали. И вотъ эта особа, посѣтивши однажды мою жену, ожидавшую уже моей смерти, сказала ей въ утѣшеніе: „не плачь, не умретъ скоро твой попъ, ему надо послужить еще у Благовѣщенья протопопомъ“. Когда передала мнѣ жена эти слова „Анны грѣшной“, конечно я только разсмѣялся. Слыханое-ли дѣло, думалъ я, чтобы у Благовѣщенья (такъ обычно назывался одинъ изъ сосѣднихъ съ моимъ приходовъ) были когда-либо протопопы, да и пошелъ-ли бы я туда, еслибы это мѣсто было свободнымъ, не знаю. Понятно, Анна брешетъ, желая только поуспокоить тебя за чашку чаю, отвѣчалъ я женѣ. Прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ 12—13-. И вдругъ я вижу не во снѣ, а наяву, что стою передъ иконою Благовѣщенія настоятелемъ и протоіереемъ, въ томъ соборномъ храмѣ, который посвященъ Божіей Матери, въ честь и славу ея Благовѣщенія. Боже мой! Такъ вотъ что значили и вотъ когда сбылись надо мной грѣшнымъ слова чудной нелюбимой мною рабы Твоей Анны! Подробно разсказано объ этомъ въ № 48 Вологодскаго „Церковнаго Слова“, за 1908 кажется годъ. Я былъ глубокопораженъ совпаденіемъ наличности факта съ предсказаніемъ „Анны грѣшной“, но едвали и тогда я крѣпко увѣровалъ, несмотря на очевидность его. Такъ думаю нынѣ потому, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ порывался я уйти изъ этого города по скудости содержанія и не ушелъ. Позднѣе были мнѣ отъ Епископовъ и предложенія о переходѣ на другія лучшія мѣста, но я уже, по старости лѣтъ, самъ никуда не пошелъ. И вотъ нынѣ толь-

ко уже всѣми силами души вѣрю въ волю Божію, такъ чудно объявленную мнѣ черезъ рабу Божію Анну, что надо было послужить мнѣ грѣшному у Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ ея пречестномъ храмѣ и нигдѣ больше. И послужилъ я здѣсь, какъ могъ и умѣлъ, вотъ уже болѣе 23-хъ лѣтъ, привыкъ ко всему и ко всѣмъ и не разъ уже и здѣсь я видѣлъ очень сильныя обнаруженія любви и почтенія отъ духовенства и прихожанъ, гражданъ и крестьянъ и полюбилъ ихъ. На святую христіанскую любовь не можетъ человѣкъ отвѣчать иначе, какъ тою же любовію. Душа душѣ вѣсть подаетъ, хотя бы и не всегда открыто обнаруживалась эта любовь. Но этого періода жизни и службы моей я не намѣренъ касаться теперь въ воспоминаніяхъ причетническаго сына. Какія-же будутъ воспоминанія, думаю, если всѣ событія происходили, по времени такъ близко, если большинство монхъ сослуживцевъ и сотрудниковъ здравствуютъ! Пусть уже пишутъ хронику за послѣднее двадцатипятилѣтіе другіе. Писать нынѣ—не прежнее время—есть кому. Въ ряду священниковъ нынѣ достаточно людей образованныхъ, впечатлительныхъ и трудоспособныхъ. Хорошія лѣтописи, имѣющіяся при церквахъ, дадутъ писателю нескудный матеріалъ. А я если еще буду имѣть время и силы потрудиться въ этомъ направленіи, то предпочитаю писать уже о томъ, или другомъ предметѣ эпизодически. А пока отмѣчу обще и кратко кое-что. Городъ нашъ небольшой—1500 жителей, или не много больше. Кромѣ собора онъ украшается не одними храмами Божіими, изъ которыхъ три приходскихъ, одинъ монастырскій и одинъ кладбищенскій, но и благочестивыми обычаями. Такъ напр. много у насъ крестныхъ хожденій, развито въ немъ поминовеніе усопшихъ и любовь къ церковному благолѣпію. Не мало нынѣ въ немъ и училищъ, есть училище городское, есть женская прогимназія и два приходскихъ училища мужское и женское, кромѣ фабрики наслѣдниковъ Сумкина; гдѣ была сначала церковно приходская школа, обращенная въ послѣднее время въ министерское одноклассное училище. Замѣчателенъ нашъ городъ и въ томъ отношеніи, что нѣтъ въ немъ ни еврея ни татарина, нѣтъ ни одного иновѣрца, даже изъ протестантскихъ вѣроисповѣданій. Есть у насъ хорошая благочинническая библіотека, существующая съ 1889 года и возникшая по моей мысли, тогда же какъ скоро былъ назначенъ я благочиннымъ 3-го Устюжскаго округа, по

распоряженію Преосвященнѣйшаго Израиля. Содержится она на средства церквей окружнаго духовенства, въ количествѣ 162 р. въ годъ, въ число коихъ поступаютъ 3/4 отъ церквей и 1/4 отъ духовенства. Не дурна у насъ и приходская библіотека, на содержаніе которой съ 1910 года ассигнуется по 25 рублей въ годъ отъ земствъ Устюжскаго уѣзднаго и Вологодскаго губернскаго по ходатайству о. библіотекаря, священника о Павла Михайловича Попова. Есть такія же приходскія библіотеки и при другихъ церквахъ округа. Давно существуетъ въ городѣ и городская публичная библіотека. Съ 1889 же года ведутся въ соборѣ градскимъ духовенствомъ и внѣбогослужебныя собесѣдованія. Школъ въ округѣ нашемъ, если не ошибаюсь, включая и городскія, 9 или 10 министерскихъ или земскихъ, и школъ 15 или 16 церковныхъ, съ хорошими даже очень хорошими, въ большей части ихъ, собственно-церковными помѣщеніями. Храмы Божіи въ городѣ и въ округѣ, за послѣднія 20 лѣтъ, всѣ переустроены къ лучшему. Есть даже съ центральнымъ отопленіемъ и вентиляціей согрѣтымъ воздухомъ, какъ напр. въ Антипинѣ, гдѣ вдохновленные достойнѣйшимъ о. Павломъ Александровичемъ Тюрнинымъ и церковнымъ старостою почтеннѣйшимъ Михайломъ Ивановичемъ Липатниковымъ, замѣчательно смѣлымъ, умнымъ и благочестивымъ труженикомъ, прихожане подумываютъ уже о металлическомъ иконостасѣ. Богъ въ помощь вамъ всѣмъ, добрые люди! Устраивайте Господу Богу, во славу его, дома Божіи здѣсь, а Онъ устроитъ вамъ обители тамъ на небесахъ. И вотъ открыто, въ слухъ всѣхъ, благодарю я, какъ бывшій благочинный вашъ, 23 года вмѣстѣ съ вами трудившійся во благо ваше и Церкви Божіей. Благодарю и духовенство, и церковныхъ старостъ, и прихожанъ за довѣріе и послушаніе мнѣ, уже оправданное на дѣлѣ прекрасными плодами. Замѣчу кстати и то, что всѣ труды во славу Божію и Его святой церкви если и кажутся намъ иногда страшными, даже непосильными, то это только издали, пока мы не взялись еще за доброе дѣло. А когда начнемъ трудиться съ охотою, то чѣмъ больше работаемъ, тѣмъ пріятнѣе кажется трудъ, а когда видимъ уже успѣхъ дѣла, тогда сердце наше ощущаетъ такую неизъяснимую радость и удовлетвореніе, какъ никогда. Это значитъ, что съ нами былъ и есть Богъ. Но, приближаясь къ концу своихъ воспоминаній, причетническій сынъ не можетъ отнестись иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшей благодарности и къ своимъ ближайшимъ со-

трудникамъ по собору, достойнѣйшимъ священникамъ, церковнымъ старостамъ, о.о. діаконамъ и г.г. псаломщикамъ. Благодарю всѣхъ за миръ и согласіе и трогательное вниманіе къ своему настоятелю. А достойнѣйшаго о. Павла Михайловича Попова, церковныхъ старостъ Иннокентія Георгіевича Шестакова, Александра Никаноровича Норицына, за особенные ихъ труды и заботы о соборѣ и службѣ церковной. Такъ о. Павелъ едва ли не двадцать лѣтъ исправно ведетъ церковную лѣтопись, едва ли не лучшую въ цѣломъ округѣ, давно по избранію прихожанъ, за моимъ отказомъ, состоитъ предсѣдателемъ ц.-приходскаго попечительства, трудясь усердно и не безплодно, много лѣтъ, завѣдывалъ онъ окружною библіотекою духовенства также съ усердіемъ, а церковно-приходскою библіотекою продолжаетъ завѣдывать и нынѣ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ послѣдніе годы, замѣняя меня, по должности настоятеля, отличается знаніемъ дѣла и разумною распорядительностью. Заслуги же старостъ Шестакова и Норицына у всѣхъ на виду. Первый изъ нихъ, 15 лѣтъ состоя на службѣ въ этой должности, содѣйствовалъ мнѣ въ устройствѣ при соборѣ ризничнаго помѣщенія, для чего на свой счетъ переустроилъ и перенесъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго Епископа, на свой счетъ, изъ пристройки Воскресенскаго собора въ соборъ Благовѣщенскій придѣлъ во имя св. Митрофана, Воронежскаго чудотворца. Онъ, при помощи своихъ средствъ, быстро устроилъ каменную ограду на кладбищѣ длиною въ 400 саж Онъ помогъ мнѣ устроить при деревнѣ Русиновѣ хорошее помѣщеніе на 4×7 саж. для соборной церковной школы стоимостью до 1500 рублей Наконецъ не одну тысячу рублей израсходовалъ уже и нынѣ расходуетъ на содержаніе церковно-пѣвческаго хора при соборѣ. Гораздо меньше служилъ соборнымъ старостою покойный Норицынъ, но этотъ человѣкъ отличался необычайною заботою о соборѣ, разсчетливостью, бережливостью. Рѣдкій день не побываетъ, бывало, онъ въ соборѣ, за всѣмъ поприсмотритъ и отъ всѣхъ, иногда и не подлежащихъ его завѣдыванію людей, потребуетъ, если нужно, порядка и исправности, безъ церемоніи. Памятникомъ его усердія остались въ соборѣ новые ризы и стихари изъ серебряной парчи, устроенные имъ на доброхотныя пожертвованія въ 1910 году въ Пасхѣ, когда вскорѣ потомъ онъ и умеръ.

Долгомъ считаю отнестись еще разъ ко всему окружному духовенству, гражданамъ и прихожанамъ съ благодарною призна-

тельностью за то дорогое вниманіе, какимъ угодно имъ было почтить меня въ знаменательный для меня день 17 февраля, когда въ 1863 году удостоился я получить благодать священства, трижды уже, въ 1898, 1903 и 1908 годахъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю наконецъ я разумные труды моего преемника по должности благочиннаго, о. Павла Александровича Баклановскаго: Замѣняя меня съ 1907 г., когда я сталъ членомъ 3 й Государственной Думы, съ тактомъ и знаніемъ дѣла, онъ сумѣлъ заслужить вниманіе Епархіальнаго Начальства и уваженіе окружнаго духовенства.. Честь ему и слава!

Въ 1894 году 23 апрѣля умеръ въ Вологдѣ такъ много сдѣлавшій для меня лично и для епархіальнаго духовенства преосвященный Израиль, діаконскій сынъ, въ мірѣ Иванъ Евграфовичъ Никулицкій, кандидатъ Московской духовной академіи, выпуска 1856 года. Этотъ владыка нашъ много заботился о народномъ образованіи и благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній. При немъ закончено устройство большаго зданія для Вологодскаго епархіальнаго училища. При немъ же учреждено въ Вологдѣ Братство во имя Всемилостиваго Спаса съ миссіонерскими и религіозно-просвѣтительными цѣлями. При немъ, если не ошибаюсь, пріобрѣтенъ духовенствомъ и собственный каменный домъ для епархіальнаго свѣчнаго завода, на Комитетскія средства, хотя мысль объ этомъ и возникла еще при преосвященномъ Ѳеодосіи. Мѣстомъ упокоенія преосвященнаго Израиля сталъ югозападный уголъ Вологодскаго Софійскаго собора, гдѣ и покоится прахъ его. Царство небесное почившему Святителю.

Въ 1894 же году, умерла и моя родительница, жившая вмѣстѣ съ моимъ батюшкой у одной изъ дочерей своихъ, крестьянки Переваловой въ деревнѣ Углу Богрово-Николаевскаго прихода Устюжскаго уѣзда, 73-хъ лѣтъ. Не извѣщенный своевременно о ея болѣзни и смерти, не былъ я и на ея погребеніи. А спустя 8 мѣсяцевъ умеръ и мой родитель, заштатный псаломщикъ Луженгской Николаевской церкви Устюжскаго уѣзда Алексѣй Андреевичъ Поповъ, 77 лѣтъ. Схоронилъ его я уже самъ 25 августа 1895 года, спустя 8 дней по смерти пріѣхавъ туда, по извѣщенію мѣстнаго священника, за 200 почти верстъ. Жили родители мои, по выходѣ заштатъ, нѣкоторое время и у меня, но никакъ не могли они, проживши всю свою жизнь въ деревнѣ, примириться съ городскою жизнью. Ихъ тянуло въ деревню именно къ той изъ дочерей, которая жила бѣднѣе всѣхъ.

Они желали ей помочь и помогали дѣйствительно, скопивши отъ продажи домишка и домоваго скарба, при своей бережливой жизни, не одну сотню рублей. А имъ въ свою очередь помогалъ гораздо болѣе меня, какъ человѣкъ бездѣтный, ихъ сынъ и мой братъ о. Николай Алексѣевичъ Поповъ, священствовавшій тогда въ Важгортѣ Яренскаго уѣзда. Дожили такимъ образомъ мои родители, не смѣвшіе въ свое время и думать о томъ, что всѣ три сына ихъ будутъ священниками, до той поры, когда увидѣли, что Человѣколюбивый Господь далъ имъ больше, по своей милости, чѣмъ могли ожидать они. И младшій изъ сыновей о. Виталій Алексѣевичъ Поповъ былъ священникомъ въ селѣ Нименьгѣ Онежскаго уѣзда Архангельской епархіи, двое старшихъ были благочинными, а первенецъ ихъ благочинный и протоіерей уже украшенъ былъ камилавкою и наперснымъ крестомъ. И радости ихъ не было ни границъ, ни конца. Со славою и благодареніемъ Господа Бога за всѣ его неизреченныя милости мои родители доживали свой вѣкъ, съ этими чувствами отошли они и въ другой, невѣдомый міръ, въ загробную жизнь, одушевленные святою вѣрою и любовію. Да будетъ же, по молитвамъ Церкви Христовой, покой ихъ съ праведными!

На этомъ кончилъ-бы я воспоминанія причетническаго сына, но мнѣ пришло на мысль сказать нѣсколько словъ о Преосвященномъ Иринархѣ Поповѣ, занимавшемъ архіерейскую каѳедру въ Вологдѣ въ 42 и 43 годахъ. О немъ вообще мало свѣдѣній и въ устныхъ сказаніяхъ и въ печати. Да кстати рѣшаюсь занести сюда же и воспоминаніе о Высокопреосвященномъ Иннокентіи Борисовѣ, напечатанное въ № 1 Церковнаго Вѣстника за 1901 годъ. Итакъ еще одно послѣднее сказанье, и лѣтопись окончена моя.

По разсказамъ старожиловъ, Преосвященный Иринархъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ пышными курчавыми волосами и крутымъ, горячимъ нравомъ, но большой трусъ на водѣ. Разсказъ этотъ передается со словъ умершаго священника Близь-Лальской Покровской ц. Прокопія Васильевича Ермолина, которому въ свое время разсказывали объ этомъ тѣ самые причетники Друговъ и Корбангскій, которые имѣли честь встрѣчать Преосвященнаго Иринарха въ Покровской церкви. Церковь эта стоитъ на лѣвомъ берегу судоходной рѣки Лузы въ 8 верстахъ отъ гор. Лальска, на пути изъ Шолги въ Лальскъ. Здѣсь перевозятъ за рѣку и нынѣ, какъ было и прежде, лошадей и

экипажи на паузкахъ. Въ 1842 или 1843 году и ждалъ здѣсь мѣстный причтъ и мѣстный благочинный Преосвященнаго Иринарха изъ Шолги. Случилось крещеніе младенца, почему и надо было актъ крещенія его записать въ метрики, бывшія конечно въ церкви. Священникъ распорядился. А причетникъ, поставивъ цифрами день рожденія и крещенія младенца и вписавъ имя младенца, хотѣлъ писать дальше обычный текстъ записи и уже тщательно выводилъ заглавную букву Д., чтобы изобразить далѣе покаллиграфичнѣе названіе деревни. Но въ это самое время раздался на колокольнѣ ударъ въ колоколъ, за тѣмъ звонъ „во вся“. Стало-быть продолжать запись некогда—архіерей близко; надо выходить на встрѣчу. Метрики положены спѣшно на мѣсто и архіерей встрѣченъ. Порывистыя движенія, горячій и непокойный тонъ великаго посѣтителя обезкуражилъ духовенство. Архіерей горячился и духовенство растерялось. И вотъ Преосвященный раскрываетъ метрики и, видя начатую и неоконченную записью статью, рѣзко спрашиваетъ священника: „Это что такое?“—„Это русская литтера Д.,“ отвѣчалъ оробѣвшій священникъ. Изумленный такимъ отвѣтомъ, не то наивнымъ, не то ироническимъ, епископъ посмотрѣлъ на священника, сказалъ: „дуракъ“ и пошелъ изъ храма вонъ и прямо на перевозъ. Карета его стояла уже на паузкѣ. Между тѣмъ была буря такая, что небольшой паузокъ чувствительно покачивало. Преосвященный струсилъ и сталъ неузнаваемъ, очень скромно сказавши причетникамъ: „ну-те-ка, братцы, спойте что-нибудь“. И они, по какой-то странной ассоціаціи идей, немедленно запѣли гласомъ великимъ: „Безумное велѣніе мучителя злочестиваго и проч.“... И грозный на сушѣ, но малодушный на водѣ Преосвященный молчалъ. А въ городѣ Устюгѣ былъ слѣдующій случай. Благочиннымъ градскихъ церквей при Преосвященномъ Иринархѣ былъ о. Димитрій Жуковъ, *) священникъ Димитріевской Дымковской церкви. Это былъ человѣкъ смѣлый и рѣзкій. И вотъ Преосвященный этотъ, ревизуя Дымковскую церковь, подошелъ къ конторкѣ старосты съ вопросомъ, гдѣ хранятся деньги свѣчныя и гдѣ кошельковыя? Староста отвѣчалъ, что они всѣ тутъ, вмѣстѣ.—Да развѣ это можно? обращается Преосвященный къ настоятелю и благочинному. А почему же нѣтъ? отвѣчаетъ ему о. благочинный. Вѣдь счетъ имъ ведется раздѣльный и, на-

*) Отецъ недавно умершаго прот. Устюжской Іоанновской ц. Александра Димитріевича Жуксва.

ходясь вмѣстѣ, они не дерутся,—заключилъ ревизуемый. Такой отвѣтъ конечно не могъ понравиться взыскательному Владыкѣ, почему о. Димитрій вскорѣ послѣ этого и былъ уволенъ отъ должности благочиннаго. И еще фактъ характера впрочемъ, уже легендарнаго, хотя и сообщенъ онъ былъ мнѣ однимъ изъ моихъ учителей Алексѣемъ Андреевичемъ Колпаковымъ, бывшимъ въ свитѣ этого Преосвященнаго въ качествѣ пѣвчаго. Возвращаясь изъ Устюга въ Вологду на третьей станціи, а именно Анисимовской, они не нашли готовыми лошадей. Лошади были на полѣ. Архіерей загорячился и, призвавъ подрядчика, сталъ не стѣсняясь на него покрикивать. Дерзкій мужикъ,—то былъ нѣкто, по прозвищу „Жабуля“, сталъ съ Архіереемъ спорить и между прочимъ замѣтилъ: „тебѣ, Святой Владыка, не подобаетъ кричать надо мной“. Владыка вспыхнулъ, схватилъ свою трость и давай угощать ею мужика, осмѣлившагося поучать своего архипастыря. Но кончилось будтобы тѣмъ, что когда Преосвященный пригрозилъ мужику тюрьмою, то этотъ послѣдній, стоя на колѣняхъ, умолялъ Владыку о прощеніи и конечно былъ прощенъ послѣ внушительнаго вразумленія архипастырскою тростію.

А о преосвященномъ Иннокентіи Борисовѣ, бывшемъ на Вологодской каѳедрѣ въ 1841 году только 9 мѣсяцевъ, по поводу столѣтія со дня его рожденія—15 декабря 1800—1900 года, я писалъ въ свое время слѣдующее. Преосвященный Иннокентій, будучи назначенъ епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ изъ викаріевъ Кіевскихъ, прибылъ въ Вологду въ маѣ 1841 года, а спустя два мѣсяца онъ уже путешествовалъ по епархіи, обозрѣвая города Кадниковъ, Тотьму, Устюгъ и Сольвычегодскъ, съ находившимися на пути церквами. Ѣхалъ онъ на лошадяхъ, взявши спутникомъ себѣ П. И. Савваитова, бывшаго тогда молодымъ профессоромъ Вологодской д. семинаріи. Во всѣхъ обозрѣваемыхъ городахъ преосвященный Иннокентій совершалъ литургійныя богослуженія въ соборахъ и монастыряхъ и вездѣ говорилъ свои блестящія проповѣди, извѣстныя подъ названіемъ словъ къ паствѣ Вологодской. Вся Россія, уже болѣе полувѣка читающая творенія знаменитаго проповѣдника, знаетъ, какое неотразимое впечатлѣніе получается даже при чтеніи ихъ. Не мало писано было уже и о той необычайной силѣ, какую обнаруживало его вдохновенное, живое слово, и поражая и умиляя, и до глубины души трогая сердца слушателей. Но вотъ и еще два случая. Покойный протоіерей Устюжскаго Успенскаго,

собора о. Димитрій Іоанновичъ Рохлецовъ, бывшій въ 1841 году ученикомъ 4 кл. Тотемскаго д. училища и въ свое время, именно въ 1849—1850 учебномъ году, моимъ учителемъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе слышать двѣ проповѣди, сказанныя преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Тотьмѣ,—одну въ Спасо-сумориномъ монастырѣ, и другую въ церкви близъ Тотьмы на солеваренномъ заводѣ. И эти проповѣди, поразившія юнаго слушателя, такъ глубоко запали въ его душу, что онъ помнилъ ихъ почти буквально до самой смерти и находилъ, что въ печати оба слова значительно сокращены. А покойный преподаватель Вологодской д. семинаріи Алексій Никитичъ Хергозерскій, слышавшій въ Вологдѣ слово преосвященнаго Иннокентія на тему: „Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ“, —сообщалъ между прочимъ своимъ ученикамъ на урокѣ Священнаго писанія слѣдующее. Когда, послѣ поставленной темы, раздались слова проповѣдника: „Слышали-ли, вы братіе, громъ? — Видѣли-ли молнію?“—послѣдовало всеобщее недоумѣніе. День былъ солнечный. Въ храмѣ воцарилась необычайная тишина и ожиданіе. Проповѣдникъ молчалъ нѣсколько мгновеній. Но когда вдохновенный витія сказалъ, что „этотъ громъ прогремѣлъ здѣсь, молнія блеснула у насъ надъ головами...“, почувствовалось такъ жутко, что морозъ пошелъ по тѣлу.—„И я, грѣшный, добавлялъ Алексій Никитичъ, стоялъ уже до конца проповѣди ни живой, ни мертвый“.

Изъ поѣздки преосвященнаго Иннокентія по Вологодской епархіи приходятъ также мнѣ на память два обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ первомъ благочинническомъ округѣ Устюжскаго уѣзда, гдѣ я родился, священствовалъ $24^1/_2$ года и наконецъ больше 4 лѣтъ былъ благочиннымъ. Обстоятельства эти были разсказаны мнѣ однимъ изъ моихъ предшественниковъ по должности Е—го священника и окружнаго благочиннаго е. Іоанномъ Варѳоломеевичемъ Дроздовымъ, въ 1841 году бывшимъ уже благочиннымъ. Священствовалъ о. Іоаннъ на Опокѣ и прибылъ для встрѣчи Епископа на границу своего округа къ Городищенской Богоявленской церкви. Особеннаго при этой церкви ничего не случилось, по крайней мѣрѣ ничего мнѣ не передано. Но проѣхавъ по округу 47 верстъ почтовымъ трактомъ въ направленіи Вологда—Устюгъ, преосвященный Иннокентій долженъ былъ обозрѣть Боброво-Николаевскую церковь, находящуюся на разстояніи $^1/_4$ версты отъ дороги на пригоркѣ за рѣчкой Бобров-

кой. Порядочной тѣлежной дороги съ тракта къ этой церкви тогда не было, какъ нѣтъ ее и нынѣ. И епископы какъ тогда, такъ и потомъ и нынѣ обыкновенно отправляются къ церкви изъ деревни Угла пѣшкомъ, переходя за рѣчку по перекинутой черезъ нее толстой и широкой плахѣ, или доскѣ, называемой „лавой“. Такъ направился сюда и Преосвященный Иннокентій, сопутствуемый благочиннымъ, свитою и народомъ. День склонялся къ вечеру. На колокольнѣ церковной уже звонятъ. Священникомъ въ Бобровой былъ тогда о. Серапіонъ Измайловъ, человѣкъ молодой и не всегда, или не достаточно трезвый. Поднявшись, вмѣстѣ съ преосвященнымъ на погостъ, смотрю, говоритъ о. Іоаннъ Дроздовъ, священникъ вышелъ на встрѣчу Владыкѣ съ крестомъ на блюдѣ, облачившись въ ризу, но безъ епитрахили. Отъ изумленія и страха (что будетъ?) смутился я очень, но дѣлать было нечего. А Преосвященный уже видитъ все и говоритъ тихо: какого поведенія священникъ? Отвѣчаю: служитъ еще мало, поведеніе еще не выяснилось, кромѣ разсѣянности, объясняемой робостію.—А водку пьетъ?—Пьетъ. „Худо“, отозвался Владыка, говоря все еще тихо. По входѣ же въ церковь о. Измайлову приказано было снять и ризу. Въ ужасѣ припалъ къ ногамъ преосвященнаго о. Серапіонъ, когда замѣтилъ, что онъ былъ въ ризѣ и безъ епитрахили, испрашивая милости и... былъ прощенъ. Не заходя однако въ домъ священника, преосвященный Иннокентій поѣхалъ далѣе по Устюжскому тракту. Церквей на пути близко не было. Ночевать приходилось на Востровской почтовой станціи, гдѣ оказалась масса непріятныхъ насѣкомыхъ. Бывшій тогда головою Востровской волости, умный и распорядительный крестьянинъ деревни Угла Боброво-Николаевскаго прихода Евѳимъ Гавриловичъ Переваловъ пригласилъ Владыку ночевать въ волостное правленіе, находившееся тогда въ полуверстѣ отъ станціи. Владыка согласился и приказалъ приготовить свѣжаго сѣна побольше, чтобы устроить на немъ импровизованную, походную постель. Здѣсь же собрано было и духовенство отъ ближайшихъ церквей Сученгской Воскресенской, Сученгской Архангельской, Бобровской Воскресенской и Дмитріево-Наволоцкой Георгіевской. Закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, передъ отходомъ ко сну преосвященный Иннокентій пожелалъ прочитать вечернія молитвы и спросилъ благочиннаго, есть-ли канонникъ. Канонника не оказалось. Тогда имъ приказано было узнать, не прочитаетъ-ли кто изъ священниковъ

вечернихъ молитвъ на память. Въ числѣ другихъ былъ здѣсь и. о. Димитрій Іоанновичъ Поповъ, священникъ Суценгской Архангельской церкви, человѣкъ безъ школьнаго образованія, но съ феноменальною памятью. У него тогда было непріятное дѣло по жалобѣ на него прихожанъ. Теперь онъ и ожидалъ отъ новаго епископа того или другого по нему рѣшенія. Благочинный зналъ, что никто изъ священниковъ, равно какъ и самъ онъ, не въ силахъ прочитать для Владыки всѣ вечернія молитвы на память. Не надѣялся онъ и на о. Димитрія, однако же спросилъ его, не прочитаетъ ли онъ для Епископа вечернихъ молитвъ безъ книги, на память. А вотъ подумаю, отвѣчалъ о. Димитрій, подождите немного. Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ заявилъ: докладывайте, читать рѣшаюсь. Вотъ и хорошо, отозвался преосвященный, когда благочинный доложилъ ему, что такой то священникъ надѣется прочитать молитвы на память. Присылайте сюда его. Благословивъ о. Димитрія и сдѣлавъ обычное начало, Владыка погрузился въ молитву, слушая смѣлаго чтеца—іерея, и о. Димитрій, поставленный нѣсколько къ одной сторонѣ передъ св. иконами, началъ читать вечернія молитвы сперва съ нѣкоторымъ волненіемъ, скоро успокоился и, потомъ самъ проникшись молитвою, прочелъ ихъ съ начала до конца всѣ спокойно, твердо, безошибочно. Поблагодаривъ за трудъ, Преосвященный отпустилъ его съ миромъ до завтра. На слѣдующій день раннимъ утромъ Владыка былъ уже на ногахъ, разсматривалъ документы и принималъ духовенство. А жалобу Суценгскихъ прихожанъ на своего священника о. Димитрія, прочитавшаго для Епископа вечернія молитвы на память, преосвященный Иннокентій такъ и оставилъ безъ послѣдствій.

Въ одной верстѣ отъ деревни Востраго, по направленію къ Устюгу, впадаетъ въ Сухону, текущую здѣсь рядомъ съ почтовымъ трактомъ, съ правой стороны небольшой ручей Нарега, лежемъ котораго и поднимается почтовый трактъ въ гору, образуя большую излучину. А прямо по гребню горы давнымъ давно затоптана пѣшеходами извилистая тропинка, существующая и донынѣ. Замѣтивъ ее и узнавъ, что сокращеннымъ путемъ она приводитъ пѣшехода на большую дорогу, преосвященный Иннокентій со своими спутниками быстро пошелъ пѣшкомъ по этой дорожкѣ. Вотъ онѣ уже и на горѣ. А гора эта высотою не менѣе 30-ти саженъ, по направленію къ Сухонѣ почти отвѣсна. Подъ нею течетъ р. Сухона. А за ней, на противоположномъ

низменномъ берегу, село „Ворщевикъ", погостъ, и церковь (Сученская). А тутъ лужокъ, поля, лѣса и вдали горы и горы, Сухонскія горы. Отсюда открывается одинъ изъ тѣхъ оригинальныхъ, восхитительныхъ видовъ, которые только и можно найти и видѣть въ низовьяхъ Сухоны. Долго стоялъ здѣсь Преосвященный Иннокентій, любуясь такъ неожиданно открывшимся передъ нимъ оригинальнымъ ландшафтомъ. Наконецъ, благословивъ жилища и нивы зарѣчнаго населенія, поѣхалъ дальше. На слѣдующей станціи отъ деревни Тозьмы до Анисимова—Преосвященный также выходилъ изъ кареты, чтобы полюбоваться видомъ на Опоку, съ ея отвѣсными высокими скалами и церковію, стоящею на лѣвомъ берегу рѣки Сухоны. Замѣтивъ здѣсь крутой поворотъ ея, начинающійся съ самаго погоста, Владыка спросилъ покойнаго о. Іоанна, не угрожаетъ ли рѣка церкви, подмывая берегъ. Отвѣтъ данъ былъ отрицательный,—и справедливо. Церковь до сего дня стоитъ благополучно на томъ же самомъ мѣстѣ.

При церквахъ Стрѣленской Богоявленской и Луженгской Николаевской, находившихся на пути слѣдованія преосвященнаго Иннокентія въ нѣкоторомъ лишь отъ него отдаленіи (первая въ 2-хъ, а послѣдняя въ 3-хъ верстахъ отъ тракта), онъ не былъ. Это, по замѣчанію о. Іоанна Дроздова, объясняется тѣмъ, что того же дня Владыкѣ хотѣлось пріѣхать въ Устюгъ, а дороги въ Стрѣльну и въ Луженьгу были весьма не хороши. Однако какъ ни спѣшилъ въ Устюгъ преосвященный Иннокентій, только позднимъ вечеромъ представители Устюжскаго духовенства, протоіереи Успенскаго собора Николай Румовскій и Прокопіевскаго собора Николай Баснстовъ, встрѣтили его близъ деревни Поникарова, гдѣ тогда была послѣдняя передъ Устюгомъ почтовая станція, въ 20 верстахъ отъ него. Не одинъ день ждали здѣсь своего новаго, но и тогда уже славнаго Епископа Иннокентія о. о. протоіереи Румовскій и Басистовъ, прохаживаясь время отъ времени по большой дорогѣ около Поникарова въ однихъ подрясникахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что деревня Поникарово расположена хотя и на горѣ, но сравнительно не высокой. Подъ нею по направленію къ Вологдѣ, течетъ рѣчка Поникаровка. А отсюда и тянется, на разстояніи полуверсты, подъемъ дороги на высокую гору. На эту-то гору и шли о. о. протоіереи въ однихъ подрясничкахъ, ничего вдали не видя и не слыша, какъ вдругъ съ вершины ея показалась каре-

та и изъ нея вышелъ тотъ, кого они такъ долго и заботливо ждали и такъ оригинально и печально встрѣтили.

Но объ этомъ случаѣ уже извѣстно въ печати, благодаря трудамъ извѣстнаго Вологодскаго историка-археолога Н. Ив. Суворова, печатавшимся въ свое время въ Вологодскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

На этомъ и позвольте мнѣ, благосклонный читатель, закончить свои длинныя, не послѣдовательныя, безъ точныхъ хронологическихъ датъ, плохо изложенныя воспоминанія. Сознаю недостатки и прошу снисхожденія. Задача издали казалась мнѣ простою и не сложною. Мнѣ хотѣлось, по непосредственнымъ и частію посредственнымъ наблюденіямъ, оставить потомству сказаніе о томъ, какъ жили наши предки около половины прошлаго вѣка, нѣсколько раньше и позже, приблизительно до 1890 г. Мнѣ хотѣлось разсказать, какъ воспитывались и учились дѣти духовенства нашего времени, какъ начали жить и служить люди нашего времени, охарактеризовать ихъ взаимныя и частныя отношенія къ паствѣ и къ начальству и обратныя отношенія паствы и начальства къ духовенству. Записокъ у меня не было. Документальными справками я не задавался, а воспроизводилъ, и заносилъ на бумагу только то и такъ, что и какъ сохранилось въ моей поглубокой памяти. Весьма возможно, что, при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, авторъ воспоминаній могъ впадать и въ погрѣшности въ мелкихъ описаніяхъ. Почему онъ будетъ только благодаренъ тѣмъ людямъ, которые владѣютъ болѣе основательными свѣдѣніями и позаботятся исправить мои ошибки невольныя. Говорю—невольныя—потому, что намѣренно искажать правду, какова бы ни была она, я не хотѣлъ и не хочу. Что касается непослѣдовательности и неровности языка и изложенія, то первая объясняется отсутствіемъ строго выработанной программы, при охватившихъ меня со всѣхъ сторонъ воспоминаніяхъ, чего и самъ я не подозрѣвалъ, а послѣдній недостатокъ уже давно мнѣ присущій,—какъ умѣю, такъ и пишу,—и объясняется неодинаковымъ душевнымъ настроеніемъ, при продолжительной умственной работѣ человѣка къ ней не подготовленнаго соотвѣтственными упражненіями.

Дальнѣйшимъ побужденіемъ взяться старою рукою за перо скромнаго бытописателя была еще одна мысль, которую и не хочу скрывать передъ моими долготерпѣливыми читателями. Это не самохвальство; нѣтъ, хотя подозрительные люди, думаю, мо-

гутъ обвинять меня въ немъ, потому что я не стѣснялся говорить правду и о себѣ, какъ лицѣ постороннемъ, полагая, что лучше говорить правду, чѣмъ искажать истину, по лицемѣрному смиренію. Моя побудительная мысль была слѣдующая. По теоріи я давно зналъ и на опытѣ видалъ, какъ Господь, незримо руководя нашею жизнію съ ея скорбями и радостями, учитъ насъ дѣлать добро, укрѣпляетъ въ насъ вѣру и такимъ образомъ пастырей и паству любвеобильно и мудро воспитываетъ для царства небеснаго. Такія водительства Промысла Божія въ собственной жизни, въ жизни моихъ родителей и другихъ извѣстныхъ мнѣ вѣрующихъ людей не видѣть я не могъ. И видѣлъ и вѣровалъ, и свидѣтельствую о немъ. А такое свидѣтельство, основанное на личномъ, непосредственномъ опытѣ и внимательномъ наблюденіи мнѣ кажется не лишеннымъ значенія. Вопросъ только въ томъ насколько успѣшно удалось мнѣ выполнить принятую на себя задачу Но рѣшеніе этого, конечно интереснаго, вопроса принадлежитъ уже не причетническому сыну. Охотно отдаю мой трудъ на благосклонное разсмотрѣніе ваше, мои любезные читатели, и жду отъ васъ суда праваго и милостиваго, хотя бы потому, что вы имѣли терпѣніе пройти, по моимъ воспоминаніямъ, всю почти мою жизнь, познакомиться со мною съ различныхъ сторонъ и въ разное время. И не со мною однимъ и знакомились вы, а и съ другими многими лицами, изъ людей нашего времени,—отъ простыхъ русскихъ людей—мужчины и женщины до епископовъ и губернаторовъ. Передъ вашимъ вниманіемъ, какъ въ панорамѣ промелькнули и ученики и учители и начальники духовной школы низшей и средней, причетники, діаконы, священники въ простыхъ, безъискуственныхъ очеркахъ. Долго вы были со мною. Настала минута проститься. Но что скажу я на прощаньѣ—до свиданія, или прощайте?... И это не въ моей, а въ Божіей власти. Прошу объ одномъ.—Не помините меня „лихомъ!“

Кончаю тѣмъ, чѣмъ началъ, т. е. глубоко-поучительными словами св. отца нашего Іоанна Златоустаго: „слава Богу за все“.

Членъ 3-ей Государств. Думы Лальскій протоіерей
Алексій Поповъ.

20 марта 1911 года.
С.-Петербургъ.

Замѣченныя опечатки.

Стран. 2, строка 9 снизу послѣ слова рѣчка надо вставить названіе рѣчки:—Сученьга.

Стр. 3, стр. 23 сверху—вмѣсто тто надо *это*.
стр. 31—вм. учитель надо *читатель*.

Стр. 10—15—вм. полезно надо покорно.

Стр. 11—29—послѣ слова тотъ, надо вставить *то*.

Стр. 27—17—вм. дѣтскій надо *Датскій*.

„ 37—7—вм. къ нимъ надо какимъ.

„ 40—8 снизу вм. объ надо *безъ*.

„ 69—7 сверху вм. Ивановичъ надо Лукичъ.

„ 95—6 св. вм. Николай надо Иванъ.

„ 97—3—вм. и хотя надо: хотя и.

„ 100—28 сверху вм. приходѣ надо переходѣ.

„ 101—19—вм. но надо *не*.

„ 104—7—вм. имя надо *время*.

„ 111—2—3 свер. вм. городѣ надо *соборъ*.

„ 112—2 снизу вм. входъ надо *садъ*.

„ 149—1 св. вм. подомъ надо *потомъ*.

„ 183—2 св. вм. сходахъ надо сборахъ.

„ 186—15 сн. вм. сырнаго надо *сборнаго*.

„ 187—8 сн. вм. пробовалъ надо требовалъ.

„ 203—7—вм. дорогѣ надо досугѣ.

„ 213—16 св. вм. приводилось надо проводникъ.

„ 221—5—вм. неслыханное надо неиспытанное.

„ 236—15 сн. вм. и думать надо *подумать*.

„ 244—18 сн. послѣ слова *могутъ* надо вставить *быть*.

Оглавленіе.

Гл. I. Домъ родителей.—Хозяйственная жизнь сельскаго духовенства первой половины XIX вѣка 1—13

Гл. II. Церковныя службы.—Приходскія „славы". Нѣкоторые случаи приходской жизни. Холера 1848 г. . . . . 13—29

Гл. III. Поступленіе въ Устюжское духовное училище въ 1849 г Классные уроки . . . 29—40

Гл. IV. Училищныя шалости; рекреаціи.—Ревизія училища архим. Ювеналіемъ Знаменскимъ.—Епископы Евлампій и Ѳеогностъ въ Устюгѣ . . . 40—48

Гл. V. Заработки во время ученья въ училищѣ. Случаи изъ путешествій на родину. Впечатлѣнія Крымской кампаніи; плѣнные турки въ Устюгѣ.—Поѣздка въ Вологду для поступленія въ семинарію 1856 г. . . . . 48—62

Гл. VI. Поступленіе въ семинарію. Видъ губернскаго города. Квартира.—Случай съ протодіакономъ Яблонскимъ . . . . . 62—76

Гл. VII. Сухонскія путешествія.—Матеріальныя затрудненія. Письмоводство въ семинарскомъ правленіи. П. М. Воздевъ.—П. М. Добряковъ . . 76—90

Гл. VIII. Какъ ректоръ управлялъ семинаріей. Экономъ іеромонахъ Виталій.—Что ученики читали?—Заведеніе ученической библіотеки 1861 г.—Педагогическіе курьезы. Инспекторъ Григорій Воиновъ.—Ревизія семинаріи архим. Сергіемъ Ляпидевскимъ. Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 г. Бурсацкая жизнь. Вологодскій поэтъ Сиротинъ . . 90—120

Гл. IX. Протодіаконы: Кикинъ, Яблонскій, Образцовъ. Діаконъ Неонъ. Регентъ—капелланъ Д. А. Неклюдовъ. Протоіерей В. И. Нордовъ и др. проповѣдники въ Вологдѣ. Учителя. Товарищи: П. В. Кокшаровъ, П. В. Богословскій и др. 1862 годъ 120—145

Гл. X. Обыскъ въ семинаріи 16 іюля 1862 г. Е. И. Рукинъ, А. И. Румянцевъ. Полковникъ Зоринъ. Свящ. А. Я. Поповъ. Я. А. Соколовъ. Донесеніе ректора Моск. Д. Академіи оберъ-прокурору Св. Синода Ахматову. Какъ работала въ Вологдѣ семинарская молодежь надъ своимъ развитіемъ?—Возвращеніе на родину по окончаніи курса. Сватовство. Исканіе мѣста службы. Посвященіе во іерея 17 февраля 1863 года . . . . . 145—172

Гл. XI. Пріѣздъ въ село Ерогодское. Церковная бѣдность.—Доходы причта.—Бесѣды съ прихожанами о благоустройствѣ церковномъ.—Устройство школы.—Разборка стараго храма; колокольня. Закладка новаго храма. Поднятіе шпиля на колокольню —М. А. Теналовскій . . . . . 172—199

Гл. XII. Сборъ льна и яицъ по приходу.—Вразумленіе паствы.—Свящ. А. І. Невѣнскій и Ѳ. І. Поповъ.—Приходская жизнь.—Марья Львовна Ермолина.—Жалоба прихожанъ Епископу.—Первые опыты проповѣдничества.—Случай съ епископомъ Израилемъ (Никулицкимъ). Внѣбогослужебныя бесѣды 199—230

Гл. XIII. Духовные слѣдователи.—Хозяйственные труды.—Случаи милости Божіей.—Объѣздъ Епископомъ Христофоромъ Эммаусскимъ Устюжскаго округа.—Новый благочинный о. Г. Старостинъ.—Епископы Павелъ Доброхотовъ и Палладій (Раевъ). Клевета на прот. В. Нордова.—Описаніе архіерейскихъ объѣздовъ . . . . . 230—263

Гл. XIV. Стефанъ Семеновичъ Поповъ (Степапроказъ) и епископъ Палладій.—Ѳеодосій Марковскій и епископъ Ѳеодосій Шаповаленко.—Какъ сельское духовенство проводило праздники. 1877-й годъ.—Кратковременная служба въ Устюжскомъ соборѣ.—Турецкая война.—Назначеніе благочиннымъ.—Окружная библіотека . . . . . 263—292

Гл. XV. Столкновеніе съ гражд. начальствомъ; становой приставъ Голубевъ.—Сопутствованія епископу Ѳеодосію.—Воспоминаніе объ Епископѣ Израилѣ; интересные случаи во время его объѣздовъ епархіи.

Доброта этого Епископа.—Встрѣча въ 1885 году В. Кн. Владиміра Александровича.—Два 50-лѣтнихъ юбилея . . . . . 292—321

Гл. XVI. Переходъ въ 1887 году на службу въ Лальскій соборъ.—Прощаніе съ Ергой.—О Лальскѣ. Кончина Епископа Израиля.—Кончина матери.—Прибавленіе о Епископахъ Иринархѣ (Поповѣ) и Иннокентіи (Борисовѣ).—Заключительное слово къ читателю . . . . . 321—344

Библиотека ООН